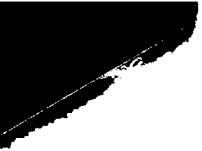

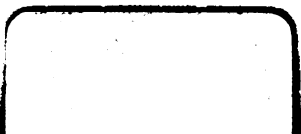
100

UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

100

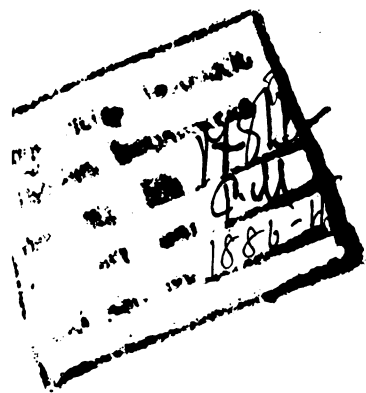
UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

RUSSKAYA MYSL'
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНИГА VI

МОСКВА.

1886.

Редакція и главная контора: Леонтьевскій, 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

**Въ Москвѣ—при вонт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговля
линіи, и при книжн. магазинѣ А. А. Карцева, Фуркасовскій
пер., д. Обидиной.**

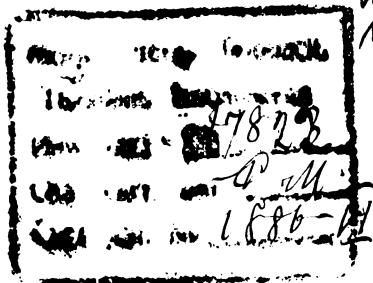
Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Б°.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

AP 50
R 875
V. 7:6
MA 11

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
А. Н. ОСТРОВСКІЙ †.	
I. НА УЛИЦЪ. Романъ. Часть II, гл. VII—X. <i>Продолженіе.</i> — Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Кн. Д. Н. Цертелева.	33
III. СЛЪПНЫЕ И ЗРЯЧІЕ. (Изъ деревенской хроники). — Н. М. Астырева	35
IV. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. Повѣсть. Гл. XVI—XXII. <i>Оконча-</i> <i>ніе.</i> —А. И. Эртеля.	54
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Е. Ѳ. Кони.	114
VI. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. XV. <i>Продолженіе.</i> —В. И. Семева.	115
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова.	152
VIII. БЛИТІЯ. Историческая повѣсть изъ временъ реформаци. Тей- лора (проф. Гаусрата). Переводъ съ нѣмецкаго. В. Р. Гл. XXIV—XXVIII. <i>Окончаніе</i>	153
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ф. П—ва.	186
X. РОМАНЪ ХОРОШАГО ЧЕЛОВѢКА. Эдмонда Абу. Переводъ съ французскаго. Гл. XIV и XV. <i>Окончаніе</i>	187
XI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Ларка	216
XII. ИЗЪ ИСТОРИИ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ. <i>Окончаніе.</i> —И. И. Дитятина.	1
XIII. ВИНОДѢЛІЕ НА КАВКАЗѢ. (Экономическій очеркъ.) — П. В. Дзюбенко	19
XIV. ЗЕМСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО САРАТОВ- СКОЙ ГУБЕРНИИ. <i>Окончаніе.</i> —В. Н. Григорьева	49

852156

	<i>Стр.</i>
XV. СМУТНОЕ ВРЕМЯ АНАБАПТИЗМА. Гл. XI и XII. <i>Окончание.</i> —А. Михайлова (А. К. Шеллера)	57
XVI. ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ. (Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Сергѣевичъ.)—П. Н. Милокова	80
XVII. ВОСПОМИНАНІЯ О ДЖОРЖЪ ЭЛЛОТЪ.—С. Новалевской.	93
XVIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Сельское хозяйство. — А. Θ. Фортунатова	109
XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Итоги истекшаго музыкальнаго сезона въ Москвѣ.—К.	131
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Полемика о значеніи «большинства» въ государственномъ совѣтѣ.—Окончательныя свѣдѣнія о сокращеніи числа питейныхъ продажъ.—Застой и пониженіе банковаго процента по вкладамъ.—Возвышеніе пошлины на мѣдь.—Новая пятипроцентная рента.—Конверсія 7-го займа.—Причины разстройства финансовъ.—Ликвидация саратовско-симбирскаго земельного банка.—Общее собраніе заемщиковъ взаимнаго поземельнаго кредита.—Дѣло о безпорядкахъ на Никольской мануфактурѣ.—Прекращеніе приѣма на высшіе женскіе курсы.—О тотализаторахъ	150
XXI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. V.—Н. В. Шелгунова	125
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Публицистика.—Исторія.—Политическая экономія.—Языковѣдѣніе.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Педагогика, учебники и дѣтскія книги.—Книги для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май.—«Русскій Вѣстникъ», мартъ, апрѣль и май. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ	1

А. Н. Островскій †.

2 іюня неожиданно, отъ разрыва сердца, скончался, на шестьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія, знаменитый драматическій писатель Александръ Николаевичъ Островскій. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ 1847 году и не прерывалась въ теченіе почти сорока лѣтъ. Въ послѣднее время Александръ Николаевичъ былъ занятъ переводомъ *Антонія и Клеопатры*.

Славу Островскаго составили комедіи и драмы изъ купеческаго быта, который былъ ему знакомъ превосходно. Эти пьесы, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, приобрѣли важное общественное значеніе. Добролюбовъ посвятилъ ихъ истолкованію съ послѣдней точки зрѣнія обширныя и блестящія статьи, которыя оказали плодотворное вліяніе на внутреннюю жизнь *Темнаго царства*.

Комедіи и драмы Островскаго исполнялись и долго еще будутъ исполняться на всѣхъ русскихъ театрахъ. Благодаря Александру Николаевичу, наша сцена получила такія полныя художественной правды произведенія, какъ *Свои люди сочтемся*, *Видная невеста*, *Видность не порокъ*, *Гроза* и нѣкоторыя другія. Покойнаго долго и сильно занимала мысль объ основаніи въ Москвѣ народнаго театра, но эту мысль ему не привелось осуществить.

Съ нынѣшняго года Александръ Николаевичъ былъ

назначенъ завѣдывать художественною частью Императорскихъ московскихъ театровъ.

Въ исторіи русской литературы за покойнымъ Островскимъ всѣми признается важное мѣсто и критика единодушно рѣшила, что онъ является у насъ самымъ даровитымъ и вліятельнымъ послѣ Гоголя драматическимъ писателемъ.

НА УЛИЦѢ *).

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Покатиловская газета своимъ появленіемъ была обязана ловкому содѣйствію Нилушки Чвокова, который счумѣлъ затянуть въ это дѣло Теплоухова помимо Сусанны. Все дѣло было сдѣлано въ теченіе одного часа въ собственномъ домѣ Теплоухова, гдѣ были назначены переговоры. Въ громадномъ мрачномъ кабинетѣ, походившемъ на королевскую усыпальницу, сидѣли всего трое: Покатиловъ, Чвоковъ и Теплоуховъ.

— Газета въ нашихъ интересахъ, Евстафій Платонычъ, — распинался Нилушка предъ молчавшимъ магнатомъ. — Намъ безъ того печатное слово обходится не дешево, а тутъ будетъ взаимная услуга, и только.

Послѣ Нилушки говорилъ Покатиловъ, подробно рисуя всю картину сложнаго газетнаго дѣла. Теплоуховъ слушалъ и Нилушку, и будущаго редактора молча и въ теченіе всего визита выговорилъ одно слово:

— Хорошо.

Это коротенькое словечко стоило ровно сто тысячъ, потому что Теплоуховъ сейчасъ же выдалъ Покатилову свой чекъ на эту сумму.

— Это дьяволъ, а не человѣкъ, — говорилъ Покатиловъ, когда они возвращались съ Нилушкой къ Борелю. — Я никогда въ жизни своей не чувствовалъ себя такъ скверно... Какое-то осо-

*) Русская Мысль, кн. V.

бннное подлое чувство, точно что-то воруюсь. Ей-Богу... «Хорошо». Если можно раздавить человекѣ, такъ этимъ именно способомъ: точно камнемъ придавилъ. Нѣтъ, это дьяволъ, и я повѣсилъ бы, если бы остался съ нимъ съ глазу на глазъ двое сутокъ.

И такъ, своя газета. Эта мысль сводила съ ума Покатилова и онъ часто думалъ, дѣйствительно ли это такъ? Но эти сомнѣнія исчезали предъ лучезарнымъ свѣтомъ небольшого лоскутка сѣрой бумаги, на которой Теплоуховъ черкнулъ свое имя. Да, сто тысячъ! сто тысячъ! Изъ этихъ денегъ Покатиловъ сдѣлаетъ миллионъ, а, прежде всего, разсчитается съ Теплоуховымъ изъ копѣйки въ копѣйку. Передъ Покатиловымъ живьемъ вставала картина, когда онъ привезетъ Теплоухову послѣдній долгъ и какъ Теплоуховъ равнодушно сунетъ деньги въ свой письменный столъ и скажетъ свое одно слово: «Хорошо». Можетъ быть, и этого не скажетъ, а только кивнетъ головой... А чортъ съ нимъ!... Главное, все дѣло обошлось безъ содѣйствія Сусанны, слѣдовательно, Покатиловъ могъ считать свою совѣсть чистой.

Первымъ дѣломъ послѣ рѣшенія денежнаго вопроса нужно было развязаться съ *Искорками*. Когда Покатиловъ входилъ въ редакцію этой уличной газетки, на него напало какое-то чувство омерзѣнія: онъ, Покатиловъ, могъ работать въ этой газетной дырѣ?... Брикабракъ сидѣлъ на своемъ редакторскомъ мѣстѣ и встрѣтилъ фельетониста довольно холодно, что чуть-чуть не размѣшило Покатилова до слезъ.

— Ну, что мы дадимъ въ будущее воскресенье?—дѣловымъ тономъ заговорилъ Брикабракъ.

— Въ будущее воскресенье? Семень Гаврилычъ, мнѣ нужно давно сказать вамъ одну вещь: если вы мнѣ не уступите театральную хроникъ, я вынужденъ буду отказаться отъ чести работать въ *Искоркахъ*.

Для чего выкинулъ эту штуку Покатиловъ, онъ самъ не могъ себѣ объяснить, кромѣ развѣ того, чтобы посмотрѣть, какъ Брикабракъ съ важностью дипломата откажетъ ему. Такъ и случилось. Семень Гаврилычъ поднялъ свои жирныя плечи и хрипло проговорилъ:

— Бѣ сожалѣнью, я не могу, Романъ Ипполитовичъ. Вы знаете мой характеръ, а для журналиста характеръ прежде всего.

— Значитъ, мнѣ тоже остается пожалѣть... и проститься съ вами,—отвѣтилъ Покатиловъ съ комическимъ достоинствомъ.

Оглянувъ въ послѣдній разъ кабинетъ редакціи, Покатиловъ церемонно раскланялся съ недоумѣвавшимъ Брикабракомъ и вышелъ. Вотъ и контора редакціи, и секретарскій столъ, и мѣдная рѣшетка, за которой сидѣлъ лысый старичекъ-кассиръ, точно обезьяна въ клеткѣ. Покатилову вдругъ сдѣлалось какъ-то жаль наситеннаго угла, а потомъ онъ даже покраснѣлъ за свою мальчишескую выходку съ Брикабракомъ. Что же, глупъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, но собственно не злой человѣкъ. Нужно вернуться и пожать руку на прощаньи. Это естественное душевное движеніе было заглушено чувствомъ ложнаго стыда и Покатиловъ, надвинувъ глубже шапку на голову, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Э, все равно,—проговорилъ онъ вслухъ и даже махнулъ рукой.

Пока составъ новой редакціи былъ очень ограниченъ: Покатиловъ завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ, Чвоковъ по части экономическихъ статей, капитанъ Пуховъ былъ возведенъ въ чинъ хроникера, а Бодяга временно исправлялъ должность секретаря.

— А какой же у меня будетъ чинъ?—спрашивалъ Чвоковъ у Покатилова.—Надо же какое-нибудь названіе: хранитель тайной печати, мандаринъ второй степени съ павлиньимъ перомъ и двумя шариками.

— Можно и чинъ,—соглашался Покатиловъ.—Ты у насъ будешь протодьякономъ. Доволенъ?

— Что же, чинъ изрядный!—смился Нилуника.

Между прочимъ, встрѣтивъ Симона Денисыча на улицѣ, Покатиловъ предложилъ ему мѣсто завѣдывающаго внутреннимъ отдѣломъ. Старикъ даже растерялся отъ пріятной неожиданности, и Покатилову сдѣлалось его жаль.

— Я могу... буду стараться,—бормоталъ Мостовъ, вѣжливо пожимая руку зятя.—Мнѣ, знаете, до смерти надоѣло шататься по Петербургу безъ всякаго дѣла... Конечно, Балерія будетъ недовольна, но, вѣдь, знаете, женщина... Ей трудно освоиться съ новыми взглядами. Какъ хотите, жизнь постепенно обгоняетъ каждаго и каждый остается, въ концѣ-концовъ, за флагомъ. Вѣдь, и капитанъ будетъ у васъ?

— О, да... Онъ будетъ вести хронику.

— Вотъ и отлично. Мы вмѣстѣ. А я буду стараться.

— Извините, мнѣ некогда,—проговорилъ Покатиловъ, прощаясь.—У меня бездна дѣла.

— Понимаю, все понимаю. Такъ мы ужь съ капитаномъ.

У Покатилова дѣйствительно голова шла кругомъ отъ массы навалившихся на его плечи заботъ и, главное, вездѣ нужно было поспѣть самому. До перваго января оставался какой-нибудь мѣсяцъ и въ этотъ короткій срокъ нужно было организовать новую редакцію, найти квартиру, заключить контракты съ типографіей, бумажнымъ фабрикантомъ и такъ далѣе, безъ конца. По одному и тому же дѣлу приходилось ѣздить десять разъ, нѣкоторыя, очень простыя издѣлія операціи вблизи оказались сложными, многое пришлось отложить до болѣе удобнаго момента, вообще день казался Покатилову короткимъ. Это была первая трудовая суета въ покатиловской жизни, и онъ отдался ей всею душой. Вѣдь, это и была настоящая жизнь, полная захватывающаго интереса. Покатиловъ чувствовалъ въ себѣ приливъ необыкновенной энергіи. Желая отдохнуть отъ этой дѣловой горячки, Покатиловъ обыкновенно отправлялся къ Доганскимъ.

Странное дѣло! Когда завѣтная цѣль была достигнута, Покатиловъ вдругъ почувствовалъ какую-то странную пустоту, и это чувство особенно преслѣдовало его въ обществѣ Сусанны. Ему чего-то не доставало. Покатиловъ наблюдалъ за Сусанной и упорно подыскивалъ доказательства, что она перемѣнилась къ нему. Да, ему это казалось, и онъ даже придирался къ разнымъ мелочамъ.

— Что съ вами, Романъ Ипполитычъ? — удивлялась иногда Догайская. — Вы совсѣмъ не въ своей тарелкѣ себя чувствуете.

— Да, вѣрно. Мнѣ кажется, Сусанна Антоновна, что съ самаго момента моего несчастнаго редакторства вы измѣнились ко мнѣ...

— Вотъ это мило!... Я измѣнилъ с...?... И не думала, вы для меня всегда одинъ и тотъ же. Вообще я, кажется, не подавала вамъ повода на подобныя претензіи.

— Совершенно вѣрно... Простите. Да, я безумецъ, и смѣшно думать, что вы могли бы когда-нибудь измѣниться по отношенію ко мнѣ: вамъ все равно. О, я понимаю!.. Но, вѣдь, этотъ безумецъ, Сусанна Антоновна, по каплѣ готовъ отдать за васъ свою жизнь и ничего не требуетъ, кромѣ того, чтобы ему, какъ милость, позволили только дышать время отъ времени однимъ воздухомъ съ вами.

— Скажите пожалуйста, м-г Покатиловъ, кто далъ вамъ право говорить такимъ тономъ со мной? Я могу только пожа-

лѣтъ, что нѣкоторыя положенія дѣлають умныхъ людей глупцами. Извините меня за откровенность, но я хотѣла бы уважать васъ попрежнему, и только.

— И только,—повторялъ Покатиловъ.— Да, и только. Этимъ все сказано... Я этого ожидалъ.

Покатиловъ посмотрѣлъ на Доганскую помутившимися глазами, улыбнулся кривою конвульсивною улыбкой, повернулся и, не простившись, пошелъ къ двери. Доганская съ улыбкой провожала его до самаго порога, но онъ не оглядывался, и она проговорила:

— М-г Покатиловъ, вернитесь.

Покатиловъ остановился въ дверяхъ и не трогался съ мѣста.

— Я приказываю вамъ вернуться... слышите?

— Зачѣмъ?—глухо спросилъ Покатиловъ, дѣлая нерѣшительный шагъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно,—отвѣтила Доганская и указала ему на стулъ противъ себя.— Садитесь и поговоримте. Разъ и навсегда нужно устранить нѣкоторыя недоразумѣнія.

Въ этой комнатѣ происходилъ тогда роковой разговоръ о газетѣ, и Покатиловъ съ страшнымъ чувствомъ жгучей боли думалъ, что теперь конецъ всему и что онъ больше не вернется въ эту комнату. Всему конецъ. У него кружилась голова отъ этой мысли.

— Я васъ уважаю какъ умнаго человѣка, — сдержанно заговорила Доганская, — но никогда не могла бы полюбить... Я позволяю себѣ эту откровенность, какъ оскорбленная вами женщина. Мнѣ, во всякомъ случаѣ, тяжело говорить все это, хотя я къ вамъ лично ни ненависти, ни особенной вѣжности не питаю. Равнодушіе не обидно ни для кого. Но вамъ угодно было отнестись ко мнѣ иначе и этимъ... этимъ безуміемъ вы губите только что начатое дѣло, губите наше общее дѣло. Можетъ быть, я виновата тѣмъ, что отнеслась къ вамъ съ первой нашей встрѣчи какъ къ брату, съ довѣріемъ, которое вы перетолковали по своему. Могу вамъ сказать только одно: я слишкомъ устала жить... мнѣ все надоѣло... я сама себѣ въ тягость.

— Простите меня,—тихо проговорилъ Покатиловъ, протягивая руку.

— О, я не сержусь на васъ, останемтесь, попрежнему, друзьями,—отвѣтила она, подавая обѣ руки.— Не думаю, чтобы вамъ

это было такъ трудно, особенно послѣ тѣхъ жестокихъ словъ, которыя вы говорили пять минутъ назадъ. Впрочемъ, это ужъ такая наша женская доля: намъ всегда повторяютъ, что вы первая женщина, которая и т. д. Не правда ли?

Покатиловъ слушалъ эту обвинительную рѣчь съ опущенною головой и чувствовалъ только одно, что Доганская высказываетъ по его адресу гораздо больше, чѣмъ предполагала, и высказываетъ именно то, что у нея наболѣло на душѣ.

— Да, а я все время мучился... — заговорилъ Покатиловъ, продолжая вслухъ то, что думалъ. — Это смѣшно, это нелѣпо, глупо, но это было: я ревновалъ васъ, Сусанна Антоновна, къ Нилу Кузьмичу.

Еще договаривая эту фразу, Покатиловъ чувствовалъ, что говорить глупость, но глупое слово было сказано, и Доганская расхохоталась, какъ сумасшедшая. Она иногда умѣла хохотать такъ заразительно весело, что разсмѣялся бы мертвый, какъ смѣялся теперь Покатиловъ, окончательно потерявшій голову. Этотъ смѣхъ наполнилъ всю комнату, вырвался въ двери и пошелъ гулять по всему дому.

— Боже мой... вы меня сегодня хотите уморить, Покатиловъ! — задыхаясь отъ смѣха, повторяла Доганская. — Нилушка Чвоковъ... онъ ревнуетъ меня къ Нилушкѣ Чвокову?!...

Въ дверяхъ гостиной показалась голова Теплоухова, который обладалъ счастливою способностью появляться неожиданно и часто совсѣмъ некстати, какъ въ данномъ случаѣ. Онъ внимательно посмотрѣлъ своими большими печальными глазами сначала на Доганскую, а потомъ на Покатилова, и по его безжизненному лицу промелькнула какая-то тѣнь улыбки.

— Евстафій Платонычъ, пожалуйста оставьте насъ однихъ, — махнула ему рукой Доганская, вздрагивая отъ новаго приступа смѣха. — У насъ здѣсь идетъ такой серьезный разговоръ.

Голова покорно скрылась, а Доганская опять хахотала, подѣтски откинувъ свою маленькую головку назадъ. Она нѣсколько разъ открывала ротъ, чтобы сказать что-то Покатилову, но, вмѣсто словъ, вырвался смѣхъ.

— Благодарю васъ, Покатиловъ; вы меня воскресили на сегодняшній день, — проговорила она, наконецъ, вытирая слезы. — Я хандрюла съ утра, и вдругъ Нилушка... нѣтъ, это невозможно!...

Покатиловъ тоже смѣялся, какъ смѣется въ зеркалѣ наша тѣнь. Онъ опять былъ счастливъ и доволенъ: она смѣялась,

что же можетъ быть лучше этого? Онъ готовъ былъ кувыркаться и ходить на головѣ, чтобы вызвать эту дрожь смѣха и чтобы она еще разъ повторила: Покатиловъ, а не м-г Покатиловъ, какъ всегда.

— Да, странная вещь жизнь...—заговорила Доганская послѣ небольшой паузы.—Я, по крайней мѣрѣ, фаталистка, потому что все въ жизни какъ-то держится на чистыхъ случайностяхъ. Садитесь, пожалуйста, вамъ придется долго слушать.

Лицо Доганской приняло вдругъ серьезное выраженіе и никто не повѣрилъ бы, что это она хохотала пять минутъ назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, взять хоть нашу встрѣчу,—продолжала Доганская, расхаживая по комнатѣ,—чистая случайность, а, между, тѣмъ я чувствую, что намъ не разстаться добромъ... Да. Пилушка Чвоковъ... любовь... Ахъ, Покатиловъ, какое это страшное слово и какъ я его боюсь, если бы вы знали!... Видѣли вы сейчасъ голову Евстафія Платоныча и его взглядъ? Вотъ вамъ человѣкъ, который любить... Конечно, это безуміе и женщинамъ это безуміе нравится больше всего... Позвольте, что я хотѣла сказать?... Бѣдный мальчикъ, какъ вы сидите смирно... Мнѣ хотѣлось бы приласкать васъ, но это опасно. У васъ сегодня рѣшительно скверный видъ, г. редакторъ...

— Я слушаю, Сусанна Антоновна. Вы говорили о любви...

— Да, вѣрно, благодарю васъ. Знаете, есть одна восточная сказка: былъ нѣкоторый человѣкъ и этотъ нѣкоторый человѣкъ собиралъ всю жизнь сокровища, пряталъ ихъ, берегъ пуще глаза и все старался разбогатѣть больше. Онъ былъ счастливъ. Но нашелся смѣлый воръ, который ночью укралъ всѣ сокровища, и вчерашній богачъ утромъ проснулся нищимъ. Мы всѣ ходимъ на такого богача... Одна ночь—и утромъ однимъ нищимъ больше. Вы меня не понимаете?

— Напротивъ, очень хорошо понимаю...

— И, вѣроятно, считаете себя нищимъ?

— Да, нищимъ, который никогда не былъ богачемъ, но будетъ такимъ, и тѣмъ онъ будетъ богаче, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствовать, что онъ именно теперь-то и сдѣлался настоящимъ нищимъ. Это маленькая варіація на вашу же тему.

— Недурно сказано... и, можетъ быть, правда, — согласилась Доганская, останавливаясь.—Мы сегодня наболтали много лишняго, Покатиловъ, и поэтому теперь поговоримте серьезно: ну, что, какъ ваша газета?... Вы нынче совсѣмъ не говорите

со мной о ваших дѣлахъ, а, между тѣмъ, я, прежде всего, дѣловой человѣкъ.

— Можеть быть, но я сегодня не могу... Прощайте!...

Простившись, Покатиловъ еще разъ вернулся и проговорилъ:

— Вы сегодня, Сусанна Антоновна, безотчетно заставляли меня мучиться, потому что сами переживаете что-то, чего я не знаю, но о чемъ догадываюсь...

Доганская ничего не отвѣтила, а, проводивъ Покатилова глазами, упала всѣмъ тѣломъ на диванъ и тихо зарыдала, какъ плачутъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ глубоко обиженные дѣти. Она закрыла лицо руками и сама прислушивалась къ своимъ всхлипываніямъ, но осторожное прикосновеніе знакомой руки заставило ее открыть глаза: надъ ней наклонилось блѣдное и встревоженное лицо Теплоухова съ широко раскрытыми глазами.

— Сусанна, что съ тобой?—спрашивалъ онъ, стараясь приподнять вздрагивавшую отъ рыданій Доганскую. — Я, право, не понимаю: то хохоть, то слезы...

— Вамъ и не понять, — шептала Доганская, даже не пытаясь освободиться отъ обнимавшей ее руки.—Всѣмъ вамъ нужно красивое, молодое тѣло, и только одно тѣло, но, вѣдь, въ самомъ красивомъ тѣлѣ есть душа. Вотъ этого-то вы никогда и не поймете: ни вы, ни Юрій Петровичъ, никто!...

— Надѣюсь, я еще ни въ чемъ не отказывалъ тебѣ... и не стѣсняю тебя въ твоихъ привычкахъ,— съ трудомъ выговаривалъ Теплоуховъ, потому что говорить для него составляло мучку.—Ты пожелала, чтобы этотъ молодой человѣкъ имѣлъ газету... Развѣ я могу въ чемъ-нибудь отказать тебѣ?

— Да, вѣдь, все это для васъ же дѣлается?!— вскрикнула Доганская, вырываясь изъ объятій Теплоухова.—Развѣ мнѣ нужно эту газету или этого молодого человѣка? Вы эгоистъ и выбрасываете мнѣ деньги, чтобы откупиться отъ новой просьбы.

Теплоуховъ только махнулъ рукой; онъ сегодня слишкомъ много волновался. У него уже чувствовался приступъ той страшной хандры, которую умѣла разгонять одна Сусанна. Но она смотрѣла на него съ такимъ злобѣщимъ огонькомъ въ своихъ перламутровыхъ глазахъ, — вотъ именно въ такіе моменты онъ и любилъ ее больше всего съ безумною страстностью настоящаго сумасшедшаго.

VIII.

Откровенное объясненіе съ татап не улучшило положеніа дѣла, и Калерія Ипполитовна только теперь замѣтила, что Юлинька въ эти нѣсколько мѣсяцевъ точно переродилась, какъ могутъ перерождаться только дѣвочки, попавшія въ совершенно новую обстановку. Собственно внѣшнихъ рѣзкихъ переменъ не было, но за то появилось много такихъ мелочей, замѣтныхъ только зоркому материнскому глазу, которыя приводили Калерію Ипполитовну въ ужасъ: она, мать, начинала замѣчать, что дѣлается чужой для своей родной дочери. Это чувствовалось въ тысячѣ тѣхъ повседневныхъ пустяковъ, которые даже назвать трудно: Юлинька и чай пила не такъ, какъ прежде, и прислугой умѣла распорядиться какъ-то такъ, что та слушалась ее болѣе, чѣмъ Калеріи Ипполитовны, критиковала кушанья, костюмы матери и т. д. И все это дѣлалось такъ тонко, что Калеріи Ипполитовнѣ даже придаться было не къ чему. Болѣе всего Калерію Ипполитовну возмущало то, какъ Юлинька смотрѣла на нее и улыбалась: въ этой улыбкѣ мать читала свой смертный приговоръ. Вообще, у Юлиньки былъ уже свой мірокъ, куда она никого не пускала, кромѣ тоненькой Инны, и, притомъ, эта дѣвчонка уже въ совершенствѣ усвоила себѣ ту иронически-равнодушную складку, которой всегда щеголяла *grande tatan* Анна Григорьевна. Но было въ Юлинькѣ и новое, чего Калерія Ипполитовна не могла понять, а только чувствовала. Къ Симону Денисычу дѣвочка относилась съ самою обидною снисходительностью, и это заставляло Калерію Ипполитовну даже краснѣть; она начинала бояться этой дѣвчонки и въ присутствіи мужа избѣгала встрѣчаться съ ней глазами.

Съ другой стороны, у Калеріи Ипполитовны шла большая игра. Черезъ Батси она знала почти все, что дѣлалось у Доганскихъ, и сообразно съ этимъ расположила планъ своихъ дѣйствій. У Сусанны не было знакомыхъ женщинъ, потому что она относилась къ нимъ съ чисто-восточнымъ презрѣніемъ. Точно также она не любила военныхъ, которые напоминали ей несчастное дѣтство. Общество, окружавшее эту загадочную красавицу, состояло изъ скучныхъ людей: Теплоуховъ, *oncle*, Нилушка, Богомолловъ, братецъ Романъ, Мансуровъ, — однимъ словомъ, цѣлая коллекція дураковъ, которые могли расшевелить сердце только совсѣмъ глухой и слѣпой женщины. Доганскій былъ на

все способенъ и дѣлалъ изъ жены приманку для такихъ идиотовъ, какъ Теплоуховъ, причемъ очень искусно гарантировалъ свое собственное спокойствіе. Калерія Ипполитовна насквозь видѣла эту тонкую игру и рѣшилась воспользоваться оружіемъ своего врага.

— Милочка, нельзя на свѣтѣ прожить безъ маленькой лжи, — любила повторять Калерія Ипполитовна, оставаясь съ Бэтси съ глазу на глазъ. — Нужда заставляетъ... Мнѣ собственно жаль васъ, голубчикъ, вотъ я и придумываю, какъ помочь горю, чтобы Романъ остался съ носомъ въ своихъ ухаживаніяхъ за Сусанной. Вѣдь, онъ не злой человѣкъ и можетъ современемъ исправиться...

Въ одну изъ откровенныхъ бесѣдъ, какія умѣла устраивать Калерія Ипполитовна съ ловкостью провинціального дипломата, Бэтси рассказывала о семействѣ Зостъ, гдѣ давала уроки, и, между прочимъ, назвала старшаго сына Чарльза.

— Развѣ у Зоста есть большой сынъ? — схватила за это открытіе Калерія Ипполитовна.

— Да, есть... Чарльзу больше двадцати лѣтъ.

— Скажите... И красивый молодой человѣкъ?

— Да..? Настоящій англичанинъ: бѣлогурый, съ голубыми глазами и такое хорошее открытое лицо.

— Нравится онъ женщинамъ?

— О, очень, — смутилась Бэтси и даже покраснѣла.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, милочка... А, понимаю, онъ ухаживалъ за вами?... Всѣ мужчины начинаютъ съ этого, да и я на мѣстѣ Чарльза сдѣлала бы то же самое, потому что вы, Бэтси, бываете настоящею красавицей, какъ сейчасъ, напримѣръ.

— Нѣтъ, я знаю Чарльза просто какъ хорошаго молодаго человѣка, — точно оправдывалась англичанка. — Да ему и не до меня... Вѣдь, онъ участвуетъ постоянно на скачкахъ, и дамы отъ него безъ ума. Чарльзъ самъ скачетъ за жокея... онъ такой смѣлый и ловкій молодой человѣкъ.

— Такъ, отлично, — соображала Калерія Ипполитовна. — Намъ придется, кажется, этимъ воспользоваться, т.-е. ловкостью вашего Чарльза. Вы вотъ что сдѣлайте, голубчикъ: при случаѣ расскажите что-нибудь Сусаннѣ про этого Чарльза, ну, что это совсѣмъ необыкновенный молодой человѣкъ, какъ сейчасъ рассказывали мнѣ. Это нравится женщинамъ... И тоже расскажите

Чарльзу про Сусанну: удивительная восточная красавица, выдана какими-то дальними родственниками за старого мужа, — однимъ словомъ, заинтересуйте его. А потомъ они ужь сами познакомятся...

— Да Чарльзь знакомъ съ Доганскимъ и съ вашимъ дядей... По скачкамъ у нихъ какія-то дѣла.

— Тѣмъ лучше... Молодые люди встрѣтятся, сейчасъ же завяжется романъ, и Романъ Ипполитычъ останется съ носомъ.

— Но, вѣдь, это не честно! — возмущалась Бѣтси.

— Пустяги, голубчикъ... Чѣмъ же мы можемъ защищаться отъ подобныхъ тварей, какъ Сусанна? Это только маленькая военная хитрость: на войнѣ — какъ на войнѣ, говорятъ французы. Ни Сусанна, ни Чарльзь ничего не потеряютъ, а еще будутъ намъ же благодарны...

Бѣтси сильно колебалась, а Калерія Ипполитовна не настаивала и обратила весь разговоръ въ шутку. Эта женщина умѣла пользоваться обстоятельствами и постаралась завладѣть доверчивою душой одинокой англичанки, которая такъ была несчастлива.

— Ну, что, какъ наши дѣла? — спрашивала Калерія Ипполитовна каждый разъ, когда Бѣтси приходила на урокъ.

— Нѣтъ, я не могу, — отвѣчала гувернантка. — Знаете, я такъ обязана старику Зосту, притомъ, это просто не честно.

— Перестаньте, душечка... Вашъ Чарльзь не красная дѣвushка, а Сусанна не монахиня. Не теряйте даромъ времени и повѣрьте моей опытности: я не посовѣтую вамъ ничего дурнаго...

Въ присутствіи Калеріи Ипполитовны англичанка какъ-то терялась, хотя смутно сознавала, что она поддается вліянію этой немножко эксцентричной женщины. Да и какъ было не поддаться, когда Калерія Ипполитовна относилась къ ней съ чисто-родственнымъ участіемъ? Правда, стоило Бѣтси выйти на улицу, какъ у ней являлся совсѣмъ другой порядокъ мыслей и она говорила самой себѣ: «Калерія Ипполитовна, конечно, прекрасная женщина, но я не могу обманывать».

Возвращаясь съ Вознесенскаго къ себѣ на Моховую, Бѣтси всегда была занята этими мыслями и не замѣчала довольно длинной дороги. Она всегда ходила пѣшкомъ, хотя боялась по вечерамъ проходить Невскій, гдѣ всегда попадались такіе ужасныя женщины и мужчины. Разъ Бѣтси возвращалась отъ Мостовыхъ особенно поздно и улицы были почти пусты. Бѣтси, за-

нятая своими мыслями, торопливо шла по Базанской, гдѣ изрѣдка попадались пьяные мастеровые и всегда несло изъ подвальныхъ этажей чадомъ и дымомъ. Вдали слышался вѣчный гулъ Невскаго, близость котораго дѣлалась замѣтнѣе съ каждымъ шагомъ впередъ. Вотъ и воспитательный домъ и темная глыба Базанскаго собора съ его мрачною колоннадой, а тамъ уже переливается цѣлая полоса яркихъ огней.

— Сударыня-съ...—послышался за спиной Бэтси чей-то острый голосъ и впередъ выдвинулась какая-то военная шинель.

Бэтси ничего не отвѣтила и только прибавила шагу, но военная шинель шла уже рядомъ и Бэтси почувствовала запахъ вина. На ея счастье Невскій былъ въ двухъ шагахъ, такъ что, въ случаѣ опасности, Бэтси могла обратиться за помощью къ полиціи.

— Сударыня-съ, позвольте-съ... на два слова,—продолжала шинель, прикладывая руку къ козырьку.—Какъ порядочный человекъ-съ... Мнѣ крайне необходимо переговорить съ вами... да-съ...

— Оставьте меня, пожалуйста, или я позову городского,—отвѣтила, наконецъ, Бэтси, останавливаясь.

— Не извольте беспокоиться, сударыня-съ, —почтительно отвѣтила шинель, тоже останавливаясь.—У меня у самого дочь... т.-е. была дочь. Да-съ... Мнѣ давно необходимо было переговорить съ вами, м-ше Кэй. Честь имѣю представиться: капитанъ въ отставкѣ, Пуховъ. Я и васъ знаю, и Романа Ипполитыча, и Калерію Ипполитовну, и Сусанну...

— Однако, что вамъ угодно отъ меня?—сухо спросила Бэтси, которую очень смущалъ сборный костюмъ капитана, его небрежная физиономія и больше всего запахъ вина.

— Вы проживаете въ номерахъ Баранцева, на Моховой-съ... Такъ вотъ позвольте мнѣ васъ ужъ проводить до мѣста вашего жительства, а дорогой я вамъ постараюсь все изложить подробно-съ. Только вы, пожалуйста, не опасайтесь меня: я съ самыми хорошими намѣреніями, потому что вы ангель-съ... Извините за откровенность, но старику можно позволить, у меня у самого дочь, и вы ее отлично знаете: Сусанна Антоновна, а Антонъ Терентьичъ Пуховъ... да-съ. Не довѣряете-съ?

— Нѣтъ... т.-е. я, право, не знаю, какъ мнѣ васъ познать,—смutilась Бэтси, разглядывая сомнительнаго капитана.—Я, дѣйствительно, занимаюсь съ Сусанною Антоновной...

— И не подозрѣвали, что у нея есть отецъ въ Петербургѣ, ритомъ, такой непредставительный отецъ-съ? Что-жь дѣ-съ? Это иногда случается. Чтобы вы не сомнѣвались отно-сно моей личности-съ, я вамъ расскажу, что вы занимае-сь Сусанной англійскимъ языкомъ и съ Юлинькой тоже, и Романъ Ипполитычъ не подозрѣваетъ вашихъ занятій съ-ной. Вообще, отнюдь не извольте-съ беспокоиться на мой б; я съ самыми благими намереніями осмѣлился утруждать своимъ разговоромъ. Что же мы стоимъ, ш-ше Кэй? Я васъ ожу до вашего жилища и дорѣгой все изложу, хотя мой раз-ь довольно великъ-съ...

Они перешли Невскій, потомъ повернули въ Михайловскую (у, чтобы чрезъ Михайловскую площадь ближе пройти на-ую. Бэтси молчала всю дорогу и говорилъ одинъ капи-, подробно излагавшій свою исторію съ «бухарочкой Шурой», тѣмъ біографію Сусанны.

— Я, все-таки, не понимаю, что вамъ нужно отъ меня, — оворила, наконецъ, Бэтси, когда они по Моховой уже под-ли къ номерамъ Баранцева. — Миѣ кажется, что всѣ эти юбности нисколько не касаются меня... Если я занимаюсь у-нскихъ и у Мостовыхъ, то это совершенная случайность и-до ихъ біографіи рѣшительно нѣтъ никакого дѣла...

Они остановились у подъезда номеровъ Баранцева, но капи-ь не думалъ уходить и продолжалъ настаивать, чтобы его лушали до конца. Въ дверяхъ подъезда показался швейцаръ горій и, приподнявъ фуражку, ждалъ, когда Бэтси пройдетъ о него. Остаться на тротуарѣ на глазахъ Григорія было ловко, и Бэтси, скрѣпя сердце, пригласила капитана къ себѣ квартиру.

— Я только на минутку заверну къ вамъ, — говорилъ ка-анъ, величественно передавая свою истрепанную шинелишку горію. — Миѣ приходилось бывать здѣсь раза два... у Романа олитыча, — припоминалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ за си. — Меня и вашъ швейцаръ знаетъ, сударыня-съ...

Очутившись, наконецъ, въ квартирѣ Бэтси, капитанъ съ удо-вствіемъ осмотрѣлъ уютную обстановку и, повручивая усы, пѣливо ждалъ, пока хозяйка снимала свою шубку; отъ его ощи она отказалась. Бэтси уже раскаивалась, что пригла-а въ свое гнѣздышко совершенно незнакомаго человѣка, ко-ый Богъ знаетъ что можетъ надѣлать; собравъ все присут-

ствіе духа, она вошла въ комнату съ строгимъ и увѣреннымъ лицомъ.

Она указала своему гостю на низкое кресло около дивана, сама помѣстилась на другомъ такомъ же креслѣ; ихъ теперь сдѣлалъ круглый столъ, что немного успокоило Бэтси, потому что капитанъ не бросится же на нее черезъ столъ. Между прочимъ она успѣла разсмотрѣть капитана при свѣтѣ лампы, и онъ и казался ей теперь такимъ старымъ и жалкимъ, а капитанъ сдѣлалъ на своемъ креслѣ, опустивъ голову, и, какъ показало Бэтси, дремалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

«Онъ еще, пожалуй, уснетъ въ креслѣ»,—со страхомъ поджала Бэтси и притворно закашляла.

Эта невинная уловка заставила капитана очнуться и онъ засмѣялся такою хорошею улыбкой.

— Ахъ, ангельчикъ мой, я дѣйствительно немножко того-съ. задумался,—заговорилъ онъ, поднимая брови.—Да-съ... Только вы не подумайте, что я задремалъ отъ какой-нибудь посторонней причины. Нѣтъ-съ, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ хорошо очень хорошо-съ... теплота этакая разлилась. Старъ я, сударыня, и на меня иногда находить этакая задумчивость, да весьма странная... Сейчасъ вотъ сижу и думаю: точно я и сдѣлалъ когда ваше гнѣздышко: именно такое оно у васъ и должно быть, я въ этомъ былъ увѣренъ. Подите вотъ, шелъ съ вами и думалъ объ этомъ... И еще думалъ, сударыня, о томъ-съ, что вотъ если бы была у меня такая же дочь, какъ вы, и пришла бы я къ ней, вотъ такъ, вечеркомъ, ошъ бы вотъ такъ же въ креслице и сталъ бы сидѣть смирно-смирно, какъ и бенокъ, а самъ все смотрѣлъ бы на нее и радовался... да, сударыня, радовался бы, а теперь я долженъ нѣкоторымъ образомъ проливать слезы-съ... Извините, сударыня, что я безпокою васъ своимъ ребячествомъ, но говорю единственно потому, что вижу вашу ангельскую душу... да, вижу-съ!...

Этотъ оригинальный приступъ окончательно смутилъ Бэтси, ей вдругъ захотѣлось приласкать этого жалкаго старика, и нять его такъ горячо-горячо и заплакать у него на груди.

«Неужели этотъ жалкій старикъ—отецъ Сусанны?»—думала Бэтси, принимаясь опять разглядывать своего гостя.

— А я знаю, что вы думаете,—засмѣялся капитанъ, закрывшая усъ.—Вы думаете, неужели этотъ старичонна отецъ Сусанны Антоновны, да? Ничего, не смущайтесь, сударыня. Дѣ

ствительно, оно немного странно-съ... Сначала я на нее сердился, а потомъ, т.-е. теперь, мнѣ ее жаль, потому что развѣ счастье въ деньгахъ, въ богатствѣ, въ хорошихъ платьяхъ, въ дорогихъ лошадахъ? Нѣтъ, сударыня, счастье больше любить вотъ такія маленькія комнатки да верхніе этажи. Ну, да все это такъ, между прочимъ, а теперь о главномъ-съ. Пришелъ я къ вамъ, сударыня, вотъ зачѣмъ-съ: напрасно вы такъ сближаетесь съ этою Калерією Ипполитовной; нехорошая она женщина, да-съ, и добру васъ не научить. Я, вѣдь, въ тѣхъ же номерахъ проживаю и все вижу, что дѣлается: и какъ вы на уроки къ нимъ приходите, и какъ Калерія Ипполитовна около васъ колесомъ ходитъ. Охъ, не ладно это, сударыня, не проста дѣлается, и поэтому мнѣ жаль васъ, сударыня, отъ души жаль-съ... Давно я хотѣлъ предупредить васъ, но все не рѣшался, а сегодня рѣшился: прогоните, такъ прогоните, а все скажу, что лежитъ на душѣ. Вы еще молоды и неопытны, а мы ужъ старые воробы, видали всякіе виды. Знаю я и удочку, на какую васъ ловитъ Калерія Ипполитовна, весьма знаю: она пользуется двусмысленнымъ поведеніемъ Романа Ипполитыча и возбуждаетъ въ васъ чувство ревности. Конечно, я многимъ обязанъ Роману Ипполитычу и теперь нахожусь отъ него въ полной зависимости, но всегда скажу и въ глаза, и за глаза: не хорошо они поступаютъ съ вами. Мнѣ это тѣмъ болѣе обидно, что источникомъ вашихъ огорченій служить теперь моя Сусанна... Она на ложной дорогѣ и вмѣстѣ съ собой губитъ другихъ.

— Послушайте, это неправда, — вступилась поблѣднѣвшая Бѣтси. — Все это однѣ догадки и сплетни.

— Тѣмъ хуже, сударыня. Значить, нѣтъ правды, нѣтъ истины-съ, а гдѣ нѣтъ правды, тамъ скорбь и уныніе. Я самъ много перенесъ душевныхъ невзгодъ и могу сочувствовать чужому горю, особенно вашему. Вотъ мой совѣтъ: удалитесь отъ Калеріи Ипполитовны и не вѣрьте ни одному ея слову. Она не оставитъся ни передъ чѣмъ, чтобы достичь своей цѣли.

— Право, вы ошибаетесь, Антонъ... Антонъ...

— Терентычъ, сударыня.

— Да, извините... Трудно со стороны судить чужую семейную жизнь.

— Но со стороны иногда бываетъ даже виднѣе, какъ человекъ идетъ въ яму... и это бываетъ-съ. Я говорю все это собственно изъ сочувствія къ вамъ, потому что вижу вашу ангель-

скую душу и вижу ваше напрасное горе. Знаете, бываютъ такія положенія, сударыня, когда чужое хорошее да доброе слово дороже золотой горы. Я васъ полюбилъ, какъ родную дочь, нѣтъ, больше, и если вамъ придется ужъ слишкомъ трудно, позовите меня, старика, и поплачемте вмѣстѣ, оно все же легче будетъ. А теперь, сударыня, имѣю честь кланяться... извините за глупый разговоръ-сь.

Капитанъ поднялся и взялъ въ руки свою фуражку. Бѣтска быстро пожала ему руку и проводила до дверей: у ней въ глазахъ стояли слезы.

IX.

Симонъ Денисычъ принималъ самое дѣятельное участіе въ основаніи новой газеты. Онъ хлопоталъ отъ чистаго сердца, хотя и скрывалъ это отъ жены, «страха ради іудейска», какъ говорилъ капитанъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было найти подходящую квартиру для редакціи, войти въ соглашеніе съ драпировщиками, обойщиками, мебельщиками, нанять швейцара и посыльного, заключить условія относительно объявленій и приема подписки съ другими газетами и книжными магазинами, подписать нотаріальный контрактъ съ типографіей, гдѣ будетъ печататься газета, прицѣниться къ бумагѣ разныхъ фабрикаторовъ и т. д. Кромѣ всего этого, приходилось вести переговоры съ разными комиссіонерами и факторами и вообще нужными людьми, какіе неизбѣжны въ каждомъ сложномъ коммерческомъ предпріятіи. Однимъ словомъ, старикъ Мостовъ работалъ до седьмого пота, какъ никогда не хлопоталъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ, гдѣ всѣмъ верховодила Леринька.

— Нужно по-американски вести дѣло,—повторялъ Симонъ Денисычъ полюбившуюся ему фразу Поватилова. — Теперь и прежнія времена... Не такъ ли, капитанъ?

— Да,—соглашался задумчиво капитанъ. — Иногда этакъ раздумаешься о газетѣ, чортъ возьми, даже какъ-то не вѣрится.

Капитанъ и Мостовъ дѣйствовали за одно и по своему помогали нарождающейся газетѣ, исполняя, главнымъ образомъ, порученія Поватилова.

Калерія Ипполитовна встрѣтила появленіе *своей* газеты какъ личное оскорбленіе. Она не вѣрила въ возможность этой своей газеты до самаго послѣдняго момента, когда нельзя было ужъ спорить противъ очевидности имѣющаго совершиться факта.

— Ну, вот ты, Леринька, все спорила, — торжествовалъ Симонъ Денисычъ, потирая руки. — Да, своя газета — это такая штука... Я думаю, что Романъ скоро заведетъ свою коляску.

— На деньги Сусанны?

— У ней ничего нѣтъ.

— Все равно, на деньги Теплоухова... Сусанна же и выпросить; на газету выпросила и на коляску выпросить. Если бы я была на мѣстѣ Романа, я никогда не поставила бы себя въ такое фальшивое положеніе. Это значить губить себя...

— Ахъ, какая ты странная, Леринька! — удивлялся Симонъ Денисычъ, прижимая руки къ груди. — Допустимъ даже, что газета отчасти зависитъ и отъ Сусанны... я только предполагаю, не больше. По моему все равно: мужчина или женщина. Это предразсудокъ... Женщина такой же человѣкъ, Леринька, какъ и мужчина.

— Отлично, я не думаю спорить. Ты вообще такъ защищаешь газету, точно она твоя...

— Гмъ... Положимъ, что она не моя, но Романъ предлагаетъ мнѣ занятія...

— Ну, и что же ты ему отвѣтилъ?

— Я?... Я думаю попробовать, — нерѣшительно проговорилъ Мостовъ, испугавшись собственной смѣлости.

— Я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь; дѣлай какъ знаешь, — рѣшила Калерія Ипполитовна, — но только при одномъ условіи... Никогда мнѣ не говори ни слова про эту гадкую газету Сусанны.

Мостовъ опѣшилъ: онъ никакъ не ожидалъ, что побѣда достанется ему такъ дешево. Старикъ со слезами на глазахъ поцѣловалъ руку у жены. Наконецъ-то, у него будетъ свое дѣло... Да, будетъ шататься по улицамъ безъ занятій, пора за работу! Симонъ Денисычъ торжествовалъ, хотя боялся въ присутствіи жены обнаружить свою радость. Чтобы чѣмъ-нибудь проявить свое душевное настроеніе, онъ побѣждалъ въ номеръ капитана и разцѣловалъ своего друга.

— Теперь я, какъ птица, — задыхаясь, шепталъ Мостовъ. — Вѣдь, я всегда говорилъ, что въ столицѣ будетъ дѣло!... Да, вотъ и оно... У меня ужъ есть нѣсколько счастливыхъ мыслей, только нужно придать нѣкоторую форму.

Меблированные комнаты Квасовой приняли вообще очень близко къ сердцу появленіе новой газеты, потому что Покатиловъ

былъ здѣсь почти свой человѣкъ, да и капитанъ тоже. Всѣ эти короли въ изгнаніи сначала точно обрадовались успѣху Покатилова, а потомъ начали завидовать ему. Сомнѣніе, клевета и злословіе не заставили себя ждать, причемъ, конечно, всѣмъ уже было извѣстно, откуда досталъ Покатиловъ деньги на газету; имя Сусанны не сходило съ языка королей. О газетѣ толковали даже швейцаръ Артемій, лакей Иванъ и горничная Людмила, особенно когда изъ номеровъ Баранцева съ Моховой приходилъ швейцаръ Григорій.

— Романъ - то Ипполитычъ, видно, на свою фатеру перѣдетъ, — докладывалъ Григорій съ приличною важностью.

— Ну, а эта англичанка какъ будетъ? — выпытывала Людмила.

— Лизавета Ивановна?... Что же имъ дѣлать по ихней женской слабости? Видно, одна останется, потому какъ Романъ-то Ипполитычъ даже очень подвержены теперь къ Доганской... Слабость ужъ такая ихняя къ женскому полу, а Лизаветѣ Ивановнѣ слезы.

— А нашъ-то капитанъ зачѣмъ къ вамъ повадилсѣ?

— Такъ... по добротѣ Лизавета Ивановна принимаетъ и, можно сказать, единственно отъ своей доброты барышня себя въ погибель приводитъ. Другая бы плюнула десять разъ.

Все это, конечно, немедленно разносилось по номерамъ, и короли въ изгнаніи принимали эти новости къ свѣдѣнію, каждый дѣлая свои выводы и заключенія. Снѣжный генералъ готовилъ новую статью о снѣговыхъ укрѣпленіяхъ, ех-заводчикъ — гагую - то замѣтку о горномъ льнѣ, пѣвецъ Микучевскій — разоблаченіе тайнъ театральной дирекціи, инженеры — тоже, — однимъ словомъ, это застоявшееся болото всколыхнулось изъ края въ край и выкинуло изъ себя весь накопившійся въ немъ соръ, дразги и мелочи, какіе обыкновенно выметаются на улицу.

Зинаида Тихоновна, видимо, дулась на капитана, а послѣдній выдерживалъ характеръ и не подавалъ вида, что замѣчаетъ что-нибудь. Наконецъ, она не выдержала и разъ остановила капитана въ корридорѣ:

— Ну, путаникъ, что это вы затѣваете съ Романомъ - то Ипполитычемъ?

— Да, вѣдь, вы знаете, Зинаида Тихоновна... Романъ Ипполитычъ такой человѣкъ, такой... Такъ и рветъ!... «Мы, говорить, и Котлецова, и Брикабрака вровень съ грязью сдѣла-

емъ!» И сдѣлаемъ, Зинаида Тихоновна... Вотъ это какой человѣкъ!... Конечно, есть свои недостатки и у него, но это дѣло личное и насъ не касается... да.

Это объясненіе заставило Зинаиду Тихоновну только улыбнуться: вретъ капитанъ, все вретъ.

— Нечего тятры-то представлять,—заявила она съ нахмуреннымъ лицомъ.—Видно, одна у васъ вѣра-то съ Романомъ Ипполитычемъ. Онъ побаловался съ этой аглицкой, а теперь и сбываетъ съ рукъ. Знаемъ мы этихъ благородныхъ - то вашихъ: только слава на нашу сестру, мѣщанку, а природа женская вездѣ на одинъ фасонъ.

— Напрасно вы такъ отзываетесь о мистрисъ Кэй, сударыня,—протестовалъ капитанъ съ огорченнымъ видомъ.—Это хорошая женщина... да. Ну, я былъ у ней раза два, что же изъ этого?... Вѣдь, Симонъ Денисычъ заходитъ же къ вамъ.

— А то изъ этого, что эта ваша аглицкая просто дрянь.

Для капитана ненависть Зинаиды Тихоновны къ Бэтси являлась неразрѣшимой загадкой, потому что сама по себѣ Зинаида Тихоновна была очень добрая женщина, а тутъ точно взбѣленилась, такъ съ ножомъ къ горлу и пристааетъ. Объяснять истинныя причины своихъ визитовъ къ Бэтси капитанъ совсѣмъ не желалъ, потому что, все равно, Зинаида Тихоновна ничего не пойметъ, а только затопчетъ въ грязь дорогое для него имя. Мѣщанство Зинаиды Тихоновны выступало теперь въ самой откровенной формѣ и сильно огорчало капитана.

— Небойсь скоро совсѣмъ зазнаетесь съ Романомъ-то Ипполитычемъ,—не унималась Зинаида Тихоновна.—И то нашумѣли своею газетой на цѣлый городъ. На что ужъ мои жильцы, и тѣ куда какъ поднялись: по номерамъ-то точно вездѣ капусту рубятъ. Изъ зависти больше, а по моему, что же, дай Богъ всякому лишнюю копѣчку нажать. Да... А ты, капитанъ, вотъ что скажи-ка своему-то орлу, Роману - то Ипполитычу, такъ и скажи, что необразованная женщина Зинаида Тихоновна велѣла сказать: летать, молъ, умѣешь, да какъ сядешь.

— Что-то мудрено.

— Ужъ онъ пойметъ... Редахтуръ да не пойметъ!

— Этакій языкъ проклятый у этихъ бабъ!—возмущался капитанъ, отплеываясь.—Хорошая вы женщина, Зинаида Тихоновна, только вотъ достойно удивленія, какъ чужія дѣла васъ интересуютъ.

— Да, вѣдь, я тебѣ только и сказала... Все молчала, ну, а тутъ не стерпѣла. Всѣ какъ въ трубу трубятъ, что тутъ не въ газетѣ дѣло, а просто Сусанна Антоновна хотѣла сюрпризъ сдѣлать Роману-то Ипполитычу. Что же, всѣ дамы дѣлаютъ сюрпризы. Если бы у меня были лишнія-то денешки, да сдѣлайте милость, я и сама съ превеликимъ бы удовольствіемъ.

Хитрая дама не договаривала, а капитанъ не желалъ подвергать искушенію ея откровенность, тѣмъ болѣе, что тутъ было замѣшано имя Сусанны.

— Дѣло вѣрное у насъ,—объяснялъ капитанъ.—Года въ два мы воротимъ весь капиталъ и рассчитаемся съ Теплоуховымъ до послѣдней копѣечки. Напрасно вы Сусанну сюда приплетаєте.

— Да, вѣдь, я такъ сказала... Не разберешь этихъ барынь вашихъ: мудрены больно. Вотъ Калерію Ипполитовну взять: раньше-то идетъ мимо, такъ нарочно не замѣчаетъ тебя, а теперь издали кланяется. «Здравствуйте, Зинаида Тихоновна». — «Здравствуйте, сударыня!» Оно такъ-то, пожалуй, и лучше будетъ, потому честь безчестья всякому пріятнѣе. Дѣлишки-то у Калеріи Ипполитовны больно плохи, вотъ и пообмякла. Треплется-треплется по городу-то, а домой и привезетъ ни съ чѣмъ пирогаъ. Завтраками больше угощаютъ, а ты походи по чужимъ-то дворамъ да каждому дураку поклоняйся... Жаль даже въ другой разъ сдѣлается!

О поватилговской газетѣ шептались въ корридорѣ даже Юлинка съ княжною Инной. Онѣ знали не меньше большихъ черезъ горничную Людмилу, которая изъ всѣхъ близкихъ людей имѣла на нихъ самое сильное вліяніе.

— Миѣ нравится твой дядя,—мечтательно повторяла тоненькая Инна, закидывая назадъ свою птичью головку.—У него такая красивая борода и, притомъ, онъ одѣвается всегда такъ прилично.

— Ну, ужъ извини, я его терпѣть не могу,—спорила Юлинка, сердито сдвигая брови.—Въ немъ есть что-то такое... какъ у прикащиковъ въ гостиномъ дворѣ. Миѣ гораздо больше нравится вашъ Падалко.

— Эта селедка съ прованскимъ масломъ?... Да, а у твоего дяди будетъ своя газета... Значить, будетъ много-много денегъ. Я тогда выйду за него замужъ.

Калерія Ипполитовна сдѣлалась невольнымъ свидѣтелемъ такой болтовни дѣвочекъ о газетѣ и просто какъ-то потерялась.

Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ? Даже дѣвчонки, и тѣ толкуютъ о своей газетѣ, о которой онѣ могли слышать только отъ прислуги. Это невозможно, наконецъ!

«Начинается популярность Романа Ипполитыча», — съ горечью думала она, переживая неприятное завистливое чувство.

Сдѣлать выговоръ Юлинькѣ она не рѣшалась, чтобы не ронять своего материнскаго достоинства предъ дурачившеюся дѣвчонкой, забравшей подъ руководствомъ татапа большую волю, но сообразить ее она всегда съумѣетъ и сдѣлаетъ это, когда придетъ время.

Другую неприятностью для Калеріи Ипполитовны было неожиданное появленіе Доганскаго, который свалился какъ снѣгъ на голову. Онъ былъ любезенъ, предупредителенъ и вообще очень доволенъ, увѣряя, что все идетъ отлично, и что Симонъ Денисычъ не сегодня-завтра получить мѣсто. А пока нужно ждать, терпѣть и не волноваться, потому что въ этомъ весь секретъ жизни. Доганскій даже справился, какъ здоровье Симона Денисыча, и, рассказавъ какой-то анекдотъ, уѣхалъ.

«Что этому человѣку еще нужно?—опять думала Калерія Ипполитовна, перебирая все, что говорилъ Доганскій.—Съ татапа онъ познакомился и можетъ видѣть Юлиньку, когда захочетъ. Что же еще ему нужно отъ меня? О, Боже мой, Боже мой!»

Дѣло объяснилось, когда вечеромъ пришла встревоженная и испуганная Бѣтси; она бывала у Мостовыхъ только на урокахъ, а тутъ пришла въ неуказанное время. Лицо у нея было такое блѣдное, а глаза красны отъ слезъ.

— Что съ вами, милая? — удивилась Калерія Ипполитовна, цѣлуя встревоженную англичанку.—Ужъ здоровы ли вы?

Бѣтси выпила два стакана воды, прежде чѣмъ могла говорить, но Калерія Ипполитовна уже догадалась, что такъ ее встретило.

— Успокойтесь, голубчикъ,—ласково говорила она, усаживая гостью на диванъ.—Я догадываюсь, въ чемъ дѣло. Такъ и должно было случиться.

— Вы про что говорите, Калерія Ипполитовна?—удивилась Бѣтси.

— Да про то, что Доганская и Чарльзъ, наконецъ, познакомились... да?

Въ отвѣтъ Бѣтси только кивнула головой и закрыла свое лицо руками. Калеріи Ипполитовнѣ сдѣлалось ее жаль: такая она

маленькая и такая беззащитная, да еще эти заплаканные глаза, въ которыхъ стоялъ нѣмой упрекъ.

— Я догадалась объ этомъ отчасти по вашему лицу, а отчасти...—объяснила Калерія Ипполитовна и запнулась.—Однимъ словомъ, у меня былъ сегодня Доганскій. Онъ такой странный, хотя и прикидывается веселымъ. О, милая Бэтси, вы совсѣмъ не знаете этихъ людей: они будутъ улыбаться, надѣвая вамъ петлю на шею. Ну, рассказывайте, какъ все это случилось.

— Доганская меня въ послѣднее время часто возила съ собой гулять въ Лѣтній садъ,—рассказывала Бэтси, опуская глаза.—Разъ тамъ встрѣтился Чарльзъ и поклонился мнѣ. Сусанна Антоновна сейчасъ же обратила на него вниманіе и начала меня спрашивать. Все и вышло такъ, какъ вы говорили, хотя я не виновата ни въ чемъ... Она сама меня спрашивала и Чарльзъ тоже. Я ничего не прибавила отъ себя, рѣшительно ничего. Потомъ мы опять встрѣтились въ Лѣтнемъ саду и Чарльзъ подошелъ къ намъ. Они сейчасъ же познакомились и Сусанна Антоновна пригласила его къ себѣ... Мнѣ страшно, Калерія Ипполитовна!...

— Ахъ, какая вы глупенькая, Бэтси! — улыбалась Калерія Ипполитовна.—Мы-то съ вами при чемъ тутъ?

— Но, вѣдь, я могла предупредить это знакомство...

— Именно?

— Мнѣ слѣдовало отказаться отъ этихъ прогулокъ въ Лѣтнемъ саду... Нѣтъ, я самый несчастный человекъ въ свѣтѣ и у меня никого нѣтъ, никого!... Теперь еще эта проклятая газета... Мы совсѣмъ разошлись съ Романомъ Ипполитычемъ.

— Какъ такъ?... Не можетъ быть!

— Т.-е. даже не разошлись, а онъ переѣхалъ въ новую квартиру на Невскій, гдѣ будетъ редакція. Онъ предлагалъ и мнѣ переѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но я предпочла остаться одна... Онъ больше не любитъ меня, ему тяжело со мной, а я никого не желаю стѣснять.

Этотъ простой рассказъ окончательно растрогалъ Калерію Ипполитовну. Она опустилась на колѣна передъ Бэтси и поцѣловала у нея руку.

— Что вы, Калерія Ипполитовна... что вы?! — испугалась англичанка, напрасно стараясь поднять обнимавшую ее Калерію Ипполитовну.

— Бэтси, голубчикъ, вы героиня,—шептала Калерія Иппо-

литовна со слезами на глазахъ.—Да, настоящая героиня... у васъ душа чистая, и никто этого не понимаетъ, кромѣ меня. Мы, женщины, несчастны даже отъ нашихъ достоинствъ... Я тоже была молода и понимаю васъ. И вы же еще мучите себя изъ-за этихъ гадкихъ людей, которые кругомъ... Не знаю, кто это сказалъ, что Богъ создалъ женщину въ минуту своего гнѣва, но это великая истина. Да, голубчикъ, я понимаю васъ, и вотъ ужъ вы не однѣ...

Съ Калеріей Ипполитовной сдѣлался припадокъ мигрени и Бѣтси пришлось ухаживать за ней. Англичанка никакъ не ожидала такой сцены, но вспомнила, что Калерія Ипполитовна родная сестра Романа Ипполитыча, а онъ всегда умѣлъ раскисаться самымъ трогательнымъ образомъ.

Х.

Первый номеръ *Сѣвернаго Сіянія* долженъ былъ выйти перваго января. Въ *Прогрессѣ* Ботлцова и въ *Искоркахъ* появились уже замѣтки относительно новой газеты, причемъ дѣло не обошлось, конечно, безъ ядовитаго намека относительно средствъ, на какія будетъ издаваться новая газета.

— Эти господа, кажется, согласились между собой, чтобы сдѣлать мою газету популярной до ея появленія, — замѣтилъ Покатиловъ, когда ему указали на эти замѣтки. — Я считалъ ихъ немножко умнѣе.

Для составленія перваго пробнаго номера Покатиловъ употребилъ невѣроятныя усилія, чтобы показаться передъ публикой въ самомъ блестящемъ видѣ. Хлопоты съ квартирой, коммиссіонерами, объявленіями и сотрудниками были кончены, теперь все вниманіе сосредоточивалось на нервомъ номерѣ. Статьи были отредактированы Покатиловымъ самымъ строгимъ образомъ, такъ что Нилушка Чвоковъ даже разсердился, когда увидѣлъ корректуру своей передовицы: весь наборъ былъ исчерченъ поправками Покатилова.

— Это ужъ звѣрство какое-то! — ругался Нилушка, просматривая свою израненную передовицу.

— Нельзя... первый номеръ, — отвѣчалъ Покатиловъ. — Нельзя же передъ публикой въ халатѣ выдти.

— Мнѣ кажется, что ты ужъ придираешься, Романъ, отъ избытка усердія... Впрочемъ, мнѣ это все едино: что пошь, что батька.

— Тѣмъ лучше...

Покатиловъ живя жилъ въ типографіи, куда къ нему все и приходили. Типографія помѣщалась во флигелѣ большаго каменнаго дома въ Столярномъ переулкѣ. Нужно было съ грязнаго маленькаго дворика подняться во второй этажъ; громадная зала была заставлена конторками наборщиковъ, одинъ уголокъ залы отгороженъ былъ досчатою перегородкой для фактора. Въ этомъ уголкѣ теперь и сосредоточивалось все. Покатилову нравились эти ободранныя, прокопченные стѣны, точно заплатанныя разными объявленіями, березовый шкафъ съ собственными изданіями этой типографіи, конторка фактора, исчезавшая подъ кипами дѣловыхъ бумагъ, самъ факторъ, равнодушный сѣденькій старичокъ въ пенсенѣ, даже запахъ типографской краски, смѣшанный съ запахомъ масла отъ машинъ и, наконецъ, тотъ подавленный вѣчный рабочій шумъ, который стоялъ въ этой комнатѣ, точно въ громадномъ ульѣ, гдѣ около ящиковъ съ шрифтами наборщики двигались, какъ рабочія пчелы по сотамъ. Печатныя машины помѣщались въ нижнемъ этажѣ, и полъ въ каморкѣ фактора постоянно вздрагивалъ отъ ихъ тяжелой работы, точно тамъ грузно шевелилось какое-то скованное по рукамъ и ногамъ чудовище. Для Покатилова вся эта обстановка работавшей типографіи являлась чѣмъ-то такимъ дорогимъ и близкимъ сердцу, точно самъ онъ являлся только составною частью общаго механизма.

Сообщеніе факторской съ залой происходило при помощи маленькаго окошечка. Въ него Покатиловъ видѣлъ ряды наклоненныхъ головъ наборщиковъ, набиравшихъ съ рукописи, и не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, хотя прежде часто бывалъ въ типографіи и какъ-то совсѣмъ не обращалъ вниманія на спеціально-типографскую музыку. Тогда онъ былъ чужимъ челоукомъ, наемникомъ, а теперь здѣсь торопливо создавалось свое собственное, кровное дѣло. Подъ шумокъ всей этой сутолоки Покатиловъ перечитывалъ всѣ статьи, дѣлалъ поправки, писалъ свой фельетонъ и чувствовалъ только одно, что сутки сдѣлались точно вдвое короче.

— Вы захвораете, Романъ Ипполитычъ, — уговаривали его капитанъ и Симонъ Денисычъ, прибѣгавшіе въ типографію по десяти разъ въ день. — Такъ нельзя-съ.

— Пустяки... Успѣемъ отдохнуть, — отвѣчалъ Покатиловъ.

Онъ тутъ же и обѣдалъ, и чай пилъ. Чвоковъ никакъ не

могъ вытащить его «передохнуть», гдѣ-нибудь у Бореля или Дюссо. Лицо у Покатилова было такое желтое, глаза ввалились; вообще видъ не особенно привлекательный, но теперь было не до наружности. Только иногда, дожидаясь поправленной корректуры, Покатиловъ немного забывался и его мысль сейчасъ же улетала на Сергіевскую улицу. Нѣтъ, онъ не даромъ взялъ теплоуховскія деньги, и Сусанна увидитъ, наконецъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Да и другіе тоже почувствуютъ, начиная съ Котлецова. Мысль о Сусаннѣ подкрѣпляла и вдохновляла Покатилова въ самые трудные моменты, когда голова отказывалась работать. Онъ не видалъ ее сравнительно давно и явится уже редакторомъ de facto, когда къ ея ногамъ положить первый номеръ *Свернаго Сіянія*.

— Ну, братъ, ты того... обалдѣлъ совсѣмъ,—говорилъ Чвоковъ, заѣзжавшій въ типографію провѣдать пріятеля.

— Ничего, отдохнемъ... Вотъ посмотри-ка лучше, какая музыка у насъ получается для перваго раза.

Покатиловъ прочиталъ программу перваго номера, которую Нилушка Чвоковъ выслушалъ очень внимательно, немножко склонивъ свою голову на бокъ.

— Ну, что, какъ ты находишь?—спрашивалъ Покатиловъ, недовольный молчаніемъ друга.

— Что же, хорошо,—уклончиво отвѣтилъ Нилушка, дѣлая какой-то нерѣшительный жестъ. — Только дѣло въ томъ, что весь номеръ слишкомъ ужъ по газетному составленъ... Я хочу сказать, что у тебя нѣтъ ни одного литературнаго имени. Слѣдуетъ пригласить кое-кого для вывѣски.

— Да, вѣдь, это не журналъ, а газета!

— Все-таки... Собственно я врагъ этого популярничанья извѣстными именами, но ничего не подѣлаешь, если публика привыкла къ извѣстнымъ именамъ. Вѣдь, въ нашемъ дѣлѣ, какъ и въ нашемъ, все держится на этомъ, чортъ возьми!

— Ну, этого добра мы наберемъ сколько душѣ угодно, — съ улыбкой отвѣтилъ Покатиловъ, вынимая изъ кармана сюртука цѣлую пачку писемъ.— Не угодно ли полюбопытствовать?

Развертывая одно письмо за другимъ, Нилушка Чвоковъ долго перебиралъ ихъ, разбиралъ фамиліи, адреса, первыя строки, которыми они начинались.

— Да тутъ, кажется, всякаго жита будетъ по лопатѣ, —

задумчиво проговорилъ Нилушка, возвращая письма назадъ. — Однако, я не ожидалъ такого обилія продающихся людей.

— Не людей, а извѣстныхъ именъ, — проговорилъ Покатиловъ съ самодовольною улыбкой. — Чего хочешь, того просишь. Я даже статистику маленькую подвелъ: свои услуги *Съверному Сіанію* предлагаютъ семь извѣстныхъ профессоровъ, пятнадцать извѣстныхъ беллетристовъ, до десятка критиковъ, столько же публицистовъ, политиковъ, шесть штукъ фельетонистовъ, а другимъ, неизвѣстнымъ людямъ и счету нѣтъ. Ха-ха!... Вся улица высыпала!... Конечно, настоящіе литературные осетры въ нашу воду не пойдутъ, да и мы не заплачемъ о нихъ. Такъ-то, голубчикъ, мы всеильны... Стоитъ только кличь кликнуть, и все къ нашимъ услугамъ.

— Да, большое предложеніе.

— Больше ста мужчинъ и около двадцати женскихъ душъ. Вѣдь, это силища, какъ ни говори, и нужно только уметь воспользоваться всѣмъ этимъ добромъ: тутъ и наука, и искусство, и талантъ, и специальныя знанія, и просто газетное жульничество... Все идетъ на улицу, все подлаживается подъ ея вкусы и требованія. Улица всеильна... Это тотъ сфинксъ, который говорить: разгадай меня или я тебя пожру. Да, мы ее разгадаемъ, и она дастъ намъ двадцать тысячъ подписчиковъ.

— Гусей по осени считаютъ, Романъ Ипполитычъ.

— Вотъ увидишь. Приѣзжай на родину...

— Это когда первый номеръ изъ печки выйдетъ?

— Да.

— Хорошо, заверну.

Ночь съ тридцатаго декабря на тридцать первое Покатиловъ совсѣмъ не спалъ. Нужно было подготовить нѣкоторые матеріалы для слѣдующихъ номеровъ и, кромѣ того, измѣнить кое-что въ первомъ: Покатиловъ пустилъ въ оборотъ нѣсколько извѣстныхъ именъ и теперь возился съ метрампажемъ относительно разверстки статей. Получалось то больше, то меньше листа, притомъ, со всѣхъ сторонъ летѣли объявленія, а редакторъ *Съвернаго Сіанія* не желалъ обижать никого изъ этихъ первыхъ, почтившихъ редакцію своимъ лестнымъ довѣріемъ. Весь день тридцать перваго декабря прошелъ въ самыхъ глупыхъ типографскихъ хлопотахъ: запраздничало нѣсколько лучшихъ наборщиковъ, одна скоропечатная машина что-то капризничала, тоже, вѣроятно, по случаю праздниковъ. Покатиловъ горячился, кри-

чалъ, хватался за голову и сто разъ сбѣгалъ внизъ, гдѣ печатался роковой первый номеръ.

Въ восемь часовъ прѣхалъ Нилушка. Капитанъ и Симонъ Денисычъ въ почтительномъ молчаніи ждали разрѣшенія всей этой адской суетоки.

— Скоро ли мы, наконецъ, разрѣшимся нашимъ первенцемъ?— сѣбялся Чвоковъ, посасывая дорогую сигарку.

Покатиловъ сидѣлъ въ углу жесткаго диванчика, измученный, желтый, и нервно обкусывалъ кончики усовъ. Его возмущалъ старичокъ-факторъ, который точно замерзъ и едва шевелится.

— Ничего, успеется, — повторялъ факторъ, посматривая на часы. — Еще только половина девятого.

— Чортъ возьми, мы въ самомъ дѣлѣ точно собрались на родину, — шутилъ Нилушка, похлопывая Симона Денисыча по плечу.

Это томительное ожиданіе разрѣшилось только въ исходѣ девятого часа, когда факторъ получилъ, наконецъ, по слуховой трубѣ изъ нижняго этажа требуемый отвѣтъ. Покатиловъ побѣжалъ было внизъ, но въ дверяхъ встрѣтился съ улыбавшимся метрампажемъ, который бережно несъ на рукахъ еще сырой листъ газеты.

— Наконецъ-то мы разродились, — проговорилъ Нилушка, щупая сырой номеръ. — Ура!...

— Вотъ онъ, первенецъ! — шепталъ Симонъ Денисычъ, съ умиленіемъ разглядывая первую страницу. — *Съверное Сіянне*, 1 января 187... года, ежедневная газета, политическая и литературная. Подписка принимается... да... семнадцать рублей съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи. Номеръ первый.

— Миѣ особенно нравится заголовокъ: готическія буквы и прочее, — замѣтилъ капитанъ, покручивая усы. — И бумага хорошая.

— Чортъ знаетъ, когда эти доктора успѣли залѣзть на первую страницу, — удивлялся Нилушка, читая объявленія. — Электро-лечебница, мужское безсиліе, акушерка для секретныхъ беременныхъ, навозныя болѣзни, слабость и послѣдствія молодости... Ёфу, цѣлый букетъ всякихъ гадостей. Кагъ клопы за обоями набились.

Покатиловъ улыбался и молча потиралъ руки. На послѣдней страницѣ номера вытянулись цѣлыхъ два столбца всевозмож-

ныхъ объявленій, гдѣ рядомъ съ наглымъ зазываньемъ присяжныхъ рекламистовъ съ нѣмымъ отчаяніемъ протягивала руки безконечная столичная нужда. Здѣсь аукціонъ просроченныхъ залоговъ, тамъ продажа по случаю скорого отъѣзда, *даме дипломѣе*, предлагающая свои услуги по части новыхъ языковъ, студентъ, не стѣсняющійся разстояніемъ, ищетъ уроки за комнату и столъ или за одну комнату или столъ; далѣе опять распродажа, подъ ней пріютилось скромное желаніе имѣть квартиру въ три комнаты, «по возможности съ садикомъ», а тутъ сплошь пошли студенты, горничныя, дворники, комиссіонеры, бѣлыя кухарки, перемѣшавшись на этой роковой четвертой страницѣ въ одну жирую пеструю кучу, которая шевелилась и барахталась, какъ мечется и барахтается выброшенная на берегъ рыба.

— Ну, я усталъ, господа,—заявилъ Покатиловъ, складывая номеръ и пряча его въ карманъ.

— Да, да, пора отдохнуть. Я тебя могу довести,—предлагалъ Нилушка, надвигая соболью шапку на глаза.—Тебѣ куда?

— Домой, въ редакцію. Ахъ, да, Семень Ивановичъ,—обратился онъ къ фактору,—когда номеръ будетъ конченъ, предложите наборщикамъ въ мой счетъ...

— Тсс... — зашипѣлъ испугавшійся старичокъ.—Что вы, Романъ Ипполитычъ! Да мы ихъ и въ недѣлю не соберемъ; знаете, такой особенный народъ-съ.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете.

— Мы это по частямъ устроимъ, Романъ Ипполитычъ: сегодня одни отдохнуть, завтра другіе. Оно гораздо даже любопытнѣе выйдеть.

Въ своей квартирѣ Покатиловъ наскоро умылся и переодѣлся, а потомъ, захвативъ номеръ, сейчасъ же отправился съ нимъ въ Сергіевскую. Онъ нарочно не взялъ извозчика, а пошелъ пѣшкомъ, чтобы освѣжиться послѣ безсонной ночи. Падалъ мягкій липнувшій снѣгъ, застлавшій переливавшуюся сѣтвой огни фонарей и освѣщенные окна въ магазинахъ. На Невскомъ публики было особенно много; всѣ торопились по домамъ, чтобы встрѣтить новый годъ по своимъ угламъ.

«Что же это я не пригласилъ Нилушку къ Доганскимъ?—думалъ Покатиловъ, шагая по тротуару.—Вмѣстѣ бы и новый годъ встрѣтили. Ахъ, да, вѣдь, ему нельзя!»

Покатиловъ засмѣялся, вспомнивъ, что Нилушка сегодня уѣдетъ встрѣчать новый годъ къ своей содержанкѣ, которая

только что успѣлъ обзавестись. Смѣшно было то, что Цилушка находилъ нужнымъ скрывать это тонкое обстоятельство, хотя всѣ давно знали о его интимныхъ похожденияхъ.

Послѣ горѣвшаго огнями Невскаго другія улицы казались совсѣмъ темными, а уличные фонари мигали, какъ слезящіеся старческіе глаза. Вотъ и Симеоновскій мостъ, и Моховая. Что-то теперь дѣлаетъ бѣдняжка Бэтси? Въ груди Покатилова шевельнулось тяжелое чувство и онъ зашагалъ быстрѣ впередъ, точно старался убѣжать отъ самого себя. Широкая Сергіевская совсѣмъ потонула въ мягкомъ зимнемъ сумрагѣ. Вереницы настоящихъ барскихъ домовъ глядѣли большими освѣщенными окнами. Эта улица всегда нравилась Покатилову, а теперь въ особенности.

— Отлично, — вслухъ проговорилъ Покатиловъ, машинально ощупывая карманъ, въ которомъ лежалъ только что испеченный номеръ *своей* газеты.

Въ этомъ хорошемъ настроеніи духа Покатиловъ дошелъ до самой квартиры Доганскихъ, сунулъ швейцару красненькую и бойко взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Онъ еще издали слышалъ голоса разговаривающихъ въ гостиной и смѣхъ Доганской, который заставилъ его вздрогнуть. Остановившись въ дверяхъ гостиной, Покатиловъ увидѣлъ такую картину: Доганская сидѣла на мягкомъ стеганомъ диванчикѣ, около нея на низкой скамейкѣ помѣщался опле, а напротивъ, вытянувшись на креслѣ, виднѣлась какая-то женская фигура, на которую Покатиловъ не обратилъ вниманія, потому что вынималъ изъ кармана номеръ газеты.

— А, это вы, г. редакторъ! — весело проговорила Доганская, издали кивая головой. — Вы что это совсѣмъ насъ забыли?

Покатиловъ торопливо подошелъ къ ней, поцѣловалъ протянутую руку и молча подалъ газету.

— Что это такое? — равнодушно спрашивала Доганская, развертывая мягкій газетный листъ. — Ахъ, газета... поздравляю!

— Вотъ какъ! — пробасилъ опле. — Сейчасъ изъ печи.

Доганская лѣниво прочитала заголовокъ, свернула листъ и проговорила прежнимъ веселымъ тономъ:

— Позвольте, г. редакторъ. Вы, кажется, незнакомы: Чарльзъ Зостъ, мистрисъ Кэй.

— Мы знакомы, — тихо проговорила по-англійски Бэтси, пока Покатиловъ и Зостъ съ принужденными улыбкаами пожимали другъ другу руки.

Небольшаго роста, худощавый, но съ свѣжимъ блѣднымъ лицомъ, Зостъ выглядѣлъ бы совсѣмъ мальчикомъ, если бы не строго сложенные губы и не этотъ холодный, увѣренный взглядъ свѣрыхъ прелестныхъ глазъ. После съ улыбкой наблюдалъ происходившую сцену и въ душѣ даже пожалѣлъ Покатилова: бѣдняга попалъ между двухъ огней.

«Эти женщины точно для того только и созданы, чтобы ставить насъ въ чортовски скверное положеніе», — судѣлъ заключеніе старикъ.

— А мы тутъ разговариваемъ о лошадяхъ, — заговорила Доганская, продолжая прерванную бесѣду. — Вы, г. редакторъ, тоже, вѣдь, любите этотъ отдѣлъ спорта?

— Да, я люблю спортъ, — бормоталъ Покатиловъ, недоумѣвая, какъ сюда могла затесаться Бэтси.

— У Романа есть слогъ, когда онъ описываетъ скачки, — подтвердилъ после, поднимая свои крашенныя брови. — Позвольте мнѣ газету, Сусанна Антоновна.

«Этакая глупая англійская старая лошадь! — со злостью подумалъ Покатиловъ по адресу милаго дядюшки. — Чортъ тянетъ за языкъ... слогъ!»

Первый номеръ *своей* газеты былъ растоптанъ и уничтоженъ проклятыми англійскими лошадьми, о которыхъ Сусанна болтала все время съ Зостомъ. Въ ушахъ у Покатилова вертѣлись совсѣмъ непонятныя слова: жокеи, тренера, тотализаторъ и еще чортъ знаетъ какая лошадиная галиматья. Однако, зачѣмъ здѣсь этотъ «нашъ молодой другъ», какъ называлъ после Зоста, и почему онъ появился вмѣстѣ съ Бэтси? Всѣ эти вопросы перемѣшались въ головѣ Покатилова, какъ разноцвѣтныя стеклышки въ калейдоскопѣ, и онъ отвѣчалъ Сусаннѣ два раза совсѣмъ невпопадъ. Но она даже не обратила вниманія на это: перламутровые глаза у ней сегодня были совсѣмъ темны, а по лицу бродила разсѣянная улыбка. Покатиловъ понималъ эту лихорадку чувства, которую теперь переживала Сусанна.

— Какой вы сегодня странный, г. редакторъ, — обратилась къ Покатилову Доганская, когда разговоръ о лошадяхъ оборвался. — Точно вы муху проглотили... Будьте же повеселѣе, а то вы нагоните скуку на всѣхъ. Вотъ и Бэтси тоже!

Въ порывѣ чувства Доганская обняла Бэтси и крѣпко ее разцѣловала; эта институтская выходка говорила уже о полномъ

умственнымъ затмѣніи. Покатиловъ понялъ все и, неловко подъявшись съ кресла, началъ прощаться.

— Куда же это вы? — разсѣянно говорила Сусанна, не замѣчая Покатилова.

— У меня голова болитъ... до свиданія.

Доганская посмотрѣла на него какими-то опьянѣвшими глазами, слишкомъ счастливая, чтобы понимать что-нибудь.

— Эй, дружище, а газету возьми, — остановилъ опсе Покатилова.

Несчастный первенецъ былъ скомканъ самымъ безжалостнымъ образомъ и полетѣлъ куда-то подъ рояль. Проклятый нумеръ!

— Все кончено, все, — шепталъ Покатиловъ, останавливаясь посреди громадной гостиной, едва освѣщенной двумя бра.— И на кого промѣняла: мальчишка... щенокъ!...

Ему сдѣлалось даже гадко, когда онъ вспомнилъ, какъ Сусанна цѣловала Бэтси. Однако, какъ Бэтси попала сюда? Подождать ее и проводить до дому. Вниманіе Покатилова было привлечено щелканьемъ биллиардныхъ шаровъ, и онъ машинально побрелъ въ биллиардную, плохо отдавая отчетъ, что дѣлаетъ. Отворивъ двери, онъ увидѣлъ самого Доганскаго и Теплоухова, которые съ увлеченіемъ доигрывали партію на французскомъ биллиардѣ безъ лузъ. Теплоуховъ «дѣлалъ шара» съ своимъ обычнымъ пришибленнымъ видомъ, а Доганскій вытягивался по биллиарду во весь ростъ, чтобы достать кіемъ шаръ безъ помощи машинки.

— Ваша партія! — крикнулъ Доганскій, бросая кій. Онъ только сейчасъ замѣтилъ стоявшаго въ дверяхъ Покатилова и улыбнулся ему: — А, Романъ Ипполитычъ, вотъ не желаете ли проиграть партію этому господину, который увѣряетъ всѣхъ, что даже не умѣетъ держать кія въ рукахъ? Вы видѣли Сюзи?

— Да, я сейчасъ оттуда.

— Ахъ, она совсѣмъ увлеклась этимъ плутишкомъ Чарли... Это нашъ новый молодой другъ, Романъ Ипполитычъ, который овладѣлъ сердцемъ бѣдной Сюзи сразу, такъ что я ужъ не знаю, какъ вы теперь будете...

Доганскій самъ же первый громко засмѣялся своей шуткѣ, а у Покатилова сжались кулаки, чтобы раздавить эту холодную улыбающуюся гадину.

— Такъ вы не желаете попытать счастья... на биллиардѣ?— спрашивалъ Доганскій, какъ ни въ чемъ не бывало, выбирая новый кій.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ну-съ, такъ ужь намъ съ Евстафіемъ Платонычемъ, видно, на роду написано играть одну партію за другой...

Биллиардные шары застучали съ новою силой, а Погатиловъ побрелъ назадъ: въ этомъ домѣ въ каждомъ углу шла самая отчаянная игра.

— Вы куда это уходите? — кричалъ вслѣдъ Доганскій.— Оставайтесь встрѣчать новый годъ... по семейному.

Д. Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Жертвоприношение Будды.

День наступилъ, спѣшить густой толпою
    Ко храму древнему народъ,
Взглянуть какъ въ первый разъ своей рукою
    Царь-отрокъ жертву принесеть.
Цвѣтами устлана его дорога,
    Гремитъ браминовъ стройный хоръ,
Но онъ глядитъ задумчиво и строго
    И полонъ скорби дѣтскій взоръ.
Лигуетъ все. Священные наѣвы
    Кругомъ торжественно звучать,
Его красавицы встрѣчаютъ дѣвы,
    Ихъ очи свѣтлыя горять,
И дышать счастьемъ лица молодыхъ;
    Все полно жизни, красоты
И солнце льетъ потоки золотые
    На мѣрь, на женщинъ, на цвѣты...
Но вотъ и храмъ. И холодомъ, и тѣнью
    Отъ сводовъ вѣетъ вѣковыхъ;
Здѣсь подъ его старинной, хмурой сѣнью
    Безмолвно все — и хоръ затихъ.
Внутри у стѣнъ тѣснятся изваянья,
    Во мракъ вперивъ недвижный взоръ:
Праджapati — источникъ мірозданья,
    Варуна — вѣчности просторъ.
И тутъ же Чандра, тихая богиня,
    Царица свѣтлая ночей,
Что плаваетъ въ лазоревой пустынѣ
    Въ вѣнцѣ серебряныхъ лучей.

И Сурія — живой огонь вселенной,
Бѣмъ міръ согрѣть и озаренъ,
И самъ великій Брама неизмѣнный
Среди явленій и времянь.
И замерла толпа безмолвно на порогѣ,
И ждетъ, чтобъ царь колѣна преклонилъ свои;
Но онъ вошелъ — и встали мраморные боги
Предъ тѣмъ, кто міру несъ ученіе любви.

Кн. Д. Цертелевъ.

СЛѢПЫЕ И ЗРЯЧІЕ.

(Изъ деревенской хроники).

I.

Я проснулся отъ какихъ-то необычныхъ для моего уха звуковъ. Было довольно рано: часовъ пять утра; изъ открытаго а несло еще утреннюю свѣжесть, хотя солнце уже «жарило всѣ лопатки», какъ говаривалъ нашъ мѣстный острякъ, сельскій учитель; день поэтому обѣщавъ быть, подобно предыдущимъ десяти-пятнадцати днямъ, удивительно знойнымъ. Когда деревянное состояніе духа, слѣдующее обыкновенно послѣ какого сна, покинуло меня, и я начиналъ сознать — кто гдѣ я, мнѣ ясно послышался женскій плачь съ подвывающимъ и причитаніемъ, какъ это бываетъ въ деревняхъ по поминамъ.

«Ба-атюшки родимые... на кого вы насъ покинули?!... теперь намъ, горькимъ, дѣла-ать?!» — надрывался одинъ голосъ; другой выводилъ только протяжныя ноты «а-а-а».

«Да, вѣдь, это Терентьевна плачетъ, — рѣшилъ я безъ малѣйшаго колебанія. — Что-жь такое могло у нихъ случиться за ночь?» Я быстро одѣлся и вышелъ черезъ сѣнцы на нашъ дворъ, гдѣ слышались плачущіе голоса.

Навалившись грудью на край телѣги, стоявшей подъ навѣсомъ, и прикрывъ лицо руками и передникомъ, громко причитала старуха Терентьевна, жена старшаго изъ двухъ братьевъ, къ хозяевъ; возлѣ нея стояла съ заплаканнымъ лицомъ моя ея невѣстка, жена единственнаго сына старухи, Михайлы, галасавшая ее унять:

— Будетъ тебѣ, матушка, убиваться... будетъ, пойдемъ избу!

На завалинкѣ сидѣла жена второго изъ братьевъ, Петровна, и тоже плакала, но тише и не столь надрывающимъ голосомъ. У полуоткрытыхъ на улицу воротъ стояли двѣ-три бабы сосѣдки и, подперевъ руками щеки, жалостливо смотрѣли на происходившее во дворѣ; съ расширенными отъ страха и любопытства глазами тутъ же толпилось нѣсколько ребятишекъ, нашихъ и сосѣдскихъ, сбившихся въ кучку невдалекѣ отъ Терентьевны. Мужики наши тоже были всѣ въ сборѣ. Василій-ямщикъ, старшій братъ, отставной солдатъ, гонялся съ прутомъ въ рукахъ за какою-то курицей, чѣмъ-то ему помѣшавшей; курица съ громкимъ хлоптаньемъ глупо совалась изъ одного угла двора въ другой, никакъ не рѣшаясь пробѣжать на улицу мимо стоявшихъ у воротъ бабъ, а Василій съ ясно написанною ненавистью на лицѣ преслѣдовалъ ее, точно смертельнаго своего врага. Иванъ, братъ Василья, мужикъ лѣтъ сорока, сидѣлъ на валявшейся на землѣ сохѣ и всхлипывалъ, утирая рукавомъ ситцевой рубашки слезы; Михайло, сынъ Василья, мой хорошій пріятель, одинъ изъ лучшихъ видѣнныхъ мною когда-либо крестьянскихъ парней, стоялъ посреди двора, закинувъ руки за спину и въ безмолвномъ отчаяніи смотрѣлъ на совершающееся на его глазахъ несчастіе.

У одной изъ загородей стояли двѣ красивыя свѣтло-гнѣдья лошади; онѣ тряслись всѣмъ статнымъ тѣломъ своимъ и, какъ бы пугаясь предстоящей катастрофы и ища помощи, робко жались другъ къ другу; копына ихъ гнулись, дыханье было прерывисто. Постоявъ съ минуту, онѣ бросались на землю, катались по ней, съ трудомъ поднимались, шатаясь изъ стороны въ сторону, и опять стояли, жалостливо поводя глазами. Вся фигура ихъ была олицетвореніемъ безмолвнаго, но мучительнаго страданія; животныя эти умоляли своихъ «царей», разумныхъ и одаренныхъ словомъ людей, придти къ нимъ на помощь, спасти ихъ, но тщетно: люди только плакали или стояли, опустивъ руки, и животныя, предоставленныя самимъ себѣ, издыхали на глазахъ плачущихъ и беспомощныхъ своихъ хозяевъ... Да, онѣ издыхали,—это стало для меня ясно съ перваго взгляда. Незачѣмъ было спрашивать, что случилось и почему плачетъ Терентьевна, по комъ она голосить? Мой вопросъ былъ бы неумѣстенъ; мнѣ отвѣтили бы на него или принужденно, неприязненно, или не отвѣтили бы вовсе. Я присѣлъ рядкомъ съ Петровной на завалинку и, подобно прочимъ зрителямъ, не спускалъ глазъ съ умирающихъ бо-

ней, такъ что почти не замѣтилъ, какъ мимо меня прошмыгнула въ избу жена Михайлы, молодая Дуняша.

Василій подошелъ къ колодезю, глубоко запустилъ въ него бадью и досталъ свѣжей воды; переливъ ее въ ведро, онъ поднесъ его поочереди обѣимъ лошадямъ, но онѣ только совали свои красивыя морды въ воду, а пить уже не могли. Дѣло, очевидно, близилось къ развязкѣ. Высокая кобыла еще разъ брякнулась о-земь, потомъ встала и, шатаясь, какъ пьяная, пошла за загородъ, на мѣсто ночевки; тамъ она немного походила и тихо прилегла на мягкую солому, уперевъ голову въ плетень; поза ея была совершенно естественна: мы всѣ, какъ оказалось потомъ, думали, что она задремала, и потому все свое вниманіе устремили на красавца мерина, оставшагося посреди двора. «Молодчикъ» стоялъ нѣсколько минутъ, не трогаясь съ мѣста, но трясясь, какъ въ лихорадкѣ; потомъ онъ подошелъ къ Василью, своему хозяину, ѣздившему на немъ семь лѣтъ, и ткнулся ему мордой въ грудь. Василій, 52-ти лѣтній солдатъ, съ честью выдержавшій севастопольскую бойню, повалился «Молодчику» въ ноги... Сцена была настолько тяжелая, что я не рѣшился дождаться ея конца и ушелъ въ избу.

Черезъ нѣсколько времени дверь скрипнула и ко мнѣ вошла заплаканная Дуняша съ самоваромъ въ рукахъ. Я такъ далеко былъ въ эту минуту отъ всякой мысли о чаепитіи, что въ недоумѣніи смотрѣлъ на вошедшую молодуху, говорившую:

— Ужь вы извините, Н. М., позамѣшкалась я маленько съ самоваромъ новѣ... Такія у насъ дѣла!...

Черты ея красиваго лица при этихъ словахъ исказились.

— Что вы, Дуняша?... Да что это вы вздумали о самоварѣ?... Время ли теперь?

— Какъ не время! Я, вѣдь, знаю, что вы, какъ встаете, то чай пьете. Я это стою на дворѣ съ матушкой, — глядь-поглядь, а вы ужь вышли! Тутъ я и ахнула: батюшки мои, да, вѣдь, я новѣ денщица, мой день-то и самоваръ ставить, и стирать!... Сейчасъ мужикамъ завтракать готовить надо.

— Да я бы подождалъ съ самоваромъ. Какой теперь чай?... Вошь, кони-то у васъ...

Дуняша присѣла на лавку и закрыла лицо фартукомъ.

— Бѣда!... И чѣмъ это мы Господа-Батюшку прогнѣвили? — говорила она, всхлипывая. Но черезъ минуту она вскочила и уже въ дверяхъ сказала: «Пойти мужикамъ завтракъ собирать!»

II.

Я жилъ уже болѣе полугода въ семьѣ Болотовыхъ и если не во всё, то во многіе семейскіе интересы ихъ былъ посвященъ. Вся трагедія съ лошадьми прошла на моихъ глазахъ. Въ концѣ іюня мѣсяца, когда подымали пары, Михайло возвратился однажды съ поля пѣшкомъ: лошадь, на которой онъ пахалъ почти цѣлый день, внезапно издохла уже на пути къ дому. Погоревали мужики, потужили, приписали несчастье это жаркому дню («отъ солнца, должно быть»), сняли съ труна шкуру, и жизнь потекла своимъ чередомъ, благо лошадей во дворѣ было много, — оставалось еще шесть штукъ: тройка, на которой ѣздилъ Василій въ качествѣ земскаго почтара, двѣ рабочихъ лошади и одинъ двухгодовалый жеребенокъ отъ лѣвой пристяжной кобылы, рослой лошади двухъ аршинъ и пяти вершковъ. Болотовская тройка нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣла себѣ равныхъ во всей округѣ; коренникъ теперь уже сильно устарѣлъ, — ему уже лѣтъ подъ двадцать, — и его рѣдко запрягаютъ въ долгую дорогу; замѣнять его стали «Молодчикомъ», который, несмотря на свой небольшой ростъ, проявлялъ также замѣчательныя достоинства. Въ прежнемъ же своемъ составѣ тройка эта сдѣлала однажды 25 верстъ въ часъ съ четвертью; этотъ день останется на всю жизнь памятнымъ Василью: онъ везъ одного изъ великихъ князей на охоту и получилъ тогда изъ высокихъ рукъ на чай «нятерку». Я изъѣздилъ не одну сотню верстъ на лошадяхъ Василья и зналъ ихъ чудесныя качества; зналъ также страстную, — другаго выраженія не подберу, — любовь всей семьи Болотовыхъ къ своимъ кормильцамъ; поэтому я нисколько не удивился, когда наканунѣ того дня, съ котораго начинается мой рассказъ, Михайло сообщилъ мнѣ, какъ объ огромномъ несчастіи, что у нихъ «съ кобылой не совсѣмъ ладно: не ѣсть и случаетъ». Пошелъ и я посмотрѣть на больную, хотя помочь ей ничѣмъ не могъ: дѣйствительно, кобыла случала и выказывала какое-то безпокойство, безпрестанно переходя съ мѣста на мѣсто. Стали толковать, какая тому могла быть причина. «Съ глазу! — рѣшилъ Иванъ (Василья дома не было). — Надо позвать Терентьевну». Жена Василья, мать Михайлы, Терентьевна, умѣла «нашептывать», и къ ней часто прибѣгали сосѣди за помощью, прося «пошептать» надъ коровой или теленкомъ, а иногда и надъ ребенкомъ. Пришла старуха съ огорода, гдѣ по-

лола грядки, посмотрѣла, покачала головой; принесла изъ избы чистую деревянную чашку съ водой и велѣла всѣмъ выйти изъ стола: такъ я и не видѣлъ, въ чемъ заключалось ея нашептываніе. Каждый полчаса, если не чаще, навѣщали хозяева кобылу; но не легче кобылѣ: еще пуще скучаетъ послѣ леченія Терентьевны. Въ вечеру пріѣхалъ Василій, возившій судебного пристава куда-то на нарѣ (въ корню былъ «Молодчикъ»); онъ сразу рѣшилъ, что съ кобылой очень не ладно и попытался самъ поковать: какъ солдатъ и ямщикъ, онъ, и по мнѣнію другихъ, и по собственному, долженъ былъ имѣть познанія по леченію лошадей. Принесли долото и молотокъ; Михайло держалъ кобылу подъ уздцы, а коваль рубилъ ей своими инструментами «шейную жилу». Долго стучалъ онъ молоткомъ по долоту, разсѣвая толстую кожу; даже жутко становилось, слушая эти удары, полузаглушаемые мягкою наковальной — шейной лошади. Наконецъ, кровь брызнула тонкою струйкой, образуя лужу шагахъ въ трехъ отъ тѣхъ мѣста, гдѣ стояла кобыла; минутъ пять лилась «руда», принимавшая все болѣе алый оттѣнокъ, вмѣсто первоначальнаго темновиншеваго.

— Не будетъ ли, Григорьичъ?—не вытерпѣлъ я.

— И то, пожалуй, будетъ...

Расщепленнымъ сучкомъ отъ вѣтки зажалъ онъ ранку на шеѣ, кромѣ того, туго перетянулъ по этому мѣсту бичевой: кровь перестала струиться. Еще прошло съ часъ времени; Василій молча наблюдалъ за кобылой и вдругъ пошелъ запрягать одну изъ рабочихъ лошадей въ телѣгу.

— Ты это куда?—спрашиваю я его.

— Тутъ, неподалечку, — отвѣтилъ онъ нехотя.

Стало уже смеркаться, когда Василій вернулся, и не одинъ, а съ еѣдомомъ. То былъ бѣлый, какъ лунь, и ничуть не плѣшивый, 70-ти лѣтній старикъ Изотъ, жившій на другомъ концѣ нашего огромнаго села. Изотъ былъ извѣстенъ, какъ знахарь, въ цѣломъ околоткѣ и, по общественному мнѣнію, умѣлъ нашептывать не въ примѣръ лучше Терентьевны, съ чѣмъ она сама внолнѣ соглашалась.

— Я, вѣдь, больше такъ, самочиткой, — говорила она мнѣ однажды, — ну, а Изотъ — тотъ обученъ. — Гдѣ «обучался» Изотъ, и какъ это можно нашептывать «самочиткой», мнѣ такъ и не удалось узнать, потому что сама Терентьевна была не словоохотлива вообще, а объ этомъ предметѣ и вовсе не любила

говорить, другіе же обыватели отзывались невѣдѣніемъ: «мы ихнихъ дѣловъ не знаемъ», — отвѣчали они на мои вопросы.

Изоть произвелъ свои манипуляціи, не хоронясь отъ людей, какъ Терентьевна, а нѣкоторымъ образомъ публично. Онъ также велѣлъ принести чистую деревянную чашку, самъ досталъ изъ колодца воды, пошелъ на задворки, гдѣ росли деревья; и сломалъ небольшую вѣтку съ листьями, которую положилъ на чашку съ водой; затѣмъ спросилъ соли, которой отсыпалъ въ бумажку съ полгорсти и положилъ на вѣтку; чашку со всеми припасами поставилъ на-земь посреди двора. Послѣ этихъ предварительныхъ приготовленій, Изоть сталъ молиться на востокъ, имѣя по лѣвую сторону отъ себя лошадь, а впереди—чашку съ припасами; безпрестанно кладя земные поклоны, онъ съ трудомъ поднимался съ земли и сейчасъ же опять опускался на колѣна. Лучи заходящаго солнца фантастично освѣщали эту высокую, хотя и согбенную фигуру бѣлоголоваго старца въ лаптяхъ и въ плохонькомъ полушубкѣ, который былъ на немъ одѣтъ, несмотря на лѣтнее время; около старика безъ привязи и, все-таки, совершенно смиренно стояла его пациентка; мы, публика, составляли обширный кругъ и съ любопытствомъ, а иные и не безъ страха, смотрѣли на знахаря. Молитвы Изоть читалъ про себя, только шевеля губами; поэтому, что онъ читалъ—осталось неизвѣстнымъ. Бончивъ молиться, онъ поклонился на четыре стороны, поднялъ съ земли чашку съ водой и съ лежавшими на ней предметами и сталъ что-то шептать, время отъ времени дуя на воду; этимъ окончились приготовленія и началось самое леченіе. Воду Изоть частью вылилъ на голову больной, частью разбрызгалъ по всему тѣлу ея, помощью заготовленной вѣтки; затѣмъ, подозвавъ Василья и Михайлу, велѣлъ имъ держать голову лошади и часть наговорной соли всыпалъ ей въ ноздри, часть въ уши и часть въ ротъ; потомъ еще нѣсколько разъ перекрестился, дунулъ пациенткѣ въ уши и носъ и сказалъ: «Ну, дай Богъ на здоровье! Счастливо оставаться». Онъ сѣлъ на телѣгу и Василій повезъ его домой; Терентьевна, стараясь продѣлать это незамѣтнымъ для другихъ образомъ, положила къ нему въ телѣгу цѣлый ржаной хлѣбъ, вѣсомъ фунтовъ въ 15.

Не весело ужинала семья Болотовыхъ этимъ вечеромъ; у всѣхъ на умѣ былъ вопросъ: поправится ли кобыла? Но никто изъ нихъ и не предполагалъ того, что оказалось на слѣдующее утро: не только кобыла издыхала, но и «Молодчикъ», вчера еще во-

живній судобнаго пристава и казавшійся съ вечера совсѣмъ здоровѣть, въ нѣсколько часовъ опустился настолько, что видѣ у него былъ не лучше, чѣмъ у заболѣвшей 30—40 часовъ тому назадъ кобылы. Тутъ-то и поднялся плачь бабъ, который потревожилъ мой утренній сонъ.

III.

Какъ-никакъ, а самоваръ стоялъ на столѣ, и надо было приступить къ чаепитію; хотѣлъ было я тотчасъ позвать кого-нибудь изъ мужиковъ раздѣлить со мной компанію, но, слышавъ, что они собираются завтракать, порѣшилъ пригласить ихъ послѣ завтрака. Въ сѣнцахъ слышалась обычная возня съ ложками и чашками. «Мамка, молочка хочца!» — плакалась 3-хъ лѣтняя дочка Михайлы. — «Вотъ я те дамъ молочка! Не знаешь, новѣ постъ?» — сурово отвѣчала Дуняша. — «Ну, картошки дай!» — «На, отвязись, мучитель!...»

— Васильчъ! зайди чайку выпить, — говорю я, когда Михайло первымъ вышелъ во дворъ.

— Благодарствуемъ, Н. М., — отвѣчаетъ онъ.

— Чего благодарить, послѣ поблагодаришь! Заходи!...

— Инъ чашечку выпить?... Оно послѣ нищи-то хорошо!

Черезъ минуту Михайло входитъ ко мнѣ, успѣвъ уже всполоснуть руки и причесать волосы.

— Ну, что «Молодчикъ»?

— Готовъ!... Пошелъ за загородъ, да такъ со всѣхъ ногъ и брякнулся... Рядышкомъ и лежать. Какъ вмѣстѣ въ упряжкѣ шесть лѣтъ ходили, такъ вмѣстѣ и жизнь свою кончили.

— Съ чего бы это напасть такая на вашихъ лошадей навалилась? Вѣдь, три штуки на одномъ дворѣ, а нигдѣ больше падежа не слышать...

— Съ глазу, извѣстно съ чего! А то чего же имъ не жить?

— Михайло, я думалъ, ты поумнѣе будешь!... Охота тебѣ пустяки молоть! Какой тамъ «глазъ» завелся у васъ?

Михайло угрюмо дуетъ въ блюдце, допиваетъ чай и опрокидываетъ стаканъ.

— Благодаримъ за чай, за сахаръ!

— Не за что... Такъ съ глазу?

— Вамъ, извѣстно, чудно это... Вы вотъ по книгамъ, а мы теперьча эти дѣла тоже хорошо знаемъ... Покорѣйше благодаримъ!

Часа черезъ два я видѣлъ, какъ старый коренникъ вывезъ труны своихъ сотоварищей въ оврагъ; тамъ съ нихъ сдраны шкуры, чтобы выжать послѣднюю пользу изъ того, что и до рожденія, и въ теченіе своей жизни, и послѣ самой смерти составляетъ собственность хозяина. Хотя Болотовы были моими друзьями, или, если хотите, именно поэтому, я посовѣтовалъ сельскому старостѣ понаблести, чтобы труны лошадей были отвезены подальше отъ села и закопаны, какъ слѣдуетъ быть, въ землю, а не брошены на растерзаніе собакамъ.

Въ тотъ же вечеръ въ семьѣ Болотовыхъ произошла отвратительная сцена; можно было подумать, что не только лошади, но и сами хозяева испорчены «съ глазу». Василий сильно усталъ, снимая шкуры съ труповъ; онъ счелъ себя въ правѣ послѣ трудовъ пойти въ трактиръ выпить стаканчикъ-другой (путешествія эти онъ предпринималъ вообще очень часто, иногда по нѣскольку разъ въ день). Пропивъ имѣвшуюся у него мелочь, онъ захотѣлъ еще, но трактирщикъ въ долгъ не давалъ. Тогда Василий пошелъ домой и изъ кадки, стоявшей въ сѣнцахъ, отсыпалъ въ мѣшочекъ съ полмѣры обще-семейскаго пшена, которое и перевозокъ для обмѣна на живительную влагу. Нужно замѣтить, что въ то время, какъ Василий былъ на военной службѣ, хозяйствомъ въ домѣ велъ Иванъ; главенство за нимъ осталось и послѣ того, какъ братъ пришелъ со службы, ибо Василий нерѣдко зазнавалъ, да и отъ хлѣбопашества отвыкъ, такъ что и самъ признавалъ, что хозяйство въ рукахъ Ивана будетъ лучше идти, нежели въ его; но въ пьяномъ видѣ Василий любилъ показывать себя хозяиномъ и напоминать, что онъ глава дома. Всѣ деньги хранились, по заведенному порядку, у Ивана, а Василью попадали только тѣ, которыя онъ урывалъ у проѣзжающихъ; за ужь если попадали ему въ руки прогоны, то изъ нихъ ни и пѣйки не поступало въ семейскую кассу, — все сполна оставалось въ трактирѣ.

Напившись до безумія за счетъ семейскаго пшена, Василий вернулся домой; тамъ уже узнали о случившемся отъ мальчика сына Ивана, видѣвшаго, какъ «дядя отсыпалъ себѣ пшена». У Ивана, и у Терентьевны наигрѣло на сердцѣ много горечи уже съ утра и они не могли упустить удобнаго случая излить ее

кого-нибудь: совершенно охмѣлѣвшаго Василія стали они упрекать въ кражѣ пшена, въ пьянствѣ, въ утайкѣ прогоновъ и прочемъ; Василій освирипѣлъ.

— Боги такъ, давай дѣлить пшено! Я съ своею частью что хочу, то и одѣлаю: хопъ въ день пропью! Никто мнѣ не указъ!

Онъ схватилъ мѣрку и сталъ сыпать пшено въ другую кадку, много разбрасывая его по полу.

— Оставь, разбойникъ!—крикнула на него Терентьевна.

Василій размахнулся, и тяжелая мѣра съ хряскомъ ударилась въ стѣну на нѣсколько вершковъ полѣвѣе головы Терентьевны.

— Душегубецъ!... На старости лѣтъ убить меня хочешь!—заплакала старуха.

— Ты что это, ошалѣлый чортъ, дѣлаешь? Вѣдь, ты бабу чуть не убилъ!... Я пойду въ волость, скажу, чтобы тебя старшина въ холодную посадилъ! — вмѣшался не совсѣмъ тактично Иванъ.

— Уйди, убью!—кричалъ окончательно разсвирипѣвшій Василій и съ подвернувшимся подъ руки полѣномъ кинулся на Ивана. Тотъ ударился бѣжать.

Не знаю, чѣмъ могла бы кончиться эта безобразная сцена, еслибъ, на счастье и свое, и другихъ, Василій не споткнулся на ступенькахъ крыльца и не грохнулся со всего размаха о-земь, какъ колода; лишь только онъ упалъ, нервное раздраженіе его мгновенно стихло, хмѣль взялъ свое, и взбѣсившійся вояка тутъ же, близъ порога своего дома, заснулъ мертвымъ сномъ. Съ наступленіемъ ночи его за руки и за ноги перетаскили въ сѣнцы, гдѣ онъ и проспалъ на полу до самаго утра.

На другой день на семейномъ совѣтѣ Болотовыхъ было рѣшено отслужить у себя молебень съ водосвятиемъ; впрочемъ, «совѣтъ» этотъ былъ чрезвычайно лакониченъ. За обѣдомъ Терентьевна, подавая на столъ кашу, сказала, ни въ кому прямо не обращаясь: «надо бы Богу помолиться...» На это Иванъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья и безмолвнаго истребленія каши, отвѣтилъ: «да, надо бы!» Остальные молчали: Василій былъ вообще не словоохотливъ, а въ этотъ день, послѣ вчерашняго хмѣля, онъ былъ особенно угрюмъ; Михайло же и бабы подавать голое рѣшались вообще рѣдко,—не въ обычаѣ это было. Подъ вечеръ, покончивъ домашнія работы, Иванъ одѣлъ новую поддеву изъ домашняго сукна, подоясался кушакомъ и пошелъ къ отцу Петру.

IV.

Иванъ Ивановичъ Мухинъ, отставной поручикъ, мелкій землевладелецъ, имѣющій домъ въ нашемъ селѣ, вернулся утромъ изъ города, получивъ пенсію въ уѣздномъ назначенствѣ. За обѣдомъ Иванъ Ивановичъ выпилъ, какъ слѣдуетъ быть, потомъ выспался, какъ высыпаются только люди, у которыхъ нѣтъ ни особенныхъ заботъ, ни экстренныхъ дѣлъ, и въ настоящее время сидѣлъ за чаемъ, позѣывая и раздумывая, что предпринять, дабы скоротать вечеръ. Внезапно Иванъ Ивановичъ вспомнилъ; что изъ города онъ привезъ четверть столовой водки, далеко лучше той бурды, которую продаетъ нашъ трактирщикъ, Осипъ Никитичъ, подъ названіемъ «двойной очищенной». Хотя Осипъ Никитичъ и пріятель Ивана Ивановича, — что неоднократно доказывалъ, отпуская ему въ кредитъ водку и пиво, — но поручикъ, въ пылу благороднаго негодованія, частенько заявлялъ даже въ глаза Осипу Никитичу, что онъ черезъ-чуръ широко пользуется правомъ, предоставленнымъ деревенскимъ трактирщикамънисходительнымъ акцизнымъ надзоромъ, разбавлять водку водой до крѣпости 30°, а то и ниже. Вспомнилъ Иванъ Ивановичъ послѣдній споръ свой съ Осипомъ Никитичемъ, имѣвшимъ нахальство утверждать, что въ городѣ водка нисколько не лучше продаваемой имъ въ нашемъ селѣ; вспомнилъ еще Иванъ Ивановичъ, что между разными припасами, которые онъ привезъ для своего продовольствія изъ города, есть банка килекъ и коробка сардинокъ, — вещи, какъ извѣстно, очень вкусныя въ качествѣ закусокъ къ водкѣ. И результатомъ всѣхъ этихъ соображеній было то, что Иванъ Ивановичъ рѣшилъ пригласить къ себѣ цвѣтъ и сливки мѣстнаго общества, чтобы, во-первыхъ, угостить ихъ хорошей водкой и закуской, во-вторыхъ, доказать Осипу Никитичу, что онъ безбожный лгунъ, и, въ-третьихъ, скоротать время за пулечкой или стуколочкой.

Иванъ Ивановичъ велѣлъ работнику заложить лошадь и сѣлъ писать приглашенія. Въ деревнѣ это дѣлается просто: «пріѣзжай, пулька будетъ» (варианціи: «стуколка будетъ», «винтъ будетъ»), — пишетъ одинъ партнеръ другому и, въ экстренно-важныхъ случаяхъ, посылаетъ за нимъ лошадь. Получившій записку тотчасъ садится въ присланную телѣгу или сани, заѣзжаетъ къ другому приглашаемому и, захвативъ его, къ третьему: вотъ и всѣ налицо. Такъ было и въ этотъ разъ. Отецъ Петръ,

священникъ нашего села, молча пилъ шестой стаканъ чаю съ лимономъ и неистово зѣвалъ въ ожиданіи скучнаго, бездѣльнаго вечера; его любимый котъ прыгнулъ къ нему на колѣна.

— Брысь, подлый!... И безъ тебя жарко!—вскрикнулъ отецъ Петръ и могучею десницею отшвырнулъ отъ себя кота.

— Ахъ, Петя, ты всегда такъ!... Чѣмъ онъ виноватъ, бѣдный?—придралась къ случаю поговорить хоть на кабую-нибудь тему тайная супруга отца Петра.

— Ну, матушка, а я-то чѣмъ виноватъ? Миѣ и безъ него не въ мочь жарко, а онъ тутъ лѣзетъ!... Тошно даже, право!...

— Можно бы потише, кажется.

— И то не громко, *кажется!*... Да ты-то чего пристала, скажи-ка пожалуйста?

— Не могу я видѣть твоего варварства!... Злодѣй ты, и больше ничего.

— Она!... Распустила язычекъ... Дай хоть чаю напитокъ, какъ слѣдуетъ, Христомъ-Богомъ прошу тебя!

Отцу Петру предстояло, очевидно, не совсѣмъ интересное времяпрепровожденіе; и какъ же радъ онъ былъ, когда получилъ записку отъ Ивана Иваныча.

— Батай живѣй къ прочимъ,—говорилъ онъ посланцу,—а я на своей лошади доѣду... Эй, Сенька, запрягай жеребца!

— Опять ты, Петя, въ гости ѣдешь?—спрашивала матушка, раздраженная перспективой одиночнаго сидѣнія.—Ты ужь лучше на глаза миѣ не показывайся, когда вернешься.

— И не покажусь!... И не беспокойтесь о насъ, никто васъ не просить!...

Злосчастный котъ вновь верещить, на этотъ разъ отъ не совсѣмъ нѣжнаго прикосновенія къ нему остраго носка медной ботинки матушки-попады; затѣмъ слышится трескъ съ сердцемъ захлопнутой двери, и о. Петръ остается одинъ; онъ благодушно ухмыляется, расчесывая свои густые волосы, и мурлычить какую-то пѣсенку.

На мою долю также выпало приглашеніе ѣхать къ Ивану Иванычу. Я уже успѣлъ прочесть, взятые изъ волости, и *Сельскій Вѣстникъ*, и *Губернскія Вѣдомости*, и плехонкскій мѣстный «органъ нуждъ и стремленій», и также, какъ и прочая «интеллигенція» села ***, задавалъ себѣ мучительный вопросъ: что же теперь дѣлать?—какъ вдругъ хорошо знакомый миѣ голосъ раздался въ открытомъ окнѣ:

— Дома, что-ль?

— А, а, Иванъ Дмитріевичъ! Заходи!

— Какого тамъ чорта заходить? Бери шапку, ѣдемъ къ Ивану Иванычу!

Это былъ нашъ учитель; онъ подъѣхалъ въ моему дому уже на телегѣ. Я съ минуту колебался, принимать или нѣтъ приглашеніе; но, рѣшивъ, что на людяхъ, все-таки, скорѣе убьешь этотъ скучный и душный вечеръ, взялъ фуражку.

Мы застали у Ивана Иваныча уже двухъ гостей, фельдшера и трактирщика Осипа Никитича. Фельдшеръ былъ именно таковъ, каковы вообще фельдшера въ девяти случаяхъ изъ десяти, но трактирщикъ Осипъ Никитичъ... пожалуйста, не думайте, что это какой-нибудь деревенскій кулакъ или чумазыи мѣщанишко; нѣтъ, это господинъ въ тонкомъ голландскомъ бѣльѣ, въ костюмѣ изъ чи-чун-ча и съ золотыми часами на таковой же цѣпочкѣ, — словомъ, это совсѣмъ культурный человекъ, нашей компаніи не портившій; даже въ мѣстномъ «органѣ» корреспондентомъ состоялъ, чѣмъ немало гордились и мы, и онъ.

— Какого чорта даромъ время терять?—грохоталъ учитель черезъ пять минутъ послѣ того, какъ мы ввалились къ Ивану Иванычу.—Разставляй столы, друже!

— Нельзя, Иванъ Дмитріичъ; надо, вѣдь, отца Петра подождать; чтой-то онъ запоздалъ; вѣрно, задержали... А вотъ что, господа, хоть теперь и жарко, но говорятъ: «клинъ клиномъ вышибай». Не выпить ли намъ по этому случаю по единой?... Городская, вѣдь, водочка, не здѣшной фабрикаціи.

Иванъ Иванычъ насмѣшливо посмотрѣлъ на фабриканта «здѣшной» водки; тотъ пропустилъ обиду мимо ушей и сосредоточенно крутилъ папиросу.

— Охъ, жарко дже, Иванъ Иванычъ!—протестовалъ учитель.—Вотъ кабы пивца.

— Будетъ и пиво: я уже послалъ. А что, Н. М., правда, что у вашихъ хозяевъ все еще лошади дохнутъ?

— Просто ужасно, что дѣлается!... Гнѣдыя-то, троечныя, знаете? Вчера скапутились!

— Ай, ай, вотъ бѣда-то! Вотъ раззоръ-то! Какіе кони-то были!...

— А все жара. Вѣдь, по тридцати градусовъ въ тѣни бываетъ!

— Ну, не все жара!

— Что же еще?... Я ничѣмъ больше объяснить не могу.

— Впрочемъ, кто ихъ знаетъ, можетъ быть, и отъ жары...

— Я вотъ хочу завтра писать въ городъ, чтобы ветеринара намъ прислали.

— Ничего вашъ ветеринаръ не подѣлаетъ, помяните мое слово!—убѣжденно сказалъ хозяинъ.—Ужь я видывалъ на своемъ вѣку эти штуки, не даромъ же шестой десятокъ доживаю. Да вотъ я вамъ расскажу, какой былъ случай. Покойника Максима Петровича знавали, вотъ, что торговлю здѣсь свою имѣлъ? Нѣтъ?... Впрочемъ, что же я-то брешу! Онъ уже года четыре какъ померъ, вы и духа его не застали. Да, такъ скупалъ онъ, нужно вамъ сказать, и овецъ: головъ по пятисотъ и больше имѣлъ. Вотъ и случись у него падежъ: дохнуть овцы, и шабашъ! Штуку по пяти каждый день выволакиваютъ въ оврагъ, просто бѣда! Позвалъ онъ тутъ знающаго мужичка; тотъ посмотрѣлъ, никакой болѣзни на овцахъ - то не нашелъ и говоритъ, что не спроста, мошь, это. Помочь, говорить, я тебѣ не умѣю, а совѣтъ даю: поскорѣе продавать всѣхъ, хотя бы и съ убыткомъ, а то еще бѣльшій убытокъ понесешь, какъ всѣ подохнуть. Не повѣрилъ Максимъ Петровичъ и поѣхалъ въ городъ за ветеринаромъ; а по дорогѣ, въ вагонѣ, и разговорился съ сосѣдомъ: такъ и такъ, ѣду, мошь, въ городъ. Сосѣдъ засмѣялся: «Что же, говорить, твой ветеринаръ тутъ сдѣлаетъ, если на нихъ болѣзни никакой нѣту? Мнѣ ты не повѣришь, такъ поѣзжай же, потрать рублей двадцать денегъ, а потомъ сдѣлай, что скажу, и будутъ твои овцы цѣлы». Оказалось, что сосѣдъ-то Максиму Петровичу попался хорошій: самъ скотскою частью не годъ и не два занимался. Привезъ Максимъ Петровичъ ветеринара, ничего тотъ не подѣлалъ: дохнуть овцы попрежнему. Вотъ и приходитъ ко мнѣ Максимъ Петровичъ и проситъ написать на бумагѣ какой-то наборъ словъ, заученный имъ со словъ сосѣда въ вагонѣ. Взяло меня любопытство, и присталъ я къ нему: скажи, да скажи, зачѣмъ это тебѣ понадобилось? Онъ долго отнѣживался; однако, подъ конецъ сообщилъ, взявъ слово никому не говорить (теперь-то, я думаю, можно, потому что онъ ужъ померъ, царство ему небесное). Видите ли, онъ плохо самъ-то писалъ, ну, и боялся, что прошибется, коли самъ писать будетъ. Оказалось, что это заговоръ отъ падежа. Надо его написать на бумагѣ, потомъ разорвать темною ночью на девять клочковъ и, читая девять разъ про себя, обойти,—три ли раза, семь ли разъ,

не помню хорошенъко, — овчарню, гдѣ овцы ночуютъ; потомъ вырыть вокругъ овчарни девять лунокъ въ землѣ и въ каждую изъ нихъ закопать по клочку бумажки. Только и всего. И все прекрасно вышло. Ни одна овца больше не пала.

— Почтеннѣйшій хозяинъ Иванъ Ивановичъ, ваше благородіе! — вмѣшался Осипъ Никитичъ, — что-жъ это вы: зазвать-завали, а одними разговорами угощать намѣреваетесь? Ужъ похвалитесь, похвалитесь своею водочкой!

Въ эту минуту загремѣла телѣга и появился давно ожидаемый о. Петръ.

— Что долго не ѣхалъ? Зачѣмъ людей заставлятъ ждать? — посыпались на него укоризны и вопросы.

— Ничего не подѣлаешь, господа! Только что было занесъ ногу на телѣгу, глядь, Ивана Болотова Богъ несетъ. Просить на завтра молебень съ водоосвященіемъ отслужить, лошади, вишь, у негодохнуть. Да и проговорилъ съ нимъ минутъ десять; все просилъ посовѣтовать, что ему дѣлать. Я ему говорю: Божья воля, молъ, такая; а онъ плачется, чѣмъ же это, дескать, онъ грѣшнѣе или хуже другихъ, да не знаю ли я чего-нибудь такого, какъ лошадей отчитать?... Я ему отвѣчаю...

— Будетъ вамъ, господа, объ этихъ лошадяхъ — то говорить, — протестуютъ Осипъ Никитичъ и Иванъ Дмитричъ. — Наладили цѣлый вечеръ объ одномъ и томъ же, а время-то идетъ.

— Ну, ладно, ладно! Какую же музыку заведемъ?... Если пульку...

— Ну ее къ чорту, твою пульку! Давайте въ стуюлку, — предложилъ учитель.

— Что, али деньги лишнія завелись? — спросилъ Осипъ Никитичъ. — Ой, берегитесь, Иванъ Дмитричъ, штрафитесь!

— Погодите, почтеннѣйшій корреспондентъ! Не торопитесь; цыплятъ, вѣдь, по осени считаютъ!

— Сосчитаемъ, сосчитаемъ безъ вашей помощи; не беспокойтесь, васъ просить не будемъ!

— Садитесь же, садитесь, господа! — понукалъ неугомонный педагогъ.

Я сначала отказывался отъ участія въ игрѣ, но потомъ, подъ вліяніемъ изряднаго количества холоднаго пива, также вошелъ въ азартъ, за что и заплатился нѣсколькими рублями; учитель же проигралъ одиннадцать рублей, т.-е. больше половины своего мѣсячнаго жалованья; послѣдній ремизъ, что-то около

четырехъ рублей, ему даже нечѣмъ было заплатить, вслѣдствіе чего игра прекратилась сравнительно рано, часа въ три утра, и у него произошелъ крупный разговоръ съ трактирщикомъ.

— Это только мошенники такъ играютъ! Когда выигрываютъ—деньги берутъ, а какъ платить—не платятъ!

— Въ трактирѣ у васъ за стойкой всегда стоитъ мошенникъ, вотъ вы и думаете, что всѣ вокругъ васъ мошенники!

— Ну, это тамъ какъ хотите, а отнынѣ я съ вами играть слуга покорный!

— Будетъ вамъ, господа, ссориться изъ-за пустяковъ!—виѣшался миролюбивый хозяинъ.—Учитель, давай лучше спомемъ «нелюдимо наше море».

— Качай!

И громовой дуэтъ двухъ могучихъ голосовъ нарушилъ утреннюю тишь, привѣтствуя восходящее солнце.

У.

Съ восьми часовъ утра Терентьевна уже вынесла на середину двора столъ и покрыла его бѣлою домотканною скатертью; въ двѣнадцатомъ часу пришелъ священникъ съ причтомъ. Уставили на столъ образа, зажгли восковыя свѣчи, налили воды въ чашу, тонкою струйкой задымился ладонъ изъ кадильницы и раздалось торопливое чтеніе и пѣніе; хозяева мои истово крестились и усердно молились, прося Господа смѣнить гнѣвъ Свой на милость...

Прошло недѣли полторы. На мѣсто трехъ павшихъ лошадей была куплена Болотовыми покуда одна, рублей за пятьдесятъ. Опасенія за продолженіе падежа стали было уже исчезать у моихъ хозяевъ, какъ вдругъ заболѣла вновь купленная лошадь; одновременно съ этимъ на сосѣднемъ дворѣ заболѣла и еще лошадь. Чуть ли не въ третій разъ дано было волостью знать уѣздной земской управѣ объ упорной эпидеміи, присосавшейся къ двору Болотовыхъ и уже перекинувшейся въ сосѣдній; на этотъ разъ земство откликнулось, и на другой день изъ города прибылъ представитель науки—въ экстренныхъ случаяхъ приглашаемый управой частно-практикующій ветеринаръ: своего, земскаго, у насъ еще и въ заводѣ не было. Покуда перепрягали лошадей въ волости (представитель науки долженъ былъ посѣтить еще три или четыре пораженныхъ разными эпидеміями

мѣстности), больныя лошади подвергались осмотру. Приѣзжій казалъ имъ пальцемъ въ бока, приказывалъ разжимать имъ зѣ и вытаскивать языкъ на показъ и проч.; наконецъ, присовѣвалъ сдѣлать какую-то микстуру, взявъ полфунта одного, а шавъ съ $\frac{1}{2}$ фунтомъ чего-то другаго и, распустивъ полученную смѣсь въ горячей водѣ, давать по бутылкѣ, три раза въ день. Медикаментовъ съ нимъ не было, и на вопросъ, гдѣ-жѣ достать, онъ отвѣтилъ съ достаточною ясностью: «въ городѣ въ аптекарскомъ магазинѣ»; затѣмъ уѣхалъ, обѣщавъ на обратномъ пути опять заглянуть. Меня во время этого визита не было, и передаю я о немъ лишь со словъ моихъ хозяевъ.

Михайло настоялъ на томъ, чтобы тотчасъ же ѣхать въ родъ за снадобьями (до города было 25 в.); его и отправилъ съ плохо скрываемымъ недовѣріемъ къ результатамъ этой поездки. Хозяинъ сосѣдняго двора, у котораго также заболѣла лошадь напрямки отказался дать даже денегъ на покупку медикаментовъ «Божья воля!—говорилъ онъ.—Прогнѣвался Господь, такъ какимъ пойломъ не отпоишь, а то, захочетъ Милостивецъ такъ выходится меринъ». Однако, Михайло поѣхалъ и къ усилю вернутся назадъ. Стали стряпать пойло; въ стрѣдвѣтельное участіе принималъ и я. Затѣмъ влили бутылку готовленной общими стараніями микстуры въ ротъ больной лошади, причемъ ее, уснѣха ради, пришлось связать и повалить на раннимъ утромъ повторили леченіе, а часамъ къ пяти вечера плакали денежки Ивана, недѣлю тому назадъ отданныя за шадъ: она издохла съ тѣми же симптомами болѣзни, какия блюдались у ея предшественницъ. Нѣсколькими часами и издохла и сосѣдская лошадь. Я настоялъ на томъ, чтобы трупы были свезены въ оврагъ, но не зарыты до приѣзда ветеринара къ трупамъ поставили двухъ караульныхъ, охранять ихъ собакамъ. На утро приѣхалъ ветеринаръ, возвращавшійся изъ поѣздки въ глубь уѣзда; я сообщилъ ему о неудачномъ леченіи.

— Этого надо было ожидать,—отвѣчалъ онъ.—Болѣзнь столько уже развилась, когда меня вызвали...

— Но не можете ли вы мнѣ сообщить, что это за болѣзнь такая и какия мѣры слѣдуетъ принять для прекращенія ея? пожелаете ли вы сдѣлать вскрытіе труповъ?

— Да, да, это можно будетъ сдѣлать. А болѣзнь, оче-

но, тифозная горячка (тутъ онъ сказалъ мудреное латинское названіе). А трупы цѣлы?

Мы отправились на вскрытіе. Любопытствовавшего народу собралось множество. Василій добровольно совершалъ обязанности фельдшера, производя на трупахъ разрѣзы по указанію представителя науки; исполосовалъ онъ и печень, и легкія, и сердце, и селезенку: вездѣ оказывались желтые сгустки, особенно обильные въ печени.

— Вотъ, видите, — говорилъ мнѣ ветеринаръ, — это самый характерный признакъ тифозной горячки... Нѣтъ-съ, я не ошибся, я съ перваго взгляда опредѣлилъ болѣзнь!

— Но что же имъ дѣлать, чтобы спасти остальныхъ лошадей? Вѣдь, эта штука можетъ, наконецъ, перекинуться и на соседніе дворы и пойти косить вдоль и поперекъ?

— Нѣтъ, это врядъ ли, а, все-таки... Да, да, слѣдовало бы дезинфицировать дворъ. Известки посыпать, карболкой обмывать, навозъ вывезти. Еще *cali hypermanganicum*.

— Это все прекрасно, но откуда же мужику взять средства на всю эту дезинфекцію? Вонъ, одинъ даже снадобья для микстуры отказался покупать.

— Да, да, это такъ, это правда... Я скажу управѣ объ этомъ обстоятельствѣ. Я думаю, что она приметъ мѣры...

Мѣръ, однако, никѣмъ никакихъ принято не было; только по моей усиленной просьбѣ, Василій вывезъ навозъ отъ больныхъ животныхъ въ оврагъ. Но черезъ недѣлю послѣ этого единственнаго мѣропріятія пала у насъ опять лошадь, а потомъ еще и еще. Иванъ все прикупалъ, а онѣ все падали; всѣхъ было прикуплено три лошади, и всѣ онѣ пали; подошли также всѣ бывшія къ началу падежа налицо лошади, за исключеніемъ стараго коренника; онъ неустанно вывозилъ трупы своихъ со товарищей въ оврагъ, а самъ оставался живъ и здоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «дурной глазъ» не бралъ его. Отчаяніе моихъ хозяевъ трудно описать; все въ домѣ притихло, не стало слышно ни веселаго говора, ни смѣха; даже дѣти какъ-то при-смирѣли; только изрѣдка слышалась злобная перебранка мужиковъ между собой или съ своими бабами. Ямщину пришлось помимъ злополучнымъ хозяевамъ на время бросить, а хлѣбъ свозить съ поля наймомъ.

— Скажи ты мнѣ, Н. М., — спрашивалъ меня однажды Иванъ, будучи нѣсколько подвыпивши (что съ нимъ стало часто въ по-

слѣднее время случаться),—съ чего это на насъ такая напасть приключилась? Чѣмъ это мы Бога прогнѣвили?

— Не знаю, другъ мой, и самъ ума не приложу!

— Вотъ то-то!... Книжки ты все читаешь, а какъ что, такъ сейчасъ и «не знаю»... А отчего эта самая болѣзнь по вашему, по книжному-то, приключается?

— И этого тебѣ сказать не сьумѣю.

— Не сьумѣешь?... И на что, коли такое дѣло, и книжки эти читать? Такъ, пустяковина одна!...

— Ахъ, Иванъ Григорьичъ, да, вѣдь, книжекъ много всякихъ есть; есть такія, гдѣ и про лошадыя болѣзни сказано: отчего происходятъ, какъ лечить. Только такихъ у меня нѣту, и я ихъ не читаю.

— Чтò бы нужно, то и не читаешь!... Должно, все больше сказочками пробавляешься? Такъ-то, ба-аринъ!

Послѣ этого разговора я нѣсколько дней совѣстился попадаться Ивану на глаза съ книжкой въ рукахъ; но онъ обращался со мной совершенно попрежнему, какъ бы забывъ о данномъ мнѣ строгомъ выговорѣ; скоро и я забылъ о немъ...

VI.

Въ началѣ сентября мѣсяца, управившись съ работами, Иванъ рѣшился еще разъ купить лошадь; немедленно по покупке таковой, Василій на парѣ (старый коренникъ былъ, попрежнему, живъ и бодръ) поѣхалъ верстъ за шестьдесятъ за извѣстнымъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ знахаремъ. Этотъ послѣдній оказался человѣкомъ далеко еще не старымъ, черноволосымъ, съ суровою наружностью, не разговорчивымъ и угрюмымъ. Онъ взялъ за прїѣздъ свой съ Василія пять цѣлковыхъ, причемъ его обязаны были доставить опять домой. Чтò онъ дѣлалъ надъ лошадьми, какія манипуляціи производилъ для уничтоженія силы «дурнаго глаза»,—осталось для меня тайной, такъ какъ онъ потребовалъ, чтобы ни одна живая душа не видала, чтò онъ будетъ дѣлать во дворѣ и въ конюшняхъ; я, конечно, долженъ былъ также подчиниться этому требованію, во избѣжаніе серьезной ссоры съ своими хозяевами. На этотъ разъ отчитываніе, продолжавшееся трое сутокъ, оказалось чрезвычайно удачнымъ: ни одной лошади въ нашемъ дворѣ больше не пало, хотя черезъ нѣсколько времени къ двумъ, уже имѣвшимся, Иванъ

прикупилъ еще двухъ, распродавъ для этой цѣли около двадцати штукъ овецъ. Василій сталъ опять ямщичить, и жизнь моихъ хозяевъ потекла попрежнему, если не считать порядочныхъ таки прорѣхъ въ ихъ хозяйствѣ. Въ сосѣднихъ дворахъ также не случалось больше падежа лошадей.

Мнѣ, конечно, неоднократно приходилось говорить и съ хозяевами своими, и съ посторонними мужиками о блестящихъ результатахъ нашептыванія пріѣзжаго знахаря. Я пробовалъ указывать на случайное совпаденіе времени этого леченія съ первыми сильными осенними заморозками; но ни одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ ни на минуту, конечно, не усумнился, чтобы падежъ лошадей Болотовыхъ могъ прекратиться вслѣдствіе заморозковъ, а не вслѣдствіе побѣды знахаря надъ силой «дурнаго глаза»...

Н. Астыревъ.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ *).

Повѣсть.

XVI.

Случилось какъ-то такъ, что капитанъ былъ въ особомъ оживленіи по случаю многихъ надеждъ и упованій: какой-то «знатокъ» одобрилъ его таинственные минералы и вызывалъ его къ себѣ въ Пятигорскъ, и такъ какъ всегда въ такое радостное время у него проявлялась потребность къ общенію, то за чайнымъ столомъ сошлись и хозяева, и квартиранты.

Шигаевъ всталъ очень поздно и чувствовалъ какую-то странную смѣсь стыдливости и ревниваго благополучія, когда подходилъ, по приглашенію капитана, къ чайному столу, расположенному между деревьями. Его встрѣтили пріятливыми восклицаніями, и тутъ же Рюмина подмѣтила особенное выраженіе, лежавшее у него на лицѣ.

— Что это вы какой?— произнесла она съ любопытствомъ.— Точно именинникъ!

— Будешь именинникомъ... проспать до 12 часовъ!— съ приторною досадою отвѣтилъ онъ и обратился къ капитану:— Вы что же это, Онисимъ Нилычъ, измѣняете намъ?— Умываясь, онъ слышалъ о намѣреніяхъ капитана.

— Что подѣлаешь? Вчера получилъ письмо; вызываютъ!

— Вы насъ хоть проводите.

— Снаряжу, снаряжу! Вотъ, маленько погода, Базидзи подѣдетъ. Насчетъ коляски тоже ужъ сказано.

— Капитанъ нашъ фортуна ловить отправляется,— шутливо произнесла Рюмина.— Ну, капитанъ, ну, голубчикъ, ну, что вы будете дѣлать, когда разбогатѣете?

*) Русская Мысль, кн. V.

— Да въ чемъ дѣло-то-съ?—полюбопытствовалъ Шигаевъ. Но капитанъ явилъ въ лицѣ своемъ рѣшительную непроницаемость.

— Предпріятія! Предпріятія!—услончиво вымолвилъ онъ.

— Норовятъ дѣвственную природу въ содержанки оборотить,—пробуркнулъ Талдыкинъ.

Фелисату Ивановну, давно уже враждебно слѣдившую за каждымъ кускомъ сахара, который бралъ Сосипатръ Василичъ, такъ и передернуло при этихъ словахъ.

— Вотъ на шпильки васъ взять, Сосипатръ Василичъ!—злобно сказала она.

— Фелисата!—грозно крикнулъ капитанъ, но было уже поздно.

— Да что это въ самомъ дѣлѣ!—выпала Фелисата Ивановна, сразу возвышая голосъ до своихъ любимыхъ визгливыхъ нотъ и въ ужасномъ волненіи вытирая посуду полотенцемъ, висѣвшимъ у ней черезъ плечо.—Живеть, живеть человекъ... ѣсть... пить... да еще шпильки всякій разъ!... Я не погляжу, что онъ словно съ паннихиды!... Я свой хлѣбъ ѣмъ!... Всякая голь сядетъ на шею, да еще будетъ куражиться...

— Молчать, Фелисата! — взревѣлъ капитанъ, уподобляясь утесу, стремящемуся сдержатъ грязныя волны внезапно хлынувшей рѣки.

— Ты замолчи!... У тебя трое дѣтей!... Ты семью по мірупустишь!... Ты и свои-то, какія были, прожилъ, и папенькины прожилъ... и маменька что дала на новоселье, и тѣ прожилъ!... Благодаритель какой выискался!... Онъ франтить-то умѣетъ... сапоги-то купилъ съ иголки... шпильки-то умѣетъ подиускать... а за квартиру третій мѣсяцъ не платитъ... Сколько газетъ исполосовалъ!... Абрикосы по ночамъ подбираетъ... Алешка самъ видѣлъ, какъ абрикосы подбираетъ...

Талдыкинъ приподнялся, сконфуженно запахиваясь пальтецомъ, хотѣлъ что-то произнести; язвительная улыбка давнымъ-давно сбѣжала съ его трепещущихъ губъ. Но капитанъ схватилъ его за руку, умоляющимъ голосомъ попросилъ сѣсть и снова закричалъ на жену. Рюмина, какъ только стали возвышаться голоса, ахнула, завила глазки и, граціознымъ движеніемъ рукъ зажимая свои крохотныя, розовыя ушки, убѣжала. Смущенный Шигаевъ попытался вмѣшаться; однако, его нерѣшительный голосъ тотчасъ же былъ заглушенъ воплями лихой супружеской перепалки. Дѣти бросили свои «уробы» и окружили родителей любо-

пытною толпой, видая искоса злые взгляды на Талдыкина и изподтишка дѣлая ему гримасы. Алешка, подѣ шумокъ, даже запустилъ въ него щепочкой, которую поднялъ на землѣ. Кончилось тѣмъ, что Фелисата Ивановна разрыдалась, заголосила «воды! воды!» и стремительно бросилась къ своей двуспальной кровати; дѣти были водворены за книжками парю здоровенныхъ подзатыльниковъ и страшно побагровѣвшій капитанъ съ видомъ военачальника, одержавшаго трудную побѣду, опустился на стулъ. Но не пришелъ еще конецъ его испытаніямъ.

— Я, Онисимъ Нилычъ... ужь я пойду... я вамъ... пока росписку... вексель напишу. Или пледъ еще...—дрожащимъ голосомъ промолвилъ Талдыкинъ и заплакалъ.

— Да что вы, Сосипатръ Василичъ?—бросился къ нему растерянный капитанъ.—Да можно ли такъ?... Вѣдь, эти бабы, сами знаете... да стоитъ ли обращать на нихъ...

— Нѣтъ, у... ужь... я пойду-у... Я ужь перебьюсь... какъ-нибудь.

И Сосипатръ Василичъ, жалобно всхлипывая и заливаясь слезами, почти бѣгомъ направился въ свою берлогу.

— Сосипатръ Василичъ! батюшка! вы человекъ умный!—восклидалъ капитанъ.—Максимъ Григорычъ! уговорите ихъ, пожалуйста, что же это такое будетъ?... Зналъ ли я, что эта дура...

Оба бросились за Талдыкинымъ и застали его въ самомъ рѣшительномъ состояніи: стоя на колѣнахъ, онъ собиралъ въ узелокъ свое имущество: кипы изрѣзанной бумаги, разорванныя калоши, протертые носки, два-три стеариновыхъ огарка и растрепанный томикъ Славянскаго.

— Ну, оставьте, Сосипатръ Василичъ; вы умный человекъ,—вопіялъ капитанъ,—вѣрьте чести, мы ее ограничимъ. О, Боже мой! да развѣ же отъ бабы можно ждать чего-нибудь путнаго?... Да она и меня... вы не повѣрите... она меня разъ по щекѣ ударила... ей-Богу-съ.

— Оставьте, Сосипатръ Василичъ!—поддерживалъ капитана Шигаевъ.

— Нѣтъ, ужь вы, Максимъ Григорычъ... я вамъ долженъ!... Я вамъ вексель, росписку напишу. Я вамъ очень обязанъ... и я вамъ напишу! Я хотя и голь, но въ тягость никому не желаю.

— Да развѣ я не понимаю?—рыдающимъ голосомъ кричалъ капитанъ. — Неужли-жъ я подлецъ какой въ вашихъ глазахъ?

Я очень хорошо понимаю... Максимъ Григорьевичъ, уговаривайте ихъ, пожалуйста... Сосипатръ Василичъ! Вы думаете, я дикарь какой-нибудь? Могиканинъ какой-нибудь? Я всё мои силы... я, можетъ, еще въ военной службѣ, Сосипатръ Василичъ... гласность! цивилизація! Господи ты мой, ужели?... Оставьте, Сосипатръ Василичъ, Христомъ Богомъ васъ прошу.

Талдыкинъ увязалъ свои пожитки и, присѣвъ къ столу, начерталъ двѣ записки.

— Вотъ вамъ, — съ видомъ скромнаго великодушія вымогилъ онъ, подавая одну Шигаеву, — семь обѣдовъ по шести гривенъ, да пятнадцать рублей; итого 19 руб. 20 коп... по первому требованію. — Потомъ обратился къ капитану: — Вотъ вамъ, Онисимъ Нилычъ, два съ половиной мѣсяца — 25 руб., самовары, Имануйлѣ, Маврѣ, деньгами 3 руб. 17 коп. (съ горечью), абрикосы у васъ воровалъ... за абрикосы 40 коп., итого...

Но капитанъ съ видомъ живѣйшаго негодованія отстранилъ росписку и съ новою пылкостью началъ умолять Талдыкина. Тотъ, однако же, осушилъ свои слезы съ помощью грязнаго гѣбчататаго платка, медлительно натянулъ на рукава пальто и, закинувъ на плечо палку съ узелкомъ на концѣ, направился къ воротамъ. Капитанъ не отставалъ отъ него; дѣти, не осмѣливаясь покинуть книжки, съ нѣмымъ удивленіемъ гляѣли въ окна; даже заплаканный и злобный ликъ Фелисаты Ивановны на мгновенье выглянулъ оттуда. Изъ кухни, вытирая подоломъ руки, высматривала Мавра.

И въ самыхъ воротахъ шествіе было встрѣчено Вохиною.

— Капитанъ! Шигаевъ!... Что это такое? Что съ вами? — сказала она, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на Талдыкина.

Капитанъ горячо началъ объяснять ей, въ чемъ дѣло. Талдыкинъ тоже остановился, изподлобья поглядывая на Вохину. И въ мигъ произошло рѣшеніе.

— Это еще что! — закричала Вохина, — это еще что за стыдъ такой! Вы — Талдыкинъ? Я Вохина, Марѳа Петровна... пожалуйста, безъ церемоній: я простая, я терпѣть не могу всякіе эти деликатесы разводить. Вы куда это? На глупую бабу обидѣлись? Маршъ, назадъ! Ну, ну, ну, — и она шутливо взяла его за руку, — вздоръ! стыдно!... Шигаевъ, мнѣ ваша улыбочка не нравится... Стыдно, капитанъ, по жениной дудкѣ плясать!

И какъ-то такъ случилось, что Талдыкинъ возвратился и снова развязалъ свое имущество. Вохина овладѣла имъ окончательно;

она сейчас же призвала Мавру, приказала ей вынести и вымыть его комнату, приказала спросить у Фелисаты Ивановны подушку, подсвѣчникъ со свѣчей; а сіяющему капитану заявила, что пришла къ нему пить чай, но теперь видѣть не можетъ эту «злюку», а потому и просить собраться гдѣ-нибудь. Рѣшили на балконѣ. Тѣмъ временемъ пришла Рюмина, рассыпался ея смѣхъ, и, спустя какіе-нибудь полчаса, всѣ пятеро сидѣли за чаемъ и какъ ни въ чемъ не бывало говорили о постороннихъ вещахъ. Слѣды миновавшей бури только и можно было примѣтить, что въ особомъ возбужденіи капитана, да въ томъ видѣ напряженнаго достоинства, съ которымъ возсѣдалъ Сосипатръ Василичъ, да въ предупредительной нѣжности, съ которой всѣ обращались къ Сосипатру Василичу, — всѣ, кромѣ Шигаева. И за то Марѳа Петровна раза два сердито замѣчала ему:

— Охъ, не нравится мнѣ, Шигаевъ, ваша улыбочка!

Рюмина съ величайшимъ тактомъ, свойственнымъ ей въ такой же мѣрѣ, какъ и постоянное нервическое хохотанье, затѣяла цѣлый длинный разговоръ нейтральнаго свойства: какъ она училась у М., какъ М. вытягивалъ ей голосъ, полагая, что имѣеть дѣло съ сопрано, какъ, если бы не Л., всѣ голосовыя средства она растеряла бы и какъ затѣмъ въ Миланѣ все обошлось благополучно.

— А, все-таки, королеву въ *Гугенотахъ* не вытяните, — сумрачно улыбаясь, замѣтилъ Талдыкинъ.

— Ахъ, какой шутникъ! Но развѣ это моя партія? Это партія настоящаго сопрано. Ахъ, это такая трудная вещь!

— И бесполезная, — буркнулъ Талдыкинъ. — Всѣ ваши оперы остатки фетишизма.

— Хе - хе - хе! — одобрительно засмѣялся капитанъ. — Пожалуй что и такъ, пожалуй что и есть въ этомъ вѣроятіе! Конечно, ежели судить по-философски, — добавилъ онъ примиряющимъ тономъ.

— Разумѣется, трудъ непроизводительный, — съ задоромъ подхватила Марѳа Петровна. — И пѣвицы, и танцовщицы не способствуютъ накопленію, — и шепотомъ сказала Шигаеву: — я съ вами поссорюсь, стыдно!

— Надо же, голубушка, кормиться чѣмъ-нибудь, — кротко отвѣтила Рюмина и, вдругъ оживившись, произнесла: — ахъ, нѣтъ, нѣтъ не говорите этого! Помните? — и запѣла:

Жилъ былъ въ Тулѣ король...—
Онъ до самой своей смерти...

И всё оразу смолкли, будто сконфуженные серебромъ этихъ милыхъ и наивныхъ звуковъ. Потомъ перешли къ другому. Бьото сказалъ, что капитанъ не ѣдетъ на Бермамутъ. Марѳа Петровна вспыхнула, но когда узнала, въ чемъ дѣло, и самолично прочитала записку «знатока», стихла и шутливо сказала:

— Ну, ну, милый капитанъ, впередъ!

Рюжина снова стала допытываться, что будетъ дѣлать капитанъ съ деньгами, когда наживетъ ихъ, и капитанъ неясно и сбивчиво начерталъ планъ огромнаго дома, гдѣ жили бы «общимъ коштомъ» бѣдные люди. Затѣмъ шли какія-то туманныя перспективы орошеній, осушеній, колонизація восточнаго берега Чернаго моря, подыятіе затопленныхъ англійскихъ пароходовъ близъ Балаклавы. Талдыкинъ и на это сдѣлалъ злостное замѣчаніе, вызвавшее предупредительный смѣхъ въ самомъ капитанѣ и въ слушательницахъ.

— Но отчего же-съ?—съ досадою спросилъ Шигаевъ.

Сосипатръ Василичъ въ невнятныхъ, но изобильныхъ словахъ охаялъ «индивидуальную» предпримчивость и представилъ тому доказательства въ примѣрѣ потребительнаго общества «Бережливость».

— Но, между прочимъ, въ Америкѣ личный починъ преуспѣваетъ, — не безъ колкости возразилъ Шигаевъ, минуя неизвѣстную ему исторію какой-то «Бережливости».

— Я вамъ насчетъ «Бережливости» говорю, я всё эти ихнія мерзости наизусть знаю. Да одна ли «Бережливость»!

— Но, между тѣмъ, и въ Америкѣ индивидуальность на первомъ планѣ, — настоятельно повторилъ Максимъ Григорьевичъ, снова уклоняясь отъ потребительнаго общества.

— Въ Америкѣ дѣло особое. Объ Америкѣ судить, надо ее знать, — важно отвѣтилъ Талдыкинъ, — а лучше самому въ ней побывать, да поработать тяжкимъ физическимъ трудомъ, да испытать холодъ и голодъ, вшей покормить въ какомъ-нибудь Техасѣ, на примѣр!

— Но кто же изъ насъ былъ въ Техасѣ?—воскликнулъ Шигаевъ, будучи не въ силахъ сдержать улыбки.

Марѳа Петровна стремительно перебила его:

— Вовсе не въ томъ, Шигаевъ. У васъ сквернѣйшая привычка придирается. Что вы придираетесь? Дѣло не въ Техасѣ,

а въ условіяхъ американскаго быта... Конечно, теперь доказано, что только общественная предприимчивость способствуетъ накопленію,—и круто оборвала рѣчь, обращаясь къ капитану:—ну, что, капитанъ, Базидзи скоро явится? Я думаю, часовъ въ восемь непременно надо выѣхать. А ящики упаковали? и самоваръ? Отлично. Вы знаете, кромѣ насъ, еще сколько-то колясокъ ѣдутъ; говорятъ, собираются человѣкъ тридцать... я изъ нихъ почти никого не знаю.

— Веселѣй,—сказалъ Шигаевъ.

Но на этотъ разъ даже и такое невинное слово въ устахъ Шигаева не понравилось Вохиной.

— Конечно, веселѣй,—съ запальчивостью воскликнула она.— Иронія тутъ совершенно неумѣстна: ее нужно побережь про себя. Ну, а вы, Талдыкинъ, поѣдьте съ нами, право! Мы васъ въ коляску посадимъ; вы, Зиллоти, Бекарюковъ, вотъ Рюмина! А Жако можетъ и съ кучеромъ. Вы незнакомы съ Зиллоти? Отчего вы нигуда не показываетесь?

— О, онъ такой нехорошій!—коклетливо произнесла Рюмина.— Прежде меня на музыку провожалъ, а теперь... ну, голубчикъ, ну, миленькій, поѣдьте сегодня на музыку! Мнѣ новое платье прислали, ужасно мнѣ хочется надѣть его... новое платье!

Но Талдыкинъ упрямо замоталъ головой и невразумительно объяснилъ, что ему нужно готовить «материалы».

— Я у васъ, Максимъ Григорьичъ, газеты видѣлъ; нельзя ли ихъ взять?—съ дѣловымъ выраженіемъ спросилъ онъ.

— Сдѣлайте такое одолженіе-съ,—съ преувеличенною любезностью отвѣтилъ Шигаевъ, и снова гнѣвный взглядъ Марѣи Петровны скользнулъ по немъ.

— Э! вотъ и Базидзи,—вымолвилъ капитанъ.

— Базидзи! Базидзи! — радостно закричала Вохина, махая платкомъ,—идите сюда, Базидзи!

Въ ворота въѣзжалъ на гнѣдомъ, приземистомъ меринѣ статный, сухопарый кабардинецъ, съ кинжаломъ за поясомъ и въ долгополой поношенной черкескѣ изъ сѣраго домашняго сукна. Смуглое, обрамленное рыжею, остроконечною бородкой лицо его съ живыми добродушными глазами весело осклаблялось.

— Здарастуй! здарастуй! — отделинулся онъ Вохиной, блистая бѣлоснѣжными зубами.

XVII.

Передъ вечеромъ общество изъ тридцати слишкомъ человѣкъ, обременяя своею тяжестью болѣе чѣмъ тридцать лошадей, отправилось на Бермамутъ встрѣчать восходъ солнца. Тутъ было много незнакомыхъ Шигаеву людей; потомъ оказалось, что и другъ другу эти люди были мало извѣстны и сошлись уже здѣсь, на минеральныхъ водахъ, на музыкѣ, въ ресторанѣ, въ читальнѣ и т. п. Вся Россія, казалось, была здѣсь представлена: тутъ былъ и судебный слѣдователь съ женою изъ Вятской губерніи, и козацій офицеръ съ Дону, и купецъ изъ Иркутска, и настоящій статскій генералъ, источенный гемороемъ, съ милою, художочною дѣвушкой-дочерью изъ Петербурга, и помѣщикъ изъ Самары, и педагогъ изъ Костромы, и жены влательныхъ дворянъ изъ Тамбова, двѣ сестры, обѣ очень привлекательныя, обѣ шикарно одѣтыя, и мировой судья изъ юго-западнаго края, и старичекъ вице-губернаторъ съ Поволжья съ красавицею женою, и юный членъ окружнаго суда, и важный великосвѣтскій человѣкъ, попавшій въ Кисловодскъ мимоѣздомъ, и еще фабриканты, чиновники, купцы, помѣщики. Всѣ съѣхались въ одинъ длинный кортежъ за Глазнымъ источникомъ. Марѳа Петровна въ папахъ и бѣлой буркѣ гарцовала на высокомъ сѣромъ конѣ. Голоуховъ метался какъ бѣшеный, исчезалъ въ оврагахъ, вновь появлялся и немилосердно горячилъ своего желтенькаго иноходца. И Зиллоти, и Вохина повидались съ нимъ очень холодно. Впереди всѣхъ ѣхалъ Базидзи. Славно было смотрѣть, съ какою безпечною ловкостью сидѣлъ онъ въ сѣдлѣ, точно составляя одно цѣлое съ своимъ конемъ, мѣрно и споро шагавшимъ вдоль стени. Бѣлый, съ длинною кистью башлыкъ, наискось закинутый за спину, маленькая курчавая шапочка, сдвинутая на затылокъ, великолѣпная косматая бурка, спускающаяся ниже стремянъ, придавали ему видъ какой-то особой красоты, сильной и полудикой. И всадники всѣхъ родовъ ужасно проигрывали въ сосѣдствѣ Базидзи. Одни торчали словно палки, стоя въ стремянахъ, съ вытянутыми въ струнку ногами, съ напряженно выпрямленною спиной; это была «козачья посадка». Другіе изображали собою «высшую школу ѣзды»: прижимали колѣна, оттопыривали носки, смѣшно горбились и, высоко подпрыгивая, шлепались о подушку, какъ самые настоящіе англійскіе жокеи. Третьи едва держались, при малѣйшемъ галопѣ размахивали локтями, болтали

ногами, точно развинченные, и, навѣрное, проклинали въ душѣ свою неумѣстную храбрость. На многихъ были кавказскіе костюмы, бурки, кинжалы, башлыки, закинутые точь въ точь какъ у Базидзи; такіе старались держаться ближе къ дамамъ, къ экипажамъ, являя и въ самыхъ лицахъ своихъ какую-то воинственную озабоченность и отъ времени до времени озирая голую степь необыкновенно пронизательнымъ «сторожевымъ» взоромъ.

Смерклось очень быстро. Въ небѣ тонкими космами разстлались высокія облака и только что взошедшая луна свѣтила сквозъ нихъ тускло и печально. Холмистая степь едва замѣтнымъ подъемомъ шла въ гору. Дорога вилась близъ обрыва Березовой балки, походившаго на огромную стѣну, сложенную изъ мрачныхъ сѣрыхъ плитъ. Снизу эта стѣна должна была казаться безконечнымъ рядомъ пяти-этажныхъ домовъ, покинутыхъ и угрюмыхъ. Экипажи тащились медленно. Всадники тоже скоро утомились и, уже не гоняясь за привлекательностью посадки, всячески переминались на жесткомъ сидѣннѣ. А иные съ наступленіемъ темноты робѣли и, подѣзжая къ Базидзи, обинякомъ заводили рѣчь о черкесскихъ набѣгахъ.

— Нѣтъ, — добродушно говорилъ кабардинецъ, — разбоя нѣтъ... Какой разбой!

Въ экипажахъ искрились сигары, блестяли женскіе глазки и тягучею, лѣнивою нитью мало-по-малу развертывался разговоръ. Въ передней коляскѣ было всего оживленнѣе. Тамъ Бекариковъ безъ умолку повѣствовалъ о своихъ странствіяхъ по Европѣ, прикрашивая, присочиняя, неимоვნю коверкая имена, отпуская грубыя остроты и гостинодворскія словечки. Тамъ звонко хохотала Рюмина и, захлебываясь, вторилъ ей визгливый басокъ Пленушкина. Тамъ подзадоривала ихъ Зиллоти, нисколько не слушая и не интересуясь ими. Шигаевъ съ самаго Кисловодска подѣзжалъ было къ коляскѣ, но Зиллоти ласково шепнула ему: «отѣзжай, неудобно», — и онъ покорился, посмотрѣвъ на нее восторженными глазами, и смѣшивался съ остальными, неволью увлекаемый этимъ многолюдствомъ, этимъ видомъ «культурнаго слоя», вдругъ, какъ нарочно собраннаго въ такой близости отъ него и въ такомъ интересномъ сочетаніи. Еще за-свѣтло онъ успѣлъ разспросить своего сосѣда, шустрого и словоохотливаго нотариуса на рыженькой кобылѣ, и приблизительно узналъ, что въ одной коляскѣ сидятъ вице-губернаторъ съ женою и важный великосвѣтскій человѣкъ.

— Это, сударь вы мой, аристократическая коляска: отъ всѣхъ въ сторонѣ!—сказалъ нотаріусъ.

Въ другой коляскѣ помѣщались гемороидальный генералъ съ дочерью, помѣщикъ изъ Самары и мировой судья изъ юго-западнаго края. Дальше ѣхала коляска, биткомъ набитая дамами; дальше педагогъ, слѣдователь, купецъ изъ Иркутска и членъ окружнаго суда съ грѣхомъ пополамъ тѣснились въ узкомъ фэтонѣ. И когда наступила темнота, Шигаевъ, скрывая подъ ея покровомъ свою конфузливую робость, равнялся со всѣми экипажами и подолгу слѣдовалъ около каждаго, всматриваясь въ выраженіе лицъ, насколько позволялъ неясный свѣтъ луны, жадно вслушиваясь въ разговоры. Наивный человекъ! Въ глубинѣ своей души только раздраженный своими «культурными» знакомыми, но отнюдь ими не разочарованный, онъ думалъ въ этихъ разговорахъ найти живой отголосокъ мнѣній, встрѣчаемыхъ имъ въ журналахъ и книгахъ, и ужъ во всякомъ случаѣ какую-нибудь внимательность къ событіямъ, теперь же совершавшимся тамъ, гдѣ-то наверху.

Въ одной коляскѣ говорили о томъ, что вотъ-де были здѣсь прежде все черкесы, да чеченцы, да кабардинцы, а теперь... И всѣ поддакивали этому, восклицали:

— Да, да... уди-и-иви-тельно!... И какъ еще недавно, въ сущности.

— Помилуйте, совсѣмъ недавно; я отлично помню, какъ Шамиля этого везли.

— Но, вѣдь, Шамиль, кажется, въ Гунибѣ...

— Все одно; вся Кабарда была ему подвластна.

— Неужели и здѣсь вотъ Кабарда?

— Кабарда.

— Уди-ви-тельно!

— Можетъ быть, этотъ черкесъ, что впереди ѣдетъ, и въ набѣгахъ участвовалъ...

— А что же вы думаете? Народъ отчаянный... разъ, вѣдь, ворвались въ Бисловодскъ...

— Неужели?

— А какже! Мало ли было тревоги изъ-за нихъ!...

И чей-то голосъ важно и подробно передалъ рассказъ изъ временъ воронцовскихъ, цѣликомъ взятый изъ *Путеводителя по минеральнымъ водамъ*; кто-то зѣвнулъ.

— А Шамиль, вѣдь, въ Сожовецкій монастырь, кажется, былъ сосланъ?

— Помигите, въ Балугу!

— Ахъ, да, въ Балугу...

— И представьте, обучился подъ конецъ въ карты играть.

— Не можетъ быть!

— Увѣряю васъ... отлично началъ играть въ преферансъ.

— А развѣ винта тогда еще не было?

— Помигите, какой же винтъ?

— Но позвольте, кажется, и винтъ былъ уже въ то время.

— Невозможно; вы хронологически ошибаетесь... ералашъ былъ, стучолка начиналась... да, что я? и стучолки еще не было слышно...

— Стучолку у насъ инженеръ Бострицынъ первый ввелъ.

— Да, да, какъ пошли изысканія, такъ и стучолка... ералашъ былъ, преферансъ, вистъ, бостонъ.

— Да позвольте, вѣдь, это до эмансипаціи?

— Позвольте... гласный судъ въ которомъ году?

— Да ужъ повѣрьте...

— Иванъ Ивановичъ, предсѣдатель окружного суда, первый у насъ винтъ открылъ.

— Съ назначеніемъ... и съ операми.

— Но польскій мятежъ въ тысячу восемьсотъ... въ тысячу восемьсотъ...

— Что же, ералашъ... вотъ вамъ и винтъ!...

— Однако, винтъ игра государственная...

— Какъ же можно сравнить...

— А ералашъ?

— Ну, гдѣ какъ, господа; бываетъ, что и винтъ уродуютъ; вотъ у насъ въ Сельвычегодсѣ, на примѣръ...

Равнодушный къ картамъ, Шигаевъ отъѣзжалъ къ другой волясѣ — къ «аристократической».

— Д. командовалъ N—мъ полкомъ, я это отлично помню: моя тетюшка приходилась двоюродною сестрой его женѣ, — говорилъ великосвѣтскій человекъ, — и если экспедиція не удалась, Д. тутъ совершенно не при чемъ. Покойный Николай Павлычъ...

— Но я и не говорю... но лѣвый флангъ былъ подъ командой С., а С. женатъ на княжнѣ Л... Когда я былъ ротмистромъ, это... это было въ 52 году, М—й, тотъ, что женатъ на другой княжнѣ Л., на той, что, помните, была любимицей дяди...

— Какъ несносна эта ваша стратегія, господа! — воскликнула красавица вице-губернаторша. — Все это давно, давно сдано въ архивъ и ужасно неинтересно.

— Ахъ, матушка, это эпопея Россійскаго государства, эпопея!

— И Богъ съ нею. Расскажите, пожалуйста, monsieur В., мнѣ кузина Бетти (знаете, Наркютскяя?) писала, что удивительно блистательно прошелъ сезонъ. И дѣйствительно такъ удался балъ графини W.? Я ее знала, мы вмѣстѣ были въ Смольномъ, и вотъ, вообразите, третью уже зиму не могу побывать въ этомъ мѣломъ Петербургѣ.

Великосвѣтскій человѣкъ съ живостью отвѣчалъ и замелькали звонкія имена, титулы, намеки, ссылки на родство, сплетни, слухи въ тонко-приличномъ одѣяніи.

Шигаевъ отъѣхалъ къ третьему экипажу.

— Боже мой, если бы не офицеры, у насъ танцы совершенно, совершенно невозможны.

— Но ты, Elise, забываешь добавить: кавалеристы. Армейскіе пѣхотинцы ужасно мѣшковатый народъ! И, притомъ, ты забываешь судебный персоналъ. Правовѣды, право, очень приличны.

— Ахъ, Marie, это само собою, но ихъ такъ мало. Провинція въ этомъ отношеніи очень обижена, никакого сравненія нѣтъ съ прежнимъ! Ну, покорнѣйше тебя прошу указать, съ кѣмъ у насъ можно протанцовать мазурку?

— Сергѣй Сергѣичъ...

— Но Сергѣй Сергѣичъ старый кавалеристъ, та chère... Сергѣй Сергѣичъ человѣкъ николаевского режима.

— А у насъ въ Сольвычегодскѣ, вообразите, mesdames, съ писцами танцуютъ!

— Какъ съ писцами? Неужели съ тѣми, что носятъ такіе странные галстуки? Вообрази, Marie!

— Но неужели съ писцами? Ахъ, помнишь, Elise, въ нашемъ лѣтнемъ клубѣ...

Въ слѣдующей коляскѣ кипятился гемороидалный генералъ.

— Нѣтъ-съ, Владимира онъ получилъ къ Пасхѣ-съ, а красную ленту дѣйствительно на Новый годъ, это вы правы.

— Но, ваше—ство, я навѣрное помню въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*...

— Повѣрьте мнѣ, старику. Я это очень хорошо помню. Я получилъ Станислава... помнишь, Нелли, я получилъ Станислава

2-й степени?... Веселитскій—святыя Анны и Москательниковъ—Владимира.

— Не смѣю спорить.

— Повѣрьте-съ! Мы, вѣдь, счетецъ этотъ твердо помнимъ хе-хе-хе! Вы, молодые люди, тамъ въ глуши ораторствуете, проекты сочиняете, волнуетесь. Но мы, старики, стоимъ на стражѣ и... и отлично помнимъ!

— Какое ораторство, ваше—ство!

— А, не говорите, не говорите. Земство—это... это, я вамъ скажу, двусмысленная вещь. Да вотъ вамъ примѣръ. Не изволите знать Прохора Львовича, губернатора въ Т., онъ женатъ на моей belle sœur? Ну, и что же, какъ теперь помню, въ 6 году къ Пасхѣ ему непременно приличествовала звѣзда. Такъ ждали; я даже телеграмму заготовилъ въ этомъ смыслѣ, и вдругъ.. звѣзда не ему, а барону Z. Почему? Земство-съ, ораторы, проекты, доглядныя записки... а вы говорите!

— Рара, не холодно тебѣ? Ты не горячись такъ, не волнуйся.

— Ахъ, Нелли, невозможно же такъ смотрѣть на вещи.. Государство—это... это не котильонъ!

— А вы, mademoiselle, въ первый разъ изволите быть въ Кавказѣ?

— Я? О, да. Мы прежде ѣздили въ Дуббельнъ.

— Дуббельнъ—превосходное купанье.

— О, да.

Сзади ѣхали дроги съ теплымъ платьемъ и припасами. Флегматичный слобожанинъ, покуривая и постегивая лошадей, перебрасывался отрывочными словами съ козакомъ, проводникомъ Голоухова.

— И-и, бить-то, бить-то насъ некому, — говорилъ слобожанинъ.

— Что такъ?

— Куда волокемся! Темь, даль, круча...

— Бермамутъ!

— Что-жь, Бермамутъ? Ну, пріѣхалъ, поглядѣлъ: вотъ горы, вотъ оврагъ, вотъ лѣсъ... ну?

— Ты, парень, глупъ! Это намъ съ тобой оврагъ, а господинъ иначе понимаетъ.

— Оврагъ, какъ его ни понимай, все останется оврагомъ.

— Дуракъ! Природа, пейзажъ!

— Не дурачь, не дурачьѣй тебя... Ты сколько сгладили съ своего-то?

— Восемнадцать.

Слобожанинъ погачалъ головой.

— Деньги, братецъ ты мой, шалыя, — точно оправдываясь, вымолвилъ козакъ и лукаво засмѣялся.

— Ужь истинно, что шалыя. Курсовой, все равно, что ребенокъ, — философическимъ тономъ продолжалъ козакъ, — ты выдумай, что пещеру такую нашли: при царѣ Берендеѣ разбойники въ ней обитали — отбоя не будетъ отъ курсоваго. Вонъ «Замокъ коварства»...

— На Аликоновѣ?

— На Аликоновѣ. Разъ десять переѣзжай въ бродъ рѣчку и будетъ тебѣ бугоръ, дубнячкомъ поросъ, такъ, дикое мѣсто, а у нихъ — «Замокъ коварства»! пейзажъ! природа! Два цѣлковыхъ за лошадь, да проводникъ, да на чай.

— Сущіе неосмысленные! — флегматично пробормоталъ слобожанинъ, сплевывая сквозь зубы.

Вмѣшивался Шигаевъ и въ толпу всадниковъ. Говорили о томъ, что въ Кисловодскѣ скоро приѣдетъ извѣстная пѣвица и дастъ концертъ, что въ Ессентукахъ побили какого-то доктора, что въ газетахъ напечатаны стихи о минеральныхъ водахъ и со смѣхомъ повторяли эти стихи. Кто-то рассказалъ, какъ у нихъ били корреспондента и тоже за стихи («Притиснули его въ буфетъ, да по рожѣ, по рожѣ! Съѣздовскій секретарь такъ даже булакъ себѣ искровянилъ»). И слѣдователь изъ Вятской губерніи, педагогъ изъ Костромы, купецъ изъ Иркутска съ оживленіемъ закричали изъ коляски, что и у нихъ били и тоже за стихи.

— У насъ соборный протопопъ одного корреспондента за уши оттаскалъ! — радостно взвизгнулъ кто-то.

Разговоръ внезапно соединилъ почти всѣхъ; на перебой посыпались рассказы о дракахъ, о скандалахъ, о пасквиляхъ; и Волга, Иртышъ, Сѣверная и Западная Двина, Донъ и Цна наперерывъ обнажали свои захоластные прелести, являя въ этихъ прелестяхъ изумительное единообразіе. Вездѣ били корреспондентовъ, вездѣ дрались изъ-за картъ, изъ-за женщинъ, изъ-за мѣстечка по выборамъ, вездѣ разсыпали сабрезные стихи, анонимныя письма, вездѣ купчихи амурились съ оберъ-офицерами, а дворянки — съ лицами судебного сословія, съ адвокатами, докторами, инжене-

рами, вездѣ барыни ссорились изъ-за визитовъ и любви и вовлекали въ свои дразги и администрацію, и земство, и гистратуру, и вездѣ, по всему лицу необъятной Россіи брѣ наглая, скучающая, глухая, безпардонная сплетня. Сплетенка!

— Не знаю, господа, какъ гдѣ,—возгласилъ кто-то, и поощренный общимъ оживленіемъ,—но что у насъ, напримѣръ въ Усмани оголѣлая скушница!

— А у насъ-то, а у насъ-то въ Вееьегонокѣ!

— Нѣтъ, какъ у насъ въ Сызрани...

И пошла всероссійская похвальба.

Впрочемъ, коляска «аристократическая» не примыкала къ этому разговору. Тамъ сдержаннымъ полупшепотомъ и съ обыкновенно приличнымъ сдержаннымъ полусмѣхомъ разсуждалось о недавней великовѣтской исторіи и опять мелькали сокопоставленные имена, титулы, намеки, ссылки на родъ сплетни и слухи въ тонко-приличномъ одѣяніи.

Шигаевъ подъѣхалъ къ Вохинѣ; недовольный разговоромъ царившими въ этомъ «культурномъ словѣ», онъ хотѣлъ отнестись около нея, перемолвиться негодующимъ словомъ, но не успѣлъ. Но Марѳа Петровна встрѣтила его гнѣвнымъ восклицаніемъ:

— Не ожидала я отъ васъ, Шигаевъ, такой гадости! Вы бы вступиться за бѣднаго юношу, заставить эту дуру замолчать, а вы смѣетесь, въ травлѣ участвуете, улыбочки разбрасываете. Не хорошо! Не хорошо!

Обиженный Максимъ Григорьевичъ попытался оправдаться, но послѣдовательно разсказалъ, съ чего началось.

— Все-таки, не хорошо,—повторила Вохина,—вы сами, Шигаевъ, вчера горячились... а до чего дѣло дошло—и смѣетесь. Я тутъ ничего смѣшного не вижу.

— Но вы его не знаете,—въ порывѣ досады сказала Вохина.

— Ничего не значить; сразу видно, что интеллигентный юноша.

— Но это воплощенное самохвальство, набитая лѣнь!

— Вздоръ! Вамъ отецъ оставилъ состояніе? Ну, а Тамарѣ отецъ ничего не оставилъ. Вы говорите мерзости, Шигаевъ. Я отъ васъ этого не ожидала. Вы не лѣнны... что же вы делаете? Нервы ваши лечите? Ну, а еще что? Гадкими поступками возмущаетесь? Тоже и онъ. Вы по своему, онъ по своему.

Касательно Бисловодска это совершенная правда, но Зогдановна еще въ Петербургѣ хорошо его знала, и, на-
я нахожу, что капитанъ гораздо достойнѣе жалости...

Не хорошо, не хорошо, — упрямо твердила Вохина.
Максимъ Григорьевичъ, пожавъ плечами, отъѣхалъ отъ нея.
Максимъ Григорьевичъ! — закричала ему Зиллоти, — гдѣ вы?
Идите сюда... ступайте около коляски, а те на меня вѣтеръ

бъ подѣхалъ, наклонился, и любовный, врагичный шел-
ловно огнемъ обжегъ его:

Максъ... Максъ... милый.

бъ пригоснулся къ борту коляски; теплая, нѣжная ручка
глась до его руки и порывисто сжала ее. Въ полутьмѣ
иллоти выдѣлялось съ изумительною мягкостью: это была
покорная, побѣжденная страстью дѣвушка. И сердце
на затрепетало отъ умиленія въ первый разъ. И онъ не
алъ болѣе. Онъ въ странномъ забытѣ внималъ вранью
кова, его остроумя, въ которыхъ Бермамутъ снова на-
и «Бергамотомъ», говору и смѣху всѣхъ этихъ людей,
-то собравшихся въ одну кучу. И точно сквозь сощъ
алъ, какъ длиннымъ холстомъ развертывался поѣздъ, какъ
удъ изъ верховыхъ съ гикомъ пускался вскачь и долго-
сѣнь нелѣпо бѣжала за нимъ, достигая холмовъ, замынав-
оризонтъ; какъ фыркали и топотали лошади, какъ тяжело
подъ ними земля и мѣстами хрустѣли камни подъ ихъ
ми и шинами колесъ; какъ все выше и выше, точно сту-
эполинской лѣстницы, подымалась сѣрая степь, и свѣтъ
омерналъ все болѣе и болѣе, и длинные концы бѣлаго
а развѣвались за плечами Базидзи.

гь далѣе, тѣмъ, однако, настоятельнѣе сказывалось утѣ-
утешественниковъ; разговоры становились лѣнивѣе, смѣхъ
.. Чувства и мысли приурочивались невольнo къ пережи-
дѣйствительности, тамъ и сямъ раздавались возгласы
нiя, даже унылости и гнѣва. Приставали къ изво-
, чтобы они гнали лошадей; сердились, когда изво-
оказывали, что гнать никакъ невозможно и что и безъ
шадн всѣ въ поту. Кто-то выразилъ сомнѣнiе, чтобы уда-
стать восходъ солнца; кто-то сказалъ, что и вообще-то
и солнце некажется, и трагическимъ жестомъ указалъ
, гдѣ какъ будто туманило; кто-то предложилъ возвра-

титься, пока еще цѣлы и благополучны. Но всѣ эти толги мало-по-малу улеглись и принужденное молчаніе, вкусная зѣвота воцарились неоспоримо.

Однообразная дорога была скучна: степь да степь, да кремнистая тропа впереди, едва обозначенная бѣлесоватыми колеями, да безконечная цѣпь пологихъ холмовъ въ правой рукѣ, да глубокая балка по другую сторону, да кое-гдѣ одинокій копь съ широкимъ загономъ для овецъ. Вѣтеръ крѣпчалъ и тонкія облака медлительно раздвигались; небо обнажалось мало-по-малу, синее, холодное, жесткое. Луна стояла краснымъ серпомъ и непривѣтливо мерцала.

— Бермамутъ не хорошъ... дурной Бермамутъ! — сказала Базидзи Вохиной и, взмахнувъ нагайкой, прибавилъ шагу.

Около послѣдняго подъема пришлось перевалить крутую возвышенность; ночи всѣ вышли изъ экипажей, такъ какъ колеса скользили и раскатывались по камнямъ, точно сани. Это еще больше заморозило общее настроеніе. Напрасно великолѣпный видъ разсѣченной горы, сквозь которую, какъ сквозь ворота, проходила дорога, открылся позади, странно озаряемый красноватымъ свѣтомъ луны, — никто на него и вниманія не обратилъ, поглощенный неожиданными заботами.

XVIII.

И вдругъ, только что взѣхали на Бермамутъ, холодный и влажный туманъ устремился на встрѣчу, сначала жидкими, разсѣянными волнами, потомъ гуще и гуще. Все сразу потемнѣло. Въ коляскахъ зажгли фонари, но они еще болѣе сгустили мглу. Фигуры сбившихся верховыхъ являли видъ печальный. Проводникъ увѣрялъ, однако, что къ утру все это пройдетъ и что лишь бы добраться до ночлега. Добраться!... Еще не проѣхавъ версты, лошади сбились и длинный поѣздъ закружился по степи; тропа исчезла. Мутная мгла, озаряемая желтоватымъ огнемъ фонарей, странно окутывала предметы. Люди, завернутые въ бурки и въ теплое платье, казались выходцами изъ какого-то страшнаго, сказочнаго міра. Дамы скрылись съ ногъ до головы подъ ворохами пледовъ и шалей. Все отсырѣло, промокло, изнизалось, точно бисеромъ, холодною росой, похожей на иней. Бурный вѣтеръ рвалъ фартуки, забираясь во внутрь поднятыхъ колясокъ, сбивалъ лошадей въ кучу, развѣвалъ ихъ хвосты и гривы.

— Господа, что же это? Мы ѣдемъ невѣдомо куда! — воздвигъ отчаянный голосъ. — Вѣдь, тутъ гдѣ-то обрывъ въ семь тысячъ футовъ.

Крики ужаса, изумленія, страха вырвались у всѣхъ.

— Стой! держи! — на всѣ лады заорали перепуганные путешественники и всѣ, точно стадо, угрожаемое бурей, сбились въ кругъ сдвинутыхъ экипажей. — Гдѣ Базидзи? Куда дѣвался черкесъ? Кто пригласилъ съ собой черкеса? — посыпались вопросы.

Черкеса не было, настало величайшее смятеніе. Притянули на судъ проводника Петро, извощикова. Вѣтеръ завывалъ такъ, какъ будто пѣлъ отходную. Огромныя тѣни двигались и суетливо колебались. Сама Марѳа Петровна пресмѣшно выглядывала на своемъ дыбастомъ конѣ и зубъ на зубъ не попадала отъ стужи.

— Гдѣ Базидзи? Разыщите Базидзи! — кричала она осипшимъ голосомъ.

И неожиданно вблизи фонарей метнулся бѣлый башлыкъ и спокойная фигура Базидзи появилась около обрадованной Марѳы Петровны.

— Зачѣмъ съ дороги ѣхалъ? Надо по дорогѣ ѣхать, — выговаривалъ онъ.

Оказалось, что передній извощикъ потерялъ его изъ вида за волной внезапно хлынушаго густаго тумана, а съ нимъ потерялъ и едва замѣтную тропу. Всѣ очень повеселѣли, увидавъ лабардинца, и вздохъ облегченія вырвался чуть ли не у всѣхъ представителей великой и малой и бѣлой Россіи. Отъ чувства, похожего на отчаяніе, сразу перешли къ самой безповоротной надеждѣ. Тенерь уже нечего бояться. Теперь все отлично. Самъ Базидзи, самъ черкесъ поведетъ. Рассказывалось даже по этому поводу о чудотворныхъ способностяхъ «дикихъ народовъ», об ихъ изумительномъ чутьѣ, зрѣніи, слухѣ. Припоминали Купера, ссылались на Майнъ-Рида. Кто-то громко и отчетливо выругалъ «паршивую цивилизацію». Но вывести на дорогу перепутанный караванъ оказалось не такъ-то легко. Базидзи кидался и направо, и налево; кружился, какъ ястребъ надъ птицей, его башлыкъ развѣвался точно знамя, прихотливо ныряя изъ желтоватаго сумрака въ сѣдую, непроницаемую темноту. И когда онъ пропадалъ въ этой темнотѣ слишкомъ долго по мнѣнію нервныхъ путешественниковъ, трусливый ропотъ пробѣгалъ между ними и десятки голосовъ зывали, споря съ вѣтромъ:

— Базидзи!... Базидзи!... Ба-зи-и-идзи-и-и!...

Принуждены были снова остановиться. У Голоухова оказался съ собой маленький фонарикъ и онъ, зажегши его, храбро присоединился къ кабардинцу.

— Молодчина!— произнесла Вехина, подкупленная этимъ поступкомъ.

Шигаевъ не отъѣзжалъ отъ колыски; пользуясь суматохой, пользуясь мракомъ, висѣвшимъ пухлою пеленой надъ экипажемъ, онъ не выпускалъ руки Зиллоти, скрытой, какъ и вся она, подъ теплымъ англійскимъ пледомъ. Дивное состояніе онъ испытывалъ! Эти трепетно мерцающіе огоньки, эти странно колеблемыя тѣни, эти неясныя очертанія всѣхосмаченныхъ и сбитыхъ въ беспорядочную кучу лошадей, это расплывающееся пятно свѣта въ фонарикъ Голоухова, мелькающее тамъ и сямъ, словно блуждающій огонекъ, и, наконецъ, эти рыдающіе звуки вѣтра, вьющіеся клубы тумана, летѣвшаго стремительно и безконечно, напоминали ему смутныя, таинственныя сцены, сказки и ужасныя романы, жуткіе, фантастическіе сны, когда-то волновавшіе его мальчишескую душу. И хорошо ему было. И не могъ онъ войти въ положеніе всѣхъ этихъ иззябнувшихъ, испуганныхъ, недоумѣвающихъ людей, застигнутыхъ бурей тамъ, гдѣ воображали они весело и пріятно провести время. И не смущалъ его этотъ обрывъ въ семь тысячъ футовъ, зіявшій гдѣ-то неподалеку, и посинѣвшее личико Рюиной, и вытянутый носъ Пленушкина, и комичныя прибаутки замоскворѣцкаго черкеса Бекарюкова, — прибаутки, въ которыхъ сквозила, однако, жестокая боязнь простудиться и схватить горячку или воспаленіе легкихъ. Не смущало его даже это странное сжиманіе, которое онъ чувствовалъ въ груди, — ощущеніе какой-то нетерпѣливой тоски и тѣсноты. И Зиллоти раздѣляла такое настроеніе Шигаева; укутавшись своимъ толстымъ пледомъ, она полулежала точно въ дремотѣ и едва поднимала рѣсницы, чтобы взглянуть на то, что совершалось вокругъ.

Нашли, однако, дорогу и опять повеселѣли. Всякій, кто могъ, смотрѣлъ впередъ, не сводя слипающихся отъ влаги глазъ съ башлыка Базидзи, внутренно возлагая всѣ свои упованія на этотъ башлыкъ. И всѣмъ казались невыразимо милы длинныя концы этого башлыка, сердито волнуемые вѣтромъ.

Стой! пріѣхали! Путешественники затрепетали отъ радости... и вновь вверглись въ пучину горькой безпомощности, когда увидели то, что называлось «ночлегомъ». Жалкія развалины ка-

кой-то стѣны, когда-то и кѣмъ-то сложенной изъ сухихъ камней, — вотъ и все, что намекало о пріютѣ. Ни дровъ, чтобы развести огонь, ни горячаго чая, ни затишья. Проклятые камни находились, какъ видно, на самомъ юру: вѣтеръ визжалъ вокругъ нихъ точно разъяренный звѣрь, необычайный холодъ пронизывалъ насквозь, вологна бурокъ и мѣховыхъ воротниковъ такъ и серебрились отъ сырости. Экипажи предоставили было дамамъ, но несчастныя не долго лежали тамъ: вѣтеръ дулъ и знобилъ со всѣхъ сторонъ и окончательно заледенилъ ихъ. Извошники съ грѣхомъ пополамъ набрали сухаго помета, кое-гдѣ разсѣяннаго по стени, попытались соорудить изъ него костеръ и зажечь; но изъ этого ничего не вышло, кромѣ необыкновеннаго дыма и сирада, разогнавшего самыхъ храбрѣйшихъ. Пространство въ кругу камней представляло трагическое зрѣлище. Какой-то острякъ, еще не замороженный до потери своего остроумія, сказалъ:

— Вотъ битва русскихъ съ кабардинцами!

И точно, сцена до нѣкоторой степени уподоблялась битвѣ. Тотъ катался по землѣ, схватывая себя за грудь и скрежеща зубами, — сказывался разрѣженный воздухъ 8,500 футовъ; у того болѣли зубы; тотъ чувствовалъ ревматическія боли, только что усиленныя пятигорскими ваннами; тотъ не зналъ, что предпринять отъ страха простуды — горячки, воспаления легкихъ, ревматизма, жестокой кавказской лихорадки. На женщинъ жалко и нѣтъ было смотрѣть. Все ихъ великолѣпіе исчезло и онѣ сидѣли, нахохленные точно птицы подъ дождемъ, мокрыя, посинѣвшія, съ дрожащими челюстями и меланхолическими улыбками. Рюмина походила на комочекъ; она сплелась съ Зиллоти и чуть не плакала отъ холода и страха потерять голосъ. Марва Петровна храбрилась, ухаживала, завела множество знакомствъ, но и ей было не по себѣ. Нѣсколько мужчинъ, наиболѣе крѣпкихъ и удобно одѣтыхъ, ворочали камни съ помощью извошниковъ и старались сложить изъ нихъ хотя какую-нибудь преграду бѣшеному вѣтру. Среди этихъ людей изъ всѣхъ выдѣлялся Голоуховъ. Онъ являлъ собою какую-то непостижимую выносливость: въ распахнутомъ лѣтнемъ пальто и разстегнутомъ жакетѣ онъ расхаживалъ точно «на музыкѣ» въ жаркій день. Многіе даже не повѣрили такой выносливости и ошупали гнязя, а еще болѣе другихъ изумились, убѣдившись, что обыкновенная ланусовая рубашка была надѣта прямо на тѣло.

— Вот животное! — съ завистью пробормоталъ хилый педагогъ изъ Костромы.

— Кто это расхаживаетъ тамъ въ одномъ пальто, неужели Голоуховъ? — спросила Зиллети Шигаева, который пріютился около нея и, несмотря на своей полушубокъ, дрожалъ, какъ Бантъ.

— Го-ло-уховъ, — выговорилъ онъ, щелкая зубами.

— Молодецъ, — съ выраженіемъ живѣйшаго одобренія произнесла Зиллети и еще разъ посмотрѣла на статную фигуру Голоухова.

И не понравились этотъ ея тонъ и внимательный взглядъ постыдно перезабытому Максиму Григорьевичу.

Проводникъ Петро, безопасно подошедшій къ смердящему жестру съ трубкой въ зубахъ, возбудилъ общее негодованіе путешественниковъ. Хотя онъ, въ сущности, можетъ быть, и не былъ виноватъ и, во всякомъ случаѣ, сопровождалъ одного только Голоухова, но всѣхъ взбѣсило то обстоятельство, что онъ ровно ничего не дѣлалъ и держалъ себя съ рѣшительною равноправностію.

— Что же ты, болванъ, ведешь, когда здѣсь такая погода? — замѣтилъ ему важный великосвѣтскій человекъ, одѣтый, однакъ же, предусмотрительноѣе другихъ.

И хоръ сочувственныхъ восклицаній присоединился къ этому замѣчанію.

— Вы деньги, каналы, только умѣете брать! — хрипѣлъ изъ-подъ связки пледовъ простуженный голосъ помѣщика изъ Самары.

— Ты видѣлъ тучи въ небѣ, долженъ былъ предупредить! — извило пальто съ петлицами министерства юстиціи.

— Пороть ихъ, мошенниковъ, бить! — горячился геморoidalный старичекъ.

Петро грубо отвѣтилъ, что онъ не Богъ и за погоду не отвѣтчикъ: была хорошая, стала трудная. Но тутъ подошелъ козачій офицеръ и, безъ церемоніи толкнувъ его ногою, прогналъ отъ костра; такимъ образомъ, общественное негодованіе сразу было удовлетворено. И вслѣдъ за этимъ настроеніе путешественниковъ измѣнилось и отъ другихъ причинъ. Во-первыхъ, явился все время пропадавшій Базидзи, на этотъ разъ безъ бурки, такъ что видны были новыя резиновыя галоши, надѣтыя на его чуваки, и сказалъ Марей Петровиъ, что онъ нашелъ тепло мѣсто. Поспѣшно тронулись за нимъ и въ десяти шагахъ отъ

разваливъ, спустившись въ какую-то впадину, очутились въ глубокомъ затишьи; вѣтеръ пробѣгалъ вверху и туманъ стоялъ высоко надъ головой. И не успѣли еще всё перебраться сюда и расположиться на пологомъ косогорѣ, какъ изъ-за пелены тумана, словно нѣкій сверхъестественный посланецъ, вышелъ человекъ въ звѣриныхъ шкурахъ, съ голою грудью, походившею на обожженный кирпичъ, въ разорванныхъ чулкахъ, въ косматой обгъзлой папахѣ и въ грубой, порыжѣвшей буркѣ, стоявшей коломъ. Это оказался пастухъ-карачаевецъ изъ ближняго коша. Тотчасъ же черезъ Базидзи вступили съ нимъ въ переговоры и, немного спустя, явились дрова, явилась вода въ вонючихъ бурдюкахъ, запылали костры, зачಾದили самовары и румяный шашлыкъ распространилъ свой соблазнительный ароматъ. Пошли въ ходъ дорожныя фляги, откупоривались бутылки; оживѣвшія барыни принялись хлопотать около самоваровъ и съ милою неловкостью заваривали чай, вытирали рюмки и стаганы. Духъ, угнетенный невзгодою, вновь расправлялъ свои крылья.

— А знаете, господа, гдѣ мы сидимъ?—возгласилъ кто-то изъ бывавшихъ на Бермамутѣ.—Мы въ ложѣ... вѣдь, прямо подъ нашими ногами этотъ знаменитый обрывъ... И отсюда видѣнъ Эльборусъ и все!

Послышались изъявленія потрясенныхъ чувствъ; многіе съ любопытствомъ посмотрѣли внизъ, куда круто сползала каменистая почва, теряясь въ молочномъ, туманномъ морѣ. За этимъ моремъ невидимо загоралось утро: на часахъ уже было IV.

И когда разогрѣлись окончательно, рѣшили во что бы то ни стало дожидаться солнца. Раздѣлились на группы, возобновили разговоры, вспыхнувшіе съ особенною живостью послѣ такой нервической передряги; помли коньякомъ Базидзи и даже пастуха, мычавшаго отъ восторга, и даже Петро, который оказался удивительнымъ искусникомъ обращаться со штопоромъ.

А бѣлѣющій туманъ принималъ цвѣтъ опала, становился розовымъ; воздухъ нагрѣвался, яростное дыханіе вѣтра начинало смягчаться.

Голоуховъ долго ходилъ по обрыву, картинно останавливался на выступахъ, выставялъ свою грудь въ упоръ вѣтру и, наконецъ, порисовавшись вдоволь, присоединился къ «аристократической» группѣ, изъ которой важный великосвѣтскій человекъ былъ знакомъ ему по Петербургу.

— Каковъ князь! — воскликнулъ Пленушкинъ, старательно

обгрызая крылышко пыленна.—Смотрите, какъ онъ передъ этою генеральскою дочкою разсынается.

— Она хорошенькая, — кратко отвѣчалась Зиллоти и заговорила о другомъ.

Но Шигаевъ, съ обычною чувствительностью влюбленнаго, давно примѣтилъ уже, какъ подѣйствовалъ на Зиллоти видъ этой толпы, весело освѣщенной кострами, возбужденной часемъ, оживленными рѣчами и виномъ; примѣтилъ онъ и выраженіе внимательности, съ которою она украдкой остававливала взглядъ свой на Голоуховъ. И, не долго спустя, сердце его разрывалось отъ мучительной, нестерпимой досады. Придравшись къ какому-то пустому вопросу, на который ей не могли отвѣтить ни Пленушкинъ, ни Бекариюковъ, ни Шигаевъ (дѣло шло о принадлежности гусарскаго убора), она съ шутливимъ презрѣніемъ воскликнула:

— Эхъ, вы, штафирки! — и сказала Пленушкину, чтобы тотъ позвалъ Голоухова.

Къ замѣтному недоумѣнію дамъ «аристократической» группы, князь быстро раскланялся съ ними и немедленно подошелъ къ Зиллоти.

— Что такое «ташка», князь? — небрежно спросила Зиллоти.

Князь объяснилъ, что такое «ташка», и, приглашенный едва замѣтнымъ кивкомъ головы, сѣлъ около Зиллоти. И опять разговоръ Зиллоти принялъ тотъ острый, раздражающій характеръ, который такъ дразнилъ Шигаева, причинялъ ему такое блаженство, а теперь повергалъ его въ такую жуткую и пугливую тревогу. Плѣнительный образъ «побѣжденной» дѣвушки исчезъ безвозвратно, не было и слѣдовъ его въ этихъ трепещущихъ ноздряхъ, въ этихъ румяныхъ губахъ, вздрагивающихъ отъ затаенной первической игры; и кроткій внутренней свѣтъ, который, казалось, еще недавно открывался передъ Шигаевымъ въ ея взглядѣ, снова замѣнился теперь холоднымъ, непроницаемымъ блескомъ или загадочною тусклостью, напоминающей завѣсу. И, въ довершеніе всего, обозрѣвъ кислую мину Максима Григорьевича, не исчезнувшую отъ легкаго прикосновенія къ его ногѣ кончикъ ея ботинка, Зиллоти совсѣмъ перестала обращать на него вниманіе.

Ждали солнца очень долго. Иногда розовая пелена медлительно разрывалась и точно сквозъ кисею начинало синѣть небо; казалось, еще одинъ порывъ вѣтра, и великолѣпная картина Эльбруса открылась бы, озаренная молодымъ солнечнымъ блескомъ.

И путешественники молили объ этомъ порывѣ, и онъ прилеталъ, и приносилъ съ собою новыя вереницы перламутровыхъ тучъ, и небесная синева быстро срывалась за ними. Обрывъ то углублялся и зіялъ, давая понять о высотѣ, съ которой смотрѣли въ него, разверзая свои каменные ребра, свои уступы, свой колочий дымящійся кустарникъ, то снова до краевъ переполнялся туманомъ, бѣлымъ, какъ молоко. Вправо иногда видно было смѣлое очертаніе утеса, висѣвшаго надъ пропастью, точно орлиное гнѣздо или старая башня-руина, и когда туманъ опадалъ, мноштыя стѣны утеса медленно курились и погорали слабымъ румянцемъ.

Вино выпили, припасы съѣли, рѣчи вневъ изсякли: наговорились до тошноты, до приторности, до отвращенія; возбужденіе улеглось; долговременное пребываніе на людяхъ сказывалось нестерпимую нравственною усталостью; теплота клонила ко сну. И вдругъ подвыпившій педагогъ изъ Бостромы всталъ во весь ростъ и восторженно бликнулъ вличь:

— Господа! уроженецъ Сирагузъ, знаменитый Архимедъ, воскликнулъ однажды: *эврика!* Я тоже восклицаю: *эврика!*— онъ высоко поднялъ надъ головою нѣсколько карточныхъ колодъ, припасенныхъ изъ дома,—и... предлагаю составить винтикъ!

Хохотъ и радостныя восклицанія были ему отвѣтомъ.

— Эти класеики, я вамъ скажу, ученѣйшій народъ!—сказалъ шустрый нотаріусъ, умиленно улыбаясь.

Съ быстротою мгновения составились «винтикъ» и глубоко-мысленный ниветъ, закинула старомодная стуголка. И на вершинахъ Кавказа, гдѣ пролеталъ когда-то величаво-прекрасный «духъ изгнанья», если вѣрить Лермонтову, осипшіе отъ ночной сырости голоса съ увлеченіемъ возглашали:

— Стучу!... Пась!... Терць отъ дамы... Онеры наши!... Двѣ пикки!... Четыре черви!... Пась!

Максимъ Григорьевичъ, наконецъ, не выдержалъ: оскорбленное самолюбіе, ревность, досада превзошли его терпѣніе. Онъ сердито поднялся и побрелъ на вершину. Тамъ было пустынно. Туманъ, гонимый вѣтромъ, бѣжалъ точно рѣка въ половодье, но сквозъ его теченіе можно было различить теперь скудную травку, покрытую росой и синѣющими незабудками, очертанія закрытыхъ наглухо экипажей, въ которыхъ сномъ праведниковъ почивали извозчики, фигуры лошадей, терпѣливо стоявшихъ задомъ къ вѣтру, печально разбросанные камни. Холодъ и здѣсь значительно

смягчился, тьма разсѣялась, но, попрежнему, было непривѣтно и угрюмо.

Шигаевъ подошелъ къ лошади, разсматривая своего гнѣдъ весьма основательно стреноженнаго Базидзи, погладилъ его мокрой шеѣ, сорвалъ и бережно спряталъ на память голубѣя цвѣтокъ, обрызганный росой, посмотрѣлъ съ невольными содроганіемъ въ ту сторону, откуда несмѣтными полчищами двинулись тучи, и опять возвратился туда, гдѣ шумѣли голоса. Оставившись на краю впадины, онъ началъ сверху внизъ наблюдать за путешественниками. Въ карты играло менѣе половины для другихъ нехватило и они довольствовались тѣмъ, что съ видомъ живаго участія высматривали изъ-за плечь играющихъ, качивали головами, помогали въ счетъ, осторожно произносили сужденія. Мировой судья изъ юго-западнаго края, съ багровою и неподвижною физиономіей, бросалъ въ пропасть порошки и тылки; нѣсколько человѣкъ съ любопытствомъ слѣдили за паденіемъ; другіе съ увлеченіемъ отдирали камни и низвергали ихъ, любуясь дерзкими рикошетами. Иные спали, завернувшись въ пледы; но такихъ было немного. Вокругъ Зиллоти, полулежа на коврѣ, живописно размѣщалась цѣлая толпа, на перывъ стараясь вызвать ея вниманіе къ себѣ, ея небрежную ухаживали. Тутъ было нѣсколько новыхъ знакомыхъ, молодыхъ и, какъ показалось Шигаеву, преувеличенно развязныхъ людей; тутъ былъ и Голоуховъ, хлыстомъ котораго безопасно играла Зиллоти, Пленушкинъ, и Бекариюковъ, и завязанная платкомъ Рюми Марѣя Петровна сидѣла нѣсколько поодаль и съ жаднымъ манеромъ выслушивала какого-то курчаваго юношу.

«Должно быть, исповѣдуеть», — съ горечью подумалъ Шигаевъ.

И вдругъ странное чувство отвращенія поднялось въ немъ ко всѣмъ этимъ людямъ. Все, все: и эти карты лицомъ, и эти лица, и эти пошлыя разговоры, и эти смѣшныя забавы, достойныя дикарей, и грубый смѣхъ, и тонкая игра въ нервы, и жалкая безпомощность, и нагло пропадающая, чуть только дѣло коснется «готоваго», — сразу стало противно ему и гадко. Онъ негодовалъ, онъ жался отъ негодованія, онъ точно отвергнутый пророкъ, та Бѣда-проповѣдникъ гремилъ этихъ людей (мысленно, мысленно) бессознательно принимая на своемъ возвышеніи героическую роль, призывая въ свидѣтели эту бездну, насыщенную обманомъ, эти скалы, въ загадочныхъ очертаніяхъ сквозящія тамъ и сѣ

И чувство личнаго раздраженія, самолюбіе, уязвленное поведеніемъ Зиллоти, ревность, злобная и нетерпѣливая досада, — все потонуло въ широкихъ и властительныхъ волнахъ «святаго» негодования; все затерялось въ массѣ гражданскихъ соображеній, внезапно выдвинутыхъ изъ головы, а если и высывалось иногда, если и причиняло иногда мгновенную боль, то украдкой и незамѣтно для самого Шигаева...

Затѣмъ онъ рѣшительно отвернулся, быстро подошелъ къ своей лошади и, съ грѣхомъ пополамъ распутавъ и зауздавъ ее, не замѣченный, отправился домой. Онъ совершенно не сознавалъ опасности, которая на каждомъ шагу ожидала его въ этомъ туманѣ, онъ былъ въ настроеніи разсерженного школьника, собирающагося учинить хитрую и злую шалость, и подѣ всѣми соображеніями о «паршивой цивилизаціи» въ немъ задорно и навязчиво шевелилась мысль: «Я ей докажу... Я докажу ей!»

Впрочемъ, слѣды колесъ, проложенные по росистой травѣ, благополучно повели его по степи. А лишь только, версты черезъ три, степь эта круто понизилась, туманъ сталъ рѣдѣть, солнечный свѣтъ началъ сквозить сильнѣе, пока, наконецъ, не хлынулъ со всею силой іюльскаго полдня у подножія бермамутской плоскости. И плѣнительная картина открылась тогда Шигаеву. Позади, словно море безъ береговъ, волновался туманъ, только что выпустившій его изъ своихъ влажныхъ объятій; внизу разверзалась глубокая долина, — смотрѣть туда захватывало духъ, — и до самаго дна веселый солнечный блескъ озарялъ ее; уединенный аулъ едва мелькалъ въ ней, потопленный ярко зеленою луговъ. Въ другой сторонѣ возвышались эшкаконскіе утесы, сильна дикая перспектива ущелья, громоздились скалы, позлащенные солнцемъ. Прямо лежала степь, разбѣгались зеленые холмы, круглые, какъ куполь, темнѣлъ островерхій Бештау, величественно замыкая даль. Въ сіяющемъ небѣ низко и плавно кружились огромные орлы. И только снѣговья горы были отдѣлены непроницаемою завѣсой облаковъ.

Пустыня по преимуществу внушаетъ важное и серьезное настроеніе. Въ ней, точно въ церкви или на кладбищѣ, невольно стихаютъ мятежныя мысли и умиротворяются страсти. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ Шигаевымъ, когда онъ на добрыхъ десять верстъ отдался отъ Бермамута. Ему было стыдно вспомнить тѣ мелкія чувства, во власти которыхъ тому назадъ два часа онъ находился такъ позорно. Душа его была перепол-

нена жадной свободы, тишины, жадной близости къ божественной природѣ. Представляя дѣйствительность, онъ содрогался; самая мысль о Зиллотѣ казалась ему чуждой и неумѣстной. Онъ мечталъ о прелестяхъ отрѣшенія отъ мятущейся жизни, объ уединенномъ приѣзжницѣ, о какой-нибудь долинкѣ на подобіе той, которая приютилась вблизи Бермаута, и понемногу шукавскій садъ, шукавскія тихія поля стали ему представляться, эта цвѣтущая, наивная глушь, гдѣ звукъ колокольчика кажется событіемъ, гдѣ пахнетъ коношлею и съ зари до зари заливаются перепела, гдѣ нравы такъ просты и люди такъ кротки, такъ ясны.

И, подъѣзжая къ Кисловодску, Шигаевъ завтра же рѣшилъ улаживаться.

XIX.

Съѣздить изъ Кисловодска на Бермаутъ и особенно не отдохнуть тамъ, не спать цѣлую ночь — подвигъ очень крупнаго свойства, и Шигаевъ вполнѣ ощутилъ это, когда слѣзъ съ лошади и добрался, наконецъ, до своей комнаты. Все его тѣло болѣзненно ныло, ноги подкашивались, въ головѣ стоялъ мутный, ошеломляющій туманъ, лицо, обожженное солнцемъ (совершенно безошаднымъ на высотахъ), горѣло, точно покрытое сплошнымъ нарывомъ... Немудрено, что нѣкоторыя странности, которыя онъ встрѣтилъ въ домѣ Тереховскаго, показались ему вовсе не такими удивительными, какъ могли бы показаться въ другое время. Во-первыхъ, среди двора, въ уютной тѣни черешень сидѣла за самоваромъ, съ вѣчнымъ своимъ полотенцемъ на плечѣ, Фелисата Ивановна, а Талдыкинъ, — самъ Сосипатръ Талдыкинъ! — читалъ ей вслухъ какой-то глупѣйшій бульварный романъ; во-вторыхъ, комната Талдыкина, видимо, была занята жѣмъ-то другимъ, ибо въ полураскрытую дверь видѣлись на-брызжанные юбки и уголь огромнаго, обтянутаго парусиной чемодана. Но, какъ уже сказано, у Шигаева не хватило силъ даже на изумленіе, и онъ, не раздѣваясь, бросился въ постель, въ которой и проспалъ сначала до глубокой ночи, потомъ, разоблачившись какъ слѣдуетъ, до поздняго, тихаго и яснаго утра.

Антипъ, подавая ему умываться, сообщилъ, что Сосипатръ Васильичъ перемѣстился въ конюшню, гдѣ было одно свободное стойло (въ другомъ спалъ Антипъ, третье занималъ «Мальчикъ»),

и что «сама» въ большихъ ладахъ съ нимъ: вмѣстѣ чай пили и книжку читали. А въ талдыкинской комнатѣ поселилась «какая-то лупоглазая барыня, толстая, какъ сорокоуша».

— Двадцать цѣлковыхъ съ ней слушцовали! — одобрительнымъ шепотомъ воскликнулъ Антипъ и съ явнымъ недоброежелательствомъ прибавилъ:—И ужь торговались! Вотъ какая жила! Два раза со двора уходила... Ужь на что «наша» жадна, а эта, важись, почище будетъ. Чемоданище у ней пудовъ пять! Я волокъ, волокъ... ажно въ потъ ударило; гривенникъ прожертвовала!... Гдѣ же вамъ чай-то накрывать?... На терасѣ она жретъ.

— Накрой съ другой стороны, не во всю же она разсѣлась,—засмѣявшись, сказалъ Шигаевъ. — Онисимъ Нилычъ не прѣвжалъ еще?

— Не прѣвжалъ. А тутъ о васъ справлялись вчерась, раза три приходили.

— Кто справлялся?

— Марѳа Петровна. Одинъ разъ сама, а два раза корридорный прибѣгалъ; говорить, дюже въ безпокойствѣ, что вы уѣхали, не сказавшись.

Шигаевъ пріятно изумился.

— И, говоришь, корридорный тоже отъ Марѳы Петровны?

— Стало быть, отъ ей. Потому какъ находятся въ безпокойствѣ, говорить...

— Ну, давай самоваръ,—весело перебилъ Максимъ Григорьевичъ и тотчасъ же подумалъ, что корридорнаго непременно присылала Зиллоти.—«Какія онѣ милыя!»—произнесъ онъ мысленно и даже ощутилъ нѣчто вродѣ угрызенія совѣсти, и, вмѣстѣ, вспомнилъ, что сегодня рѣшилъ угладываться.

Однако, воспоминаніе это оставилъ безъ всякаго вниманія; даже постарался приписать его сонному состоянію, въ которомъ находился такое непомѣрное количество часовъ, и, бодро вздрагивая ногами, съ веселымъ лицомъ вышелъ на террасу. Тамъ сидѣла толстая барыня не первой и даже не второй молодости, съ круглымъ, цвѣтущимъ лицомъ, любопытными, блестящими глазами и добродушнымъ носикомъ, вздернутымъ кверху. Шигаевъ поклонился ей.

— Скажите, пожалуйста, вы тоже здѣшній постоялецъ?—спросила она, искательно улыбаясь.

Шигаевъ отвѣтилъ.

— А скажите, пожалуйста, вы давно здѣсь квартируете? Вы

пользуетесь водами? У васъ одна комната? Сколько вы платите за свою комнату?

Шигаевъ развязно подошелъ къ ней и сѣлъ: его начинала забавлять эта любопытствующая толстуха.

— Вы что же, тоже лечиться сюда пріѣхали?—безъ особенной вѣжливости спросилъ онъ, безцеремонно оглядывая ее съ головы до ногъ.

Она лукаво прищурилась.

— Н-да...—и, точно взвѣшивая каждое слово, съ разстановкой добавила: — я писательница... Вальяжная, можетъ быть слышали?

— Ахъ, извините, очень пріятно-съ... имѣлъ удовольствіе читать ваше произведеніе,—сконфуженно пробормоталъ Шигаевъ и, привставъ, отрекомендовался.

— Матрена Вальяжная,—повторила толстуха, снисходительно сіяя любопытными глазками, и снова съ искательною улыбкой принялась за расспросы.—А скажите, пожалуйста, это не дорого взяли съ меня двадцать рублей? Эта хозяйка порядочная женщина? Мы должны быть съ вами въ союзъ: насъ непременно будутъ эксплуатировать. Обѣды здѣсь не дороги? Ванны дѣйствительно по 50 копѣекъ? А скажите, пожалуйста, вы не встрѣчали здѣсь Евгенія Львовича Базаринова? И онъ здѣсь съ братомъ? Вы не думаете, что съ ними опасно имѣть сношенія? А скажите, пожалуйста, вы не встрѣчали здѣсь барыню...—она перемѣнила искательную улыбку на тонкую и исполненную лукавства,—Охлестышеву? Вы не видали Евгенія Львовича вмѣстѣ съ этою Охлестышевой и вообще вамъ не бросалось въ глаза, что онъ близокъ съ какой-нибудь дамой? У васъ здѣсь много знакомыхъ? Тутъ легко составлять знакомства? Какая это Зилоти... богачка? А скажите, пожалуйста, хорошо здѣсь кормятъ? Можно достать свѣжей игры? А эти шашлыки дѣйствительно такъ вкусны? Почему?—и она аппетитно пожевала своими полными губами, на которыхъ какъ будто лежалъ слѣдъ масла.

А Шигаеву смертельно хотѣлось завязать съ ней литературный разговоръ. Удовлетворивъ по силѣ возможности всѣмъ ей разспросамъ, онъ робко спросилъ:

— *Шестикрыліе*, это, если не ошибаюсь, ваше произведеніе?—и, узнавъ, что ея, безстыдно похвалилъ этотъ романъ.

— Я его писала въ Баденъ-Баденѣ, — произнесла Вальяж-

чая.—Я помню, мнѣ очень хвалили его тамошніе русскіе. Не правда ли, въ немъ замѣтно это европейское мировоззрѣніе?

— О, да! Но позвольте спросить, отчего вы его не изволили помѣстить на страницахъ какого-нибудь журнала, прежде чѣмъ выпустить отдѣльно?

Валььяжная пренебрежительно повела носикомъ.

— Ну, ужъ журналы наши!—воскликнула она.—Конечно, я бы могла... но вы не знаете, что за жида, эти редакторы. Я совершенно не имѣю съ ними дѣла. Конечно, я могла заработать въ газетѣ Ксенофонта Пустопорожняго десять копѣекъ за строчку, въ *Зритель* даже двѣнадцать, и если это переложить на листъ, это... это будетъ около двухсотъ рублей... Говорятъ, даже въ нѣкоторыхъ журналахъ платятъ больше... Вы никогда не слыхали, сколько платятъ въ *Всемирномъ Обзорннн*? У васъ нѣтъ вліятельныхъ знакомыхъ изъ *Всемирнаго Обзорннн*?... Но я предпочитаю проводить свои идеи сама.

— Если не ошибаюсь, ваши идеи—спасительность естествознанія-съ?—вымолвилъ Шигаевъ, нѣсколько удивленный потокомъ коммерческихъ соображеній г-жи Валььяжной.

— Въ *Шестикрыльи*? Да, да... естествознаніе и ригоризмъ. И рационализмъ, добавьте. Я большая почитательница этихъ вещей. Нѣкоторые обскуранты упрекали меня за героя... но я сама, сама знала одного доктора... удивительный естествоиспытатель! Представьте, Дарвина и помину не было на русскомъ языкѣ, а ужъ онъ мыслить, дѣлалъ опыты,—и быстро переходя:—но если бы вы знали, какая мука возиться съ книгопродавцами нашему брату, литератору: сдашь одному—обанкротился; сдашь другому—сбѣжалъ; третьему—и ужъ будьте увѣрены, никогда дома не застанете! Вы имѣете экземпляръ *Шестикрыльи*? Если угодно, я могу вамъ уступить: я вожу съ собою. Сама я дѣлаю скидки 30% и даже могу сдѣлать 40. Я предпочитаю проводить свои идеи безъ посредства этихъ жидовъ-книгопродавцевъ. А скажите, пожалуйста, вы тоже изъ Петербурга? А! изъ Воронежской губерніи! Представьте, я воображала, что вы студентъ. Вы не знаете, есть въ воронежскихъ библіотекахъ мои сочиненія? Извините меня, но вы, вѣроятно, находились въ дорогѣ, судя по лицу... А! Бермамутъ! Это что же такое? Видь на Эльборусъ? А это очень интересно? И сколько же стоитъ проѣхать туда? Съ васъ сколько взяли за лошадь? Проводники, это, должно быть, большіе мошенники! И вы не знаете...—она

опять съ лукавствомъ улыбулась, какъ-то особенно распуская при этомъ нижнюю губу,—барыни здѣшнія очень любятъ этихъ проводниковъ? какъ въ Ялтѣ? Семь рублей! и ничего не выдали! Ай, ай, ай, какая жалость!

Пришла Мавра за самоваромъ и прервала потокъ этихъ рѣчей; но за то полились другія. Шигаевъ, отошедшій къ своему столу, долго слушалъ, какъ Вальяжная разспрашивала Мавру и объ обѣдахъ, и о томъ, согласятся ли хозяева, чтобы она столовалась у нихъ, и хорошо ли ѣдятъ хозяева, и что именно они ѣдятъ. — Вотъ, напримѣръ, что ты сегодня готовила, голубушка?—И почему говядина, и почему цыплята, яйца, масло, и сколько она, Мавра, получаетъ жалованья...

— Велико ли наше жалованье, сударыня!—пригорюнившись, отвѣтствовала Мавра.—Сколько квартиранты дадутъ, на томъ и спасибо ихнему здоровью.

— Да, да, ты ужь старайся, старайся, моя милая,—торопливо выговорила Вальяжная и затѣмъ перешла къ тому, умѣетъ ли Мавра крахмалить, гладить и мыть воротнички. Все это пересыпалось безчисленнымъ количествомъ ласковыхъ наименованій, искательныхъ улыбочекъ, неопредѣленныхъ обѣщаній и закончилось тѣмъ, что Мавра вмѣстѣ съ самоваромъ захватила съ собой и юбки, которыя нужно было выгладить, и воротнички, которые нужно было вымыть и накрахмалить, а г-жа Вальяжная напялила на себя пальто, удивительно обозначившее ея жирныя формы, распустила зонтикъ и, спросивъ у Шигаева о дорогѣ въ контору, въ перевалочку поплыла записываться на ванны. Въ саду ей встрѣтился Колька.

— Мальчикъ! мальчикъ! — закричала она ему,—скажи, пожалуйста, какіе это плоды висятъ? Абрикосы? Это очень вкусно?... Сорви мнѣ... Ахъ, дѣйствительно, вкусно. Сорви еще, милый мальчикъ... еще, еще... Ну, вотъ умникъ. Ты одинъ у мамаша? Есть братья? Мамаша ваша часто ходитъ въ кухню? Вы вчера сытно кушали? Два или три блюда? Ну, играй, милый, я тебя не задерживаю.

«Бой-баба», — подумалъ Шигаевъ и почувствовалъ легкую горечь разочарованія: не такими онъ представлялъ себѣ писательницъ!

И только что скрылась изъ вида г-жа Вальяжная, прилетѣла Марѳа Петровна, вся красная, какъ мѣдъ, и облупленная.

— Хорошъ! хорошъ! — закричала она Шигаеву, укориленно

покачивая головой, но, однако же, крѣпко пожимая его руки, и заботливо продолжала:—Съ вами ничего не случилось? Вы здоровы? Не простудились и, вообще, ничѣмъ не заболѣли?—Но когда получила въ отвѣтъ самое благополучнѣйшее донесеніе, почла долгомъ разсердиться и, проворно наливая себѣ чай, сказала:— Не хорошо, Шагаевъ, вы знаете, какъ я беспокоилась о васъ. Я всю дорогу сама не своя была.

— Но что же могло случиться?

— Какъ что? Въ пропасть могли слетѣть, въ туманѣ заблудиться, мало ли что! Я и Базидзи на ноги поставила, и дурака этого Петро... И Голоуховъ ходилъ васъ разыскивать... Не хорошо! Юлія совершенно была права, но я никакъ не предполагала, что вы способны на такую гадость. Зачѣмъ вы уѣхали? Васъ кто-нибудь обидѣлъ? И во всякомъ случаѣ вы должны были сказать. Капризы, Шигаевъ, капризы!

— А Юлія Богдановна такъ и предположила, что я уѣхалъ?— съ нехорошимъ любопытствомъ спросилъ Шигаевъ.

— Конечно! И она была совершенно права, увѣряя, что вы злока и капризникъ.

— Но почему же-съ?

— А потому, что злока. Потому что на васъ вниманія не обратили, не стали нянчиться съ вами. Вы вонъ людей осуждаете, а сами страшный самодуришка. Голоуховъ, конечно, испорченъ этимъ своимъ аристократизмомъ, но посмотрите, какой онъ молодчина. Эхъ, вы!

Шигаевъ надулся и промолчалъ. Фелисата Ивановна робко и съ виноватымъ лицомъ подошла къ нимъ. Марѳа Петровна увидалась съ ней холодно и спросила, спитъ ли Рюмина и не прѣзжалъ ли капитанъ.

— А мы ужъ, Марѳа Петровна, комнатку-то сдали съ Сосипатромъ Василичемъ, — подобострастно промолвила Фелисата Ивановна, отвѣтивъ, что Рюмина еще спитъ и Онисимъ Нилычъ не прибывалъ изъ Пятигорска.

— Какую комнатку?

— А вотъ эту. Я ужъ не знаю, какъ Онисимъ Нилычъ... Этотъ Сосипатръ Василичъ такой, право, чудакъ: сдайте да сдайте! Мнѣ, говорить, какой-нибудь мѣсяцъ ничего не значить потѣсниться, а тутъ двадцать цѣлковыхъ! Ну, я и сдала.

— А гдѣ же Талдыкинъ? Выгнали вы его, что ли?

— И, какъ это можно!... Что вы какъ полагаете обо мнѣ, Марѳа Петровна! Сами они пожелали въ конюшню перейти.

— Въ конюшню? Что же онъ лошадь, или козелъ какой-нибудь? — и Марѳа Петровна готовилась было разразиться негодованіемъ, но въ это время появился Талдыкинъ и умиротворилъ бурю, сказавъ, что ему отлично въ конюшнѣ.

Въ сущности, онъ перемѣнилъ одно стойло на другое, и только, но, взамѣнъ того, видимо, приобрѣлъ расположеніе Фелисаты Ивановны. Обсудивъ въ умѣ всѣ эти его преимущества, Марѳа Петровна махнула рукой и недовольно воскликнула:

— Какъ знаете!

Потомъ разспросила о новой постоялицѣ, фамилии которой никогда не слыхала прежде.

— Она писательница, — мрачно произнесъ Шигаевъ.

— Писательница? Вотъ какъ!... Ну, не слыхала такой.

— Сввалыга она, — вымолвилъ Талдыкинъ, — до седьмого пота торговалась. А я, вѣдь, и не зналъ, что она писательница. Значить, про нее тогда Казариновъ говорилъ... о херувимахъ-то писала?

— Романъ у ней *Шестикрыліе*, а вовсе не о херувимахъ... Мало ли какихъ нѣтъ заглавій? На заглавія вниманіе свое обращать, и читать ничего не стоитъ, — строптиво возразилъ Шигаевъ и, повернувшись, направился въ свою комнату.

— Куда же вы, Шигаевъ? — закричала ему вслѣдъ Вохина. — Юлія просила васъ обѣдать вмѣстѣ... А вы Талдыкинъ не пойдете? Да вы знакомы, кажется, съ Зиллоти?

Сосипатръ Василичъ проговорилъ что-то невнятное и отговорился тѣмъ, что у него есть дѣло. Тогда Марѳа Петровна снова окликнула Шигаева.

— Мнѣ некогда-съ, — сухо отвѣтствовалъ Максимъ Григорьевичъ.

Она вошла къ нему въ комнату и застала его надъ чемоданомъ, торжественно выдвинутымъ на средину.

— Это что такое? — съ удивленіемъ вскрикнула Марѳа Петровна.

— А собираюсь... Пожилъ достаточно, пора и домой ѣхать, — притворно-равнодушнымъ голосомъ сказалъ Шигаевъ.

— Какъ домой? Куда домой? Зачѣмъ? Почему? Что это вы затѣваете?... Извольте сейчасъ идти со мною.

И Вохина властно заставила его оторваться отъ чемодана,

всунула ему въ руки шляпу. Шигаевъ, какъ будто нехотя, покорился и съ насупленнымъ видомъ последовалъ за ней.

— Это что такое? Это что такое?—повторяла возбужденная Марѳа Петровна тономъ дружественной укоризны.

Когда они поровнялись съ поворотомъ въ паркъ, она мягко взяла его подъ руку и повела по глухой дорожкѣ, ведущей мимо парка, и прямо задала ему вопросъ:

— У васъ съ Юліей что-нибудь вышло?

И тонъ этого вопроса не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Марѳа Петровна подразумѣвала подъ нимъ. Шигаевъ сначала удивился: ему казалось, что чувство его къ Зиллоти такая тайна, которая одному ему только и извѣстна. Но удивленіе пробыло въ немъ мгновенною искрой и погасло, и затѣмъ, ни мало не подумавъ, какимъ образомъ Марѳа Петровна проникла въ его тайну, онъ такъ и ринулся въ эти волны милого сочувствія, съ щедрою готовностью обступившія его душу: Жалобы на Зиллоту,—жалобы на ея кокетство, на ея «игру въ нервы», на это странное обращеніе съ Голоуховымъ,—такъ и хлынули, такъ и полились необузданнымъ потокомъ. И когда Вохина на секунду прервала его, воскликнувъ: «Вы ее любите, Шигаевъ!»—онъ съ какимъ-то даже ожесточеніемъ, съ неоглядывающейся радостью, съ ознобомъ во всемъ существѣ, возопилъ:

— Люблю, люблю... люблю больше жизни!

И снова распространился, какъ она мучаетъ его, какъ она забавляется имъ, и что онъ теперь увѣренъ,—о, совершенно увѣренъ!— что онъ тутъ только подставное лицо, что вся суть въ этомъ малеванномъ аристократигѣ, который, конечно, не въ примѣръ блистательнѣе какого-нибудь «купческаго сына». И онъ принимался уничивать себя: и образованія-то онъ не получилъ, и по-французски-то не говоритъ, и состояніе-то у него нищенское, и вѣнность-то плюгаваго разночинца. И пошелъ, и пошелъ, во всѣхъ этихъ хулахъ подразумѣвая, однако, что есть въ немъ *ничто*, до чего не достигнуть никакимъ аристократамъ на свѣтѣ.

Въ другое время Марѳа Петровна не преминула бы остановить такое самобичеваніе и, пожалуй, съ свойственною ей прямою обозвала бы его «уничженіемъ паче гордости», но теперь сама она до самозабвенія была увлечена терзаніями этой души, уязвленной любовнымъ ядомъ, и ни о чемъ кромѣ не ду-

мала, какъ умягчить эти терзанія, водворить миръ среди этихъ людей, неизвѣстно зачѣмъ мучившихъ другъ друга.

— Охъ, ужь эта мнѣ Юлія! — угрожающимъ тономъ восклицала она и, перебравъ несмѣтное количество сочувственныхъ и ласковыхъ словъ, рѣшительно сказала Шигаеву: — Это все вздоръ, дружище! — Идите вы въ галерею и подождите тамъ; я съ ней переговорю... Это вздоръ!

Шигаевъ, пройдя разъ десять по галереѣ, нѣсколько остылъ и смутно почувствовалъ себя въ какомъ-то глупомъ положеніи. Чего онъ ждетъ? Базалось, человекъ въ немъ раздвоился, и одна половина жестоко глумилась надъ другою. Это его до того обезкуражило, что онъ уже не могъ въ одиннадцатый разъ измѣрить галерею, а, купивъ газету, погрузился въ чтеніе передовой статьи, гдѣ, какъ дважды два, доказывалось, что принципы свободной торговли есть гиль и что безъ запретительнаго тарифа Россія обречена закоснѣнію. И за листомъ этой прозорливой простыни его застала Зиллоти.

— Вы хотите обѣдать? — сказала она ему съ притворною сухостью.

— Обѣдать?... Извольте-съ, — являя видъ уничтожающаго самодостоинства, отвѣчалъ Шигаевъ.

— Пойдемте.

И дорогой, взглянувъ на него сбоку, она спросила:

— Это вы о чемъ читали?

— О покровительственномъ тарифѣ.

— Что же тамъ пишутъ?

— Покровительственный тарифъ одобряють.

— А вы зачѣмъ съ Бермаута-то уѣхали? — и вдругъ расхохоталась.

— Я не приученъ къ шутовскимъ ролямъ-съ.

— Ревнивецъ, ревнивецъ... — проговорила Зиллоти, будто дразня его, и, ужь подходя къ ресторану, произнесла едва слышно: — глупый ревнивецъ! — сопровождая этотъ шепотъ крѣпкимъ пожатіемъ руки.

Марѳа Петровна, заказывавшая обѣдъ, когда Шигаевъ и Зиллоти подходили къ столу, пытливо посмотрѣла на нихъ и, видимо, осталась довольна. И весь обѣдъ прошелъ въ шумномъ и веселомъ оживленіи, ибо къ нему присоединились и Пленушегинъ, и Бекарюковъ, и Рюмина. Всѣ проходящіе съ завистью смотрѣ-

ли на ихъ загорѣвшія лица и говорили между собой, что вотъ-де люди, побывавшіе на Бермамутъ и привезшіе оттуда огромный запасъ веселости и здоровья.

XX.

Между тѣмъ, въ комнатѣ съ тополями противъ окна неумолимо совершался тотъ процессъ, который доктора называютъ легочнымъ процессомъ; молодая жизнь быстро догорала, трепетно вспыхивая по временамъ и озаряя дѣйствительность неувереннымъ свѣтомъ. Тотъ день, когда Зиллоти не было въ Кисловодскѣ, прошелъ для Валерьяна очень дурно; онъ волновался, съ раздраженіемъ выносилъ присутствіе брата, едва не побранился съ докторомъ, который тонко намекнулъ, что считаетъ вреднымъ для него общество «этой барышни», спалъ плохо объ ночи, жестоко кашлялъ и по утрамъ вставалъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи.

Но поникшіе его нервы напряглись съ величайшею силой, когда онъ услышалъ, что вчера вечеромъ возвратились съ Бермамута и что, слѣдовательно, съ каждою минутой нужно ожидать Зиллоти. Неотступно смотрѣлъ онъ въ окно, вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, чутко прислушивался и, кромѣ легкаго, непрерывнаго звона въ ушахъ, ничего не слышалъ. Ахъ, какъ мучилъ его этотъ не перестающій звонъ! Иногда ему казалось, что это въ самомъ его существѣ, въ душѣ его звенять какія-то назойливыя струны,—звенять и горестно плачутъ и разрываютъ ему сердце своимъ долгимъ звономъ.

А тополи стояли тихіе, молчаливые, сосредоточенно величавые. Неблагодарный! Весь вчерашній день они дружно шептались встревоженнымъ шепотомъ и значительно шумѣли своими вершинами и улыбались, купаясь въ свѣтлыхъ солнечныхъ лучахъ, и повивались сумракомъ тучъ, быстро проносящихся надъ ними; онъ не смотрѣлъ на нихъ, онъ оторвалъ отъ нихъ свою душу, онъ не животворилъ уже болѣе эту таинственную, самодовлѣющую жизнь. И не вспоминалъ о другой, о прежней, о гипучей и безумно самонадѣянной жизни. Все заполонилъ въ немъ одинъ властительный, прекрасный, неизъяснимо чарующій образъ. Ея лицо, ея походка, станъ, руки, этотъ ея взглядъ съ бездною ума и какой-то неразгаданной игры все его воображеніе поработили, привлекли всѣ силы его беспокойной души и

дѣвственныхъ желаній. О, какъ горѣло его сердце этою первою и послѣднею, стыдливою, восторженною любовью! Что нужны — это безсознательное чувство тревоги, стѣсняющее грудь, этотъ кашель, эти зловѣщія полоски крови на платкѣ?—Лучезарный образъ дѣвушки заслоняетъ своимъ сіяніемъ грядущее, такъ же какъ и прошедшее онъ заслонилъ, и всюду сквозь него свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ.

— Ахъ, какъ не хорошо, что ея нѣтъ... ахъ, какъ не хорошо!—съ тоской восклицалъ Валерьянъ, напрасно прождавъ до поздняго обѣда, и отрывался отъ своихъ ослѣпительныхъ мечтаній и опять прислушивался, и опять едва различаемый, печальный, долгій звонъ назойливо напоминалъ ему о себѣ.

И вдругъ шелестъ шелкового платья, дразнящій запахъ духовъ, свѣжая и плѣнительная струя воздуха, насыщеннаго ея дыханіемъ, достигли до него. Онъ встрепенулся, вскочилъ, вытянулъ впередъ руки и съ рыданіями, съ порывистою и неразмышляющею страстностью обвилъ Зиллоти крѣпкими объятіями. Онъ цѣловалъ ея руки, грудь, плечи, затунутыя плотною и душистою кирасой. Онъ опустился на полъ и жадно прикасался губами къ ея ногамъ, къ ея колѣнамъ. И она покорялась этой бурѣ; она не пыталась умирять эти бѣшеные взрывы восторга и страсти; въ молчаніи выслушивала лихорадочный лепетъ, прерываемый рыданіями, и безсвязные упреки, и горькій ропоть, и слова опьяненной любви; бротно отдавалась объятіямъ, ласкамъ, поцѣлуямъ, не отвѣчая на нихъ, не проявляя застѣнчивости, будто выполняя какой-то долгъ. Затѣмъ усадила его, произнесла: «полно... полно»... и медленно раскрыла книгу. Но чтеніе не пошло. Взволнованная рѣка не входила въ русло — вниманіе Валерьяна исчезло. Счастливымъ этимъ внезапнымъ толчкомъ, расторгшимъ преграду, счастливымъ этимъ буйнымъ порывомъ страсти, растопившимъ его стыдливую сдержанность, онъ становился все смѣлѣе и смѣлѣе въ изъявленіи своихъ чувствъ. Онъ на тысячу ладовъ повторялъ свои признанія, точно наслаждаясь звукомъ словъ, дотошъ робко таившихся въ воображеніи; онъ не отпускалъ ея рукъ, сжигая ихъ своими воспаленными, пересохшими губами, и ни разу не спросилъ, любить ли она его: ему и въ голову не приходилъ отрицательный отвѣтъ. И развѣ не любовь эта ласковая покорность, это снисхожденіе къ дерзкимъ объятіямъ и поцѣлуямъ, это едва замѣтное пожиманіе руки?

— Полно... полно, — повторяла Зиллоти, оправляя его волосы и задумчиво улыбаясь.

Но когда, часъ спустя, вошелъ Евгенийъ Львовичъ, онъ услышалъ равномерно - звонкій голосъ Зиллоти, явственно читавшій, и увидалъ брата съ необыкновенно яркимъ румянцемъ на щекахъ, сидящаго въ своемъ глубокомъ креслѣ. Юлія Богдановна, словно желая на этотъ разъ поощрить присутствіе Евгения Львовича, очень любезно повидалась съ нимъ и живо стала рассказывать о неудавшейся поѣздкѣ. Валерьянъ былъ веселъ и ясенъ, и Евгенийъ Львовичъ подѣлалъ къ нимъ, въ свою очередь, припомнилъ свое путешествіе на ледники Юнгфрау, сообщилъ нѣсколько новостей, происшедшихъ въ отсутствіе Зиллоти, и, между прочимъ, о томъ, что пріѣхала г-жа Вальяжная.

— Авторъ того смѣшнаго романа, который ты мнѣ давалъ? — съ улыбкою спросилъ Валерьянъ.

— Но, милый мой, въ немъ есть достоинства, — уклончиво возразилъ Евгенийъ Львовичъ. — Что ни говори... идеалы — это такая вещь... превосходная вещь!

— Но помилуй, Женья, какіе же тамъ идеалы? Аноэозъ сытенькаго существованьяца, скотски-раціональная жизнь, влюбленная въ самое себя.

— Ахъ, не говори этого, Валера. Я согласенъ съ тобой, что народъ... и вообще... но, съ другой стороны, интеллигенція не должна быть забыта.

— Ну, ужь твоя интеллигенція!

— Да ты-то кто, мой милый?

— Я не о томъ, Женья; я говорю: сюжеты-то эти разрабатывать ради одной только интеллигенціи не стоящая работа. А эта твоя знакомая... какъ ее?... идеалишки свои испекла исключительно только на потребу личной утробы господъ цивилизованныхъ людей. У нея герой сначала возится съ микроскопомъ, потомъ влюбляется по всѣмъ правиламъ просвѣщеннаго естествознанія, потомъ со всѣмъ просвѣщеннымъ комфортомъ устраиваетъ обстановочку... Что же это такое?

— Такъ нельзя же описывать все мужиковъ.

— Ахъ, *описывать*, Женья! Это другое дѣло. Но, вѣдь, она изобрѣла своего героя, а не описала.

— У, старая пѣсня! О чемъ вы говорите, господа? — вмѣшалась Зиллоти. — Кто же нынче думаетъ о лабораторіяхъ, въ которыхъ по шучьему велѣнію готовится добродѣтель: возьми

столько-то грань естественныхъ наукъ, да прямолинейнаго ригоризма, да короткой памяти, которая не подозрѣвала бы о вчерашнемъ днѣ, да цивическаго добронравія, смѣшай и истолки все вмѣстѣ?

Братья засмѣялись.

— Но она очень интересный человекъ, — сказалъ Евгений Львовичъ. — Я, въ сущности, даже удивляюсь, какъ она могла написать такую выпреннюю вещь, какъ *Шестикрыліе*; романъ, право, не безъ достоинствъ! — вскользь замѣтилъ онъ, улыбаясь по направлению Зиллоти. — У ней такой громадный матеріалъ разныхъ прозаическихъ курьезовъ. Тому назадъ... да, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я ее засталъ еще очень привлекательной. Какіе люди за ней ухаживали! И она всю эту закулисную сторону нашей литературы за послѣднія 25 лѣтъ знаетъ какъ свой собственный гардеробъ.

— А, это очень интересно! — воскликнулъ Валерьянъ. — Всѣ эти исторіи, гоненія, придирки, катастрофы?

— О, нѣтъ, не съ этой стороны. Но семейную обстановку литераторовъ, ихъ грѣшки, изъянцы, интрижки, — эти мелочи, изъ которыхъ слагается репутація... О, она знаетъ это sur le bout du doigt!

— Сплетни! — съ неудовольствіемъ вымолвилъ Валерьянъ.

— Да, если хочешь... Но какіе люди, какіе люди служатъ объектомъ этихъ сплетенъ! — и неожиданно добавилъ: — А г. Шигаевъ, я слышалъ, вовсе не студентъ?

— Онъ не студентъ, — съ подтвердила Зиллоти, — онъ просто необразованный, но не глупый и начитанный купецъ изъ Воронежской губерніи. Но кто же его принималъ за студента?

— Какъ можно ошибаться по костюму! — въ некоторомъ смущеніи вымолвилъ Евгений Львовичъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Ахъ, Максимъ Григорьевичъ! — съ живостью произнесъ Валерьянъ, — онъ мнѣ ужасно нравится. Отчего онъ къ намъ не ходитъ?... Зиллоти, приведите его какъ-нибудь къ намъ.

— Но поверхностень... — мягко замѣтилъ Евгений Львовичъ, — онъ слишкомъ смѣлъ съ тѣмъ багажемъ, которымъ располагаетъ. Я нахожу, что тотъ, другой, г. Талдыкинъ, гораздо основательнѣе. У того есть этакая заваска, дѣловитость, знакомство съ фактами; видно, что человекъ думалъ, учился...

— О, г. Талдыкинъ весьма ученый человекъ! — съ притворнымъ простодушіемъ воскликнула Зиллоти, обращая любопытный

взглядъ на Евгенія Львовича, и когда онъ ушелъ, торопливо посмотрѣвъ на часы, она съ усмѣшкой сказала Валерьяну:— Удивительно наивный человѣкъ вашъ братъ!

— Напускное, напускное все у него,—съ горечью проговорилъ Валерьянъ,—вся эта льстивость, всѣ эти погони за популярностью, за интеллигентною молодежью,—все напускное. А я увѣренъ, его гораздо больше интересуетъ вновь изобрѣтенная электрическая лампа для кабинета или какой-нибудь купальный шкафъ, чѣмъ важные вопросы, о которыхъ онъ толкуетъ. Ужасно его испортила эта эстетика!

— Но Талдыкинъ совершенное бревно! Какъ же онъ съ его образованіемъ...

— Фи, какое у него образованіе! Верхушки, эти заграничныя лекціи на лету... Я увѣренъ, онъ гораздо болѣе смыслить въ счетоводствѣ департамента... какъ называется этотъ департаментъ, который завѣдуетъ акцизными налогами?

— Акцизными налогами? Ну, не знаю,—и они разомъ расхохотались надъ своимъ невѣжествомъ.

— Какой я гадкій, однако же! Женья очень добрый,—съ прискорбіемъ вымолвилъ Валерьянъ, переставъ смѣяться.—О, моя дорогая, какой я гадкій!

Въ другой разъ Зиллоти пришла съ Шигаевымъ и они долго сидѣли втроемъ, разговаривая о книжкахъ, о журналахъ, о текущихъ событіяхъ, слабо доносившихся до нихъ чрезъ газеты и еще слабѣе посредствомъ писемъ, изрѣдка получаемымъ Зиллоти. Потомъ Шигаевъ заходилъ и еще. Споровъ между ними почти не было. Шигаевъ если и поражался иногда невѣроятною, по его мнѣнію, наивностью въ сужденіяхъ Валерьяна, то обыкновенно эта наивность произносилась такъ пылко, съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ восторженнымъ блескомъ въ глазахъ, что у него не доставало смѣлости возражать на нее, тѣмъ болѣе, что и возраженія-то свои онъ могъ почерпнуть только изъ того же моря печатныхъ словъ, изъ котораго и Валерьянъ черпалъ свою наивность. Зиллоти бывала безпощаднѣе, но и она ограничивалась ироническими словечками, насмѣшливымъ отгѣнкомъ въ голосъ и никогда уже не вступала въ такое откровенное изъясненіе своихъ мнѣній, какъ прежде. Можетъ быть, это происходило и оттого, что струнка общественныхъ влеченій въ самомъ Валерьянѣ замѣтно ослабѣла. Когда прикасались къ ней, онъ былъ все тотъ же и та же вѣра въ жизнь, вѣра въ грѣпость иде-

альных построений, будто бы руководящих жизнью, звучала въ его словахъ; но по своей собственной волѣ онъ не начиналъ подобнаго разговора. Оставаясь одинъ съ Зиллоти, онъ весь уходилъ въ новое для него чувство, — чувство любви къ женщинѣ. Его душа еще не насытилась этимъ чувствомъ. Такъ олень, истомленный зноемъ, бросается къ водѣ и страстно принакаетъ къ ней, забывая въ тотъ мигъ, что есть на свѣтѣ и люди, жадные до его крови, и есть голодъ, и есть дожди, и туманы, и снѣгъ, толстою пеленой скрывающій изобильныя лѣтнія травы. Приходилъ Шигаевъ—и, какъ отдыхъ отъ сладостнаго напряженія нервной системы, завязывался легкій разговоръ о томъ, о другомъ, о третьемъ.

И во время этихъ разговоровъ втроемъ Зиллоти очень тонко относилась къ Валерьяну; она иногда называла его ласковыми именами, иногда брала его за руки или поправляла непослушную прядь волосъ, свѣшивавшуюся ему на глаза, и съ снисходительностью старшей сестры смотрѣла на его порывы, въ которыхъ болѣе наблюдательный человекъ, чѣмъ Шигаевъ, могъ бы примѣтить далеко не братское чувство. Онъ же ничего не примѣчалъ; ревность, когда-то въ немъ шевельнувшаяся, относилась не къ этому больному юношѣ, но къ его изящному братцу, который рѣдко былъ съ ними, а когда бывалъ, слишкомъ замѣтно являлъ изъ себя человека лишняго. И, притомъ, Зиллоти, когда ей случалось выходить отъ Валерьяна вмѣстѣ съ Шигаевымъ, такъ свободно вздыхала, съ такимъ выраженіемъ невольной брезгливости произносила: «Ахъ, какъ меня преслѣдуетъ этотъ чахоточный запахъ!»—что всякія подозрѣнія были бы нелѣпы и смѣшны.

Попрежнему часто навѣщала больного и Марѳа Петровна, но ея посѣщенія были почти мгновенны. Съ поѣздки на Бермамутъ у ней прибавилось столько знакомыхъ и столько заботъ, и столько уходило времени на «филантропическія свиданія», какъ называла ихъ Зиллоти, на длиннѣйшія расслѣдованія и расковыриванія чужихъ душъ, что она по необходимости сокращала свое свободное время. По временамъ заходила на минуточку Рюмина и всегда жаловалась на горло, когда Валерьянъ заводилъ рѣчь о ея «дивномъ пѣніи»: по совѣту съ Зиллоти и особенно съ Марѳою Петровной, было рѣшено по возможности удалять Валерьяна отъ его намѣреній снова послушать музыку и пѣніе. Какая музыка! Онъ и въ кумысную ходилъ уже съ трудомъ; обѣдать приносили ему на домъ, и когда онъ приходилъ въ

идеумъніе отъ этой быстрой потери силъ, ему тщательно доказывалось, что таново всегда дѣйствіе горнаго климата на людей упорнымъ «катарромъ дыхательныхъ путей». Докторъ нехотя утверждалъ такое увѣреніе, говорилъ «м-да... м-да...» и, пожежному, косился на Зиллоти, прописывая все въ большихъ и меньшихъ дозахъ приемы натра и дигиталиса. Однако, убѣжденный въ неумоимости болѣзни, въ душѣ приходилъ къ тому, что все равно—раньше или позднѣе однимъ мѣсяцемъ.

XXI.

Бромъ посѣщеній Валерьяна,—посѣщеній, которыя до нѣкоторой степени можно было уподобить повинности,—жизнь Шиева проходила въ такомъ смѣшеніи впечатлѣній, что ему негда было и подумать о нихъ хорошенько. Едва не каждый нѣ устраивались многочисленныя кавалькады, взбирались на гругстанъ по отвратительной, узкой и кремнистой тропѣ, висящей надъ пропастью; Рюмина всегда при этомъ подымала историческій визгъ, встрѣчая сочувственный отзывъ въ робкой душѣ Жако Плекушкина и въ нѣкоторыхъ другихъ трусливыхъ шахъ. Забирали съ собой въ саквы вина, жареныхъ цыптъ и ѣдаго осетинскаго сыру и съ громкимъ смѣхомъ, съ живыми разговорами располагались гдѣ-нибудь на высотѣ въ виду ликопѣнныхъ снѣговъ, сіяющихъ какъ тонкое серебро эзерумою работы, въ виду исполинскихъ пирамидъ Эльборуса и долины Подкумка, распростертаго глубоко внизу бѣлесоватою извистую лентой. И, странное дѣло, въ большомъ обществѣ, съ дспорьемъ вина и яснаго воздуха, насыщеннаго горною свѣтостью, время проходило очень весело. Но едва сходились два и человекъ изъ того же общества—нечего было имъ сказать другъ другу, и, обмѣнявшись привѣтствіями, сообщивъ скудныя вости, изловленные «на музыкѣ» или въ газетахъ, они спѣшили сходитья, дѣлая видъ, что очень довольны случившеюся встрѣй. Такимъ образомъ, у Шигаева составилось много знакомствъ. Яляясь «на музыкѣ», онъ теперь безпрестанно приподнималъ ою шляпу съ преувеличенными полями, пожималъ руки, изгргалъ неизвѣстно для чего обязательныя словеса, освѣдомлялся здоровьи, говорилъ о погодѣ и даже приучился бранить докоровъ и сѣтовать объ упадкѣ курса.

Что касается Зиллоти, она по наружности чувствовала себя

прекрасно. Возвращение въ Желѣзноводскъ было окончательно отиѣнено и, для приличія, составила докторская консультація, на которой предписали ей два стакана козьяго молока въ день да ванны изъ подогрѣтаго нарзана. И какъ-то случалось такъ, что Шигаеву рѣдко удавалось оставаться съ глазу на глазъ съ Зиллоти. Онъ все избиралъ удобный моментъ для «серьезнаго» объясненія, составляя планы о залогѣ Шувавки въ поземельномъ банкѣ, о приведеніи шувавской усадьбы въ соответствующій порядокъ, занесъ даже въ записную книжку множество «необходимыхъ» вещей, которыя слѣдовало выписать изъ Москвы (грѣшный человѣкъ, онъ даже зашелъ однажды въ комнату Евгенія Львовича и съ внимательностью осматривалъ принадлежности комфорта, въ ней изобилующія), но «моментъ» не давался, а его чувство къ Зиллоти по необходимости питалось шаловливыми прикосновеніями «подъ длиною скатертью столовъ», да пожиманіями рукъ, да выразительными взглядами, да страстнымъ шепотомъ, гдѣ слово «ты» играло превозмогающую роль. Зиллоти охотно участвовала въ такой контрабандѣ, но, въ свою очередь, ни мало не способствовала къ уясненію истиннаго положенія дѣлъ. Одно время Шигаевъ подумывалъ повести переговоры чрезъ Марю Петровну. Но Зиллоти такъ зло и такъ неотступно преслѣдовала его напоминаніями о томъ, какъ онъ «нажаловался» на нее Вохиной, что онъ, несмотря на многократные поводы, оставилъ втунѣ это намѣреніе и даже предпочелъ перенести нѣ-которую холодность Мары Петровны, зачастую упрекавшей его въ скрытности.

Дома онъ бывалъ мало. А когда бывалъ, уже не подвергался нашествію Талдыкина. Было замѣтно, что съ недавнихъ поръ Сосипатръ Василичъ какъ будто сторонился отъ него. Да и отъ всѣхъ сторонился, кромѣ Фелисаты Ивановны, съ которой часто просиживалъ вдвоемъ, и вѣчно распоясаннаго Антипа, съ которымъ заключилъ союзъ, похожій на дружбу. Даже Марья Петровна съ своимъ душевнымъ участіемъ не могла извлечь его на свѣтъ Божій, какъ она выражалась, вытащить на музыку, заставить вмѣшаться въ кругъ людей, проводящихъ время въ прогулкахъ, пивникахъ и веселыхъ разговорахъ. Къ самой Марѣ Петровнѣ онъ льнулъ, — трудно поручиться, чтобы не былъ расположенъ бывать въ обществѣ, — но, все-таки, упорно отказывался покинуть свое уединеніе, ссылаясь на матеріалы, которые нужно-де накопить, и обливая ядомъ пренебреженія тѣ удовольствія, которыми

она его соблазняла. Въ сущности, какъ и предполагалъ Шигаевъ, все его существованіе было отравлено присутствіемъ въ Бисловодскѣ Зиллоти.

Но, вмѣсто Талдыкина, г-жа Матрена Валяжная одолѣвала Шигаева своею неутомимою говорливостью.

Помимо Шигаева и семьи Тереховскихъ вкушъ съ Талдыкинымъ и своего стараго знакомаго Евгенія Львовича, г-жа Валяжная съ изумительнымъ проворствомъ перезнакомилась со всѣми людьми, которые, словно вокругъ центра или словно бабочки вокругъ огня, вращались около Зиллоти. Познакомилась и съ самой Зиллоти. И всѣ на первыхъ порахъ были въ восторгѣ отъ этой «женщины-литератора», отъ ея подвижности, отъ ея простодушныхъ манеръ и дружескаго обращенія. Всѣ запаслись толстымъ экземпляромъ *Шестикрылія*, затхлою и скучною книжицей, слегка покрытой плѣсенью отъ долговременнаго нахождения въ огромномъ чемоданѣ, обтянутомъ парусиной. Жако Пленушкинъ получилъ этотъ романъ съ уступкой 40 процентовъ и съ длинною, краснорѣчиво-льстивою надписью; оказалось, что у него были «влиятельные» знакомые изъ журнала *Всемирное Обзорніе*, въ которомъ «такъ хорошо платятъ».

По своему сложенію г-жа Валяжная не могла принимать участія въ кальявадахъ и пикникахъ, но всегда ее можно было застать за многолюднымъ обѣдомъ, на скамеечкѣ въ паркѣ съ кѣмъ-нибудь изъ новыхъ знакомыхъ, на вечерахъ въ ресторанѣ, гдѣ ужинали, пили, танцовали и пѣла Рюмина, привлекая своимъ голосомъ толпу любопытныхъ, собиравшихся подъ окнами. И обыкновенно г-жа Валяжная или смиренхоньго сидѣла гдѣ-нибудь въ уголѣ, сложивъ пухлыя ручки на своемъ объемистомъ брюшкѣ, или уплетала свѣжую икру подъ звуки шубертовской серенады, или втихомолку тараторила съ кѣмъ-нибудь, непрерывно улыбаясь и лукаво съуживая глазки. И понемногу странныя вещи стали совершаться среди ея знакомыхъ. Шигаевъ, напримѣръ, замѣтилъ, что Евгений Львовичъ, встрѣчаясь съ нимъ, быстро отвращаетъ взглядъ свой и проходитъ, будто не замѣчая его. И хотя въ обращеніи Евгенія Львовича давно уже стала сквозить какая-то холодность (онъ теперь совсѣмъ не говорилъ съ Максимомъ Григорьевичемъ о «матеріяхъ важныхъ»), все-таки, это удивило Шигаева. Потомъ Пленушкинъ едва подалъ ему руку при встрѣчѣ. Затѣмъ князь Голоуховъ началъ раскланиваться съ нимъ, являя необыкновенное высокомеріе. И мало-

по-малу вокругъ него обвилося какое-то кольцо, вносящее много сквернаго въ состояніе его духа.

Онъ могъ, однако, утѣшиться тѣмъ, что другіе и вовсе взбѣленились. Пленушкинъ крупно поссорился съ Бенарюковымъ, причемъ во время перебранки выяснилось, что первый о послѣднемъ кому-то отозвался «очень подло», а второй гдѣ-то аттестовалъ перваго какъ «годовалаго поросенка, набитаго всякою дрянью». Марѳа Петровна умирила ихъ, но за то сама послѣ одного разговора съ гѣмъ-то изъ своихъ новыхъ знакомыхъ запальчиво назвала Рюмину «интриганкой» и потребовала отчета у Зиллоти, какъ та осмѣлилась похвалиться, что она, Вохина, состоитъ у нея въ качествѣ приживалки. Этимъ не окончилось. Евгенийъ Львовичъ со всевозможною вѣжливостью заявилъ, что не можетъ участвовать на ужинахъ, ибо не хочетъ стѣснять дамъ, которыхъ явное нерасположеніе имѣлъ несчастіе заслужить. И пошло... Какая-то подозрительная обидчивость заплыла во всѣхъ. Тотъ просилъ отчета въ косомъ взглядѣ; тотъ требовалъ объясненія, почему при встрѣчѣ ему холодно поклонились; тотъ язвительно замѣчалъ, что не ожидалъ встрѣтить людей завистливыхъ, «какъ деревенскія бабы»; тотъ принималъ чью-нибудь улыбку на свой счетъ и хорохорился, точно индѣйскій пѣтухъ. Въ двухъ или трехъ случаяхъ засучивались кулаки и съ угрожающимъ видомъ подымались палки; въ одномъ— дѣло едва не достигло благороднаго вызова на дуэль и только невѣроятная трусость спасла соперниковъ. Прогулки составлялись неохотно и часто кончались шпильками и злобными намеками. Рюмина отказывалась пѣть. Даже Таалдыкинъ въ своей конюшнѣ насупился болѣе обыкновеннаго и чуть не до слезъ изобидѣлъ Марѳу Петровну, сказавъ, что онъ «не богадѣленная старушонка, какъ нѣкоторые о немъ думаютъ». Даже чистосердечнѣйшій капитанъ съ дрожью въ голосѣ и румянцемъ сдержаннаго негодованія на щекахъ попросилъ Шигаева «на будущее время не ронять кредитъ его предпріятій, рассказывая о нихъ всякому встрѣчному въ насмѣшливомъ смыслѣ». А Фелисата Ивановна величественно прослѣдовала однажды мимо Шигаева и едва удостоила кивнуть своею высоко торчащею косичкой на его вѣжливое привѣтствіе. Зиллоти и Валерьянъ Базариновъ, Зиллоти и Шигаевъ служили «на музыкѣ» предметомъ двусмысленныхъ сближеній и самаго фантастическаго баснословія. Докторъ, лечившій Валерьяна, нашелъ нужнымъ попросить Юлію

Богдановну, чтобы она осторожнѣе выражалась о его познаніяхъ въ медицинѣ.

Базалось, самый воздухъ Кисловодска носилъ въ себѣ какія-то злоковонныя струи и заражалъ этихъ людей своимъ раздражающимъ дыханіемъ. Дошло до того, что, завидѣвъ другъ друга, они стали разбѣгаться и прятаться, какъ маленькіе ребята. Нѣкоторые искали новыхъ знакомствъ; другіе уѣхали, плюнувъ и на леченіе, и на лечебный яко бы климатъ; третьи поневоѣ оставались, съ ненавистью и скрежетомъ зубнымъ отзываясь объ этихъ горахъ, объ этой природѣ («чортъ бы ее побралъ!»), и, точно институтки, вычисляли дни, остающіеся до окончанія курса.

Одна г-жа Матрена Вальяхная, какъ ни въ чемъ не бывало, улетала свою игру и свои обѣды и, попрежнему, шныряя по сторонамъ любопытными глазками и добродушно колыхая брюшко, проплывала изъ своей квартиры въ галлерею и обратно.

Тринадцатаго августа... знаменательный для Шигаева день!... въ этотъ день они съ покойнымъ отцомъ, несмотря на всяческія передовыя идеи, ѣхали въ своемъ древнемъ тарантасѣ въ ближнее село и съ надлежащимъ велелѣніемъ отправляли молебенъ св. Максиму-Исповѣднику, а дома истребляли пирога, сооруженный тетужкой, нарочно приѣзжавшей изъ города ко дню «Максимушкинова ангела». И такъ, тринадцатаго августа Шигаевъ, размягченный своими воспоминаніями, съ увлажненнымъ взглядомъ и переполненною душой, въ задумчивости брелъ по глухой аллеѣ парка. И вдругъ на одномъ изъ поворотовъ Марса Петровна приступила къ нему, раскаленная несказаннымъ негодованіемъ.

— Когда я вамъ, Шигаевъ, вѣшалась на шею?—задыхаясь, спросила она.

Тотъ обомлѣлъ.

— Богъ съ вами!—только и могъ онъ выговорить.

— Вы и обо мнѣ Богъ знаетъ что распускаете, и о Пленушкинѣ... И Евгению Львовичу приписали какую-то мерзость... И надъ Голоуховымъ насмѣхаетесь... Ужъ повѣрьте, всѣ они лучше васъ! Яковъ Мироничъ какой ни на есть, все же не сплетникъ! Голоуховъ не станетъ каверзы строить! Базариновъ, прежде всего, вѣжливый и приличный человекъ, не сплетничаетъ, какъ баба!... Когда я вамъ вѣшалась на шею? Или, по вашимъ понятіямъ, ни одна женщина не можетъ устоять противъ ва-

шей обольстительной красоты?... Разочаруйтесь, Шигаевъ!... Да съ чего вы вообразили о себѣ?... Да съ какой стати вы важничаете? Да какъ вы...

Но вдругъ она замѣтила, какое дѣйствіе производятъ эти слова, и гнѣвъ ея разомъ оналъ.

— Такъ вы развѣ ничего не говорили, Шигаевъ?—спросила она тономъ ниже.

Онъ молчалъ, стиснувъ зубы.

— Ну, послушайте, Шигаевъ, вы не распускали такихъ гадостей? Послушайте...—и она схватила его за руку.

Шигаевъ высвободился, хотѣлъ что-то сказать, всхлипнулъ и быстрыми шагами пошелъ отъ нея.

— Ну, дружище... — съ растеряннымъ видомъ произнесла она, догоняя его и снова схватывая за руку,—пожалуйста, дружище...—и сама расплакалась.

И долго шли они молча, обливаясь слезами, но, наконецъ, Шигаевъ съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Ахъ, какъ... какъ это гнусно!

— Оставьте, Шигаевъ... Ну, оставьте!... Простите меня... Я погорячилась... Я вижу, что вздоръ.

— Но кто распускаетъ всё эти сплетни?

— Миѣ говорили... Миѣ этотъ нотаріусъ говорилъ... Лжець!... Ну, погоди же! Я съ нимъ посчитаюсь!... Я спрошу у него, какъ онъ смѣлъ!... Ну, пожалуйста, Шигаевъ, оставьте.

— Вамъ, я вижу, ничего не стоитъ оскорбить человѣка, Марѳа Петровна... Позвольте-съ, миѣ нужно ванну брать.

Но Марѳа Петровна въ порывѣ раскаянія увлекла его все дальше и дальше и не находила словъ, чтобы заклеить свою опрометчивость.

— Но кому нужно все это?—злобно кричалъ Шигаевъ, слустя десять минутъ.—Кому нужны всё эти ссоры, сплетни, мерзости?... Я на васъ не сержусь, Марѳа Петровна, но я не ожидаю, никакъ не ожидаю отъ образованныхъ людей!

— Что образованные люди, голубчикъ! Бѣжать отъ этихъ образованныхъ людей!... Ахъ, дружище, у меня за какія-нибудь двѣ недѣли всё нервы истрепались!

— Но и у меня нервы-съ!... Ну, про васъ... это ужъ прямо подлость въ высшей мѣрѣ... Но что я могъ распускать про г. Базаринова или про Голоухова съ Пленушкинымъ?... Хотя же они и достойнѣе меня...—съ проной продолжалъ онъ.

— Молоте, Шигаевъ! — живо прервала его Марѳа Петровна, — говорю, никогда теперъ не повѣрю. — И въ порывѣ виноватой нѣжности воскликнула: — Хорошій вы человекъ, друже!... И какъ я, дурища, могла... какъ я могла!...

— Но что же я могъ о Казариновѣ? — упрямо добивался Шигаевъ.

— Гадости! Про madame Охлестышеву... Знаете, дама съ голубой вуалью?... Про эту даму, будто она любовница Евгенія Львовича.

— Боже ты мой Господи! Да я въ первый разъ и слышанъ, что Охлестышева — дама съ голубою вуалью...

— Потомъ о Голоуховѣ, будто его отецъ прогналъ... будто его въ Вѣну къ дядѣ послали, а онъ, вмѣсто Вѣны, у какихъ-то цыгановъ всѣ деньги прокутилъ... А Пленушкинъ будто бы вмѣсто шута у Зиллоти... Чортъ знаетъ что такое! Будто бы въ запасъ держится на случай замужества.

Шигаевъ развелъ руками и въ мигъ представилось ему «литературное» сравненіе.

— Точно у Жюль Верна въ разсказѣ *Фантазія доктора Окса*, — съ насильственной усмѣшкой вымолвилъ онъ, — точно какой-нибудь ученый и впрямь отравилъ насъ усиленнымъ выпускомъ кислорода. — И онъ невольно всею грудью вдохнулъ въ себя чистый воздухъ, въ которомъ уже чуялись признаки осенней погоды, запахъ увяданія, раздражающій и тонкій.

Кончилось тѣмъ, что они примирились и Марѳа Петровна помчалась разыскивать коварнаго нотариуса, а Шигаевъ, тщательно утеревъ глаза, направился къ галлерей брать ванну. Но день св. Максима-Исповѣдника ему пришлось-таки отпраздновать, хотя и по своеобразному поводу. Въ галлерей встрѣтилъ его Бенарюковъ и, схвативъ за пуговицу, закричалъ:

— Каковъ! каковъ этотъ подлецъ! Ну, обличи, я это понимаю. Я тебѣ ни слова поперегъ не сказалъ, какъ ты меня костилъ-то тогда. Но, вѣдь, тутъ уголовщина! Онъ, вѣдь, подлецъ, распускаетъ, что я завѣщаніе какое-то поддѣлалъ! Послунай, ты куда? Брось, пойдемъ крющончигъ раздавимъ, я тебя люблю, я обезпкоенъ. Вотъ тебѣ Богъ, исколочу этого подлеца, какъ самую послѣднюю баналью!

— Да кого, Михѣй Михѣичъ?

— Талдыкина! Кого же больше, какъ не эту мразь? Вино

мое допалъ, кровныя мои денежки проѣдалъ, а до чего дѣло довелось,—завѣщаніе! Нѣтъ, по-го-ди!

Шигаевъ такъ и вздрогнулъ отъ мысли, что ему припишутъ и эту сплетню: вѣдь, Талдыкинъ, дѣйствительно, что-то бормоталъ ему о поддѣлкѣ завѣщанія. И, руководимый испугомъ, онъ не только послѣдовалъ за Бекарюковымъ, но даже и напился съ нимъ виѣстѣ и успѣлъ—таки убѣдить его въ неосновательности сплетни, рассказавъ, что, напротивъ, Сосипатръ Василичъ при всякомъ случаѣ безмѣрно хвалить Михѣй Михѣича, безмѣрно одобряетъ его.

— Еще бы онъ меня не одобрялъ!—произнесъ польщенный Бекарюковъ и съ видомъ добродушія добавилъ:—Да гдѣ онъ хоронится, этотъ Талдыка? Хоть бы харчей даровыхъ пожралъ. Я за этимъ не стою.

Этимъ же вечеромъ, уже соснувъ нѣсколько и окончательно отрезвѣвъ, Шигаевъ столкнулся съ Матреной Вальяжной. Она уписывала пирожки въ лавкѣ старика Михѣича и привѣтливо улыбнулась Шигаеву своими лоснящимися губами. И, съ трудомъ проглатывая кусокъ, спросила:

— Отъ Зиллоти?

— Нѣтъ-съ,—сухо отвѣтствовалъ Шигаевъ.—Юлія Богдановна, кажется, у Базариновыхъ.

— А скажите, пожалуйста, Валерьяну лучше?

— Трудно судить-съ.

— Ахъ, какая жалость! Вотъ добрушка эта Юлія Богдановна!—и она взяла новый пирожокъ.—А скажите, пожалуйста, каждый день она ходитъ къ нему?

— Ежедневно-съ.

— Удивительная добрушка!—и оттопыривъ губу:—Представьте себѣ, вѣдь, Охлестышева-то уѣхала, амазонку заказала себѣ шить и, амазонки не дожидаясь, уѣхала!—она подмигнула и снова возвратилась къ Зиллоти:—Вотъ острая особа эта Юлія Богдановна!

— Почему вы такъ предполагаете?

— Язычекъ у нея—у!—и, поковырявши пальцемъ въ зубахъ, протянула руку за свѣжимъ пирожкомъ.

— Я не примѣчалъ,—сказалъ Шигаевъ, раззадоренный, однако, этимъ намекомъ.

— Ужъ язычекъ! Между нами: знаете, какъ она васъ называетъ? «Винигретъ съ суконнымъ языкомъ»! Только я не по-

маю, къ чему такая доврчивость со всякимъ встрѣчнымъ? Вы знаете, это она тому вонъ брюнету сказала, вонъ газету показываетъ, когда онъ спросилъ про васъ. А онъ и самое-то ее было у знакомыхъ въ Петербургѣ встрѣчалъ. Охъ, осторожно съ нынѣшнимъ поколѣніемъ! Да постоите, куда же вы? не знаете, говорятъ, нынче у Махлая каменные курочки ли за обѣдомъ? Скажите, пожалуйста, очень вкусны эти ку-рки?

Но Шигаевъ, не слушая ее, поспѣшно удалился.

XXII.

Спусти двѣ съ небольшимъ недѣли, въ ночь на 2 сентяб- странное ощущеніе какой-то цемящей шероховатости въ гор- разбудило Валерьяна. Онъ быстро открылъ глаза, припод- ся, кашлянулъ и съ ужасомъ замѣтилъ необыкновенную лег- ть этого кашля и влажное хрипѣніе внутри себя. Сердце въ гь упало. Движимый жаднымъ любопытствомъ, онъ кашля- гь во второй разъ, въ третій и вдругъ почувствовалъ въ ополненномъ рту вкусъ приторный и сладковатый.

— Брѣвъ!—растерянно прошепталъ онъ,—кровь!—и, весь въ обѣ, въ поту, схватилъ себя за воротъ рубашки, разорвалъ , началъ растирать грудь, бросился потомъ къ столу, разы- сая спички блуждающими руками, столкнулъ какой-то пузы- ль, съ дребезгомъ разбившійся, и, не помни себя отъ тоски и дуга, дико закричалъ:—Женя, Женя!

Спусти десять минутъ все было на ногахъ въ квартирѣ Ка- иновыхъ. Посланный бѣжалъ за докторомъ, другой добывалъ ду, третій изъ всѣхъ силъ мчался въ аптеку. Евгений Льво- гь, блѣдный, встревоженный, то подбѣгалъ къ окну и смот- гь, не идетъ ли докторъ, то хватался за пузырьки и торопли- развертывалъ сигнатуры, то принимался утѣшать Валерьяна, ченя своими туфельками и потирая руки.

— Успокойся, Валера. Право же, это пустяки! Ну, право . Вотъ смотри, завтра встанешь какъ ни въ чемъ не бывало.

— А, ты думаешь, пустяки? Ты думаешь, это не изъ лег- гь? Какъ ты думаешь, Женя? — быстро спрашивалъ Валерь- , весь охваченный неудержимою дрожью и не сводя широко крытыхъ, остро блестящихъ глазъ съ лица брата.

И тутъ же снова кашлялъ и съ неизяснимымъ видомъ

ужаса смотрѣлъ на яркія пятна крови, вновь испещравшія только что взятый платокъ.

Пришелъ докторъ. Являя во взглядѣ своемъ совершеннѣйшее равнодушіе, онъ осмотрѣлъ Валерьяна, пощупалъ его пульсъ, посмотрѣлъ съ притворнымъ пренебреженіемъ на платки, измоченные кровью, и, скользнувъ глазами мимо упорнаго взгляда Валерьяна, проронилъ спокойно:

— Сущій вздоръ!

— Но я чувствую ясно, докторъ;— началъ было Валерьянъ, хватаясь за грудь, — ясно... — и вскрикнулъ съ отчаяніемъ:— Вотъ, вотъ, вотъ она опять!

— Та, та, та, говорить не полагается, милый юноша. Лежите смирно. Лягте навзничъ, такъ. Я вамъ все расскажу. Успокойтесь. Не волнуйтесь. Евгенийъ Львовичъ, дайте сюда пузырь, дайте льду, кладите сюда. Тсс... ну, что опять кровь? Пустяки! Налейте ложку микстурки, Евгенийъ Львовичъ! Позвольте термометръ. Э, батенька, да вы весь какъ мышь! Прикажите дать бѣлье, Евгенийъ Львовичъ. Тсс... опять? Вздоръ! Я вамъ разъясню. Сто десять! Пошлите-ка въ аптеку Евгенийъ Львовичъ! Да, такъ вотъ видите... лежите смирно... видите въ чемъ дѣло, вы были на воздухъ вчера? Бивните головой, да? Превосходно. Вчера было сыро. Вы простудили горло, у васъ же и такъ легонькій катаррець, сосуды напряглись. Одинъ изъ нихъ лопнулъ. Во время сна кровь насочилась въ бронхи... Изъ легкихъ? О, нѣтъ,—и докторъ мелькомъ приложилъ ухо къ груди,—совсѣмъ нѣтъ. Легкія у васъ цѣлехоньки! Разумѣется, есть катаррець, такъ за то, батенька, и время-то нынче катарральное. Но кровохарканье совершенно изъ другаго источника, совершенно изъ другаго...

— Но, докторъ, у меня прежде... — слабо прошепталъ Валерьянъ.

— Знаю-съ! Превосходно знаю-съ. Но у васъ было съ сильнымъ кашлемъ, полосками. То совсѣмъ другое дѣло. Молчите. Ну, что у васъ тутъ? Э, тридцать девять и шесть десятыхъ! Видите, что нервы-то выдѣлываютъ? Нервы, батенька, великое дѣло. Евгенийъ Львовичъ, пошлите-ка еще въ аптеку.

Едва подъ утро кровохарканье унялось, Валерьянъ успокоился, убаюканный краснорѣчіемъ доктора, и забылся въ дремотѣ. И тогда докторъ и Евгенийъ Львовичъ на цыпочкахъ отошли отъ постели и стали другъ противъ друга.

— Ну?—боязливымъ шепетомъ, вымолвилъ Евгений Львовичъ, заглядывая въ лицо доктора, который заботливо дергалъ свою бороду.

— Ну-съ?—кратко переспросилъ докторъ и умолялъ.

И Евгений Львовичъ сразу понялъ, что все потеряно, «о жизни поконченъ вопросъ», и несказанная жалость имъ овладѣла.

— Докторъ, докторъ!—запелеталъ онъ,—но нельзя ли какъ-нибудь? Ахъ, это ужасно, докторъ! Можетъ быть, нужно въ Ментону, въ Камръ? Ахъ, Боже мой, ему нельзя за границу! Можетъ быть, въ Ялту, или въ Самару на кумысъ?

— Какой теперь кумысъ въ половинѣ августа? Какая Ялта?

— Такъ неужели...—Евгений Львовичъ хотѣлъ сказать «неужели онъ умретъ», но мысленно такъ и отпрянулъ отъ этого слова и едва слышно произнесъ:—неужели онъ въ опасности? Докторъ пожалъ плечами.

— Такія штуки и рѣзкому человѣку въ пору,—вымолвилъ онъ, указывая взглядомъ на платокъ, смоченный кровью.—Теперь одно: абсолютнѣйшій покой, покой и телячья коклетка, покой и микстура вотъ эта... Да попросите ту барышню,—Зиллоти, ее что ли?—попросите, пусть она не приходитъ: всякое волненіе—смерть. Вонъ какъ хрипитъ! вонъ какъ!—и оба они, сдерживая дыханіе, прислушивались къ звукамъ, мѣрно kloкотавшимъ въ груди Валерьяна.

Лампа была потушена. Сѣренькій полусвѣтъ возникающаго утра печально проникалъ въ комнатку, гдѣ тамъ и сямъ видѣлись слѣды ночной тревоги: брошенное на полъ полотенце, осколки разбитаго пузырька, тарелка со льдомъ, платокъ съ зловѣщими черными пятнами. И въ этомъ полусвѣтѣ странно выдѣлялось хрупкое тѣло Валерьяна, рѣзко обозначенное тонкими складками пижамнаго одѣяла, его бѣлое, какъ воскъ, лицо съ глубокими тѣнями на мѣстѣ глазъ. И на всемъ почивала какая-то трагическая серьезность.

Поздно утромъ Зиллоти, по обыкновенію, вошла къ Казариновымъ и ужасно удивилась, когда въ передней встрѣтила ее слуга, дотолѣ всегда торчавшій за воротами.

— Никакъ нельзя, баринъ настрого приказали,—шепотомъ заявилъ онъ.

— Какой баринъ?—спросила она громко и притворила дверь.

Встревоженное лицо Евгения Львовича высунулось оттуда. Позади его стоялъ зеленоватый мракъ отъ спущенной шторы.

— Валерьянъ очень не хорошъ,—тихо сказалъ онъ по-французски,—докторъ настоятельно просилъ оберегать его отъ падений. Извините, пожалуйста!—Она мелькомъ посмотрѣла: на постели что-то лежало, выдаваясь угловатыми очертаніями, на что всхлипывающіе звуки донеслись оттуда, пахло лекарствами, не вымолвивъ слова, въ страхѣ подалась назадъ.

Среди дня Валерьянъ, все время находившійся въ забытомъ открылъ глаза и подозвалъ къ себѣ брата. И когда Евгений Львовичъ подошелъ къ нему, его поразило странное выраженіе этихъ глазъ: въ нихъ не было и слѣда тревоги; неизяснимой кроткій, угасшій взглядъ, казалось, обращенъ былъ во внутренность.

— Женя, — слабо прошепталъ больной, — гдѣ это мѣсто Женя: *Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилась, можетъ смертию еще доказать...* ахъ, какъ это?... (легкія морщины набѣжали на его лобъ)... *что въ немъ сердце не робкое было, что умѣлъ онъ любить...*

— Не помню, голубчикъ; у Некрасова, должно быть.

— Да, да, у Некрасова...—и умоляя, снова закрывъ глаза Евгений Львовичъ подумалъ, что опять настало забытье, тихо отошелъ къ сторонѣ.

— Женя,—прошепталъ Валерьянъ, немного спустя,—Женя! и движеніемъ руки пригласилъ его сѣсть около себя.

Тотъ сѣлъ, взялъ холодную, влажную руку и прикоснулся къ ней губами, трепетавшими отъ внутренняго волненія. Глаза Валерьяна были закрыты и на длинныхъ рѣсницахъ висѣли слезы; онъ дышалъ тяжело и явственно.

— Братъ,—сказалъ онъ едва слышно.

— Помнишь, ты пріѣхалъ изъ-за границы, мы тебя съ Ефимомъ встрѣчали на станціи?

— Помню, мой дорогой, помню.

— Помнишь, ночью ѣхали, и какъ еще тогда рождю палку и перепела... Ахъ, какъ кричали эти перепела! И помнишь, какъ ты вышелъ, а вокругъ нея розы, розы, розы...

Евгеній Львовичъ хотѣлъ возразить, хотѣлъ напомнить, что это въ гробу она была осыпана розами, и не могъ: грудь его стѣснялась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— А потомъ ты сталъ играть,—словно во снѣ говорилъ Валерьянъ,—помнишь, маршь Мендельсона?... Какъ его любилъ тан! Сама смѣется, а слезинки у нея капъ, капъ, капъ...

— Не говори, тебѣ нельзя говорить, — съ разстановкой произнесъ Евгений Львовичъ: онъ боялся расплаваться.

Валерьянъ слегка пожалъ его руку и замолкъ. И мало-по-малу лицо его сдѣлалось строгимъ и озабоченнымъ.

— Братъ, — сказалъ онъ важно и на мгновение открылъ глаза, — землю мою, знаешь... крестьянамъ.

— Знаю, знаю, милый. Будь покоенъ.

— Деньги—стипендію! Слышишь, Женья?

— Да нельзя же тебѣ говорить, Валера! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Евгений Львовичъ. — Такъ никогда не поправишься!

Валерьянъ странно и покровительственно улыбнулся.

— Ну, ну, — прошепталъ онъ вротко, — прости меня, — и повторилъ съ особеннымъ выраженіемъ: — прости меня, Женья!

Но немного спустя безпокойство имъ овладѣло; онъ съ усиленіемъ приподнялся на подушкахъ, сдвинулъ съ себя одѣяло порывистымъ движеніемъ руки. Евгений Львовичъ, весь дрожа отъ страха, бросился въ переднюю, послалъ за докторомъ.

— Душно мнѣ, — съ тоскою пролепеталъ Валерьянъ, — темно мнѣ... открой!

Стору открыли. Жидкій свѣтъ пасмурнаго полудня озарилъ безпорядокъ комнаты и точно дуновение смерти пронеслось въ ней. Тополи взглянули въ окно, унылые, съ разрѣженными вѣтвями, съ пожелтѣвшешю листвою. Валерьянъ посмотрѣлъ на нихъ, покачалъ головой съ невыразимымъ видомъ скорби и отвернулся; и внезапно вздрогнулъ, потрясенный звукомъ голоса, раздавнагося въ передней:

— Поймите же, мнѣ необходимо его видѣть!

— Юлія, — прохрипѣлъ онъ, — жизнь моя! — и, съ мольбою вытянувъ руки, упалъ, точно пронзенный, задыхаясь, захлебываясь кровью, разрывая рубашку судорожнымъ движеніемъ пальцевъ, являя въ потускнѣвшемъ взглядѣ быстро угасавшее чувство ужаса. Чрезмѣрно натянутая струна порвалась.

.....

Смерть! Въ ту среду, гдѣ ссорились, клеветали, говорили о погодѣ, бранили курсъ, зѣвали, играли въ карты; гдѣ переплетались интриги, сплетни, самолюбіе, мелкая зависть и злоба, скука и неприятное легкомысліе; гдѣ играли словами, чувствомъ, взглядами, впечатлѣніями, нервами; гдѣ травили другъ друга и мирились, выдумывали острия рѣчи и изнывали въ безсильныхъ потугахъ, мечтали и страдали отъ своихъ мечтаній, —

въ эту среду тяжкою, каменною стопой вступила смерть. И сразу всё притикли и устрашились. И никто изъ этихъ развязныхъ, самоуверенныхъ людей не рѣшился поднять глаза на встрѣчу ледящему взгляду смерти. О, въ немъ, столько обрачающаго «праздникъ жизни»! Вѣчно торчащій за воротами слуга Казариновыхъ, Ома, наложилъ свои собственные двѣ гривны на разомкнутыя вѣки покойника; Ома скрестилъ ему руки, оправилъ спутанные волосы; Ома бережно взялъ подъ мышки истерично рыдавшаго Евгенія Львовича и отпоилъ его водою; Ома свелъ съ лѣстницы Юлію Богдановну, потрясенную до потери сознанія. За гробомъ шли, стараясь говорить о вещахъ постороннихъ, кое-какіе знакомые (Зиллоти не было). Въ тотъ же день Рюмина, Пленушкинъ, Бенарюковъ покинули Кисловодскъ, въ слѣдующій—выбылъ въ Курскую губернію Евгенийъ Львовичъ. За то при отъѣздѣ плохо собиралъ его вещи Ома, ибо, номиная своего «молодаго барина», былъ мертвецки пьянъ и склоненъ къ философскимъ размышленіямъ.

Весь день похоронъ и весь другой, и весь третій день послѣ похоронъ Шигаевъ едва не съ чувствомъ физической боли встрѣчался съ своими знакомыми. Многихъ усилій стоило ему сдерживать гримасу отвращенія при этихъ встрѣчахъ. Чуть только вставало солнце, онъ убѣгалъ въ паркъ и выбиралъ глухія мѣста, уходилъ вверхъ по теченію Ольховки до водопада, до «Лермонтовской» скалы, гдѣ бродили овцы да изрѣдка попадалась арба, нагруженная сѣномъ, да неподвижными точками висѣли орлы, красиво распростирая свои крылья. А возвращаясь, подходилъ боговою дорожкой къ «нарковой» гостиницѣ и, осторожно оглядываясь, спрашивалъ у швейцара, дома ли Зиллоти. И нѣсколько разъ подрядъ швейцаръ отвѣчалъ ему отрицательно. Гдѣ она была, Шигаевъ не могъ добиться. Наконецъ, на третій день Марѳа Петровна изловила его и сказала, что Зиллоти проентъ не приходитъ пока къ ней.

— Она сама скажетъ, когда можно,—произнесла Марѳа Петровна съ глубокимъ вздохомъ, сжимая руку Шигаева.

Осень въ этомъ году наступила рано. Предшествовавшіе дожди ослабили листву на деревьяхъ и сильные вѣтры до времени развѣяли ее, раздѣли темные стволы лищъ, обнажили печально раскинутыя вѣтви чинары. По утрамъ Бургустанъ завѣшивался тонкимъ туманомъ, точно вуалью, и въ воздухѣ пахло сыростью, вѣяло холодомъ, всюду казалось пусто, уныло, непріятно. Звукъ

музыки, по обычаю игравшей около галлерей, хотя «вурсовыхъ» оставалось сравнительно и немного, разносились особенно звонко въ похолодѣвшемъ пространствѣ и даже въ веселомъ сочетаніи угнетали Шигаева, усиливали его тоску и неопредѣленные порывы. Вся душа въ немъ трепетала, взволнованная непокойными ожиданіями, впечатлѣніемъ смерти, напомнившей другую смерть, взволнованная непонятнымъ омерзѣніемъ къ людямъ, котораго онъ не могъ преодолѣть, и тревожнымъ чувствомъ какой-то неуравновѣшенности внутри, какаго-то неизъяснимаго смятенія. Онъ безъ причины плакалъ, безъ причины загорался гнѣвомъ, ходилъ, ходилъ, утомляя себя движеніемъ, и снова, несмотря на запрещеніе, не переставалъ освѣдомляться о Зиллоти.

И вотъ онъ увидалъ однажды, что къ подъѣзду гостиницы подали верховую лошадь и Зиллоти, въ амазонкѣ, появилась въ дверяхъ. Странно и пристально посматрѣла она на него. Лицо ея было необычайно блѣдно и увядшія губы вѣрнѣе сматы.

— Хотите ѣхать со мной? — проронила она, усаживаясь съ помощью проводника.

Шигаевъ съ живостью согласился и такъ какъ некогда было сдѣлать другую лошадь, онъ взялъ у проводника его измороженную, плохую влячу. И не успѣлъ еще сѣсть, какъ Зиллоти, не оглядываясь, помчалась впередъ. Труся за ней отвратительнымъ галопцемъ, Шигаевъ только и могъ, что не упускать ее изъ вида. Миновали Бисловодскъ, миновали широкій выгонъ, лежащій вдругъ станицы, проѣхали самую станицу, вызывая неистовый лай собакъ, раззадоренныхъ развѣвавшейся амазонкой. Шигаевъ видѣлъ, какъ разлетѣлись брызги въ Подгумкѣ подъ разгоряченную лошадью Зиллоти, какъ поднялась она въ горы къ Бургустану, но не могъ догнать ее, поневолѣ слѣдуя въ отдаленіи. И когда, въ свою очередь, поспѣшно взѣхалъ на высоту, рискуя унасть съ своей влячи, торопливо скользящей по каменистой, опасной тропѣ, онъ увидѣлъ надъ обрывомъ лошадь Зиллоти, со взмыленными боками, ходившую на длинномъ поводу; онъ слѣзъ, съ ненужною медленностью спуталъ обѣихъ лошадей и подошелъ къ Зиллоти. Она сидѣла, склонивъ голову на руки.

— Юлія, — промолвилъ онъ, боязливо прикасаясь къ ней, — Юлія, — и, помимо воли, привычныя слова слетѣли съ его губъ: — Что же дѣлать? Значитъ, такъ угодно было Богу.

— Вы думаете? — произнесла она быстро, обращая къ нему

лицо, искаженное злобой, презрѣніемъ, ироніей, и внезапный смѣхъ прозвучалъ въ его ухахъ отрывисто и неприятно.—Да знаете ли вы, какая красота погибла? Знаете ли вы, наничканный тетушкинымъ смиренномудріемъ челоуѣкъ, какія честныя мысли, порывы, мечты, какая благородная святость лежать теперь въ землѣ?—и она глухо, безъ слезъ, зарыдала, кусая платокъ, согнувши колѣна.

Шигаевъ не двинулся, не вымолвилъ слова: на него точно туча напозала, и вся душа его испуганно приняла въ ожиданіи удара и... дождалась.

— Ну, что-жь?—произнесла Зиллоти, выпрямляясь, и въ ей взглядъ, странно отверзтомъ, Шигаевъ не примѣтилъ ни прежней тусклости, казавшейся ему завѣсой, ни прежняго блеска; предъ нимъ точно бездна обнажилась и весь онъ содрогнулся отъ этой новой и чуждой ему и враждебной бездны.—Ну, что-жь?—холодно и спокойно повторила Зиллоти.—Намъ нужно объяснить. Вы хотите взять меня замужъ, не такъ ли? Вы желаете вмѣстѣ читать книжки, наслаждаться любовью, изливать посильную филантропію вокругъ и, можетъ быть, наплодить со мною выводокъ маленькихъ купеческихъ сыновей и дочерей, да? Вы ошиблись. Я играла съ вами.

— И поцѣлуютъ играли?—горько воскликнулъ Шигаевъ.

— О, я ужъ вамъ сказала, что поцѣлуй вздоръ. Я и Валерьяна цѣловала, и Голоухова цѣловала, если вы хотите знать. О, я знаю вкусъ многихъ, многихъ губъ, не чета вашимъ! — Она усмѣхнулась.—Довольны вы? Или, можетъ, хотите побить меня, обозвать мерзкимъ словомъ? Что-жь, слово — это ничего, я ничего не имѣю противъ слова. Не смѣете? Книжки мѣшаютъ? Жаль, вѣдь, тутъ никого нѣтъ.—И, презрительно разсматривая его измученное лицо, продолжала:—Фи, какой вы! точно заяцъ, когда онъ ѣстъ капусту, и жалкій, и гадкій, — и, помолчавъ, добавила почти весело:—Желаете взять меня въ жены, г. Шигаевъ?

— Оставьте,—въ ужасѣ пробормоталъ Шигаевъ, отодвигаясь отъ нея.

— Ого! Ну, постойте, я вамъ серьезно скажу: женой я быть не могу и не хочу. Эхъ, да вы развѣ не увидали сразу, что я не гожусь въ самки? Любовницей быть тоже не хочу: и гадовъ вы мнѣ, и боюсь по стопамъ «мамаша» пойти. Роговъ-то, роговъ-то сколько бы я вамъ приставила! Ну, довольно. Простим-

ся, поцѣлуемся, вамъ направо, мнѣ налево: къ возлищамъ! Вы, вѣдь, очень любите цѣловаться, *Макс!*—и сколько глумливой насмѣшки прозвучало въ этомъ словѣ, прежде такъ миломъ для Шигаева.

— Оставьте-съ, — глухо повторилъ онъ.

Затѣмъ машинально поднялся, помогъ ей сѣсть на сѣдло, и ужъ когда она отъѣхала на нѣсколько шаговъ, съ несказанною злобой, съ какимъ-то скрежетомъ зубовнымъ и съ бѣшено сжатыми кулаками пустилъ ей въ догонку грубое, мужицкое ругательство.

Она не повернула головы.

И онъ остался одинъ, попрежнему, одинъ. И опять показалося ему, что жизнь проходитъ мимо, но теперь *эта* жизнь не влекла его къ себѣ. Въ ея суетливомъ движеніи, въ ея наружномъ блескѣ и нарядной измѣнчивости, во всей этой смѣнѣ лицъ, развлеченій, умной и глупой болтовни, тонкихъ ощущений, лѣнивой распущенности и фальшивыхъ разочарованій ему чудился теперь нестерпимый запахъ разложенія. И въ высшей мѣрѣ этотъ «запахъ» сосредоточивался въ лицѣ Зиллоти. Но какъ же ему было больно отъ ея циническихъ признаній и этого ея пренебреженія къ нему, — больно, точно отъ ударовъ хлыста!

И напрасно «равнодушная» природа развѣтывала вокругъ свое неописанное великолѣпіе. Напрасно разстилались дали, объемля огромное пространство, напрасно свергали снѣга, синѣли и погорали въ розовомъ золотѣ солнечныхъ лучей причудливыя скалы, зеленѣли ближнія горы, отливая изумрудомъ, распростиралась долина, въ которой, какъ точки, нестрѣли стада, лежала станица съ своею бѣлою церковью, извивался сѣрымъ холстомъ быстрый Подкумокъ, желтою лентой обнимала холмы воронцовская дорога съ своими телеграфными столбами...

— Какая омерзительная красота! — восклицалъ Шигаевъ.

Еще бы! Около него даже на этой подъоблачной высотѣ виднѣлись слѣды людей, такъ теперь противныхъ ему; тамъ и сямъ валялись оглоданныя кости, осколки разбитыхъ бутылокъ, газетная бумага съ жирными пятнами — остатки недавняго пикника, въ которомъ, можетъ быть, принималъ участіе и онъ самъ.

Онъ сѣлъ на свою отдохнувшую клячу и шагомъ поѣхалъ дальше отъ обрыва. Дальше лежали поля, стояли копны сжатой пшеницы, желтѣли сирды. И постепенно видъ этихъ мирныхъ полей смягчалъ ожесточеніе, которымъ былъ переполненъ Ши-

гаевъ. И по мѣрѣ того какъ онъ подвигался въ глубь равнинъ, все больше и больше вставали въ его воображеніи другія поля, другая равнина, и душа его оживала. И подъ всею этою накипью тоски, ненависти, оскорбленной любви и поруганныхъ упованій робко и застѣнчиво начинало шевелиться что-то бодрее и, какъ это ни странно, даже радостное. Такъ весною возникаетъ молодой ростокъ, сивозъ пелену увядшихъ листьевъ и прѣлой земли неудержимо устремляясь къ свѣту, къ солнцу, къ жизни.

Но за то Максимъ Григорьевичъ запутался въ дорожкахъ, перереживавшихъ поля, и возвратился въ Кисловодскъ только къ загату солнца. Поспѣшно онъ нанялъ лошадей до станціи «Минеральныя Воды», успѣшно уложился съ помощью Антипа и вызвалъ Фелисату Ивановну (капитанъ былъ въ Пятигорскѣ).

— Извольте получить съ меня деньги-съ, — объявилъ онъ сухо.

Фелисата Ивановна сначала выразила изумленіе, потомъ сожалѣніе и вдругъ покраснѣла и, сразу поднявъ голосъ, возбужденно произнесла:

— Какъ же это, Максимъ Григорьевичъ? Намъ такъ невозможно, ежели всякій будетъ бросать квартиру! Рюмина уѣхала, теперь вы. Мы этакъ-то и сдавать бы не стали!

— Что же вамъ желательно-съ?

— А до перваго числа заплатите, вотъ что! — воскликнула запальчивая капитанша.

Любопытный носикъ г-жи Вальяжной просунулся въ комнату.

— А скажите, пожалуйста, развѣ вы уѣзжаете? — произнесла она, подозрительно осматривая всѣ углы.

Шигаевъ грубо оборотился къ ней спиною и, сунувъ Фелисатѣ Ивановнѣ деньги «до перваго числа», пошелъ въ конюшню проститься съ Талдыкинымъ.

— Куда же вы? — удивился тотъ и ошарашился. — Какъ же деньги-то вамъ? У меня нѣтъ теперь такихъ денегъ.

Но Шигаевъ оставилъ ему свой адресъ и увѣрилъ, что въ деньгахъ не нуждается.

— Сосипатръ Василичъ! поѣдте со мной, я васъ довезу до станціи, — въ порывѣ неожиданной доброты сказалъ онъ.

— О? — вдругъ оживившись, вымолвилъ Талдыкинъ и, подумавъ, добавилъ: — Нѣтъ ужъ, что... куда же я поѣду? Мнѣ вотъ Вохина обѣщала уроки достать.

— Да ужели у васъ ни родни, ни родины нѣтъ?

— Какая у меня родня! — неохотно отвѣтилъ Талдыкинъ и съ весельемъ во взглядѣ поднесъ къ самому лицу Шигаева цѣлую охапку вырѣзокъ:— Вотъ она, книжица-то, батенька! Тысячи полторы зашибу!

— А названія не обдумали еще?

— Это все равно.

— Ну, прощайте, голубчикъ, — сказалъ Шигаевъ, услышавъ стукъ подъѣзжавшаго экипажа.

— Такъ, значить, ѣдете! А какъ же съ тѣми-то, съ Вохиной-то?

— Блваняйтесь ей. Держитесь ее, Сосипатръ Василичъ; взбалмошная она, а золотая дѣвушка.

— Она ничего. Вотъ уроки мнѣ хотѣла достать. — Онъ хотѣлъ было спросить о Зиллоти, но запнулся и, искоса посмотрѣвъ на Шигаева, произнесъ: — Ну, стало быть, прощайте, — и они угловато облобызались.

И, выѣзжая изъ Бисловодска, Шигаевъ, по привычкѣ, не утраченной съ дѣтства, широко перекрестился.

А. Эртель.

Побѣда Весны.

Сѣдой Морозъ въ одеждѣ снѣжной,
Съ блестящей льдистою броней,
Вступаетъ въ бой съ привѣтной, нѣжной
И ароматною Весной.

Онъ вѣтромъ, вьюгою, снѣгами
Веснѣ переграждаетъ путь,
А та, въ отвѣтъ ему, цвѣтами
Бросаетъ въ старческую грудь...

И чудо! Тихо, безнадежно
Роняетъ льдистый мечъ рука,
И таетъ и дрожить мятежно
Изъ льдины сердце старика.

— Ты побѣдила! Ты прекрасна! —
Таёжъ, тая въ рѣчкахъ снѣжныхъ водъ,
У ногъ Весны онъ шепчетъ страстно. —
Иди-жь и царствуй въ свой чередъ!

Е. Кони.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

ХУ.

Проекты уничтоженія крѣпостнаго права и отношеніе общества къ крестьянскому вопросу.

Въ предъидущихъ главахъ мы рассмотрѣли дѣятельность секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Императора Николая, указали на значеніе мѣръ, принятыхъ по предложенію комитетовъ, и на отношеніе къ этимъ мѣрамъ общества и крестьянъ, затѣмъ рассмотрѣли крестьянскій вопросъ въ нашей художественной литературѣ и публицистикѣ. Кроме того, намъ приходилось уже не разъ касаться отношенія общества къ крестьянскому дѣлу, но лишь въ нѣкоторыхъ определенныхъ случаяхъ; такъ, мы подробно рассмотрѣли мнѣнія общества по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ и познакомились съ попытками измѣненія быта крѣпостныхъ на основаніи указа 2 апрѣля 1842 года и съ вызванными имъ проектами; было указано также, насколько наше дворянство воспользовалось въ царствованіе Императора Николая закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ для освобожденія своихъ крѣпостныхъ. Обращеніе Императора Николая къ смоленскому дворянству дало поводъ рассмотреть мнѣнія нѣкоторыхъ его представителей относительно крестьянскаго дѣла; изложены были также проекты тульскихъ дворянъ, наконецъ, разобраны мнѣнія, высказанныя относительно эмансипаціи членами славянофильскаго кружка, которые всѣ были болѣе или менѣе крупными помѣщиками. Но, сверхъ всего этого, сохранился цѣлый рядъ проектовъ освобожденія крестьянъ,

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

составленныхъ въ теченіе царствованія Императора Николая, — проектовъ (большею частью неизданныхъ), которые или представлялись правительству, или ходили по рукамъ; въ нихъ также отражались взгляды того меньшинства русскаго общества, которое серьезно задумывалось надъ крестьянскимъ вопросомъ; рассмотримъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ мы, прежде всего, и займемся въ настоящей главѣ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, со времени секуляризаціи имѣній духовенства, наше дворянство нерѣдко обнаруживало желаніе тѣмъ или инымъ способомъ заплучить эти имѣнія въ свои руки: одни предлагали продать ихъ дворянамъ; другіе совѣтовали отдать этихъ такъ называемыхъ экономическихъ крестьянъ въ аренду; третьи мечтали о безвозмездной раздачѣ ихъ лицамъ, такъ или иначе заслужившимъ награды со стороны правительства. Императрица Екатерина долго сопротивлялась всѣмъ этимъ настояніямъ, но подѣ конецъ царствованія уже готова была уступить и незадолго до смерти обсуждала съ гр. Безбородко мысль о раздачѣ дворцовыхъ и экономическихъ деревень въ аренду заслуженнымъ дворянамъ, но смерть помѣшала ей привести это намѣреніе въ исполненіе. Въ царствованіе Императора Павла было роздано путемъ пожалованія всего болѣе дворцовыхъ вотчинъ, изъ казенныхъ же и экономическихъ лишь незначительное количество. Въ царствованіе Императора Александра пожалованіе населенныхъ имѣній было прекращено, но часть экономическихъ крестьянъ испытала гораздо болѣе ужасную участь, чѣмъ переходъ подѣ власть помѣщиковъ, а именно была обращена въ военныхъ поселенъ. Тѣмъ не менѣе, оставалось еще немало совершенно свободныхъ казенныхъ крестьянъ, и не только въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Архангельская и другія сѣверныя губерніи европейской и азіатской Россіи, куда помѣщики не особенно охотно протягивали свою руку, но и въ болѣе удобныхъ для веденія хозяйства областяхъ; понятно, что мысль объ обращеніи ихъ въ частную собственность не разъ высказывалась въ царствованіе Императора Николая нѣкоторыми представителями нашего дворянства.

Однимъ изъ выражений подобныхъ крѣпостническихъ стремленій, на этотъ разъ прикрытыхъ яко бы либеральными цѣлями, является проектъ статсъ-секретаря Муравьева, составленный въ 1827 году. Для «улучшенія» положенія крестьянъ казенныхъ и постепеннаго перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные Му-

Муравьевъ предлагалъ слѣдующее: жаловать заслуженнымъ чиновникамъ земли, населенныя казенными крестьянами, въ потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы они платили владѣльцу по рублю или сколько будетъ опредѣлено закономъ за покровительство, которое онъ будетъ имъ оказывать; но, въ то же время, продолжали, попрежнему, вносить въ казну подушную подать и оброчный сборъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ указать количество земли, которое владѣлецъ долженъ отвести крестьянамъ; если же они будутъ недовольны этимъ надѣломъ, то предоставить имъ переселяться на другія казенныя или частныя земли. Черезъ каждыя шесть лѣтъ владѣльцы обязаны возобновлять, съ утвержденія правительства, соглашеніе съ крестьянами о размѣрѣ поземельныхъ оброчныхъ денегъ, и, въ случаѣ увеличенія этого сбора, половина должна поступать въ казну, а другая въ пользу владѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Муравьевъ предлагалъ постановить, чтобы лица, которыя впредь пріобрѣтутъ дворянство службою, имѣли право владѣть деревнями съ правомъ собственности на одну землю, а не на крестьянъ, на ней поселенныхъ, которые должны быть свободны и пользоваться землею по добровольнымъ съ владѣльцами условіямъ. Муравьевъ выражалъ увѣренность, что съ установленіемъ новаго рода дворянъ прежніе, какъ получившіе за заслуги земли, такъ и издавна владѣющіе крестьянами, познакомятся съ иными, чѣмъ прежде, поземельными отношеніями, исподволь пріучатся къ владѣнію землями безъ крестьянъ и охотно, «за малую временную выгоду», сами дадутъ своимъ крѣпостнымъ свободу, съ сохраненіемъ права собственности на одну землю; а новые дворяне будутъ искать средствъ пріобрѣтать имѣнія прежнихъ дворянъ, хотя безъ права владѣнія крестьянами, и «такимъ легкимъ и непримѣтнымъ способомъ», по мнѣнію Муравьева, произойдетъ освобожденіе крестьянъ. Проектъ этотъ, по которому безземельное и, притомъ, крайне медленное и случайное освобожденіе крѣпостныхъ покупалось цѣною ухудшенія быта свободнаго населенія Россіи, не имѣлъ никакихъ послѣдствій, но нѣкоторыя изъ выраженныхъ въ немъ желаній вновь проявились въ концѣ царствованія Императора Николая въ предположеніяхъ о такъ называемыхъ «феодалныхъ» имѣніяхъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Цѣлый рядъ проектовъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ былъ доставленъ ихъ авторами въ министерство государственныхъ имуществъ, такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ либе-

ральный образъ мыслей гр. Биселева въ крестьянскомъ дѣлѣ; съ одними изъ нихъ мы уже познакомились, о другихъ будетъ рѣчь впереди. Но нѣкоторые проекты, какъ до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, такъ и позднѣе, присылались въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1836 году титулярный совѣтникъ баронъ Бодѣ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ «освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго ихъ состоянія, способствующій уплатѣ дворянскихъ долговъ», содержаніе котораго намъ неизвѣстно. Не получая никакого отвѣта и «не видя никакихъ дѣйствій со стороны правительства по этой части», онъ рѣшилъ, что проектъ его признанъ неудобнымъ, а потому въ 1841 году прислалъ въ это же министерство новый, «клонящійся къ той же цѣли».

Въ своемъ проектѣ (неизданномъ) баронъ Бодѣ, прежде всего, старается доказать, будто бы положеніе помѣщичьихъ крестьянъ лучше, чѣмъ крестьянъ казенныхъ, но, къ его прискорбію, «злоупотребленіе власти небольшого числа помѣщиковъ въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ возбудило... во многихъ чувствительныхъ душахъ (которыя смѣшиваютъ «законное крѣпостное положеніе» крестьянъ «съ невольничествомъ языческихъ странъ») желаніе уничтожить крѣпостное право по примѣру Западной Европы». Кроме того, стремленіе къ свободѣ замѣтно и между самими крестьянами, «которые много слышали насчетъ быта иностранныхъ крестьянъ отъ своихъ родныхъ», исходившихъ «большую часть Европы въ разныхъ заграничныхъ походахъ». Однимъ словомъ, баронъ Бодѣ предвидитъ, что «злой духъ времени, сильно подстрекаемый постоянными... неурожаями, поведетъ насъ неминуемо къ развязкѣ, къ которой уже давно стремится ложная философія». Поэтому онъ находитъ, что будетъ благоразумнѣе принять мѣры для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ два средства: увольненіе крестьянъ на волю семействами съ землею по обоюдному добровольному соглашенію и покупку помѣщичьихъ имѣній въ казну. Въ первомъ случаѣ авторъ предлагаетъ, чтобы на каждое семейство отводилось не менѣе десяти десятинъ земли, которыя отмежевываются особымъ участкомъ. Откупающійся на волю уплачиваетъ помѣщику условленную сумму или тотчасъ, или постепенно, «на банковомъ правѣ, т.-е. уплачиваетъ ежегодно проценты и часть капитала». Выкупающійся получаетъ названіе «сельскаго гражданина», отбываетъ наравнѣ съ другими крестьянами государ-

ственныя повинности, но можетъ съ согласія помѣщика нанять за себя рекрута или купить рекрутскую квитанцію, и, наконецъ, не можетъ быть подвергнутъ, по волѣ помѣщика, тѣлесному наказанію. Нужно замѣтить, что освобожденіе крестьянъ семействами съ землею дозволялось и закономъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который также допускалъ разсрочку платы за освобожденіе, и потому въ новомъ постановленіи относительно этого не было нужды. Другое средство освобожденія крестьянъ состояло, по проекту барона Боде, въ постепенномъ приобрѣтеніи имѣній въ казну съ дозволеніемъ помѣщику оставить въ своей собственности усадьбы и извѣстное количество земли; при оцѣнкѣ имѣнія онъ предлагалъ руководствоваться размѣромъ оброка, полученнаго помѣщикомъ съ крестьянъ. По мнѣнію автора, приобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній едва ли будетъ затруднительно, такъ какъ большая часть ихъ заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ. За имѣнія не заложеныя авторъ предлагаетъ выдавать облигаціи съ уплатою въ тридцать четыре года; если же на имѣніи есть долгъ, то онъ вычитается изъ первой половины, т.-е. выдаваемыхъ наличныхъ денегъ. При поступленіи въ казну оброчные крестьяне продолжаютъ платить прежній оброкъ, а барщинные переводятся на оброкъ уравнительно съ сосѣдними оброчными имѣніями. При этомъ для усовершенствованія земледѣлія авторъ предлагаетъ уничтожить общинное землевладѣніе и насильственно ввести подворное. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгановъ, приказалъ оставить этотъ проектъ безъ послѣдствій.

Указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ возбудилъ въ обществѣ немало толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; непосредственные результаты этого указа были разсмотрѣны уже нами въ четвертой главѣ, но, кромѣ разобранныхъ тамъ записокъ и проектовъ, слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ по крестьянскому дѣлу, заявленныхъ въ это время. Такъ, гн. Александръ Николаевичъ Голицынъ прислалъ гр. Киселеву записку о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ, подробности которой намъ неизвѣстны. Киселевъ отвѣчалъ ей автору въ октябрѣ 1842 г., что подобные же проекты «были неоднократно повторяемы и прежде, но всѣ они имѣютъ то общее неудобство въ исполненіи, что не указываютъ на источники, откуда могутъ быть заимствованы огромныя суммы, которыя потребовались бы на приведеніе такихъ выкуповъ въ дѣйствіе. Независимо отъ

сею, настоящій проект невозможенъ къ исполненію и потому, что въ немъ предполагается отчужденіе поземельной собственности изъ владѣній помѣщиковъ, тогда какъ главное основаніе высочайшаго указа 1842 г. апрѣля 2 состоитъ въ томъ, чтобы принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, были охранены отъ отчужденія изъ владѣній дворянскихъ родовъ».

Постепенно выкупить помѣщичьи имѣнія въ казну предлагалъ и нѣкій статскій совѣтникъ Ник. Иван. Кривцовъ. Онъ записалъ свои «мысли объ эмансипаціи крестьянъ» 5 февраля 1842 г., слѣдовательно, незадолго до изданія закона объ обязанныхъ крестьянахъ, но, вѣроятно, подъ влияніемъ слуховъ объ обсужденіи въ правительственныхъ сферахъ новыхъ важныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. Произведеніе Кривцова ходило по рукамъ и такъ какъ оно не было напечатано и, притомъ, весьма не велико, то мы приводимъ изъ него большую часть.

„Рабство, существующее въ Россіи съ XVI столѣтія подъ именемъ крѣпостнаго состоянія, — говоритъ Кривцовъ, — не можетъ всегда оставаться въ настоящемъ положеніи. Оно должно измѣниться, но какъ и когда? Вопросъ относится лишь къ тому, чтобы произвести это съ наименьшимъ потрясеніемъ общественнаго порядка и съ должнымъ охраненіемъ правъ настоящихъ владѣльцевъ. Вѣрнѣйшій и едва ли не единственный способъ къ достиженію двойной цѣли: эмансипаціи крестьянъ безъ потрясенія общественнаго порядка есть *выкупъ* исподволь имѣній *посредствомъ* существующихъ *кредитныхъ установлений* нарочно для этого усиленными капиталами чрезвычайныхъ займовъ или выпускомъ ассигнацій... На вопросъ: гдѣ взять денегъ на выкупъ предназначаемой мною цѣны 500 р. ассигн. за душу? отвѣтъ находится въ существованіи кредитныхъ установлений, которыя, начавъ соуду съ 50 р. ассигн., впоследствии увеличили плату почти до 300 р. ассигн. Само собою разумѣется, что дѣйствіе посредствомъ выкупа будетъ происходить медленно, но этимъ способомъ растворится дверь къ эмансипаціи, которая совершится своевременно... Слова: освобожденіе и вольность не будутъ провозглашены набатомъ и не станутъ волновать умы, еще недоступные къ понятію истиннаго ихъ значенія, а, между тѣмъ, цѣль будетъ достигнута на основаніи уже существующихъ узаконеній... И узы миллионныхъ рабовъ расторгнутся непремѣнно... Эмансипація должна быть полная и не должна допускать никакого ограниченія въ личной свободѣ, подъ опасеніемъ вмѣсто пользы учинить вящій вредъ... Но вотъ вопросъ: какъ управиться съ крестьянами, неограниченно эмансипированными? Вѣроятно, они будутъ сначала уклоняться отъ работъ, даже по найму, и не скоро образумятся, не скоро постигнуть необходимость возвратиться по старой колеѣ къ новому направленію? Какъ управиться съ классомъ народа, привыкшимъ (sic) къ непосредственному надзору помѣщиковъ, не приготовленнымъ ни къ самостоятельности, ни къ предусмотрительности въ своихъ дѣйствіяхъ? Гдѣ тѣ люди, которымъ было бы можно поручить надзоръ и управленіе надъ половиной импе-

ри, которые могли бы замѣнить помѣщиковъ, этихъ, такъ сказать, домашнихъ поддѣймейстеровъ правительства? Съ одной стороны, мы видимъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ и окружныхъ, а съ другой—земскихъ станovýchъ приставовъ, завѣдывающихъ уѣздной полиціей, и что же? Сердце замираетъ, подумавъ, что въ ихъ руки попадутся и наши бѣдные крестьяне, суетливые, беззащитные въ своемъ невѣжествѣ, равно не постигающіе и ужасовъ рабства, и благодати свободы! Знаю, что мнѣ укажутъ на нѣкоторыхъ изверговъ-помѣщиковъ, но число таковыхъ уменьшается, очевидно, и духомъ времени, и наблюдениемъ правительства... Удобна ли къ эмансипаціи народа настоящая минута? Конечно, нѣтъ. Затруднительное положеніе государства отъ болѣзней и продолжительныхъ неурожаевъ, шаткость вообще торговли и промышленности въ Европѣ и, наконецъ, лихорадочное ея состояніе въ политическомъ отношеніи требуютъ, кажется, отсрочки до нѣкотораго успокоенія умовъ. Я говорю это по чувству глубокаго убѣжденія, по долгу вѣрноподаннаго, не останавливаясь даже и тѣмъ, что Его Императорское Величество, по любви къ отечеству, желалъ бы неотлагательно преобразовать противуестественный порядокъ, существующій въ его имперіи, несообразный ни съ ученіемъ христіанскимъ, ни съ степенью просвѣщенія Европы, и упрочить отцовское наслѣдіе своимъ потомкамъ на основаніи, болѣе соответствующемъ потребностямъ грядущихъ поколѣній. Но въ этомъ случаѣ воля русскаго монарха должна покориться общимъ судьбамъ человѣчества“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя въ началѣ своей записки Кривцовъ настаиваетъ на необходимости освобожденія крестьянъ, но, въ концѣ-концовъ, онъ доказываетъ невозможность эмансипаціи въ данное время.

Такъ какъ въ обществѣ ходили слухи о желаніи правительства уничтожить крѣпостное право, то отъ времени до времени появлялись такіе проекты, въ которыхъ подъ либеральными фразами скрывались иногда крайне вредныя для крестьянъ предложенія, какъ это мы уже и видѣли въ запискѣ статсъ-секретаря Муравьева. Въ числу подобныхъ проектовъ принадлежитъ также весьма оригинальная записка М. Рибоьера (неизданная) объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ при помощи рекрутскихъ наборовъ. Автору ея случилось словесно изложить свои мысли Императору Николаю (повидимому, въ 1847 г.) и Государь сказалъ ему: «Ne pourriez vous pas jeter vos idées sur le papier?» Онъ успѣшилъ исполнить это желаніе и изъявилъ готовность отвѣчать на всѣ возраженія, какія можетъ вызвать его проектъ. «Ежегодные рекрутскіе наборы и, съ другой стороны, ежегодно умножающееся число безсрочныхъ отпусковъ и чистыхъ отставокъ,— говоритъ Рибоьеръ,— даютъ поводъ предполагать, что правительство имѣетъ въ виду приготовить запасную, такъ сказать, армію, не требующую расходовъ на содержаніе оной, и

посредствомъ частныхъ рекрутскихъ наборовъ основать постепенный переходъ изъ крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ состояніе свободное». Очевидно, скорбя о томъ, что военная служба освобождаетъ крестьянина навсегда отъ власти помѣщика, но, прикрываясь сочувствіемъ къ печальному положенію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, авторъ говоритъ: «Безсрочно-отпускной, принужденный изыскивать себѣ пропитаніе наудачу, не признаетъ надъ собою никакой власти помѣщика, у котораго онъ живетъ, не пользуется его попеченіемъ и, при всей своей независимости, испытываетъ всю крайность нужды». Имѣя въ виду двѣ цѣли,—улучшить, съ своей точки зрѣнія, быть отставныхъ солдатъ, а съ другой стороны постепенно измѣнить положеніе всѣхъ крѣпостныхъ,—авторъ предлагаетъ принять слѣдующія мѣры. На первый случай нужно избрать, въ видѣ опыта, двѣ или три губерніи и пригласить тамъ помѣщиковъ сдѣлать заявленіе, желаютъ ли они принять къ себѣ обратно отставныхъ солдатъ изъ бывшихъ ихъ крѣпостныхъ. Изъявившіе на то согласіе обязаны имѣть въ готовности полный крестьянскій дворъ съ опредѣленнымъ количествомъ земли, необходимымъ скотомъ и земледѣльческими орудіями и затѣмъ не только не противиться свадьбѣ отставнаго солдата съ крѣпостною дѣвушкой, но даже способствовать этому. Хотя солдатъ, поселившійся въ помѣщичьемъ имѣніи, «останется вольнымъ», но авторъ предлагаетъ назвать его «казеннымъ поселенцемъ и фермаромъ (fermier), дабы слово вольный, столь превратно толкуемое, не бродило въ умахъ». Дѣти такого «фермара» и все его потомство навсегда освобождаются отъ крѣпостнаго состоянія; въ казну онъ платитъ подушную подать наравнѣ съ крестьянами, что же касается его отношеній къ помѣщику, то онъ «вступаетъ на правѣ наемщика во временное владѣніе двора и земли, ему предназначенныхъ, на условіяхъ, принятыхъ въ томъ имѣствѣ крѣпостными крестьянами, съ тѣмъ преимуществомъ, что, согласясь платить оброкъ, онъ не будетъ употребляемъ на работы, или, согласясь на работы, не обязанъ платить оброка»^{*)}). Такимъ образомъ, авторъ не предлагаетъ регулировать закономъ отношенія между фермеромъ и помѣщикомъ; на первое время этотъ «казенный поселенецъ» не пользуется даже правомъ вступать съ землевладѣльцемъ въ свободный договоръ, а долженъ принять существу-

^{*)} Фермеръ не подвергается никакому наказанію безъ приговора земскаго суда.

ющія въ данной мѣстности условія, имѣя возможность выбирать только между барщиной и оброкомъ. Лишь черезъ пять лѣтъ послѣ своего поселенія фермеръ возобновляетъ условія по свободному договору съ помѣщикомъ или переходитъ въ томъ же уѣздѣ къ другому землевладѣльцу. Если фермеръ не выполняетъ принятыхъ на себя условій, то помѣщикъ въ правѣ «отказать ему отъ двора», впрочемъ, заблаговременно, «не менѣе какъ за годъ до назначеннаго выхода». Въ теченіе этого срока фермеръ обязанъ оставить селеніе, возвративъ все, что онъ получилъ въ наемъ, а нажитое имъ самимъ онъ сохраняетъ въ свою пользу.

Такъ какъ и прежде крѣпостные, взятые въ солдаты, дѣлались людьми свободными, то является вопросъ: чѣмъ же осуществленіе проекта Рибоьера, при всей его выгоде для помѣщиковъ, содѣйствовалъ бы эмансипации крестьянъ? Предвидя это возраженіе, авторъ предлагаетъ усилить рекрутскіе наборы, а именно брать ежегодно по 80—100 тысячъ рекрутъ и, притомъ, нѣсколько лѣтъ сряду производить наборы въ однихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не касаясь казенныхъ или удѣльныхъ волостей, и сократить срокъ службы до восьми лѣтъ. Если опытъ увѣнчается успѣхомъ въ двухъ или трехъ губерніяхъ, то можно будетъ распространить его и на всѣ остальные.

Авторъ высказываетъ увѣренность, что осуществленіе предложеннаго имъ проекта будетъ сопровождаться превосходными результатами. Хотя, такимъ образомъ, обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободное состояніе произойдетъ и не скоро, но за то совершится «безъ опасныхъ возмущеній; оно останется въ рукахъ правительства, которое, соображаясь съ обстоятельствами, всегда будетъ имѣть возможность... то усиливать, то сокращать рекрутскіе наборы и отставки отъ службы. Умы постепенно привыкнутъ къ столь важной перемѣнѣ... помѣщикъ же спокойно приготовится или къ невозвратимой уtratѣ бывшихъ своихъ поселенцевъ, или на сохраненіе (sic) ихъ въ званіи и съ правомъ фермаровъ. *Земля укрѣпится болѣе и болѣе за помѣщиками и тѣмъ исчезнетъ въ мысляхъ поселенцевъ вредное понятіе, будто бы земля ихъ, а не господское достояніе*». Такимъ образомъ, освобожденіе крѣпостныхъ совершится постепенно, нечувствительно, безъ потрясенія и безъ убытковъ для помѣщиковъ. Но авторъ не удовлетворяется тѣмъ, что при осуществленіи его проекта владѣльцы населенныхъ имѣній сохранять въ своей власти всѣ земли и, слѣдовательно, будутъ держать фер-

меровъ въ полной экономической зависимости. «Для возможнаго ускоренія благонадежной мѣры» онъ предлагаетъ еще правительству согласиться на нѣкоторыя пожертвованія, на примѣръ принять на себя часть «банковаго и ломбарднаго долга», лежащаго на заложенныхъ въ этихъ учрежденіяхъ имѣніяхъ, именно ту часть, сколько можно отнести «собственно на заложенные души, не касаясь строеній и земли. Уплату сію правительство могло бы принять съ тѣмъ, чтобы люди поступали немедленно (т.-е. безъ сдачи въ солдаты?) въ состояніе поселенцевъ или фермаровъ, а земли оставались во владѣніи помѣщиковъ».

Дальнѣйшихъ комментаріевъ этотъ проектъ не требуетъ и можно, разумѣется, только порадоваться, что онъ былъ данъ въ архивъ безъ всякихъ послѣдствій; Государь передалъ записку Рибоьера на разсмотрѣніе гр. Киселева, а тотъ, разумѣется, могъ найти ее только вредною для интересовъ народа: мы уже знаемъ, что Киселевъ былъ усердный противникъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, а въ данномъ случаѣ такое освобожденіе предлагалось купить еще цѣною восьмилѣтней солдатчины.

Но рядомъ съ предположеніями о безземельномъ освобожденіи уже въ эти годы составлялись проекты выкупа крестьянъ цѣлыми вотчинами съ землею при содѣйствіи правительства. Мы видѣли примѣры этого въ предъидущихъ главахъ; въ числу ихъ принадлежитъ и проектъ, составленный А. Желтухинымъ въ февралѣ 1847 года. Авторъ *) считаетъ крѣпостное состояніе «главнымъ, можетъ быть единственнымъ... препятствіемъ... развитію Россіи» и особенно пагубное вліяніе его видитъ въ упадкѣ сельскаго хозяйства. Онъ не особенно рѣшительно отвергаетъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, полагая, что многія изъ дурныхъ его сторонъ можно устранить благоразумными законодательными и административными мѣрами**); онъ утверждаетъ, что «крестьяне съ радостью, помѣщики безъ неудовольствія приняли бы эту мѣру; многіе изъ послѣднихъ не желали бы даже никакого вознагражденія за владѣніе крестьянами»; но, въ то же время, не можетъ отрицать, что эта мѣра создала

*) Позднѣе онъ былъ издателемъ въ 1858—59 гг. *Журнала для землевладѣльцевъ* и членомъ редакціонныхъ комиссій.

***) На примѣръ, опредѣленіемъ срока, въ который освобожденные крестьяне должны заключать контракты съ помѣщикомъ, ограниченіемъ числа случаевъ, въ которыхъ помѣщики имѣютъ право до истеченія срока контрактовъ отказывать крестьянамъ въ пользованіи землею, переложеніемъ податей съ душъ на землю и проч.

бы 22 милліона пролетаріевъ и могла бы вызвать довольно сильное передвиженіе крестьянъ съ мѣста на мѣсто, затрудненія во взиманіи податей и, наконецъ, *пауперизмъ*. «Естественно,—прибавляетъ авторъ,—что такая мѣра не должна быть угодна правительству». Переводъ крестьянъ въ обязанности авторъ считаетъ также неудобнымъ, такъ какъ при этомъ происходитъ неполное освобожденіе: «крестьяне поступаютъ въ завѣдываніе казенныхъ чиновниковъ и, въ то же время, останутся зависимыми отъ помѣщика». Собственный планъ Желтухина состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ займы, сдѣланные въ кредитныхъ установленіяхъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній, пересрочиваются на 37 лѣтъ, а незаложенные имѣнія подвергаются залогу*). Помѣщикъ даетъ на каждое крестьянское тягло такое количество удобной земли, которое, будучи оцѣнено по аренднымъ цѣнамъ на землю, дало бы возможность этому тяглу ежегодно уплачивать въ кредитное установленіе сумму, приходящуюся, по разсчету займа, на его часть. Слѣдовательно, авторъ имѣетъ въ виду небольшіе надѣлы, обезпечивающіе лишь уплату процентовъ, а для собственнаго пропитанія крестьяне должны были бы нанимать землю у помѣщиковъ. За полученную землю крестьяне обязываются вносить ежегодно 6% со всей суммы займа: въ первые три года помѣщику, а въ остальные 37 лѣтъ въ кредитное учрежденіе. Какъ скоро крестьяне внесутъ проценты въ пользу землевладельца (а они могутъ уплатить ихъ и разомъ за всѣ три года), они дѣлаются совершенно независимыми отъ помѣщика и переходятъ въ вѣдомство казны: это необходимо, по мнѣнію автора, для того, чтобы «разорвать всѣ тѣ quasi-патріархальныя связи, какія теперь существуютъ между крестьяниномъ и помѣщикомъ и которыя только развращаютъ и того, и другаго**»). Такъ какъ

*) На возраженіе, что у правительства не хватитъ на это денегъ, авторъ отвѣчаетъ, что незаложенныхъ имѣній менѣе, чѣмъ заложенныхъ; выдачу денегъ можно распределить по губерніямъ на нѣсколько сроковъ; многіе помѣщики согласятся вмѣсто денегъ взять процентныя облигаціи; правительство можетъ совершить заемъ за проценты меньшіе тѣхъ, какіе само будетъ получать; можно дозволить учрежденіе частныхъ банковъ и, наконецъ, денегъ потребуется менѣе еще и потому, что многіе крестьяне внесутъ за себя выкупъ.

***) Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянамъ, каждому лично, предоставляются слѣдующія права: 1) приобретать движимое и недвижимое имущество на свое имя; 2) переходить въ другія сословія или на другія земли, для чего предварительно слѣдуетъ заплатить за себя сумму, въ которой заложенъ, очистить за одинъ годъ платежъ государственныхъ податей и всѣхъ повинностей и нѣкоторыя другія условія, и 3) по уплатѣ всего долга въ кредитное установленіе располагать всею землею, полученной отъ помѣщика, какъ всею неотъемлемою собственностью.

крестьяне будут нуждаться въ помѣщицкѣй землѣ, то является опасеніе, чтобы помѣщикъ не предъявлялъ слишкомъ тяжелыхъ условій, но авторъ считаетъ его неосновательнымъ, потому что 1) крестьяне имѣютъ хотя небольшой, но неотъемлемый участокъ земли (это вовсе не помогаетъ имъ въ первыя 40 лѣтъ, когда весь доходъ съ этого участка идетъ на уплату процентовъ); 2) могутъ нанимать землю у кого хотятъ и 3) между русскими помѣщиками не можетъ быть никакой стачки (?), такъ какъ они «не составляютъ касты ни въ губерніи, ни даже въ цѣломъ государствѣ». Подушный окладъ до введенія поземельной подати и земскія повинности несутъ помѣщики и крестьяне пропорціонально количеству удобной земли, находящейся въ ихъ владѣніи.

Главный недостатокъ проекта состоитъ въ томъ, что авторъ его, очевидно, предполагаетъ надѣлать крестьянъ весьма недостаточнымъ количествомъ земли. Онъ не скрываетъ всей выгоды его проекта для владѣльцевъ населенныхъ имѣній *), но ему кажется, что предложенныя имъ мѣры весьма благопріятны и для крѣпостныхъ: «крестьянинъ перестаетъ быть вещью; онъ приобретаетъ права, которыя возводятъ его на степень гражданина; онъ не пролетарій: за опредѣленный ежегодный взносъ умѣренной суммы въ продолженіе 40 лѣтъ онъ получаетъ въ вѣчную собственность участокъ земли, хотя небольшой, но ставящій его внѣ всякой зависимости (?) отъ теперешняго владѣльца, и этотъ срокъ платежа онъ можетъ сократить, внеся за себя опредѣленный выкупъ». Каковы бы ни были, однако, недостатки этого проекта, немалое значеніе имѣетъ уже то, что въ основаніе его положена мысль о выкупѣ крестьянъ съ землею посредствомъ выкупной операціи при содѣйствіи правительства.

Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ вызвалъ не только нѣсколько частныхъ договоровъ между помѣщиками и ихъ крѣ-

*) „Помѣщикъ,—говоритъ онъ,—перестаетъ быть дядькою крестьянина; за уступку небольшой части своей земли онъ слагаетъ съ себя долгъ опекунскаго совѣта или приказа общественного призрѣнія; крестьянинъ не можетъ довольствоваться тою землей, какая укрѣплена за нимъ въ первыя 40 лѣтъ, а потомъ не захочетъ покинуть этой земли; слѣдовательно, помѣщикъ обезпеченъ и въ отдачу внаемъ земли своей, и въ наймъ рабочихъ“. Авторъ не говоритъ о лишеніи землевладѣльцевъ права на трудъ крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, это лишеніе „въ мѣстностяхъ черноземныхъ и населенныхъ только воображаемое; въ сущности, и теперь помѣщикъ ничего не получаетъ отъ крестьянъ даромъ; за землю или за деньги онъ и тогда будетъ получать то же самое“.

постыными (о нихъ см. гл. IV), но также и попытки со стороны нѣкоторыхъ дворянъ обобщить предлагаемыя ими условія до значенія проекта уничтоженія крѣпостнаго права во всей Россіи. Такой смыслъ желалъ придать своимъ предположеніямъ кн. Леонидъ Голицынъ, но такъ какъ они были невыгодны для крестьянъ, то и не встрѣтили сочувствія со стороны правительства. Въ 1847 г. кн. Л. Голицынъ представилъ Императору Николаю проектъ условія съ его крестьянами; вскорѣ послѣ того министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ ему, что предполагаемый имъ надѣлъ по 2 десятины пахотной земли на ревизскую душу такъ недостаточенъ, что крестьяне не могутъ ею даже прокормиться, и вообще нашелъ, что въ этомъ условіи соблюдены выгоды только помѣщика *).

По проекту кн. Л. Голицына помѣщики обязываются выдѣлить своимъ крестьянамъ по 2 дес. пахотной земли на ревизскую душу и, сверхъ того, отдать имъ всю землю подъ строеніемъ, огородами и выгономъ **). Все это помѣщики уступаютъ крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, а они за землю и за всѣ права помѣщика на послуги и поборы должны внести выкупъ деньгами, принимая въ расчетъ одну пахотную землю по разнымъ цѣнамъ въ различныхъ губерніяхъ. Относительно размѣра вознагражденія за землю авторъ дѣлитъ губерніи на три разряда: 1) пахотныя, 2) промышленныя и 3) мѣста на сто верстъ кругомъ Петербурга и Москвы; въ первыхъ онъ назначаетъ выкупъ въ 100 рублей за десятину ***) , во вторыхъ

*) Препровождая послѣ этого свой проектъ къ гр. Киселеву, чтобы выслушать его мнѣніе, кн. Л. Голицынъ въ объяснительной запискѣ говорить по поводу отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ: „Представляя проектъ условія Государю Императору хотя частнымъ предложеніемъ, но я всегда имѣлъ въ виду общую мѣру и, при опредѣленіи нормы надѣла земли, я соображался болѣе съ общою возможностью помѣщиковъ, ибо то количество земли, коимъ я въ состояніи надѣлать своихъ крестьянъ, многіе того не могутъ... Что касается... замѣчанія, что двухъ десат. пахотной земли на душу недостаточно для ихъ прокормленія,—смію спросить, какъ живутъ и платятъ оброки тѣ крестьяне, гдѣ у владѣльцевъ всей земли удобной и неудобной не болѣе двухъ десятинъ на душу, а такіе примѣры верѣдки въ Московской, Владимирской и Ярославской губерніяхъ“. На обвиненіе, что онъ дорого оцѣнилъ землю, кн. Голицынъ отвѣчаетъ, что онъ „дѣлилъ не одну землю, но назначалъ вмѣстѣ выкупъ всѣхъ правъ на поборы и послуги, коихъ законность освятили время и обычай“.

**) На поляхъ проекта мы находимъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное, очевидно, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ: „нужно бы вмѣсто 2 дес. дать 3 дес.“

***) Волыарларскій въ своемъ проектѣ 1848 г. оцѣниваетъ десятину земли въ Смоленской губерніи въ 40 р. (*Русская Мысль* 1885 г., кн. V, стр. 113).

125 руб., въ третьихъ 200 руб. и, притомъ, въ мѣстностяхъ третьяго разряда размѣръ надѣла пахотной земли на душу назначается по $1\frac{1}{2}$, а не по 2 десятины. Взносъ денегъ слѣдуетъ произвести въ теченіе 47 лѣтъ въ особый, съ этою цѣлью учрежденный банкъ, который въ день заключенія условія выдаетъ помѣщикамъ облигаціи на всю сумму, но плата крестьянъ не должна превышать 5% на этотъ капиталъ съ погашеніемъ и каждый крестьянинъ долженъ имѣть право внести всю причитающуюся съ него сумму и прежде 47 лѣтъ. Со дня заключенія условія крестьяне должны называться обязанными и они получаютъ право покупать на свое имя земли въ полную личную собственность, земля же, полученная отъ помѣщика, должна оставаться «общественною» и служить обезпеченіемъ исправнаго отбыванія повинностей. Если имѣніе заложено въ кредитныхъ установленіяхъ, то при выдачѣ облигацій (дающихъ 4%) будетъ вычитаться весь числящійся на немъ долгъ. Не излагая подробно денежныхъ расчетовъ автора, приведемъ только его выводъ, что въ первыя десять лѣтъ, по его проекту, крестьянамъ придется платить въ разныхъ мѣстностяхъ за душевой надѣлъ отъ 4 до 6 руб., во второе десятилѣтіе 6—9 р., а въ остальные годы до окончанія выкупа 8—12 р. По мнѣнію автора, такіа ежегодныя уплаты не обременительны, такъ какъ онѣ «почти ниже (sic) всѣхъ арендныхъ цѣнъ, нынѣ существующихъ повсемѣстно». Чтобы побудить крестьянъ къ исправному взносу повинностей, авторъ считаетъ необходимымъ поручить управленіе ими помѣщикамъ, власть которыхъ слѣдуетъ «не потрясать... но еще усилить довѣріемъ правительства»; помѣщики должны завести въ своихъ имѣніяхъ сельскія расправы подъ ихъ собственнымъ предсѣдательствомъ изъ 2 избранныхъ міромъ, съ утвержденія владѣльца, старшинъ. Если крестьянинъ не внесетъ должной суммы, то уплатить за него долженъ помѣщикъ, а тотъ отрабатываетъ въ этомъ случаѣ за *каждую ревизскую душу* (а не съ тягла) 2 дня конныхъ и 2 дня женскихъ въ недѣлю. Отдавать крестьянъ за дурное поведеніе въ солдаты безъ очереди и не въ зачетъ помѣщику должны имѣть право лишь по приговору всего міра. Для начала авторъ предлагаетъ учредить банкъ въ Московской губерніи.

Встрѣтивъ совершенно заслуженное несочувствіе своему проекту со стороны правительства, кн. Л. Голицынъ не погинулъ его совершенно, а черезъ пять лѣтъ (въ 1852 г.) вновь пред-

ставилъ его Государю въ измѣненномъ видѣ. Главныя основанія этого втораго проекта (оба они не изданы) состоятъ въ слѣдующемъ. Правительство учреждаетъ банкъ, который принимаетъ въ залогъ, по желанію дворянъ, всѣ населенныя имѣнія и выдаетъ на нихъ «заручныя письма» (облигаціи), въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ на душу приходится менѣе 5 дес., — по 160 р. на душу, гдѣ не менѣе 6 дес. — по 140 р. и гдѣ не менѣе 7 дес. — по 120 р. Банкъ будетъ платить на заручныя письма ежегодно 4% и погаситъ ихъ въ 41 годъ, производя ежегодно выкупъ каждаго займа отдѣльно посредствомъ лотереи. Владѣльцы заложенныхъ имѣній должны платить ежегодно на всю сумму выданныхъ заручныхъ писемъ по 5%, изъ которыхъ 4% будутъ выдаваться предъявителямъ облигацій, а 1% оставаться въ банкѣ для погашенія ихъ въ 41 годъ. При залогѣ имѣній помѣщики должны заключить съ крестьянами слѣдующія условія. Землевладелецъ отводитъ крестьянамъ такіе надѣлы на ревизную душу: въ губерніяхъ перваго разряда по 2 дес. пахотной земли; втораго разряда — по 2 дес. пахотной и $\frac{1}{2}$ дес. луговой или лѣса; третьяго разряда — 2 дес. пахотной и 1 дес. луговой или лѣса; въ подмосковныхъ имѣніяхъ (на сто верстъ вокругъ столицы) по 1 дес. пахотной земли (въ мѣстностяхъ первыхъ двухъ разрядовъ авторъ увеличилъ надѣлы сравнительно съ своимъ прежнимъ проектомъ, а въ послѣднемъ разрядѣ уменьшилъ). «По выкупѣ заручныхъ писемъ, обезпеченныхъ на вотчинѣ, и по уничтоженіи оныхъ въ банкѣ, крестьяне получаютъ права и обязанности вольныхъ крестьянъ, *живущихъ на частныхъ земляхъ*, и помѣщики оставляютъ навсегда *въ арендномъ ихъ владѣніи* отмежеванную землю» и, сверхъ того, усадебные участки. Такимъ образомъ, по этому второму проекту кн. Л. Голицына крестьяне не получали, въ концѣ-концовъ, права собственности на землю, которое давалъ имъ первый проектъ, а оставались въ вѣчно-арендныхъ отношеніяхъ къ помѣщику *).

*) «Оная земля должна состоять вѣчно въ общемъ владѣніи всѣхъ крестьянъ той вотчины и никогда не можетъ быть частною собственностью одного или нѣсколькихъ лицъ, но дѣлится по тягламъ на основаніи существующаго повсемѣстно обычая дѣлить землю во всѣхъ сельскихъ поселеніяхъ великой Россіи (слѣдовательно, сохраняется общинное землевладѣніе). Равно оная земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвратиться во владѣніе или распоряженіе помѣщиковъ. Но крестьяне оныхъ имѣній, по выкупѣ заручныхъ писемъ, будутъ обязаны *вѣчно платить арендныя деньги* вотчинникамъ оныхъ земель по цѣнамъ, какія будутъ состоятъ за земли въ селеніяхъ государственныхъ имуществъ».

Имъ предоставлялось, однако, по выкупѣ и уничтоженіи всѣхъ заручныхъ писемъ и окончательно выкупить по добровольному соглашенію землю, уступленную имъ помѣщикамъ въ вѣчную аренду. Впрочемъ, по приговору міра крестьяне могутъ и до погашенія всѣхъ заручныхъ писемъ выкупить отмежеванную имъ землю, внося въ банкъ по 150 — 200 р. съ души въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и тогда они прибрѣтаютъ права вольныхъ крестьянъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ. Если же пожелаетъ выкупиться до погашенія заручныхъ писемъ не весь міръ, а отдѣльный крестьянинъ, то онъ долженъ внести 300—500 р. за ревизскую душу, но земля не выдѣляется ему особымъ участкомъ изъ общихъ полей. До выкупа всѣхъ заручныхъ писемъ крестьяне заложенныхъ имѣній должны находиться подъ властью помѣщика «на основаніи крѣпостнаго права» и владѣльцы сохраняютъ право удалять изъ вотчины всѣхъ неблагонадежныхъ крестьянъ, предавая ихъ въ распоряженіе правительства для переселенія на казенныя земли (тутъ уже не упоминается о необходимости для этого приговора всего міра). До выкупа заручныхъ писемъ крестьяне должны работать на помѣщика по 3 дня съ *тягла* (3 конныхъ и 3 пѣшихъ женскихъ дня въ недѣлю). По мнѣнію автора, учрежденіе банка на указанныхъ основаніяхъ «разрѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ нашего государства — уничтоженіе крѣпостнаго состоянія... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить навсегда все народонаселеніе поземельнымъ владѣніемъ, не покушаясь на права собственности».

Проектъ этотъ былъ, также какъ и первый, переданъ Государемъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и, вѣроятно, также не встрѣтилъ одобренія; дѣйствительно, онъ имѣетъ еще менѣе значенія, такъ какъ кредитная операція въ теченіе 41 года не развязываетъ даже окончательно крестьянъ съ помѣщиками; они остаются въ вѣчно-арендныхъ къ нимъ отношеніяхъ и, чтобы перейти въ положеніе крестьянъ-собственниковъ, нуженъ еще выкупъ «по добровольному соглашенію», слѣдовательно, не регулированный никакими точными правилами.

Въ этой главѣ намъ пришлось имѣть дѣло съ проектами двухъ кн. Голицыныхъ — Александра Николаевича и Леонида; мы должны еще упомянуть о проектѣ кн. Ник. Бор. Голицына. Въ 1848 году онъ сообщилъ министру финансовъ Вронченгъ и гр. Киселеву записку (неизданную) «о прибрѣтеніи правительствомъ по-

мѣщичьихъ имѣній средствами, извлекаемыми изъ приобретаемыхъ имѣній»; какъ на одну изъ цѣлей такой скупки дворянскихъ вотчинъ, онъ указывалъ и на то, что она поведетъ «къ уменьшенію числа людей крѣпостнаго состоянія». Приводимъ то мѣсто этой записки, гдѣ изложена ея главная мысль: «Постепенное приобретение помѣщичьихъ имѣній можетъ удобно совершиться, не причиняя правительству *малѣйшаго расхода* на покупку. Средство это весьма просто. Введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ коихъ обеспечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра (*encaisse metallique*), даетъ возможность выпустить постепенно то число кредитныхъ билетовъ, которое потребуется для покупки населеннаго имѣнія, съ тѣмъ, однако, непременнымъ условіемъ, чтобы каждый выпускъ этихъ билетовъ не превышалъ никогда цѣну, платимую за имѣніе, и чтобы всѣ доходы, извлекаемые изъ этого же самаго имѣнія, обращены были немедленно на погашеніе соразмѣрной части созданнаго на сей случай капитала, и это продолжать, доколѣ сумма полученныхъ доходовъ не поравняется съ суммою, употребленною на покупку».

Министръ финансовъ отвѣчалъ кн. Голицыну, что, по его мнѣнію, «выпускъ кредитныхъ билетовъ для покупки частныхъ имѣній не можетъ, *по разнымъ причинамъ*, быть приведенъ въ дѣйствіе». Тогда Н. Голицынъ написалъ новую записку (также неизданную) для разъясненія и подкрѣпленія своей мысли и отправилъ ее къ гр. Киселеву въ надеждѣ, что онъ убѣдитъ министра финансовъ въ пользѣ и безопасности предлагаемой имъ мѣры. Въ заключеніе ея онъ говоритъ: «Правительство могло бы назначить капиталъ въ 30 милліоновъ руб. сер. для приобретения помѣщичьихъ населенныхъ имѣній *). Если... министръ финансовъ удостовѣрится, что выпускъ такой значительной суммы взаменъ поступившихъ въ казну на такую же сумму недвижимостей не причинилъ никакого потрясенія кредиту правительства, то почему бы въ такомъ случаѣ не предоставить этому капиталу обращаться непрерывно въ этомъ кругу, т.-е. продолжать приобретать на суммы, выручаемыя изъ купленныхъ такимъ образомъ недвижимостей... Такимъ образомъ, первоначальный капиталъ въ 30 милліоновъ непрерывнымъ обращеніемъ

*) Ту же сумму предлагалъ ежегодно ассигновать на покупку помѣщичьихъ имѣній и М. А. фонъ-Визинъ (см. гл. XIII).

емъ въ теченіе столѣтія доставилъ бы правительству некихъ мостей на сумму, равняющуюся съ тою, которая произойдетъ отъ непрерывно накопляющихся процентовъ къ процентамъ капитала въ 30 милліоновъ въ продолженіе ста лѣтъ». Далѣе авторъ предлагаетъ примѣнить эту мѣру къ имѣніямъ, продающимся съ публичнаго торга на болѣе льготныхъ, чѣмъ это было тогда, условіяхъ, чтобы сохранить «честь, спокойствіе и уваженія къ существованію» многихъ дворянъ; очевидно, въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ вспоможеніи дворянству, и заключалась главная цѣль проекта.

Гр. Киселевъ отвѣтилъ кн. Н. Б. Голицыну, что «въ мѣрѣ вовсе предположенія скупать владѣльческія имѣнія въ мѣру и если есть нѣсколько примѣровъ подобной покупки, то это дается для округленія границъ владѣнія и отвращенія чрезъчрезполосности, для чего требуются весьма незначительныя суммы, уплачиваемыя изъ обыкновенныхъ источниковъ государственнаго казначейства или же въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, по особымъ на то высочайшимъ повелѣніямъ».

Въ секретный комитетъ, учрежденный 5 іюня 1848 г. подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича для разсмотрѣнія разныхъ предположеній къ отвращенію послѣдствій отъ 8 ноября 1847 г. о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ покупать изъ крѣпостнаго состоянія при продажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ (см. гл. IX), были переданы четыре записки по крестьянскому вопросу: сенатора генераль-адъютанта Шипова, неизвѣстнаго, генераль-майора Баратынскаго и смоленскаго предводителя дворянства кн. Друцкаго-Соколинскаго, но комитетъ ихъ не разсматривалъ и онѣ были переданы, съ соизволенія Государя, въ апрѣлѣ 1850 года министру внутреннихъ дѣлъ кн. Миѣніе Друцкаго-Соколинскаго было уже подробно разсмотрѣно нами, когда мы говорили объ обсужденіи крестьянскаго вопроса смоленскимъ дворянствомъ, а на остальныхъ трехъ запискахъ мы остановимся теперь.

На основаніи мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ 1802 г. сенаторъ Шиповъ сдѣлалъ заключеніе, что правительство не полагаетъ изыять крѣпостныхъ людей изъ-подъ власти и вліянія помѣщиковъ; онъ же въ своей запискѣ доказываетъ, что, при всей желательности улучшенія быта крѣпостныхъ, нужно, не уничтожая власти помѣщиковъ надъ крестьянами, только измѣнить ее такъ, чтобы сдѣлать ихъ попечителями

крѣпостныхъ и, сохранивъ благодѣтельное вліяніе хорошаго вѣщика, оградить крестьянъ отъ своевольства и притѣсненій. Отсутствие помѣщиковъ среди народа необходимо у насъ для коихъ государства и для успѣховъ народнаго благосостоянія, такъ какъ дворянство оказываетъ полезное вліяніе не только на помѣщичьихъ, но и на свободныхъ крестьянъ и даже на гія сословія. Поэтому не только нужно, чтобы помѣщики авались тамъ, гдѣ они уже теперь находятся, но желательно, бы дворянство было водворено въ достаточномъ количествѣ и тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ его нѣтъ, а именно въ ерніяхъ Вятской, Олонецкой, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воложской, Казанской, Пермской и во всѣхъ сибирскихъ. Съ этою цю было бы полезно раздавать заслуженнымъ дворянамъ въ занныхъ мѣстахъ свободныя казенныя земли для заселенія крѣпостными или обязанными крестьянами. Вообще въ вероссійскихъ губерніяхъ для приведенія крѣпостныхъ въ правное положеніе нужно было бы принять слѣдующія мѣры. первыхъ, установить недѣлимость тѣхъ дворянскихъ имѣній, орыя не могутъ быть раздѣляемы безъ вреда для крестьянъ; тѣхъ же большихъ имѣній, которыя могутъ быть дѣлимы въ неудобства, опредѣлить нераздѣльныя части *). Учрежденіе вѣлимыхъ вотчинъ составляетъ, по мнѣнію автора, одно изъ нѣйшихъ условій народнаго блага; оно весьма важно, по его вамъ, и въ политическомъ отношеніи: такъ какъ помѣщики ечены значительною полицейскою властью надъ крестьянами, правительству гораздо удобнѣе предоставить такую власть каждому уѣздѣ нѣсколькимъ зажиточнымъ помѣщикамъ, не и множеству мелкихъ владѣльцевъ. Аристократическо-дворянскія притязанія автора этимъ не ограничиваются: онъ предла- ть устроить мѣстное управленіе на слѣдующихъ началахъ. въ всѣхъ дворянскихъ имѣній, находящихся въ уѣздѣ, слѣду- образовать волости. Одна большая вотчина или нѣсколько чинъ, принадлежащихъ одному владѣльцу, должны составлять остъ, въ которой головою долженъ быть самъ помѣщикъ или повѣренный, съ утвержденія правительства; всѣ прочія вот- ы соединяются въ волости по мѣстнымъ удобствамъ, съ пре- тавленіемъ помѣщикамъ права избранія головы въ каждой

*) Вопросомъ объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имѣній мался еще комитетъ, учрежденный 5 декабря 1826 г., куда объ этомъ была вне- записка вн. И. В. Васильчиковымъ.

изъ нихъ. На волостнаго голову могутъ быть возложены многія изъ тѣхъ полицейскихъ обязанностей, которыя лежатъ на становомъ приставѣ. Головѣ, какъ начальнику волостной полиціи, должно быть предоставлено право налагать исправительныя наказанія подобно тому, какъ это дѣлается въ остзейскихъ губерніяхъ, образцомъ которыхъ авторъ, очевидно, и руководится въ нѣкоторыхъ изъ своихъ предположеній. Помѣщику, хотя бы онъ и не былъ волостнымъ головою, должно быть также предоставлено право налагать легкія исправительныя наказанія въ своей вотчинѣ. Всѣ вообще волости и города, находящіеся въ уѣздѣ, должно непосредственно подчинить уѣздному предводителю и соединить въ его лицѣ всѣ отрасли управленія (кромя суда), которыми должно завѣдывать подъ его предсѣдательствомъ одно правительственное учрежденіе—уѣздное правленіе. Избраніе уѣзднаго предводителя можно предоставить дворянству вмѣстѣ съ другими сословіями. Словомъ, авторъ создалъ такой планъ мѣстнаго управленія, который всецѣло отдавалъ его въ руки дворянства. Это тѣмъ болѣе странно, что, по сознанию самого защитника дворянскихъ прерогативъ, число хорошихъ помѣщиковъ у насъ постепенно уменьшается, такъ что въ виду этого Шиповъ находитъ необходимымъ опредѣлить постоянными правилами, чего помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянъ и на какихъ основаніяхъ онъ пользуется своею властью надъ ними. Помѣщикъ обязанъ надѣлать крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли и оставить ее въ ихъ постоянное пользованіе, а для опредѣленія повинностей за землю слѣдуетъ учредить въ каждой губерніи нѣсколько частныхъ комиссій и одну ревизионную изъ лицъ, какъ избранныхъ дворянствомъ, такъ и назначенныхъ правительствомъ. Слѣдуетъ, наконецъ, опредѣлить закономъ размѣръ вознагражденія, съ уплатою котораго крестьянинъ можетъ совершенно покинуть вотчину. Бъ сожалѣнію, мнѣніе Шипова извѣстно намъ не въ подлинникѣ, а только въ подробномъ изложеніи, и потому мы не можемъ сказать, указалъ ли онъ точнѣе тѣ ограниченія крѣпостнаго права, которыя были, по его мнѣнію, необходимы; но едва ли эти ограниченія могли быть существенными въ виду того преобладающаго вліянія, которое онъ отводилъ дворянству во всемъ мѣстномъ управленіи.

Въ комитетъ, учрежденный 5 іюня 1848 г., Государь повелѣлъ также передать письмо, полученное имъ отъ неизвѣстнаго, съ приложеніемъ проекта освобожденія крестьянъ изъ крѣпост-

наго состоянія, безъ лишенія помѣщика правъ собственности на земли, лѣса и воды. Авторъ этого проекта, считая вреднымъ и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и указъ 8 ноября 1847 г., дозволяющій крестьянамъ выкупаться при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга, предлагалъ или отмѣнить указъ 8 ноября, или, если правительство находитъ себя достаточно сильнымъ для введенія преобразованій, прямо даровать крестьянамъ свободу съ сохраненіемъ за помѣщиками правъ собственности на землю. Для этого онъ предлагаетъ сдѣлать во всемъ государствѣ ревизію и объявить, что всѣ родившіеся послѣ нея считаются свободными: это было возобновленіе неудачной мысли, которая высказывалась уже и при Екатеринѣ II, и въ царствованіе Александра I, но была оставлена безъ осуществленія въ виду полной ея непригодности и несомнѣннаго вреда для народа отъ такого безземельнаго освобожденія.

Наконецъ, авторъ третьей изъ вышеупомянутыхъ записокъ, генераль-майоръ Баратынскій, предлагалъ только опредѣлять закономъ размѣръ выкупа крѣпостныхъ на свободу.

Уничтоженіе крѣпостнаго права въ такой степени сдѣлалось настоятельнымъ дѣломъ времени и о немъ такъ много толковали въ правительственныхъ сферахъ, что одинъ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, статскій совѣтникъ И. Бураковъ, зная либеральные взгляды по этому предмету своего министра, составилъ въ 1850 году огромную (неизданную) «записку по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія» исключительно съ цѣлью обратить на себя вниманіе начальства, получить награду и даже сдѣлать такимъ образомъ карьеру, какъ это онъ самъ откровенно заявляетъ въ письмѣ къ гр. Киселеву *). Это фактъ, во всякомъ случаѣ весьма характерный для своего времени.

Авторъ указываетъ на то, что выкупъ всѣхъ крѣпостныхъ на счетъ казны невозможенъ, такъ какъ это потребовало бы 800 милліоновъ руб., т.-е. въ пять разъ болѣе всего годоваго государственнаго дохода. Затѣмъ онъ описываетъ предшествующій ходъ дѣла объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и рассматриваетъ причины неуспѣха законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ. Переходя отъ историко-критическаго къ теоретическому обсужденію вопроса, авторъ до-

*) Между прочимъ, онъ проситъ представить его записку Государю.

казываетъ, что настало время «дѣйствовать въ видахъ освобожденія крестьянъ», но необходимы при этомъ величайшая осторожность и постепенность. Онъ полагаетъ, что помѣщики и теперь «безъ особеннаго чувства неудовольствія отказались бы отъ правъ своихъ надъ личностью крестьянъ... если бы при семъ могли сохранить права надъ ихъ собственностию»; но отнять отъ помѣщиковъ право наказывать крѣпостныхъ значило бы «лишить ихъ главнаго средства побуждать крестьянъ къ исправленію возложенныхъ на нихъ повинностей». Поэтому въ настоящее время авторъ считаетъ возможнымъ по отношенію къ личнымъ правамъ лишь дозволеніе крестьянамъ вступать въ бракъ, не спрашивая позволенія помѣщика. Затѣмъ нужно предоставить помѣщикамъ «полную возможность и всѣ средства, которыхъ они теперь не имѣютъ, опредѣлять свои отношенія съ крестьянами добровольными сдѣлками... дабы мѣры ограниченія (помѣщичьей власти со стороны правительства) могли постичь только тѣхъ владѣльцевъ, которые упорно будутъ оставаться при своихъ, несообразныхъ съ требованіями времени, претензіяхъ». Тутъ авторъ настаиваетъ на необходимости дозволить освобожденіе крестьянъ не только цѣлыми общинами, но и подворно, къ чему, по его мнѣнію, помѣщики «болѣе склонны», такъ какъ «при подворномъ увольненіи, при срочныхъ условіяхъ, они имѣютъ полную возможность увеличивать свои доходы посредствомъ лучшей обработки земель и необходимаго въ продолженіе времени возвышенія ихъ цѣнности, тогда какъ при общинномъ увольненіи они должны довольствоваться единожды навсегда опредѣленнымъ по условію доходомъ». Авторъ находилъ, что въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1839 г., кн. Меншиковъ «слабо защищалъ (противъ гр. Киселева) свое предположеніе о подворномъ увольненіи по срочнымъ условіямъ». По мнѣнію Буракова, главное возраженіе, сдѣланное князю Меншикову въ комитетѣ, состояло въ томъ, что помѣщики раздадутъ всѣ свои земли преимущественно богатымъ крестьянамъ, а бѣдные, оставшись безъ земли, обратятся въ бобылей и предадутся бродяжничеству; но это возраженіе нисколько не смущаетъ его: онъ не считаетъ зломъ раздачу земель «предпочтительно богатымъ крестьянамъ» *). Если же признать, что это зло, то можно установить правило, что при подворномъ или по-

*) „Развѣ бѣдные крестьяне,—говоритъ онъ,—лишатся отъ этого средствъ къ своему содержанію? Развѣ достаточные крестьяне не будутъ имѣть нужду въ работни-

семеиноу увольненіи помѣщики не могутъ ни одного изъ своихъ крестьянъ надѣлять землею въ болышемъ количествѣ сравнительно съ тѣмъ, сколько причитается изъ всего его владѣнія на число душъ каждаго семейства или двора; однако, авторъ не считаетъ это необходимымъ и думаетъ, что если бы часть крестьянъ дѣйствительно осталась безъ земли, то для предупрежденія бродяжничества и обезпеченія ихъ осѣдлости правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрное средство—переселеніе на свободныя казенныя земли, особенно въ Сибирь, и затѣмъ онъ подробно останавливается на разъясненіи той мысли, почему бы, допустивъ подворное увольненіе по срочнымъ условіямъ, не предоставить, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденнымъ крестьянамъ средствъ къ поселенію на казенныхъ земляхъ въ томъ случаѣ, когда помѣщики по окончаніи срока договора откажутъ имъ въ осѣдлости на своихъ земляхъ или когда они сами найдутъ переселеніе выгоднымъ для себя. Авторъ записки не отступаетъ предъ огромными издержками, для этого необходимыми, и, разъ допустивъ такія выселенія, предлагаетъ предоставить помѣщикамъ и крестьянамъ полную свободу въ заключеніи условій съ дозволеніемъ послѣднимъ обращаться къ правительству съ просьбою объ облегченіи повинностей въ случаѣ невозможности исполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ.

Въ видахъ облегченія добровольнаго увольненія помѣщиками крестьянъ, авторъ, кромѣ существующихъ уже для этого способовъ, предлагаетъ и нѣкоторые другіе *); если же всѣ эти мѣры

какъ? Развѣ система фермарства, основанная на капиталахъ богатыхъ земледѣльцевъ, сѣдущихъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, не считается полезнѣею въ видахъ государственной экономіи?⁴

*) „1) Увольненіе подворное или посемеиное съ предоставленіемъ крестьянамъ земли, во-первыхъ, въ полную собственность, во-вторыхъ, на правѣ пользованія: а) безсрочно (семеиные наследственные участки) и б) на срокъ, не менѣе какъ на 12 лѣтъ. 2) Увольненіе крестьянъ на обязанное положеніе дѣльми имѣніемъ съ присвоеніемъ имъ для большаго обезпеченія осѣдлости нѣкоторой части земли (достаточной хотя на усадьбу и огороды) въ полную собственность, кромѣ той земли, которую они получаютъ въ пользованіе на срочное или безсрочное время... 3) Дозволить помѣщикамъ передавать въ казну своихъ крестьянъ для переселенія на казенныя земли, какъ о томъ нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые малоземеліемъ и недостаткомъ промышленности, а также чувствомъ благотворительности, входили уже съ просьбами, до сѣдѣ, однако же, оставленными безъ удовлетворенія. 4) Предоставить помѣщикамъ право дѣлать по духовнымъ завѣщаніямъ назначенія объ увольненіи своихъ крестьянъ во всѣхъ способахъ устройства ихъ, считая таковыя назначенія дѣйствительными, такъ скоро крестьяне будутъ согласны на принатіе условій, означенныхъ въ этихъ завѣщаніяхъ“.

не будутъ имѣть успѣха, въ такомъ случаѣ авторъ совѣтуетъ перейти къ мѣрамъ «полуобязательнымъ»: онъ называетъ ими тѣ, при которыхъ помѣщики почти ничего не теряютъ изъ своихъ правъ надъ личностью и собственностью крестьянъ, и относить къ этимъ мѣрамъ: 1) «приглашеніе» помѣщиковъ къ составленію инвентарей на свои имѣнія по примѣру западныхъ губерній и 2) предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю даже безъ согласія помѣщиковъ, внеся только сумму, равняющуюся десятилѣтней сложности инвентарнаго дохода. И, наконецъ, лишь тогда, «когда общественное мнѣніе обратится къ мысли о необходимости освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, можно будетъ приступить и къ мѣрамъ рѣшительно обязательнымъ», которыя пока авторъ считаетъ еще неумѣстными.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что взгляды Буракова гораздо болѣе приближались къ остзейскимъ идеаламъ кн. Меншикова, чѣмъ къ воззрѣніямъ на крестьянскій вопросъ гр. Киселева, и потому неудивительно, что записка эта не была представлена Государю, о чемъ просилъ ея авторъ въ письмѣ къ министру государственныхъ имуществъ. Въ тому же, Бураковъ весьма неудачно выбралъ время для составленія своей записки, такъ какъ это была пора самой глухой реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ, когда мысль объ ограниченіи помѣщичьей власти, по крайней мѣрѣ, въ собственной Россіи, была совершенно оставлена Императоромъ Николаемъ. Переписка между гр. Киселевымъ и кн. М. С. Воронцовымъ въ 1851—52 гг. *) свидѣтельствуетъ о сильномъ утомленіи гр. Киселева, вызванномъ малою успѣшностью его продолжительной борьбы противъ вѣрнопостнаго права. Въ это время Киселевъ не находить уже возможнымъ добиться даже такихъ настоятельно необходимыхъ ограниченій помѣщичьей власти, какъ болѣе точное опредѣленіе размѣра барщины на основаніи закона Императора Павла или уничтоженіе права помѣщиковъ ссылать вѣрнопостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію **). Приходилось думать уже не о томъ, чтобы подвигаться

*) Она напечатана въ книгѣ *Заблочкаго-Десятовскаго*: „Гр. Киселевъ и его время“. II, 324—329; IV, 245—251.

**) „При неопредѣлительности хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и при совершенной зависимости управленія сихъ послѣднихъ отъ помѣщиковъ,—говоритъ Киселевъ въ одномъ изъ писемъ къ Воронцову,—право владѣльцевъ ссылать въ Сибирь и отдавать въ рекруты есть необходимое условіе для поддержанія повинности къ владѣльцамъ. Если право это сопровождается злоупотребленіями, то уничтоженіе его, при настоящихъ отношеніяхъ крестьянъ, недовольныхъ

впередъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, а о томъ, чтобы помѣшать нѣкоторымъ, крайне опаснымъ притязаніямъ помѣщиковъ. Одно изъ выраженій такихъ притязаній мы видѣли выше въ запискѣ сенатора Шинова; они обнаружили также тѣмъ, что въ эпоху реакціи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ было въ ходу предположеніе объ уравненіи всѣхъ крестьянъ, государственныхъ и помѣщичьихъ, не дарованіемъ правъ безправнымъ, а, наоборотъ, именно *учрежденіемъ изъ государственныхъ крестьянъ особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства*. Толки эти до того усилились въ концѣ 40 годовъ, что Киселевъ придавалъ имъ уже значеніе *замысла* и не считалъ возможнымъ не обращать на нихъ вниманія, не принимать никакихъ мѣръ противъ опасности, грозившей нарушить права государственныхъ крестьянъ; лучшимъ для этого средствомъ Киселевъ считалъ дарованіе имъ грамоты, на что еще въ 1840 г. самъ Государь подавалъ надежду, но при наступившей съ 1848 г. реакціи нельзя было и думать объ осуществленіи этой мысли.

Въ предъидущихъ главахъ мы видѣли много отдѣльныхъ заявленій изъ среды дворянства по крестьянскому вопросу какъ въ либеральномъ, такъ и въ консервативномъ направленіи. Авторы этихъ мнѣній несомнѣнно являются людьми болѣе образованными, способными къ извѣстной инициативѣ въ общественныхъ дѣлахъ, умѣющими взяться за перо въ защиту своихъ мнѣній, каковы бы они ни были. Но любопытно заглянуть въ массу дворянства, подслушать, какаго рода взгляды высказывались тамъ относительно дѣла, столь близко затрогивавшаго интересы помѣщиковъ. Объ этомъ мы имѣемъ любопытное свидѣтельство въ превосходной запискѣ Заблоцкаго-Десятовскаго (о которой мы уже говорили въ гл. XIII), составленной въ 1841 г., и, слѣдовательно, рисующей настроеніе общества на грани 30 и 40 годовъ, еще до закона 2 апрѣля 1842 г. Авторъ указываетъ здѣсь на то, что взгляды дворянъ на крѣпостное право не одинаковы и измѣняются въ зависимости отъ степени образованія, положенія и богатства помѣщика. «Тѣ изъ дворянъ нашихъ,—говоритъ Заблоцкій,—кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса, знаютъ только, что въ

своимъ положеніемъ, можетъ произвести другое зло: неповиновеніе и нарушеніе общественнаго спокойствія, а потому доколѣ крѣпостное право будетъ продолжаться, нельзя въ семь отношеніи колебать власти помѣщиковъ».

ихъ власти находятся люди, которые должны имъ работать даромъ; что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, между тѣмъ какъ крѣпостному предоставляется только средство къ выручкѣ денегъ, т.-е. земля. Въ глазахъ такихъ дворянъ это всегда выгоднѣе и, разумѣется, легче. Притомъ, весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ... Все это вмѣстѣ поддерживаетъ во многихъ убѣжденіе, что крѣпостное состояніе не только необходимо, какъ установленіе законное, временемъ освященное, но какъ неотъемлемое право дворянства и средство къ поддержанію его состоянія. Иные простираютъ это мнѣніе еще далѣе: они убѣждены, что уничтоженіе крѣпостнаго состоянія будетъ гибельно для государства. «Какъ,—говорятъ,—предоставить людей этихъ самимъ себѣ, когда они и подъ нашею властью не имѣютъ порядочной нравственности; да они всё сопьются и пропадутъ!» Нѣкоторые говорятъ: «просвѣтите сперва крестьянъ, потомъ освободите ихъ»^{*)}. Въ освобожденіи крестьянъ они видятъ только нарушеніе ихъ права частнаго. «За что же отнять,—говорятъ они,—у насъ вещь, которую мы купили за деньги, выработанныя нерѣдко трудомъ и терпѣніемъ? Хотите взять, такъ заплатите». Но, по свидѣтельству Заблоцкаго, слышались уже тогда и другаго рода мнѣнія: были помѣщики, понимавшіе небезвыгодность для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Есть дворяне,—говоритъ Заблоцкій,—«также весьма многочисленныя, которые сознаютъ всю несправедливость крѣпостнаго состоянія. Сознаніе это еще болѣе поддерживается въ нихъ увѣренностью, что крѣпостное право съ обязанностями, которыя налагаетъ оно на владѣльца, есть во многихъ случаяхъ тягость для сего послѣдняго. Помѣщики эти говорятъ: «конечно, покупать и продавать людей есть чудовищность; возьмите, освободите ихъ, мы будемъ нанимать ихъ для работъ; но оставьте намъ нашу землю, которую мы купили; она есть предметъ, всегда и вездѣ подлежащій куплѣ». Такимъ образомъ, въ массѣ дворянства Заблоцкій, при объѣздѣ нѣкоторыхъ губерній Россіи, встрѣтилъ лишь двоякаго рода мнѣ-

^{*)} Авторъ приводитъ такія выраженія защитниковъ крѣпостнаго права: оно „удерживаетъ народъ необразованный и грубый въ непосредственномъ распоряженіи высшаго и образованнаго класса, который отвѣчаетъ за всё его подати, за всё его обязанности предъ государствомъ и тѣмъ самымъ облегчаетъ правительство, даетъ способъ ему заниматься высшими государственными интересами. Рабы суть младшіе братья человечества, надъ которыми нужна еще строгая и близкая отеческая власть. Свобода имъ вредна, какъ свобода дѣтей“.

ня по крестьянскому вопросу: или безусловную защиту существующаго порядка, или готовность къ освобожденію крестьянъ, но не иначе, какъ безъ земли. Тѣмъ не менѣе, однако, уже обнаруживались признаки, что это дѣло начинаетъ все болѣе и болѣе возбуждать вниманіе общества. «Нельзя не замѣтить, — говоритъ Заблоцкій, — что вопросъ объ измѣненіи крѣпостнаго права, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій такъ или иначе готовъ разсуждать о немъ. Послѣ того, какъ въ 1837 или 1838 годахъ нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ, сихъ прожектеровъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали *анафемѣ*. Но когда пришли голодные годы, помѣщики увидѣли всю бѣду, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція; начали думать, что хорошо было бы и освободить крестьянъ. Вообще теперь мысль эта не дика никому: о ней говорятъ не одни профессоры, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики».

Настроеніе, подмѣченное въ массѣ общества Заблоцкимъ въ 1841 г., сказалось и по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ: громадное большинство помѣщиковъ было недовольно закономъ 2 апрѣля 1842 г. съ консервативной точки зрѣнія, но они скоро успокоились, понявъ, что эта мѣра не грозитъ ихъ правамъ никакою серьезною опасностью; затѣмъ и по поводу этого новаго закона высказывались мнѣнія о желательности полного освобожденія крестьянъ безъ всякаго земельного надѣла, и лишь ничтожное меньшинство образованнаго общества съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительныхъ, благоприятныхъ для крѣпостныхъ крестьянъ правительственныхъ мѣръ. Однако, этотъ указъ далъ сильный толчекъ общественной мысли, и одинъ умный наблюдатель провинціальной жизни въ центральной Россіи писалъ въ концѣ 40-хъ годовъ, что со времени закона объ обязанныхъ крестьянахъ нѣкоторые помѣщики стали заниматься составленіемъ проектовъ объ освобожденіи крѣпостныхъ — по губерніямъ или во всемъ государствѣ, проекты читались пріятелямъ и знакомымъ: «толковъ и разказовъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе». Въ это время Киселевъ былъ единственнымъ лицомъ въ администраціи, на котораго могли возлагать надежды враги крѣпостнаго права: одни письменно выражали ему свое сочувствіе, другіе обращались къ нему за совѣтомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мы имѣли случай указать на обмѣнъ мнѣній въ смоленскомъ

дворянствѣ, возбужденный обращеніемъ къ нему въ 1847 Императора Николая, изложили и проекты нѣкоторыхъ тульскихъ дворянъ 1844 и 1847 гг. Даже еще въ 1848 г. Императоръ Николай находилъ нужнымъ поставить на видъ петербургскимъ дворянамъ, что въ ихъ сословіи немало дурныхъ помѣщиковъ, что ради собственного интереса они должны заботиться о государственіи своихъ крѣпостныхъ, и просилъ ихъ доводить свѣдѣнія правительства о лицахъ безнравственныхъ и вредныхъ. Хотя тутъ же Императоръ Николай рѣшительно опровергалъ слухи о предстоящей эмансипаціи, но, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ словъ Государя, или подъ влияніемъ носившихся въ воздухѣ стремленій къ ограниченію крѣпостнаго права, которыя обнаруживались и среди нѣкоторыхъ представителей дворянства другихъ губерній, въ трехъ уѣздахъ Петербургской губерніи у дворянъ явилась мысль объ устройствѣ быта крестьянъ и о точномъ опредѣленіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Въ Царскосельскомъ уѣздѣ подъ влияніемъ предводителя дворянства тонова, въ Ямбургскомъ — предводителя Фридерикса и покойнаго Веймарна, Роткирха и въ С.-Петербургскомъ — Безобразова составлены были предположенія объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, «конечно, больше въ пользу владѣльцевъ, какъ свидѣтельствуется лицо, знакомое съ этимъ дѣломъ»), предположенія эти, еще прежде нежели ихъ представили въ министерство внутреннихъ дѣлъ, были отклонены и остались безъ послѣдствій. Такъ какъ это было еще въ министерство графа Ровскаго, то, слѣдовательно, это случилось до половины 1850 г.

Въ началѣ 50 годовъ отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву считалось уже признакомъ опаснаго либерализма, какъ это видно изъ дѣла помѣщика Селиванова. Передъ выѣздомъ за границу онъ отпустилъ своихъ крестьянъ (Пензенской губерніи) на вѣчный оброкъ, лишивъ себя права увеличить его, какъ бы ни увеличилось народонаселеніе вотчины; письменное условіе объ этомъ оброкѣ, съ отдачею имъ всей земли въ пользованіе (1200 дес. на 250 душъ), было заключено крестьянами совершенно свободно чрезъ ихъ избранныхъ посредствъ

*) Предположенія по Ямбургскому уѣзду были подписаны гр. Нессельродомъ, Адлербергомъ, сенаторомъ Веймарномъ и другими знатными лицами. Напоминаніе среди дворянства Петербургской губерніи еще при Александрѣ I явилась мысль ограниченія крѣпостнаго права, а среди ямбургскихъ дворянъ и ранѣе — при Павлѣ II.

баллотировки шарами. Послѣ этого помѣщикъ продалъ весь запасный хлѣбъ и отправился въ Парижъ, но долженъ былъ вернуться оттуда прежде нежели предполагалъ, такъ какъ крестьяне отказались платить оброкъ вслѣдствіе неурожая. Приѣхавъ въ деревню и не имѣя запаснаго хлѣба, Селивановъ видѣлъ нужду крестьянъ, но не могъ имъ помочь; это причинило ему много горя, и тутъ-то онъ набросалъ (въ 1850 г.) то недоконченное письмо къ Бавелину о тяжеломъ, отвѣтственномъ положеніи помѣщика, о которомъ мы упоминали въ XIII главѣ; брошенное имъ въ корзину, оно попало въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и послѣ ареста Селиванова, по доносу губернатора Панчулидзева, послужило одною изъ главныхъ противъ него уликъ.

— Почему вы находите, что положеніе помѣщика дурно?— спросилъ его Дубельтъ.

— Потому что нравственная отвѣтственность слишкомъ велика.

— Эти вздоры натолкованы вамъ м....ми, подобными Багуину, Герцену *) и другими,—закричалъ Дубельтъ.

На другой день Селивановъ получилъ письменные вопросы, гдѣ его спрашивали: какъ онъ смотритъ на крѣпостное состояніе вообще, на отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ и т. п.? Селивановъ отвѣчалъ, что считаетъ крѣпостное право большимъ зломъ, а на вопросъ объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ написалъ, что его личныя отношенія къ нимъ лучше всего можно видѣть изъ того, что въ продолженіе десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ деревнѣ, онъ ухаживалъ постоянно за крестьянами во время болѣзни, въ случаѣ надобности пускалъ имъ кровь, присутствовалъ при родахъ женщинъ, когда они были трудны и помощь деревенской бабки оказывалась безсильною, самъ перевязывалъ раны больнымъ и проч. Селивановъ полагаетъ, что отвѣтъ этотъ ему особенно повредилъ; какъ бы то ни было, за превратный образъ мыслей, будто бы выразившійся въ его частной перепискѣ и литературныхъ сочиненіяхъ (причемъ его повѣсти былъ приданъ совершенно обратный смыслъ), ему пришлось отправиться въ Вятку.

Селивановъ, какъ мы видѣли, десять лѣтъ провелъ въ деревнѣ и всѣми силами старался быть полезнымъ крестьянамъ.

*) Селивановъ познакомился съ ними въ Парижѣ.

Такия личности, конечно, были меньшинствомъ среди помѣиковъ, но что онѣ, все-таки, существовали, подтверждается и дѣтельностью другаго рода: мы имѣемъ въ виду произведение Л. Н. Толстаго *Утро помѣщика* — написанный въ 1852 отрывокъ изъ неоконченнаго романа *Русскій помѣщикъ*, авторъ художественно обрисовываетъ намъ дѣятельность и стремленія людей, которые пытались, не давая свободы крестьянамъ быть имъ по возможности полезными своимъ личнымъ влияніемъ и матеріальною помощью.

Герой повѣсти, кн. Нехлюдовъ, студентъ III курса, приходитъ лѣтомъ въ свое помѣстье, и тутъ ему приходится въ силу, что онъ долженъ посвятить всю жизнь своимъ крестьянамъ *). Въ письмѣ, которымъ онъ извѣщаетъ свою тетушку принятомъ имъ рѣшеніемъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Не ли священная и прямая обязанность заботиться о счастьи этихъ семи сотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ стариковъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ? дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, близкая и ближайшая обязанность?» Задача, однако, оказывалась гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось кн. Нехлову **).

Авторъ рисуетъ намъ времяпрепровожденіе помѣщика въ утро воскреснаго дня, назначеннаго для приѣма просителей, осмотра хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для подаенія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье.

*) „Дѣйствовать на этотъ простой, неспорченный классъ народа, — мечтаетъ Нехлюдовъ, — избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образъ жизни, которымъ пользуется онъ самъ, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Я дамъ имъ распоряженія, дамъ общія справедливыя пособія, завозу ферму, сберегающую капиталъ, мастерскія и т. д.“

**) Вотъ при какихъ условіяхъ началась дѣятельность молодого помѣщика: въ дѣдѣ, строгомъ хозяинѣ, жившемъ постоянно въ деревнѣ, крестьяне пользовались вѣстнымъ благосостояніемъ, но отецъ героя повѣсти жилъ все въ Москвѣ, крѣпко почти и не видалъ его, а имѣніемъ завѣдывалъ управляющій, требовавшій исполненія повинностей, но не входившій въ положеніе мужиковъ; въ это время, несмотря на то, что увеличена была подушная подать, стали больше собирать помѣщика стоговаго запаса, который приходилось еще отвозить въ Москву, и въ это время уменьшили количество крестьянскихъ земель, отрѣзавъ на господина дворянина воженные участки. Еще хуже пришлось крестьянамъ во время опекунскаго управленія по смерти отца кн. Нехлюдова: часть ихъ совершенно разорилась, такъ что они не могли стѣновать и суровыя наказанія, отъ которыхъ не избавлялись и старики.

ченъе и «долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать». Впрочемъ, рѣшеніе міра требовалось не относительно всякаго рода помощи: для исправленія крестьянскаго строенія помѣщикъ выдѣлилъ особый заказной лѣсъ, который и отдалъ въ распоряженіе міра, но помощь деньгами и хлѣбомъ выдавалась по усмотрѣнію господина. Въ теченіе года, протекшаго со времени поселенія кн. Нехлюдова въ деревнѣ, онъ завелъ больницу, а также, стремясь къ осуществленію своей мечты объ усовершенствованіи крестьянскаго хозяйства, построилъ на хуторѣ каменные герардовскія избы и предполагалъ ввести тамъ порядки, совершенно отличные отъ нашего поземельнаго строя; но рядомъ съ этою иноземною затѣей остается въ полной неприкосновенности барщина на господина и болѣе льготной для крестьянъ оброчной системѣ молодой помѣщикъ, видимо, не симпатизируетъ; количество пахотной земли и луговъ у крестьянъ также не было увеличено и они жалуются на малоземелье. Первое посѣщеніе кн. Нехлюдова въ описываемое утро приходится на долю трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина, но совершенно разореннаго при прежнемъ управленіи вотчины, а поправиться онъ не можетъ, такъ какъ при нѣсколькихъ маленькихъ дѣтяхъ онъ одинъ работникъ въ хозяйствѣ. Его избѣнка почти совершенно сгнила и развалилась, такъ что упавшее съ потолка бревно чуть не убило его жену, она совершенно больна, но въ больницу не обращается, потому что все недосугъ: «и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна!» Вотъ этого-то крестьянина кн. Нехлюдовъ думаетъ, прежде всего, облагодѣтельствовать каменными герардовскими избами на новомъ хуторѣ, предлагая разоренному, несчастному мужику отдать *въ долив* готовую избу «за свою цѣну» и нарѣзать огороды и пахотныя земли непосредственно подлѣ усадьбы, — словомъ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ по нѣмецкому образцу. Но предложеніе это встрѣчаетъ рѣшительный протестъ со стороны крестьянина *), и его жена бросается барину въ ноги съ просьбою оставить ихъ на прежнемъ

*) „Какая же тамъ жизнь?—говоритъ онъ барину.— Ты посуди: мѣсто нежильное, вода неизвестная, выгона нѣтутя. Конопляники здѣсь у насъ ископи навозные, а тамъ что? Да и что тамъ? Голь! Ни плетней, ни овинновъ, ни сараевъ, ничего нѣтутя. Разоримся мы, ваше сіятельство, коли насъ туда погонишь, въ конецъ разоримся!... Здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное, и дорога, и прудъ тебѣ, бывъе что ли бабѣ стирать, скотину ли поить—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ ископи заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы—вотъ что мои родители сажали... Не слоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка!“

мѣстѣ. Приходится на этотъ разъ отказаться отъ приступа къ постепенному расселенію крестьянъ. Этому мужику, очевидно, могло бы помочь не переселеніе, а снятіе съ него тягла: его мучаетъ грыжа, ему давно «въ старики пора»; но, по заведенному правилу, «коли землей владать, то и барщину править надо, ужь порядки извѣстные, а ему не на кого въ своей семьѣ сложить тягла, а тутъ еще баринъ требуетъ въ училище старшаго семилѣтняго мальчугана, который, все-таки, помогаетъ и скотину загнать, и лошадей напоить. Господинъ не додумывается до мысли, что въ этомъ случаѣ необходимо снятіе тягла съ сохраненіемъ права на земельный надѣлъ; нельзя предположить, чтобы его останавливало при этомъ опасеніе посягнуть на старинные поземельные порядки, выработанные крестьянскою общиной, такъ какъ онъ желаетъ ихъ нарушить устройствомъ своего хутора. Наконецъ, если бы господинъ не хотѣлъ предоставлять пользованія крестьянскою землей мужику, не несущему барщины, то развѣ не могла бы послужить для этой цѣли часть тѣхъ унавоженныхъ надѣловъ, которые были отрѣзаны въ пользу господской экономіи при отцѣ помѣщика? Но объ этомъ ничего не сказано въ *Maison rustique*, книжкѣ, изъ которой кн. Нехлюдовъ въ значительной степени черпаетъ свои хозяйственные свѣдѣнія, и онъ не придумываетъ ничего другаго, какъ только дать крестьянину денегъ для покупки коровы, которой, впрочемъ, нечѣмъ будетъ кормить, потому что у несчастнаго мужика нѣтъ даже соломы. При посѣщеніи другой избы господину приходится имѣть дѣло съ празднымъ, лживымъ мужикомъ, не желающимъ трудиться, съ которымъ ничего не подѣлаешь и которому приходится грозить отдачею въ солдаты или ссылкой на поселеніе; и тутъ остается только дать денегъ на хлѣбъ матери этого лѣнтяя. Слѣдующій затѣмъ мужикъ—какой-то несчастный, съ болѣзненною полнотою, съ болѣзненною сонливостію и инертностію. Тутъ мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ субъектомъ совершенно нездоровымъ, но изъ воспоминаній очевидцевъ послѣднихъ годовъ крѣпостнаго права извѣстно, что бывали случаи совершеннаго отупѣнія (подъ вліяніемъ помѣщичьяго управленія) даже цѣлой вотчины *). Кн. Нехлюдовъ долго недоумѣваетъ, что дѣлать съ болѣзненнымъ крестьяниномъ; просьба матери мужика женить его оказывается неудобноисполнимою, такъ какъ никто не пойдетъ

*) См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1885 г., № 10, статью г. Рѣшетова: *Эпизоды при введеніи положенія 19 февраля 1861 г.*, стр. 278—282.

него замужъ, а принужденія въ такомъ дѣлѣ помѣщикъ достить не желаетъ; наконецъ, Нехлюдовъ рѣшаетъ, что нужно ять его во дворъ, самому наблюдать за нимъ и кротостью, обещаніями и выборомъ занятій приучать къ работѣ и исправлять его; но едва ли и эта попытка можетъ увѣнчаться успѣхъ. Последнее посѣщеніе — къ самому богатому мужику его отчины — разрушаетъ еще одну мечту кн. Нехлюдова: онъ хотѣлъ, чтобъ этотъ мужикъ нанялъ у него землю и завелъ свое обое хозяйство; дѣло идетъ, слѣдовательно, объ устройствѣ крестьянской образцовой фермы; кромѣ того, помѣщикъ желаетъ, чтобы крестьянинъ купилъ пополамъ съ нимъ рошу въ канномъ лѣсу, но тотъ рѣшительно отказывается, клянясь, что у него нѣтъ денегъ; но истинную причину объясняетъ помѣщику о кормилица *). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что голая жизнь въ деревнѣ кн. Нехлюдова не могла поборотъ станинаго недоувѣрія крестьянъ къ господину, недоувѣрія, совершенно понятнаго и законнаго послѣ долгихъ годовъ помѣщичьяго гета. Неприятное впечатлѣніе этого утра окончательно разрушаетъ планы кн. Нехлюдова относительно его деревенской дѣельности: «Развѣ богаче стали мои мужики, — въ отчаяніи спрашиваетъ онъ себя, — образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предвѣянтіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недоувѣріе, беспомощность, я даромъ трачу лучшие годы жизни, — подумалъ онъ и ему вспомнилось, что... денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось, что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху ужиговъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ... пустили въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ проерочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предвѣянтіями».

Такимъ образомъ, попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ быть полезными своимъ крестьянамъ непосредственною дѣятельностью въ деревнѣ оказываются неудачными, частью вслѣдствіе трудности

*) „Да какъ же можно, батюшка, — говоритъ она, — мужику господскому свои деньги объявлять? Неровень случай, и всѣхъ денегъ рѣшишься! Вотъ съ дворникомъ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ-жь ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; съ помѣщикомъ-то ужъ вовсе квитъ какъ разъ будешь“.

исправить все зло, созданное предъидущими поколѣніями, частью вълѣдствіе ихъ собственнаго неумѣнья взяться за дѣло. Мы не считаемъ себя въ правѣ придавать этому разсказу графа Л. Н. Толстаго автобіографическаго значенія *), но и данныя изъ жизни знаменитаго автора этой повѣсти приводятъ къ печальному выводу о несостоятельности той части интеллигенціи, которая со знала неправильность своихъ отношеній къ крестьянамъ, но думала исправить зло не освобожденіемъ своихъ крестьянъ на такихъ условіяхъ, чтобы имъ не приходилось жаловаться на малоземелье, а лишь нѣкоторымъ улучшеніемъ ихъ быта. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій (*Такъ что-жь намъ дѣлать?*) гр. Л. Н. Толстой говоритъ: «Когда я былъ рабовладѣльцемъ и понималъ безнравственность своего положенія, я старался избавиться отъ него. Избавленіе же мое состояло въ томъ, что я старался какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало». Сравнимъ это заявленіе автора съ показаніями, данными въ 1859 г. имъ самимъ или, быть можетъ, его управляющимъ, по требованію редакціонныхъ комиссій.

Въ извѣстномъ имѣніи гр. Л. Н. Толстаго, сельцѣ Яснои Полянѣ съ деревнями, Брапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, было въ то время 204 души крестьянъ мужскаго пола и 41 душа мужскаго пола дворовыхъ. Крестьяне были на оброкѣ и платили по 30 руб. съ тигла; удобной земли на душу они имѣли по 2,82 дес. Сами по себѣ эти цифры не даютъ еще полнаго понятія о положеніи крестьянъ гр. Толстаго; но оно дѣлается для насъ болѣе яснымъ, если мы сравнимъ его съ данными относительно другихъ помѣщичьихъ имѣній этого уѣзда (выше 100 душъ). Оказывается, что по размѣру надѣла имѣніе гр. Толстаго принадлежало къ среднимъ **), но по величинѣ оброка было выше средняго уровня: изъ 25 имѣній этого уѣзда, въполнѣ или частью

*) Выйдя со втораго курса юридическаго факультета, гр. Л. Н. Толстой прожилъ вторую половину сороковыхъ годовъ въ доставшейся ему по раздѣлу деревнѣ Яснои Полянѣ (отецъ его умеръ въ 1837 году и съ того времени до раздѣла имѣніе находилось въ опекуновскомъ управленіи). Въ 1851 году гр. Л. Н. уѣхалъ на Кавказъ и тамъ въ 1852 г. написалъ *Утро помѣщика*.

**) Изъ четырнадцати оброчныхъ имѣній выше 100 душъ, относительно которыхъ мы имѣемъ данныя о размѣрѣ надѣла, въ трехъ имѣніяхъ приходилось отъ 2,02 до 2,36 дес. на душу, въ пяти отъ 2,62 до 2,97 дес., въ четырехъ отъ 3,03 до 3,29, въ одномъ—4,25 и въ одномъ—5,64 дес.

бывшихъ на оброкѣ и въ которыхъ намъ извѣстенъ его размѣръ, въ 17 оброкѣ былъ ниже, а именно отъ 13 до 25 руб. съ тягла, въ двухъ онъ измѣнился отъ 20 до 30 руб. съ тягла, въ четырехъ (въ томъ числѣ и Ясной Полянѣ) равнялся 30 руб. и только въ двухъ былъ выше (33 и 35 руб.). Не слѣдуетъ думать, что низшіе оброки всегда совпадаютъ съ меньшимъ размѣромъ надѣла: въ одномъ изъ имѣній, гдѣ крестьяне платили всего по 13 руб. съ тягла, они имѣли по 3,04 дес. на душу, т.-е. болѣе чѣмъ у гр. Толстаго, въ другомъ, гдѣ платили по 14 руб. 30 коп. съ тягла, имъ было отведено даже по 4,58 дес. на душу. Такимъ образомъ, огромный оброкъ въ имѣніи гр. Толстаго не можетъ быть извиняемъ размѣрами надѣла, а прибавить земли было изъ чего, такъ какъ за помѣщикомъ оставалось ея столько, что при отводѣ всей ея крестьянамъ пришлось бы еще по 3,55 дес. на душу. Правда, въ большинствѣ случаевъ, но не всегда, въ имѣніяхъ съ меньшимъ оброкомъ сверхъ него отбывались крестьянами еще нѣкоторыя натуральныя повинности *), однако, если и припятъ это во вниманіе, то, все-таки, гр. Толстой не имѣетъ права сказать, что онъ «старался какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ владѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало». Быть можетъ, онъ желаетъ указать этимъ на то, что онъ отпустилъ крестьянъ на оброкъ, а не требовалъ ихъ, какъ герой его повѣсти кн. Нехлюдовъ, на барщину, но зачѣмъ же, все-таки, такой большой оброкъ? (гр. Толстой, очевидно, не признавалъ еще тогда деньги столь вредными, какъ теперь). Или, можетъ быть, владѣлецъ Ясной Поляны назначилъ такой оброкъ, чтобы, подобно Нехлюдову, помогать нуждающимся крестьянамъ? Но въ такомъ случаѣ онъ напоминаетъ того же Нехлюдова, который думалъ помочь крестьянину переселеніемъ въ каменную избу, но, въ то же время, не избавилъ его отъ барщины, несмотря на тяжелую болѣзнь. Какъ бы то ни было, этотъ фактъ только подтверждаетъ нашу мысль о неумѣнн той части интеллигенціи, которая собиралась улучшить положеніе крестьянъ, не давая имъ свободы, рѣшить заданную ими себѣ задачу. Будь это теперь, гр. Толстой, быть можетъ, ради утѣшенія своихъ вѣрнопостныхъ, предъявилъ бы имъ свою теорію непротивленія злу, которое онъ олицетворялъ въ своемъ лицѣ

*) *Примеченія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій.* Т. IV, Тульская губернія, стр. 44—45, V, 185.

какъ помѣщикъ, но тогда онъ, вѣроятно, не додумался еще до этой теоріи, а стараній его избавиться «отъ безнравственнаго положенія рабовладѣльца» мы, гдѣ сожалѣнію, не усматриваемъ. Мы видимъ, что многіе славянофилы оправдывали свое нежеланіе освободить крестьянъ софизмомъ, что подъ управленіемъ казенныхъ чиновниковъ ихъ положеніе будто бы могло ухудшиться; не знаемъ, чѣмъ оправдывалъ себя гр. Толстой *).

Въ другомъ имѣніи гр. Л. Н. Толстаго, Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи, которымъ онъ владѣлъ не одинъ, а вмѣстѣ съ двумя братьями, мы также не видимъ особыхъ стараній объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ: здѣсь крестьяне *состояли на барщинѣ* и, притомъ, имѣли всего по 1,26 дес. удобной земли на душу и еще по 3 воза сѣна на тягло; въ томъ числѣ пахотной земли числилось всего по 1,09 дес. на душу, что было значительно ниже средняго уровня издѣльныхъ имѣній этого уѣзда **).

И такъ, мы видимъ, что даже лица, прекрасно понимавшія все безобразіе крѣпостнаго права, не только не освобождали своихъ крестьянъ, но даже заставляли ихъ нести весьма обременительныя повинности; крестьянамъ оставалось только надѣяться, что освобожденіе это будетъ произведено правительствомъ на основаніи для всѣхъ обязательнаго закона, а не предоставлено усмотрѣнію помѣщиковъ, которые остались глухи къ вызову, сдѣланному имъ указомъ 2 апрѣля 1842 г.

И въ этой, и въ нѣкоторыхъ изъ предшествующихъ главъ нашего труда намъ приходилось съ прискорбіемъ отмѣчать противорѣчіе между словомъ и дѣломъ у многихъ выдающихся дѣятелей сороковыхъ и первой половины пятидесятихъ годовъ. Были, однако, люди, которые умѣли проводить въ жизнь свои взгляды и при этомъ съ величайшею скромностью скрывали ото всѣхъ самые великодушные свои поступки. Такою замѣчательною личностью былъ Д. П. Журавскій, служившій въ Кіевѣ въ 1845 году до своей смерти въ 1856 году и занимавшійся статистическими трудами. Въ 1855 году онъ составилъ проектъ учреж-

*) Въ *Исповѣди* гр. Л. Н. говоритъ, что онъ „проигрывалъ въ карты или подалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ“. (*Православное Обзоріе* 1886 г., № 1, стр. 146).

**) Въ сорока четырехъ такихъ имѣніяхъ было у крестьянъ *пахотной* земли въ одномъ по 0,94 дес. на душу, въ тринадцати отъ 1—1,45 дес., а во всѣхъ остальныхъ отъ 1,5 до 3,27 дес., слѣдовательно, въ громадномъ большинствѣ имѣній крестьяне имѣли болѣе пахотной земли, чѣмъ въ имѣніи Толстыхъ. *Приложеніе къ трудамъ редакціонной комиссіи*. Т. I, Курская губернія, стр. 54 и 55, V, 289.

денія общества для выкупа дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ имѣніямъ, но не ограничился, какъ многіе другіе, однимъ проектомъ. Только по смерти его изъ оставленнаго имъ завѣщанія душеприбавчики узнали, что, живя въ высшей степени скромно съ женою, вполнѣ раздѣлявшею его образъ мыслей, отказывая себѣ во многомъ, онъ откладывалъ, что могъ, изъ своихъ скудныхъ доходовъ и *употреблялъ сбереженія на выкупъ дворовыхъ людей*; такимъ образомъ ему удалось освободить болѣе десяти семействъ. Онъ опредѣлилъ въ завѣщаніи, чтобы весь накопленный имъ капиталъ и все небольшое состояніе были употреблены по смерти его жены на основаніе проектированнаго имъ общества для выкупа дворовыхъ людей, а если оно не состоится, то на выкупъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ. За гробомъ его шло нѣсколько бѣдныхъ людей въ слезахъ; по разпросамъ оказалось, что это были выкупленные имъ крѣпостные. Миръ праху твоему, праведникъ! Какъ-то легче становится на сердцѣ, когда узнаешь, что были такіе люди!

В. Семецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Когда въ душѣ тревога и сомнѣнья,
Когда ее томить страданья гнѣтъ, —
Былыхъ страстей ей чужды увлеченья,
Мольба любви въ ней эхо не найдетъ...

Могучій дубъ, сраженный непогодой,
Къ землѣ сырой безпомощно приникъ;
Не можетъ онъ ликующей природы
Понять, какъ прежде, пламенный языкъ.

Пришла весна съ улыбкою привѣта,
Исполнена и свѣта, и тепла,
Но отъ него ей не слышать отвѣта:
Не для него волшебница пришла.

П. Козловъ.

К Л И Т И Я *).

Историческая повѣсть изъ временъ реформаци.

Тейлора (профессора Гаусрата).

ГЛАВА XXIV.

Послѣ происшествія у дома баптиста въ Брейцгрундѣ магистръ Паоло, точно во снѣ, направился къ лѣсу и скрылся среди высокихъ деревьевъ. Да, это не игра его мрачно-разстроеннаго воображенія, а чистая правда: справедливая, но грубая рука сдернула покрывало съ тщательно скрываемой имъ душевной тайны, и онъ очутился передъ людьми, считавшими его за полусвятаго, уличеннымъ преступникомъ, совратителемъ дѣвушки, фигляромъ, злоупотребляющимъ святыней для удовлетворенія своихъ желаній. Судьба арестованной колдуньи, ожидающей сожженія на кострѣ, показалась ему завидной въ сравненіи съ его положеніемъ; даже сама погибшая старуха признавала это: такъ злорадно блестяли ея глаза, когда она громко выдала его тайну. Этотъ еретикъ и перекрещенецъ поступилъ съ нимъ какъ съ жалкимъ грѣшникомъ, и онъ долженъ былъ молчать. Его благодѣтель Эрастъ упалъ на его глазахъ, будто пораженный предательскою стрѣлой, пущенной имъ въ спину человѣку, только дѣлавшему ему добро.

— О, Боже, — шепталъ онъ, бродя среди кустарниковъ и терновниковъ, — я не хотѣлъ этого. Ты свидѣтель, я никому не хотѣлъ дѣлать зла. Мрачное колдовство погубило и меня, и ее.

Какъ будто спасаясь отъ собственныхъ мыслей, онъ, задыхаясь, взбѣжалъ на гору. «Колдовство!» — говорилъ ему духъ са-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

мообличенія. Колдовство ли это? Развѣ не могла колдунья жечь въ немъ адскій огонь, пожирающій всё его хорошія денія? Или, можетъ быть, эта прелестная дѣвушка создана таны, чтобы съ ея помощью совратить съ пути истиннаго опіиумъ Венеціанской коллегіи? Кто же, какъ не сатана, вну ему безразсудную мысль позвать Лидію на проклятое мѣсто, онъ могъ бы встрѣтиться съ ней въ тысячѣ другихъ мѣстъ какимъ образомъ могла Лидія послѣдовать его приглашенію ей дѣйствительно, какъ сказала колдунья, хорошо знакомъ терманъ? И откуда у нея эта неземная красота? О, онъ понялъ, отчего его сердце горѣло въ этомъ пламени онъ сейчасъ же насмѣшливо засмѣялся: «А дочь шута изъ тинницы «Оленя» тоже колдунья? а дѣвушки въ капелль?» слѣдуемый этими мыслями, онъ дошелъ до одинокой тропы въ изнеможеніи опустился на придорожный пенъ. Склонивъ голову на руки, онъ задумчиво смотрѣлъ впередъ.

— Меня околдовали, околдовали!—громко простоналъ онъ.

— Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собольной похотью,—раздался около него чей-то строгій голосъ.

Испуганный бѣглець вскочилъ въ ужасъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ баптистъ. Священникъ изумленно смотрѣлъ въ лицо страшнаго еретика. Но тотъ спокойно продолжалъ:

— Похоть рождаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть.

Юноша закрылъ руками блѣдное лицо и сѣлъ на пенъ, сдвинувъ голову передъ удивительнымъ старцемъ.

— Мнѣ жаль васъ, магистръ Лауренцано,—продолжалъ баптистъ,—я всегда считалъ васъ за хорошаго человѣка, можете при вашихъ большихъ дарованіяхъ, сдѣлать много добра на сѣбѣ Господу Богу, если бы вы сбросили съ себя ясу, обвиняющую васъ, какъ змѣя, и если бы у васъ хватило смѣлости стряхнуть съ себя всё мрачныя клятвы, опутывающія васъ. Проститесь папистами, женитесь, такъ какъ не чувствуете склонности монашеству, и живите себѣ по добру по здорову работой вашихъ рукъ или дарованіями вашей головы.

Лауренцано мрачно покачалъ головой и изъ его груди вырвалось подавленное рыданіе.

— Мнѣ нельзя медлить,—продолжалъ старикъ,—да и не выходитъ хорошаго, когда мужчины плачутъ. Поднятые и противъ меня сыщики, можетъ быть, уже напали на мой слѣдъ.

и мой мальчикъ ждетъ меня наверху. Но вотъ что я вамъ скажу: если, вслѣдствіе безсмысленнаго обвиненія Сивиллы, дочери Эраста будетъ угрожать опасность, то вы явитесь и объявите судьямъ, что бѣдное дитя искало наверху не сатану, а васъ, своего учителя, проповѣдника и пастыря. Если вы не рѣшитесь на это, то отвѣтите Богу въ страшный день суда; во вторыхъ, всѣ мы плоть и кровь и никто не долженъ осуждать другаго, но если вы останетесь въ этой рясы, то помните о своихъ обязанностяхъ лучше, чѣмъ въ монастырѣ, и подумайте о словахъ: «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской». А затѣмъ прощайте!

Паоло поднялъ голову, но около него никого уже не было. Являлся ли ему ангелъ-хранитель въ одеждѣ еретика, или этому сыну дьявола дана способность читать въ его сердцѣ и угадывать самыя сокровенныя мысли? Этотъ мужикъ грубою рукой сорвалъ покрывало, которымъ онъ хотѣлъ прикрыть свой позоръ, и отдернулъ занавѣсъ, скрывающій его преступленія, и теперь онъ стоялъ передъ самимъ собой жалкимъ грѣшникомъ, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Дальше нечего говорить и оправдываться. Онъ уличенъ. Глубоко вздохнувъ, онъ поднялся, вытеръ лицо, чтобы никто не видалъ, что онъ плакалъ, и, сильно страдая, пошелъ между высокими дубами и буками по лежащей передъ нимъ дорогѣ. Что ему дѣлать теперь? Явиться ли ему опять внизъ къ людямъ, знающимъ его позоръ и указывающимъ на него пальцемъ? Бѣжать ли ему снова въ Шпейеръ и въ тишинѣ церкви подвергнуть себя снова экзерциціямъ, давшимъ ему покой на двѣ недѣли? Въ это время онъ стоялъ при входѣ въ деревню, на берегу глубокаго пруда, изъ котораго уже было вытащено не одно молодое существо, предпочитавшее смерть скамѣ подсудимыхъ и церковному отлученію.

«Тому лучше было бы, если бы его потопили», — сказалъ тотъ человѣкъ въ лѣсу.

Паоло безсмысленно смотрѣлъ въ глубокое темное зеркало.

— Ему лучше было бы, — шепталъ онъ, — лучше, гораздо лучше.

Вотъ онъ дастъ только пройти мимо этой маленькой дѣвочки, бѣгущей изъ деревни, и тогда послѣдуетъ совѣту баптиста.

«Вѣдь, будутъ еще и еще несчастія, такъ что лучше, лучше разомъ».

Ему весело подбѣжала дѣвочка, спустившаяся по дороге.

— Ахъ, г. проповѣдникъ, — вскричала она, — какъ хорошо, что вы здѣсь. У мамы опять началась лихорадка; она плачетъ и проситъ насъ пойти за священникомъ, чтобы тотъ помолился съ ней.

Дѣвочка схватила его за руку и потащила за собой къ деревнѣ. Онъ машинально послѣдовалъ за ней до маленькой темной избушки.

— О, г. проповѣдникъ, — послышалось изъ тѣсной комнаты, — теперь все пойдетъ хорошо.

Высокій, блѣдный мужчина склонился у ногъ больной и началъ молитву:

«Господь не хочетъ смерти грѣшника, но хочетъ, чтобы онъ отвратился отъ своей безбожной жизни и жилъ».

Онъ высказалъ передъ Господомъ свои страданія. Обращаясь къ несчастной больной, онъ говорилъ самому себѣ, что милость Божья безбрежна, какъ воды океана, и что Онъ подставляетъ почву подъ наши ноги тогда, когда мы думаемъ, что уже погружаемся въ бездну. Кончивъ, Паоло немного успокоился, посидѣлъ недолго около больной и тихонько удалился, чтобы принести необходимыя лѣкарства и посмотреть другихъ больныхъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ горячей, заставляющей забывать о самомъ себѣ работы, при прохладномъ дуновеніи вѣчерняго вѣтерка и ясномъ свѣтѣ мѣсяца, высоко поднявшагося надъ Таненбергомъ, Паоло явилась успокоительная мысль, что мы искупаемъ наши грѣхи не въ часы мучительнаго раскаянія и бессонныхъ ночей, но въ живой дѣятельности челоуколюбія и въ заботахъ о благосостояніи другихъ, залечивая болѣе ранъ, чѣмъ сколько нанесено нами.

Въ такомъ горячемъ, неутомимомъ исполненіи долга провелъ Паоло нѣсколько дней, хотя не очень радостныхъ, но болѣе спокойныхъ, чѣмъ предъидущіе, какъ вдругъ посланіе изъ города подняло въ немъ снова всѣ муки совѣсти. Черезъ сельскаго старосту онъ получилъ приглашеніе въ первый день слѣдующей недѣли явиться въ канцелярію курфюрста, гдѣ онъ, какъ давнишній другъ дома Эраста, долженъ дать показанія начальнику полиціи о томъ, что извѣстно ему объ отношеніяхъ бывшаго курфюрст-

го совѣтника къ проповѣднику Нейсеру и къ другимъ ариатамъ, а также о томъ, что извѣстно ему объ образѣ мыслей и еденіи дѣвицы Лидіи Эрасть, такъ какъ все это необходимо слѣдствія по обвиненію ея въ колдовствѣ.

Исчезло съ трудомъ пріобрѣтенное спокойствіе; весь стыдъ позоръ, который обрушится на него при слѣдствіи, не мучилъ такъ, какъ страхъ, что онъ станетъ виновникомъ ужаснаго казни этого предестнаго, невиннаго созданія. Слишкомъ хою извѣстно ему было рѣшеніе суда, угрожающее Лидіи, бы онъ хоть на минуту могъ перестать думать о немъ. Ни опожертвованіе, ни горячая молитва съ прихожанами въ церкви, ни въ своей комнатѣ не могли прогнать этого призрака, и емѣна, происшедшая въ проповѣдникѣ, бросилась въ глаза е людямъ, прежде горячо преданнымъ ему. Быстро распрострся слухъ о происшествіи въ Крейцгрундѣ, и когда онъ въ лѣднее воскресеніе передъ своимъ уходомъ сказалъ прихожагь нѣсколько теплыхъ, прощальныхъ словъ, то замѣтилъ въ шаталяхъ скорѣе недовѣріе, чѣмъ воспоминаніе о сдѣланномъ добрѣ; когда послѣ обѣда онъ пошелъ проститься съ больки, то въ большинствѣ домовъ встрѣчалъ односложную благоность и холодное прощаніе, такъ какъ женщины передавали гь другу на ухо, что онъ совершилъ свое чудо съ помощью вода и теперь смущенъ оттого, что въ одну изъ этихъ ночей ему являлся дьяволъ, требуя проданную ему душу пропоника. Его охватило чувство безконечной горечи. Развѣ онъ бодрствовалъ надъ этими людьми какъ ангель-хранитель? Разне его мудрость спасла ихъ, когда они безумствовали друггивъ друга? Не его ли любовь охраняла ихъ, когда они спане его ли самопожертвованіе поддерживало ихъ, когда они али духомъ?

И вотъ въ видѣ благодарности они шепчуть: «Дьяволъ помоь ему!» Но на самомъ дѣлѣ кто внушилъ ему дѣлать чудеса? обныя мысли волновали его утомленную голову въ эту послѣдю ночь, когда онъ, не находя сна, метался на своей кровати, огда потомъ съ восходомъ солнца одинъ никѣмъ не провожаеі пошелъ по дорогѣ къ Гейдельбергу. Но если онъ рассчитывалъ одинокій путь, то ошибся. Въ лѣсу его то и дѣло обгоняли ппы поселянъ, торопившихся въ городъ. Вѣроятно, тамъ готося какое-нибудь любопытное зрѣлище, потому что крестьяне шили обогнать другъ друга и изъ ихъ разговора Лауренцано

понялъ, что они спорятъ о томъ, съ какого мѣста лучше го будетъ видно. Имъ овладѣлъ сильнѣйшій страхъ, что идетъ о казни Лиди. Мучимый страшными предчувствіями, также ускорялъ шаги, но не рѣшался спросить кого-нибудь пѣшеходовъ, что происходитъ въ Гейдельбергѣ, боясь, что засмѣется ему въ лицо и скажетъ: «Кому лучше это и какъ не тебѣ, дьявольскій священникъ?» Тутъ онъ замѣтилъ что сзади него идетъ высокая, темная фигура и все время жится не въ далекомъ отъ него разстояніи. Если онъ шелъ быстро, то и незнакомецъ ускорялъ шаги, если шелъ медленнее, то и тотъ приостанавливался. Паоло нѣсколько разъ обивался на незнакомца и увидѣлъ господина, одѣтаго въ черную шапочку и съ черною бородой, слѣдующаго за нимъ на небольшомъ разстояніи. Послалъ ли его Пигаветта, и чальникъ полиціи слѣдить, чтобы онъ не убѣжалъ? Эта мысль возмутила его гордость и онъ, высокомерно поднимая медленными шагами приближался къ Гейдельбергу, башни котораго уже обрисовывались передъ нимъ при поворотѣ. Дойдя до улицы около рѣки, Паоло увидалъ, что толпы людей растутъ, и такъ какъ спутникъ не терялъ его изъ виду, онъ съ досадою остановился и, насколько могъ, равнодушно спросилъ:

— Развѣ сегодня будетъ въ городѣ сожженіе колдунья народъ такъ волнуется?

Изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей незнакомца блеснулъ Паоло взглядъ, показавшійся ему и знакомымъ, и незнакомымъ и затѣмъ тотъ заговорилъ тихимъ голосомъ:

— У васъ, вѣроятно, очень чиста совѣсть, молодой человѣкъ, что вы такъ высоко держите голову. Это меня радуетъ. Что же касается колдуньи, то сегодня ее будутъ пытать, а завтра сожгутъ. Сегодня будутъ казнить только одного епископа Сильвана, поносившаго Бога и Христа... Но вы знаете, молодой человѣкъ, что съ вами?

— Ничего, ничего,—прошепталъ Паоло,—это проходитъ

— Ну, есть страданія, которыя и не проходятъ: червь, который не умираетъ, огонь, который не угасаетъ. Ладенбургскій священникъ былъ великій грѣшникъ и слабый человѣкъ, но меньше, чѣмъ съ нимъ, хотѣлъ бы я помѣняться судьбою человѣкомъ, предавшимъ его и приведшимъ къ эшафоту, и

быть, раньше, чѣмъ онъ имѣлъ возможность покаяться и обратиться. Какого вы мнѣнія?

Паоло двигался, какъ во снѣ; ему казалось, что земля колеблется подъ его ногами, кружится, по сторонамъ пляшутъ монастырь и замокъ; въ ушахъ — шумъ, гулъ и звонъ, точно онъ на днѣ морскомъ.

— Я не знаю, — пробормоталъ онъ, чувствуя на себѣ пронизывающій взглядъ спутника, настоятельно требующаго отвѣта.

— Вы не знаете; въ такомъ случаѣ я могу вамъ помочь, — отвѣчалъ незнакомецъ. — Священникъ, ожидающій сегодня казни, бесѣдовалъ съ товарищами за стаканомъ вина и въ опьяненіи они говорили сами не сознавая что. Рядомъ съ ними сидѣлъ переодѣтый иезуитъ, подслушивавшій ихъ и донесшій курфюрсту. Курфюрстскаго совѣтника Эраста, не имѣвшаго ничего общаго съ этими еретиками, также приплели къ этому дѣлу, подбросивъ къ бумагамъ Нейсера поддѣльное письмо Эраста, никогда имъ не писанное. Такимъ образомъ, полдюжины мужчинъ съ невинными женами и дѣтьми повергнуты въ несчастіе. Какого вы мнѣнія о подслушивателѣ?

— Онъ искупить это, — бормоталъ Паоло.

— Искупить! — насмѣшливо повторилъ незнакомецъ. — Исправить дѣло — единственное искупленіе. Но предатель, повидимому, далеко отъ этого, потому что держитъ голову высоко, несмотря на то, что у него другая забота, въ сравненіи съ которой преданіе священниковъ дѣтская забава. Развѣ съ вами случилось что-нибудь подобное, молодой человѣкъ? — и снова сверкнулъ взглядъ въ сторону идущаго, точно во снѣ, молодого священника. — Иезуитъ, котораго вы не знаете, представился евангелическимъ проповѣдникомъ, похитилъ сердце молодой, неопытной дѣвочки и заманилъ ее ночью на перекрестокъ. Она захвачена на проклятомъ мѣстѣ, заподозрѣна въ колдовствѣ и ожидаетъ пытокъ и смерти. Онъ же, вмѣсто того, чтобы идти къ курфюрсту и сказать: «это дитя невинно, я соблазнитель, я заманилъ ее, а не дьяволъ, я одинъ сатана, меня мучайте, меня сожгите», — вмѣсто того, чтобы поступить, какъ велитъ совѣсть и честь, этотъ злодѣй идетъ съ высоко поднятою головой и равнодушнымъ тономъ спрашиваетъ сосѣда: сегодня ли будутъ сжигать колдунью?

— Я хочу... я уже иду... — бормоталъ онъ.

— Вы хотите, вы уже идете, — повторилъ незнакомецъ, —

тогда другое дѣло. Этого никакъ нельзя было подумать, услышавъ вашъ вопросъ; но я забылъ, что васъ съ дѣтства пріучили въ совершенствѣ притворяться. Я думалъ, что вы опять на пути въ Шпейеръ, какъ и тогда.

Паоло испуганно взглянулъ на незнакомца.

— Кто вы, вы, все знающій?—спросилъ онъ дрожа.

— Я хочу показать вамъ, что вѣрю вашему намѣренію исправиться,—сказалъ тотъ.— Можетъ быть, это намѣреніе укрѣпится, если я окажу вамъ довѣріе.

Шапочка незнакомца свалилась, борода очутилась въ рукѣ, баптистъ Вернеръ стоялъ передъ Паоло Лауренцано, у котораго на глазахъ выступили слезы.

— Не плачьте, мой юный другъ,—сказалъ старикъ ласковымъ голосомъ.—Для предстоящаго вамъ дѣла вы должны быть сильны, тверды, какъ желѣзо. Для того, чтобы вы видѣли, что я требую отъ васъ только то, что самъ готовъ сдѣлать, то позовите меня, если мое свидѣтельство можетъ оказать какую-нибудь помощь бѣдной дѣвушкѣ. Вамъ стоитъ только послать старой Эльснершѣ лозунгъ: «свидѣтельствующій о водѣ нуждается въ своихъ»,—она позоветъ меня, и я приду, хотя бы мнѣ это стоило жизни.

Паоло протянулъ руку этому необыкновенному человѣку.

— Простите, что я сначала рѣзко обошелся съ вами, но вашъ вопросъ возмутилъ меня. Теперь я знаю, что вы не принесете Лидіи въ жертву.

— И васъ я лишилъ дома и семейства,—проговорилъ Лауренцано.

— Объ этомъ не горюйте. Кто лишенъ родины, у того родина вездѣ, и чѣмъ сильнѣе дождь, тѣмъ скорѣе наступаетъ ведро. Сначала я отправлюсь къ братьямъ по ту сторону Рейна и думаю, что когда поспѣетъ виноградъ, буду уже сидѣть на своей мельницѣ.

Паоло горячо пожалъ мозолистую руку старика, направившагося къ мосту, и пошелъ дальше по улицѣ вдоль рѣки. Едва Паоло перешелъ мостъ, какъ на башнѣ церкви св. Духа ударилъ колоколъ. Молодой священникъ зажалъ обѣими руками уши, чтобы не слышать его, хорошо зная, что этотъ звонъ возвѣщаетъ послѣдній земной путь Сильвана. Немного оправившись, Паоло, блѣдный какъ смерть, направился къ базарной площади, спѣша попасть въ замокъ раньше, чѣмъ начнется судъ Лидіи. Но

на площади нечего было и думать о возможности пробраться сквозь толпу. Подвигаясь по направлению къ замку, Паоло попалъ въ тѣсноту и толпа повлекла его къ эшафоту на площадѣ между церковью и ратушей, гдѣ дорогу далѣе загороживали поселяне сосѣднихъ деревень, стоящіе подъ начальствомъ своихъ священниковъ, и, кромѣ того, отрядъ солдатъ. Назадъ также нельзя было идти. Спасенія нѣтъ: онъ долженъ смотрѣть на это ужасное зрѣлище. Оглушительный бой барабановъ и рѣзкіе звуки флейты возвѣстили прибытіе преступника.

— Неужели эта блѣдная фигура въ одеждѣ осужденнаго, стоящая около толстаго священника, цвѣтущій, веселый инспекторъ изъ Ладенбурга и Боже праведный, зачѣмъ здѣсь это дитя, этотъ девятилѣтній мальчикъ?

Его сосѣди съ удивленіемъ взглядывали на оживленно разговаривающаго съ самимъ собой священника и съ отчаяніемъ протягивающаго свои руки къ мѣсту казни, какъ будто желая помочь.

— Успокойтесь, господинъ, — сказалъ, наконецъ, одинъ изъ его сосѣдей. — Мальчику ничего не сдѣлаютъ, но такъ какъ онъ все время находился въ обществѣ своего отца-еретика, то церковные совѣтники приказали ему присутствовать при казни, чтобы онъ видѣлъ, куда ведетъ заблужденіе.

Паоло хотѣлъ отвѣтить, но заиграла церковная музыка и прихожане подъ управленіемъ священниковъ заплѣли: «мы просимъ у св. Духа истинной вѣры». Потомъ раздался громкій голосъ священника, молящагося Богу, чтобы Онъ утвердилъ прихожанъ въ истинной вѣрѣ.

— Вашей истинной вѣрѣ! — прошепталъ итальянецъ.

Далѣе священникъ молилъ Бога о томъ, чтобы Сильванъ чистосердечно раскаялся въ своихъ грѣхахъ и умеръ благочестивымъ христіаниномъ.

— Не казните, не казните! — повторялъ Лауренцано, какъ сумасшедшій.

Вотъ онъ видитъ, подвели Сильвана, чтобы онъ передъ всѣмъ народомъ высказалъ свое раскаяніе, но сильный прежде ораторъ заговорилъ слабымъ, непонятнымъ голосомъ; потомъ онъ поцѣловалъ своего мальчика, съ отчаяніемъ повисшаго на его шеѣ, но толстый священникъ привлекъ его къ себѣ, а палачъ потащилъ Сильвана къ плахѣ. Паоло закрылъ глаза; онъ не могъ болѣе выносить этого отвратительнаго зрѣлища.

— Я лишилъ этого мальчика отца, — громко вскричалъ онъ.—Я убилъ этого ребенка.

Крикъ толпы, ропотъ тысячи людей возвѣстили, что мечъ правосудія сдѣлалъ свое дѣло. Когда Лауренцано взглянулъ, съ лобнаго мѣста сносили безчувственного мальчика. Снова заиграла музыка. «Ты, славный свѣтъ, дай намъ твое сіяніе», — заплели крестьяне во все горло. Лауренцано выносилъ все это съ тупымъ отчаяніемъ. «Ты, ты обвинилъ его... Каинъ, Каинъ!» — раздавалось въ его ушахъ. Онъ не замѣчалъ даже, какъ кругомъ него рѣдѣла толпа. Наконецъ, онъ остался одинъ съ небольшою группой парней, смотрящихъ, какъ палачъ смываетъ кровь на эшафотѣ. Чувство тупаго отчаянія разслабляло его члены. Грѣхъ высоко поднялся надъ нимъ въ то время, какъ онъ думалъ, что служить Богу. Кто пролилъ эту кровь, смываемую здѣсь палачомъ? Кто посадилъ Эраста въ тюрьму? Кто заключилъ Лидію въ страшную башню? Онъ, онъ одинъ. Гдѣ бы онъ ни послушалъ, всюду говорятъ о немъ и объ его дѣлахъ. Отчего тогда въ Шенау у него не достало силъ утопиться? Безумный смѣхъ вырвался изъ его груди. Въ его ушахъ снова раздался звонъ колокола, слова баптиста вертятся въ мозгу... да! вотъ играютъ въ гостиницѣ «Оленя» прекрасную Габриэль.

— Внизъ, внизъ, въ Некаръ, тамъ покойнѣе! — шепчетъ онъ.

Вдругъ его слухъ поразили слова пьянаго крестьянина, возвратившія его въ сознанию.

— Идемъ, Майеръ, послушаемъ, какъ поютъ колдуньи.

— Ну, что, — отвѣчалъ его рыжеголовый товарищъ съ злымъ лицомъ, — не стоитъ!

— Нѣтъ, все-таки, хорошо, когда онѣ визжать и хохочутъ отъ боли.

Молодой священникъ пришелъ въ себя, бросилъ дикій, полный отчаянія взглядъ на небо и послѣдовалъ за крестьянами, спѣшившими къ башнѣ. Узкая улица вела къ городской стѣнѣ, къ которой за Августинскимъ монастыремъ прилегала мрачная башня для колдуній. Вокругъ нея Паоло увидалъ собранную толпу, смотрящую въ окно, откуда раздавались дикіе крики и жалобные стоны.

«Тамъ мучаютъ невиннаго ребенка», — думалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Слышите, какъ она поетъ?— насмѣхается рыжій Майеръ и, вмѣстѣ съ товарищами, громко хохочетъ.

Вдругъ эти негодаи чувствуютъ, что чья-то сильная рука расталкиваетъ ихъ и, одѣтый въ черное, высокій мужчина бѣжитъ по лѣстницѣ башни и съ безумною силой отталкиваетъ отъ дверей часовыхъ. Онъ слѣшитъ впередъ по направленію крика, раздающагося сверху. Вотъ дверь. Но теперь здѣсь мертвая тишина. Онъ стучитъ — нѣтъ отвѣта; онъ отчаянно ударяетъ замкомъ.—«Сейчасъ, сейчасъ»,—слышится оттуда грубый голосъ. Наконецъ, дверь отпирается. Въ полумрагѣ Паоло различаетъ отвратительное лицо полуодѣтаго палача и его помощниковъ.

— Она невинна, я хочу доказать это? Гдѣ судьи? — задыхаясь, говорилъ юноша.

— Вы опоздали, чортъ только что призвалъ къ себѣ колдунью, — отвѣчалъ палачъ Ульрихъ съ грубымъ смѣхомъ, открывая оконныя ставни.

Паоло видитъ на пыточной скамьѣ скорченный темный трупъ. Палачъ грубою рукой схватываетъ его голову, поворачиваетъ лицо и Паоло видитъ искривленныя блѣдныя черты продавщицы зелени изъ Крейцгрунда.

— Гдѣ Лидія?

— Она сидитъ въ замкѣ съ отцомъ, — отвѣчаетъ палачъ, улыбаясь.—Это было слишкомъ тонкое кушанье для насъ. Господа изъ комиссіи по дѣламъ колдовства заняты теперь завтракомъ. И все это изъ-за денегъ колдуньи. Если вы хотите свидѣтельствовать въ пользу красавицы, то подождите здѣсь часъ или два, тогда они примутъ ваши показанія.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Пигаветта; онъ удивленно взглянулъ на Лауренцано.

— Вы здѣсь, магистръ? — сказалъ онъ, быстро оправившись. — Я ожидалъ васъ въ замкѣ. Тѣмъ лучше, — зашепталъ онъ, подходя ближе, — я хочу научить васъ, что вы должны говорить и, въ крайнемъ случаѣ, даже подтвердить присягой.

— Уйди отъ меня, сатана! — громко вскричалъ Паоло, направляя ударъ въ грудь предателя, но ловкій итальянецъ отклонился, такъ что Паоло самъ ударился объ стѣну.

— Такъ-то?!—прошипѣлъ Пигаветта.—Г. Ульрихъ, сейчасъ же посадите этого человѣка въ колодки и позаботьтесь, чтобы ни одна душа не имѣла къ нему доступа.

— Что, предатель?— вскричалъ Паоло, какъ безумный бросающа на Пигаветту.

Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его схватываютъ сзади и самъ Пигаветта зажимаетъ ему ротъ. Его сажаютъ въ колоду съ двумя углубленіями, куда вставляютъ ноги, и закрываютъ другими колодками; то же дѣлаютъ и съ руками.

— Такъ, любуйтесь теперь здѣсь на колдунью, — холодно проговорилъ Пигаветта, — и подумайте, какія послѣдствія ожидаютъ ваше колдовство и чародѣйство въ Шенау, если вы не образумитесь.

Съ этими словами онъ холодно отвернулся отъ него; палачи заперли окна и оставили его одного съ трупомъ старухи.

Глава XXV.

Въ глубокомъ безпамятствѣ лежалъ Паоло въ темномъ, уединенномъ застѣнкѣ. Несмотря на неудобное положеніе, голова его склонилась на почернѣвшую отъ старости и многочисленныхъ кровавыхъ пятенъ колодегу и онъ погрузился въ состояніе полубезпамятства, полудремоты. Но въ ушахъ его раздавалось пѣніе силъ небесныхъ и душа его чувствовала сладкое удовлетвореніе, что можетъ искупить и пострадать за совершенные имъ грѣхи. Мало-по-малу его мысли стали проясняться и онъ рѣшилъ воспользоваться всякимъ допросомъ съ пыткой и въ застѣнкѣ для оправданія Эраста и его дочери. Хорошо, что онъ здѣсь; его должны будутъ выслушать. Для того, чтобъ уничтожить его безслѣдно, Пигаветта не достаточно силенъ. Самыя страшныя мученія будутъ самыми пріятными, чтобъ ему можно было когда-нибудь произнести себѣ отпускное слово: ты искупилъ это; тебѣ прощается.

Его полудремота начинала уже переходить въ дѣйствительный сонъ, когда его испугалъ протяжный стонъ, раздавшійся съ пыточной скамьи. Онъ взглянулъ въ ту сторону и увидалъ пристально устремленные на него тусклые глаза старой Сивиллы.

— Вы еще не скончались, матушка?— тихо и ласково спросилъ онъ умирающую старуху.

— Такъ это дѣйствительно вы? — отвѣчала старуха хриплымъ голосомъ.— Они такъ мучили меня, что я чуть не сошла съ ума... Я желала и вамъ того же, съ проклятіями желала, а теперь, когда вижу, что и до васъ добрались, я слишкомъ слаба

и утомлена, чтобы радоваться. Ахъ!—и снова темная комната огласилась ея протяжными стонами.

— Почему же вы именно мнѣ желали этого?—спросилъ Ларенцано.

Колдунья пристально посмотрѣла на него своими умирающими стеклянными глазами, потомъ проговорила:

— Развѣ не вы предали меня? Кто велѣлъ вамъ становиться поперегъ дороги старой женщинѣ?

— Зачѣмъ вы связались съ чортомъ?—отвѣчалъ священникъ.

— Чорта нѣтъ,—спокойно сказала колдунья.

— Нѣтъ чорта?—вскричалъ проповѣдникъ.—Ну, вы лучше всѣхъ должны знать, что онъ есть, потому что вы нерѣдко бывали на Хольтерманѣ, на его проклятыхъ шабашахъ.

— Я тридцать лѣтъ сидѣла на Хольтерманѣ и у Линсентейха, въ полночь забиралась въ Йеттенскія ущелья, произносила всѣ заклинанія, которымъ меня научила мать, но все было тихо. Только одинъ разъ недавно я думала, что вижу его, но и то это дурачился сынъ мельника.

— А вы никогда не летали пировать, танцовать и любезничать съ чортомъ?

— Если бы я умѣла летать, развѣ я лежала бы здѣсь?—отвѣчала колдунья презрительно.—Я вычитывала всѣ свои заклинанія, но ничего изъ этого не вышло. Я молила чорта, призывала сильфидъ, ничто не помогло. Все пустяки.

— Почему же вы не молились Богу?

— Бога нѣтъ,—отвѣчала старуха тѣмъ же беззвучнымъ голосомъ.

— Вы богохульствуете!—со злостью вскричалъ Паоло.

— Вы увидите это, когда положить сюда бѣлокурую Лидію, будутъ бить плетью и жечь сѣрой... поможетъ ли Онъ ей... и Эрасту, и Ёсиландру, и дочерямъ Питопея, и женѣ Проба, и самому канцлеру Пробу.

— Неужели, негодная, вы всѣхъ ихъ предали?

— Они такъ же виновны, какъ и я. Сначала я хотѣла молчать и ничего не отвѣчать, но они зажали мнѣ носъ, такъ что я должна была открыть ротъ, чтобы дышать. Они всунули мнѣ въ ротъ желѣзную грушу, развинтившуюся во рту на двое. Я думала, что удавлюсь въ судорогахъ. Такъ учать говорить.

— Но какимъ образомъ вамъ пришли въ голову именно эти имена?

— Господа изъ комиссіи по дѣламъ колдовства спрашивали то то, то другое, и мнѣ казалось, что когда я говорю да, они меня меньше мучаютъ. Я слышала, какъ итальянецъ съ желтымъ лицомъ произнесъ слѣдующую фразу: «извѣстные еретики почти всегда предполагаемые колдуны»; потомъ я начала: «Пробь», да, нѣтъ, «Бсиландрь», «Питопей», нѣтъ, не онъ, «Эрасть», и такъ я перебирала всѣ имена. Больно было висѣть, а они прибавляли къ ногамъ все болѣе тяжелыя гири. Вы увидите, каково это, когда они вывернутъ вамъ кости въ суставахъ. Наконецъ, я замѣтила, что они намѣрены продолжать это до тѣхъ поръ, пока я отвѣчаю, тогда я замолчала и только обращала глаза въ сторону священника съ зеленымъ лицомъ; ему сдѣлалось невыносимо и онъ вышелъ. Но хуже всѣхъ итальянецъ: онъ велѣлъ растянуть меня здѣсь, положилъ подъ руки и между пальцами сѣрныя лучины, самъ зажегъ ихъ и мучилъ меня до тѣхъ поръ, пока я не сказала, что Эрасть тоже танцевалъ на Хольтерманѣ и прыгалъ черезъ бодающагося чорта. Потомъ они били меня, пока я не притворилась, что умерла. Старики живучи. Мою мать они мучили тринадцать дней.

Рѣчь старухи понемногу переходила въ бормотаніе. Казалось, что она говоритъ сама съ собой: такъ иногда сбивчива, непонятна была ея рѣчь; она, улыбаясь, бормотала про то, какъ она искала и никогда не находила чорта; дальше она, какъ будто оправдываясь, говорила, что люди требовали отъ нея издѣлій колдовства, приготовленныхъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ извѣстный часъ. Она не хотѣла обманывать своихъ покупателей. Все страннѣе и сбивчивѣе становились ея слова. Паоло не зналъ, говорить ли она въ помѣшательствѣ, или въ здоровомъ разсудкѣ. Ему сдѣлалось страшно. Наконецъ, ея бормотаніе перешло въ хрипъ; сильныя конвульсіи передернули все искалѣченное тѣло еще разъ и все стихло. Продащица зелени изъ Крейцгрунда была теперь дѣйствительно трупомъ.

Долго просидѣлъ Паоло одинъ и члены его начали пухнуть въ колодкахъ; его мучила сильная головная боль и томила ужасная жажда, но онъ опустилъ голову на колодку, облитую потомъ и кровью многочисленныхъ предшественниковъ и предшественницъ, и не ропталъ. Наконецъ, къ вечеру шумъ за дверью вывелъ его изъ безпамятства. Когда онъ открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Пигаветта.

— Магистръ, — сказалъ итальянецъ, — я надѣюсь, вы сообра-

знили теперь, какія глупости вы натворили сегодня утромъ. Зачтите этотъ непріятный день за нѣсколько недѣль экзерцицій, которыя я наложилъ бы на васъ, и поговоримте серьезно о томъ, какъ выйти вамъ изъ этого затруднительнаго положенія.

Паоло молчалъ, не поднимая головы съ колодки.

— Завтра вы явитесь передъ комиссіей,—продолжалъ Пигаветта невозмутимо.—Такъ какъ вы въ настоящее время, по-видимому, въ странномъ расположеніи духа, то я избавлю васъ отъ необходимости быть обвинителемъ Эраста. Вы должны свидѣтельствовать, по мнѣ хоть съ умственными добавленіями, если это васъ успокоитъ, что въ частныхъ разговорахъ съ вами Эрастъ часто высказывался въ духѣ унитаріанъ, отрицалъ св. Троицу и хвалилъ книги Бландрота и Сервета. Что онъ дѣйствительно еретикъ и что отъ этого съ нимъ ничего особеннаго не случится, вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. Что же касается нелѣпаго назначенія свиданія его дочери, то вы можете сказать, что хотѣли удостовѣриться, правда ли, что она ходитъ на перекрестокъ въ полночь, какъ это вамъ говорили. Ваше счастье, что возможно доказать ваше присутствіе въ Шпейерѣ въ этотъ вечеръ. Ректоръ будетъ свидѣтельствовать, что въ десять часовъ вы уже находились у него. Поняли вы? Отвѣчайте!

— Эрастъ никогда не говорилъ мнѣ, что онъ аріанецъ,—сухо отвѣчалъ арестантъ.

— Это безразлично,—заговорилъ Пигаветта, выведенный изъ терпѣнія.—Вы знаете, что многіе доктора нашего ордена допускаютъ свидѣтельство правдоподобнаго за дѣйствительное, если этимъ возможно отвратить большое зло, чтобы заслуживающій наказанія не остался безъ него и не продолжалъ неистовствовать противъ святой церкви.

— Я знаю, что написано: «не свидѣтельствуй ложно на брата твоего»,—отвѣчалъ Паоло спокойнымъ тономъ.

— Глупости,—со злостью вскричалъ Пигаветта.—Я приказываю вамъ *in obedientia majoris* позабыть на завтра это изреченіе. Отвѣтите за это не вы, а я.

— Мученія совѣсти, испытываемыя мною, не могутъ быть сняты съ меня никакимъ начальникомъ,—сказалъ Паоло съ упрекомъ.—Я чувствую, что носящему адъ въ груди не возвратятъ спокойствія всѣ благословенія церкви; я не могу жить съ тремя или десятью кровавыми грѣхами на совѣсти. Никакое отпу-

щеніе священника не прогнало бы отъ моего ложа тѣней Эраста и Лидіи.

— Вы влюблены, — насмѣшливо проговорилъ Пигаветта.

Паоло молчалъ.

— Въ этомъ я могу помочь вамъ, — продолжалъ Пигаветта легкомысленнымъ тономъ. — Я приведу сюда бѣлокурую Лидію и вы можете здѣсь наслаждаться счастьемъ. Эти процессы колдуній тянутся иногда цѣлые годы...

— Сатана! — прервалъ Паоло, содрогаясь.

— Слушай, молокососъ, — заговорилъ Пигаветта, заскрежегавъ зубами. — Мое терпѣніе можетъ истощиться. Вы знаете послѣдствія вашего неповиновенія. О томъ, что сдѣлаютъ судьи съ вашими костями, я не хочу и говорить, это ваше и ихъ дѣло. Но что мы сдѣлаемъ, я скажу вамъ. Орденъ вытолкнетъ васъ, и не думайте, чтобы вы когда-нибудь нашли миръ на землѣ. Что вы за человѣкъ, написано въ архивахъ ордена, написано вашею собственною рукой. Гдѣ бы вы ни искали мѣста, службы, счастья, всюду ваши собственные показанія будутъ свидѣтельствовать противъ васъ.

Паоло поднялъ голову и горько улыбнулся.

— Этимъ поздно пугать меня; не трудитесь напрасно. Цѣпи разорваны съ тѣхъ поръ, какъ я не хочу больше казаться святымъ; вы можете рассказывать мои грѣхи. Что такое пугало меня прежде? Мальчишескія исповѣди. Скажите господамъ въ Венеціи, что съ тѣхъ поръ, какъ у меня по вашей винѣ на совѣсти кровь, меня уже не тревожитъ написанное въ моихъ ежедневныхъ отчетахъ... Въ нихъ и чернила выцвѣли. Пусть они напечатаютъ ихъ, если имъ это угодно; я, пожалуй, припишу еще заслуги, оказанныя мною церкви подъ вашимъ начальствомъ.

— Церковь отталкиваетъ васъ, проклятый!

— Я оттолкнулъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовалъ за вами, — сказалъ Паоло со вздохомъ. — Съ тѣхъ поръ я ношу въ груди адъ и знаю, что никакое отпущеніе священника не возвратитъ меня въ книгу жизни, если меня тамъ нѣтъ, и ни одинъ священникъ не вычеркнетъ оттуда моего имени, если оно вписано туда милостью Божіей.

— А, такъ-то! — сказалъ Пигаветта. — Такъ вы дошли даже до ереси? Въ такомъ случаѣ, если для васъ не существуетъ св. церкви, то взгляните на этотъ трупъ. Хотите вы умереть въ такихъ же мученіяхъ?

— Мученія здѣсь, внутри, — сказалъ Паоло, наклоня голову къ груди, — утихнуть, если вы снаружи будете жечь меня огнемъ и желѣзомъ. Не тратьте напрасно вашихъ словъ; я вручилъ себя милости Божіей.

— Еретикъ! — прошепталъ Пигаветта.

Паоло молчалъ. Старый іезуитъ попытался еще разъ убѣдить Паоло, но въ эту минуту снаружи послышались шаги. Продолжительная конференція показала подозрительной палачу Ульриху и онъ просунулъ голову въ дверь. Пигаветта повернулся, чтобы идти.

— Если васъ не вразумляютъ никакіе доводы, то вотъ этотъ честный человѣкъ наставить васъ на путь истинный застѣлочнымъ хомутомъ и испанскими сапогами.

— Мы будемъ его прокатывать до тѣхъ поръ, пока солнце не засвѣтитъ сквозь него.

Дверь заперлась и Паоло снова остался одинъ въ своемъ мучительномъ положеніи.

Г л а в а XXVI.

Въ новомъ дворѣ замка происходила религіозная бесѣда. Ректоръ университета, два профессора богословія, два юридическаго факультета сидѣли въ кабинетѣ курфюрста, обсуждая принятіе Эраста въ церковный совѣтъ и снятіе съ него церковнаго отлученія. Немного спустя, провели черезъ дворъ въ ту же комнату и самого Эраста.

Темносинее сентябрьское небо сіяло надъ окруженнымъ дворцами веселымъ дворомъ. Липы уже начали желтѣть; кругомъ колодца цвѣли астры, въ шпалерахъ весело чирикали воробьи и порхали надъ спѣющимъ виноградомъ. Эрастъ медленно и радостно оглядѣлся кругомъ, наслаждаясь первымъ блаженнымъ дыханіемъ свободы. Онъ бросилъ восторженный взглядъ на новую постройку, возвышающуюся во всемъ великолѣпіи, благодаря искусству Феликса.

«Хорошій человѣкъ, — подумалъ онъ, — не похожъ на своего брата».

Онъ спокойно поднялся по хорошо знакомой ему лѣстницѣ въ покои своего государя, гдѣ происходила религіозная бесѣда. Бахманъ почтительно посторонился передъ освобожденнымъ докторомъ, но Эрастъ, попрежнему, привѣтливо протянулъ руку гайдуку.

Въ кабинетѣ разговаривали долго и горячо и Бахманъ, уставши стоять, со вздохомъ опустился на скамью, говоря:

— Хорошо будетъ, если намъ будутъ совѣтывать старыя совѣтники; съ новыми втрое дольше, — и заснулъ.

Онъ успѣлъ хорошо выспаться и перейти къ состоянію полудремоты, самому пріятному въ послѣобѣденное время; на этотъ разъ у него осталось даже время поразмять немного члены ходьбой. Наконецъ, задвигались стулья и столы.

— Слава Богу, — сказалъ Бахманъ, — сегодня они основательно посидѣли.

Въ дверяхъ показались пять профессоровъ: ректоръ Магнефикъ впереди съ важнымъ лицомъ, юристы съ немного насмѣшливою, почти злорадною улыбкой, богословы съ длинными блѣдными лицами.

— Богословскому факультету всегда первенство, — сказалъ ректоръ съ ироническою вѣжливостью.

Служители церкви прошли мимо него къ лѣстницѣ, не удостоивъ поклономъ.

— Бесѣда кончилась? — почтительно спросилъ Бахманъ ректора.

— Кончилась, какъ моя покойная тетка, — отвѣтилъ веселый господинъ.

— А Эрастъ? — допрашивалъ служитель.

— Снова сдѣланъ совѣтникомъ, лейбъ-медикомъ... попрежнему, Эрастъ церковный совѣтникъ.

— Хвала милосердному Богу на небеси! — воскликнулъ Бахманъ. — Силь больше не было съ этими итальянцами!... А церковный уставъ? — полюбопытствовалъ онъ.

— А! вы думаете о вашихъ полуштофахъ въ гостиницѣ «Оленя»? Самое лучшее во всей этой исторіи то, что Олевіану приходится вливать порядочно воды въ свое вино. Но играть въ кости въ прихожей курфюрста я, все-таки, вамъ не совѣтую.

Въ то время, какъ господа такимъ образомъ шутили съ служгой, курфюрстъ стоялъ въ кабинетѣ, положивъ обѣ руки на плеча Эраста, и ласковымъ голосомъ спрашивалъ его:

— Можете ли вы простить мнѣ, Эрастъ, что я такъ оскорбилъ васъ?

— Ваше высочество, вы исполнили только вашъ отеческій долгъ, — крѣтко отвѣчалъ Эрастъ. — Мнѣ нечего прощать.

— Знайте, въ эти только дни я вполне оцѣнилъ, какимъ

сокровищемъ обладаю въ васъ. Эти господа всѣ фальшивы. Какъ они ни притворялись огорченными вашимъ несчастіемъ, въ ихъ траурной маскѣ просвѣчивало плохо скрытое торжество. Не имъ, а только несчастному, изувѣченному итальянцу обязаны мы разрѣшеніемъ дѣла.

— Ему?—воскликнулъ удивленный Эрастъ.—Его-то именно я и считалъ предателемъ.

— Можетъ быть, онъ и былъ имъ сначала, но на первомъ же допросѣ онъ сказалъ Пигаветтѣ въ лицо, что тотъ принудилъ его, какъ іезуитскій начальникъ, написать письмо Нейсеру, подкинутое вамъ, и предложилъ приготовить другое, также сходное съ вашимъ почеркомъ. Эта проба оказалась не вполне удачной, потому что руки несчастнаго распухли отъ колодогъ и дрожать. Они четыре раза принимались его пытаться, чтобы онъ сознался, что вы высказывались ему за аріанство; также онъ долженъ былъ сознаться, что отправлялся съ вашею дочерью на Хольтерманъ на шабашъ вѣдьмъ и произвелъ свои чудеса и исцѣленія въ Шенау съ помощью колдовства. Богъ знаетъ, кто научилъ старую вѣдьму, но она говорила какъ разъ то, что надо вашимъ противникамъ. На послѣднемъ шабашѣ вѣдьмъ она видѣла на площадкѣ у Бамберга огромнаго чернаго козла съ горящими глазами, прилетѣвшаго по воздуху отъ Гейдельберга; къ хвосту была привязана длинная метла, на которой сидѣли какъ разъ всѣ противники церковнаго устава: Пробъ съ женой, вы съ вашей бѣлокурою дочкой, Ксиландръ съ служанкой и Питопей съ пятью, худыми, какъ щепки, дочерьми. Она видѣла васъ и на Хольтерманѣ, у трехъ дубовъ, на пустынномъ Костенбаумѣ и Линсентейхѣ и вездѣ, гдѣ еще собираются черти! И даже въ послѣдній Ивановъ день она видѣла, какъ чортъ принялъ образъ козла и вы всѣ по очереди прыгали черезъ него.

— И этимъ глупостямъ, — сказалъ Эрастъ, печально покачивая головой, — могли повѣрить эти господа!

— Они такъ вѣрили, что только мученическая твердость молодого іезуита могла васъ спасти. Этотъ человѣкъ герой. Протоколы, отъ чтенія которыхъ я васъ избавлю, напоминаютъ мартирологи. Я старикъ, но плакалъ, какъ дитя, читая, что претерпѣлъ этотъ страдалецъ. Въ то время, какъ ему жгли спину горящимъ спиртомъ и растягивали члены, онъ стоялъ на томъ, что колдунья передъ самою смертью отрелася отъ всего и призналась ему, что обвинила всѣхъ въ угоду этимъ господамъ.

Онъ сообщилъ еще, что ночью приходилъ въ его комнату палачъ и привернулъ старой колдуньѣ голову къ шеѣ, чтобы сказать, что ее убилъ чортъ. Но онъ хорошо узналъ палача Ульриха и ясно слышалъ трескъ костей. Богословы были совершенно сбиты съ толку и хотѣли подвергнуть его еще болѣе ужаснымъ пыткамъ, но юристы вдругъ вспомнили порядокъ судопроизводства и объявили, что они прекращаютъ пытки до получения новыхъ показаній. Только теперь я узналъ положеніе дѣлъ. Конечно, я тотчасъ же отказалъ Гартману отъ мѣста, а Пигаветту приказалъ арестовать. Тѣлохранители нашли его въ его квартирѣ, гдѣ онъ укладывался, такъ какъ онъ уже догадался, что его пѣсенка спѣта. Но, по глупости, они позволили ему переѣхать въ сосѣдней комнатѣ. Конечно, онъ больше не являлся и въ комнатѣ нашли тайный спускъ съ подъемною машиной, ведущей въ нижній этажъ, около воротъ. Вѣроятно, съ помощью этого спуска онъ выкидывалъ много штукъ; кромѣ того, нашли много другихъ аппаратовъ и магическія книги. Если его найдутъ, то пусть онъ остерегается костра. Недаромъ изувѣчилъ онъ мнѣ Лауренцано. Только бы найти его.

— Бѣдный юноша!—вздохнулъ Эрастъ.

— Именно о немъ-то я и хотѣлъ васъ спросить. Онъ все еще лежитъ въ башнѣ, потому что больничный докторъ, посланный мною, объявилъ, что его нельзя переносить. Вы великій мастеръ своего дѣла. Вы мнѣ весьма облегчили бы совѣсть, если бы поставили его снова на ноги; объ его дальнѣйшей судьбѣ ужъ я позабочусь.

Эрастъ обѣщалъ и попросилъ у курфюрста разрѣшеніе его дочери перейти въ ея прежнюю комнату.

— Это само собой разумѣется,—отвѣтилъ курфюрстъ.— Она чиста, невинна и свободна отъ преслѣдованія. Богословы говорили что-то о церковномъ покаяніи за ночное путешествіе на Хольтерманъ, но другіе думаютъ, что Лидія, подвергая себя опасности изъ любви къ отцу, заслуживаетъ только похвалы, а если молодой священникъ и вскружилъ ей на одинъ день голову, то она болѣе чѣмъ достаточно наказана испытаннымъ страхомъ.

— Но меня весьма успокоило бы, — отвѣчалъ Эрастъ, — если бы ваше высочество лично сказали судьямъ, чтобы Лидія не находилась подъ надзоромъ, какъ это обыкновенно случается послѣ такого несчастнаго обвиненія.

— Я сдѣлаю это, — сказалъ курфюрстъ. — Ваше дитя будетъ такъ же свободно, какъ серна въ степи.

— Благодарю, ваше высочество. Теперь только я могу вполнѣ радоваться своей свободѣ.

Вскорѣ послѣ этого отецъ съ дочерью вышли рука объ руку изъ темныхъ воротъ толстой башни на освѣщенный яркимъ солнцемъ дворъ новой постройки. Съ гордостью смотрѣла Лидія на творенія Феликса; взбѣжавъ въ свою комнату и увидя ее украшенной цвѣтами, она задала себѣ вопросъ, почему ея мысли такъ привязаны къ темницѣ заключеннаго священника, въ то время, какъ доказательства любви Феликса слѣдовали за ней всюду, даже за стѣны толстой башни. Онъ даже, — какъ шепнула ей въ одно посѣщеніе г-жа Беліеръ, — рисковалъ своею юною жизнью для ея освобожденія. Ея холодный, равнодушный взоръ все еще покоился на букетѣ, когда она тихо спросила:

— Куда ты хочешь его перенести?

— А, ты говоришь о магистрѣ? Я думаю, Беліеръ не откажетъ въ этой самаритянской услугѣ. Короткую дорогу больной легко перенесетъ и лучшаго ухода, чѣмъ тамъ, онъ не найдетъ нигдѣ.

— Хорошо, я иду къ г-жѣ Беліеръ и все приготовлю.

И она быстро спустилась по лѣстницѣ, а докторъ, покачивая головой, направился къ больному, бывшему, по словамъ курфюрста, одновременно и его предателемъ, и спасителемъ.

Несчастный былъ страшно наказанъ, но и теперь Эрастъ не могъ ему простить опасности, грозившей Лидіи по его винѣ.

Г л а в а XXVII.

Въ домикѣ гугенота при базарной площади лежалъ Паоло, оправляясь отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, при заботливомъ уходѣ Эраста и г. Беліеръ.

— Обжоги, — говорилъ докторъ господину Беліеръ, когда больного устроили въ комнатѣ, отдаленной отъ уличнаго шума, — ужасны, но не смертельны. Если двѣ трети кожи не повреждены, то больной обыкновенно выздоравливаетъ. Суставы вывихнуты, но не сломаны; онъ молодъ и перенесетъ это, но, все-таки, ему, вѣроятно, долго еще придется быть вамъ въ тягость.

— Несправедливо претерпѣвшій не можетъ быть въ тягость

гугеноту, — отвѣтилъ французъ. — Мы по опыту знаемъ, къ чему обязываетъ долгъ по отношенію къ ближнему.

Г-жа Беліеръ въ первый разъ со дня смерти попугая била сила на Феликса дружескій взглядъ и сказала:

— Мы поставимъ на ноги этого несчастнаго юношу.

— У меня будетъ время помогать вамъ, уважаемая г-жа Беліеръ, — возразилъ молодой художникъ, — у меня отняли раба въ замкѣ.

— Какая неблагодарность! — вскричали г-жа Беліеръ и остальные въ одинъ голосъ.

— Курфюрстъ, вѣроятно, узналъ, кому почтенный проповѣдникъ Нейсеръ, благодаря ошибкѣ, обязанъ своимъ освобожденіемъ. Онъ передалъ мнѣ жалованье и приказалъ немедленно возвратитъ все планы, причемъ мнѣ было сообщено, что все иностранцы будутъ удалены изъ замка.

— Я не могу порицать за это нашего добраго государя, сказалъ Эрастъ. — Онъ правъ въ томъ, что не допускаетъ ничего вмѣшательства въ свои дѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обыкновенно милостивъ, и вамъ, Феликсъ, только потому легла сошла съ рукъ ваша продѣлка, что слишкомъ тяжело и безвѣдно пострадалъ вашъ братъ.

— Такъ что онъ заплатился одинъ за двоихъ, — отвѣчалъ Феликсъ, съ улыбкой взглянувъ на хозяйку. — Если бы я уже выместилъ своей злобы на попуга, то или Гартманъ Гартманъ, или палачъ Ульрихъ, или Пигаветта приказали бы долго жить.

— Предоставьте правосудію управляться съ ними, милый другъ, — отвѣчалъ Эрастъ. — Пигаветта подвергнется судебному преслѣдованію, начальникъ полиціи отставленъ и другихъ недоброжелателей ожидаютъ строгія наказанія за ихъ злодѣянія.

— Отъ этого не легче будетъ Паоло, — отвѣчалъ Феликсъ со вздохомъ.

— Оставайтесь у насъ, художникъ Лауренцано, — сказалъ Беліеръ, — и ухаживайте за братомъ. Вы можете занять комнату рядомъ съ больнымъ и приготовить тамъ планы для перестройки моего дома. Сочините мнѣ фасады, могущіе соперничать съ постройкой покойнаго ффальцграфа, конечно, настолько, насколько домъ бюргера можетъ соперничать съ замкомъ герцога.

— По рукамъ, — воскликнула г-жа Беліеръ. — Вотъ моя рука въ знакъ примиренія. Не должно больше быть между нами крови несчастный попугай прощается вамъ.

Архитекторъ схватилъ ея маленькую кругленькую ручку съ комически-сокрушеннымъ видомъ.

— Я не могу заказать паннихиды по преждевременно погибшемъ,—сказалъ онъ,—но я увѣковѣчу его въ обѣщанномъ фасадѣ.

Въ то время, какъ общество шутило такимъ образомъ и строило планы будущаго, Лидія незамѣтно скрылась. Набожной дѣвущкѣ неприятно было это веселье послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній послѣднихъ дней, и она тихонько вошла въ комнату няньки, чтобы изъ сосѣдней комнаты слышать дыханіе и лихорадочный бредъ больнаго. Душа Паоло витала еще далеко, далеко отъ дѣйствительности; его глаза горѣли, щеки разрумянились отъ лихорадочнаго жара и неземная красота лежала на его идеальномъ лицѣ. Его губы, не переставая, шевелились и казалось, что въ продолженіе годовъ стѣсненная заключеніемъ потребность говорить разрушила въ бреду всѣ преграды. Давнишнія воспоминанія дѣтства всплыли наружу. Онъ большею частью разговаривалъ съ матерью въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ.

— Я не буду больше лгать,—говорилъ онъ искреннимъ тономъ ребенка.

Сама Клитія представлялась ему въ бреду сестрой.

— Я не хотѣлъ сдѣлать Лидіи ничего дурнаго, я хотѣлъ только поцѣловать ея; развѣ это дурно?—и затѣмъ онъ началъ метаться.—Если бы можно только было не ходить въ эту отвратительную школу. Я представляюсь совсѣмъ, совсѣмъ глупымъ, какъ горбатый Бернардо, тогда они прогонятъ меня и скажутъ, что я никуда не годенъ.—Черезъ минуту онъ снова восклицаетъ:—Но мама говорить, чтобы я не притворялся больше!

Ужасы послѣднихъ дней какимъ-то удивительнымъ образомъ почти не оставили слѣдовъ въ его сознаніи. Только разъ онъ сказалъ:

— Хорошо, что они меня такъ били; теперь это кончено и никто не смѣетъ меня упрекать.

Вообще всѣ тяжелыя впечатлѣнія смѣшались съ венеціанскою школой. Пигаветта былъ строгимъ учителемъ, палачъ Ульрихъ «братомъ»-исправителемъ, церковные совѣтники учительскою коллегией. Воспоминанія дѣйствительности, повидимому, совершенно исчезли изъ его памяти. Только разъ, когда Феликсъ сидѣлъ около него, оно какъ будто возвратилось къ нему. Въ сильнѣйшемъ волненіи онъ вскричалъ:

— Спаси проповѣдниковъ!

Феликсъ наклонился къ его уху и прошепталъ:

— Я освободилъ Нейсера, остальные помилованы.

— О!—вздохнулъ больной, какъ будто освобожденный отъ тяжести, давившей его, и устремилъ на брата трогательно-благодарный взглядъ.

Съ этихъ поръ его волненіе постепенно уменьшалось. Исчезло напряженное состояніе; вмѣсто него явилась большая слабость. Едва онъ просыпался, нянька приносила ему пищу и перевязывала раны и послѣ этого онъ снова погружался въ дремоту.

Феликсъ устроилъ свою мастерскую рядомъ съ комнатою брата и прилежно сидѣлъ за своими планами для г. Беліеръ. Между ихъ комнатами часто садилась Лидія, и г-жа Беліеръ мучила ее вопросомъ, въ какую изъ этихъ двухъ комнатъ ее больше влечетъ сердце. Присутствіе Паоло наполняло мягкое сердце Лидіи прежнимъ тихимъ влеченіемъ, не уменьшавшимъ ея чувства благодарности и дружбы къ Феликсу. Она вмѣстѣ съ Феликсомъ ухаживала за его братомъ, не думая еще о томъ, что будетъ послѣ выздоровленія Паоло. Только Феликсъ все яснѣе сознавалъ, что онъ любитъ эту милую дѣвушку только какъ художникъ. Его смѣлой натурѣ нужна была подруга, равная ему по силамъ, обладающая большею живостью и способностью постоять за себя, чѣмъ нѣжная дочь Эраста. Шалости съ г-жею Беліеръ, когда они, какъ дѣти, боролись, ставя другъ друга на колѣна, волновали его больше, чѣмъ спокойныя бесѣды съ бѣловурою красавицей. Онъ какъ художникъ восхищался Лидіей, когда она тихо сидѣла за работой, думая о прошедшемъ и настоящемъ. Задумчиво склоненная головка, сложенная какъ бы для поцѣлуя губки и вся ея наружность, на которую природа щедрою рукой высыпала свои дары, представляла такую совершенную картину красоты, что художникъ не могъ устоять. Онъ незамѣтно принесъ глины и въ то время, какъ Лидія задумчиво сидѣла надъ работой, прислушиваясь къ дыханію больного, молодой художникъ трудился надъ мягкой массой и скоро создалъ вѣрный образъ задумчивой дѣвушки. Основаніемъ статуи служила цвѣточная чашечка, въ которую онъ помѣстилъ Клитію, какъ это онъ видалъ на античныхъ статуяхъ въ Римѣ и Флоренціи. Лидія замѣтила, что художникъ безпрестанно взглядываетъ на нее и, отходя въ сторону, дѣла-

еть какую-то непривычную работу. Она встала и на ея дѣтскомъ лбу показалась строгая складка при видѣ вѣрнаго изображенія своей красоты.

— Фу, какъ нехорошо!—пролепетала она, краснѣя.

Но художникъ просилъ ее такъ трогательно, чтобы она сѣла на свое мѣсто и позволила продолжать, что она согласилась.

«Что могу я ему еще дать,—печально думала она, — когда моя душа принадлежитъ другому?»

Художникъ, не отрываясь, смотрѣлъ на ея черты.

— Богъ не создалъ ничего прекраснѣе тебя,—сказалъ онъ.

Окончивъ, онъ захлопалъ въ ладоши, восклицая:

— Великолѣпно, великолѣпно!

Лидія тихонько подошла.

— Что означаютъ эти листки?

— Я изображаю тебя богиней цвѣтовъ, — весело отвѣтилъ Феликсъ.

— Придорожникомъ?—и, грустно улыбнувшись, она посмотрѣла ему въ лицо.

Онъ поцѣловалъ ея чистый лобъ и сказалъ:

— Клитіей, обращающейся къ своему богу солнца.

Она протянула ему руку и съ благодарностью посмотрѣла ему въ глаза; онъ пожалъ ее, какъ будто расставаясь. Ни одного слова больше не было сказано между ними, но они поняли другъ друга. Клитія была свободна; онъ самъ возвратилъ ей слово. Теперь она чаще, чѣмъ прежде, подходила къ постели больного, освѣжая его голову компрессами и нѣжными, искусными руками перевязывая его раны.

Такъ мирно протекали послѣдніе осенніе дни. Какъ мало ни измѣнились наружно всѣ дѣйствующія лица, Эрасть, все-таки, замѣтилъ переѣну въ Лидіи. Однажды послѣ обѣда Эрасть съ дочерью, утомленные долгою ходьбой, сѣли у капеллы по ту сторону моста, наслаждаясь послѣдними солнечными днями этого года. Передъ ними высились лѣса Гейдельберга, освѣщенные золотистыми лучами солнца, и утопали въ синевѣ осенняго тумана, отъ котораго горы казались еще выше, чѣмъ обыкновенно. Около скамьи, на которую они сѣли, цвѣлъ еще долговѣчный голубой придорожникъ, обративъ къ солнцу свою головку. Лидія сорвала его, думая, какъ много пережила она съ тѣхъ поръ, какъ Феликсъ рассказалъ ей сказку Овидія. Отецъ серьезно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Думаешь ли ты исполнить данное тобою обѣщаніе художнику?—спросилъ онъ.

— Феликсъ остается папистомъ, — отвѣчала Лидія уклончиво, — онъ не можетъ согласиться на поставленное тобою условіе.

— Я освобождаю его отъ него, — сказалъ Эрастъ. — Развѣ всѣ мы не паписты съ тѣхъ поръ, какъ Олевіанъ сдѣлался у насъ папой? Мы казимъ еретиковъ, богословы присвоили себѣ власть не только герцогскую, но и хозяина дома и отца семейства. О свободѣ, проповѣдуемой Лютеромъ и Цвингли, едва осталось воспоминаніе.

— Тагъ ты разрѣшаешь, значить, чтобы я вышла замужъ за католика?

— Какое право имѣлъ бы я запрещать? Всякій разъ, какъ я прохожу мимо площади, гдѣ пролита кровь моего друга, камни взываютъ ко мнѣ: «лицемѣры, чѣмъ вы лучше Караффа?» Поступки кальвинистовъ сдѣлали меня снисходительнымъ къ папистскимъ судамъ и ихъ инвизиціи.

— И не измѣнишь своей снисходительности, — спросила Лидія нерѣшительно, — если я выйду и за Паоло?

Эрастъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Какъ, и послѣ того, какъ онъ причинилъ намъ столько несчастій?

— Спросите этотъ цвѣтокъ, почему онъ слѣдитъ за ходомъ солнца?—проговорила Лидія.—Онъ не можетъ иначе.

— Но какъ можешь ты предпочитать этого страшнаго священника, блѣдный призракъ чловѣка съ разбитымъ здоровьемъ веселому, молодому художнику?

— Я не знаю, — отвѣтила дѣвушка задумчиво, — на чемъ основана моя любовь? Именно на томъ, что я люблю его и не могу разлюбить. И не потому я люблю его, что онъ лучше, красивѣе, умнѣе другихъ, а потому, что я безъ него жить не могу; онъ мое солнце, безъ котораго я завяну также, какъ этотъ цвѣтокъ зимою.

И она тихонько отерла глаза.

— Онъ слишкомъ много пострадалъ за насъ, — отвѣтилъ Эрастъ послѣ непродолжительнаго раздумья, — и я не считаю себя въ правѣ сказать нѣтъ. Если это опредѣленіе Божіе, то да будетъ Его святая воля.

ГЛАВА XXVIII.

Медленно возвращался больной къ сознанию. Раны еще страшно мучили его, каждое движеніе причиняло ему ужасныя боли, но онъ съ спокойнымъ терпѣніемъ переносилъ всѣ страданія и на каждый заботливый вопросъ брата, дружелюбно взглянувъ, отвѣчалъ: *sta bene*. Также и Клитію, не безъ смущенія продолжающую ухаживать за нимъ, онъ встрѣчалъ ласковымъ, благодарнымъ взглядомъ. При наступившей у Паоло слабости въ немъ исчезло все страстное и горячее его природы; онъ былъ такъ простъ и добръ, какъ никогда. Это не былъ больше *primus optimus* Венеціанской коллегіи, уста котораго наполнены были мудростью. Въ его безпомощности было скорѣе что-то дѣтское. Онъ большею частью скромно молчалъ, между тѣмъ какъ весь интересъ вертѣлся около него. Благодарность за малѣйшую услугу, благоговѣніе передъ уважаемымъ Эрастомъ и г. Беліеръ, скромное вниманіе дѣлали его похожимъ на мальчика. Только теперь видно было, какъ онъ еще молодъ. Когда г-жа Беліеръ при видѣ его ужасныхъ ранъ громко вскрикнула, онъ спокойно сказалъ:

— Все это я хотѣлъ сдѣлать людямъ, лучшимъ меня, уважаемая г-жа Беліеръ, но ихъ раны еще ужаснѣе моихъ своею неизлечимостью.

Въ разговорѣ онъ принималъ участіе только тогда, когда его спрашивали, и охотно слушалъ, когда Эрастъ и г-жа Беліеръ спорили о церковномъ уставѣ, Феликсъ съ г-жею Беліеръ ссорились изъ-за пустяговъ, между тѣмъ какъ Лидія тихо скользила по комнатѣ, какъ солнечный лучъ, придавая всему окружающему особую прелесть. Когда, наконецъ, Паоло, опираясь на Эраста и брата, сталъ переходить въ кресло и просиживать нѣсколько часовъ въ семейномъ кругу, всѣ ожидали, что скоро возвратится его прежнее духовное превосходство. Но онъ, по-прежнему, оставался тихимъ, мягкимъ, душевно подавленнымъ. Наконецъ, Феликсъ задумался надъ состояніемъ брата, такъ мало соответствующимъ его горячему темпераменту, и молодой художникъ сказалъ себѣ:

— Его члены выздоровѣютъ, въ этомъ Эрастъ правъ, но онъ навѣки останется надломленною натурой, какъ я видалъ у немногихъ, оставшихся въ живыхъ, жертвъ римскаго судилища.

— Мнѣ не нравится, что ты такъ остороженъ и снисходителенъ, — обратился онъ однажды къ Паоло послѣ того, какъ всѣ присутствующіе высказали свои порицанія по поводу новой выходки курфюрстскихъ богослововъ, между тѣмъ какъ Паоло спокойно и снисходительно старался оправдать ихъ поступокъ. — Какъ будто ты теперь не можешь порицать несправедливости!

— Можетъ быть, и такъ, — отвѣтилъ больной. — Я не вижу ошибокъ, которыхъ я самъ не могъ бы сдѣлать. Чему могутъ научить насъ наши ошибки, какъ не снисходительности къ другимъ?

Блгитія, видя, какъ Паоло углубился въ самого себя, измѣнилась; она сдѣлалась грустна и несообщительна. Повидимому, ей доставляло удовольствіе служить ему, заботиться о всѣхъ, но веселая улыбка исчезла съ ея лица. Феликсъ, работая надъ ея мраморнымъ бюстомъ, замѣтилъ на ея лицѣ, когда она, по обыкновенію, сидѣла для него за работой, меланхолическое выраженіе, не бывшее у нея прежде.

— Она похожа на молодую вдову, грустно мечтающую о прежнемъ счастьи. Но я помогу этимъ глупымъ дѣтямъ выдти изъ ихъ несносной замкнутости и обоюднаго самопожертванія.

Однажды Феликсъ увидалъ брата одного сидящимъ у огня своей комнатки и задумчиво смотрящимъ на Хейлигенбергъ, будто считая его темныя ели, рѣзко выступающія на бѣломъ фонѣ облаковъ; онъ успѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ.

— Ты, вѣроятно, измышляешь какую-нибудь новую философію, Паоло, — насмѣшливо сказалъ Феликсъ, — такъ какъ цѣлыми часами смотришь на голубое огтябрьское небо.

— Я не вижу въ этомъ нужды, — спокойно отвѣчалъ Паоло. — Единственная философія — смиреніе, и этому научаетъ насъ сама жизнь.

— Кто же заставляетъ тебя смиряться? Вы съ Лидіей, повидимому, сдѣлали договоръ взаимнаго самопожертванія.

Яркій румянецъ внезапно залилъ блѣдное лицо больного.

— Зачѣмъ же ты скрываешься за облаками, больной Аполлонъ, и губишь твой цвѣтокъ? Развѣ нужно, чтобы я взялъ ее за руку и привелъ къ тебѣ?

— Ты хочешь принести мнѣ жертву, добрый Феликсъ, — воскликнулъ Паоло съ грустью, — но какъ я могу принять эту жертву?

— Принести жертву! — возразилъ художникъ, весело бросивъ

въ сторону свою рафаэлевскую шапочку.—Мы, художники, великіе грѣшники. Съ тѣхъ поръ, какъ я лѣпилъ это красивое лицо, схватилъ ея черты и передалъ мрамору, моя душа освободилась отъ нея, какъ отъ всякой другой работы, счастливо оконченной. Я мечтаю о менѣе нѣжной и менѣе кроткой дѣвушкѣ, назначенной мнѣ небомъ: неаполитанкѣ съ орлинымъ носомъ, жгучими очами и острыми ногтями. Однимъ словомъ, я еще разъ хочу нарисовать Лидію на хоругвахъ въ Скальци, но жениться на ней хочу также, какъ на Мадоннѣ. Мнѣ нужна жена, съ которой я могъ бы ссориться.

Паоло грустно покачалъ головой.

— Даже если бы и такъ, то какъ могу я, обезчещенный, изуродованный живой мертвецъ, протянуть руку этому нѣжному созданію? Вѣдь, это было бы преступленіемъ!

Въ эту минуту къ нему склоняется молодая, блѣлая головка, свѣжія, горячія губки прикасаются къ его блѣднымъ устамъ.

— Я хочу только ухаживать за этимъ больнымъ, — прошепталъ нѣжный, дрожащій голосъ.

— Лидія! — вскричалъ Паоло въ восторгѣ. — Ты дѣйствительно хочешь соединить твою счастливую жизнь съ жизнью калѣки?

— Я сдѣлаю его такимъ же здоровымъ и веселымъ, какъ бѣлка въ вѣтвяхъ, — весело засмѣялась Лидія. Лицо блѣднаго больного просіяло отъ блаженства. Феликсъ же возвратился въ свою комнату, повернулъ къ стѣнѣ мраморный бюстъ Клитіи и горячо принялся рисовать будущіе фасады г. Беліеръ.

— Такъ ты дѣйствительно избрала спутникомъ твоей жизни паписта, иностранца? — спросилъ Эрастъ, покачивая головой, когда на слѣдующее утро Лидія, опираясь на руку Паоло, объявила отцу свое рѣшеніе.

— Его страна будетъ моею страной, его счастье будетъ моимъ счастьемъ, — отвѣтила Клитія съ такимъ внутреннимъ довольствомъ, что Эрастъ не сталъ противорѣчить.

— Я не хотѣлъ смѣшивать дѣла этого свѣта съ дѣлами того, — серьезно заговорилъ Паоло, — иначе я сказалъ бы вамъ, что не хочу возвращаться къ прежнему проклятію. Прежде я негодовалъ на вашу церковь, разрушившую алтари и опустошившую святыни; но у васъ одно преимущество передъ нами: у васъ нѣтъ рабовъ. Этотъ догматъ сегодня именно для меня не особенно важенъ. Каждый изъ насъ служилъ истинной вѣрѣ, но

при теперешней расщепленности мнѣній и мыслей кто можетъ сказать, чья вѣра истинная? Ради истинной вѣры вы преслѣдовали баптистовъ и аріанъ? Кальвинисты преслѣдуютъ васъ, цвинглистовъ, лютеранъ, ненавидятъ всѣхъ жителей Пфальца. Я ненавидѣлъ баптистовъ, цвинглистовъ, лютеранъ и кальвинистовъ. Мы всѣ обагрили руки кровью ради прославленія Бога, сказавшаго: «не убій». Если мы будемъ такъ продолжать, то крики мучениковъ и кровь убитыхъ будутъ такъ же взывать къ небесамъ, какъ въ Нидерландахъ и Франціи, и каково это, можетъ судить только тотъ, кто испыталъ это на собственномъ тѣлѣ. Надо заглянуть въ глаза ужасной смерти, чтобы узнать, какъ мало въ насъ твердыхъ убѣждений, за которыя мы могли бы умереть. Недавно въ тюрьмѣ я размышлялъ о томъ, кто же имѣетъ вѣрное откровеніе духа, что его ученіе отъ Бога, и гдѣ же въ этомъ морѣ заблужденія хоть одна твердая скала, къ которой можно причалить? Тогда мнѣ пришли въ голову слова еретика, до сихъ поръ презираема мною. Это сказала извѣстный вашъ баптистъ. «Духъ,—говорилъ онъ однажды,—не въ догматахъ и обрядахъ, а въ жизни. Только тамъ онъ является, такъ что его видятъ, чувствуютъ и слышатъ. Поэтому истинная вѣра та, которая исполняетъ волю Божію, а не измышляетъ догматы о невидимыхъ предметахъ, не человѣческихъ, а божескихъ». Тогда я зажалъ себѣ уши, чтобы не слышать этихъ словъ, но въ уединеніи тюрьмы они снова вспомнились мнѣ. Когда колдунья сказала, что она никогда не видала дьявола, изъ - за котораго мы ее сожгли, тогда я задумался, какъ часто за неизвѣстную вину мы дѣлаемъ извѣстную несправедливость. Все наше заблужденіе оттого, что мы слишкомъ много думаемъ о Его славѣ и мало о Его заповѣдяхъ, слишкомъ много говоримъ о томъ свѣтѣ и мало объ этомъ, видимомъ. Забота о томъ неизвѣстномъ свѣтѣ заставила презирать этотъ. Чтобы на небѣ быть ангелами, мы на землѣ были хищными волками. Только размысливъ о словахъ еретика: «духъ не видимъ нигдѣ, кромѣ жизни», у меня съ глазъ какъ будто свалилась завѣса и я рѣшилъ ученіе о Богѣ предоставить Богу, а въ жизни поступать такъ, какъ Онъ вложилъ мнѣ въ сердце и какъ указано въ писаніи.

Отвѣта Эраста не послѣдовало, потому что вошелъ г. Беліеръ съ Есиландромъ, пришедшимъ поздравить Эраста. Черезъ минуту показался и Феликсъ, менѣе веселый, чѣмъ прежде.

— Нашъ другъ хочетъ насъ покинуть, — сказалъ гугенотъ. — Онъ возвращается въ Инсбругъ къ художнику Коллинсу, а потомъ въ Неаполь. Я его уговаривалъ отказаться отъ папизма, но напрасно; онъ объявилъ, что не хочетъ разставаться съ своимъ народомъ и что художественная Италия никогда не возвысится до нашего поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ.

— Вы правы, — дружелюбно замѣтилъ Эрастъ. — Такой церкви, какъ ваша, мы не можемъ признать, также какъ итальянцы не могутъ признать такой, каковы наши. Намъ достаточно понять мысль и согласно съ ней поступить, итальянцы же хотятъ представить ее себѣ, воплотить. Можетъ быть, когда-нибудь придетъ время, когда этотъ диссонансъ разрешится высшею гармоніей, какъ сказала однажды Лидія; только я боюсь, что этотъ день мира гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ думаетъ Лидія. Вѣдь, есть же у насъ обѣщаніе, что придетъ время, когда не будетъ ни споровъ, ни богослововъ, и я думаю, что свѣтъ испуститъ вздохъ облегченія, когда похоронитъ послѣдняго богослова.

— У этой могилы желалъ бы и я стоять, — воскликнулъ Ксиландръ.

— Я не хочу вѣрить, — обратился Феликсъ къ Паоло, — что ты серьезно намѣренъ остаться въ этой туманной странѣ и растратить твою богатую дарованіями жизнь на бесполезныя проповѣди въ голыхъ церквахъ, безъ музыки и картинъ. Нѣтъ, пойдемъ со мной! Ты итальянецъ, ты не можешь жить безъ искусства, и если ты останешься, то скоро запоешь *super flumina Babylonis!*

— Нѣтъ, Феликсъ, — сказалъ Паоло твердымъ, рѣшительнымъ тономъ, — для меня выборъ одинъ: лучше остаться безъ музыки и картинъ, безъ лавровыхъ рошъ и садовъ Геспериды, чѣмъ вернуться въ прежнюю геенну огненную.

— И ты дѣйствительно хочешь кончить кальвинистскимъ проповѣдникомъ?

Паоло помолчалъ минуту, потомъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Когда мнѣ вернулось сознание, я самъ себѣ ежедневно повторялъ: «прочь монашескую рясу». Званіе, заставляющее насъ казаться лучшими другихъ людей, часто дѣлаетъ насъ гораздо худшими ихъ. Послѣ всего мною испытаннаго я чувствую за собой много грѣховъ и, наконецъ, кѣмъ бы я могъ быть, по твоему мнѣнію?

— Учителемъ, магистромъ, докторомъ, — возразилъ художникъ.

Паоло покачалъ головой.

— Я слишкомъ много испыталъ для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь инымъ, а не священникомъ. Что же мнѣ: исправлять искалѣченные стихи древнихъ поэтовъ или собирать отрывки ученыхъ софистовъ, или возиться еще въ какомъ-нибудь ученомъ хламѣ? Кто испыталъ то, что я, тотъ не можетъ центромъ своего существованія ставить удобство жизни. Въ сущности жизни, какъ она ни горька, обращены мои мысли; это будетъ моею новою задачей. Я хочу просить у курфюрста прихода, скрытаго въ дальнихъ лѣсахъ его государства. Тамъ я буду учить дѣтей складывать ручки, наставлять родителей охранять сердца дѣтей, укрѣплять супруговъ въ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ, защищать слабыхъ, возвращать заблуждающихся. И если я, какъ вѣрный пастырь, буду охранять самый маленькій приходъ такъ, что послѣ моихъ проповѣдей они легче и усерднѣе возвратятся къ работѣ и тягостямъ жизни, сдѣлаются миролюбивѣе и покорнѣе судьбѣ, у меня будетъ болѣе совершенное убѣжденіе, что моя жизнь прошла не напрасно, чѣмъ если бы я научилъ мальчиковъ читать поэтовъ и доктора назвали бы моимъ именемъ какое-нибудь ученіе. Я хочу быть не извѣстнымъ, а забытымъ. Дѣти и сосѣди одни должны меня знать.

Блгитія нѣжно прижалась къ его плечу и ласково посмотрѣла ему въ глаза. Только Феликсъ не хотѣлъ помириться съ тѣмъ, что концомъ этого великаго начала будетъ забытая гиперборейская деревенька. Но магистръ дружески положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

— Добрый Феликсъ, будь увѣренъ, что священникъ Паоло будетъ счастливѣе магистра Лауренцано, а слава нашего благороднаго рода ярче заблещетъ въ твоихъ искусныхъ рукахъ.

— Смотрите, что онъ создалъ, нашъ новый Микель-Анджело, — радостно вскричалъ г. Беліеръ, развертывая планъ новаго дома.

Восторженный крикъ огласилъ всю комнату.

— Какъ грандіозно возвышается этажъ надъ этажемъ, — сказалъ Эрастъ, — до высокаго фронтона, показывающаго свѣту вооруженіе, въ которомъ нашъ воинственный другъ такъ славно подвизался. А вотъ геральдическій звѣръ Беліеровъ и вѣрное изображеніе нашей гостепріимной хозяйки.

— Mon Dieu, — вскричала маленькая француженка, — вѣдь, это мой попугай на рукѣ. Но зачѣмъ здѣсь эти два ангела съ постройки Рупрехта, несущіе щитъ?

Блিতія, покраснѣвъ, взглянула на друга, вспомнивъ тотъ часъ, когда она рассказала ему свой сонъ. Но художникъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ.

— Здѣсь, — сказалъ художникъ, польщенный похвалами, — я оставилъ еще фризу, чтобы вы написали на ней вашу девизъ.

— Это дѣло художника, — любезно отвѣтилъ гугенотъ.

Феликсъ задумчиво склонилъ голову и, бросивъ нѣжный взглядъ на Лидію и брата, улыбаясь, взялъ грифель и твердою рукой начертилъ: «perstat invicta Venus!»

В. Р.

Нашла гроза и страшнымъ дуновеньемъ
Разбила все — и ниву, и цвѣты...
И пронеслась съ какимъ-то озлобленьемъ
Съ лица земли до звѣдной высоты.

Но громъ утихъ и вѣчной жизни сила
Пробилась вновь въ сіяньи красоты.
А гдѣ была недавняя могила,
Взошли опять роскошные цвѣты...

Ф. П — вѣ.

Романъ хорошаго человѣка *).

Эдмонда Абу.

Глава XIV.

С е м ь я .

Мой врачъ, Сазаль, сдѣлавшійся лучшимъ моимъ другомъ, говорилъ мнѣ не разъ въ первое время моей женитьбы:

— Не совѣтую вамъ рано дѣлаться отцомъ.

Можетъ быть, онъ опасался, чтобы страсть къ обогащенію, къ деньгамъ не заглушила во мнѣ человѣколюбивыя чувства и не превратила бы меня въ черстваго человѣка, каковы Симоне и другіе богачи. Человѣкъ здравомыслящій расчетливъ, бережливъ, но копить лишь для своихъ прямыхъ наслѣдниковъ. Не имѣя до 1860 года на своемъ попеченіи никого, я исключительно занимался моею многочисленною рабочею семьей фабричныхъ. Я образовалъ общество взаимной помощи, внесъ туда небольшую сумму съ своей стороны, зная хорошо, какъ важенъ для бѣдняжковъ начинъ въ подобномъ дѣлѣ. Сберегательная касса въ Курси не имѣла успѣха при 4% со ста, помогая лишь кухаркамъ скрывать непозволительные доходы. Я конкурировалъ съ ней, платя нашимъ рабочимъ за ихъ сбереженія высшій процентъ, дозволенный закономъ. Такимъ образомъ, добрые люди, сами того не зная, сдѣлались ростовщиками и получали по 10%. Но мнѣ это ничего не стоило, такъ какъ мой капиталъ давалъ не менѣе 10%; главное въ томъ, чтобы возвратить сбереженіе по возможности увеличеннымъ, потому что разъ бѣднякъ является владѣльцемъ хотя бы и небольшого капитала, его можно пре-

*) Русская Мысль, кн. V.

доставить собственной оборотливости. Хотя это стоило мнѣ и не дешево, но, по крайней мѣрѣ, семейства моихъ служащихъ были обезпечены.

Мои рабочіе, щедро оплачиваемые, обутые и одѣтые, не чувствовали всеобщаго разоренія; этотъ бичъ второй имперіи не коснулся ихъ.

Все шло какъ нельзя лучше и мой главный совѣтчикъ Басе издали присылалъ мнѣ похвалы, какъ образцовому хозяину. Въ этому времени мнѣ суждено было сдѣлаться отцомъ. Пьеръ родился 12 мая 1860 года, въ 8 часовъ утра, во время проливнаго дождя. Какъ сейчасъ помню, я бѣжалъ съ непокрытою головой, въ туфляхъ, несмотря на ливень, изъ дома въ контору, изъ конторы въ магазинъ, оттуда въ мастерскія, сараи, крича всюду и всѣмъ: «Послушайте, друзья мои! Дѣти, слушайте же! Господа, у меня родился сынъ! Дядя Жозефъ, поздравляю васъ съ маленькимъ племянникомъ! Карлъ, у тебя теперь двоюродный братъ! Викторъ, у меня есть сынъ! Приходите всѣ, я хочу вамъ показать моего сына».

Всѣ служащіе поздравляли меня, родственники обнимали, рабочіе кричали: «да здравствуютъ господинъ Дюмонъ, г-жа Дюмонъ и маленькій Дюмонъ!» Одинъ изъ самыхъ старыхъ служакакъ сказалъ мнѣ:

— Довольно, въ самомъ дѣлѣ, вы потрудились для другихъ, хозяинъ, пора и о себѣ подумать.

Бѣгая, такимъ образомъ, въ продолженіе цѣлаго часа и возвращая всѣмъ свою радость, я возвращался безпрестанно домой, чтобъ освѣдомиться о здоровьи Барбары и ребенка. Запеленатый руками Катерины, онъ спалъ на моей подушкѣ, возлѣ своей матери, которая никогда не казалась такою красивой, какъ теперь: розовая, свѣжая, съ блестящими глазами, она обратилась ко мнѣ, говоря слабымъ голосомъ:

— Папочка, ты поступаешь неблагоразумно, бѣгая подъ дождемъ; ты хочешь, чтобъ отецъ моего ребенка схватилъ насморкъ?

Мы всѣ находили, что Пьеръ необыкновенно великъ и, вѣроятно, много вѣситъ. На это Сазаль качалъ головой, говоря:

— Этотъ ребенокъ нисколько не отличается отъ другихъ: онъ ни малъ, ни великъ, ни крѣпокъ, ни слабъ, но хорошо сложенъ; уже и то хорошо.

— Онъ похожъ на отца, — сказала Барбара.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — это твой вылитый портретъ.

— А по вашему какъ, докторъ?

— Тотъ и другой неправы, друзья мои. Этотъ знаменитый наслѣдникъ похожъ на всѣхъ молодыхъ людей его возраста: онъ приблизительно не лучше новорожденного котенка или щенка и похожъ на съезженую вишню изъ наливки.

— Фу, какой ужасъ!

— О, родительское заблужденіе!

Моя милая жена, всегда предусмотрительная, сказала мнѣ:

— Вели запретъ карету и съѣзди въ Лони, поцѣлуй бабушку и привези ее къ намъ, если можно; потомъ заѣзжай въ ратушу записать новорожденного и не забудь объявить эту новость дядѣ Бернару; зайди на телеграфъ и отправь нѣсколько депешъ нашимъ родственникамъ; надѣюсь, ты не забудешь ни Жана, ни моихъ добрыхъ стариковъ; вечеромъ напишешь къ Басе и другимъ нашимъ друзьямъ. Кстати навести стараго мэра, г. Морана; онъ вполне имѣетъ право на твой визитъ: бѣдняга уже сколько лѣтъ по болѣзни не сходить съ своего кресла.

Удивительная женщина! Въмѣсто того, чтобы нѣжиться, какъ это дѣлаютъ другія, и наслаждаться вполне заслуженнымъ покоемъ, она не переставала работать своею маленькою головкой.

Я съ точностью исполнилъ всѣ ея порученія, слѣдуя начертанному ею плану, хотя это и не обошлось безъ нѣкоторыхъ препятствій.

Дождь пересталъ, на улицахъ стали появляться пѣшеходы. Волей или неволей, мнѣ приходилось останавливать купца, выскакивать на мостовую, принимать поздравленія, пожимать руки. Счастливый человѣкъ во всѣхъ видитъ друзей.

Г-жа Дизомье, продавщица бумаги и дѣтскихъ игрушекъ, привѣтствовала меня съ порога своей лавки. Я остановился и вышелъ изъ экипажа; добрая женщина хорошо знала мою мать; она обняла меня, какъ дѣлала это въ старину, когда я заходилъ къ ней съ моими наградами изъ коллегіи.

Смотря на игрушки, наполнявшія ея маленькій домикъ, я обратился къ ней со словами:

— Сударыня, будьте любезны, пошлите эти игрушки въ школы для мальчиковъ и для дѣвочекъ: то мой маленькій Пьеръ посылаетъ привѣтствіе своимъ будущимъ согражданамъ, а кассиръ мой уплатитъ вамъ по счету.

Черезъ секретаря ратуши я внесъ въ контору благотвори-

рительности довольно кругленькую сумму для бѣдныхъ, а г-ну Морану, продолжавшему попечительствовать въ обществѣ попеченія о бездомныхъ нищихъ, еще болѣе крупную сумму. Брѣмѣ того, я пожертвовалъ на больницу, богадѣльню и тюрьму; я съ удовольствіемъ предложилъ бы денегъ скупцамъ и скрягамъ, лишь бы видѣть весь свѣтъ довольнымъ. Прежде чѣмъ отправиться въ Лони, я свернулъ налѣво и остановился возлѣ кладбища. Дверь была заперта, а привратникъ находился въ отсутствіи; въ этотъ день положительно не существовало преградъ; у меня точно выросли крылья. Я перелѣзъ черезъ стѣну, приблизился къ могилѣ, гдѣ покоились вѣчнымъ сномъ мои родители, и долго мысленно бесѣдовалъ съ ними; я общалъ тому, кто спасъ мою дорогую Барбару, и той, которая умерла ради меня, воспитать внука въ почитаніи къ ихъ памяти и глубокою уваженіи къ ихъ добродѣтели.

Бабушка, узнавшая о событіи черезъ народную молву, не имѣла терпѣнія дожидаться меня и пустилась въ путь. Я встрѣтилъ ее на полдорогѣ, въ простой телѣжкѣ мельника Лорена. Добрый малый, прежній мой товарищъ, прозванный ракомъ, остановилъ лошадей и осторожно перенесъ бабушку ко мнѣ въ карету. Онъ ни за что не соглашался принять плату за свою услугу.

— Я сдѣлалъ это изъ дружбы, къ тому же, не каждый день имѣешь случай обнять счастливаго человѣка.

Да, я, въ самомъ дѣлѣ, былъ счастливъ! Счастливъ и тошноты, до тяжести, до обморока. Увидѣвъ нашу старушку, я былъ осажденъ множествомъ разнообразныхъ воспоминаній, какъ веселыхъ, такъ и печальныхъ; главнымъ образомъ, я думалъ о тѣхъ, которыхъ не доставало на праздникъ и которые такъ много трудились и боролись для меня, прежде чѣмъ я достигъ теперешняго положенія. Нищета, отчаяніе и несчастіе прошедшаго такъ рѣзко отдѣлялись отъ настоящаго счастья, что я почувствовалъ себя положительно дурно. Бабушка, увидавъ мои мысли и желая меня разсѣять, коснулась самаго чувствительнаго для меня мѣста:

— Что же это, право, — сказала она, — поѣзжай скорѣй, и не дождусь увидать наследника Дюмоновъ.

А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, этотъ маленький Пьеръ, съ своею крошечною головкой, въ чепчикѣ изъ голландскаго полотна, былъ старшій въ домѣ, наследникъ старинной плебейской фамилии, глава новой семьи. Я объ этомъ и не подумалъ. Въ первый разъ

я вполне вникъ въ смыслъ этого слова, сказаннаго про моего сына. Мнѣ захотѣлось скорѣй его увидѣть.

— Пошелъ, кучеръ, скорѣй!

Я спѣшилъ узнать, какъ провелъ Дюмонъ цѣлый день. Я нашелъ его бодрствующимъ на колѣнахъ няни, которая поила его сахарною водой. Катерина пронизывала насвободъ взглядомъ бѣдную иностранку, похитившую у нея ребенка. Но надо было, чтобы моя старая нянька утѣшилась. Я серьезно относился къ воспитанію и желалъ, чтобы воспитательницей моего ребенка была англичанка и чтобы ребенокъ научился английскому языку одновременно съ роднымъ языкомъ. По моему мнѣнію, знаніе англійскаго языка имѣетъ огромное значеніе какъ въ Новомъ, такъ и Старомъ Свѣтѣ.

Бабушка была немного оскорблена свободой, которую англичанка позволяла себѣ въ отношеніи ея маленькаго правнука. Предоставлять это слабое тѣлце самому себѣ! Не пеленать его свивальникомъ! Это значить желать его смерти.

— Твой отецъ, твоя тетка, твои дяди всегда пеленались, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ, какъ настоящія колбасы. Скажи мнѣ, развѣ ихъ здоровье потеряло отъ этого, развѣ ихъ характеръ измѣнился?

Когда ребенка выносили гулять на вольный воздухъ фабричнаго сада, она всегда спрашивала насъ, не стараемся ли мы его простудить. Достоянная женщина испускала громкіе вопли при видѣ кушаній Барбары; тутъ были разные супы, стаканы съ бордоскимъ виномъ, сухари, которые она поглощала непрерывно между обѣдомъ и завтракомъ.

— Бабушка,—отвѣтила моя жена,—главнѣйшая обязанность кормилицы—питать самое себя; вотъ почему я ѣмъ и пью, какъ только мнѣ захочется.

Въ концѣ второй недѣли подобной діеты молодая мать бѣгала какъ мышка въ комнатѣ ребенка, здоровая и довольная. Тогда бабушка, не признавая, однако, что ея метода была не самая лучшая, успокоилась о будущности семьи и отправилась назадъ въ Лони, «чтобъ посмотрѣть, хорошо ли несутся ея куры». Я ее проводилъ. Мы отправились въ первомъ часу, сейчасъ же послѣ обѣда, и мои лошади доставили насъ въ 20 минутъ. Прежде чѣмъ сѣсть въ свое мягкое кресло, она, по обыкновенію, сказала мнѣ:

— Что мнѣ тебѣ предложить?

О, деревенское гостеприимство!

Въ то время, какъ я пишу эти замѣтки, мой старшій сынъ Пьеръ учится въ политехническомъ училищѣ. Я не хотѣлъ бы подвергать сына насмѣшкамъ товарищей, рассказывая подробно объ его дѣтствѣ, которое оставило намъ много дорогихъ воспоминаній. Можетъ быть, рассказывая его жизнь до 5-ти лѣтняго возраста, мы бы уменьшили его обаяніе, омрачили его ореолъ и стерли позолоту съ его галуна. Нельзя же говорить о шишкахъ, которыя онъ получалъ при паденіи, несмотря на шапочку, имѣвшую видъ царской короны, объ улиткѣ, которую онъ нашелъ на заборѣ и съѣлъ живьемъ, къ величайшему испугу няни-англичанки, о большой ранѣ, полученной имъ около праваго глаза, когда онъ хотѣлъ взять изъ гнѣзда яйцо индѣйки. Набросимъ покрывало на всѣ эти событія. Забудемъ, что у него виѣсть съ братомъ Жаномъ была корь, что онъ заразилъ меня коклюшемъ, къ большой досадѣ Катерины, которая упорно повторяла:

— Это невозможно; у тебя уже былъ коклюшь въ 1832 году!

Довольно будетъ того, если я вамъ скажу, что въ продолженіе 10 лѣтъ жена подарила меня двумя мальчиками и двумя дѣвочками. Она ихъ всѣхъ кормила сама здоровымъ и обильнымъ молокомъ. Мальчики походили лицомъ на меня, дѣвочки же были вылитые портреты матери: такія же хорошенькія, какъ она, небольшого роста, брюнетки; мальчики были крѣпкаго тѣлосложенія и слишкомъ велики для своего возраста. Всѣ мы крѣпко любили другъ друга. Нерѣдко по утрамъ устраивались прекрасныя прогулки въ длинныхъ рубашкахъ на мою большую кровать, которую докторъ Сазаль прозвалъ «полемъ для маневровъ». Во второмъ этажѣ я имъ устроилъ большой залъ для классныхъ занятій, весь увѣшанный географическими картами, зоологическими рисунками и картинами поучительнаго содержанія, уставленный огромными шкафами изъ свѣтлаго дуба, гдѣ у нихъ всегда были подъ рукой коллекціи для обученія естественной исторіи, руководства элементарной анатоміи, микроскопъ, нѣсколько физическихъ аппаратовъ и, наконецъ, лучшія книги изъ лавки Гашеть и Гетцель. Гимнастическимъ заломъ служилъ мой садъ, а рекреационнымъ—фабрика.

Когда двѣ няни-англичанки и гувернантка изъ Ганновера не могли уже справляться съ дѣтьми, я выписалъ прежнюю начальницу пансіона, г-жу Санталь, и молодого профессора изъ колле-

ги, г-на Еврардъ; но я никогда не слагалъ съ себя права контроля.

Какъ заслуженный наставникъ, я имѣлъ голосъ въ этихъ дѣлахъ; учитель и учительница слушали меня съ большимъ вниманіемъ не только какъ отца семьи.

Я, въ свою очередь, былъ съ ними вѣжливъ и предупредителенъ, но мой глазъ слѣдилъ за всѣмъ; я немилосердно истреблялъ легенды, хотя самыя распространенныя, гипотезы, самыя подходящія, и историческую ложь, самую извѣстную. Основнымъ моимъ правиломъ было не преподавать дѣтямъ ничего такого, чего нельзя объяснить или доказать.

Убѣжденный въ томъ, что сидячія занятія въ извѣстномъ возрастѣ есть бесполезное мученіе, я ихъ уменьшилъ даже для мальчиковъ; такимъ образомъ, они занимались два раза по часу шахмш; но они учились цѣлый день, слушая, разговаривая, наблюдая. Кончивъ умственные занятія, они упражняли свое тѣло. Пьеръ и Жанъ ловко скакали на хорошенькихъ пони. Они нѣсколько разъ падали, но всегда счастливо. Ихъ нравственнымъ воспитаніемъ занимались исключительно мать и я. Мы могли надѣяться, что они не будутъ злы, такъ какъ рождены нами, ни безчестны, такъ какъ они не чувствовали недостатка ни въ чемъ. Но вотъ чего я боялся: глупой гордости и тщеславія, такъ часто встрѣчаемыхъ у богатыхъ дѣтей, и презрѣнія къ стоящимъ ниже по положенію. Никогда бы я не утѣшился, если бы мои сыновья вышли бездѣльниками. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, выколоть имъ глаза, чтобы они не видѣли довольства, окружающей ихъ роскоши, нашего авторитета надъ фабричнымъ людомъ. Я старался удалять все, что походило на чванство. У меня были хорошія лошади, но конюшни далеко не были роскошны; экипажи были у насъ простые, упряжь весьма скромная, прислуга малочисленная и безъ ливрей. Въ присутствіи дѣтей никогда не говорилось о деньгахъ, а если они когда и говорили о нихъ или предлагали по этому поводу вопросъ, имъ всегда отвѣчали одно и то же:

— Папа работаетъ съ утра до вечера, чтобъ прокормить васъ и себя.

Однажды Пьеръ надмѣнно обошелся съ слугою; тогда я замѣтилъ ему, что его отецъ всегда вѣжливо и дружелюбно обходится съ Катериной.

— Ба,—возразилъ онъ,—Катерина у насъ не слуга.

— Что же, по твоему, слуга?

Онъ почесалъ въ головѣ и, подумавъ, попросилъ меня ему объяснить.

— Слуга—это работникъ, которому платять жалованье, и онъ исполняетъ при домѣ пять или шесть работъ, очень трудныхъ, изъ которыхъ ты не въ состоянн сдѣлать ни одной. Попробуй-ка сегодня за обѣдомъ перемѣнить хоть разъ тарелки.

Онъ попробовалъ, дѣлалъ неловкость за неловкостью, нѣсколько тарелокъ разбилъ, испачкалъ скатерть и кончилъ тѣмъ, что попросилъ прощеніе.

— Самъ посуди,—говорилъ я ему,—если бы тебя заставили стлать постель, натирать паркетъ, чистить сапоги и платья, выбивать пыль изъ мебели, вытирать зеркала и окна, точить ножи, держать въ чистотѣ серебро, мыть посуду, стирать на кухнѣ! Между тѣмъ, на десять буржуазныхъ домовъ найдется девять, гдѣ всѣ эти разнообразныя обязанности исполняетъ одно лицо, называемое няней. Въ самомъ дѣлѣ, Катерина—исключеніе; она умѣла ухаживать за больными, даже съ опасностью для своей жизни, вотъ почему я ее уважаю и люблю отъ всего сердца.

Но, къ сожалѣнію, недостатки дѣтей нельзя исправить сразу; эта работа подвигается очень и очень медленно. Нѣсколько времени спустя, мой шалуны спросилъ меня внезапно при гостяхъ:

— Папа, на комъ женятся рабочіе?

— На комъ, мой мальчикъ? Да хоть, напримѣръ, на твоей бабушкѣ.

Онъ не понялъ, тогда я продолжалъ:

— Мой отецъ былъ работникомъ, какъ тѣ, которыхъ ты видишь, когда онъ сдѣлалъ предложеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ руку моей покойной матери.

— И она согласилась?

— Былъ бы ты теперь на свѣтѣ, мальчуганъ, если бы она сказала «нѣтъ»? Къ счастью для тебя и для меня, она отвѣтила «да», и очень охотно, такъ какъ она была сама дочь рабочаго. Она точно также трудилась собственными руками. Нѣтъ ни одной мастерской на всей фабрикѣ, гдѣ бы я не былъ сначала ученикомъ, потомъ рабочимъ и, наконецъ, мастеромъ.

— Такъ, значитъ, ты не былъ въ коллегіи?

— Нѣтъ, я былъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но я ясно видѣлъ, что онъ въ чемъ-то сомнѣвался.

На другой день, въ восемь часовъ утра, я надѣлъ свою бѣлую рабочую блузу и приказалъ ему слѣдовать за собой. Онъ замѣтилъ мнѣ, что, вѣдь, сейчасъ у него урокъ.

— Будь покоенъ, ты не потеряешь понапрасну времени; я также хочу дать тебѣ маленькій урокъ.

Я повелъ его съ собой въ мастерскія и остановился подлѣ самаго стараго работника на фабрикѣ, Гарне.

— Дорогой Гарне,—сказалъ я, обращаясь къ старику,—вотъ мой сынъ Пьеръ.

— Я знаю его, господинъ Дюмонъ.

— Можетъ, современемъ вамъ придется быть его учителемъ, какъ вы были моимъ.

— Еще бы, я хорошо помню, какъ обучалъ васъ.

Разговаривая такимъ образомъ, онъ прилаживалъ ручку къ небольшой кружкѣ.

— Пустите-ка меня на ваше мѣсто, передайте мнѣ кусокъ глины, я хочу собственными руками, на глазахъ этого маленькаго человѣчка, сдѣлать ему вещицу, чтобъ онъ, глядя на нее каждый разъ, какъ будетъ ложиться спать, помнилъ ремесло отца.

Я искусно слѣпилъ кружку, приложилъ свою именную печать и отправилъ въ печь; дня черезъ два Пьеръ снова былъ при мнѣ; когда принесли кружку, совсѣмъ отвердѣвшую, я разрисовалъ ее и навелъ лакъ. Пьеръ былъ въ восторгѣ.

Онъ привыкъ безъ заносчивости и гнѣва отвѣчать на вопросы рабочихъ, надѣждавшихъ ему вопросомъ, не разбился ли его стаканчикъ.

Въ октябрѣ 1867 года Пьеръ поступилъ приходящимъ въ коллегію. Преподаваніе было самое посредственное, но за то товарищество приносило несомнѣнную пользу, такъ какъ характеръ ребенка сгладился, и вообще все шло отлично, только бабушка въ одно изъ нашихъ посѣщеній въ Лони нашла, что Пьеръ страшно блѣденъ, также какъ и прочія дѣти.

— Твои дѣти,—сказала она,—имѣютъ удивительно изнуренный видъ; имъ не достаетъ свѣжаго воздуха; эти огромныя зданія давятъ ихъ. Я попросила бы тебя оставить ихъ погостить у меня въ Лони, еслибъ была моложе лѣтъ на десять... Послушай, отчего ты не наймешь или не купишь хорошей дачи недалеко отъ города? Деньги ничто въ сравненіи съ

силой и здоровьемъ. Вотъ ты, напримѣръ, запасся здѣсь крѣпостью, здоровьемъ, научился у дѣдушки сельскому хозяйству, такъ твое дѣло подумать и позаботиться объ этомъ.

Она была права, права какъ всегда, дорогая, безцѣнная женщина. Барбара вполне согласилась съ бабушкой и стояла на томъ, чтобы купить какъ можно скорѣе замокъ ли, простую ли хижину.

Представилась выгодная покупка замка.

Въ нашъ вѣкъ изъ сотни роскошныхъ владѣній добрая половина ихъ на очереди къ продажѣ. Мой нотаріусъ, честный, хорошій человекъ, г. Лаворъ, указалъ мнѣ на Ларси, старинную усадьбу Пулярдовъ. Все было распродано послѣ побѣга знаменитаго депутата; земли при фермахъ частями покупали крестьяне; замокъ съ паркомъ, занимавшіе 60 гектаровъ, нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки переменныхъ владѣльцевъ. Первый изъ нихъ извлекалъ выгоды, продавая движимое имѣніе и часть парка; другой владѣлецъ, купивъ имѣніе, пустился въ разныя афферы и прогорѣлъ; третій, начавши приводить въ порядокъ усадьбу, увидалъ, что починка крышъ, чистка аллей и ремонтъ зданій поглощаютъ три четверти его скромныхъ доходовъ. Словомъ, это несчастное имѣніе продавалось четвертый разъ въ продолженіе двадцати лѣтъ въ самомъ жалкомъ видѣ: замокъ разрушенъ, службы въ дырахъ, рвы засорены, луга занесены иломъ. Такъ какъ Ларси находилось всего въ 17 минутахъ ѣзды въ omnibusъ отъ города, я не полѣнился отправиться туда и, посмотрѣвъ, убѣдился, что зло вовсе не такъ непоправимо, какъ казалось при первомъ взглядѣ. Замокъ въ стилѣ Людовика XIV можно было отлично реставрировать. Надворныя постройки сильнѣе пострадали, но, будучи поправлены, могли служить конюшней для 10 лошадей, сараемъ для двухъ или трехъ экипажей и помѣщеніемъ для 10 чел. прислуги, которой у насъ, впрочемъ, было меньше. Въ нѣсколько дней свободно можно исправить пошатнувшіяся рѣшетки, прочистить аллеи, а съ теченіемъ времени, съ помощью бороны и сохи, очистить луга. Къ счастью, топоръ не коснулся лучшихъ дубовъ, находившихся въ самой чащѣ. Фонтаны уцѣлѣли, рѣка протекала, все такая же чистая и прозрачная, по блестящимъ камушкамъ. Въ фруктовомъ саду не было ни плодовъ, ни овощей; оранжереи пусты.

Тѣмъ не менѣе, я надѣялся, что съ 30 тысячами франковъ можно будетъ привести все въ надлежащій видъ. На обратномъ

пути я заѣхалъ къ нотаріусу Лаворъ, приказалъ ему со всѣми издержками заплатить 120,000 франковъ какъ можно скорѣе и отправился домой.

— Поцѣлуй новаго владѣльца Ларси, — сказалъ я, входя къ женѣ и цѣлуя ее.

Представьте себѣ, что она отвѣтила мнѣ:

— Я обожаю тебя!

А, вѣдь, кажется, господа, нѣтъ никакой связи между покупкой дачи и законнымъ чувствомъ жены къ мужу.

Барбара приняла дѣятельное участіе въ устройствѣ новаго имѣнія; она давала мнѣ совѣты и направляла работы. Мы поспѣшили отправить въ деревню подрядчика. Человѣкъ попался ловкій. Тотчасъ же послѣ окончанія большихъ холодовъ, которые, впрочемъ, у насъ не очень сильны, онъ всюду размѣстилъ рабочихъ: въ замкѣ, службахъ, аллеяхъ, вездѣ, вездѣ. Ларси представляло изъ себя вишащій муравейникъ. Скоро прибыли кровельщики, художники, маляры и обойщики. Словомъ, 1 іюня мы уже переѣхали.

Каждое утро, въ 7^{1/2} часовъ, я садился на поѣздъ съ Пьеромъ; онъ шелъ въ школу, а я на фабрику. Завтракали мы вмѣстѣ; Катерина, оставшаяся стражемъ въ домѣ, готовила намъ. По окончаніи занятій мы возвращались въ деревню. Барбара съ дѣтьми приходила насъ встрѣчать на станцію или на дорогу у парка. Послѣ обѣдѣи и поцѣлуевъ обѣдали на открытомъ воздухѣ, если стояла хорошая погода, и каждый разъ въ новомъ мѣстѣ, по выбору жены. Она разнообразила удовольствія и придавала этимъ нашимъ обѣдамъ какую-то особенную прелесть. Полина также принимала участіе въ этихъ прогулкахъ, хотя ей всего было только полтора года. Наши дѣти всѣ безъ исключенія обѣдали за общимъ столомъ, лишь только могли безъ поддержки сидѣть на стулѣ. Это обыкновеніе влетѣтъ за собою расходы по стиркѣ бѣлья, но за то здоровье и воспитаніе выкупаютъ это.

Однажды вечеромъ въ іюль 1870 года Пьеръ, возвратившись изъ школы и уже на пути въ Ларси, спросилъ меня, сидя въ вагонѣ:

— Папа, правду ли говорятъ въ школѣ, что мы скоро обявимъ войну пруссагамъ?

Я признался откровенно, что ничего не слышалъ объ этомъ, такъ какъ въ продолженіе мѣсяца не раскрывалъ ни одной га-

зеты. Политика для меня непонятная вещь. Я никогда не простить ей изгнаніе моихъ лучшихъ друзей.

Когда Пьеръ разсказалъ мнѣ о слухахъ, распространявшихся въ коллегіи, объ оскорбленіи, нанесенномъ прусскимъ королемъ нашему посланнику, о негодованіи, поднявшемся въ законномъ корпусѣ, и объ угрожавшей намъ войнѣ, я повелъ плечами съ видомъ человѣка, до котораго это вовсе не касалось, и сказалъ ребенку:

— Это очень просто. Французская армія непобѣдима: побьетъ пруссаковъ, войдетъ въ Берлинъ, заключить миръ нашъ долгъ возрастетъ до миллиарда, проценты съ котораго дѣмъ платить мы: сначала я, потомъ ты, и такъ все наше потомство до скончанія міра.

Нужно было быть великимъ геніемъ, имѣть взглядъ Ть, чтобы рискнуть на другую гипотезу. Люди съ обыкновеннымъ умомъ, вродѣ меня, вѣрили слѣпо въ превосходство нашихъ нераловъ, солдатъ, пушекъ, ружей и митральезъ. Мой шурина Бонафипоръ, не будучи глупцомъ, утверждалъ, что ничто не состояніи противиться ярости французовъ.

— Поставьте меня,—говорилъ онъ,—съ моею ротой передъ батареей съ какими угодно усовершенствованными орудіями скажу только два слова: «Въ штыхи!» Они бросаются, прыгаютъ канонеровъ, заклепываютъ пушки или поворачиваютъ ихъ противъ непріятеля, и дѣло кончено. Ничего нѣтъ труднаго.

Бѣдный малый! Онъ говорилъ такъ потому, что такъ думалъ, а думалъ такъ потому, что видѣлъ это собственными глазами болѣе двухъ разъ. Его самонадѣянность раздѣляло все сестричество. Барбара такъ мало сомнѣвалась въ побѣдѣ, что, вышивая передаваемые нами извѣстія, она скрестила руки и вскричала:

— Какое счастье! Можетъ быть, наконецъ, произведутъ слѣдующій чинъ моего бѣднаго брата!

Онъ былъ теперь только капитаномъ, и это въ сорокъ летъ. 5 августа депеши изъ Вейсенбурга повернули мои мысли на другую сторону: въ первый разъ я подумалъ о домахъ французскаго Эльзаса, оскверненныхъ нѣмецкими солдатами.

● Наши бѣдствія слѣдовали одно за другимъ въ теченіе 5 августа, какъ удары молніи въ грозу. Было тамъ и много сраженій, на примѣръ, Гравелотское сраженіе, но слава еще не снислана. Нельзя было уже не сознаться, что наша армія побѣдила.

дена, и если еще допускали, что счастье поворотится, я не имѣлъ права скрывать отъ себя извѣстное, жестокое, унижительное происшествіе — вторженіе. Непріятель распоряжался мастерски въ нашихъ восточныхъ департаментахъ; нѣмецкія арміи нагло попирали ногами священную почву, которую мой дѣдъ защищалъ съ оружіемъ въ рукахъ и полилъ своею кровью. Печальный день, сто разъ предсказанный старымъ патріотомъ, наступилъ. Развѣ мнѣ нечего дѣлать? Я размышлялъ объ увѣщаніяхъ старика, объ его послѣдней волѣ, о данныхъ мною увѣщаніяхъ, объ условіи, которое онъ заключилъ отъ моего имени и которое было высѣчено на его надгробномъ камнѣ.

Правда, я уже не молодъ, мнѣ сорокъ четыре года; но моему дѣду было сорокъ два, когда онъ отправился въ 1814 г. сражаться съ союзною арміею. Кромѣ того, я еще легокъ, а также ерѣпокъ, какъ никогда. Не приходится ссылаться ни на слабость, ни на негодность. Не буду ли я освобожденъ въ качествѣ отца семейства? Да, безъ сомнѣнія, по закону, но не во мнѣніи храбраго чловѣка, который убѣжалъ изъ Лонси, оставивъ дома шестерыхъ дѣтей и два эю въ пять франковъ въ шкафу. Что бы ни случилось со мной, я былъ увѣренъ, что мой маленькій мірокъ въ безопасности.

Однако, я еще колебался; я долго не рѣшался. Какъ большинство французовъ времянъ имперіи, я мало-по-малу пересталъ интересоваться общественнымъ благомъ. Чловѣкъ, который мастерски распоряжался нами неограниченно, нашими средствами и нашими силами и который за то гарантировалъ намъ спокойствіе и собственность, былъ единственнымъ виновникомъ этой войны: развѣ онъ не былъ обязанъ благополучно окончить ее, подъ своею личною отвѣтственностью, съ арміею, которую онъ организовалъ по своему, онъ, насчетъ способностей котораго мы колебались? Я не представляю это заключеніе ни лучшимъ, ни героическимъ; но, увы, милліоны французовъ разсуждали въ это время совершенно законно по моему. Сколько людей, способныхъ носить оружіе, говорили себѣ между 15 іюля и 1 сентября 1870 г.: «Это ссора Вильгельма съ Наполеономъ; пусть они ее рѣшатъ какъ знаютъ!»

Неизгладимая катастрофа въ Седанѣ и жалкое паденіе имперіи разсѣяли сомнѣнія. Остались только двѣ націи, одна противъ другой, но двѣ націи, изъ которыхъ одна уже имѣла несчаствіе убѣдиться въ преимуществѣ другой.

4 сентября, утромъ, получивъ гибельное извѣстіе, я принялъ рѣшеніе. 5, 6 и 7 жители Бурси устраивали маленькую революцію, по примѣру Парижа, и у меня было слишкомъ много собственнаго дѣла, чтобы сожалѣть, что пришлось уйти съ площади.

Бъ намъ неожиданно свалился съ неба подпрефектъ, въ лицѣ моего стараго товарища, Августа Пулярдъ. Послѣ распущенія гвардіи мобилей онъ былъ солдатомъ въ Африкѣ, журналистомъ въ латинскомъ кварталѣ, секретаремъ одного толстаго писателя, ученаго г. Карбезьера, и, временемъ, репетиторомъ. Капризная судьба угощала его иногда трюфелями, часто печенымъ картофелемъ, заставляя его поститься чаще, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Среди этихъ перемѣнъ онъ остался веселымъ, обязательнымъ и добросовѣстнымъ, избѣгая богемы, какъ огня, и боясь занять два су на табакъ, «потому что,—говорилъ онъ,—этого довольно для несостоятельнаго человѣка». Во время министерства Оливье онъ издавалъ, на деньги одного молодаго валаха, литературный журналъ, гдѣ говорилось только о политикѣ; и его маленькому походу противъ плебисцита 8 мая не доставало ни ума, ни храбрости. Вотъ почему, вечеромъ 4 сентября, одинъ прежній клубный пріятель, добившійся второстепенной, но важной должности въ министерствѣ на площади Бово, взялъ его къ себѣ на чердакъ, предложилъ ему подпрефектуру, послалъ его переодѣться въ новый костюмъ и сунулъ ему въ руку тысячефранковый билетъ, который не составлялъ богатства.

Добрый Августъ, немного постарѣвшій отъ встряхиваній жизни, но еще крѣпкій и готовый работать, прибылъ къ намъ, какъ спаситель.

Граждане, обезкураженные непрерывными поражениями нашихъ солдатъ, нуждались въ возбужденіи; тюренцы уѣхали въ лагерь, не привывши къ выстрѣламъ. Мужчины и безбородые юноши набирались для продолженія войны. Всѣ холостые семейства Дюмонъ, мои кузены, племянники, по обычаю Бретани, были въ арміи; даже бѣдный Викторъ уѣхалъ въ Кобленцъ: отправившись раньше насъ всѣхъ, онъ былъ взять съ 80,000 другихъ въ седанской западнѣ.

Риснувъ провѣдать его, я держалъ свои замыслы въ большой тайнѣ; я выбралъ свой гарнизонъ: это былъ Бельфоръ, гдѣ

мой шурина Жанъ командовалъ ротой 4 батальона въ 84 линіи. Мои ежедневныя поѣздки въ Бурси помогли обману; Барбара не знала ничего о моихъ проектахъ, ничего о моихъ распоряженіяхъ. Я рѣшилъ сдѣлать невѣжливость, уѣхавъ по-англійски, 20 сентября, съ курьерскимъ поѣздомъ въ полдень, бросивъ въ почтовый ящикъ прощальное письмо.

Все шло хорошо до назначеннаго мною дня; но когда я всталъ съ постели въ половинѣ седьмаго, Барбара, вставшая, по привычкѣ, послѣ меня, надѣла туфли и сказала мнѣ:

— Мы одни. Надѣюсь, что ты не вздумалъ скрывать отъ меня твои намѣренія. Это было бы впервые. Другъ мой, я знаю, куда ты отправляешься. Хорошіе мужья, и ты одинъ изъ нихъ, не имѣютъ секретовъ отъ своихъ женъ, когда даже ничего не говорятъ. Вотъ уже мѣсяць, какъ я знаю о твоёмъ стремленіи, о твоей нерѣшительности, о твоёмъ окончателномъ рѣшеніи. Ты никогда громко не бредилъ, но мы спимъ довольно близко одинъ къ другому, мой возлюбленный, чтобы я могла читать, какъ въ открытой книгѣ, въ глубинѣ твоего сердца. Вы воображаете, что, закрывъ ротъ и глаза, вы уподобляетесь денежному сундуку? Какъ вы еще молоды! Даже только по тому, какъ ты вчера вечеромъ обнималъ нашихъ дѣтей, я все отгадала. Не старайся лгать. Зачѣмъ? Ты не искусень, мой Пьеръ; увѣряю тебя, что ты ничто иное, какъ транспарантъ, по крайней мѣрѣ, для меня, точнѣе изъ стекла. Знаю, что тебя толкаетъ и что удерживаетъ; я замѣтила минуту, когда рѣшительный аргументъ перетянулъ бы равновѣсіе. Не хочешь ли, я тебѣ расскажу не только про то, что ты собираешься сдѣлать, но даже куда ты отправляешься? Ты ѣдешь къ моему брату въ фортъ Барръ, въ Бельфоръ. Правда?

Я оцѣпенѣлъ отъ изумленія и едва могъ ей отвѣтить:

— Хорошо, пускай это правда. Но если ты все видѣла, почему ты не вернула меня съ половины дороги? Ты одобряешь меня или, по крайней мѣрѣ, прощаешь?

Она повернула меня къ себѣ, посадила въ ноги нашей постели, взяла мои руки въ свои, устремила на меня пристально свои прекрасные глаза и заговорила съ нѣжностью, почти торжественно:

— Дорогой мой мужъ, я не только жена, но я французка! Я выучилась любить отечество, любя тебя; твой бѣдный

дѣдъ заставилъ меня понять, что оно должно быть для меня также дорого и, если бы это было возможно, еще дороже тебя. Ты никогда не забывалъ этихъ уроковъ истиннаго гражданина, а я тѣмъ болѣе, Пьеръ! Человѣкъ, который исполняетъ свой долгъ, не извиняють, даже не поздравляютъ; ему говорятъ: «ты на хорошей дорогѣ; иди!» Если бы я стала увѣрять тебя, въ моментъ подобной разлуки, что я довольна или спокойна, ты мнѣ не повѣрилъ бы, и ты былъ бы правъ. Я боюсь, какъ ты боялся въ первый разъ, когда нѣмецкія бомбы сверкали вокругъ тебя, но я поступаю такъ же, какъ будешь потомъ поступать и ты, мой возлюбленный. Я не поддаюсь. Наше дѣло правое, оно свято; оно изъ такихъ, за которыя одинаково хорошо—побѣдить или умереть. Собери же все твое мужество. Если ты вернешься, на что я твердо надѣюсь, я буду любить тебя еще сильнѣе, чѣмъ прежде; это будетъ дѣло чрезвычайной важности. Если же ты не вернешься, я сдѣлаю что-нибудь самое высокое и самое похвальное: я буду жить, чтобы воспитывать нашихъ дѣтей въ благоговѣніи къ ихъ отцу, въ любви къ родинѣ и поклоненіи свободѣ. Мы согласны? Да. Теперь отправляйся; поцѣлуй другъ друга отъ сожалѣній, которыя расслабляютъ человѣка. Тебѣ нужны всѣ твои силы, мой солдатъ, и мнѣ также. Клянусь, что раньше пяти часовъ я не пролью ни одной слезы!

Она присутствовала, не нахмурилась, при моемъ одѣваніи, обняла вмѣстѣ со мною нашихъ дѣвочекъ въ ихъ комнатѣ, мальчиковъ, которые собирали грибы подъ дубами парка, и проводила меня на станцію, давши мнѣ твердымъ голосомъ нѣсколько маленькихъ порученій къ своему брату. Въ послѣднюю минуту она испытывала сильное искушеніе проводить меня дальше и доѣхать до Курси. Но она не чувствовала себя достаточно увѣренною въ себѣ или, можетъ быть, во мнѣ и, крѣпко поцѣловавъ меня два раза въ щеку, убѣжала и исчезла.

На фабрикѣ я позвалъ къ себѣ всѣхъ старшихъ, одного за другимъ, и, не открывая имъ моихъ намѣреній, говорилъ о довольно долгой поѣздкѣ, о возможной перемѣнѣ хозяина, о полной власти, которую будетъ имѣть хозяйка, если случится несчастіе. Работа шла очень хорошо, хотя война похитила у насъ людей болѣе сильныхъ. Наше рабочее населеніе ограничивалось почти все стариками, женщинами и дѣтьми, но заказы получались постоянно, въ сырыхъ произведеніяхъ недостатка не было,

бассейнъ въ Алье давалъ намъ уголь въ изобиліи, только отправки болѣе не были ни регулярны, ни вѣрны.

При возгласѣ кондуктора: «Курси! поѣздъ стоитъ пять минутъ!» единственный вагонъ открылся и я замѣтилъ, какъ оттуда выскочилъ господинъ высокаго роста, лѣтъ подъ семьдесятъ, съ совершенно сѣдою головой и бородой, но очень ловкій для своихъ лѣтъ и дородности. Онъ держалъ въ рукѣ своей билетъ и бросился къ выходу съ такою стремительностью, что толкнулъ меня въ проходѣ. Онъ бросился ко мнѣ на шею, зовя меня: «Пьеръ, дорогой Пьеръ!» — и я заплакалъ, обнимая его. Это былъ Басе.

— Куда ты?—спросилъ онъ меня.

— На границу. А ты?

— Я тоже. И, разъ я тебя поймалъ, я тебя не оставлю. Въ дорогу!

— А твой билетъ?

— Я заплачу по прибытіи.

— А твой багажъ?

— У меня его нѣтъ. Мы, американцы, путешествуемъ руки въ карманахъ.

Онъ вошелъ со мной въ вагонъ и я имѣлъ время распросить его обо всемъ. Старость его, повидимому, не утомляла. Его фигура, немного потолстѣвшая, но крѣпкая и плотная, казалось, была сдѣлана изъ однихъ костей и мускуловъ. Глаза блестѣли подъ бѣлыми бровями, зубы сверкали подъ бѣлоснѣжными усами; цвѣтъ лица, однообразно-красный, указывалъ на сангвиническій темпераментъ, укрѣпленный жизнью на открытомъ воздухѣ. Коротко стриженные волосы образовали густую щетку; короткая и свѣтлая на щекахъ борода оканчивалась остроконечно, какъ у козла. Фуражка изъ сѣраго сукна съ козырькомъ лакированной кожи, платье пыльнаго цвѣта, зашнурованныя ботинки изъ желтой кожи, съ грубыми и тяжелыми подошвами, фланелевая рубашка и фальшивый коленкоровый воротничекъ составляли весь его нарядъ; дорожная сумка изъ чернаго сафьяна замѣняла ему багажъ.

— Мы, американцы, — говорилъ онъ; — мы бросаемъ свое бѣлье, когда оно грязно, и замѣняемъ его новымъ; это экономія въ стиркѣ.

— А! въ самомъ дѣлѣ, такъ ты уже гражданинъ Америки?

— Нѣтъ, дорогой мой, невозможно! Мнѣ только надо было подписать бумаги, вотъ въ чемъ дѣло. Я пробовалъ десять разъ, двадцать, сто разъ: перо у меня всегда падало изъ рукъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени эта глупость или, лучше сказать, слабость раздражала меня; я бѣсился на самого себя. Теперь...

— Теперь?

— Ну, да теперь я къ этому привыкъ. Если бы было написано, что господа нѣмцы переломають мнѣ кости, кусочки ихъ останутся, все-таки, французскими.

ГЛАВА XV.

П о д н и м е м с я !

Безпредѣльная храбрость горсти нашихъ солдатъ и преданность Франціи и долгу офицеровъ, засѣвшихъ за стѣнами Бельфора, отстояли груды развалинъ отъ упорной осады германскихъ войскъ. Въ половинѣ февраля кончились наши страданія, тревоги и наши подвиги. Осада снята, и повѣрите ли, при разставаніи съ этою кучей камней, называвшихся когда-то крѣпостью, я испытывалъ невыразимую печаль, несмотря на близость свиданія съ семьей и друзьями подъ моимъ роднымъ кровомъ. Отъ глубины души я сожалѣлъ несчастныхъ жителей Бельфора, напрасно принесшихъ столько жертвъ. Старый мэръ, не щадившій себя ни днемъ, ни ночью во время осады, на прощанье крѣпко пожималъ намъ руки, съ трудомъ удерживая слезы.

Наши друзья въ городѣ собрались вокругъ насъ передъ отъѣздомъ. Одна бѣдная старушка, потерявшая всѣхъ своихъ родныхъ во время осады, неотступно спрашивала:

— А что же будетъ съ нами послѣ васъ? послѣ васъ что? Ясно: послѣ насъ непріятель.

Мой шуринокъ Жанъ взялъ меня подъ руку и сказалъ, указывая на городъ:

— Смотри и помни, какую школу мы прошли здѣсь. Отнынѣ имя Бельфоръ на военномъ языкѣ будетъ синонимомъ твердости и стойкости въ защитѣ. Галунъ стоилъ мнѣ дорого, но я счастливъ, что приобрѣлъ его здѣсь.

Басе уже не было съ нами. Въ февралѣ онъ былъ выбранъ нашимъ департаментомъ, между тѣмъ какъ верхне-рейнекій из-

бралъ гг. Данферъ-Рошери и Грожана; полковникъ ни на минуту не подумалъ покинуть свой постъ. Грожанъ, префектъ безъ префектуры, и Басе, подрядчикъ безъ подрядовъ, отправились въ Бордо и тамъ потратили еще не мало усилий, отстаивая Бельфоръ. Мой старый другъ обѣщалъ побывать въ Курси и написать мнѣ оттуда; онъ въ самомъ дѣлѣ написалъ, но въ то время, когда осада еще не была снята; письмо осталось у пруссаковъ, и если они прочли его, то не думаю, чтобы остались довольны его содержаниемъ. Я два раза посылалъ письма женѣ на воздушныхъ шарахъ; изъ нихъ она получила только одно; нѣсколько разъ посылалъ письма съ контрабандистами, но не получилъ отъ нея ни одного слова въ отвѣтъ. И такъ, я ничего не зналъ о моемъ семействѣ и о его положеніи, ничего не зналъ о дорогой родинѣ, которую нѣмцы, можетъ быть, уже разорили.

Недѣли черезъ двѣ послѣ нашего отъѣзда я получилъ въ Греноблѣ слѣдующую телеграмму:

«Гренобль изъ Курси 6. 3. 71. 8. 25.

«Зола очищена, всѣ бодры, здоровье отличное. Обнимаемъ тебя. Когда увидимся?

«Варвара Дюмонъ».

О чемъ она говоритъ? Неужели фабрика опять сгорѣла? Однако, я выстроилъ ее изъ кирпича и желѣза, дерева тамъ очень мало, вездѣ на крышахъ резервуары и проведена вода. Пожаръ могъ произойти только отъ поджога или по несчастію отъ войны.

Я читалъ и перечитывалъ телеграмму съ возрастающею тоской; наконецъ, отправился къ нашему новому капитану, молодому воспитаннику Сень-Сира, получившему чинъ въ Бельфорѣ.

— Бѣдный мой Дюмонъ,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови, послѣ того какъ узналъ содержаніе телеграммы,—это, навѣрное, надѣлали пруссаки или баварцы. Я недавно читалъ въ газетахъ, что пруссаки были въ Курси и прогнаны оттуда генераломъ Пурсе, но можно сдѣлать зло и въ короткое время. Почему вы не отправитесь сами въ Курси, чтобы все узнать достовѣрно? Конечно, я былъ бы счастливъ провести съ вами всю жизнь, но, какъ вашъ другъ, я обязанъ помочь вамъ успокоиться въ вашемъ горѣ. Г. Дюмонъ, вы заключили договоръ на время войны, но миръ подписанъ въ Версалѣ 27 февраля. Парижъ свободенъ отъ нѣмцевъ съ 3 марта, слѣдовательно, и вы свободны

нравственно; надо только выполнить известныя формальности. Я увѣренъ, что начальникъ отряда подпишетъ вамъ отпускъ на мѣсяць, если я попрошу его о томъ. Вы можете уѣхать сегодня же вечеромъ и ждать окончательной отставки въ Курси. Напишите объ этомъ вашему семейству, проститесь съ командиромъ Бонафипоръ и укладывайте ваши вещи; все остальное я устрою.

Я горячо поблагодарилъ капитана за его любезность и побѣжалъ на телеграфъ, гдѣ написалъ:

«До завтра, милая жена, ѣду!»

Я обнялъ стараго друга Жана, простился съ товарищами и купилъ себѣ штатское платье въ магазинѣ. Чемоданъ мой былъ у Басе, а явиться въ Курси въ моемъ старомъ военномъ мундирѣ казалось мнѣ смѣшнымъ.

Армія—сложная машина; тамъ ничто не дѣлается скоро, по крайней мѣрѣ, въ мирное время. Мой капитанъ потратилъ цѣлый день на поиски подполковника, отряды котораго были разсыпаны въ окрестностяхъ Гренобля. Главный начальникъ, г. Марти, былъ человѣкъ мелочной; онъ доказалъ это на смотру въ Одинкурфъ, и отпускъ я получилъ только 8, послѣ отхода послѣдняго поѣзда. Я поѣхалъ въ Лионъ 9, и такъ какъ порядоги на желѣзныхъ дорогахъ не совсѣмъ еще были возстановлены послѣ войны, то мы часто останавливались и путешествіе наше продлилось двое сутокъ. Наконецъ, поѣздъ подошелъ къ Курси, опоздавши на два часа противъ распisanія. Станція была пуста и едва освѣщена; единственный служитель отобралъ у меня билетъ. И ни одной кареты у подѣзда, никто меня не встрѣтилъ, и понятно: я просрочилъ четыре дня. Я пошелъ пѣшкомъ по дорогѣ къ фабригѣ между двухъ рядовъ фонарей, плохо горѣвшихъ или совсѣмъ не зажженныхъ. Мой привратникъ, старый солдатъ крымскихъ и итальянскихъ походовъ, былъ на своемъ посту, но проснулся только послѣ вторичнаго зова и недовѣрчиво осмотрѣлъ меня. Узнавъ меня, онъ громко закричалъ:

— Ахъ, хозяйинъ! А барыня думала, что вы умерли; она ѣздила васъ встрѣчать съ дѣтьми къ семичасовому поѣзду. Ахъ, какъ она будетъ рада, да и всѣ мы вамъ рады, и весь городъ, и рабочіе! Дорогой нашъ хозяйинъ!

Хотя ночь была довольно темна, я тотчасъ увѣрился, что фабрика не была разрушена. Пожавъ руку моему вѣрному слугѣ, я направился къ моему родному гнѣздышку, но онъ удержалъ меня за руку.

— Хозяинъ, позвольте проводить васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ домъ сожгли, барыня перешла въ помѣщеніе г. Шарль, гдѣ онъ жилъ послѣ стариковъ Бонафипоръ.

Я пошелъ за нимъ машинально, разспрашивая его о дѣтяхъ и женѣ. Все остальное казалось мнѣ второстепеннымъ и несчастія поправимыми.

Онъ не успѣлъ позвонить, какъ Катерина материнскимъ инстинктомъ почувствовала мое приближеніе, быстро отворила дверь и обвила мою шею своими грубыми руками.

— Это ты, ты!—говорила она, задыхаясь.—Барыня, барыня! онъ прѣхалъ, прѣхалъ, а дѣти спятъ!

Я вошелъ. Моя бѣдная семья заснула въ столовой вокругъ стола, на которомъ былъ поставленъ мой приборъ. Барбара проснулась первая, но поднялась съ трудомъ, держа на рукахъ маленькую Полину.

— Наконецъ-то ты со мной!—сказала она мнѣ.—Теперь все остальное не имѣетъ для меня значенія.

Полина проснулась при звукѣ нашихъ поцѣлуевъ; она открыла глаза, схватила меня за бороду и закричала, заливаясь слезами:

— Папа не умеръ!

Остальные дѣти живо оправились отъ сна, тѣмъ болѣе, что они еще не обѣдали. Пьеръ и Жанъ карабкались ко мнѣ на колѣна и спорили въ то же время: одинъ находилъ меня красивымъ, другой безобразнымъ.

— Ты меня выучишь воевать!—сказалъ старшій.

А младшій прошепталъ мнѣ на ухо:

— Если бы пруссаки убили нашего папу, мы убили бы всѣхъ прусскихъ дѣтей.

Женевьева долго не могла оправиться отъ сна, но, поужинавши со мною, такъ какъ я буквально умиралъ съ голода, она рѣшительно отказалась идти спать. Моя жена и Катерина ласково уговорили ее не упрямиться. Мальчики ушли спать первые. Я самъ раздѣлъ и уложилъ моихъ двухъ похорошѣвшихъ и выросшихъ дѣвочекъ, а затѣмъ обратился къ матери моихъ четверыхъ дѣтей.

— Черезъ три мѣсяца я буду матерью пятерыхъ,—сказала она.—Надѣюсь, у меня будетъ дочь; я ей уже выбрала имя—

Франциска, въ память твоего дѣдушки и въ честь Франціи, нашего дорогаго отечества.

Лежа на постели, долго за полночь рассказывала она мнѣ все, что надѣлали намъ нѣмцы.

— Какъ только я услышала, что они угрожаютъ Вилльвелью, я собрала дѣтскіе пожитки и отвезла все въ Мартигъ, къ папѣ и мамѣ. Они совсѣмъ насъ избаловали и обожаютъ тебя, бѣдные старички! Я хотѣла увезти съ собою и наши деньги, но дядя Жозефъ напомнилъ мнѣ, что дороги небезопасны и что миллионъ въ бумагахъ на предъявителя подвергается большому риску въ моихъ рукахъ. Онъ взялся спрятать его въ безопасное мѣсто, и я положила на него, списавши на всякій случай табличку номеровъ. Инстинктъ храненія побудилъ меня отдать дядѣ и нашу коллекцію клише. Ты знаешь, у насъ ихъ было на сотню тысячъ франковъ; а чтобы изготовить ихъ вновь, потребуется пять, шесть лѣтъ. Дядя знаетъ это; въ ту же ночь онъ пріѣхалъ на двухъ телѣгахъ съ твоимъ бузеномъ Полемъ и увезъ всѣ наши драгоценности въ Лезарскій лѣсъ, гдѣ все зарылъ подъ толстымъ слоемъ моха, покрытаго снѣгомъ. Что касается цѣнныхъ бумагъ, онъ не могъ рѣшиться помѣстить ихъ такъ далеко отъ себя, а заперъ въ желѣзный сундукъ, который спряталъ въ магазинъ № 5, подъ 40,000 килограммовъ непрессованной глины. Все это было устроено, прежде чѣмъ я уѣхала изъ города. Пришли нѣмцы. Имъ сопротивлялись крайне слабо и этимъ только дали право обращаться съ городомъ, какъ съ взятымъ съ боя. Они помѣстили на фабрикѣ своихъ солдатъ, лошадей, свои нушки, фургоны. Съ перваго же дня они разграбили всѣ наши погребя и запасы и тутъ же начали собирать и укладывать наши пожитки, чтобы отправить ихъ въ Германію или продать по дорогѣ. Дядя Жозефъ присутствовалъ при этомъ грабежѣ; онъ сказалъ начальнику. «Вы хорошо рассчитываете, по-коммерчески; вѣроятно, съ нашими вещами вы откроете магазинъ въ Берлинѣ». Тотъ презрительно отвѣчалъ, закуривъ твою сигару: «Мы на войнѣ!» — «Такъ развѣ война коммерческое дѣло?» — возразилъ крестьянинъ. И въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Въ одинъ прекрасный день они потребовали наши металлическія доски гравюръ. Помнишь ты того художника, будто эльзасца, который проживалъ тутъ и рисовалъ виды Бурси? Это былъ шпионъ; онъ-то и взялся за эти переговоры. Дядя твой притворился,

что ничего не понимаетъ, и упорно утверждалъ, что никогда не видалъ никакихъ мѣдныхъ досокъ въ домѣ, а только въ кухнѣ были мѣдныя кастрюли. Чтобы отомстить ему за упорство, они отправили его въ Познань, въ ихъ ужасную страну. Онъ еще тамъ, но уже писалъ мнѣ о скоромъ своемъ возвращеніи. Рисунки, гравированные Дюссо, тобою и Бержерономъ, найдены, благодаря твоему кузену, который зналъ тайниги и не терялъ его изъ вида. Въ несчастію, желѣзная шкатулка, куда были спрятаны наши драгоценности и деньги, попала въ непріятельскіе фургоны; не знаю, кто измѣнилъ намъ, но они выкопали ее изъ-подъ глины. Такъ какъ я сохранила номера, то озаботилась помѣщать продажѣ бумагъ на европейскихъ биржахъ, но я себя не обманываю: этотъ миллионъ потерянъ. Злодѣи, ограбившіе насъ, хотѣли уничтожить огнемъ слѣды своего преступленія. Въ день ихъ отъѣзда вспыхнулъ пожаръ въ десяти мѣстахъ на фабригѣ. Нашъ любимый домигъ, постройка г. Симоне, сгорѣлъ, какъ свѣча; отъ него ничего не осталось. Курсійскіе пожарные дѣлали нечеловѣческія усилія, чтобы спасти фабрику. Этимъ мы обязаны памяти твоего отца. Поврежденія тамъ есть, но поправимыя. Все цѣло, кромѣ отдѣленія для машинъ и печей, куда они заложили динамитные патроны. Но мы еще не самые несчастные въ нашемъ городѣ. Нашъ сосѣдъ, фабригантъ огнеупорныхъ кирпичей, оборвалъ телеграфную проволоку, по которой шпіоны сообщались съ главнымъ штабомъ, расположеннымъ въ нашемъ Ларси. Его выдала какая-то женщина, онъ былъ осужденъ тремя нѣмцами и тутъ же разстрѣлянъ. «Жалью, что не сдѣлалъ вамъ болѣе зла! Да здравствуетъ Франція!»—проговорилъ онъ, умирая. Катерина упорно защищала наше добро, но они вырвали у нея ключи изъ рукъ, набили при ней сундуки всѣмъ нашимъ добромъ, а чего не могли захватить, то уничтожили. Вмѣсто дровъ для топки, они жгли наши зеркала, портьеры, картины, рѣдкія растенія, араукаріи, камелии, рододендроны, манголіи и другія оранжерейныя драгоценности. Они кололи дрова на мозаикѣ нашихъ лѣстницъ и рѣзали мясо нашихъ барановъ и коровъ на твоёмъ билліардѣ. За столомъ они пили наше шампанское, какъ простую воду. Паркъ весь изрыли, искали зарытыхъ сокровищъ; ледниги сломали, павильонъ тоже и оранжереи... во всемъ имѣніи осталось только три цѣлыхъ оконныхъ стекла, оставленныхъ, вѣроятно, по забывчивости. Они изорвали всѣ кни-

ги, гравюры въ твоёмъ кабинетѣ. И все это въ продолженіи только недѣли.

Проснувшись на разсвѣтъ, я всталъ и тихо пробрался въ сосѣднюю комнату, окна которой выходили прямо на мое старое пепелище. Все было разрушено и сравнено съ землей. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого мѣста. Жена моя, всегда чутко спавшая, проснулась и подошла ко мнѣ.

— Ты ищешь того, чего нѣтъ, — сказала она: — Взгляни лучше на то, что осталось.

И, взявъ меня подъ руку, она прошла въ комнату дѣтей и указала мнѣ на спящихъ малютокъ.

— Смотри, какъ они хорошо спятъ! Какія они здоровыя, красивыя и крѣпкія! И какое удовольствіе работать для нихъ, чтобы обезпечить ихъ судьбу!

— Да, это удовольствіе, даже больше — обязанность!

Но я чувствовалъ себя ни къ чему неспособнымъ; меня овладѣло мучо.

Человѣку, выдержавшему семидесятитрехдневную осаду, шестнадцать дней похода пѣшкомъ, начинать снова карьеру, обрывать, строить... Нѣтъ, это было слишкомъ; я жаждалъ отды и мечталъ жить рентой въ шесть тысячъ франковъ въ старомъ домѣ дѣда.

— Ну, полно! — вскричала Барбара. — Ты забылъ, каково законъ прогресса. Могъ ли бы дѣдъ гордиться тобою, если онъ видѣлъ, что потомство идетъ назадъ, а не впередъ? Ты вольствуешься шестью тысячами франковъ дохода, а я отдалась отъ 25 тысячъ франковъ до твоего возвращенія. Ларсенъ паркъ хотя и испорченъ, а все-таки, стоитъ 100 000 франковъ; если продать его по мелочамъ, какъ пахотную землю. Боннаръ твой прежній сослуживецъ и мой бывший женихъ, самъ предлагалъ мнѣ 400 000 франковъ за фабричныя строенія. Онъ очень богатъ, хотя еще не получилъ наследства отъ дяди. Онъ и ставлялъ въ армию башмаки, и такіе плохіе, что его, въ разѣ отдалуть подъ судъ, онъ спокойно относится къ этому, говоря: «Виноваты солдаты, что не умѣли ходить въ хорошихъ башмакахъ, а я поставлялъ хорошіе!» Я приняла его сухо. Фабрика наша никогда не потеряетъ своей цѣны, если мы истратимъ сколько сотъ тысячъ франковъ на ея поправку.

— Откуда мы возьмемъ деньги?

— Этого ужъ я не знаю. Я совѣтовалась съ нотаріусомъ Лаворъ. Онъ полагаетъ, что заемъ подъ залогъ недвижимаго имущества есть только фикція, а поземельный кредитъ съ своими упавшими облигаціями готовится къ банкротству. Но, вѣдь, насъ всѣ знаютъ, уважаютъ и любятъ въ этомъ краю; невозможно, чтобы мы не нашли здѣсь денегъ. Притомъ, у насъ еще есть деньги въ долгахъ; намъ отдадутъ.

— Ахъ, если бы это зависѣло отъ меня, я отказался бы отъ всего съ удовольствіемъ.

— Хорошо, но имѣешь ли ты право бросить на произволъ судьбы четырехъ малютокъ, теперь спокойно спящихъ и не сомнѣвающихся въ будущемъ съ тѣхъ поръ, какъ съ ними отецъ? Имѣешь ли ты право оставить нищими рабочихъ, художниковъ и служащихъ, которые рассчитываютъ только на тебя? Всѣ они прекрасные люди. Г. Ламберъ былъ раненъ въ сраженіи при Бонъ-ла-Роландъ и награжденъ. Г. Бержеронъ заслужилъ военную медаль при Бономе, подъ начальствомъ генерала Федерба. У насъ семь рабочихъ ранено, трое умерли, послѣ нихъ остались вдовы и дѣти, они стоятъ твоего участія, ты не можешь отрицать этого. А остальные шестьсотъ человѣкъ сидятъ безъ работы со времени войны и не могутъ получить въ долгъ ни хлѣба, ни говядины, ни вина. Поставщики говорятъ имъ: «Обратитесь къ господину Дюмону; фабрика васъ накормитъ». Эти люди достойны сожалѣнія болѣе насъ: у насъ всегда будетъ хлѣбъ; у меня есть сумма, полученная мною съ Мартиговъ, и драгоценности, подаренныя тобою. Послушай, Пьеръ, мы съ тобой родились въ бѣдности и трудомъ зарабатывали хлѣбъ. Богатство пришло къ намъ вдругъ и какъ бы чудомъ. Я до сихъ поръ понять не могу, какъ Симоне, такой черствый человѣкъ, отдалъ тебѣ половину своего завода ни за что, ни про что. Но богатство не совсѣмъ избаловало насъ; оно нѣсколько разнѣжило, это правда, и вотъ теперь намъ представляется случай снова приняться за работу, снова терпѣть лишенія, заботы, хлопоты и быть неувѣренными въ завтрашнемъ днѣ. Если мы черезъ полгода не достанемъ денегъ на поправку фабрики, мы, все-таки, будемъ работать медленно, постепенно, какъ семья, только начинающая жить. Сначала мы починимъ машину, передѣлаемъ печь, заведемъ мастерскую. Я займусь дѣлами дома, ты поѣдешь къ кліентамъ возобновить связи. Каждый изъ насъ

будеть стараться увеличить доходы. Продолжая работу дешевых тарелокъ, иногда можно будетъ рискнуть сдѣлать художественную вещицу, дорогую. При такомъ трудѣ нечего заботиться о помѣщеніи: и эта квартира слишкомъ хороша для насъ. Не надо намъ ни парка, ни замка лѣтомъ; какъ бѣдняки, мы будемъ постоянно жить въ городѣ, а дѣтей будемъ посылать гулять въ Лезарскій лѣсъ или на каналъ. Вотъ какъ мы будемъ жить и еще больше полюбимъ другъ друга! Я еще не дѣлила съ тобой нищеты и съ радостью примусь за это теперь, дорогой мой другъ!

Тутъ проснулись дѣти и прервали нашъ разговоръ до самаго завтрака. Вѣсть о моемъ прибытіи уже распространилась по городу. Пришли наши родные, друзья, собрались рабочіе. Эти добрые люди смотрѣли на меня, какъ на спасителя, и не сомнѣвались въ немедленномъ возобновленіи работъ. Покинуть фабрику было бы нравственнымъ банкротствомъ. Напрасно я повторялъ имъ: «Друзья мои, у меня нѣтъ ни копейки!» Всѣ такъ привыкли видѣть меня въ роскоши, что не хотѣли вѣрить моимъ словамъ.

Я не принималъ на себя никакихъ обязательствъ, но французъ рабъ своего честнаго имени столько же, сколько и слова. Вотъ почему я въ тотъ же день продалъ Ларси одному купцу. Барбара, съ своей стороны, послала свои брилліанты одному изъ нашихъ лондонскихъ корреспондентовъ, который далъ за нихъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Нашъ парижскій агентъ пріѣхалъ лично передать мнѣ бездѣлицу, оставшуюся въ его касетѣ,—десять тысячъ франковъ. Эта сумма вмѣстѣ съ деньгами, вырученными за брилліанты, составляла весь нашъ капиталъ до конца коммуны. Покупщикъ Ларси долженъ былъ выплатить сумму по частямъ въ восемнадцать мѣсяцевъ. Я могъ бы еще занять у Басе, но мнѣ совѣстно было обращаться къ нему послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ для насъ, и въ особенности послѣ присылки дорогаго подарка въ видѣ слитковъ золота. Мнѣ казалось болѣе подходящимъ обратиться къ моему прежнему хозяину. Онъ былъ богатъ, лучше всѣхъ зналъ цѣну завода, и я былъ увѣренъ, что онъ не откажетъ мнѣ въ деньгахъ за проценты. И такъ, я поѣхалъ къ старику, жившему у зятя-инженера въ Вилльвельфѣ. Хозяйка дома приняла меня холодно, но благосклонно; она показала мнѣ свой портретъ моей работы, встав-

ленный въ богатую раму и висѣвшій въ бѣлой залѣ, отдѣланной золотомъ. Она предупредила меня, что я найду ея отца очень измѣнившимся: происшествія послѣднихъ дней вызвали у него параличъ мозга. Онъ былъ добръ и ласковъ съ дѣтьми, вѣжливъ съ чужими, но надо было извинить его разсѣянность и отдалять отъ него всякое волненіе.

Она повела меня къ нему и сказала ему мое имя. Симоне крѣпко пожалъ мнѣ руку и вскричалъ: «Здравствуйте, г. Басе». Дочь поправила его: «Папа, это г. Дюмонъ». — «Да, — сказалъ онъ, — получилъ отъ Басе въ счетъ Дюмона. Поблагодари его, дитя мое; онъ далъ тебѣ въ приданое 120,000 франковъ. Вы благородный человѣкъ, г. Басе, вы избавили меня отъ Пулярда, обиравшаго меня, вы перестроили фабрику на свой счетъ, вы доставили мнѣ богатство. Зачѣмъ, однако, вы отдали вашу половину этому простофилѣ Дюмону?» — «Папа!» — «Такъ, дочь моя. Онъ вообразилъ, что я даромъ отдаю ему половину своего дѣла, что я брошу деньги свои въ окно. Скажите, пожалуйста! Г. Басе! я человѣкъ справедливый, но практическій. Еще на школьной скамейкѣ товарищи говорили про меня: Симоне добьется своего.

Я ушелъ отъ этого бѣднаго человѣка, провожаемый изъявленіями вѣжливости и извиненіями его дочери. Я былъ огорченъ, что засталъ его въ такомъ положеніи, но доволенъ тѣмъ, что изъ его безсвязной болтовни я понялъ тайну моего быстрого обогащенія. Больше сомнѣваться нельзя. Я былъ обязанъ всѣмъ бывшему работнику моего отца, вѣрному, почтительному обожателю несчастной страдалицы; я всѣмъ былъ обязанъ тому человѣку, который желалъ усыновить меня, отъ чего я отказался съ ужасомъ. Благородный человѣкъ по своей деликатности передалъ мнѣ свои сбереженія въ видѣ награды за мое честное поведеніе.

Приѣхавши домой, я былъ очень удивленъ, услыхавъ стукъ машинъ. Жена моя, встрѣтившая меня на станціи съ дѣвочками, искренно восхищалась моимъ удивленіемъ.

— Это я сыграла съ тобою шутку, — сказала она. — Нѣмцы, взорвавъ наши машины, забыли о гидравлической силѣ, или, лучше сказать, вредъ, причиненный ими машинамъ, легко было исправить, и посмотрите, какъ мы устроились.

Я послѣдовалъ за ней въ токарную мастерскую, гдѣ двадцать человѣкъ работали съ видимымъ удовольствіемъ. Человѣкъ

десять исправляли менѣе попорченныя печи. Маленькая фабрика возрождалась на развалинахъ большой.

— Видишь ли, бѣдняжка, — сказала мнѣ моя милая жена, — создавать хорошо, но еще похвальнѣе передѣлать испорченное. Надо умѣть исправить книгу, картину, состояніе. Только такимъ образомъ становишься человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, — ты настоящій человѣкъ-мужчина, а я примусь завтра за шитье юбокъ.

Нашъ заводъ поправлялся понемногу. Мы жили бѣдно, но лишения наши казались намъ сладкими, потому что мы ихъ дружно дѣлили съ женою. У Барбары родилась дочь Франциска, а я въ это время возобновилъ связи съ старыми кліентами. Дядя Жозефъ съ моими двоюродными братьями возвратился изъ плѣна. Маленькій Викторъ оказался способнымъ и прилежнымъ. Наши работники и художники ревностно принялись за дѣло и въ 1873 году на вѣнской выставкѣ удостоились награды за выдѣлку фаянса. Въ этомъ году родились мои милые близнецы Камилла и Морисъ и умеръ мой другъ и второй отецъ, старый республиканецъ Басе, на семьдесятъ третьемъ году жизни. Онъ умеръ отъ апоплексическаго удара въ Парижѣ, при послѣднемъ издыханіи сдѣлавъ движеніе руками, какъ будто хотѣлъ кого задушить. Его завѣщаніе сдѣлало насъ богачами, но мы обошлись бы безъ этого печальнаго наслѣдства, такъ какъ три четверти нашихъ украденныхъ бумагъ были найдены въ 1875 г. въ Брюсселѣ у одного мѣнялы . . . . .

Если бы я былъ депутатомъ, я зналъ бы, какой законъ предложить французскому правительству, но я не депутатъ и не совѣтникъ; я подаю голось за то, что мнѣ кажется лучшимъ, и не щажу своего вліянія наканунѣ выборовъ, зная по убѣжденію, что первая обязанность гражданина — интересоваться общественными дѣлами. Но я не возьму на себя, какъ и мой отецъ, никакой общественной службы.

Фабрика моя идетъ отлично. Мы производимъ съ одинаковымъ успѣхомъ и тарелки въ два су, и блюда въ пять тысячъ франковъ. Я давно уже перестроилъ свой домъ въ Бурси, которымъ приходятъ любоваться любопытные издалека, но лѣто я провожу въ нашемъ имѣніи въ Тальемонѣ, гдѣ я занимаюсь хлѣбопашествомъ. Мы приобрѣли имѣніе дешево у разоривша

ося камергера и такъ къ нему привязались, что не уступимъ
 го теперь ни за какую цѣну. Я уже не молодъ; волосы мои
 облыбли и борода посѣдѣла; но жена моя и дѣти довольны
 ною, а это главное; жена моя нисколько не измѣнилась и
 какъ же красива, какъ и въ первые дни нашей свадьбы. Мысль
 равнять ее съ другими никогда не приходила мнѣ въ голову.
 отъ она подходитъ ко мнѣ и вырываетъ у меня перо изъ
 укъ.

— Довольно, несносный! — говоритъ она. — Ты начинаешъ
 исать такія вещи, которыя никого не интересуютъ, кромѣ насъ
 цнихъ.

...тѣ

тѣ въ

минуты

дѣлать глупыя и глупыя

мысли и говорить

о томъ, что я

не знаю, что такое

любовь и что такое

...и что такое

любовь и что такое

любовь и что такое

любовь и что такое

любовь и что такое

Н. Г.

* *
*

Какъ блещетъ жизнью все, и рдѣетъ, и цвѣтетъ
Подъ лаской вѣчнаго, живительнаго мая,
Какъ гордо моря глубь валы свои несетъ,
По склону берега свободно ихъ бросая!
Повсюду разлиты и свѣжесть, и тепло,
Ихъ грудь усталая съ отрадою вдыхаетъ
И все, что не на вѣкъ страданье унесло,
Въ душѣ измученной тревожно оживаетъ...
Все прелестью живой лаская нѣжить взоръ,
Но видятся ему иной страны картины:
Просторъ родныхъ полей, печальный сумракъ горъ,
Подъ снѣжнымъ саваномъ безбрежныя равнины,
Гдѣ, въ грезахъ холодомъ навѣяннаго сна,
Угрюмо клонятся подъ свистъ родной метели
Пушистымъ серебромъ одѣтая сосна
И яркимъ инеемъ разубранныя ели....
Въ порывѣ новыхъ силъ, опять туда душой
Влечетъ и давить грудь желаньемъ и тоскою,
Зоветь промчатся вновь подъ бурей снѣговой,
Дохнуть желанною, родной, своей весною.

Н. Ларинъ.

Изъ исторіи мѣстнаго управленія *).

Мы не будемъ останавливаться на подробномъ перечисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ судей, хотя матеріала для этого имѣемъ въ рукахъ болѣе чѣмъ достаточно. Для нашей цѣли по этому вопросу мы ограничимся лишь установленіемъ положенія, что по существу дѣла земскіе судейки Устьянскихъ волостей совершенно соответствовали воеводамъ, когда послѣдніе не были ограничены губными старостами въ ихъ функціяхъ.

Съ такою обширною властью земскіе судьи имѣли мѣсто до конца XVII вѣка лишь въ Устьянскихъ волостяхъ; въ другихъ уѣздахъ они, какъ, напримѣръ, въ Сольвычегодскомъ, уже потеряли ее въ первой половинѣ этого столѣтія; но они не исчезаютъ съ этого времени совсѣмъ съ лица земли, такъ какъ упоминаются въ актахъ и позже, и, вѣроятно, судятъ совмѣстно съ воеводами или губными старостами по такимъ дѣламъ, какъ убійственныя, разбойныя, татныя ²²⁸⁾.

Выбирались земскіе судейки всѣми крестьянами стана или волости съ прѣзными судей и земскими цѣловальниками, а также приходскими церковными старостами во главѣ ²²⁹⁾, изъ людей добрыхъ и душою прямыхъ, животою прожиточныхъ. Вслѣдъ за производствомъ выборовъ составлялся земскимъ выборнымъ дьячкомъ актъ—«выборъ», который подписывался всѣми избирателями, большею частью отцомъ ихъ духовнымъ, за ихъ безграмотствомъ. Получался актъ, который назывался «выборъ за руками» и отсылался въ Москву въ соответствующій приказъ.

Въ товарищи «выборнымъ и земскимъ судейкамъ», какъ называютъ ихъ архивныя памятники, избирались такъ называемые цѣловальники, которые всегда въ тѣхъ же памятникахъ называются и «товарищами» судейскъ ²³⁰⁾, хотя иногда подъ товарищами приходится разумѣть и земскихъ же судейскъ; это въ томъ случаѣ, когда въ волости, какъ сви-

*) Русская Мысль, кн. V.

дѣтельствуеъ Котошихинъ, было по нѣсколько челоуѣкъ выборныхъ судей.

Избирались, какъ это мы видѣли уже изъ одной цитаты, судьи, какъ и цѣловальники, только на *одинъ годъ*.

Какъ утверждались выборы земскихъ судей на Москвѣ, такъ на Москвѣ же передъ московскимъ правительствомъ и отвѣтственны были земскіе воеводы-судейки. Туда же въ Москву «челомъ бьютъ» на рѣшеніе земскихъ судеекъ. И сами они, въ томъ случаѣ, когда дѣла «вершить не умѣли, *указу не догонули*»,—какъ выражается одна челобитная,—перенесли его въ Москву же.

Не въ однѣхъ волостяхъ черныхъ крестьянъ встрѣчаемся мы въ XVII вѣкѣ съ земскими выборными судейками. Есть два печатныхъ акта отъ этого времени, говорящіе о выборныхъ земскихъ судейкахъ города Шуи²³⁶). Одна изъ этихъ грамотъ издана въ 1606 году царемъ Шуйскимъ и представляетъ собою, въ сущности, подтвержденіе давняго строя шуянъ, утвержденнаго еще жалованною грамотой Ивана Грознаго, впоследствии «переписанною на Ростригино (Лжедмитрія I) имя». Шуйскій выдалъ эту грамоту въ отвѣтъ на челобитную «отъ всѣхъ шуянъ», просившихъ «велѣти имъ тое уставную грамоту переписать на его царское имя». Въ «новой» грамотѣ царь говоритъ, что онъ жалуеъ всѣхъ посадскихъ людей Шуи: *«судити и управа межъ ими чинити и наши (царскіе) доходы собирать сполна»* излюбленнымъ земскимъ людямъ, коиъ «выбираютъ межъ собою... по годомъ, посадскихъ же лучшихъ и середнихъ людей добрыхъ и *просужихъ*, которые были бѣ душою прямы и *всѣмъ имъ посадскимъ* людемъ любы». Но функціи этихъ судеекъ ограничены сравнительно съ судейками Устьянскихъ и другихъ волостей: разбойныя, убійственныя и татинныя дѣла судили не они, а губные старосты. Въ городѣ въ это время, очевидно, воеводы не было; вмѣсто него сидѣлъ губной староста. По крайней мѣрѣ, восемь лѣтъ спустя, уже при Михаилѣ Федоровичѣ, шуяне бьютъ челомъ царю, что ихъ, сиротъ, присланный по государеву указу въ Шую воевода князь Гундоровъ тѣснить и мучаетъ поборами. Несомнѣнно, воевода въ эпоху повсемѣстнаго введенія воеводства смѣнилъ въ Шуѣ губнаго старосту. А грамота «жаловальная» шуянъ не была еще переписана на имя царя Михаила; въ приказѣ она забыта. Воевода пріѣхалъ и знать ее не хотѣлъ и вошелъ во всѣ свои права по наказу. Шуяне признали воеводу и, повидимому, помирились съ его появленіемъ, едва ли нарушавшимъ ихъ привилегіи: онъ замѣнилъ губнаго старосту, а, стало быть, и могъ по отношенію къ шуянамъ практиковать лишь право суда по убійственнымъ, разбойнымъ и татиннымъ дѣламъ. Но онъ пошелъ дальше: сталъ собирать съ нихъ всякіе сборы и судить по всѣмъ дѣламъ. Шуяне съ этимъ не хотѣли мириться, ссылаются въ челобитной царю на свои «жалованныя» грамоты

и просить ихъ подтвердить: «а своей, государевы царскія, уставныя грамоты не вели у насъ порудити». Въ томъ же 1614 году грамота царя Василья была переписана на имя царя Михаила.

Мы не указали бы на всё проявленія земскаго начала въ мѣстномъ управленіи Московскаго государства, если бы забыли сказать хотя нѣсколько словъ о такихъ выборныхъ земскихъ органахъ, какъ *земскіе старосты*, *цѣловальники*, *сотскіе* и *десятскіе* ²²⁷⁾. Эти выборныя должностныя лица общинъ Московскаго государства—потомки ихъ исконныхъ предковъ, еще *до-княжескихъ* старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Они дошли до Московскаго государства, а изъ него черезъ все XVIII столѣтіе — и до нашихъ дней. Они всегда были выборными, всегда земскими, общинными «властями», хотя предметомъ ихъ вѣдомства рано стали казенныя повинности почти исключительно. Это потомки тѣхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые когда-то сидѣли еще на судѣ у намѣстниковъ и волостелей, собирали ихъ кормы, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ. Они не исчезли въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ введены были излюбленные судейки, смѣнившіе намѣстниковъ съ волостелями и воеводъ. Ни воеводское, ни губное управленіе не устранило ихъ нигдѣ: ни на черныхъ, ни на дворцовыхъ, ни на владѣльческихъ земляхъ въ крестьянствѣ они не исчезли, какъ не исчезла на этихъ земляхъ среди населявшихъ ихъ крестьянъ и община-міръ.

«Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ и городахъ,—говорить г. Чичеринъ,—въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Они были въ Москвѣ; въ Новгородѣ и Псковѣ оставались исконные пятиконецкіе, уличные, всегородные старосты. Подобно «всегороднымъ» старостамъ Новгорода и Пскова, встрѣчаются въ печатныхъ и архивныхъ памятникахъ XVIII столѣтія *старосты всеуѣздные*. Такъ, на Тотьмѣ, по смерти воеводы, до пріѣзда новаго, правилъ «земскій староста съ товарищи», на имя котораго изъ Пскова и была послана грамота о сдачѣ новому воеводѣ города. Почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ такого воеводствоу земскаго старосты въ Тотьмѣ, на сидящаго въ этомъ городѣ воеводу жалуются *земскій же староста* «во всѣхъ мѣсто посадскихъ и волостныхъ людей *Тотемскаго уѣзда*»; жалуются на злоупотребленія его по управленію уѣзднымъ населеніемъ ямской царской гоньбы. Самъ воевода называетъ въ своемъ отвѣтѣ царю челобитчика,—земскаго старосту,—«старостою *всеуѣзднымъ*» ²²⁸⁾. Къ сожалѣнію, изъ имѣющихся указаній на земскаго всеуѣзднаго старосту нельзя почти никакихъ сдѣлать выводовъ о его функціяхъ ²²⁹⁾, если не имѣть въ виду только что указанной замѣны старостою воеводу, правда, замѣны временной.

Разумѣется, такой *всеуѣздный* староста избирался всѣми посадскими, становыми и волостными людьми всего уѣзда.

Земскіе же старосты и цѣловальники, сотскіе и десятскіе отдѣльныхъ

медких общинъ выбирались сходами этихъ послѣднихъ изъ своей среды. Выбирать было вѣдно обыкновенно «всѣмъ крестьянамъ лутчимъ, и середнимъ и молодшимъ людемъ» и «изъ лутчихъ, которые бы были душами прямы и животы прожиточны и прежь сего въ старостѣхъ и въ цѣловальникѣхъ бывали... которые бѣ государевыми денежными доходами не корыстовались и съ крестьянъ лишникъ денегъ не собирали» ²⁴⁰).

Изъ послѣднихъ условій пассивнаго избранія видно уже и то, къ отправленію какихъ функцій назначались эти земскіе выборные люди: въ раскладкѣ между отдѣльными членами тяглою общины всякаго рода «государевыхъ» податей и повинностей и собиранію ихъ.

Но этимъ не исчерпывалась, однако, ихъ дѣятельность. На нихъ лежала мѣстная полиція, производство выборовъ, иногда даже участіе въ судѣ, наприм., царскаго прикащика въ дворцовыхъ или черныхъ общинахъ; на нихъ же лежало и завѣдыванье общинными землями, а, наконецъ, церковными, если можно такъ выразиться, дѣлами общинными, какъ, напримѣръ, выборомъ священниковъ, стройкой церковей и т. п. Но этимъ послѣднимъ дѣламъ, впрочемъ, игралъ большую роль выборный же общины, такъ называемый приходскій или церковный староста, съ которымъ намъ приходится очень часто встрѣчаться въ имѣющихся у насъ подъ руками архивныхъ актахъ, касающихся общиннаго земскаго управленія; онъ часто въ нихъ называется вмѣстѣ съ остальными выборными властями, наприм., при производствѣ общественныхъ выборовъ, составленіи челобитенъ и т. п. Въ названныхъ памятникѣхъ часто говорится «о церковномъ и монастырскомъ строеніи» *общинномъ*, откуда слѣдуетъ, что крестьянскія общины, иногда по нѣсколько вмѣстѣ, собственнымъ коштомъ и собственными заботами строили не только церкви, но и монастыри. Одинъ изъ актовъ говорить по этому поводу, наприм., слѣдующее: «а впредь церковное строенье старостамъ церковнымъ строить *мірскими сборными* деньгами, собирая межъ себя, *какъ у нихъ изстари повелось*»; въ расходахъ старосту учитывали «по годамъ земскіе люди»; собирались деньги церковнымъ старостою «съ мірскаго совѣта, а не собою» ²⁴¹).

Для отправленія дѣлопроизводства выбирался общинный же *земскій дьякъ*.

Думать надо, что перечисленные земскіе выборные были ответственны въ злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ передъ своими избирателями; если судить по приведенному выше свидѣтельству объ отчетности церковнаго старосты, то это несомнѣнно такъ.

Все, до сихъ поръ сказанное, касается, въ сущности, по преимуществу внѣшней стороны дѣла, внѣшней организаціи выборнаго земскаго управленія въ Московскомъ государствѣ; о его внутреннемъ значеніи говорилось лишь вскользь, но, все-таки, говорилось. Было указано, что земское

общинное управленіе постепенно превращается въ государственное, тягло; что многіе *земскіе* органы оставались таковыми только по способу назначенія ихъ и той средѣ, изъ которой они выбирались; дѣло же они вѣдали «государево», казенное, къ мѣстному населенію, ихъ избравшему, порой не имѣвшее никакого отношенія.

Уже изъ всего указаннаго можно заключить, что *мѣстные* интересы общественные, интересы самихъ общинъ, самого земства, въ смыслѣ самостоятельной единицы, едва ли могли существовать и развиваться. Громадное, едва сплоченное государство, строясь и охраняясь отъ всяческихъ внѣшнихъ враговъ, требовало напряженія всѣхъ силъ, физическихъ и нравственныхъ. Все шло на службу ему, всѣ несли ему въ жертву все, что могли изъ своихъ «животовъ», личныхъ, физическихъ и нравственныхъ силъ. Все *должно* было нести. Поэтому мѣстные интересы и не могли идти дальше заботъ объ отбытіи «государева тягла», «заботъ объ охраненіи общины отъ татей и разбойниковъ»,—объ охраненіи ея *цѣлости, числа*, если можно такъ выразиться, заботъ о томъ, чтобы не умаллялось, а, наоборотъ, увеличивалось число членовъ-тяглецовъ общины; чѣмъ меньше членовъ, чѣмъ больше въ общинѣ дворовъ, тѣмъ тяжелѣе наличнымъ членамъ ея нести государевы подати и повинности, которыя возлагаются на общину огуломъ, независимо отъ численнаго состава ея въ данный моментъ.

За этими заботами у общинниковъ оставались заботы прокормиться, быть сытыми, обутыми, одѣтыми. Откуда и какъ могли въ то время зародиться другіе интересы въ общинѣ?

Если съ такою убѣдительною доказывается нашими изслѣдователями, что московское служилое сословіе не могло сложиться въ корпорацию съ собственными интересами въ силу того, что его насущные экономическіе интересы поглощали каждаго служилаго человѣка вполне, направляли его дѣятельность, вліяли на его политическое міросозерцаніе, создали изъ класса конгломератъ отдѣльныхъ единицъ, ничѣмъ общимъ не связанныхъ, даже службой, тягломъ государевымъ, которое они несли всѣ врознь,—что же можно предъявить къ общинѣ? Организовать ее, сплотивать воедино ея отдѣльныхъ членовъ только и могло то, что служилое сословіе скорѣе разъединяло—государево тягло. Объединеніе, въ концѣ-концовъ, разъединяющее, не дающее такихъ корней, началъ, на которыхъ однихъ могло бы создаться единство интересовъ внутреннихъ. Если община не рушилась, если она не исчезла съ лица земли окончательно въ періодъ Московскаго государства, то только потому, что была исконнымъ, почти врожденнымъ факторомъ не только русской, но общеславянской, общечеловѣческой исторической жизни. Надо прибавить, что не исчезла она только въ волостяхъ среди сельскаго населенія, которое объединялось однородностью занятія, въ которомъ это исконное явленіе поддержива-

лось самымъ родомъ занятій, вѣрнѣе объектомъ ихъ — *землей*. Земля къ которой вѣчно крестьянинъ привязанъ, привязывала его, какъ привязываетъ и до сихъ поръ, къ сосѣдямъ, вводила его въ общеніе съ ними, создавала изъ нихъ общину, которой разрушить никакія тяглыя службы уже не могли.

Не то въ городахъ, — въ тѣхъ городахъ, гдѣ земледѣліе исчезло почти вовсе; тамъ тяглую общину ничего уже не могло связывать, кромѣ тягла.

Не развита была община Московскаго государства съ точки зрѣнія собственныхъ внутреннихъ интересовъ; мало, въ сущности, состоятельна была она съ точки зрѣнія тяглой единицы и, все-таки, московское правительство всегда считало ее болѣе состоятельнымъ факторомъ въ смыслѣ административномъ, въ смыслѣ не только плательщика, тяглеца, но и органа, заботящагося о болѣе исправномъ несеніи, отправленіи этого тягла ея собственными членами, ею самою, такъ сказать, чѣмъ элементъ приказный. Несомнѣнно, правительство имѣло основанія, и основанія серьезныя, передать общинѣ, ея выборнымъ людямъ многія, какъ мы видѣли, административно-судебныя функціи въ областномъ управленіи, если оно не останавливалось передъ такою передачей, даже несмотря на то, что и выборные органы, земскіе приказные люди, часто не менѣе воеводъ съ товарищами и вообще приказныхъ людей злоупотребляли своею властью, причиняя немало дурнаго и государству, и обществу. Хотя бы эти основанія лежали только въ томъ, что земскіе люди, земскій строй болѣе обезпечивали казну въ ея доходахъ, менѣе разоряли населеніе; хотя бы, наконецъ, къ нему обращались только потому, что у правительства не было средствъ, возможности управиться съ внутреннимъ распорядкомъ государства при посредствѣ исключительно служилого класса, приказныхъ людей, и въ такомъ случаѣ Московское государство имѣло полное основаніе, сильныя побудительныя причины обращаться къ самой землѣ, ея элементамъ въ сферѣ внутреннего управленія.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что послѣ долгихъ колебаній между двумя началами внутреннего управленія, — земскимъ и приказнымъ, — въ теченіе цѣлаго столѣтія московское правительство, въ концѣ-концовъ, послѣ уложенія царя Алексѣя, въ послѣдніе годы XVII вѣка, несомнѣнно склоняется сильнѣе въ пользу начала земскаго: «казенная администрація, — говоритъ проф. Градовскій, — проникается земскимъ характеромъ»; между выборными приказными должностями, сначала установленными съ цѣлью ограниченія мѣстныхъ приказныхъ властей, и «земскимъ управленіемъ устанавливается связь, долженствовавшая перейти въ полное соединеніе» ²¹²).

Воеводы совершенно и почти повсемѣстно устранились отъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ ²¹³). За прибыль этихъ сборовъ отвѣчаютъ исключительно выборные люди и общины, ихъ избравшія, какъ, въ свою

очередь, передъ общинами отвѣчаютъ выборные люди, давая имъ отчеты въ веденіи дѣла: «а у стараго головы и цѣловальниковъ старостѣ (земскому) и всѣмъ мірскимъ людямъ принять таможенного сбору черныя книги и на совѣтъ, передъ всѣми мірскими людьми... старостѣ и лучшимъ людямъ и середнимъ и молодымъ голову и цѣловальниковъ счесть правду». Если бы оказались недочеты,— «голова и цѣловальники въ сборахъ... уличены будутъ какою хитростью и нерадѣніемъ», — потомъ въ Москвѣ, при сдачѣ книгъ въ Приказѣ,— «а они мірскіе люди того, за ними не усмотрятъ или для взятковъ своихъ съ нихъ (головъ и цѣловальниковъ) или по дружбѣ и по свойству умолчатъ, и тѣ недоборы доправлены будутъ на нихъ мірскихъ людехъ, да имъ же учинено будетъ наказанье безъ всякіе пощады» ²⁴⁴).

Очевидно, если мірскіе люди усмотрятъ недоборы или растраты сами— сами и вѣдаются съ своими выборными, причинившими поруку государеву и земскому дѣлу. Двадцать лѣтъ спустя, мы находимъ новое подтвержденіе только что сказаннаго въ указѣ, который мотивируетъ отдачу всякихъ государевыхъ сборовъ земскимъ выборнымъ людямъ тѣмъ, что «мірскіе люди межъ себя знаютца, кто каковъ человекъ, а воевода для своей корысти добрыхъ людей, кто въ нашему великаго государя дѣлу годенъ, не перемѣнятъ, и выборы на нихъ имать мірскимъ людямъ и отцевъ ихъ духовныхъ за руками» ²⁴⁵).

Фактъ знаменательный, съ одной стороны, говорящей о томъ, что воеводы, несмотря на всѣ мѣры правительства обезпечить свои интересы путемъ земскихъ силъ, этому препятствуютъ всячески, стараясь вліять на выборы и ставить къ дѣлу «для своей корысти» людей недобрыхъ, имъ любимыхъ, съ которыми — де можно было вмѣстѣ у государева дѣла корытоваться. Съ другой стороны, приведенный указъ еще и еще разъ говоритъ о томъ общепризнанномъ положеніи, что московскому правительству «мѣстныя приказныя должности не внушали къ себѣ особеннаго довѣрія» ²⁴⁶) и что, наоборотъ, земскіе выборные люди, несмотря на многіе ихъ недостатки, правительству хорошо извѣстны, не только не теряли въ глазахъ послѣдняго довѣрія, но скорѣе болѣе и болѣе пріобрѣтали его.

Царскіе указы, постоянно охраняя и оберегая земскихъ выборныхъ отъ воеводскихъ вліаній, тѣмъ самымъ въ значительной степени выдаютъ, намъ думается, и нѣкоторыя причины самыхъ недостатковъ земскаго выборнаго управленія. У насъ есть подъ руками указанія на результаты воеводскаго вліанія на земскихъ выборныхъ, въ случаѣ дружбы послѣднихъ съ воеводами. Такъ, напр., въ 1665 году шуяне подають царю челобитную на своего земскаго выборнаго человѣка, земскаго старосту, который «учинилъ въ земскихъ дѣлахъ многое большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую чинилъ хитрость, а себѣ корысть»;

и вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ объясненіе поведенія старосты, челоубичи разсказываютъ, что «онъ, староста, *подлаварючился* въ *воеводу* и въ откупщика, дѣлъ и дѣлъ съ ними безпрестанно и ноче просиживаетъ; и *воевода* *стакався* съ откупщикомъ и *ямъ*, *земскимъ старостомъ*, *нѣтъ*, *спиротъ твоихъ*, продаютъ большимъ *продажамъ* и *убыткамъ*; и *нынѣ*, *спироты твои*, отъ такого ихъ *сворничества*... въ *помощь* *оскудѣли*» ²¹⁷).

Также «стакався» съ веретями Пскова, его «лучшии» (богатѣйшими) людьми, погубилъ воевода, кн. Хованскій, и привазные московскіе люди одно изъ лучшихъ дѣлъ и начинаній *наказнаго* *Ордина-Нащокина*, «любимца царя Алексѣя Михайловича». Мы говоримъ о пресловутомъ самоуправленіи города Пскова, введенномъ тамъ во второй половинѣ XVII столѣтія, въ видѣ мѣры ²¹⁸) поднять благосостояніе Пскова, его торгово-промышленнаго населенія, унаважнаго до того, что не опаздалось никакой возможности собрать съ Пскова новаго налога, — не поводу войны съ Польшей и Швеціей, — «пятой дѣнги» (20 процентовъ). За Псковомъ оказались всякіе недоборы уже и до этого. Пустылись въ ровнели *причинъ* таковаго печальнаго положенія дѣлъ въ этомъ когда-то богатомъ городѣ. Онѣ оказались все тѣми же, старыми: кромѣ «разнаго оскорбленія и ратныхъ полковыхъ подъемовъ», — несогласія въ крѣпости гражданскаго постановленія; выборы къ государеву дѣлу людей «не по достоинству»; насилія «лучшихъ (богатыхъ) людей надъ *малошными*». А чуть ли не главною причиною, причиною причинъ, какъ видно изъ донесеній новаго воеводы, Ордина-Нащокина, посланнаго въ Псковъ именно для водворенія въ немъ *порядка*, были «*продажа* и *разоренія* отъ *многихъ сыщиковъ*» и, — не договариваетъ Нащокинъ, — воеводу, послѣднимъ изъ которыхъ, сошедшимъ съ воеводства, непосредственно передъ нимъ былъ кн. Хованскій. Ординъ пишетъ царю, что не рѣшался доводить до его свѣдѣнія о настоящихъ причинахъ разоренія, опасаясь «*навести гнѣвъ* его, великаго государя, *за прошлая дѣла*» (понятно кого). Указываетъ онъ также и на то, что боится предложить мѣры противъ зла, потому что знаетъ, какъ отнесутся къ этимъ мѣрамъ въ *связжей* (приказной, воеводской) избѣ Пскова: «*ненавидимо* будетъ во Псковѣ», — рискнулъ онъ съоткровенничать.

Несмотря на такое положеніе дѣлъ, воевода, не хотѣвшій, по словамъ Соловьева, только *кормиться* на воеводствѣ, и, опираясь, очевидно, на личное къ нему расположеніе царя Алексѣя Михайловича, приступилъ къ преобразованію городского управленія на земскихъ началахъ, предложивъ самимъ псковичамъ подъ его руководствомъ организовать его. Предложеніе возбудило волненіе между псковичами немалое: всѣ «*молодые* и *средніе*» стояли за предложеніе Ордина-Нащокина; «*лутчіе*», — богатѣйшіе, вмѣстѣ съ *связжей* избой, ея дьяками — были сильно противъ него. Съ марта по августъ, дѣльныхъ почти полгода бурлили псковичи, не могли

говориться. Только въ половинѣ августа составили они проектъ городскаго управленія, исходя изъ мысли своего воеводы. Сначала посланы были челобитныя къ царю, въ которыхъ уязвлялось на всѣ бѣдствія и невзгоды; царь отвѣчалъ на нихъ приказомъ, чтобы «земскимъ старостамъ съѣхалъ съ лучшими людьми въ земской избѣ для общаго осенароднаго совѣта и о грацкомъ устреніи со всякимъ усердіемъ говорить». Указаны были въ нѣсколькихъ словахъ и «начала», изъ которыхъ должны были исходить псковичи при обсужденіи «уставовъ грацкихъ». Эти начала выражены такъ: «а для грацкихъ дѣлъ въ земской избѣ быть лучшимъ посадскимъ людямъ въ годовой службѣ, съ переменною равными и житьемъ праведнымъ людямъ... быть выборнымъ двенадцати человакъ, по четыре человака на годъ, и череда будетъ въ третьей годъ».

Начала эти несомнѣнно внушены Ординъ-Нащокинъ.

Во всепродномъ совѣтѣ они были нѣсколько измѣнены. Къ царю были посланы «уставы», по которымъ выборныхъ предполагается всего пятнадцать человакъ; а изъ нихъ предполагалось «быти въ земской избѣ по пяти человакомъ въ годъ, до трехъ лѣтъ переменяючи вновь, а послѣ трехъ лѣтъ съ началу начнется». Эти пять человакъ должны были «между посадскими людьми въ торговыхъ и во всякихъ обидныхъ дѣлахъ посадскихъ людей судить и расправа межъ ними чинить по соборному уложению»; только разбойныя и душегубныя дѣла подлежали суду воеводъ.

Вмѣстѣ съ этимъ введены нѣкоторыя измѣненія въ различныхъ постановленіяхъ о торговлѣ и промышленности вообще, а также въ питейной системѣ. На нихъ мы останавливаться не будемъ. Замѣтимъ только, что еще до этихъ проектовъ Ординъ-Нащокинъ, «съ пригѣру стороннихъ чужихъ людей», предлагалъ псковичамъ ввести «безпошлинный» торгъ съ иностранцами два раза въ годъ, по двѣ недѣли каждый разъ.

Проектированное для Пскова предлагалось и для его пригородовъ.

Долго пришлось ждать отвѣта изъ Москвы. Тамъ не тѣмъ были заняты: послы изъ Польши пріѣхали, шли приемы и переговоры о международныхъ дѣлахъ. Хотя, впрочемъ, въ этомъ, пожалуй, былъ лишь приличный поводъ затормозить дѣло. Недаромъ Ординъ-Нащокинъ направлялъ и челобитчиковъ, и всѣ свои отписки по этому поводу не въ «Четь Новгородскую», гдѣ вѣдался Псковъ, а въ тайныхъ дѣлъ приказъ. Четь Новгородскую воевода прямо обвинялъ въ разореніи великомъ города Пскова. Обойденная Четь, вѣроятно, приложила руку къ дѣлу. Воевода, любимецъ царя, на свой страхъ, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, ввелъ излюбленное «всемирнымъ совѣтомъ псковичей» управление.

Однако, не долговѣчно оно было. Либерала и западника XVII вѣка отозвали въ Москву «для веденія мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными»,—говоритъ Соловьевъ. А воеводой въ Псковѣ очутился

тотъ же князь Хованскій, «неохотникъ до новизнъ, особенно неохотникъ до новыхъ людей», — какъ характеризуетъ его названный историкъ. Найдя и въ средѣ псковитянъ лучшихъ, богатѣйшихъ изъ нихъ, недовольныхъ «новшествами», воевода-охранитель не замедлилъ «стакаться» съ ними и начать походъ противъ выборнаго управленія, просуществовавшаго, что называется, безъ году недѣлю. Быстро, — въ одну ночь, — составлена была ставкавшими новая челобитная, тайкомъ отъ «всемирнаго совѣту», *подчеркнутая*, т. е. подскобленная, подпавленная, почти подложная ²¹⁹). Челобитную шлетъ воевода тотчасъ же въ Москву съ докладомъ, что ее составляли «слагательно, кто-то умный человекъ, а мужикамъ такъ было не сложить». Въ челобитной «умный человекъ» пишетъ, что отъ новыхъ порядковъ «дворяне плачутъ», народъ «безвременно пьетъ», а «отъ иноземцевъ новыя проѣзжія» (грамоты, родъ заграничныхъ паспортовъ), выдаваемые «мужиками незнаючи... въ подавленіе». Быстро и отвѣтъ былъ полученъ изъ Москвы: *новый судъ отставить*. Воевода возстановленъ во всей своей неприкосновенности.

Но, несмотря на все свое усердіе въ данномъ дѣлѣ, Хованскій почему-то скоро замѣненъ былъ въ Псковѣ какимъ-то безцвѣтнымъ княземъ. А въ посольскомъ приказѣ въ Москвѣ, въ которомъ теперь вѣдался Псковъ, сидѣлъ въ это время Ординъ-Нащокинъ. Черезъ одного изъ дьяковъ псковской сѣзжей избы, поклонника Нащокина, среди псковичей былъ поднятъ вопросъ объ отмѣненномъ земскомъ управленіи. Снова носыпались въ Москву челобитныя. Первую послали противъ влиятельныхъ откупщиковъ, а за ней пришла челобитная отъ «сиротъ», государевыхъ «среднихъ и мелкихъ людишекъ», догучавшихъ царю о томъ, что съ отмѣной новыхъ порядковъ «прожиточные» люди Пскова, рѣшая всякія городовыя и мірскія дѣла «безъ городского и мірскаго вѣдома, чинятъ великое разоренье и всякія подати большія и малыя». Наконецъ, получили въ Москвѣ и челобитную *отъ всѣхъ* псковичей, съ ихъ земскимъ старостой во главѣ, съ земскимъ молениемъ о возстановленіи всего сдѣланнаго при Ординѣ-Нащокинѣ и разрушеннаго при Хованскомъ. Подъ челобитной не приложили рукъ лишь *девять* человекъ «прожиточныхъ», на которыхъ, перечисливъ ихъ поименно, жаловались въ своей челобитной средніе и молодшіе людишки. Это друзья Хованскаго, имѣвшіе и въ посольскомъ приказѣ сильную руку въ лицѣ двухъ дьяковъ его, которыхъ преслѣдовалъ бояринъ Нащокинъ, какъ грязнившихъ, по его словамъ, посольскій приказъ въ глазахъ иностранцевъ, смѣшивая кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки устроили такой докладъ, изъ котораго выходило, что съ отмѣной откуповъ и введеніемъ новыхъ городскихъ порядковъ вообще разоренная тяжкою войной казна потерпитъ недоборы чрезвычайныя. Царь обратился, однако, за разъясненіемъ дѣла

къ тому же Ордину-Нащокину. Бояринъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ защитить свое дѣтище.

Онъ еще разъ напомнилъ царю причины, почему новое управленіе было Хованскимъ отмѣнено: «и для того, государь,—писалъ онъ тогда,—ненавидимо то уставленное дѣло, что за крѣпкимъ береженіемъ *отъ разоренія людскою учинено* и къ сбору бы твоего великаго государя казны было къ большому». Потому-то я и получилъ,—говорилъ тогда Нащокинъ,—грамоту, что «такому уставу быть *въ одномъ Псковѣ* не умѣть — *отъ тою будетъ смута большая*». Оказывается, Нащокина обвиняли въ возбужденіи «смуть», мятежей. Теперь обвиненный опять откровенно говорить царю, что «устроилъ псковское государство» (?) *съ примѣра стороннихъ чужихъ земель* къ прибыли его великаго государя казны и «псковскому государству къ полнотѣ и расширенію»; что устроилъ его, «ни на что не прельщаясь... только исполняя свой долгъ»; но что это его дѣло «возненавидѣно было *немилосердными людьми, приказною мздой*». Онъ высказываетъ еще и еще разъ, что «безъ такого устава» помочь населенію *нечтъ*, и при этомъ сознается царю, что, въ виду такого своего убѣжденія, онъ «наговаривалъ и писалъ въ Псковъ» и теперь «всячески приводя въ согласіе» псковичей; что онъ дѣлалъ это черезъ дьяка, его друга, въ Псковъ, который усердно радѣеть, какъ бы прекратить раздѣленіе между псковичами». Это искреннее и честное разъясненіе дѣла поклонникомъ новшествъ и «примѣровъ стороннихъ чужихъ земель» не привело къ желаннымъ результатамъ ²⁵⁰).

«Противникамъ Нащокина,—говоритъ нашъ историкъ,—легко было памкнуть, что мнимое соединеніе произведено было насильственнымъ образомъ, что «лутчіе» люди не подписались подъ «всемирною» челобитной, просящей о возстановленіи нащокинскаго «устава».

Но царь, очевидно, не сдавался сразу на эти доводы. Рѣшено было обратиться къ средству, по истинѣ съ нашей современной точки зрѣнія невѣроятному: «спросить *всѣхъ жителей* Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ» ²⁵¹).

На имя сидѣвшаго въ Псковѣ воеводы послана была грамота, въ которой и поставленъ былъ вопросъ на разрѣшеніе всякихъ чиновъ людей, но не о цѣломъ «уставѣ градцкомъ» Нащокина, а только объ откупахъ: «если въ Псковѣ *питейной прибыли* быть попрежнему *у всѣхъ псковскихъ жителей*, то казнѣ прибыль будетъ ли и псковскимъ и уѣзднымъ людямъ какой тягости въ томъ не будетъ ли?»

Отвѣты въ Москвѣ скоро были получены: «архіепископъ Арсеній, какъ св. папагію носить, во всякой правдѣ сказалъ», что городское и уѣздное населеніе разорится окончательно. Не менѣе опытные въ этомъ дѣлѣ архимандриты, игумены и игуменьи, протопопъ собора и попы

ружннхъ и приходскихъ церквей и весь освещенный чинъ и церковные прикащики, — за церковныхъ крестьянъ, — отвѣчали, что безъ откупщиковъ «отнюдь нельзя, потому что домамъ псковичей и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ, слабыхъ людей быть въ лишннхъ скупостяхъ и безчестьяхъ, за пьянственннхъ невоздержаніемъ и за многими въ пьянствѣ слабостями». Почти то же повторили въ своемъ отвѣтѣ и 238 человекъ посадскихъ. Служилые люди, — дворяне и дѣти боярскія, — 60 человекъ изъ 149 (89 не пріѣхали) отвѣтили незнаніемъ; тотъ же отвѣтъ дали и двѣ тысячи слишкомъ человекъ козаковъ, стрельцовъ, пушкарей и веротниковъ. Любопытно отвѣтили крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человекъ: «питетной прибылн можно быть попржему *у всѣхъ псковскихъ жителей, казнь прибылн будетъ*; въ городѣ и въ уѣздахъ кабакамъ быть непристойно» (по наюкинскому уставу были «питетные дома оброчные») ²⁵²).

Разумѣется, въ Москвѣ рѣшили въ пользу откупа. Тѣмъ и кончился вопросъ о самоуправленіи Пскова ²⁵³).

Останавливаясь съ такими подробностями на псковскомъ дѣлѣ, мы хотѣли указать хотя въ нѣкоторой степени на одну изъ причинъ, тормазившихъ, по нашему мнѣнію, развитіе земскаго управленія въ уѣздѣ Московскаго государства; указать на ту «нравственную болѣзнь», которая разъядала приказный міръ XVII вѣка, а съ нимъ, можно думать, и «лутчихъ людей» городскаго и сельскаго населенія. Болѣзнь заражала и земство, разъядала и его силы. Но это не указывало на несостоятельность земства вообще, но самому существованію его. Такъ не смотрѣло на дѣло и само московское правительство: оно, наоборотъ, вѣрило земству, — вѣрило ему, какъ мы видѣли, до самой послѣдней минуты. Оно обращалось къ нему во всѣ трудные моменты.

За совѣтомъ и содѣйствіемъ къ нимъ, земскимъ людямъ, велить царь обращаться и своимъ воеводамъ; въ одной изъ царскихъ грамотъ конца XVII вѣка мы встрѣчаемся съ такимъ наставленіемъ воеводамъ: «а буде чего сверхъ тѣхъ статей (наказныхъ) какую прибылн можно учинить не въ тягость русскому и иноземскому народу (воевода въ Верхотурьѣ, гдѣ населеніе и инородческое) *и вы бз томъ посоветовавъ съ лутчими и старыми верхотурскими старожилы учинили*» ²⁵⁴). То же самое повторяется, четыре года позже, и въ специальномъ наказѣ нерчинскому воеводѣ, которому предписывается «посоветовать *гораздо* съ лутчими и старыми нерчинскими старожилы» ²⁵⁵).

И такія совѣщанія иногда имѣли мѣсто и не въ Сибири или на границахъ ея. Мы имѣемъ доказательство этого мнѣнія; правда, всего только два-три факта, встрѣченные въ сокровищахъ архива министерства юстиціи. Факты эти нашли мы въ одной изъ такъ называемыхъ «записныхъ книгъ» московскаго приказа, въ которой записывались воевод-

скія «отписки»—донесенія. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ донесеній предписано было воеводѣ изъ Москвы, чтобъ прислалъ свѣдѣнія о размѣрахъ вновь построеннаго города (укрѣпленія), а вмѣстѣ прислалъ бы и *«сказки градскихъ всякихъ чиновъ людей, въ которомъ мѣстѣ городъ построенъ и почему»*. Другой воевода того же края—Орловскаго уѣзда—донося въ Москву о построеніи «новаго города», прилагаетъ и описаніе этого города за своею рукой и *«за руками всякихъ чиновъ градскихъ и уездныхъ людей»*. Въ чему были бы эти подписи подъ дѣломъ, которому градскіе и уѣздные люди ничѣмъ непричинны? Очевидно, съ ихъ совѣта дѣло это вершилось воеводами.

Эта догадка подтверждается двумя отписками воеводъ, изъ Орла и Шацка, въ которыхъ прямо уже *о совѣтъ* говорится: шацкій воевода, извѣщая о городскомъ дѣлѣ, присылаетъ «и роспись дворянъ и дѣтей боярскихъ», которые *«для совѣту городского дѣла въ Шацкомъ были»*. А изъ Орла воевода специально извѣщаетъ московское правительство, что онъ, согласно приказу «изъ розряду», — розряднаго приказа, — *«сорляны зрѣщими и сумздными всякихъ чиновъ лучшими людьми о городскомъ строеніи совѣтовалъ, а они де приговорили, что городу де... и т. д., а нынѣ де имъ города строить за службою не въ мочь»*. Присланы и сама *«сказки»* всякихъ чиновъ людей «за руками» ²⁵⁶).

Бъ сожалѣнію, эти сказки не приложены къ дѣлу.

Какъ онѣ ни малочисленны и какъ онѣ, если можно такъ выразиться, ни малосодержательны, но онѣ, все-таки, думается намъ, въ высшей степени краснорѣчивы: въ очень важныхъ случаяхъ и дѣлахъ управленія воеводамъ предписывается обращаться къ земству, и они обращались. Поскольку часто примѣнялось въ жизни это средство—вопросъ другой. Очень вѣроятно, что оно примѣнялось и не часто, и далеко не всѣми воеводами: вѣдь, многое, если не все, зависѣло отъ нихъ самихъ, сплошь и кряду игнорировавшихъ предписанія царскихъ указовъ; но это уже вопросъ о злоупотребленіяхъ или, лучше, объ отношеніи воеводъ къ московскому правительству. Для насъ важенъ принципъ, устанавливаемый правительствомъ въ данномъ случаѣ: оно опять-таки, плохо надѣясь на состоятельность приказной администраціи, обращается за помощью къ земству. Слѣдовательно, оно считаетъ это послѣднее все еще силой, и силой, изъ которой можно черпать, на которую можно и должно опираться въ дѣлахъ внутренняго мѣстнаго управленія. Оно не дорасло лишь до сознанія, что сила эта для того, чтобы не истощиться окончательно, не превратиться въ силу также мало надежную, какъ и приказная, должна имѣть возможность самопитаться, если можно такъ выразиться, не должна отрываться отъ той почвы, изъ которой она родится, элементами которой она питается, живетъ. Самая почва—среда, ее создающая и питающая, должна, какъ и всякая плодородящая

почва, чтобъ не истощиться и не зарасти бурьяномъ, разрабатываться и удобряться, воспринимая въ себя новые жизненные элементы. Какую же почву земство того времени представляло собою для развитія какихъ-либо силъ? Кто о немъ заботился,—о немъ, распавшемся на свои составные элементы, почти ничѣмъ жизненнымъ не связанные,—элементы, которые соединялись чисто механически, силою внѣшней, направленной, въ сущности, цѣлые вѣка на истощеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности? Чтò само могло земство создать при такихъ условіяхъ, создать изъ себя самого, изъ этихъ расплывающихся, разбѣгающихся элементовъ? Какія громадныя силы оно должно было разработать лишь для того, чтобъ подъ гнетомъ разъединяющихъ силъ создать хоть только сознаніе въ отдѣльныхъ элементахъ своихъ объ общихъ цѣляхъ, интересахъ, общихъ для всѣхъ ихъ,—интересахъ *своихъ*, мѣстныхъ, на сознаніи, разработкѣ и защитѣ которыхъ только и могло бы оно созидать свою силу, которая привнесла бы и въ государство живаго, плодотворящаго дѣятеля.

Для такого развитія такого живаго дѣятеля не было благопріятныхъ условій среди условій культурной и государственной жизни Московскаго государства.

Не было ихъ и въ XVIII вѣкѣ. Но и XVIII вѣкъ не отнесся къ искалѣченному земству индифферентно въ томъ смыслѣ, чтобъ игнорировать его вовсе, махнуть, что называется, рукой на него.

Въ XVIII столѣтіи не только не забывали земскихъ силъ, но въ извѣстной формѣ, отличной отъ формъ предшествовавшаго вѣка, обращались къ нимъ все за тою же помощью въ борьбѣ съ зломъ чиновничьей системы управленія не менѣе часто и въ не менѣе сильной степени, чѣмъ и въ періодъ Московскаго государства.

Этого мало: «зерно горушично», брошенное Ордынымъ-Нащокинымъ въ «терніе» московскихъ порядковъ, не было, однако, въ концѣ «подавлено» этимъ терніемъ; не подавлено оно было и терніемъ XVIII столѣтія и, хотя было менѣе всѣхъ сѣмянъ, развивавшихся на почвѣ общественно-государственной жизни этого столѣтія, и плохо развивалось какъ въ этомъ столѣтіи, такъ и въ первой половинѣ нашего вѣка, но, все-таки, развивалось и, въ концѣ-концовъ, возрасло «въ зеліе», которое если и не есть «болѣе всѣхъ зелій», если и не творить такихъ «свѣжихъ вѣтвей», подъ сѣнію которыхъ могли бы спокойно «витать» ищущіе подъ нимъ сѣни и общаго благополучія, то, во всякомъ случаѣ, разраслось въ «зеліе», уже достаточно большое, твердое, прочно пустившее въ почву свои здоровые корни, обѣщающіе разрастись въ будущемъ, при надлежащемъ разумномъ отношеніи къ нему, въ могучую и полезную силу въ общественно-государственномъ строѣ.

Идея Ордина-Нащокина о земскомъ стрѣѣ мѣстнаго городского управленія, какъ будто похороненная подъ развалинами ея «земскаго устава» въ Псковѣ, воскресаетъ, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ спустя, въ устройствѣ торгово-промышленнаго населенія городовъ Московскаго государства. Въ 1699 году велѣно сказать всѣмъ чиновъ посадскимъ людямъ, что они во всѣхъ своихъ «дѣлѣхъ» будутъ вѣдаться сами, черезъ своихъ выборныхъ—«бурмистровъ»; а велѣно это потому, что посадскіе и торгово-промышленные люди терпятъ убытки и разореніе отъ недостатковъ приказной системы управленія; а это разореніе ведетъ къ «донимкамъ и недоборамъ» въ государственныхъ доходахъ. Устраненія того и другаго законодатель думаетъ, по отношенію къ данному слою населенія, достигнуть призваніемъ къ участию въ управленіи самаго этого класса черезъ своихъ выборныхъ. Чудное слово «бурмистры» во вновь созданномъ управленіи по городамъ только и было новымъ; сами же эти бурмистры, ихъ назначеніе и роль были совсѣмъ старыми: «*мірскимъ* выборнымъ людямъ (это и есть бурмистры) въ *земскихъ* избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ *мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлахъ*». Земскія избы должны были смѣнить собою по отношенію къ городскому торгово-промышленному населенію приказныя избы съ ихъ воеводами. Отношенія бурмистровъ къ избиравшимъ ихъ общинамъ и къ правительству тоже стары: «а буде они, бурмистры, ево великаго государя доходовъ не выберутъ... или какихъ сборовъ чего не доберутъ, я то все *взять на тѣхъ людей на всѣхъ, которые ихъ въ бурмистры выберутъ*, вдвое» ²⁵⁷).

Изъявъ изъ области вѣдѣнія воеводъ городское населеніе, Петръ Великій ограничиваетъ власть воеводъ по отношенію къ остальному ихъ вѣдомству *земскимъ же* элементомъ, совѣтомъ изъ представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, слѣдуя, кажется, и тутъ старымъ московскимъ традиціямъ: припомнимъ указанные выше совѣты воеводъ XVII столѣтія съ «старожилами» и «всякихъ чиновъ людьми». Петръ возводитъ въ общее правило отдѣльные обычные случаи: «вѣдать всякія дѣла,—говорилъ указъ,—съ воеводы дворяномъ тѣхъ городовъ, помѣщикамъ и вотчинникамъ» ²⁵⁸).

Старыя мѣры ни къ чему новому и привести не могли. Царь-реформаторъ на этомъ успокоиться не могъ. Онъ идетъ дальше: воеводъ смѣнили губернаторы, земскія избы—ратуши, а потомъ магистраты. По чужеземнымъ названіямъ можно думать, что все перевернуто вверхъ дномъ, что и думали многіе и думаютъ до сихъ поръ и такъ сурово относятся къ виновнику всѣхъ этихъ новшествъ, а въ дѣйствительности-то оставалось *по существу* все то же: «величайшій изъ русскихъ государей, отръшившійся, повидимому, отъ всякой исторіи, — справедливо говоритъ проф. Градовскій,—принужденъ былъ вращаться въ кругу историческихъ

элементовъ, завѣщанныхъ ему прешлымъ»³⁹⁹). Названія вовсе не измѣняли существа дѣла.

Ландратскіе совѣты при губернаторахъ—то же, что и «дворяне добрые и знатные по выбору» при воеводахъ; а магистраты—это и земскія избы,—разница лишь въ деталяхъ. Цѣли новыхъ учрежденій прежнія: ограничить власть губернаторовъ, обезпечить градское населеніе отъ разореній, а государство отъ убытковъ. Правда, на магистраты законодатель возлагаетъ заботы о распространеніи въ городѣ просвѣщенія, благотворительности, о водвореніи благообразія и т. д.; но это все, какъ извѣстно, оставалось на бумагѣ, не переходило вовсе въ самую жизнь, особенно если принять во вниманіе, что самые магистраты-то далеко не были введены повсюду.

Приведенные факты мы отмѣчаемъ лишь съ цѣлью констатировать, что и при Петрѣ, прибавивъ, какъ и при его преемникахъ, въ мѣстной администраціи прижились опять-таки оба начала, земское и приказное.

Укажемъ при этомъ, что первое теперь прижмется исключительно въ формѣ представителей, какъ это видно на ландратахъ и магистратахъ, *отъ отдѣльныхъ классовъ, пожалуй, сословій*. Выборныхъ «отъ всѣхъ чиновъ посадскихъ и уѣздныхъ людей» виѣсть мы имъ въ канцлѣ должностяхъ и учрежденіяхъ XVIII вѣка не встрѣтимъ. И это потому, что теперь уже, въ результатѣ историческаго развитія тяглыхъ отношеній Московскаго государства, сложились сословія; крестьянство окончательно превратилось въ крѣпостное хозяйство населеніе, за исключеніемъ немногихъ свободныхъ, жившихъ не на владѣльческихъ, помѣщичьихъ земляхъ; торгово-промышленное населеніе собрано «въ одну хранину», шляхетство или дворянство постепенно превращается въ привилегированное сословіе.

При Екатеринѣ II дворянство и городское населеніе призывается къ участию въ мѣстномъ управленіи въ той формѣ и въ томъ объемѣ, въ какихъ они просуществовали до нашихъ дней, смѣненные новыми строемъ земскаго и городского самоуправленія уже на нашихъ глазахъ.

Земское и городское самоуправленіе нашего времени не есть что-то чуждое жизни нашего народа. Оно лишь послѣднее звено въ цѣли историческаго развитія участія земскаго, народнаго элемента въ мѣстномъ управленіи и вызвано несомнѣнно такими же историческими и жизненными условіями своего времени, какими вызывались всѣ исторически предшествовавшія ему формы въ свое.

Какъ закрѣпленіе всѣхъ слоевъ населенія тяглу частному—крестьянства, государственному—служилыхъ людей, дворянства и посадскаго населенія вліяло на развитіе централизаціи и разрушеніе земства, какъ общественной силы, такъ уничтоженіе тягла государственнаго и частнаго, закончившагося освобожденіемъ крестьянъ, неизбѣжно должно было по-

жести къ образованію земства, какъ мѣстнаго жизненнаго организма, съ сознаніемъ единства интересовъ. Такое сознаніе не появляется мгновенно, вдругъ; оно готовится долго и постепенно, не скоро вырабатывается и вполне усваивается всеми элементами имѣющаго получиться цѣлаго.

И. ДИТЯТИНЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

233) *Учиринъ*, назв. соч., стр. 554.

234) *Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ*. Тамъ же, св. 301.

235) „А судить ему судья съ товарищи“. Въ одномъ дѣлѣ въ качествѣ товарищей,—а у суда съ судьей сидѣли,—перечисляются земскій цѣловальникъ, земскій сотскій и даже пятидесятскій.

236) Они напечатаны въ книгѣ *Борисова*: „Описаніе города Шуи“ и въ *Ак. Арх. Эксп.*, т. II, № 52.

237) Въ печатныхъ актахъ *пятидесятскіе* очень рѣдко встрѣчаются.

238) *Дополн. къ ак. ист.*, т. V., № 53, стр. 313.

239) Тамъ же, № 93, I: *всезудный* земскій староста, о которомъ говорится, что онъ съ посадскими и уважными людьми выбираетъ таможеннаго уваднаго голову, называется почему-то *ружникомъ*.

240) *Учиринъ*, назв. соч., стр. 510—511.

241) Относительно выбора священниковъ общинами-приходами у насъ есть такъ называемыя „порядныя“, заключавшіяся выбранными священниками и старостами „со всемъ православьемъ“ отъ конца XVI ст. *Акты Юрид.*, № 185. Избраніе священниковъ общинами-приходами имѣло мѣсто до конца XVII ст., даже позже. *Знаменскій*: „Приходское духовенство“.

242) *Градовскій*, назв. соч., стр. 182 и 183.

243) Въ 1671 году спеціальнымъ указомъ воеводамъ предписывается *только во всякихъ сбортахъ всякую помощь подавать* выборнымъ главамъ и цѣловальникамъ таможеннымъ и кабацкимъ и строго запрещается „тѣсноты и налоги имъ чинить... для своихъ взятковъ съ какимъ умысломъ на нихъ нападать“. *Полное Собраніе Законовъ*, т. II, № 679.

244) Тамъ же.

245) *Градовскій*, назв. соч., стр. 188.

246) Тамъ же, стр. 181.

247) *Борисовъ*: „Опис. гор. Шуи“, стр. 323, № 38.

248) Весь разсказъ о попыткѣ Ордина-Нащокина изложенъ нами по актамъ, касающимся даннаго предмета, напечатаннымъ въ *Дополн. къ акт. истор.*, т. V, № 1, стр. 1—37, и по *Соловьеву*, у котораго,—„Ист. Россіи“, т. XIII, стр. 116—124,—дѣло изложено отчасти по документамъ, еще не напечатаннымъ.

249) *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 110 и сл.

250) Нельзя на основаніи ссылокъ самого Ордина-Нащокина на примѣръ „стороннихъ людей“ обвинять его въ перенесеніи въ данномъ случаѣ чего-то чуждаго Московскому государству: градскій строй былъ основанъ на исконныхъ русскихъ земскихъ началахъ. Ординъ-Нащокинъ въ своихъ ссылкахъ, очевидно, имѣлъ въ виду лишь идею, суть дѣла, которая „у чужихъ“ въ свойственной имъ формѣ осуществлялась, дѣйствовала, а въ Московскомъ государствѣ тормазилась въ своемъ развитіи.

- 251) *Соловьевъ*, назв. соч., т. XIII, стр. 123.
- 252) Тамъ же, стр. 124.
- 253) Любопытно, что откупщиковъ въ Псковѣ не нашлось. Чѣмъ разрѣшилось событіе, мы не имѣли времени разслѣдовать.
- 254) Царская грамота отъ 1697 г. верхотурскому воеводѣ. *Акты истор.*, т. № 262, II, стр. 476.
- 255) *Полное Собраніе Законовъ*, т. IV, № 1835. У *Чичерина*, назв. с. стр. 256.
- 256) Всѣ эти дѣла относятся къ 1677—8 годамъ.
- 257) *Полное Собраніе Законовъ*, №№ 1674, 1675, 1697, 1699, 1715 и др.
- 258) Указъ отъ 2 марта 1702 г. *Сергеевичъ*: „Лекціи и изслѣдованія“, стр. 8 *Блжеевъ*. „Лекціи по ист. рус. законод.“, стр. 623.
- 259) *Начала русскаго государственнаго права*, т. III, ч. 1, стр. 83.

Винодѣліе на Кавказѣ.

(Экономическій очеркъ).

Давно извѣстенъ всему мало-мальски грамотному люду въ Россіи тотъ прискорбный фактъ, что, богатая естественными дарами, обширная Россія, въ силу различныхъ причинъ и особенно слабаго развитія въ ней промышленно-торговой дѣятельности, платитъ иностраннымъ государствамъ сотни милліоновъ рублей за тѣ произведенія, которыя въ предѣлахъ ея, при массѣ дешеваго и прекраснаго сыраго матеріала, могли бы изготовляться въ изобиліи, не только для удовлетворенія населенія имперіи, но и для значительнаго отпуска за границу, избавляя страну отъ приплаты часто за свои же продукты и сырье, переработанные лишь за границей.

Въ разряду подобныхъ произведеній нужно въ особенности отнести виноградныя вина, на покупку которыхъ Россія со временъ Петра Великаго приплачиваетъ ежегодно десятки милліоновъ, въ то время когда въ ея предѣлахъ, кромѣ Крыма, хорошо извѣстнаго въ центральной Россіи, находится Кавказъ, по величинѣ равный Франціи, съ чрезвычайно мягкимъ, полутропическимъ или чисто-тропическимъ климатомъ, богатою почвой, а отсюда и растительностью, и который считается родиной виноградной лозы, въ изобиліи произрастающей тамъ даже въ дикомъ состояніи.

Чтобы нагляднѣе представить лучшія виноградныя мѣста, мы раздѣлимъ Кавказъ въ его географически рѣзко отличающихся частяхъ на двѣ половины: Сѣверный Кавказъ и Закавказье, считающееся отъ гребня горъ къ югу. Если съ высоты птичьяго полета взглянуть на Закавказье, то весь обширный край, простирающійся отъ Чернаго моря до Каспійскаго на 800 верстъ длины, представить три рѣзко отличающихся области, наполненныхъ второстепенными хребтами главнаго Кавказскаго хребта, горъ Аджарскихъ, Малаго Кавказа и Арарата, — это суть: долина рѣки

Ріона, долина рѣки Буры на всеѣ ея протяженіи и высокая долина Аракса въ Эриванской губерніи, которыя и разсмотримъ въ отдѣльности.

Долина рѣки Ріона (въ древности Фазисъ, страна называлась Колхида, нынѣ въ административномъ дѣленіи Кутаисская губернія), заключающаяся между Кавказскимъ и Аджарскимъ хребтами съ ихъ отрогами, представляетъ низменную долину съ наполняющими ея бока массами второстепенныхъ горъ, предгорій и холмовъ, съ весьма мягкимъ климатомъ, не имѣющимъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного времени года къ другому, такъ что морозъ въ 4—5° считается страшнымъ холодомъ, да и это явленіе случается не чаще, какъ однажды въ 10—12 лѣтъ. Вся причина подобной мягкости полуморского климата заключается въ близости Чернаго моря, которое въ изобиліи посылаетъ свои испаренія въ долину Ріона, а окружающія горы, особенно Аджарскій хребетъ, какъ стѣна поднимающійся на южной части ея, служатъ холодильниками, и дѣйствительно, стоитъ только подняться западному вѣтру, какъ массы зловѣщихъ, свинцово-черныхъ тучъ налетятъ, займутъ небосклонъ, и дождь, какъ въ дождливое время года подъ экваторомъ, льетъ на глинистую долину и окружающія ея горы; однако, не пройдетъ и часа, какъ температура уравнируется, земля, обильно напоенная дождемъ, подъ палящими лучами южнаго солнца начинаетъ работать, и въ этомъ отношеніи сила растительности въ долинѣ Ріона такъ велика, что, за исключеніемъ Бразиліи, немного найдется такихъ счастливыхъ странъ на земномъ шарѣ. Вѣтра, хворостинка или прутикъ, воткнутые въ землю, хорошо принимаются, такъ что здѣсь никогда не знали орошенія, которое такъ необходимо въ сосѣдней, континентальной и болѣе оголенной долинѣ рѣки Буры, гдѣ ничто не родится безъ ирригаціи. Здѣсь виноградная лоза въ дикорастущемъ видѣ занимаетъ цѣлые лѣса и недавно еще, при существованіи пароходства по рѣкѣ Ріону, отъ м. Маранъ до Поти, можно было видѣть на всеѣ этомъ протяженіи роскошные лѣса, кокетливо перевитые золотисто-огненнымъ виноградникомъ. Еще древніе греки (походъ аргонавтовъ въ Колхиду за руномъ) за десять или болѣе вѣковъ до Р. Х. посѣщали эту страну съ колонизаторскими цѣлями, а позже мы видимъ не только по берегамъ Чернаго моря, но и глубоко внутри страны, ихъ факторіи и вліяніе здѣсь грековъ замѣтно еще во многомъ и до сихъ поръ. О сношеніяхъ послѣднихъ съ обитателями Колхиды и съ жителями нынѣшняго сухумскаго побережья упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ, а въ нѣкоторыхъ описаніяхъ древне-греческихъ пиршествъ упоминается о сортахъ винъ отдаленной Колхиды. Весьма возможно, что напитокъ волшебницы Меден, дочери колхидскаго царя Авта, которымъ она напоила Язона, и есть одинъ изъ мѣстныхъ сортовъ вина, неизвѣстнаго еще тогда грекамъ; къ тому же, и позднѣйшими учеными

признано, что Закавказье есть родина виноградной лозы. Разсматривая долину Ріона, мы начнемъ съ Батума, откуда желѣзная дорога (закавказская) приведетъ насъ къ другому конечному пункту, къ г. Баку, имѣющему, какъ и Батумъ, стать мѣстомъ отпуска вина. И такъ, начиная отъ Батума, непрерывною цѣпью тянутся отроги Аджарскихъ горъ, прорѣзываемые свѣтлыми водами Аджарисъ-цхали, Супсою, Губазоули и другими горными рѣками, представляя въ высшей степени удобную почву съ ярко освѣщенными склонами, которые современемъ покроются виноградникомъ, произрастающимъ въ Аджаріи и въ Гуріи на высотѣ болѣе чѣмъ 4,000 ф. надъ уровнемъ моря; впрочемъ, высота эта по мѣрѣ удаленія отъ моря становится все меньше и меньше доступна для культуры виноградной лозы, хотя, въ свою очередь, можно указать на такія защищенные мѣста въ горахъ, гдѣ виноградная лоза вьрывается въ область хвойныхъ лѣсовъ, среднюю же предѣльную линію произрастанія виноградной лозы въ Закавказьѣ считается 3,570 ф. надъ уровнемъ моря. Въ Гуріи славятся вина селенія Саджевахо и другихъ ближайшихъ деревень, отличающееся необыкновенно душистымъ букетомъ и мягкостью вкуса, и какъ красныя вина напоминаютъ бургундскіе сорта французскихъ винъ, такъ равно бѣлыя вина напоминаютъ вина Шампань, т.-е. отличаются природною шипучестью. Этимъ качествомъ бѣлыхъ гурійскихъ винъ воспользовался, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, нѣкто Шорнингъ, рейнскій нѣмецъ, практически ознакомленный съ винодѣліемъ, который и началъ готовить изъ него шампанское, расходившееся въ Тифлисѣ; но недостатокъ сбыта заставилъ его бросить это дѣло, заслуживающее вниманія уже потому, что попытки увѣнчались полнымъ успѣхомъ и при рациональной постановкѣ общаются громаднѣйшій доходъ.

Противъ Гуріи, по правому берегу Ріона, тянется Мингрелія, издавшая до шестидесятыхъ годовъ громаднѣйшими виноградниками, изъ которыхъ особенно славилось селеніе Оджалеши, принадлежащее князю Дадіани; къ сожалѣнію, какая-то болѣзнь, не опредѣленная въ свое время, уничтожила $\frac{2}{10}$ виноградниковъ и теперь туземцы неохотно принимаютъ за насажденіе ихъ. Есть поводъ предполагать, что лоза Мингреліи начала вырождаться въ силу долгой и слишкомъ примитивной обработки, такъ какъ лоза, подобно всякому растенію, требуетъ прививки или подновленія.

Прямо вверхъ по рѣкѣ Ріону мы поднимаемся въ горы Лечхумскаго и Рачинскаго уѣздовъ, расположенныхъ по среднему и верхнему теченію упомянутой рѣки, по берегамъ которой и въ глубокихъ ущельяхъ ея притоковъ, а также на возвышенныхъ горныхъ плато и южныхъ склонахъ среднихъ альпъ, тянутся небольшіе виноградники, вполнѣ достойные вниманія по качеству и по культурѣ, болѣе успѣшной, нежели въ другихъ частяхъ Кутаисской губерніи; къ тому же, наносная почва, подновляемая

выбѣтривающимися горами, и известковая и меловая подпочва какъ нельзя больше способствуютъ хорошему произрастанію и питанію. Какъ поучительный примѣръ, можетъ послужить винодѣліе князя Кипіани, который одинъ во всей губерніи сзумѣлъ домашними средствами поставить винодѣліе такъ, что кипіановскія вина получили известность не только въ губерніи, но даже и въ Тифлисѣ. Много разъ уже тифлискіе виноторговцы, слышавшіеся о вкусѣ, мягкости и ароматѣ этого вина, старались скупить его, но слишкомъ малая добыча, заранѣе на слово продаваемая сосѣднимъ вліятельнымъ помѣщикамъ, мѣшаетъ появленію кипіановскаго вина на рынкѣ не только Тифлиса, но даже и сосѣдняго Бутанса. Кувшинъ вина въ Рачѣ стоитъ отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб., вино же князя Кипіани продается не дешевле 4—6 руб. за кувшинъ (кувшинъ немногихъ больше ведра). Вина Рачи и Лечхума не отличаются обиліемъ сортовъ, но, благодаря почвѣ, а, главнымъ образомъ, трудолюбію горныхъ имеретинцевъ (имеретины народъ грузинскаго племени), скоро займутъ подобающее имъ мѣсто на виноторговыхъ рынкахъ. Предѣлъ виноградиновъ по верховью Ріона считать надо с. Уцери, расположенное на высотѣ почти 4,000 ф. надъ уровнемъ моря.

Неподалеку отъ города Бутанса въ рѣку Ріонъ впадаетъ рѣка Виррлла; по послѣдней идетъ продолженіе долины еще на 40 верстъ, окаймленной холмами Ахалцхскаго и Кавказскаго хребтовъ. Это мѣсто въ 2,000 квадрат. верстъ представляетъ одинъ общій садъ,—садъ Имеретіи, которымъ она безспорно можетъ гордиться и надъ которымъ, къ сожалѣнію, надо признаться, до сихъ поръ только и работаетъ одна могучая и богатая здѣсь природа. Путешественникъ, проѣхавъ хоть однажды по закавказской желѣзной дорогѣ, не можетъ забыть роскошную панораму далеко раскинувшихся синихъ горъ, постепенно понижающихся къ долинѣ, съ рассыпавшимися селами, съ бѣляющими храмами, пашнями и виноградниками. Всюду направо и налево годныя мѣста. Вотъ мѣстечко Багдаты, а около него Садеметрао, Рокиты, тутъ же имѣніе И. С. Ананова, но почти безъ виноградниковъ, а напротивъ него имѣніе барона Лонгеля, который, получая субсидіи отъ правительства для успѣшнаго культивированія въ край лучшихъ видовъ лозы,—путемъ даровой раздачи туземцамъ,—успѣлъ кое-какъ устроить ферму да съѣздить въ Парижъ на субсидированныя деньги, а послѣ и душу Богу отдалъ, такъ что деньги ухнули безъ всякой пользы для края; и только послѣ оказалось, что Лонгель совершеннѣйшій профанъ въ дѣлѣ лозонасажденія. Дальше тянутся деревни Свири, Квалиты, Путы, противъ нихъ Терджола и Сазано, уже славящіяся своими винами; изъ нихъ особенно селеніе Свири, жители котораго занимаются исключительно винодѣліемъ, и это единственное въ край мѣсто, гдѣ дѣло поставлено сравнительно лучше. Свирскія вина вывозятся въ большомъ количествѣ въ Тифлисѣ, Одессу, въ Крымъ, такъ что дѣ-

е въ Кутаисѣ, въ 40 верстахъ отъ села, трудно найти настоящее вино того селенія, которое, имѣя жителей около 700 семействъ, производитъ вина до 100,000 ведеръ, цѣною отъ 1¹/₂ до 5 руб. за кувшинъ. Мѣстные крестьяне отличаются достаткомъ, среди себя насчитываютъ нѣсколько человѣкъ съ состояніемъ до 100,000 рублей и въ селѣ же есть хорошо обставленное двухклассное училище.

Вся вышеописанная мѣстность подымается надъ уровнемъ моря не выше 1,000 футовъ, а ближайшіе холмы еще футовъ на 500, но чѣмъ дальше по желѣзной дорогѣ, тѣмъ съ каждымъ шагомъ становится выше и выше. Отъ станціи Квириалы виноградныя мѣста идутъ по двумъ направленіямъ: по рѣкѣ Квириалѣ до мѣстечка Сачхери и по рѣкѣ Двирулѣ, по берегу которой вьется желѣзная дорога. Здѣсь всюду хорошія мѣста для виноградниковъ, но болѣе замѣчательное мѣсто—Бѣлогоры, гдѣ въ имѣніи князей Абашидзе получаютъ замѣчательно густыя, бѣлыя и необыкновенно крѣпкія вина—*цаликаурскія*, почти неизвѣстныя въ продажѣ. Вся эта мѣстность—богатая площадь для обработки виноградной лозы, которая, къ тому же, достаточно культивирована и представляетъ лучший образецъ туземнаго насажденія. Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ ущельи, которое, запирая входъ въ долину Ріона со стороны сосѣдней и враждебной Турціи, представляетъ въ своемъ родѣ чудо, гдѣ капризница - природа хотѣла разыграть штуку и, какъ будто нарочно, возвела рядъ гранитныхъ, испещренныхъ разсѣлинами, высокихъ стѣнъ, увитыхъ вѣковыми плющомъ и поросшихъ рододендронами, азалиями и лаврами. Тамъ и сямъ виднѣются часовни, развалины храмовъ и башенъ; впрочемъ, тутъ есть дѣло рукъ человѣка позднѣйшаго періода; это три очаровательныхъ дома князей Абашидзе въ смѣшанномъ итальянскомъ стилѣ, у подножія которыхъ локомотивъ медленно, нухтя, ползеть по склону грузино-имеретинской соединительной вѣтви.

Кутаисская губернія заключаетъ въ себѣ Аджарію, Гурію, Мингрелію, Рачу, Лечхумъ и Имеретію (мѣстныя дѣленія) и имѣетъ площадь виноградниковъ, равняющуюся 38,000 десятинамъ, т.-е. ²/₃ всей виноградной площади кавказскаго края, но цифра эта подвержена каждагоднему колебанію, такъ какъ по всей губерніи крестьяне усиленно занимаются увеличеніемъ площади «венахи» (виноградниковъ), которые приносятъ втрое болѣе доходъ, несмотря на примитивный способъ обработки, нежели подобное же поле, засѣянное хлопчатникомъ. Можно съ увѣренностью сказать, что во всемъ Закавказьѣ первенство увеличенія площади виноградниковъ принадлежитъ Кутаисской губерніи, гдѣ ежегодный приростъ надо считать въ 7% всей площади; цифровыя же данныя, добытыя официальнымъ путемъ, слишкомъ уменьшены, такъ что почти нельзя ошибиться, если сказать, что площадь равна не 38,000, а 45,000 десятинамъ съ среднею добычей не въ 3.000,000, а въ 3.550,000 ведеръ вина.

Во всей Бутанской губернии мелкий видъ землевладѣнія, а это ведетъ къ равномерному распредѣленію какъ труда, такъ равно и доходовъ; поэтому въ краѣ пока нѣтъ сельскаго пролетаріата; каждый крестьянинъ, исключая слишкомъ горныхъ частей, имѣетъ если не полную ицеву (900 кв. саженъ), то $\frac{1}{2}$ ицевы виноградина, который даетъ ему отъ 30—50 кубшиновъ вина, вполне годнаго для продажи; для домашнего же потребленія имѣются общіе въ деревнѣ, иногда и отдѣльныя *маггари* (виноградникъ, пущенный на деревья). Такихъ маггари особенно много въ низменныхъ частяхъ, гдѣ земля, годныхъ для культуры, больше, нежели въ мѣстахъ горныхъ. Земли въ губерніи дороги и не всюду годятся подъ виноградники; лучшими считаются восточныя части Бутанскаго и западныя, холмистыя части Шаронанскаго уѣздовъ (тѣ 2,000 кв. верстъ, о которыхъ мы говорили раньше), гдѣ ицева хотя цѣнится отъ 200 до 500 рублей, т.-е. десятинна отъ 540—1,200 рублей, тогда какъ виноградники стоятъ въ три-четыре раза дороже: отъ 2,000—3,000 рублей; *маггари* же продаются немого дороже хорошихъ пахотей. Сборъ винограда опредѣляется каждымъ хозяиномъ согласно его собственнымъ на этотъ предметъ воззрѣніямъ и начинается съ половины или съ конца сентября,—сборъ слишкомъ ранній, если не сказать безразсудный; впрочемъ, въ послѣдніе годы крестьяне, поприслушавшись къ требованіямъ тифлискихъ и другихъ торговцевъ, начали произносить сборъ въ концѣ сентября или же въ октябрѣ. Въ нѣкоторые помѣщики, собирающіе въ ноябрѣ. И какое восхитительное оно получается ими! Однако, еще слишкомъ много времени пройдетъ, прежде нежели установится у всѣхъ виноградарей тотъ же взглядъ. Подъ виноградникъ берутъ всегда новый участокъ, который тщательно выкорчевывается, запахивается и съ ранней весны вплоть до конца мая, смотря по мѣстности, засаживается въ глубину до 6 вершковъ черенками-отводками, или же прямо чубуками безъ корней. Послѣдній способъ болѣе распространенный и вмѣстѣ экономическій, хотя подобнаго рода посадки и даютъ сбора на третій годъ, а лишь на четвертый, полный же урожай получается только на пятый годъ, тогда какъ черенки-отводки даютъ малый урожай уже на второй годъ. Кроме того, послѣдній способъ требуетъ тотчасъ же большихъ затратъ на лучшее разрыхленіе, колья и пр., чего крестьянинъ всегда избѣгаетъ. При взглядѣ на виноградникъ не видны правильности рядовъ и систематичности. Сорты туземные уже повыверлись, держатся только болѣе грубые, да хорошо привились тѣ сорта лозъ, которые занесены въ Рионскую долину изъ Кахетіи. Доказательствомъ служить Мингрелія, гдѣ на виноградной лозѣ появилась какая-то бѣлѣзна, уничтожившая большую часть виноградниковъ, а во всей губерніи здѣсь и тамъ до сихъ поръ свирѣпствуетъ *нацари* (зола), (*oidium tuscigé*), отъ которой все еще не умѣютъ избавиться. Обмотыженіе пр-

зводится два раза: первый разъ раннею весной, тотчасъ же послѣ брѣзыванія и подправки колебѣвъ, упавшихъ за зиму, а второй разъ въ концѣ мая и до конца іюня. Всѣ виноградники огораживаются плетенью изъ хвороста или же частоколомъ, въ гористыхъ же мѣстахъ грады складываются изъ плитняковаго камня. Каждый хозяинъ возможно лучше караулитъ свой участокъ, особенно когда его виноградникъ стался съ урожаемъ, давно снятымъ у другихъ. Для деревни сборъ винограда составляетъ праздникъ, на работу выходятъ и старъ и малъ, всѣ усиленно работаютъ, срѣзая кисти и бросая ихъ въ корзины, которыя сносятся самыми сильными мужчинами къ давилнѣ. Не слѣдуетъ думать, что работа эта легка; напротивъ, она требуетъ усилій, но за то мотисто-яитарный или фіолетовый виноградъ, имѣющій обратиться въ такой же шипучій и здоровый сокъ, называемый *маджари* (молодое вино въ состояніи послѣдняго броженія), заранѣе веселитъ душу каждаго, а кисти винограда, съ охотой поѣдаемыя работающими, подновляютъ ослабѣвшія силы. Особенно радуются дѣти; звонкіе голоса ихъ слышны издадека, а подростки и молодежь, разбившись на пары, вмѣстѣ срѣзаютъ съ одного и того же куста, который цодчасъ бываетъ свидѣлемъ пылкаго объясненія въ любви, заканчивающагося свадьбой. Созанный виноградъ бросается въ деревянные давилни; тамъ давятъ его гами, которыя заранѣе моютъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ давятъ тамъ. Точно также не существуетъ сортировки не только по качеству истей, но даже по сортамъ лозы: всѣ сорта образуетъ массу, которая ливается въ чаны, гдѣ бродитъ нѣкоторое время, а послѣ вливается въ вшины, размѣромъ отъ 10—50 ведеръ, приготовляемые изъ жженой глины. Кувшины вкапываются въ землю немного ниже уровня, подъ щитой рошцы или вѣковаго волошскаго орѣха; у лучшихъ хозяевъ дѣлаются кувшинами дѣлаются навѣсы или строятся хижина. Передъ вливаніемъ кувшины хорошо обмываются, но это не можетъ спасти вино отъ окисленія, особенно если принять во вниманіе, что *марани* (мани—мѣсто, гнѣ хранится вино) находится подъ вліяніемъ слишкомъ вличной температуры; кромѣ того, опытъ доказалъ, что стѣнки кувшиновъ (въ Грузіи называются *кверви*, въ Имеретіи *чури*) съ теченіемъ времени способствуютъ образованію окиси, которая и портитъ вино; кромѣ того, изъ кувшиновъ очень трудно переливать вино въ другія посуны для освѣтленія вина; впрочемъ, очистки вина путемъ разлива здѣсь какъ не существуетъ. Вино держать въ кувшинахъ и по мѣрѣ надобности берутъ, но кувшины тотчасъ же подбавляютъ виномъ (что, однако, всѣми практикуется). Перевозка во всей Кутаисской губерніи, по принципъ гористой мѣстности, а отсюда дурныхъ дорогъ, особенно зимой, совершается въ козьихъ мѣхахъ (иначе бурдюкъ, по-имеретински *тики*), горы навьючиваютъ на горныхъ лошадохъ по обѣ стороны (въ два

бурдюка), вѣсомъ отъ 8 — 10 пудовъ. Существуетъ особый классъ собственниковъ лошадей (черводарщики), которые исключительно заняты покупкой вина въ верхней Имеретіи (конечно худшихъ сортовъ) и перевозкой и перепродажей вина, уже подмѣшаннаго водой, въ гор. Бутансѣ и по всей Мингреліи, гдѣ получается слишкомъ мало вина. При покупкѣ на десять *чани* (кувшинъ) добавляется даромъ одинъ, да, кромѣ того, покупщикъ и его лошадь кормятся все время пребыванія тоже даромъ; они хорошо знаютъ, когда и къ кому идти съ предложениемъ продажи вина, которое чаще всего идетъ за «чани» не дороже какъ 1—2 рублей; скупщики же перепродаютъ его на рынкахъ на вѣсъ, по *батманамъ* (батманъ=20 ф.) отъ 80 к.—2 р. сер. Круглый годъ подъ вѣсами въ Бутансѣ можно видѣть массу сваленныхъ бурдюковъ, изъ которыхъ васъ весьма охотно угощаютъ; не понравится—идете выбирать къ другому и т. д., пока не найдете по вкусу. Экспорта въ бочкахъ не существуетъ, да онъ и невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не увеличатся требованія на лучшіе сорта винъ. Здѣсь же никто не купить дорогаго вина, которое повсемѣстно выпивается въ громадномъ количествѣ, и, хотя оно пахнетъ смолой отъ внутренней смазки мѣха, но на это никто изъ туземцевъ не обращаетъ вниманія и его пьютъ, пьютъ въ громадномъ количествѣ, среднимъ числомъ не менѣе бутылки вина въ день на человѣка; пьютъ женщины, пьютъ дѣти, даже только что начинающія лепетать, пьютъ лѣтомъ и зимой, пьютъ всегда и вездѣ, но никто не напивается, и, разъ напившись, считается пьяницей; пить тамъ не возбраняется, вамъ говорятъ: «пей». Да, пейте, если можете, пейте много, вамъ будутъ удивляться, но бѣда потерять сознаніе, тогда вѣчное клеймо: *лоти* (пьяница) останется за неизлечимымъ. Словомъ, пьютъ здѣсь много, какъ не пили и не смогутъ пить ни французы, ни испанцы, ни итальянцы, ни греки, и, несмотря на это, не было при мѣровъ порожденія пьяницъ, какъ это случается часто на сѣверѣ, и нѣтъ различныхъ параличей и подагръ. Напротивъ, сплошь да рядомъ можно встрѣтить стариковъ лѣтъ въ 60—70, пьющихъ всю жизнь, но замѣчательно бодрыхъ и хорошо сохранившихся. Намъ случилось познакомиться съ дворяниномъ Николаемъ Бахіани, о которомъ, какъ о крѣпкомъ старикѣ, упоминаетъ путешествовавшій еще въ сороковыхъ годахъ извѣстный грузинологъ французъ Броссе. Трудно себѣ представить, что этотъ патріархъ, которому уже болѣе ста лѣтъ, сидитъ на лошади какъ юноша, пьетъ вино въ такихъ размѣрахъ, что подчасъ спиваетъ молодежь, которая не въ состояніи тягаться съ нимъ. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ, что, несмотря на примитивность приготовленія, мѣстное вино—здоровый напитокъ, а вывозъ этого вина, особенно изъ селеній Свирі, Путы, Квалиты въ Тифлисъ, гдѣ оно фабрикуется и продается подъ видомъ чисто-кахетинскаго, а также черезъ Батумъ и Поті фран-

нами и евреями въ Одессу и въ Крымъ (тамъ оно обращается въ кислое), указываетъ и на то, что лучшіе сорта годны для дальняго шорта и торговли. Особенно много вина закупили французы въ 1879 г., о чемъ своевременно указывалось въ тифлисской газетѣ *Обзоръ*.

Мелкая земельная собственность, способствуя равномерному достатку, бѣтъ свои слабыя стороны, а именно недостаточность сосредоточія капиталовъ, а отсюда привитіе въ массѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, но извѣстныхъ на Западѣ. Дворянство здѣсь слишкомъ бѣдно (исключая свѣтлѣйшаго князя Дадіани) и если открываетъ училища, то, къ сожалѣнію, не профессиональныя, тогда какъ при густотѣ населенія, дороговизнѣ земель въ губерніи и по климату всего болѣе подходящій здѣсь удѣ садоводство и винодѣліе, въ которомъ могутъ принять участіе старики, женщины и дѣти, а благодатный климатъ даетъ возможность работать круглый годъ. Принимая во вниманіе всѣ хорошія условія края, можно предсказать, что этому счастливому уголку Закавказья предстоитъ видная участь.

Долина рѣки Куры. Спустившись съ Сурамскаго перевала, мы вступаемъ въ область рѣки Куры, текущей все время въ юго-восточномъ направленіи, хотя на протяженіи 800 верстъ, но до выхода ея изъ Боржомскаго ущелья виноградники не встрѣчаются по причинѣ высокой мѣстности; однако, наведеніе лозы тамъ возможно: на это указываютъ остатки виноградниковъ у сваливъ монастыря близъ гор. Ахалцыха, лежащаго на высотѣ болѣе 4,000 надъ уровнемъ моря. Виноградники начинаются по рѣкѣ Курѣ впервые н. Сурама, но здѣсь въ весьма маломъ количествѣ, да и то зимою приходится зарывать лозу въ грунтъ, такъ какъ высокое положеніе Сурамы и близость вахтангской соединительной вѣтви, примыкающей къ Кавказскому и Ахалцыхскому хребтамъ, способствуетъ сильнымъ холодамъ, бительно вліяющимъ на лозу. По Курѣ нѣтъ обширныхъ виноградниковъ, помѣщики обрабатываютъ больше для домашняго потребленія, а сто сами покупаютъ вино изъ сосѣдней Имеретіи. По рѣкѣ Лиахвѣ, на мѣстѣ (притокъ р. Куры съ лѣвой стороны у г. Гори), въ нѣмнѣ князя И. Сулханова виноградъ не всегда успѣваетъ хорошо дозрѣть, оттого вино получается кислое, но тутъ же, по близости, есть ущелья, защищенные отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра Кавказскихъ горъ, какъ Хидисъ-цское; тамъ виноградъ хорошо созрѣваетъ и получается лучшее въ Карлиннѣ вино; недурное также вино изъ виноградниковъ, тянущихся у ст. Зспі, но мѣсто, о которомъ стоитъ поговорить, это сел. *Мухранъ*, притокъ ст. Ксажа, верстахъ въ 60 отъ Тифлиса, принадлежащее князю Батіонъ-Мухранскому. Селеніе это расположено у самаго подножья отроговъ авазскаго хребта, по южному его склону, гдѣ всегда скопляется болѣе количество лучей солнца, столь необходимыхъ для успѣшнаго созрѣванія винограда, но и здѣсь бывають свои неудачи: часто ранній снѣгъ въ

горахъ замедляетъ созрѣваніе виноградныхъ кистей, и это должно почитаться искусственною сортировкой и другими практическими приѣмами. Только въ Карталиніи, но и во всемъ Закавказьѣ самыми громадными виноградниками (въ количествѣ 226 десятинъ), если не лучшихъ лозъ, то лучшаго ухода, надо считать участки кн. И. К. Багратионъ-Мухранскаго и упомянутомъ выше селеніи и въ ближайшихъ пяти селахъ, да, кромѣ того, имъ могутъ арендоваться еще виноградники, принадлежащіе крестьянамъ и сосѣднимъ дворянамъ въ количествѣ до 400' десятинъ, такъ что всего съ эксплуатируемыхъ виноградниковъ вина можетъ получаться 40,000 ведеръ, пока же только 14,000 ведеръ. Обширность виноградныхъ площади, свободный капиталъ, которымъ кн. И. К. Багратионъ-Мухранскій могъ во всякое время располагать, предвидѣнность удачи этого дѣла, желательнаго въ видахъ пользы для края, о чемъ не разъ говорилось какъ въ мѣстной, такъ и въ столичной печати, — все это обратило вниманіе и заставило его взяться за винодѣліе и поставить его по всѣмъ правиламъ, давно выработаннымъ въ Европѣ и безъ которыхъ немислимо винодѣліе даже въ такихъ богатыхъ виноградныхъ провинціяхъ, какъ всѣ пять губерніи и одна область Закавказья. Въ этомъ отношеніи не только въ Закавказьи, но и вообще на всемъ Кавказѣ, смѣло можно сказать, поставленъ дѣло хорошо только кн. И. К. Багратионъ-Мухранскимъ, винодѣліе котораго является пріятнымъ исключеніемъ, доказывающимъ, что дѣло это можетъ развиваться и другими съ такимъ же, если не съ бѣльшимъ успѣхомъ кромѣ того, успѣхъ ясно показалъ, что давно канули въ Лету тѣ воззрѣнія, что *винодѣль тотъ, кто имѣетъ виноградный садъ.*

Отъ селенія Мухранъ, съ его погребями, прессами, сушильнями, спиртнымъ заводомъ и неподобною организаціей дѣла, начинаютъ встрѣчаться большія плантанціи виноградниковъ, требующихъ здѣсь и большаго ухода, нежели въ Кутаисской губерніи, гдѣ само небо заботится поливать землю обильнымъ дождемъ, количество котораго по метеорологическимъ свѣдѣніямъ за годъ опредѣляется въ 59,17 дюймовъ, съ среднею лѣтнею температурой въ 18,31 по Реомюру, зимней +3,32 и среднею годовою 11,58, тогда какъ въ Тифлисъ, считающемся въ центрѣ долины Куръ, средняя лѣтняя температура = 18,35, зимняя = +1,44 и средняя годовая 9,98, указывающія на большую континентальность Тифлисской губерніи, гдѣ количество атмосферныхъ осадковъ опредѣляется всего въ 18,72 дюймовъ, т.-е. въ три раза меньше, нежели въ долинѣ Ріона. Вся долина Куръ, постепенно понижающаяся къ Каспійскому морю, по высотѣ опредѣляется такъ: около Сурама въ 2,400, у Гори въ 1,800, у Тифлиса 1,510, у Елисаветполя 800 и у Баку 53 ф. надъ уровнемъ моря. Горійскій уѣздъ имѣетъ 1,800 десятинъ, Душетскій уже больше 3,000 десятинъ, а Тифлисскій уѣздъ 3,250 десятинъ, т.-е. всего въ Карталиніи 8,050 десятинъ виноградныхъ садовъ, дающихъ около 1.100,000 ведеръ вина,

въ которыхъ добрыхъ $\frac{3}{5}$ употребляется самими жителями. Славится во Хидисъ-Тавскаго ущелья и ближайшихъ сель, извѣстное подъ общимъ именемъ горійскаго, да вина кн. И. В. Багратионъ-Мухранскаго, какъ выдержанныя, освѣтленныя и соответствующія всемъ требованіямъ европейской торговли. Цѣны его винъ отъ 30 коп. за бутылку и до 2 руб. 50 п. за старыя, а въ Москвѣ отъ 60 к. и выше.

Часть вина идетъ въ Тифлисъ, гдѣ, какъ и всякое вино послѣ фабрикаціи, идетъ въ продажу подъ именемъ кахетинскаго. Хорошимъ мѣстомъ надо считать долину р. Арагвы отъ м. Мцхета и до Цалканской вѣщи, занимающей болѣе 800 квадратныхъ верстъ, возможную для орошенія и культивированія лозы. Остальныя мѣста не представляютъ побныхъ громаднхъ площадей, хорошо защищенныхъ горами отъ вліянія лодныхъ вѣтровъ горныхъ вершинъ. Ежегодный приростъ виноградныхъ садовъ можно опредѣлить не свыше 1% всей площади, и причиной кому сравнительно малому увеличенію площади здѣсь надо считать не всемъ хорошія качества вина, уступающаго во вкусѣ винамъ прионскихъ виноградниковъ. Средняя цѣнность виноградника надо считать значно, по мѣстностямъ, и въ общемъ дешевле, чѣмъ въ долину Ріона, та здѣсь и требуется больше труда: непремѣнность отводковъ, повки и дороговизна заборовъ значительно увеличиваютъ цѣнность. Безъ ливки здѣсь ничто не родится, и много надо трудовъ для проведенія ды, особенно въ новый участокъ.

Бахетія для Кавказа все равно, что Ширасъ для Персіи: какъ ширасъ воспѣвается съ его садами розъ, виноградниковъ и букетнымъ виномъ, извѣстнымъ еще въ древности, такъ равно и Бахетія и Грузія есть райскій уголокъ, который грузинъ боготворить и мечтаетъ видѣть. Грузинъ, въ разговорѣ о Бахетіи, непремѣнно спроситъ васъ: «бывали ли вы въ Бахетіи?» И если получится отрицательный отвѣтъ, онъ вамъ прехладнокровно, тономъ, не допускающимъ возраженія, свѣтитъ: «Значитъ, вы не видали самаго лучшаго уголка въ мірѣ!» Если взять середину Кавказскихъ горъ и стать лицомъ къ юго-востоку, то все пространство между лѣвымъ берегомъ Куры и отрогами Кавказскаго хребта, считая высоту отъ Тифлиса и почти до паденія рѣки Юры въ Куру, будетъ Бахетія. Вся страна возвышенно ровная, почти правильно пересѣченная невысокими хребтами, цущими въ видѣ отроговъ, разнообразящихъ страну, поднимающуюся постепенно къ горамъ. Посрединѣ Бахетіи, во всю ея длину, тянется второстепенный хребетъ, раздѣляющій ее на двѣ части, изъ которой вторая половина, ближайшая къ рѣкѣ Алазани, текущей параллельно главному хребту, представляетъ особенно привлекательный край. Лучшій видъ считается съ Гомборскаго хребта, возвышающагося надъ равнемъ моря на 2,420'; отсюда открывается видъ на десятки верстъ:

прямо будетъ Алдавердскій монастырь, потомъ Кварели, Цинондакъ, Иданахъ, Ахмети, Ведисъ-Цихе и другія села и деревни, прославившія своимъ виномъ, открываются какъ на ладони. Серебристая лента Алдана, свергающая въ ясный солнечный день, зеленѣющіе холмы, хребты, полные жизни, и видъ на сѣдые зубы кавказскихъ великановъ, освещенныхъ золотисто-пурпурными лучами заходящаго солнца, теплый и южная, полная нѣги, ночь, симпатичныя, добродушныя лица грузинъ и очаровательныя головки прелестныхъ кахетиннокъ, полныхъ женственности и гибкихъ движеній, патриархальность, радушіе и гостепріиміе обитателей,—все это восхищаетъ, опьяняетъ васъ не менѣе хорошаго кахетинскаго вина и надолго заставитъ помнить такое пріятное сочетание красоты и нѣжности красокъ, гдѣ природа, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, спѣшитъ удивить своею могучестью, и кто бы вы ни были, тешественникъ по Кахетіи, вы долго не забудете этого волшебнаго уголка, одно имя котораго отнынѣ становится вамъ родственнымъ, близкимъ, а вся поѣздка будетъ представляться въ видѣ долгаго волшебнаго сна.

Кахетія въ административномъ отношеніи образуетъ два уѣзда—Телавскій и Телавскій, съ небольшими городами Сигнахомъ и Телавомъ, изъ которыхъ можно добраться на перекладныхъ въ одинъ день, заранѣе конечно, заручившись подорожной въ Тифлисъ. Путь весьма разнообразится роскошнѣйшими пейзажами, то полными нѣжныхъ очертаній, то полныхъ жизни, то подавляющими своею величественностью. На всѣхъ Кавказѣ съ роскошью и богатствомъ Кахетіи можетъ поспорить только долина р. Квирилы, притока Ріона съ лѣвой стороны, да и та, въ сравненіи съ Кахетіей, сознается, уступаетъ въ грандіозности картины и въ богатствѣ. Климатъ здѣсь довольно мягкій: нѣтъ особенной жары лѣтомъ, которая умѣряется массой лѣсовъ, хорошо сохранившихся въ Кахетіи, да близостью сѣверныхъ горъ Кавказа, быстро охлаждающихъ начавшія тучи, которыя рѣшаются обильными дождями; количество же послѣднихъ въ этихъ мѣстахъ надо считать больше, нежели въ долину р. Куры, отличающуюся своими жарами и бездождіемъ. Осень особенно прекрасна и благопріятна въ Кахетіи, солнце въ ноябрѣ грѣетъ достаточно для созрѣванія винограда и термометръ Реомюра показываетъ иной разъ до 22°, къ тому хорошіе дни держатся подолгу и это какъ нельзя болѣе способствуетъ не только созрѣванію, но сбору и выдѣлкѣ вина, которому для броженія необходима довольно высокая температура. Зимы въ Кахетіи, какъ принято это понимать на сѣверѣ, не существуетъ; правда, снѣгъ иной гдѣ держится по недѣлямъ, при морозахъ въ 2—3° по Реомюру, но вѣтеръ не причиняетъ; поэтому здѣсь, какъ и въ Ріонской долинѣ, виноградная лоза въ грунтъ не зарывается. Однако, въ 7—10-ти лѣтній періодъ бывають исключенія: лѣтомъ засухи, а зимой сильная для такого южнаго края зима.

края стужа даютъ себя знать; тогда въ первомъ случаѣ все засыхаетъ у тѣхъ, которые не озаботились проведеніемъ оросительныхъ канавъ. Здѣсь ничто не родится безъ воды; вода на югѣ и юго-востогѣ Азіи, какъ почти и на всемъ Кавказѣ, есть источникъ жизни; поэтому сохраненіе, а въ нѣкоторыхъ совершенно голыхъ, но богатыхъ отдохнушею вѣками почвой, и разведеніе лѣсовъ,—вотъ давно и настоятельно выступившій на очередь вопросъ, о которомъ вся кавказская пресса единодушно поднимала свой голосъ, остающійся гласомъ вопіющаго въ пустынь. Примѣровъ поучительныхъ слишкомъ много: Франція тратящая теперь ежегодно десятки милліоновъ франковъ для разведенія лѣсовъ въ своихъ восточныхъ департаментахъ; центральная Испанія, страдающая бездождіемъ, африканскою, всеизсушающею жарой и поражающая своею пустынностью (Старая Кастилія); наконецъ, долина Курмы, совершенно оголенная, а нѣкогда цвѣтущая, съ остатками оросительныхъ каналовъ, развѣ не бьютъ въ глаза неумѣншемъ вести хозяйство? Современная наука говоритъ и фактически, путемъ ряда доказательствъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что лѣса, этотъ источникъ народнаго благосостоянія, какъ называютъ ихъ, есть главный регуляторъ всѣхъ атмосферическихъ явленій, хранитель влаги, почвы и проч.; отсюда видно, что лѣса должны быть священны въ экономическо-хозяйственномъ смыслѣ. Во всемъ Закавказьѣ, при увеличеніи площадей подъ культуру растений, въ силу закона прироста населенія, ощущается все большій и большій недостатокъ воды, изъ-за которой здѣсь происходятъ цѣлыя побоища и тяжбы, тянущіяся десятки лѣтъ.

Вся Кахетія, какъ мы говорили раньше, представляетъ высокую равнину, прилегающую однимъ концомъ къ такой жаркой странѣ, какъ середина и устье р. Курмы, а другимъ къ высокимъ снѣжнымъ горамъ, охватывающимъ ее полукольцомъ; если прибавить сюда континентальность положенія, то понятны будутъ тѣ рѣзкости, которыя въ ней по временамъ даютъ себя чувствовать, но особенно ужасенъ бываетъ въ Кахетіи, начиная съ мая мѣсяца, градъ, выпадающій иногда величиной въ куриное яйцо; гдѣ пройдетъ подобный градъ, тамъ все погибаетъ; случаются даже пораненія и смерть людей и животныхъ, внезапно застигнутыхъ имъ въ полѣ.

Года не пройдетъ, чтобы градъ не истребилъ усилія человеческихъ рукъ въ нѣсколькихъ селахъ Кахетіи. Въ приріонской долинѣ поля и виноградники, незнакомые съ этимъ бичемъ континентальныхъ и высокихъ плоскостей, тоже имѣютъ свои неудобства: тамъ выпадаютъ иной годъ слишкомъ обильные дожди и тогда все начинаетъ гнить. Про Кахетію нельзя сказать, что такія-то мѣста болѣе годны для культуры виноградной лозы; вся она будетъ современемъ однимъ большимъ виноградникомъ. Самыми лучшими виноградниками считаются расположенные въ районѣ слѣдующихъ селъ: около Аллавердскаго монастыря, Бварели, Цинондалъ, Карданахъ, Ахмети, Велись-Цихе и друг., но опять-таки по той причинѣ,

что села и деревни, давно прославившіяся своими виноградниками, принадлежали самымъ богатымъ и знатымъ фамиліямъ Грузіи, князьямъ Чавчавадзе, Андрониковымъ, Орбелиани и друг. Но все это было въ дни крѣпостнаго права: теперь мы видимъ не то. Теперь нѣтъ въ Грузіи имѣнія, которое не было бы заложено и перезаложено въ бывшемъ закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ тифлискомъ дворянскомъ земельномъ банкѣ или въ частныхъ рукахъ ростовщиковъ изъ тифлискихъ армянъ, которые растанули порядочныя, но вовсе нежелательныя сѣти надъ этимъ благодатнымъ уголкомъ, населеннымъ добродушнѣйшимъ народомъ. Здѣсь попадаются участки въ 20—30 десятинъ виноградника, принадлежащихъ одному лицу; къ сожалѣнію, долги и халатность помѣщиковъ мѣшаютъ такой постановкѣ дѣла, при которой возможно довести доходъ до шахішм'а. Во Франціи и въ рейнской Германіи, гдѣ культура доведена до полнѣйшаго совершенства, одна десятина виноградника составляетъ цѣлое состояніе, несмотря даже на громадныя расходы. Для примѣра приведемъ цифровыя данныя: въ мѣстности «Рейнгау», гдѣ особенно хороша культура виноградной лозы, насажденіе одного моргана виноградника, только 2,500 лозъ, дающихъ среднимъ числомъ 600 литровъ вина, стоитъ отъ 400—600 марокъ, за разрыхленіе же и подставки до 300 марокъ, да удобреніе, стоющее въ три года 100 марокъ, пекунка всѣхъ необходимыхъ орудій, непрѣмное устройство погреба, потеря процентовъ за непроизводительные четыре года, потеря немалого количества вина при броженіи, — если все это счесть, то получится весьма почтенная цифра всей стоимости одного моргана. При самомъ лучшемъ винѣ, за бочку въ 1,200 литровъ выручается отъ 8 — 18 тыс. марокъ, при обыкновенномъ же — не больше 6—10 тыс., но за то хороша и выручка. Даже за границей потребители хорошаго тамошняго вина ошибаются, полагая по цѣнамъ на карточкахъ въ нѣсколько марокъ, обозначающихъ стоимость лучшихъ сортовъ винъ, какъ-то: «Юганисберга», «Штейнбергера» и «Рюдесгеймера», что дѣйствительно имъ подаются эти сорта.

Во всей Кахетіи нѣтъ ни одного винодѣла, который поставилъ бы это дѣло такъ рационально, какъ кн. Багратіонъ-Мухранскій въ Карталиніи; правда, движеніе вина на внутренніе рынки и здѣсь способствуетъ привитію европейскихъ пріемовъ, хотя надо сознаться, что при консервативности грузина дѣло это подвигается довольно медленно; да, къ тому же, въ краѣ нѣтъ ни капиталистовъ, ни свѣдущихъ по этой части людей. И если кахетинскія вина въ самомъ дѣлѣ хороши, то это надо приписать только ихъ природнымъ, въ высшей степени хорошимъ качествамъ, но никакъ не выдѣлкѣ.

Недавно въ Кахетіи пріобрѣлъ огромное имѣніе извѣстный богатый графъ Шереметевъ, который, конечно, при желаніи, можетъ довести это

дѣло до совершенства и, такимъ образомъ, является въ этомъ уголкѣ та-
кимъ же новаторомъ, какъ князь Багратионъ-Мухранскій въ другой части
Грузіи. Такая постановка дѣла болѣе чѣмъ желательна, она настоятельно
необходима, такъ какъ способствуетъ въ край развитію правильныхъ по-
нятій, согласно требованій спроса. Какъ бы ни были хороши вина Кав-
каза вообще, но при отсутствіи однообразія въ выдѣлкѣ и умѣньи храненія
они не могутъ идти въ далекій экспортъ. Знаній необходимо побольше;
они привьются путемъ насажденія въ край образцовыхъ хозяйствъ, кото-
рыя шагъ за шагомъ вытѣснятъ съѣдающую въ конецъ наше хозяйство
рутину и дадутъ окраинѣ возможность вести обширную торговлю, гдѣ,
прежде всего, вина кахетинскія, какъ лучшія, должны занять почетное мѣ-
сто въ сортахъ кавказскихъ винъ.

Число виноградниковъ здѣсь увеличивается слабѣе, чѣмъ въ припріон-
скомъ край, — не больше 2% всей площади; причинъ тому, особенно за
последнее время, надо искать въ увеличивающемся привозѣ винъ въ
Тифлисъ изъ другихъ виноградныхъ центровъ, тогда какъ Кахетія со-
вершенно изолирована, да и вина ея стоятъ въ цѣнѣ несравненно до-
роже; кромѣ того, здѣсь нѣтъ такого густаго населенія, какъ въ Име-
ретіи, гдѣ крестьянину необходимо искать такого труда, который далъ
бы возможно большій доходъ съ малаго участка. Въ Имеретіи крестья-
нинъ платитъ за арендуемый участокъ, при всѣхъ своихъ трудахъ и
расходахъ, половину урожая, въ Карталинѣ же и въ Кахетіи — не больше
четвертой съ поливной и седьмой части съ неполивной земли. Виноград-
ники въ Кахетіи рѣдко обрабатываются самими кахетинцами, но издавна уже
славившимися садовниками-имеретинцами, которые бросаютъ свою родину и
идутъ на чужбину искать счастья. Всѣ почти виноградники пускаются
на перекладныя высотой до 1½ сажени, такъ что лоза образуетъ сплош-
ную защиту, чрезъ которую едва проникаетъ лучъ солнца; этотъ спо-
собъ удобнѣе тѣмъ, что подпорки держатся дольше, но за то вино-
градъ позже дозрѣваетъ. Видъ подобнаго виноградника, занимающаго де-
сятки десятинъ, подъ которымъ можно сидѣть и видѣть рѣбющія кисти,
просто восхищеніе, и кахетинцы пируютъ подъ нимъ.

Изъ виноградныхъ лозъ славится въ особенности «саперави», за ко-
торой всѣ ученые винодѣлы Европы признали безспорное первенство, но
и другіе сорта лозъ прекрасны, даютъ даже при спосномъ уходѣ хоро-
шій урожай, но, будучи перенесены на другую почву, вырождаются и
не даютъ уже такого вкуснаго, здороваго и ароматическаго сока, какъ
выращенные на родной почвѣ; причина этому, по всей вѣроятности, за-
ключается въ другихъ составныхъ частяхъ почвы, которая берется безъ
разбора, тогда какъ слѣдовало бы разводить лозу на почвѣ если и не
такой, какъ родная ей, то, во всякомъ случаѣ, на подходящей. Кавказу,
очевидно, далеко до всего этого, да еще и нѣтъ необходимости, по нѣко-

торыя примѣненія, особенно по обработкѣ и выдѣлкѣ винъ, весьма и весьма желательны, точно также какъ и наставленія о леченіи *нацари* (вола, *oidium tusceri*), свирѣпствующей въ виноградникахъ Кахетіи. Хотя и въ этомъ году командируется чиновникъ отъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства и въ мѣстныхъ газетахъ отпечатано объявленіе о цѣнахъ на сѣру, которой надо обсыпывать пораженные мѣста, однако, тѣмъ не менѣе, крестьянство, далекое еще отъ полученія свѣдѣній путемъ чтенія газетъ, нуждается въ гораздо большемъ. Кромѣ *oidium'a*, были единичные случаи обнаруженія ужаснаго бича французскихъ виноградниковъ—филоксеры, которую *энергически* уничтожаютъ, и дай Богъ, чтобы эти единичные случаи остались дѣйствительно единичными, иначе надо впередъ написать «пропало» всей площади кавказскихъ виноградниковъ, такъ какъ въ тамошнихъ винодѣлахъ еще не созрѣла мысль о дружныхъ усиліяхъ для искорененія общаго врага, да это и понятно: чѣмъ развитѣе масса, тѣмъ она дружнѣе принимается за дѣло, которое требуетъ непремѣнно ассоціаціи. Доказательствомъ этому послужить *нацари*, отъ которой возможно легко избавиться; между тѣмъ, ни одинъ садовладѣлецъ Кахетіи не принималъ участія въ засѣданіяхъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства, бывшихъ по этому предмету. Вотъ до чего доходитъ наша сонливость! Неудивительно послѣ того, что винодѣліе не можетъ стать на подобающую ему высоту, когда все сложилось противъ него. Одно крестьянство при всемъ желаніи, развитіи его и усиліяхъ не въ состояніи примѣнить усовершенствованій. При всѣхъ неблагоприятно сложившихся обстоятельствахъ, о которыхъ еще придется поговорить, десятина виноградника въ Кахетіи даетъ до 300 ведеръ вина въ средней годъ, въ урожайный же—до 500, хотя количество это могло бы быть на одну треть больше, но малое удобриваніе виноградной площади способствуетъ уменьшенію добычи, которой не бываетъ въ періодъ появленія *нацари*. Нѣкоторые французскіе ученые, обстоятельно занявшіеся изученіемъ причинъ появленія филоксеры и изысканіемъ мѣръ для успѣшной борьбы съ нею, находятъ, что причина появленія филоксеры есть истощеніе почвы, которая, будучи слишкомъ густо засажена лозой, должна дать громадное питаніе этому, жадно пожирающему ея соли, растенію, тѣмъ еще болѣе, что человекъ подчищаетъ, подрѣзаетъ и равняетъ его въ такомъ количествѣ, что оно не въ состояніи уже нормально расти и подъ вліяніемъ усиленнаго роста, истощенія почвы и само начинаетъ перерождаться, представляя удобную почву для развитія извѣстныхъ микроорганизмовъ. Ученые предлагаютъ культивировать лозу такъ, чтобы она ближе подходила къ естественному и первобытному виду, т.-е. къ дикой; въ такомъ случаѣ ничего не надо желать для виноградниковъ Кахетіи, которые свободно пускаются на перекладки; вотъ только солнца не всегда бываетъ достаточно. Въ приріонской долинѣ два крайне отличающихся способа

прозрастанія лозы: первый изъ нихъ «даблари», гдѣ каждая лоза привязывается къ тычинкѣ отдѣльно и усиленно подщипывается; насъ всегда поражала тѣснота такого насажденія: не менѣе трехъ кустовъ на одну квадратную сажень и затѣмъ плохое разрыхленіе почвы; второй же способъ, какъ мы говорили, *маллари*, т.-е. пусканіе лозы на ольховыя и другія деревья, гдѣ она растетъ безъ всякаго примотра и, въ концѣ-концовъ, вырождается. Теперь дознано французскими же учеными, что лоза нуждается въ подновленіи, и въ этомъ отношеніи у насъ нельзя не пожелать примѣненія этого практическаго взгляда. Появленіе *oidium tuscegi* не указываетъ ли на вырожденіе туземной лозы? Да, или нѣтъ, но желательнѣе имѣть образцовый питомникъ, откуда желающій могъ бы получить за дешевую цѣну хорошо воспитанную лозу, не боясь уже ни *oidium'a*, ни филлоксеры. Отчего бы кавказскому обществу сельскаго хозяйства не пригласить въ свои обычные осеннія засѣданія болѣе вліятельныхъ и богатыхъ винодѣловъ или ихъ довѣренныхъ, сообщая съ которыми возможно было бы придти къ конечному и желательному результату? Затратъ особенныхъ не предвидится, да, наконецъ, онѣ возвратятся, а начинъ въ этомъ родѣ уже сдѣланъ, именно устроена въ Тифлисѣ образцовая черводонья для полученія грены, которая дала уже хорошій результатъ. Громадность сосредоточія виноградниковъ въ однѣхъ рукахъ и храненіе вина, особенно въ прежніе годы, когда отецъ семейства зарывалъ въ землю кувшинъ, который откупоривали не раньше свадьбы сына или крестинъ внука, — все это дадо возможность еще въ древнія времена прославиться вину Кахетіи.

Сборъ винограда сопровождается пѣснями и шумнымъ разговоромъ, почти все какъ и въ Имеретіи, тѣмъ болѣе еще, что работами заправляютъ имеретинцы. Давать вино также ногами въ деревянныхъ или каменныхъ давильняхъ, откуда по броженіи вмѣстѣ со скорлупой молодое вино вливаютъ въ кувшины (квеври), надъ которыми въ Кахетіи обязательно устраиваются зданія для защиты отъ солнечныхъ лучей. Кувшины эти отличаются громадностью: про одинъ изъ нихъ писалъ еще Пушкинъ, что въ немъ нашия утонувшіе драгуна; а въ ноябрѣ 1884 года, въ Карталинѣ, въ имѣніи князя Евстафія Багратіонъ-Мухранскаго въ подобномъ кувшинѣ утонулъ одинъ крестьянинъ, которому при откупоркѣ ударили въ голову газы, и онъ свалился въ вино, гдѣ и отдалъ Богу душу. У многихъ устроены даже погреба; однако, ни кувшины, ни погреба не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени; они хороши были въ варварскія времена, когда все надо было прятать отъ непріятеля, тѣмъ болѣе отъ сосѣднихъ хищническихъ лезгинъ, которые и позже прорывались не разъ черезъ наши кордоны (набѣгъ Шамиля на Циннодалъ и плѣненіе семействъ князей Чавчавадзе и Орбелиани).

Сортировки листей винограда по качеству ихъ зрѣлости не суще-

ствуесть, не очищаютъ даже кистей отъ недозрѣлыхъ или гнилыхъ ягодъ и только въ недавнее время начали давить вино изъ отдѣльныхъ сортовъ, не смѣшивая даже близкія породы лозъ. Въ этомъ отношеніи здѣсь еще надо много времени, пока большія требованія спроса заставятъ производителей-садовладѣльцевъ привить всѣ тѣ способы сортировки, которые уже практикуются не только за границей, но даже у насъ въ Крыму, гдѣ винодѣліе поставлено довольно хорошо. Въ Германіи, напримѣръ, сборъ происходитъ настолько поздній, что наступаетъ иной разъ время ранней зимы, при снѣгѣ и холодѣ въ 2—3° по Реомюру, какъ это случилось въ 1869 году, а въ 1872 году сборъ былъ начать только 2 ноября; кромѣ того, безъ официального разрѣшенія полиціи тамъ никто не имѣетъ права начать сборъ винограда и мѣра эта вполнѣ цѣлесообразна, у насъ же всякій собираетъ когда ему вздумается, и отсюда неисчислимыя убытки для страны, производящей легко окисляющееся вино, лишенное крѣпости и букета. Правда, въ Кахетіи даютъ винограду время созрѣть, но не настолько, какъ это было бы желательно и необходимо, а потому лучше всего при содѣйствіи кавказскаго общества сельск. хозяйства опредѣлить время созрѣванія каждой породы и потомъ просить правительство узаконить мѣру, принятую за границей, публикуя каждый разъ о времени сбора той или другой породы винограда. Этимъ достигнется и лучшее вино, и строгое дѣленіе его по сортамъ лозъ.

Бочекъ для храненія вина въ Кахетіи пока еще не употребляютъ; способъ этотъ, очевидно, какъ болѣе дорогой, будетъ прививаться медленно, да, кромѣ того, для храненія вина въ бочкахъ необходимы и хорошіе погреба, мѣстные же вообще не удовлетворяютъ своему назначенію въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время, такъ какъ температура въ нихъ подвержена слишкомъ частымъ колебаніямъ, вредно отзывающимся на винѣ, которое требуетъ равномерной годовой температуры отъ 4—6° по Реомюру при совершеннѣйшемъ отсутствіи сырости.

Освѣтленіе кахетинскаго вина, весьма легко очищающагося естественнымъ способомъ, — путемъ осадка и переливанія въ другія бочки, — почти не практикуется, такъ какъ не имѣется лишней посуды и вино продается какъ можно скорѣе, обыкновенно въ ноябрѣ и до конца апрѣля, и рѣдкій винодѣль выдерживаетъ у себя вино года по два. Поэтому опредѣлять вкусъ вина, еще не вполнѣ установившагося, въ которомъ находится винный камень и громадное количество дубильныхъ веществъ, весьма трудно; кромѣ того, вино съ такимъ содержимымъ негодно къ экспорту и, по прибытіи на мѣсто, теряетъ много въ цѣнѣ. Букетъ, безъ котораго самое лучшее вино цѣнится дешево, слишкомъ подверженъ различнымъ случайностямъ какъ при броженіи, такъ равно и во время храненія; если онъ присущъ еще сортамъ кахетинскихъ винъ, то это надо всецѣло отнести большому количеству эфирныхъ маселъ, удерживаемыхъ значительнымъ

присутствіемъ алкоголя. Замѣчательно букетистыя вина можно встрѣтить въ Кахетіи изъ числа старыхъ винъ, сохраненныхъ для празднествъ или семейныхъ торжествъ и далеко превышающихъ лучшіе французскіе сорта, особенно изъ красныхъ винъ, и это, замѣтите, при сравнительно примитивномъ способѣ приготовления, гдѣ, собственно говоря, работаетъ одна природа, а человекъ почти не умѣетъ помочь ей.

Прежде, когда Кахетія всѣ свои продукты, въ особенности вина, посылала на тифлисскій рынокъ, экономическое благосостояніе ея было гораздо лучше, теперь же закавказская желѣзная дорога, приблизившая къ городу Тифлису приріонскій край и Елисаветпольскую губернію, до которыхъ всего только отъ 6—10 часовъ ѣзды, много способствовала уменьшенію вывоза винъ изъ Кахетіи, мѣсто которыхъ заняли болѣе дешевыя вина имеретинскія и елисаветпольскія. До Кахетіи считается около 110—120 верстъ; продукты, посланные на туземныхъ двухколесныхъ арбахъ, запряженныхъ парой буйволовъ, а иногда впереди еще парой воловъ, тянутся четыре-пять дней, въ распутицу же и того дольше. Обыкновенно на такую арбу помѣщаютъ по два большихъ бурдюка («румби»), приготовленныхъ изъ кожи буйвола или черноморскаго вола, изъ которыхъ каждый вмѣщаетъ до 55 ведеръ вина. Арба вина стоитъ отъ 200—600 руб., смотря по качеству вина. Мѣрой вина принято считать *кока* (кувшинъ) вмѣстимостью въ пять *тунюг* (тунга—5 бутылокъ) или 25 бутылокъ, что составляетъ 1 $\frac{2}{3}$ ведра. Кока продается отъ 2—5 рублей, но есть старыя, двухъ или трехлѣтнія вина, стоящія значительно дороже. Понятно, что при такой сравнительной дороговизнѣ вина и трудности доставки арбами и даже фургонами, берущими до Тифлиса не меньше 25—40 рублей, смотря по количеству вина и времени года, торговцы покупаютъ то, что ближе подъ рукой, и продаютъ послѣ фабрикаціи за чисто-кахетинскія. Бурдюки, — еще Гомеромъ описанное вмѣстилище винъ, — хороши были въ тѣ отдаленныя времена, когда человекъ былъ нетребователенъ и имѣлъ вино единственно для себя; въ позднѣйшее же время, когда вино приходится выдѣлывать не для своего только потребленія, но и для торговли, слѣдовательно, поддѣлываться подъ вкусъ и требованія спроса, приходится поневолѣ освобождаться отъ козыхъ и другихъ мѣховъ, въ которыхъ вино окисляется и получаетъ пренеприятный запахъ смолы, уничтожающій всю тонкость, весь букетъ вина. Теперь торговцы посылаютъ свои бочки въ Кахетію, но только для лучшихъ сортовъ винъ, такъ какъ отправка ихъ туда сопряжена съ извѣстнымъ расходомъ, который легко можетъ быть разложенъ на богатый классъ покупателей, тогда какъ бѣдный людъ ищетъ дешевое вино и надбавка лишней копейки уменьшитъ оборотъ. Это же самое обстоятельство, заставившее торговцевъ обратиться къ болѣе дешевымъ винамъ, уменьшило вывозъ чисто-кахетинскихъ винъ, несмотря даже на увеличеніе спроса въ послѣднее время

во внутреннія губерніи, такъ что къ концу сентября мѣсяца 1884 года въ Кахетіи не была продана и половина добычи урожая 1883 года, о чемъ неоднократно высказывалось въ печати, и дворянство Кахетіи, понявшее свою изолированность, просило главноначальствующаго въ край о проложеніи рельсоваго питательнаго пути, что и было имъ обѣщано, въ видахъ развитія отечественнаго винодѣлія, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Вся торговля виномъ въ Кахетіи находится въ рукахъ тифлисскихъ торговцевъ-армянь, которые прибѣгаютъ ко всевозможнѣйшимъ уловкамъ и средствамъ, чтобы пугать винодѣла-кахетинца, будь это помѣщикъ или крестьянинъ, не заботясь нисколько о будущемъ этого дѣла, лишь бы взять сейчасъ, сорвать. Помѣщикъ-кахетинецъ, прежде всего, воинъ; онъ отъ души не любитъ торгашество и торгашей-кровопійць. Торговцы-армяне собираются обыкновенно въ три срока: въ ноябрѣ, въ январѣ и въ мартѣ, т.-е. тотчасъ послѣ давки винограда, когда винодѣлу необходимы деньги для уплаты рабочимъ, и въ дни наступающихъ праздниковъ Рождества и Свѣтлага Христова Воскресенія, когда деньги особенно необходимы какъ для праздника, такъ равно и для начавшихся полевыхъ работъ. Десятка два-три армянъ-виноторговцевъ соберутся въ извѣстный районъ, заранѣе условившись не давать такому-то помѣщику за его вино болѣе намѣченнаго, и живутъ въ разбивку. Помѣщикъ не выдержитъ и начинаетъ самъ предлагать вино; тотъ пробуетъ, но даетъ за кока или уреми (повозку) втрое меньше, затѣмъ уходитъ, видимо еще обиженный словами помѣщика, который сказалъ ему: «не хочешь брать по 3 руб. за кока, такъ вотъ позову Карапета». Зовутъ Карапета, зовутъ Оганеса, тоже пріютившихся у сосѣдняго помѣщика, которые, послѣ долгихъ испробованій вина, даютъ еще меньше. Когда, такимъ образомъ, комедія продѣлана, то помѣщикъ, совершенно опутанный пріютившимися у него паукомъ, который преисправно, въ силу грузинскаго радушія и гостепрѣимства, живетъ, ѣстъ и пьетъ, поневолѣ принужденъ продать ему вино, причежь армянинъ ловко передастъ сумму большую, нежели необходимо было помѣщику, отъ котораго беретъ расписку въ томъ, что если послѣдній не отдастъ ему деньги, то онъ, армянинъ, въ счетъ ихъ можетъ взять у него вино будущаго урожая.

На слѣдующій годъ грязный паукъ съ различными униженіями (въ видѣ подарковъ и поклоновъ) опять является получить капиталъ съ процентами, которыхъ уже набралось на порядочную сумму; конечно, у помѣщика нѣтъ денегъ и онъ радъ, если армянинъ предложитъ ему взамѣнъ взять вино, которое идетъ по уменьшенной цѣнѣ, такъ какъ никто изъ стакнувшихся, положимъ, съ Микиртичемъ, не посмѣетъ взять вина у того помѣщика. Дальше не трудно понять, что вино идетъ на уплату долговъ, которые растутъ, какъ грибы, а помѣщикъ все больше

и больше впадаетъ въ зависимость и въ нищету. При такомъ положеніи торговли нечего и думать, чтобы большинство помѣщиковъ могло хорошо вести дѣло хозяйства. Да и тѣ, которые не въ долгу, не въ состояніи продать своего вина потому, что на подобныя сдѣлки имъ нѣтъ необходимости идти, а армянищъ не купить лучшаго вина. Отсюда видно, въ какихъ рукахъ находится торговля и какъ она поставлена. При преніяхъ въ засѣданіяхъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства, бывшихъ въ ноябрѣ 1882 года, одинъ изъ членовъ, г. Худатовъ, говорилъ: «монополіи опасаться нечего, потому что она уже существуетъ въ лицѣ армянъ - скупщиковъ!» Это говорилось по поводу предполагавшагося акціонернаго общества винодѣлія и виноторговли, которое, конечно, провалилось. Никакая акціонерная компанія не въ состояніи забрать въ свои руки всѣхъ виноградниковъ Закавказья; однако, по началу видно, какъ убоились въ Тифлисѣ созданія общества, которое бы хорошо выдѣлывало вино и, конечно, хорошо вело бы свои дѣла и съ которыми не въ состояніи были бы конкурировать торговцы-армяне, не имѣющіе самыхъ элементарныхъ понятій о сортировкѣ, храненіи вина и очисткѣ. Площадь виноградниковъ Кахетіи равняется больше нежели 20,000 десятинамъ съ ежегоднею среднею добычей въ 3.000,000 ведеръ лучшаго на Кавказѣ вина.

По среднему и нижнему теченію р. Куры расположены Елисаветпольская и Бакинская губерніи, отличающіяся, хотя и богатою почвой, но частымъ отсутствіемъ воды, безъ которой подъ палящими лучами солнца ничего не родится; голая же равнина, въ конецъ обнаженная, съ руслами высохшихъ рѣкъ и со слѣдами нѣкогда бывшихъ здѣсь оросительныхъ канавъ, съ ужасающею африканскою жарой, не умѣряемою даже дождями, представляетъ хотя и трудную, но возможную работу, гдѣ человѣкъ проложить канавы, по которымъ побѣжитъ животворная вода, и такъ долго отсутствовавшая здѣсь жизнь опять вступитъ въ свои права. Правительство намѣрено оживить этотъ мертвый край путемъ ирригаціонныхъ работъ, и тогда гражданственность вмѣстѣ съ экономическимъ благостаніемъ широкою волной разольются среди убѣгающихъ теперь отсюда во время лѣта татаръ. Все здѣсь голо и мертвенно; только тамъ сосредочивается жизнь, гдѣ есть вода, къ такимъ мѣстамъ надо отнести окрестности городовъ Нухи, Шемахи, расположенныхъ у подножья южныхъ отроговъ Кавказскаго хребта на высотѣ 2,494 и 2,230 футовъ надъ уровнемъ моря, и Елисаветполь у подножья малаго Кавказа, на рѣкѣ Ганжинкѣ; послѣдній лежитъ на высотѣ 1,449 футовъ и отличается роскошною растительностью. Вина нухинскія только недавно начали появляться на рынкахъ Закавказья и вмѣстѣ съ винами города Шемахи извѣстны подъ названіемъ матрасинскихъ (отъ сел. Матрасы, недалеко отъ Ше-

махи). Такому общему названію ихъ, способствовала общность характера вина, отличающагося густотой, почти черными цвѣтомъ и ароматичностью. Еслибъ эти вина хорошо выдѣлывались, то они замѣнили-бы съ успѣхомъ десертныя вина иностранныхъ производителей, за которые теперь въ особенности приплачиваютъ заграничнымъ торговымъ фирмамъ. Виноградники этихъ двухъ первыхъ городовъ хороши, но до сихъ поръ площадь ихъ слишкомъ мала, чтобъ они могли вытѣснить вино другихъ округовъ; но современемъ, по всей вѣроятности, богатые виноградныя обра- тятъ вниманіе на лучшіе сорта матрасинскихъ винъ и заведутъ тамъ свои виноградники. Въ послѣднее время матрасинское вино (а больше- фальсифицированное подъ именемъ его) стало пробираться далеко вверхъ по Волгѣ, но чистаго вина этихъ великолѣпныхъ сортовъ не найти даже и въ Тифлисѣ: оно такъ подмѣшивается водой и всѣми практикуемыми средствами, что покупатели пьютъ уже на половину слабое вино..

Но особеннаго вниманія достойны виноградники гор. Елисаветполя, а также колоніи Еленендорфъ. Кругомъ города Елисаветполя протянулись виноградники, принадлежащіе горожанамъ-армянамъ и татарамъ. Послѣдніе прежде въ большинствѣ свой виноградъ сдавали въ аренду армянамъ-сосѣдямъ, такъ какъ Коранъ воспрещаетъ правовѣрному не только питье, но и приготовленіе вина. Съ проложениемъ дороги отъ Тифлиса до Баку, когда открылось однодневное сообщеніе, вывозится масса винограда, по преимуществу сохраняемая тѣми татарами, которые прежде по- неволѣ принуждены были продавать армянамъ; теперь, такимъ образомъ, открылся новый сбытъ, хорошо вознаграющій за трудъ.

Лоза здѣсь хороша (по преданію вывезена изъ Персіи) и культивиро- вана татарами и персіянами, которые, вообще, любители садовъ и фрук- товъ. Армяне здѣсь придерживаются тѣхъ же способовъ обработки, какъ и мусульмане. Обыкновенно дѣлаются грядки, въ которыя напускается вода, причемъ соблюдается очередь, и за этимъ слѣдятъ такъ называемые *мераби* (старшины); но зачастую случаются драки, если кто-нибудь тай- комъ во время ночи выпуститъ воду изъ чужой канавы въ свою. Драки особенно часты между армянами и татарами, а также горожанъ съ нѣмца- ми-колонистами, считающими всю воду рѣки Ганжаники своею. Они живутъ вверхъ по теченію и, какъ доказываютъ, должны пользоваться ею первыми въ количествѣ, въ какомъ имъ необходимо и желательно, тогда какъ по старо-персидскимъ законамъ, имѣющимъ здѣсь примѣненіе и при водвореніи русскихъ, принять тотъ взглядъ, что всѣ живущіе по рѣ- кѣ должны равнобѣрно пользоваться водою, смотря по числу жителей, такъ что увеличеніе площади виноградниковъ и посѣвовъ по рѣкѣ, не- могущей оросить, положимъ, даже одной лишней десятины, а тѣмъ же мѣ- стное количество десятины, безусловно воспрещалось персидскими зако- нами. До сихъ поръ еще возникаютъ вопросы изъ-за воды, зачастую дря-

чарующіе драмы и побойщамъ, откуда уносятъ десятки раненыхъ и нѣсколько убитыхъ. Отсюда изъ-за воды существуетъ страшная ненависть между воѣми тремя народностями, увеличиваемая, съ одной стороны, фанатизмомъ мусульманъ, съ другой — двойственностью нѣмцевъ - колонистовъ.

Лозы на грядахъ поддерживаются тростниковыми тычинками, верхушки которыхъ, для крѣпости, связываются вмѣстѣ и по нимъ ползутъ виноградные усиды, обматывающіеся вокругъ стволовъ. Виноградныя кисти достигаютъ громадныхъ размѣровъ и славятся какъ разнообразіемъ, такъ равно и вкусомъ, а потому елисаветпольскій виноградъ отлично идетъ въ продажу на десертъ, въ выдѣлкѣ же даетъ хорошее, душистое и вкусное вино средней крѣпости, годное для дальняго экспорта. Вина Елисаветполя напоминаютъ кахетинское вино и нисколько ему не уступаютъ; они съ большимъ успѣхомъ заняли его мѣсто въ Тифлисѣ, куда доставка весьма дешева (не дороже 12 к. за пудъ); это вино идетъ за чисто-кахетинское даже въ Москву и въ Петербургъ. Подобную эксплуатацію надо считать за большое неудобство. Торговля подъ чужимъ именемъ не желательна въ виду того, чтобы каждый сортъ вина, съ разныхъ плантацій, являлся въ торговлѣ чистымъ и подъ своимъ собственнымъ именемъ, иначе никогда не можетъ быть правильной разцѣнки какъ вкусу, такъ равно и сортамъ винъ. Елисаветпольскія вина не представляютъ такого разнообразія, какъ вина Имеретіи, и могутъ быть смѣшиваемы одно съ другимъ; тутъ есть по четыре сорта, не больше, винъ бѣлыхъ и красныхъ, весьма пріятныхъ и безъ спиртуознаго запаха. При выдѣлкѣ, выдержкѣ и правильной торговлѣ вина эти съ успѣхомъ могутъ замѣнить французское вино бордо. Эти вина, кромѣ того, хорошо сохраняются, не имѣютъ вяжучести кахетинскихъ винъ; последнее обстоятельство, такъ неприятное европейцамъ, хорошо понято тифлисскими торговцами, которые фабрикують его и рассылають по Россіи за кахетинскія, взыскивая лишній рубль-два за ведро за имя Кахетіи.

Добыча виноградниковъ собственно елисаветпольскихъ не особенно велика и о ней до сихъ поръ еще не собрано положительныхъ статистическихъ свѣдѣній, по приблизительному же вычисленію съ 400 десятинъ виноградниковъ, площадь которыхъ почти не увеличивается, получается до 30,000 ведеръ вина.

Но еще большаго вниманія заслуживаютъ виноградники колоніи Еленендорфъ, расположенной въ 10 верстахъ отъ Елисаветполя вверхъ по рѣкѣ Ганжинкѣ; колонія эта основана выходцами изъ королевства Виртембергскаго еще въ 1816 г., при Ермоловѣ, съ цѣлью привитія черезъ нихъ въ край высшей культуры. Переселившіеся сюда нѣмцы стали насаждать въ глубокомъ ущельѣ р. Ганжинки лозы туземныхъ образцовъ, которыя вскорѣ заняли доступные склоны ущелья и сосѣдніе съ ними

холмы, такъ что теперь четвертая часть виноградниковъ Елисаветпольской губерніи сосредоточена въ колоніи, расширяющей годъ отъ году этотъ видъ сельскаго хозяйства, дающаго значительно большій доходъ даже при чисто-первобытной формѣ выдѣлки и храненія. Жители колоніи Еленендорфъ никогда усердно не занимались хлѣбопашествомъ или другими отраслями хозяйства и только лозонасажденіе привилось довольно обширно, благодаря хорошей наносной почвѣ, обилію орошенія, аккуратности и трудолюбію нѣмцевъ. Въ сожалѣнію, надо замѣтить, что выдѣлка и храненіе вина у нихъ слишкомъ неудовлетворительны, такъ что первоначальная цѣль ихъ заселенія не оправдалась, т.-е. высшей культуры они не только не привили среди туземцевъ, но и сами выдѣлываютъ вино болѣе низшихъ сортовъ, идущихъ значительно дешевле. По словамъ газеты *Кавказъ* за 1882 годъ (№ 317), «вино, по природнымъ своимъ качествамъ, довольно посредственное въ колоніи Екатериненфельдской, а въ остальныхъ слабое и не выдерживается долго, такъ что колонисты, въ особенности колоній Елисаветпольской губерніи, спѣшатъ продать его поскорѣе вино-торговцамъ-армянамъ; большая часть нѣмецкаго вина продается въ гор. Тифлисѣ, благодаря практикующейсѣ фабрикаціи, за чисто-кахетинское. Вина эти и были бы, пожалуй, гораздо лучшаго вида, если бы нѣмцы не спѣшили сборомъ винограда, не смѣшивали сорта ихъ и, изучивъ хорошенько винодѣліе, обратились бы къ другимъ способамъ выдѣлки вина». Намъ самимъ приходилось видѣть способъ выдѣлки, существующій у нихъ, и мы пришли къ тому заключенію, что въ Кахетіи болѣе умѣнія и старанія; по всему видно, что они готовятъ вино на продажу и рассчитываютъ не на качество его, а на количество. Пространство, занятое виноградниками колоніи, равняется почти 300 десятинамъ, съ урожаемъ до 40,000 ведеръ. Изъ всего этого количества нѣтъ и $\frac{1}{10}$ части крѣпкаго вина и потому оно рано окисляется, а отсюда и цѣны, конечно, стоятъ весьма низко; такъ, самое дешевое продается отъ 60 коп. за ведро, а самое дорогое не выше 2 руб.

Давка винограда практикуется колонистами въ бочкахъ съ открытымъ дномъ съ одной стороны; въ такую бочку насыпаютъ кистей винограда всевозможнѣйшихъ сортовъ, безъ всякой очистки, и давятъ ногами, одѣтыми въ длинныя юфтовые сапоги. Конечно, этотъ способъ предпочтительнѣе, чѣмъ давка вина прямо голыми ногами, практикуемая у грузинъ и у армянъ, но нельзя не пожелать большаго и лучшаго отъ представителей болѣе культурнаго народа, который только и примѣнилъ—сапоги, да храненіе вина въ бочкахъ. Здѣсь есть очень состоятельные люди, обладающіе десятками тысячъ, а никто до сихъ поръ не завелъ обыкновеннаго пресси для давки вина, какъ это дѣлается повсемѣстно во всей Франціи мало-мальски порядочнымъ хозяиномъ.

Нѣкто Фореръ насадилъ у себя лозу Кахетіи бѣлыхъ сортовъ,

но она даёт вино, далеко уступающее вину родины; гораздо лучше было бы, еслибы колонисты устроили у себя профессиональную школу низшаго разряда, гдѣ будущій работникъ могъ бы получить самыя необходимыя элементарныя свѣдѣнія какъ по части возмасаженія, такъ равно по выдѣлкѣ вина и храненію его. Колонія съ населеніемъ въ 400 семействъ, обладающихъ достаткомъ, имѣетъ всё шансы на хорошую постановку этого дѣла, и тогда хоть немного получится пользы отъ насадителей культуры, которые, не неся почти никакихъ повинностей (лежащихъ на крестьянина Россіи и Кавказа), начиная съ 1816 года, т.-е. со времени ихъ переселенія въ Закавказье, жились временно на правительство, тратившее на нихъ непомерное количество денегъ (по 3,000 руб. на каждое семейство), и которые, повторяемъ, не съумѣли стать къ туземцамъ въ наилучшія отношенія и насадить не только среди послѣднихъ, но даже и у себя культуру, привившуюся уже въ другихъ мѣстахъ Закавказья. Напротивъ, колонисты враждебно относятся ко всѣмъ окружающимъ ихъ народностямъ, ведутъ себя крайне дерзко и не признаютъ себя обязанными никому и ничѣмъ. «Я давно бы, на основаніи постановленія комитета министровъ, высочайше утвержденнаго въ 12-й день ноября 1818 года,—говорить генераль Ермоловъ,—выслалъ сихъ германскихъ развратныхъ вольнодумцевъ, если бы не вошли они въ отношенія къ казнѣ въ долги совершенно неоплатныя». Вотъ какое заключеніе выводилъ главноуправляющій въ Грузіи два года спустя послѣ водворенія колонистовъ въ край и четыре года послѣ своей собственной просьбы, въ которой онъ просилъ министра заселить край трудолюбивыми, полезными для примѣра другихъ, нѣмцами *). Но какихъ нѣмцевъ ему прислали, это видно даже теперь на внукахъ и правнукахъ первыхъ переселенцевъ и на той неподвижности, которая скрываетъ еще надолго этихъ представителей дѣйствительно работающей націи.

Близость желѣзной дороги, пролегающей всего въ 14 верстахъ отъ колоніи Еленендорфъ, отсутствіе вина въ Баку, а также изолированность Кахетин и сравнительная дороговизна вина въ ней,—все это способствовало вывозу винъ колоніи; но съ развитіемъ рациональнаго винодѣлія въ другихъ мѣстностяхъ Закавказья, при спросѣ на высшіе и выдержанные сорта вина, несомнѣнно, что вывозъ винъ изъ колоніи Еленендорфъ и цѣны на нихъ уменьшатся, и, такимъ образомъ, колоніи придется ограничиться мѣстной торговлей. При внимательномъ разсмотрѣніи хозяйства колонистовъ, можно замѣтить одно отрадное и желательное для русскаго хозяйства явленіе,—это взаимопомощь, аккуратность и своевременность работъ, особенно по винодѣлію. Виноградники тянутся отъ самой колоніи, съ ея тремя шоссевыми улицами, по обѣимъ сторонамъ застроенными чистень-

*) См. *Акты кавказской археографической комиссіи.*

нями каменными, иногда двух-этажными домами, и далеко вверх по рѣкѣ Ганжинскій вереть на восемь, почти до Зурнабадскаго госпиталя. Все тѣ мѣста, гдѣ необходимы заборы, обнесены каменною четырехъ аршинною оградой, сами же сады старательно охраняются очередными сторожами. Какой хорошій видъ представляетъ ущелье Ганжинки, вплоть засаженное виноградниками, среди которыхъ возвышаются гигантскія деревья грецкаго орѣха! Это одинъ общій садъ, которымъ живетъ до 400 семействъ. Брагама винограда здѣсь являются: градъ, величинаю иногда съ куриное яйцо, осеннiе частые дожди или раннiе осеннiе холода, мѣшающiе созрѣванiю винограда. Все количество виноградниковъ Елисаветпольской губернiи по официалънымъ статистическимъ свѣдѣнiямъ оцѣняется въ 2,000 дес. съ добычей не больше какъ въ 600,000 ведеръ вина. Хотя урожай здѣсь вообще хороши, какъ нигдѣ, но громадное количество винограда, вывозимаго въ Тифлисъ, въ Баку и даже въ Одессу, а также ежедневное потребление его въ пищу особенно мусульманскою частью населенiя, сильно уменьшаютъ количество вина.

Высокая долина рѣки Аракса въ Эриванской губернiи. Высокая долина рѣки Аракса въ Эриванской губернiи возвышается надъ уровнемъ моря отъ 2,730' — 3,260', а въ нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстахъ и болѣе, и тянется вплоть до Ордубада, откуда уже начинаются горы. Вся мѣстность долины представляетъ въ высшей степени богатую почву, образовавшуюся путемъ наноса и вывѣтриванiя окружающихъ ее горъ, съ весьма большимъ содержанiемъ минеральныхъ частицъ и солей, необходимыхъ для питанiя; есть мѣста съ большимъ присутствiемъ извести и мѣла, и тамъ лучшiе виноградники (сел. Алтарагъ), но вообще четвертая часть долины годна въ культуру виноградной лозы. Если съ какой-либо вершины смотрѣть на долину, то она представится длинною желтою полосой безжизненнаго характера, съ безобразно-голыми, наводящими на душу унынiе, протянувшимися двумя цѣпями горъ по обѣимъ бокамъ ея; по срединѣ одной возвышается Алла-Гѣзъ (Божiй глазъ) 13,456', а напротивъ исторически старыи Араратъ — 16,916', у подножiя котораго разведены виноградныя сады и гдѣ, по сказанiю Библии, впервые отвѣдалъ виноградный сокъ ветхозавѣтный патрiархъ Ной. Араратъ и Алла-Гѣзъ, главныя вершины Армянской возвышенности, представляютъ величественное зрѣлище, но при маломъ количествѣ свѣжныхъ вершинъ они не могутъ играть роль холодильниковъ для посылаемыхъ сюда испаренiй, а потому лѣтомъ замѣчается совершеннѣйшее отсутствiе дождей при значительно высокой температурѣ: средней лѣтней (по Реомюру) 19,71°, зимней — 5,67°, и приблизительнымъ выпаданiемъ атмосферическихъ осадковъ около 12,50 дюйма, т. е. меньшимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Закавказьѣ. Отсутствiе лѣсовъ еще больше способствуетъ засушенiю страны, гдѣ жары

доходить въ июлѣ до 55° по Реомюру*). Помянуто, что при такой жарѣ и отсутствіи выпадающей влаги, вся надежда остается на искусственную ирригацію, которая здѣсь доведена до совершенства и безъ которой ни въ полѣ, ни въ саду не вырастетъ и бичинки. Рѣка Араксъ съ притоками Абарань, Занга, Арпачай, Нахичевань-чай, Карасу и др. мелкими притоками, несущими талую воду горь, — вотъ живительныя артеріи этой сухой долины, безъ которыхъ она не была бы покрыта цѣлыми группами оазисовъ, зеленѣющихъ еще издали своими пирамидальными тополями, персиковыми, миндальными и др. деревьями и роскошными виноградниками. Для пользованія водой жители еще съ давнихъ поръ начали проводить оросительныя каналы и достигли въ этомъ совершенства. По вычисленію, на десятину виноградника необходимо въ одну секунду 0,02 куб. ф. воды, т. е. втрое менѣе, нежели для орошенія рисоваго поля. Виноградники иногда расположены по склону холмовъ и горь; тогда необходимо поминуть инженерное знаніе, чтобы проложить каналу между изгибовъ и складокъ; однако, туземцы замѣчательно приоровились и безъ всякихъ предварительныхъ изысканій приступаютъ къ работамъ; иной разъ смотришь на оросительную каналу и не вѣришь глазамъ: кажется, что вода бѣжитъ вверхъ по холму, — такова сила миража при сильномъ солнечномъ освѣщеніи. Для виноградной лозы дѣлаютъ грядки шириною не больше 2½ аршинъ, обѣ стороны которой и засаживаются черенками-отводками; такія грядки въ первый и второй годы особенно усердно орошаются, пока корень не укрѣпится и не разрастется листва, хотя нѣсколько защищающая отъ прониканія лучей солнца до корней. Подпорокъ не существуетъ по недостатку лѣса, а лозы покоятся на покатоности грядки, которая располагается такъ, чтобы солнце одинаково бросало свои лучи на обѣ стороны ея. Весной грядки полять два раза и смотреть за ними вообще лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Закавказьѣ, а на зиму кусты виноградника зарываютъ въ грунтъ такъ, что лоза правильными рядами ложится между грядъ, съ которыхъ засыпаютъ ихъ землей, а весной опять выкапываютъ, выбрасывая землю по обѣ стороны, отъ чего и образуется насыпь.

Виноградъ занесенъ сюда изъ знаменитыхъ ширасскихъ садовъ Персіи и достигаетъ поразительной величины и вкуса, отличающихся по цвѣту, качеству и пр., причѣмъ насчитывается болѣе 50 разновидностей. По формѣ ягоды бываютъ круглыя, продолговатыя, съ пояскомъ, продолговатыя въ вершокъ длины, среднія и мелкія, какъ зернышки, но лучшими сортами считаются: *асляри* (безъ зеренъ), отличающійся передъ другими, кромѣ этого качества, необыкновенною нѣжностью и сладостью, такъ что, по словамъ знатоковъ, для десерта не существуетъ на свѣтѣ

*) Особенно жарой отличаюсь лѣто 1877 года.

лучшаго сорта; для храненія же на зиму удобнымъ считаются *ача-баш* и *ича-тукъ*. Десертный виноградъ нигдѣ нельзя достать лучшаго качества, какъ эриванскій, который, къ тому же, отличается удобоперевозимостью. Въ царствованіе Императора Николая I, по повелѣнію его, прибылъ въ Эривань курьеръ, который и привезъ въ Петербургъ аскіари въ цѣлости по тѣмъ ужасоужаснымъ дорогамъ, по которымъ ѣздили тогда по всей Россіи. Этотъ случай указываетъ на возможность вывоза этого винограда, многіе сорта котораго тождественны съ елисаветпольскимъ, давно вывозимымъ на далекіе рынки. Въ самомъ дѣлѣ, въ Бриму, напри-мѣръ, ощущается недостатокъ въ виноградѣ, которымъ лечатся; такъ платятъ за дурные сорта по 15—25 коп. за фунтъ, тогда какъ въ Эривани продается лучшій въ мірѣ виноградъ отъ 6—15 р. сер. за *халсаръ* (мѣра въ 30 пудовъ), что съ доставкой до Ялты обошлось бы не дороже пяти копѣекъ за фунтъ, считая всевозможнѣйшія убыли, порчу и расходы. Сборъ винограда и приготовленіе вина также заставляютъ желать много лучшаго; здѣсь нѣтъ системы и все дѣлается самымъ допотопнымъ образомъ. Такъ, виноградъ бросается въ давяльни, въ большинствѣ каменные, безъ всякой сортировки, съ соромъ, съ листьями, съ нечистотами, а также со сгнившими и недозрѣлыми ягодами, попадающими иногда въ кисти. Затѣмъ выдавливаніе винограда начинается голыми ногами и сусло тотчасъ же вливается въ глиняные кувшины, которые даже не зарываются въ землю, а ставятся въ подвалахъ; послѣдніе тоже не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Несмотря на такой слишкомъ первобытный способъ выдѣлки, вина эриванскія отличаются извѣстными достоинствами; но какихъ блестящихъ результатовъ можно было бы достигнуть, приложивъ хоть немного старанія и умѣнья! Словомъ, насколько хороша культура лозы, настолько безобразны приготовленіе и способъ храненія вина. Отъ такого способа приготовленія и храненія крѣпкія эриванскія вина окисляются и рѣдко держатся дольше Пасхи; только у немногихъ вина отличаются отсутствіемъ кислоты и букетомъ, который вообще рѣдко присущъ этимъ винамъ, подходящимъ по своему характеру подъ испанскіе и португальскіе сорта. Лучшими виноградниками, съ которыхъ получается и лучшее вино, считаются около города Эривани такъ называемые Далминскіе, растущіе на известковой почвѣ, затѣмъ въ селеніяхъ Вагаршанатъ и Арштаракъ, представляющихъ три самыхъ большихъ виноградныхъ округа въ губерніи, занимающихъ сотни десятинъ.

Въ упомянутыхъ пунктахъ нѣкоторые уже стали выдѣлывать довольно хорошія столовые и десертныя, по преимуществу, вина, не уступающія среднимъ сортамъ хереса какъ по цвѣту, такъ по вкусу и аромату, а, между тѣмъ, надо замѣтить, что у прославившихся виноделовъ нѣтъ сколько-нибудь правильныхъ началъ хозяйства; единственное, что

есть, это строгое дѣленіе каждой разновидности и лучше устроенные погреба. Бочекъ не существуетъ въ хозяйствѣ, и пройти еще не мало времени, пока онѣ войдутъ въ общее употребленіе. Обзаведенію ими мѣшаетъ отсутствіе дѣсовъ въ Эриванской губерніи. Вина эриванскія не имѣютъ вывоза, выхиваются на мѣстѣ, а потому и цѣны на нихъ, напримеръ, въ 1884 неурожайномъ году стояли отъ 80 к. до 1 р. 20 к. за ведро молодого вина и 1 р. 40 — 2 р. 20 к. за старое урожая 1883 года. Кромѣ изолированности губерніи, громаднаго количества вина на главномъ рынкѣ Закавказья—въ Тифлисѣ, вывозу вина долины Аракса мѣшало издавна установившееся мнѣніе, что отъ этихъ винъ болитъ голова; но это чистѣйшая выдумка: голова заболитъ у всякаго, употребляющаго большое количество вина и въ особенности молодого, изъ котораго не выдѣлились еще винный камень и осадокъ. Въ общемъ эриванское вино крѣпкое, есть до 18 градусовъ, сладковатое и густое, съ весьма тонкимъ букетомъ, который рѣдко сохраняется по причинѣ дурнаго храненія и приготовленія вина. Доказательствомъ же хорошихъ качествъ можетъ послужить монастырское вино въ Эчмиадзинѣ, которое выдѣлывалось при патріархѣ Нерсесѣ въ сороковыхъ годахъ, не уступавшее лучшему хересу. Недостатокъ спроса заставилъ жителей гнать изъ сула водку и спиртъ, расходившіеся по Закавказью. Подобная ненормальность обратила, наконецъ, вниманіе министерства, которое, для развитія въ краѣ винодѣлія, увеличило акцизъ на водку, такъ что производство сразу уменьшилось на $\frac{3}{10}$.

До 1884 года въ Эривани, кромѣ того, приготовлялась водка изъ привозимаго изюма изъ Персіи, на который цѣны колебались отъ 1 руб. 20 коп. до 2 руб. за пудъ. Гнать водку изъ вина значитъ подрывать отечественное винодѣліе; но приготовленіе рома, коньяку или французской водки (eau de vie de France) изъ остатковъ вина и выжимковъ возвратило бы часть затраченныхъ денегъ и внесло бы новую отрасль въ сельско-хозяйственный трудъ. Только значительный спросъ на вино подыметъ выдѣлку и увеличить площадь виноградниковъ, тѣмъ болѣе, что при малоземельи и отсутствіи воды крестьяне охотно примутся за обработку виноградниковъ, какъ за трудъ болѣе дающій съ сравнительно малаго участка. Однако, здѣсь еще долго не суждено появиться высокой культурѣ: особенность взгляда мѣстныхъ армянъ, боящихся мало-мальски хорошей постановки дѣла, и ихъ собственная неподвижность долго еще будутъ тормазить дѣло, достойное вниманія капиталистовъ и знатоковъ-винодѣловъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкто Мартенъ, французъ-винодѣль, пріѣхалъ въ Эривань съ капиталомъ въ нѣсколько тысячъ и успѣшно началъ готовить вина, которыя сначала и расходились на мѣстѣ, но туземные виноторговцы и садовладѣльцы, испугавшись конкуренціи, устроили стачку и всячески начали тѣс-

нить несчастнаго Мартена, который, потерявъ все свое состояніе, принужденъ былъ покинуть этотъ негостепріимный городъ съ завистливо-лѣнливымъ населеніемъ. Мартенъ сдѣлалъ большую ошибку, что началъ торговать въ Эривани и не вступилъ въ компанію съ капиталистами; изъ туземцевъ же, получившихъ профессиональное образованіе, пока еще не нашлось человѣка, который бы взялся за это дѣло. Лучше всего арендовать сады у татаръ, которые отличаются неспорченностью нравовъ; къ тому же, и религія воспрещаетъ имъ приготовленіе вина. Покупка бочекъ должна совершаться въ мѣстахъ, гдѣ процвѣтаетъ это производство, въ средствахъ же для экспорта нѣтъ недостатка. Арбщики и фургоны берутъ 30—45 к. за пудъ до Тифлиса (за 255 верстъ), а до станціи Акстафы закавказской желѣзной дороги дешевле копѣекъ на 10; если же нанять въ оба конца, то дѣлается значительная уступка. Отъ Акстафы вино пойдетъ осенью на Батумъ и Севастополь, а весной на Баку и дальше, по Каспію и Волгѣ.

Все пространство виноградниковъ долины Аракса, вино которой извѣстно подъ именемъ эриванскаго, опредѣлено въ 7,000 десятинъ съ добычей въ 460,000 ведеръ вина, но утвердительно можно сказать, что нигдѣ, кромѣ Кутаисской губерніи, не увеличивается площадь виноградниковъ такъ быстро, какъ въ долину Аракса, представляющей еще массу годныхъ земель, такъ что на самомъ дѣлѣ площадь надо считать въ 10,000 десятинъ съ добычей въ 1.200,000 ведеръ вина, имѣющаго современнѣе занять видное мѣсто въ отечественной торговлѣ на ряду съ винами другихъ мѣстъ Закавказья. Въ бытность нашу въ Эриванской губерніи, съ декабря 1884 года по мартъ 1885, для ознакомленія съ тамошнимъ винодѣліемъ, мы не разъ слышали отъ весьма компетентныхъ туземцевъ, армянъ и татаръ, что число виноградниковъ почти вдвое увеличилось со времени послѣднихъ свѣдѣній, такъ какъ туземные крестьяне, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, твердо увѣрены, что если они разведутъ сады и виноградники на помѣщичьей, арендуемой ими землѣ, то она черезъ определенное время переходитъ въ ихъ собственность. Послѣднее и послужило толчкомъ къ сильному увеличенію виноградной площади въ Эриванской губерніи.

П. Дзюбенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Земско-статистическія изслѣдованія по Саратовской губерніи *).

Томъ III. Крестьянскіе промыслы и кредитъ въ Царицынскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ (изд. 1884 г.).]

Этотъ томъ *Сборника* по Саратовской губерніи сообщаетъ, главнымъ образомъ, данныя о промысловой жизни крестьянскаго населенія и о положеніи частнаго и общественнаго кредита у крестьянъ Саратовскаго и Царицынскаго уѣздовъ. Тутъ же помѣщены свѣдѣнія о сдачѣ надѣльной земли крестьянами Саратовскаго уѣзда; они дополняютъ собой свѣдѣнія объ арендѣ I тома и составлены тѣмъ же лицомъ. Остановимся здѣсь лишь на первыхъ двухъ отдѣлахъ III тома, составленныхъ А. А. Мурашкинцевымъ (промыслы), З. И. Митинымъ (частный кредитъ и волостныя кассы) и Н. И. Горскимъ (ссудо-сберегательныя товарищества).

Отдѣлъ о промыслахъ состоитъ изъ трехъ главъ; наиболѣе существенная изъ нихъ—вторая—заключаетъ въ себѣ промысловыя таблицы и весьма обстоятельныя дополненія къ нимъ. Ею, главнымъ образомъ, и воспользуемся въ настоящемъ обзорѣ промысловой жизни крестьянъ Саратовскаго и Царицынскаго уѣздовъ. Третья глава, почему-то названная «Заключеніе», могла бы съ удобствомъ составить часть первой главы—«Общая часть», такъ какъ заключительныхъ выводовъ мы въ ней не находимъ, кромѣ нѣкоторыхъ указаній на второстепенные недостатки существующей промышленной организаціи. «Общая часть» тоже много бы выиграла, еслибъ въ ней была дана общая поуѣздная сводка наиболѣе существенныхъ отраслей торгово-промышленнаго дѣла, а то съ этимъ приходится знакомиться *по отдѣльнымъ волостямъ* въ отдѣлѣ «Дополненій»; трудно составить общій взглядъ на положеніе разныхъ отраслей промышленности цѣлыхъ уѣздовъ. Для такой цѣли съ удобствомъ можно бы пожертвовать довольно длинными, но все же не достаточно обоснованными разъясненіями зависимости цифры промышленниковъ отъ разныхъ

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

экономических факторовъ, а этикъ, главнымъ образомъ, и занимается первая глава отдѣла о промыслахъ.

Разумѣется, занятіе различными промыслами и заработками въ своего надѣла и арендной земли имѣеть для обоихъ уѣздовъ второстепенное значеніе; тѣмъ не менѣе, въ Саратовскомъ уѣздѣ $\frac{1}{3}$ всѣхъ работниковъ-мужчинъ занимается такими заработками, а въ Царицынскомъ— даже почти $\frac{1}{2}$ (47%). Такое преобладаніе промысловой жизни у царицынскаго крестьянина объяснимо болѣе позднимъ заселеніемъ Царицынскаго уѣзда. «Переходя изъ разныхъ мѣстъ Россіи на новыя ковыльныя земли,—замѣчаетъ г. Мурашкинцевъ,—населеніе, истощенное тѣснотой на родинѣ, не сразу вставало на ноги, не сразу могло начать самостоятельное земледѣльческое занятіе». Но въ настоящее время Царицынскій уѣздъ все же является болѣе земледѣльческимъ, такъ какъ и самыя промысловыя занятія его крестьянскаго населенія связаны въ большинствѣ случаевъ съ сельскимъ хозяйствомъ *). Въ обоихъ уѣздахъ мѣстные заработки значительно преобладаютъ надъ отходомъ.

«Классификаціонная таблица промысловъ» представляетъ довольно стройное цѣлое, соединяя различныя промышленныя занятія въ довольно однородныя и удачно отграниченныя группы **). Хотя планъ такой классификаціи, повидимому, зародился въ головѣ автора при чтеніи Милля, тѣмъ не менѣе, группировка эта весьма примѣнима и къ русской жизни—царицынскаго или саратовскаго крестьянина; она даже не только въ главныхъ чертахъ, но и въ подробностяхъ, близка къ классификаціи въ земледѣльческихъ промысловъ Московской губерніи (томъ VII, вып. III, изд. 1883 года). Это, разумѣется, большое удобство при сравненіи данныхъ о промыслахъ съ такою промышленною губерніей, какъ Московская. Главное отступленіе разсматриваемой классификаціи отъ московской весьма кстати: выдѣлены земледѣльческіе заработки, почти отсутствующіе въ Московской губерніи. Затѣмъ еще имѣются два оригинальныя подраздѣленія промышленниковъ— «интеллигентныя» занятія и надзоръ; но въ этихъ группахъ незначительное число лицъ (549 въ общихъ). Остальныя группы тѣ же: ремесла соотвѣтствуютъ кустарнымъ промысламъ московской группировки; притомъ, эта группа здѣсь подраздѣлена по роду обрабатываемаго матеріала, какъ и въ *Сборникѣ* по Московской губерніи. «Передвиженіе товара» (извозъ), торговля, личныя услуги,—совершенно тѣ же рубрики и тамъ, и тутъ.

*) Впрочемъ, и въ обоихъ уѣздахъ во главѣ промысловой жизни стоятъ занятія, связанныя съ земледѣліемъ и скотоводствомъ; затѣмъ идутъ мастерства и ремесла, а за ними, въ весьма малыхъ размѣрахъ, трудъ надзора и «интеллигентныя» занятія.

**) Цифры сводныхъ таблицъ промышленниковъ Царицынскаго и Саратовскаго уѣздовъ не вполне соотвѣтствуютъ цифрамъ текста. Особенно рѣзко это несоотвѣтствіе для числа отхожихъ промышленниковъ Царицынскаго уѣзда: имѣето 1928 (стр. 48) или 14%, почему-то принято въ текстѣ (стр. 2) 878 или только 6,4% къ общему числу мужчинъ-работниковъ уѣзда.

Изъ наиболѣе распространенныхъ земледѣльческихъ заработковъ особеннаго развитія достигаютъ въ обоихъ уѣздахъ сроковые и отрядные работники, поденщики, плугари, а изъ остальныхъ промысловъ наибольшее число работниковъ занято сапожничествомъ и плотничествомъ въ Саратовскомъ уѣздѣ и рыболовствомъ—въ Царицынскомъ. «Дополненія» даютъ обильный матеріалъ для ознакомленія съ ними. Скажемъ нѣсколько словъ о земледѣльческихъ заработкахъ и чумачествѣ.

Земледѣльческій отхожія заработокъ за Волгу, преимущественно въ Самарскую губернію, даетъ возможность, по словамъ крестьянъ, «уплатить осеннія подати, а свой хлѣбъ попридержать до зимы, когда онъ можетъ быть проданъ дороже». Заработокъ этотъ сильно колеблется въ зависимости отъ урожая, но среднюю его величину можно считать для лѣнца въ 20—25 руб., для косца (во время покоса травъ)—15—20 р., за всѣ лѣтніе мѣсяцы—30—40 р. Въ Царицынскомъ уѣздѣ прежде былъ сильно развитъ отходъ за Волгу и въ Донскую область, но подъемъ мѣстныхъ цѣнъ на рабочія руки въ послѣднее время уменьшилъ этотъ отходъ на сторону. Вообще цѣны на земледѣльческій трудъ въ Царицынскомъ уѣздѣ выше, чѣмъ въ Саратовскомъ, гдѣ средняя плата годовому батраку 54 р., тогда какъ въ Царицынскомъ около 80 р. Значительный подъемъ цѣнъ на рабочія руки замѣчается въ обоихъ уѣздахъ (особенно въ Царицынскомъ), но рядомъ съ этимъ идетъ и ростъ на предметы первой необходимости и, притомъ, цѣны на хлѣбъ растутъ даже нѣсколько быстрѣе цѣнъ на трудъ.

Чумакованье—старинный промыселъ царицынскаго крестьянина; онъ значительно упалъ со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ и особенно грязе-царицынской желѣзной дороги, но и до сихъ поръ занимаетъ много рукъ и подводъ Царицынскаго уѣзда и даже Саратовскаго; въ Царицынскомъ чумакованье встрѣчается во всѣхъ волостяхъ. Обыкновенно домохозяинъ считаетъ выгоднымъ отлучаться на такой промыселъ на трехъ парахъ воловъ, въ противномъ случаѣ онъ передаетъ свои одну-двѣ пары другому хозяину, платя ему «за нагрузку» и продовольствіе животныхъ. снаряженіе трехъ паръ воловъ съ фурами обходится 415—425 р.; зарабатываютъ отъ каждой пары до 50 р. въ лѣто, а прежде—до 80 р. Обыкновенно подражаютъ у дубовскихъ купцовъ артелями человекъ въ 20—30, возятъ хлѣбъ, бревна, соль, желѣзо и пр.

Обратимъ еще вниманіе читателя на интересныя данныя объ огородничествѣ, садоводствѣ и бахчеводствѣ; этимъ мы и закончимъ обзоръ отдѣла о промыслахъ, иначе онъ грозилъ бы слишкомъ растянуться. Нельзя не пожалѣть, что тутъ слишкомъ мало сказано о такомъ высокоинтересномъ вопросѣ, какъ способъ поливки фруктовыхъ деревьевъ изъ канавъ, представляющемъ общественную работу крестьянъ (стр. 117).

Отдѣлъ о крестьянскомъ кредитѣ составленъ исключительно на осно-

ваніи офіціальных документовъ: отчеты волостныхъ кассъ и соудосберегательныхъ товариществъ, а также (для частнаго кредита) выборы изъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ волостныхъ правленій. Разумѣется, отдѣль этотъ много бы выигралъ, если бы авторы пользовались и данными мѣстнаго изслѣдованія (особенно для частнаго кредита), тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ представляетъ значительный интересъ. Начнемъ съ кредита у частныхъ лицъ.

Такъ какъ въ книги сдѣлокъ и договоровъ заносится лишь небольшая часть крестьянскихъ кредитныхъ сдѣлокъ, то по этимъ даннымъ и невозможно судить о ихъ распространенности. Однако, даже и такимъ случайнымъ путемъ отмѣчены для Саратовскаго уѣзда за 1883 годъ 882 случая займа съ 2,602 заемщиками-крестьянами и на сумму 85,886 р. Уже и по этому можно судить о развитіи частнаго крестьянскаго кредита. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне производятъ займы въ средѣ своихъ же «богатѣевъ», но также нерѣдко прибѣгаютъ къ займамъ и у лицъ другихъ сословій—у землевладѣльцевъ, мѣщанъ, купцовъ и духовенства. Займы производятся на срокъ отъ одного мѣсяца до года, иногда и безъ обозначенія срока, и, притомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, зимой и весной; на эти времена года падаютъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ извѣстныхъ случаевъ займа въ Саратовскомъ уѣздѣ и до $\frac{9}{10}$ (88%) въ Царицынскомъ уѣздѣ. Средній размѣръ займа на каждаго участника въ немъ значительно выше въ менѣе земледѣльческомъ Саратовскомъ уѣздѣ—58 р., тогда какъ въ Царицынскомъ—37 р. Характерно также, что въ Царицынскомъ уѣздѣ, хозяйство котораго ближе къ натуральному, и самыя % на ссуды уплачиваются трудомъ заемщика, въ Саратовскомъ же—деньгами и магарычемъ. Размѣръ процентовъ сильно колеблется по отдѣльнымъ волостямъ обоихъ уѣздовъ, но въ Саратовскомъ эти колебанія особенно велики—отъ 6 до 144% въ годъ; въ немъ же и средній % за частную ссуду выше (34% въ годъ), чѣмъ въ Царицынскомъ (22%), хотя не надо забывать, что въ послѣднемъ процентъ уплачивается натурою, т.-е. способомъ болѣе удобнымъ для всевозможныхъ вымогательствъ. Кромѣ денежной формы кредита, въ обоихъ уѣздахъ существуетъ еще и кредитъ натурою; разумѣется, такой видъ кредита болѣе развитъ въ Царицынскомъ уѣздѣ; здѣсь онъ составляетъ болѣе чѣмъ половину всего частнаго кредита, тогда какъ въ Саратовскомъ уѣздѣ едва достигаетъ $\frac{1}{3}$ части его. Въ Царицынскомъ уѣздѣ изъ видовъ натурального займа практикуются, главнымъ образомъ, займы рабочаго скота и кормовъ, а въ Саратовскомъ уѣздѣ занимаютъ, кромѣ того, земли подъ посѣвы, лѣсной матеріалъ и товары.

Чтобы получать надлежащее представленіе о состояніи волостныхъ и сельскихъ кассъ въ обоихъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, необходимо выставить на видъ то обстоятельство, что большинство этихъ кассъ въ настоящее время совершенно пусты; всѣ оборотные капиталы ихъ въ не-

домикъ за заемщиками лѣтъ по 10 и даже болѣе, а дѣятельность кассъ сводится къ *переписыванью* этихъ долговъ. Тѣмъ не менѣе, эти кассы все же приносятъ нѣкоторую пользу крестьянамъ, понижая % частныхъ займовъ даже нѣсколько сильнѣе, чѣмъ ссудо-сберегательныя товарищества; на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться.

У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ волостныя и сельскія кассы стали основываться лишь послѣ 1861 года, тогда какъ у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ первыя кассы открыты еще въ 40-хъ годахъ. Сначала онѣ открывались на средства правительства, но затѣмъ уже ихъ стали заводить и сами крестьянскія общества, въ виду ихъ (по крайней мѣрѣ, первыхъ изъ нихъ) несомнѣнной пользы въ борьбѣ съ ростовщическимъ капиталомъ. Даже за послѣднія 12 лѣтъ (съ 1872 по 1884 г.) оборотныя суммы волостныхъ кассъ возрасли на 35% (Цар. уѣздъ). Въ послѣднее время числилось въ Царицынскомъ уѣздѣ 8 сельскихъ и волостныхъ кассъ, а въ Саратовскомъ — 20. Средній размѣръ ссуды въ Саратовскомъ уѣздѣ (47 р.) почти въ два раза превышаетъ ссуду царицынскихъ кассъ (25 р.), а % заемщиковъ къ общему числу дворовъ уѣзда вдвое выше въ Царицынскомъ уѣздѣ—24%, тогда какъ въ Саратовскомъ уѣздѣ лишь 12%. Вообще обороты саратовскихъ волостныхъ кассъ сосредоточены въ относительно меньшемъ числѣ рукъ. Главныя условія ссуды по уставу кассъ таковы: ссуда выдается отъ 1 до 60 р. на заемщика съ особымъ поручителемъ на каждые 5—10 р. займа; конечно, найти поручителей (отъ 5 до 12 человекъ) чрезвычайно трудно для бѣдняка. Въ нѣкоторыхъ кассахъ размѣръ ссуды доходитъ до 100, 300 и даже до 2,000 р. Срокъ ссуды отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ, чаще—годовой. За ссуды уплачивается отъ 6 до 12 годовыхъ процентовъ; вкладчики получаютъ отъ 4 до 10%. Запасныхъ капиталовъ, необходимыхъ для своевременнаго возврата вкладовъ, нѣтъ ни въ одной кассѣ обоихъ уѣздовъ.

Чтобы волостныя и сельскія кассы могли оказывать дѣйствительную пользу населенію, необходимо, по мнѣнію г. Митина (составителя этой части отдѣла о кредитѣ), чтобы «вспомогательный» (оборотный?) капиталъ ихъ по меньшей мѣрѣ удвоился, чтобы у нихъ былъ неприкосновенный и запасный капиталы. Неприкосновенный капиталъ необходимъ для предупрежденія совершеннаго опустѣнія и закрытія кассъ, запасный— для своевременной выдачи вкладчикамъ ихъ вкладовъ; для привлеченія частныхъ вкладовъ необходимо повысить % на нихъ до 10, такъ какъ 12% за ссуду изъ кассы нельзя считать высокимъ при существующихъ частныхъ ростовщическихъ процентахъ. Но, при всемъ томъ, г. Митинъ считаетъ возможнымъ достиженіе цѣлей волостныхъ кассъ лишь въ случаѣ строгаго контроля надъ ихъ теперешними хозяевами — волостными старшинами и писарями; только тогда «кануть въ вѣчность произволь», «безгрѣшные доходы», злополучные «переводы» и сопряженные съ ними «спиванія» съ крестьянъ и т. д.»

Ссудо-сберегательныя товарищества есть только въ Саратовскомъ уѣздѣ; о нихъ идетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ отдѣла, составленной г. Горюхинымъ.

Всѣхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ было здѣсь въ 1883 году 11, съ оборотнымъ капиталомъ въ 234,000 р. *) и съ 4,556 пайщиками; 84% изъ всего числа пайщиковъ воспользовались ссудой (въ 1883 году), что составитъ 3,819 человекъ или 15%-общаго числа дворовъ Саратовскаго уѣзда. Такимъ образомъ, значеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ сельскихъ и волостныхъ кассъ.

Мысль объ учрежденіи товариществъ появилась въ началѣ 70-хъ годовъ; 8 изъ нихъ возникли благодаря дѣятельной поддержкѣ губернскаго земства, раздавашаго въ ссуду имъ до 22,000 руб., послужившихъ основными фондами. Первое товарищество появилось въ 1876 году; съ тѣхъ поръ ежегодно возникали новыя товарищества, такъ что число ихъ членовъ въ 1883 году увеличилось въ 2 раза, а оборотный капиталъ возросъ въ 8 разъ. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и самый характеръ оборотнаго капитала; сравнительное соотношеніе его главныхъ составныхъ частей видно изъ таблички:

	Годъ основанія товариществъ.	Въ 1883 году.
Оборотный капиталъ.	Паевые взносы	56% } 100% 40% } 100%
	Вклады	15% } 10% } 10%
	Займы	29% } 50% } 50%

Особенно развѣлись займы; ихъ значеніе въ оборотахъ товариществъ возросло въ 1,7 раза, такъ что они составляютъ теперь $\frac{1}{2}$ всего оборотнаго капитала, тогда какъ роль паевыхъ взносовъ и вкладовъ стала меньше прежней.

Вся сумма займовъ—этого главнаго источника жизни товарищества въ настоящее время—достигаетъ 131,000 руб. и складается изъ займа:

Въ государственномъ банкѣ	100,000 р.
» земствѣ	5,000 » **)
У частныхъ лицъ	26,000 »

Въ виду такого громаднаго значенія для товариществъ кредита въ государственномъ банкѣ, нельзя не пожалѣть, что онъ разрѣшается лишь товариществамъ, болѣе или менѣе окрѣпшимъ, и что его размѣръ въ 1883 г. не достигалъ даже суммы паевыхъ взносовъ; товариществамъ приходится кредитоваться у частныхъ лицъ за болѣе высокіе %/о/о.

*) Такъ на стр. 44, а таблица на стр. 41 даетъ эту сумму въ 280,000 р.

***) Такъ на страницѣ 71-й, а по даннымъ стр. 37 долгъ земству долженъ быть много выше—до 13,500.

Членами ссудо-сберегательнаго товарищества Саратовскаго уѣзда могутъ быть всѣ лица (обоихъ пола), достигшія 21 года и имѣющія право распоряжаться своимъ имуществомъ, а въ Здобовскомъ товариществѣ допущены членами артели и сельскія общества. Интересно выяснить, кто же эти члены — бѣдняки, зажиточные крестьяне или дворяне среднего достатка? Единственно несомнѣннымъ приемомъ убѣдиться въ томъ была бы выборка изъ подворной переписи всѣхъ 4,556 пайщиковъ и сличеніе ихъ достатка съ остальными дворами; но составитель разсматриваемой главы этого не дѣлаетъ, а пробуетъ рѣшить вопросъ на основаніи отчетовъ товариществъ. Оказывается, что товарищества «избѣгаютъ принимать въ члены бѣдняковъ», но и зажиточнымъ, будто бы, нѣтъ выгоды принимать участіе въ товариществѣ. Это апріорное положеніе не достаточно убѣдительно: отчего бы, уплативъ 10—12% за ссуду изъ товарищества, не раздавать ее изъ 36 процентовъ, существующихъ при частныхъ займахъ? Цифры показываютъ, что 111 ссудъ выдано на сумму 26,600 р. или, въ среднемъ, по 240 р. каждая. Вообще размѣръ ссудъ видѣнъ изъ слѣдующей таблицы:

	Число ссудъ.	Сумма ссудъ.	Средній разм. ссуды.
Размѣръ ссуды отъ 1 до 30 р.	40,3%	17,4%	25,3 р.
» » » 30 » 80 »	40,8%	39,1%	52,9 »
» » » 80 » 150 »	16,20%	31,6%	115,1 »
» » сверхъ 150 »	2,8%	11,9%	239,6 »
Итого. . .	100%	100%	58,4 р.

Если размѣръ ссуды двухъ первыхъ группъ (25 и 53 р.) еще достепенъ для средняго крестьянина, то едва ли онъ осилитъ ссуды двухъ послѣднихъ группъ (115 и 240 руб. въ среднемъ), и, такимъ образомъ, 43,8% всего кредита товариществъ попадаетъ зажиточнымъ крестьянамъ. Притомъ же г. Горскій говоритъ (стр. 56): «многіе вносятъ пай въ товарищества... чтобы пользоваться процентами съ нихъ». А это уже скорѣе дѣло не среднихъ, а зажиточныхъ крестьянъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, что товарищество существуетъ не только для богатей и что они «и при существующемъ строѣ ихъ приносятъ несомнѣнную долю пользы крестьянскому населенію».

Томъ IV. Петровскій уѣздъ (изд. 1884 г.).

Объ этомъ томѣ достаточно сказать нѣсколько словъ. Онъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ таблицъ по крестьянскому хозяйству Петровскаго уѣзда, а также изъ небольшого очерка о движеніи личнаго землевладѣнія за послѣднія 17 лѣтъ (съ 1866 по 1883 г.), составленнаго В. А. Марковскимъ. Недостатокъ времени не позволилъ разработать остальнаго матеріала.

Таблицы крестьянскаго хозяйства почти одинаковы съ рассмотрѣнными выше по Царицынскому уѣзду; наибольшее отличие таблицъ IV тома— въ довольно подробныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ объ условіяхъ арендованія земель крестьянами, —отличіе, разумѣется, къ лучшему. Но нельзя не отмѣтить въ нихъ и довольно серьезнаго недосмотра; во всѣхъ трехъ уѣздахъ, по которымъ даны таблицы по крестьянскому хозяйству, урожай показанъ разнo: по Саратовскому уѣзду — *самъ сколько*, по Царицынскому — *въ мпрахъ*, а по Петровскому — *въ пудахъ* «на надѣльной землѣ» (на десятину или на душевой надѣль — неизвѣстно). Если ужъ такое различіе въ пріемахъ казалось необходимымъ по мѣстнымъ условіямъ, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, дать размѣръ высѣва на десятину или на надѣль, а то сравненіе урожаевъ для этихъ уѣздовъ невозможно.

Въ очергѣ по частному землевладѣнію въ Петровскомъ уѣздѣ допущенъ весьма крупный недосмотръ. Число владѣльцевъ - крестьянъ и количество земли у нихъ взято, очевидно, изъ книгъ - земской управы, безъ свѣрки съ болѣе точными данными переписи. А, между тѣмъ, разница громадна:

	Число владѣл.	У нихъ десят.	Средній разм. владѣнія.
По даннымъ очерка	41	4,187	102,1 д.
» » переписи	2,102	10,807	5,1 »

Благодаря такому промаху, получился выводъ (стр. 11), будто частное крестьянское землевладѣніе становится болѣе крупнымъ, будто его размѣръ въ $2\frac{1}{3}$ раза возросъ съ 1866 года, тогда какъ, наоборотъ, онъ за это время уменьшился въ 8 разъ: съ 43 дес. на 5.

В. Григорьевъ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ АНАБАПТИЗМА *)

XI.

На рыночной площади Мюнстера толпился народъ. Его призвалъ сюда новый пророкъ Іоаннъ Дузентшуръ, хромоногій золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Варендорфа. Онъ объявилъ, что «Іоаннъ Лейденскій, святой мужъ и пророкъ Божій, долженъ быть царемъ всей вселенной, надъ всѣми императорами, королями, князьями, господами и властелинами. Одинъ онъ долженъ господствовать надъ всѣми и никто надъ нимъ. Онъ долженъ царствовать и возсѣсть на престолъ Давида, отца своего, пока Богъ Отецъ не потребуетъ отъ него царства». Потомъ Дузентшуръ потребовалъ мечъ отъ присутствовавшихъ здѣсь двѣнадцати старѣйшинъ и передалъ его новому королю со словами: «Прими мечъ правосудія и вмѣстѣ съ нимъ всякую власть, но употребляй его такъ, чтобы ты могъ дать отчетъ Христу, когда Онъ явится на судъ». Помазавъ короля, онъ сказалъ: «Я помазую тебя въ короля новаго храма и народа Божія и въ присутствіи народа называю тебя королемъ новаго Сіона». При этихъ словахъ Іоаннъ Лейденскій поклонился до земли и, подобно Соломону, слезно просилъ у Бога разума и мудрости. Потомъ онъ громко произнесъ, что еще задолго до этого небесный Отецъ открылъ ему о такомъ его возвышеніи, но онъ умалчивалъ во избѣжаніе того, чтобы не навлечь на себя неподобающихъ подозрѣній въ стремленіи къ присвоенію излишняго.

Идея учредить королевство не была новостью среди перекрещенцевъ. Объ этомъ мечтали и Гофманъ, и Веберъ изъ Аугсбурга, и многіе другіе. Объ этомъ мечтали многіе и въ Мюнстерѣ, но, конечно, только Іоаннъ Лейденскій, стоявшій очень высоко въ мнѣніи народа, могъ рискнуть на этотъ шагъ. Народъ остался доволенъ его избраніемъ, и если кое-гдѣ не тотчасъ освободились отъ сомнѣній и изумленія, то сомнѣвающимся должны были успокоить общественныя проповѣди, въ которыхъ предсказанія пророковъ

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

объ ожидаемомъ счастливомъ времени подъ управленіемъ счастливаго короля были отнесены къ новому царству и новому королю Мюнстера. Нечего и говорить о томъ, что все это было подготовлено Іоанномъ Лейденскимъ заранѣе и Дузентшуръ явился только орудіемъ честолюбиваго мечтателя.

Новопоставленный король покинулъ свое помѣщеніе у Книппердоллинка и занялъ курію выбывшаго каноника на соборной площади, приказавъ убрать домъ по-княжески. Двѣнадцать старѣйшинъ должны были теперь оставить свои прежнія мѣста и получили новыя должности при новоустроенномъ дворѣ. Своимъ намѣстникомъ король поставилъ своего бывшаго хозяина Книппердоллинка, проповѣдникомъ Ротмана, генераломъ Тильбека, канцлеромъ Гейнриха Крехтинга, тайными совѣтниками бывшаго пастора въ Гильдсгаузѣ, Бернарда Крехтинга, голландца Гергардтомъ Блостеръ, скорняка Редекеръ и торговца Рейнинкъ. Предсѣдателями ихъ были патрицій Керкеринкъ. Кромѣ того, было учреждено много другихъ должностей и другихъ служебныхъ высшихъ и низшихъ мѣстъ, наприимѣръ, оберъ-бухмистеръ, виночерпій, сервировщикъ стола, камердинеръ и камеръ-лакей, придворный пекарь, портной, шорникъ и проч. Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, оба дворяне, были сдѣланы главнокомандующими. Самъ монархъ надѣлъ на себя королевскія одежды и королевскія украшенія. Были приготовлены двѣ золотыя, унизанныя алмазами, короны, драгоценная цѣпь, къ которой былъ прикрѣпленъ пронзенный двумя мечами земной шаръ съ надписью: «Одинъ надъ всѣми король правосудія». Съ груди и плечъ спускались золотыя цѣпи на платье; мечъ былъ въ золотыхъ ножнахъ; въ правой рукѣ король держалъ великолѣпный царскій скипетръ; на его пальцахъ наизаваны были золотыя кольца, на одномъ изъ которыхъ съ печатью была надпись: «король въ новомъ храмѣ приводитъ тебѣ примѣръ» (de König in den neuen Tempel föhret dit vor ein Exempel). Великолѣпны были сѣдло и поводья его лошадей, шпоры его были золотыя. Придворные чины, по различію ихъ должностей, носили различныя одежды; 28 королевскихъ тѣлохранителей носили красныя и свѣтло-голубыя куртки, на одномъ рукавѣ коихъ находился королевскій гербъ—земной шаръ, пронзенный двумя мечами. Матеріаломъ для одеждъ служили преимущественно взятыя изъ церквей и монастырей одежды и украшенія. Король не удовольствовался этимъ штатомъ, но завелъ гаремъ, для котораго онъ избралъ пятнадцать или, по другимъ источникамъ, семнадцать красивѣйшихъ дѣвушекъ города; высшее мѣсто, въ качествѣ королевы, заняла юная Дивара, вдова убитаго непріятелями пророка Матизена. Она имѣла свой особый придворный штатъ. Прежнее жилище канониковъ было отдано подъ помѣщеніе для королевскихъ женъ; посредствомъ прохода оно было соединено съ королевскимъ дворцомъ. Въ этомъ восточномъ великолѣпнн сказалась вся своеобразная и страстная художественная натура этого юноши. Сколько

разъ мечталъ, можетъ быть, онъ въ прежніе годы объ этомъ великолѣтніи, создавая свои нѣсны и играя въ нихъ роли королей? На это великолѣтніе насмотрѣлся онъ въ своихъ странствованіяхъ въ Лондонъ, въ Лиссабонъ, объ этомъ великолѣтніи онъ читалъ въ *Ветхомъ Заветѣ*. Воображеніе художника дополняло эти картины, создавало новыя и новыя, еще болѣе блестящія, чѣмъ видѣнныя или прочитанныя имъ. Вы, можетъ быть, помните, какъ Константинъ Алсаконъ объяснялъ многіе поступки Ивана Грознаго художественностью его натуры? Не пріятнѣе ли и здѣсь въ еще болѣе высокой степени это объясненіе?

Экзальтированный, мистически настроенный Іоаннъ Лейденскій даже не могъ задуматься надъ тѣмъ, что онъ грѣшитъ. Онъ находилъ себѣ оправданіе въ жизни Давида и Соломона. Вѣдь, и они утопали среди восточной роскоши, вѣдь, и про нихъ говорится, что они окружали себя женщинами. Они рисуются, какъ избранники Божіи. Почему же онъ не можетъ послѣдовать примѣру этихъ великихъ царей, оставившихъ по себѣ память въ исторіи? Ему едва ли когда-нибудь приходило даже въ голову сомнѣніе въ правильности своихъ дѣйствій. Потому объ его дѣятельности говорили съ ужасомъ и называли его: гнуснымъ лжецомъ, грязнымъ развратникомъ, проважаннымъ злодѣемъ. Это только эпитеты, но не объясненіе натуры, и объяснять дѣло такимъ образомъ ужь слишкомъ легко. Дѣятельность Іоанна Лейденскаго часто была страшна, но въ ней была извѣстная логика, та же ужасающая логика, какъ и въ дѣятельности его двухъ грозныхъ современниковъ— Генриха VIII и Ивана IV, съ которыми въ его характерѣ, въ его влесахъ, въ его поступкахъ было такое множество точекъ соприкосновенія, точно онъ былъ не лейденскій кабатчикъ, а родной братъ этихъ двухъ коронованныхъ сластолюбцевъ и мучителей. Такъ, какъ онъ, могла дѣйствовать только подобная натура, натура художественная, воспитанная среди многолѣтнихъ путешествій, среди страстнаго чтенія извѣстныхъ эпизодовъ *Ветхаго Завета*, проникнутая экзальтаціей и представленіемъ себя въ роли ветхозавѣтнаго пророка и ветхозавѣтнаго царя. Каждый шагъ этого человѣка былъ исполненіемъ какой-нибудь роли, и непременно роли съ поражающею сценическою обстановкой. Артистъ, въ сущности, никогда не былъ лжецомъ или притворщикомъ; онъ настолько входилъ въ свою роль, что вполне вѣрилъ самъ въ то, что онъ разыгрывалъ, и заставлялъ вѣрить въ это другихъ. Отсюда вытекаютъ извѣстное неострашимое обаяніе, окружавшее его, стремленіе найти ему оправданіе, попытку реабилитировать его. Во всякомъ случаѣ это былъ не дюжинный человѣкъ; это была своеобразная личность. Трагикомедія его царствованія не продлилась бы и нѣсколькихъ дней, если бы новый король былъ простымъ мечтателемъ, а не былъ бы, въ то же время, умнымъ и энергичнымъ человѣкомъ. «Онъ, — говоритъ Веллеръ, — зналъ средства, которыя могли помочь ему удержать за собой опасный постъ. Съ муд-

рыжь расчетомъ онъ втянулъ въ свои интересы всѣхъ влиятельныхъ людей города. Среди его придворныхъ совѣтниковъ были всѣ его прежние сотоварищи по управленію, а среди его вооруженной стражи, напротивъ того, мы видимъ иноземную чернь, обязанную всѣмъ одному ему, и они во имя своихъ интересовъ охраняли короля, какъ самихъ себя *)). Не безъ расчета онъ завелъ и блестящую конницу: народъ, видя короля, ежедневно обучающаго своихъ всадниковъ, твердо вѣрилъ въ силу этого короля, а король очень хорошо сознавалъ, что эта конница нужна ему не столько для отпора внѣшнимъ врагамъ, сколько для подавленія внутреннихъ мятежей. Несмотря на свою восточно-сластолюбивую жизнь, король не забывалъ и о дѣлахъ правленія, дѣлая и изъ него «обстановочную» пьесу, уличное зрѣлище. На рыночной площади, противъ въсовъ, былъ устроенъ великолѣпный, съ тремя ступеньками, тронъ. Трижды въ недѣлю публично засѣдалъ здѣсь на судѣ король. Тогда на тронъ накрывались золотые и пурпуровые покровы и клались шелковыя подушки. Король торжественно, въ сопровожденіи придворныхъ, являлся на судъ. Впереди него играли въ рожки и флейты, затѣмъ слѣдовали два главнокомандующихъ: Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, скorpionъ Иоганъ Курзенеръ, ритмейстеръ и начальникъ всадниковъ, и Конрадъ Крузе, полковникъ пѣхоты; они отличались между собою султанами. За ними слѣдовали тайные совѣтники, идя попарно въ пурпуровомъ одѣяніи и съ золотыми цѣпями, затѣмъ маршалъ Тильбекъ съ бѣлою палкой въ рукѣ; за нимъ слѣдовали двѣнадцать красивыхъ и элегантно одѣтыхъ мальчиковъ, и одинъ изъ нихъ—на правой сторонѣ—держалъ *Библию*, другой—на лѣвой сторонѣ—несъ обнаженный мечъ, какъ символы духовной и свѣтской власти. За ними слѣдовалъ король на добромъ конѣ, въ царскомъ нарядѣ и золотой коронѣ. Непосредственно за королевемъ слѣдовали его намѣстникъ Книппердолинкъ и проповѣдникъ Ротманъ; за ними слѣдовали Христіанъ Керкеринкъ, предсѣдатель тайнаго совѣта, и Гейнрихъ Крехтингъ, канцлеръ, затѣмъ меченосецъ Ниландъ со своими помощниками. Въ концѣ процессіи находились остальные чины и вельможи; 28 тѣлохранителей находились по сторонамъ и расталкивали стекавшійся народъ. Достигнувъ площади, король отдавалъ свою лошадь скороходу и садился на королевскій тронъ. Затѣмъ онъ преклонялъ свой скипетръ, послѣ чего ему докладывались гражданскія дѣла новаго Сіона. Всякій, имѣвшій о чемъ-либо заявить, долженъ былъ дважды поклониться и пасть на землю, послѣ чего онъ могъ говорить. Большею частью дѣла касались брачной жизни и всѣхъ ея неурядицъ. Король изрекалъ свои рѣшенія, иногда смертные приговоры... Иногда король для слушанія проповѣди являлся на площадь въ сопровожденіи всего народа. Въ этомъ случаѣ и королева пріѣзжала на своей смиренной лошади, которую велъ

*) Keller, 219.

скороходъ; впереди нея ѣхали ея гофмейстеръ Генрихъ Роде и нѣсколько другихъ придворныхъ; за ней слѣдовали приближенные женщины и четыре тѣлохранителя. Въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ, противъ трона короля, занимала мѣсто королева со своею свитой и тамъ слушала проповѣдь, которая произносилась съ устроенной близъ королевскаго трона каеэдры. Если проповѣдь произносилась пополу-дни, то она заканчивалась веселою плясочкою, которую открывалъ король. Въ этомъ случаѣ участникомъ могъ быть всякій, у кого являлась охота плясать *). Вообще танцы теперь были ежедневно; тотчасъ послѣ обѣда они начинались въ покояхъ короля подъ звуки музыки. Нисколько не удивительно, что сладострастный и жадно осушавшій чашу юноша, жившій точно въ волшебномъ снѣ, вводилъ у себя эти развѣченія. Но было странно слушать проповѣди несчастнаго Ротмана, еще недавняго защитника и проповѣдника суроваго перекрещенскаго воздержанія. Въ этихъ проповѣдяхъ теперь говорилось, что Богъ далъ всему свободу, что всякія пляски, прыганья и другія увеселенія, если въ нихъ нѣтъ злаго умысла, пріятны Богу, что все, чѣмъ наслаждаются безбожные, доступно и праведнымъ, только первые тѣшатъ дьявола, а послѣдніе Бога **). Нравственное паденіе «дипломата» шло все ниже и ниже: теперь въ рѣчахъ были иногда уже не «страстные убѣжденія», не «парадоксы» даже, а просто выдумки и ложь, приуроченныя къ требованіямъ господствующей партіи. Онъ сознавалъ, что его дѣло проиграно, что въ Мюнстерѣ дѣла идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, Ротманъ велъ дѣятельную агитацію, стараясь распространить за предѣлами Мюнстера господствовавшія въ новомъ царствѣ идеи. Онъ издавалъ брошюры и книги. Интересно указать на нѣкоторыя стороны этихъ произведеній. Въ книгѣ *Возстановленіе правой и здоровой вѣры*, изданной въ началѣ октября 1534 года, между прочимъ, оспариваются положенія объ оправданіи одною вѣрой и о несвободной волѣ, утверждаются идеи объ уничтоженіи безбожныхъ, о поднятіи меча, объ общности имущества. Въ концѣ же книги описывается положеніе дѣлъ въ городѣ: «здѣсь люди отреклись отъ эксплуатаціи ближнихъ; здѣсь никто не жирѣетъ отъ чужаго пота; здѣсь нѣтъ ни ростовщиковъ, ни притѣснителей; здѣсь все имущество стало общимъ». «И такъ, мы скорѣе примемъ смерть, чѣмъ вернемся къ старому,—говоритъ авторъ.—Мы знаемъ, что эта жертва угодна Богу. И никакой христіанинъ не можетъ быть угоднымъ Богу, если онъ не стоитъ въ подобномъ положеніи общности или, по крайней мѣрѣ, не стремится къ этому отъ всего сердца» ***). Въ декабрѣ 1534 года появилась *Книжка о мести*. Это трактатъ о томъ, что царство Божіе приближается и

*) *Hast*, 363 и 364.

**) *Hase*, 97 и 98.

***) *Keller*, 149—151.

что надо употреблять всё средства для отпущения безбожнѣмъ *). Въ февралѣ 1535 года вышла книга *О сокровеннѣи писанія царства Христова и о днѣ Господнемъ*, гдѣ священное писаніе сравнивается съ книжкомъ, въ которомъ скрыто сокровище познанія Христа. Опять здѣсь говорится, что царство Божіе не въ мѣстнѣхъ, словахъ и доброжеланіяхъ, а въ добродѣтеляхъ и подражаніи Христу **). Въ этихъ сочиненіяхъ вы найдете только чистое одушевленіе во имя извѣстныхъ гуманнѣхъ идей, все то, что было лучшаго и прогрессивнаго въ перекрещенствѣ...

До враговъ доходили самыя странныя слухи о господствующемъ въ Мюнстерѣ образѣ жизни, и они хотѣли узнать хотя что-нибудь вѣрное о ней отъ очевидца. Для этой цѣли былъ избранъ Фабрицій, какъ челоувѣкъ, еще имѣвшій связи въ городѣ. Враги предложили черезъ него: король долженъ отказаться отъ своего званія; должно прекратить многоженство; должно вернуть изгнанниковъ. Іоаннъ Лейденскій отвѣчалъ съ достоинствомъ: король его избралъ самъ Богъ; многоженство отбѣнать, если въ писаніи найдется лучшая форма жизни; изгнанниковъ примутъ, если они перейдутъ въ перекрещенство. Фабрицій былъ окруженъ почетною стражей и этимъ ему очень ловко помѣшали свѣтлѣе съ его старыми знакомыми въ городѣ и увидать здѣсь хотя что-нибудь. А, между тѣмъ, любопытнаго было не мало ***). Всмотриваясь въ мелочи жизни Мюнстера, мы видимъ извѣстный строгій порядокъ. Дузентшуръ, хромоногій пророкъ, опредѣлялъ, сколько кто долженъ имѣть того или другаго платья. Согласно съ этимъ дьяконы развѣзжали по городу съ повозкой и спрашивали: «кто имѣетъ болѣе, отдай лишнее; кто имѣетъ менѣе, заяви, что ему надо». Такъ шелъ приемъ, такъ шла раздача вещей ****). Въ сношеніяхъ между собою всѣ назывались братьями и сестрами, — такъ называлъ всѣхъ король. Желавшіе пожениться, должны были жолгаться три дня, испрашивая воли Божіей, чтобъ они плодились и множились во имя Его. Заявленія согласія на бракъ и подача другъ другу рукъ при двухъ свидѣтеляхъ были достаточны для брака. Каждый долженъ быть женатымъ, такъ какъ бракъ есть божеское учрежденіе. Престарѣлыя вдовы избирали себѣ защитника *****). Мальчики и дѣвочки обучались въ шести школахъ чтенію, письму, закону Божію и пѣнію псалмовъ, которыми начинались и кончались классныя занятія. Разъ въ недѣлю учащіяся попарно отправлялись въ соборъ и тамъ имъ читали проповѣдь. Обыкновенно для народа проповѣди говорились на улицѣ и народъ даже въ холодъ и снѣгъ выстаивалъ на площади, говоря, что это ничтожная

*) Ibid., 152.

**) Hase, 101 и 102.

***) Ibid., 98.

****) Ibid., 111.

*****) Ibid., 110.

жертва для Бога *). Прибавьте ко всему сказанному, что осада выносилась съ изумительною стойкостью, что въра въ близость спасенія оушевлила людей, что въ городѣ покуда не было перебѣжниковъ и предателей, и вы поймете, какъ преувеличены были рассказы послѣдующихъ писателей объ ужасахъ, творившихся въ Мюнстерѣ въ эту эпоху. Извѣстная распущенность нравовъ, при тогдашней нравственности вообще и при введенномъ въ Мюнстерѣ многоженствѣ въ особенности, должна была существовать неизбежно; сама религиозная экзальтація, доводившая до конвульсій, галлюцинацій и пророческихъ видѣній, способствовала тоже извѣстнымъ излишествамъ, какъ это бывало и во времена бичующихся, крестоносцевъ и т. п. Мы знаемъ, какъ кончаются у насъ разныя радѣнія хлыстовъ и голубчиковъ, ведущихъ внѣ этихъ моментовъ иногда очень строгую жизнь. Эти же явленія были и среди мюнстерскихъ перекрещенцевъ, горѣвшихъ страстнымъ желаніемъ «плодиться и множиться», видѣвшихъ въ *Библии* прямое «приказаніе» стремиться къ этому. Тѣмъ не менѣе, преувеличенія всякихъ нравственныхъ безобразій въ Мюнстерѣ со стороны враждебныхъ писателей несомнѣнны. Деморализація и предательства явились, но явились потому, что и святые не вынесли бы, не погибнувъ, многомѣсячной осады, кончившейся страшными сценами голода, при сознаніи, что, кромѣ этого клочка земли, у осажденных нѣтъ ни пристанища, ни защиты во всемъ мірѣ.

ХІІ.

Изъ всѣхъ личностей, игравшихъ видную роль въ перекрещенствѣ, Книппердолинкъ является самою непонятной. Описывая ту или другую личность изъ перекрещенцевъ, всегда можно даже по немногимъ уцѣлѣвшимъ о ней свѣдѣніямъ сказать, подъ влияніемъ какихъ обстоятельствъ и психическихъ процессовъ она дѣйствовала. Говоря о Книппердолинкѣ, этого никогда нельзя сказать, если не желаешь отдѣлываться голословными эпитетами: «шутникъ—сорви-голова», «сумасшедшій сумасбродъ» и т. п. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что этотъ человекъ не вѣрилъ ни во что, относился ко всему съ легкомысленнымъ юморомъ, иногда выкидывалъ полусумасшедшія штуки, представляясь одержимымъ «духомъ». Едва ли когда-нибудь Книппердолинкъ особенно сильно заботился о религіи. Онъ болѣе думалъ о политикѣ. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время онъ высказывалъ взгляды на религію, которые нужно признать послѣднею степенью перекрещенскихъ отрицаній. Онъ говорилъ, что люди будутъ жить по волѣ Отца только тогда, когда они отбросятъ *Ветхий* и *Новый Заветы* и будутъ руководствоваться только своимъ «духомъ». Въ сущности, это было полное отрицаніе религіи. Іоаннъ Лейденскій, какъ

*) *Ibid.*, 112.

онъ говорилъ послѣ, сильно оспаривалъ это мнѣніе Книппердолинга. Впрочемъ, Книппердолинга высказывался и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, въ шутиливой формѣ. Больше серьезно задумывался онъ о власти Іоанна Лейденскаго, при избраніи котораго въ короли онъ хранилъ гробовое молчаніе. Именно на его долю выпала роль перваго серьезнаго бунтовщика въ этомъ царствѣ. Были и до него многіе недовольные, но съ ними кончали короткою расправой. Такъ покончить съ нимъ было бы невозможно. Книппердолинга очутился послѣ восшествія на престолъ Іоанна въ положеніи Ротмана: оба они помогли пророку овладѣть властью, оба остались на второмъ планѣ. Честолюбецъ по натурѣ, Книппердолинга не могъ не затануть въ себѣ враждебнаго чувства къ королю. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ проявляетъ желаніе свергнуть короля. На нѣкоторое время онъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ и заперся дома. Люди стали толковать, что на него сошелъ духъ и онъ получилъ откровенія. Появившись послѣ нѣкотораго времени въ городѣ, онъ пошелъ къ воротамъ, гдѣ былъ лагерь солдатъ, созвалъ послѣднихъ и объявилъ имъ, что Господь удостоилъ его откровеній, которыя принесутъ народу великую радость. Что это были за откровенія—неизвѣстно, но извѣстно, что народъ благодарилъ Бога и пѣлъ *). Въ другой разъ, 12 ноября, Книппердолинга впалъ въ священное безуміе, бѣгалъ по городу, крича: «покайтесь, обратитесь и будьте благочестивы!» Казалось, онъ хотѣлъ этимъ выразить то, что при существующемъ королѣ люди еще не достигли истиннаго благочестія. Въ народѣ разнесся слухъ, что будетъ чудо. Всѣ бѣжали на рыночную площадь. Здѣсь Книппердолинга упалъ на землю, быстро поднялся и закричалъ окружавшей его толпѣ: «тебя освятитъ небесный Отецъ; прими Духа Святаго». Затѣмъ онъ помазалъ слезною глазу одного слѣпца и сказалъ: «возьми опять зрѣніе твое». Сверхъ того, онъ сказалъ, что въ тотъ же день онъ умретъ и вскорѣ опять воскреснетъ. Танцую, прыгая, становясь на голову, онъ подступилъ къ королевскому трону и воскликнулъ: «Я танцевалъ съ дѣвами, а теперь мой небесный Отецъ хочетъ, чтобъ я исполнилъ эти танцы предъ глазами моего короля». Казалось, онъ сказалъ это презрительно по отношенію къ королю. Послѣдній, замѣтивъ уловку Книппердолинга, оставилъ тронъ: «Любезные сестры и братья, восхвалимъ Господа и разойдемся по домамъ»,—сказалъ Іоаннъ, прекращая эту сцену. Книппердолинга, однако, не унялся и воскликнулъ: «Господинъ король, ты говоришь неправильно: такъ я тебя не звалъ; ты долженъ назвать сперва братьевъ, потомъ сестеръ». На слѣдующій день Книппердолинга садится на тронъ и вываетъ: «Меня побуждаетъ духъ: Іоаннъ Лейденскій—король по плоти, а же хочу быть духовнымъ королемъ... *Библия, Ветхий и Новый Заветъ* должны быть отвергнуты; человѣкъ долженъ жить не по свѣтскимъ за-

*) Keller, 221.

кочамъ, но только по предписанію природы и духа». Городъ былъ на шагъ отъ новой революціи, и нужно было имѣть мужество и находчивость Іоанна Лейденскаго, чтобы разомъ пресѣчь волненіе. Король низвергъ Книппердолинга и приказалъ своимъ вѣлохранителямъ посадить его въ тюрьму. Не даромъ онъ окружилъ себя вѣрною стражей. Въ продолженіе трехъ дней находился Книппердолинкъ въ тюрьмѣ, связанный и въ оковахъ, и признался, что его обманулъ злой духъ; въ прошедшую ночь онъ узналъ, по внушенію небеснаго Отца, какъ высоко надо чтить короля, и онъ болѣе не сомнѣвается, что тотъ есть повелитель всего міра. Интересно письмо Іоанна къ Книппердолингу: «Я увѣщаваю тебя вспомнить прежнюю любовь,—пишетъ Іоаннъ.—Не удаляйся отъ меня. Я не забываю оказанныя мнѣ тобой и твоею женой благодѣянія, хотя я наказалъ въ тебѣ злое. Остайся твердымъ въ вѣрѣ спасенія». Отъ этихъ строгъ вѣсть теплотой. Вообще Іоаннъ Лейденскій велъ себя съ достоинствомъ въ отношеніи Книппердолинга, несмотря на всѣ выходы послѣдняго. Однажды послѣдній, въ припадкѣ неистовства, потребовалъ, чтобы король отрубилъ ему голову, такъ какъ онъ черезъ три дня воскреснетъ, — король отстранилъ его и не воспользовался возможностью такъ легко отдѣлаться отъ опаснаго соперника *). Теперь король освободилъ его **).

Пророкъ Дузентшуръ возгласилъ, что настало время, когда исполнялось писаніе, и Богъ захотѣлъ послать въ міръ апостоловъ своего слова. По предложенію пророка, предварительно была созвана на общій обѣдъ на горѣ Сіонѣ,—такъ назывался соборный дворъ,—христіанская община, состоявшая изъ 1,600 способныхъ къ оружію мужей, 400 старцевъ и дѣтей и почти 5,000 женщинъ, не считая стражи. По окончаніи трапезы, король взялъ прѣсныя печенья и раздавалъ каждому сословію: «примите и ядите, и возвѣщайте смерть Господню». А королева держала чашу съ виномъ, приглашала всѣхъ и говорила: «пейте изъ нея всѣ и возвѣщайте смерть Господню». Затѣмъ король поставилъ всѣхъ въ кругъ и спрашивалъ, хотятъ ли они повиноваться слову Божію. Толпа закричала: «не только повиноваться, но, въ случаѣ надобности, пожертвовать жизнью». Трапеза была примирительною вечерью: такъ хотѣлъ король ***). Послѣ этого событія, завершившаго мрачное облако внутренней распри, Іоаннъ Лейденскій сдѣлалъ новый рѣшительный шагъ: онъ видѣлъ, что въ Мюнстерѣ истощаются съѣстные припасы, что населеніе среди бездѣйствія осады сидитъ праздно и начинаетъ томиться и тяготиться невыносимымъ положеніемъ. Чтобы перемѣнить положеніе дѣлъ, нужно было приобрести союзниковъ и отвлечь силы непріятеля отъ города. По волѣ короля, передъ собраніемъ народа началъ говорить пророкъ Дузент-

*) *Hase*, 113 и 114.

***) *Hast*, 367; *Keller*, 222.

****) *Ibid.*, 368.

шурь: «Небесный Отецъ открылъ мнѣ 27 апостоловъ, которые, охраняемые сѣнью Его крылъ, должны распространить наше ученіе по четыремъ странамъ свѣта, такъ что у нихъ не упадетъ даже ни одинъ волосъ подъ такою охраной. Если же гдѣ власть не захочетъ принять Евангеліе, тамъ они должны оставить золотой гульденъ, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и идти далѣе». Затѣмъ онъ перечислилъ поименно апостоловъ и закончилъ: «Идите въ мѣрь и возвѣщайте слово Божіе». Еще во время ночи они были выпущены изъ четырехъ воротъ. Во главѣ восьми, шедшихъ въ Заэстъ, стоялъ самъ пророкъ Дузентшурь. Въ Оснабрюкѣ пошли шесть, между ними бывший пасторъ въ Местрихѣ, Діонисій Винненъ. Въ Цесфельдѣ отправились Фризіи съ пятью другими, между которыми находился бывший при новой церкви Варендорфа пасторъ Регевартъ. Въ послѣдній городъ пошли Клопрейсъ и Штралленъ съ четырьмя другими. Это посольство апостоловъ было соломенной, за которую хватается утопающій. Оно не могло принести пользы въ это время всеобщаго возбужденія противъ перекрещенцевъ. Силы борящихся были слишкомъ неравны. Благополучно достигнувъ мѣстъ своего назначенія, апостолы тотчасъ начали возгласать по улицамъ о покаяніи. Посланные въ Варендорфъ пришли къ члену ратуши Эрпо и пожелали мира всему его дому. Черезъ него они задобрили совѣтъ и подъ его защитой распространяли свое ученіе. Напрасно писалъ епископъ: они надмѣнно говорили о союзѣ съ Мюнстеромъ. Тогда епископъ двинулся впередъ и городъ сдался 21 ноября. Перекрещенные граждане были отправлены подъ арестъ въ Засендбергъ, трое изъ нихъ казнены, прочіе поплатились тяжелымъ штрафомъ или продолжительнымъ арестомъ. Изъ апостоловъ Штралленъ умеръ въ тюрьмѣ, Клопрейсъ былъ сожженъ въ Кельнѣ, будучи препровожденъ къ кельнскому курфюрсту, какъ своему господину; остальные казнены въ Варендорфѣ. Самый Варендорфъ потерялъ права привилегіи. Посланные въ Зоэстъ казнены тамъ 23 октября. Посланные въ Оснабрюкъ также были схвачены: связанные, они были отправлены въ Ибургъ, гдѣ находился епископъ. Гейнрихъ Гресъ, бывший учитель въ Боркенѣ, увидя епископа, воскликнулъ: «неужели начальникъ не имѣетъ власти отпустить связаннаго?»—и получилъ прощеніе за то, что выдалъ всѣхъ своихъ. Этой гнусной личности пришлось сыграть крупную роль. Его спутники потерпѣли смертную казнь. Посланные въ Цесфельдъ были казнены: четверо около города, пятый—въ Горстмарѣ, шестой—въ Боркенѣ, седьмой—въ Бохольдѣ, восьмой—въ Вреденѣ, для того, чтобы въ различныхъ мѣстахъ показать примѣры строгаго правосудія. Послѣ гибели всѣхъ апостоловъ, ночью у стѣнъ Мюнстера появился Гресъ, въ оковахъ на рукахъ... Его узнали и доставили въ городъ. Здѣсь онъ разсказалъ о смерти своихъ собратій и о томъ, какъ ангелъ Господень спасъ его, какъ апостола Петра, изъ тюрьмы Ибурга. Ему повѣрили, его сочли за великаго пророка. Король, несмотря на

подозрѣнія нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, послалъ его въ Везель, Лейденъ и Амстердамъ. Гресь долженъ былъ сформировать въ этихъ городахъ войско для помощи Мюнстеру. Король снабдилъ его 2 января 1535 года полномочіями и далъ ему на дорогу 300 гульденовъ *). Еще бы! Кто же, какъ не чудесно спасенный Богомъ человекъ, могъ исполнить трудную миссію? А посоль отправился въ Ибургъ и разсказалъ епископу обо всемъ томъ, что онъ развѣдалъ въ Мюнстерѣ, въ особенности о томъ, гдѣ пребывали приверженцы перекрещенцевъ, и объ ихъ планахъ **).

Въ Мюнстерѣ, между тѣмъ, усиливался недостатокъ провіанта. Стали ѣсть конину; немного оставшихся коровъ и быковъ сохранялось для королевскаго двора. Начались сцены казней голодныхъ воровъ. Одна женщина, уличенная въ томъ, что при раздачѣ конины дважды требовала себѣ мяса, въ наказаніе должна была держать мечъ въ теченіе многихъ часовъ и потомъ, послѣ публичнаго позора, потерпѣть смертную казнь. Точно также одинъ десятилѣтній мальчикъ, вырвавшій для утоленія своего голода нѣсколько какихъ-то овощей и рѣпъ, сначала былъ высѣченъ до крови, а когда голодъ снова принудилъ его къ тому же, былъ повѣшенъ. Вообще казней было не мало. Впрочемъ, не однѣми казнями обуздывали голодныхъ. Король старался развлечь ихъ шутовскими представленіями: одинъ изъ шутовъ, изъ старыхъ канониковъ, былъ наряженъ въ священническія одежды и говорилъ въ соборѣ шутовскую проповѣдь, причемъ пѣлъ *Gaudeamus*. Проповѣдники съ своей стороны призывали народъ къ посту, увѣщевали не служить мамонѣ ***)... Надежда на спасеніе основывалась только на прибытіи иноземцевъ. Во всѣ стороны были разсланы гонцы и союзъ перекрещенцевъ распространился черезъ Везель, Девентеръ, Амстердамъ, Голландію, Брабантъ до Страсбурга. Они распространяли книги въ окрестностяхъ Мюнстера, чтобы возбудить простой народъ къ возстанію. Этотъ народъ и нерѣдко ландкнехты шли въ Мюнстеръ. Каждый день осажденные ожидали провіанта изъ отдаленныхъ мѣстностей, и еслибъ онъ пришелъ къ Мюнстеру, тогда они захватили бы его, сдѣлавъ для этого вылазку. Усилія не остались безъ извѣстныхъ послѣдствій. Повсюду въ городахъ происходили возмущенія и за ними слѣдовали казни. Такъ, на Рождество — въ Девентрѣ, въ январѣ 1535 г. — въ западной Фрисландіи, одновременно — въ Лейденѣ, Амстердамѣ и Везелѣ. Въ Лейденѣ, гдѣ перекрещенцы пытались сжечь городъ, 15 человекъ казнено, кромѣ того 5 женщинъ и между ними первая жена Іоанна Бокеля были утоплены.

Въ концѣ марта триста перекрещенцевъ захватили Альтмюнстерскій монастырь на Шнекъ и назначили его сборнымъ мѣстомъ для остальныхъ; но намѣстникъ Шенкъ осадилъ монастырь и послѣ отчаяннаго сопротивленія

*) *Hase*, 119.

**) *Hast*, 369.

***) *Hase*, 124.

взялъ его штурмомъ 7 апрѣля. Противъ перекрещенцевъ, находившихся въ Везелѣ, отправился герцогъ фонъ-Юлихъ и приказалъ казнить шестерыхъ 13 апрѣля. Но никто не рисковалъ такъ, какъ Іоаннъ ванъ-Геель, посланный изъ Мюнстера въ Страсбургъ; онъ бѣжалъ при штурмѣ Альтмюнстерскаго монастыря и удалился въ Амстердамъ къ тамошнимъ перекрещенцамъ. Отсюда онъ обратился къ Маріи, сестрѣ императора, намѣстницѣ нидерландской. Онъ предлагалъ передать Мюнстеръ императору и для взятія его получилъ даже позволеніе вербовать войска. Этимъ онъ воспользовался для того, чтобы произвести переворотъ въ Амстердамѣ. Въ ночь на 13 мая начался штурмъ и послѣ долгой и упорной битвы, въ которой палъ Іоаннъ ванъ-Геель, возставшіе были побѣждены. Пойманныхъ казнили *). Въ Мюнстерѣ же все расло неудовольствіе вслѣдствіе голода. Теперь роптали на королевскую пышность, на число его женъ; къ числу недовольныхъ принадлежали тѣ, которые всегда чувствовали раскаяніе въ томъ, что принимали участіе въ заблужденіяхъ и опасныхъ дѣйствіяхъ Іоанна. Но отъ короля не ускользали эти обстоятельства; онъ надѣялся продлить свое господство рядомъ новыхъ законовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смягчить эти законы, сдѣлавъ уступки неединомышленникамъ для привлеченія ихъ на свою сторону. «Во второй день января 1535 года послѣ Р. Х.» онъ издалъ распоряженіе изъ 27 статей, гдѣ онъ объявляетъ, что завѣщанное Христомъ государство чистоты и святости заключается именно въ немъ, и что онъ сидитъ на тронѣ Давида. Въ этомъ царствѣ онъ отказывалъ въ убѣжищѣ всѣмъ язычникамъ, желающимъ искать защиту въ обществѣ Христовомъ Мюнстера для избѣжанія кары за совершенное преступленіе. Король, его судьи и всѣ его чиновники, говорилось далѣе, исполняютъ свою обязанность, не давая никому преимуществъ, по слову Божію и милосердію Его; всякое пристрастіе служебныхъ лицъ и противозаконія изслѣдуются самимъ королемъ или намѣстникомъ и строго наказываются. Священное писаніе никто не смѣетъ толковать произвольно, — оно должно толковаться буквально по требованію времени; пророкъ, проповѣдующій несогласно со словомъ Божіимъ, долженъ быть удаленъ отъ народа и умерщвленъ. Пьянство и жорыстолюбіе наказываются, какъ источники развращающихъ пороковъ. Принужденіе къ браку запрещается; запрещеніе особенно касалось тѣхъ, которые были поражены отвратительными болѣзнями. Женщины безъ постоянныхъ мужей получаютъ благонамѣренныхъ опекуновъ. Предательство наказывается соразмѣрно преступленію. Тотъ, кому порученъ постъ для охраны города отъ непріятели, не смѣетъ отлучаться безъ позволенія начальника. Приобрѣтенная добыча должна доставляться начальству, и что доставившій ее получить изъ этой добычи обратно, тѣмъ онъ можетъ безпрепятственно пользоваться. Цѣль этихъ предписаній и

*) *Hast*, 370.

полненій къ прежнимъ постановленіямъ, не смотря на все это, не была стигнута вслѣдствіе усиливавшагося недостатка въ свѣстныхъ припачъ и неудовольствія раскаявшихся, такъ что рожь послѣднихъ пошелъ затѣмъ въ заговоръ противъ короля. Для предупрежденія возмунія онъ общалъ народу, согласно божественному откровенію, къ Пасхѣ освободить городъ отъ осады. Одновременно онъ назначилъ изъ своихъ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ приверженцевъ двенадцать герцоговъ поручилъ имъ надзоръ за отдѣльными частями города. Каждому изъ нихъ господъ было дано по три совѣтника и 24 драбанта. Чтобы тѣмъ рѣше привязать къ себѣ этихъ шпионовъ, король общалъ по освобожденіи города дать имъ значительныя помѣстья въ Германіи и Нидерндахъ. Впрочемъ, всѣ земли онъ уже заранѣе раздѣлилъ между своимъ; только Гессенъ онъ хотѣлъ пощадить, такъ какъ онъ все еще думалъ привлечь на свою сторону ландграфа гессенскаго Филиппа. Народъ иженъ былъ уже употреблять, какъ мы сказали, конину. Когда же не азалось ни конины, ни хлѣба, то охотились за собаками, кошками, мысами, мышами и всякою другою тварью; ѣли всякую траву, дерево, дметки, бумагу, кожу, сушеный навозъ и т. п. Дѣло, наконецъ, дошло того, что пожирали свѣжіе трупы, убивали дѣтей и чего нельзя было гчасъ употребить въ пищу, то солили или приготовляли изъ этого ибасу. Это было найдено при взятіи города. Нужда породила страшныя болѣзни. Ежедневно ловили много несчастныхъ, желавшихъ убѣжать въ блокаузовъ. При такихъ обстоятельствахъ наступила Пасха 28 марта 1535 г., а обѣщанное избавленіе отъ печалей не исполнилось вслѣдствіе неудачъ перекрещенцевъ на нижнемъ Рейнѣ и въ Нидерндахъ. иинъ, которому плачь и стонъ голодающихъ напоминаетъ объ обѣщаніи, умѣлъ удачно вывернуться: въ продолженіе шести дней онъ избѣгалъ рода, сказавшись больнымъ, а затѣмъ явился веселымъ передъ народомъ: онъ сидѣлъ на слѣпомъ ослѣ и принялъ на себя грѣхи всей общины, которые сдѣлали его слабымъ и согбеннымъ; и такъ, теперь народъ, благодаря этому, былъ свободенъ отъ всякихъ грѣховъ, что собственно есть обѣщанное избавленіе отъ всякихъ нуждъ. Это внутреннее избавленіе должно предшествовать внѣшней свободѣ, которая, навѣрное, также ступить, ибо Богъ хотѣлъ сначала испытать твердость своего избраннаго народа. Кто, однако, не хочетъ перенести этого испытанія, тому стся позволеніе оставить городъ, и если даже всѣ его покинуть, то въ, король, одинъ при помощи ангеловъ будетъ защищаться противъ ага. Только благодаря тому, что нетвердо пребывавшимъ въ вѣрѣ онъ зволилъ выйти изъ города, внутреннее междуособіе было предупреждено. иѣе 900 человекъ еще въ апрѣлѣ оставили городъ бѣдствій. Мужчины ли истреблены войскомъ осаждавшихъ; старцы, женщины и дѣти были угнаны силою назадъ къ городу по полю, разстилавшемуся между го-

родомъ и лагеремъ. Но несчастные не хотѣли вернуться въ городъ и потому въ теченіе четырехъ недѣль бродили, подобно скотинѣ, между городомъ и непріятельскимъ лагеремъ, подобно скоту питаея разными травами. 28 мая, послѣ долгихъ и ужасныхъ страданій, когда напрасно плачущій ребенокъ принадлеалъ къ материнской груди, надъ несчастными сжалился епископъ; невинныхъ онъ приказалъ взять въ плѣнъ, виновныхъ—казнить. Хорошо состраданіе! Между тѣмъ, король пытался силою подавить начинающееся разложеніе во внутреннихъ дѣлахъ. Многие пали за свои попытки. Такъ Николай Нортгорнъ хотѣлъ бѣжать изъ города и написалъ объ этомъ епископу, прося себѣ охраны, вѣроятно, за предательскія сообщенія. Письмо попалось Іоанну, и Нортгорна схватили и привели къ королю, любившему рубить головы собственноручно. Поиманный, видя неминуемую смерть, крикнулъ: «Проклятый злодѣй, кто тебя выбиралъ въ короли? Самъ дьяволъ! За мою кровь и за кровь другихъ ты дашь отчетъ на страшномъ судѣ». Іоаннъ насмѣшливо улыбнулся. «Можешь ждать этого суда, а покуда я буду твоимъ судьбою» *). Казнили и женщинъ. Ихъ особенно много погубилъ Іоаннъ. Между ними казнилъ онъ и королеву Елизавету Вангеръ, когда-то хвалившуюся, что ее не покоритъ никакой мужчина. Король былъ ея третьимъ мужемъ. Она поплатилась жизнью за сомнѣніе въ высокомъ положеніи короля и за просьбу, вынужденную общимъ бѣдствіемъ, о томъ, чтобъ ей позволено было оставить городъ. При всемъ народѣ и ея сожительницахъ король обезглавилъ ее на площади, поправъ ногами ея трупъ и сказалъ: «Она была развратница и во всякое время готова къ возмущенію. Поэтому мнѣ повелѣлъ небесный Отецъ лишить ее жизни». «Слава въ вышнихъ Богу»,—запѣли королевскія жены, а король танцевалъ. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ ни Генриху VIII, ни Іоанну IV. Это происходило въ такое время, когда отъ чрезвычайнаго голода матери поѣдали своихъ дѣтей. И, все-таки, къ такому времени относится посланный 2 іюня врагамъ дерзкій отвѣтъ на требованіе сдачи города. И, все-таки, на послѣднее требованіе враговъ 22 іюня осажденные дали устный отвѣтъ, что они не сдадутъ города, прежде чѣмъ неполучатъ небесное откровеніе. Любопытенъ тонъ отвѣта отъ 2 іюня. Бнязь-епископъ писалъ, что онъ казнить высланныхъ изъ города, если городъ не сдастся. На это отвѣтили «назначенные регенты и граждане города» безъ обозначенія именъ, но съ обычною городскою печатью: «Мы вамъ таковыхъ не посылали; кто добровольно хочетъ бѣжать отъ насъ, тѣмъ мы не мѣшаемъ, хотя мы знаемъ, что они не сдѣлаютъ намъ ничего хорошаго, а, напротивъ, будутъ усердно помогать вамъ во всякомъ злѣ. Дѣлайте съ ними, что хотите; мы никому не отказываемъ, кто приходитъ къ намъ, какъ другъ, и не мѣшаемъ также никому, кто

*) *Nase*, 125.

хочетъ уйти отъ насъ, развѣ только если онъ взять нами въ плѣнъ, какъ врагъ. И если мы не удостоимся справедливаго вниманія и если Богу угодно, чтобы мы также были раздавлены подъ ногами звѣрей (сравненіе со сновидѣніемъ у Даниила 7, 7), то мы со всею святостью покоримся, пока маленькій камень не разобьетъ ногу статуи (Даниилъ 2, 34) и не передастъ царства своему народу. Это мы хотѣли вамъ возразить и, вдобавокъ, просить васъ, чтобы вы разъ навсегда этимъ довольствовались». Уперство осаждаемыхъ было поразительно; но, можетъ быть, еще поразительнѣе было безсиліе осаждавшихъ.

Вѣчно несогласные между собою нѣмецкіе князья и властители поняли, наконѣцъ, что имъ угрожаетъ не шуточная опасность, что дѣло касается не одного Мюнстера. Но чтобы понять это, для нихъ потребовались цѣлые мѣсяцы, прошедшіе въ постыдномъ бездѣйствіи. Они не только давали мюнстерцамъ возможность укрѣпляться, переманивать къ себѣ ландскнехтовъ, разсылать гонцовъ и посольства, но довели дѣло до того, что возстанія стали вспыхивать повсюду. Только 13 декабря 1534 года на собравшемся въ Кобленцѣ «крейстагѣ» князю-епископу была обѣщана ежемѣсячная субсидія въ 15,000 рейнскихъ флориновъ въ продолженіе полугода. Собраніе послало письмо осажденнымъ въ Мюнстеръ, требуя сдачи города съ угрозой, что если городъ будетъ медлить, то король и государство поступятъ съ нимъ, какъ съ враждебнымъ городомъ. Посылать угрожающія письма въ Мюнстеръ, въ сущности, значило сознаваться въ своемъ безсиліи и вызывать новыя глумленія осажденныхъ надъ княземъ-епископомъ, имѣвшимъ мало силъ и боявшимся за извѣстную часть этихъ силъ. Затѣмъ на крейстагѣ было также постановлено относительно способа осады и поручено пригласить князя-епископа на имѣющій собраться въ Вормсѣ въ апрѣлѣ слѣдующаго года сеймъ. Иначе говоря, князь-епископъ обрекался на нѣсколько мѣсяцевъ бездѣйствія. Въ эти мѣсяцы могло произойти не мало случайностей, такъ какъ Мюнстеръ пускалъ въ ходъ всѣ средства пропаганды. Іоаннъ Лейденскій писалъ даже къ Филиппу Гессенскому: «Нашему любезному, достоуважаемому ландграфу и пр. Несомнѣнно, ты знаешь, что Христосъ и пророки говорили о св. писаніи, что въ немъ нѣтъ излишней даже маленькой буквы. Теперь, Петръ говоритъ, что во время зарожденія, а оно началось съ того времени, какъ свѣтомъ Евангелія открылось вавилонское плѣненіе, исполнится то, о чемъ Богъ возвѣстиялъ устами своихъ пророковъ. Поэтому раскрой писанія пророковъ и ищи того, что содержатъ они о вавилонскомъ плѣненіи, о концѣ этого міра, равно какъ и Христосъ, писанія апостольскія и откровеніе Іоанна; какое возмездіе получить вавилонская блудница и приверженцы ея, и, напротивъ, къ какому царству или къ какому господству будетъ возвышенъ народъ Божій, который соберется отъ всѣхъ концовъ земли. Если ты хорошенько сообразишь все это, обстоятельно взглядишься въ писаніе, какъ говоритъ апостоль Павелъ

Тимоеею, и уразумѣешь истинный смыслъ его, то ты легко поймешь, самовольно ли мы избрали своего короля, или по указанію Промысла». Въ этомъ письму онъ приложилъ другое—о возрожденіи (т.-е. обновленіи міра. Матѳ. 19; Дѣян. Ап. 3; 2 Петр. 3). На Филиппа Гессея въ Мюнстерѣ возлагали особенныя надежды. Ожидаемый сеймъ въ Вормсѣ состоялся 4 апрѣля. Послѣ горячихъ дебатовъ для продолженія мюнстерской войны было ассигновано 100,000 золотыхъ гульденовъ, на пять мѣсяцевъ, въ два ерова. Относительно дальнѣйшихъ мѣрпріятій противъ перекрещенцевъ, будетъ или не будетъ взятъ городъ, долженъ былъ рѣшить другой рейхстагъ 13 іюня въ Вормсѣ же. Но городъ былъ взятъ равнѣ. Требованія сдаться, посланныя главнокомандующимъ, графомъ Вейрихъ фонъ-Даунъ, который былъ назначенъ на этотъ постъ на кобленцкомъ совѣщаніи, какъ мы знаемъ, не повели ни къ чему *). Войско, не привывшее къ бездѣйственной осадѣ, готово было разбѣжаться...

Быть можетъ, еще долго пришлось бы осаждать городъ, если бы не случайность, рѣшившая дѣло. Ночью, въ воскресенье послѣ Духова дня, 24 мая, изъ города бѣжали четыре ландскнехта и мюнстерскій бюргеръ Гейнрихъ Гресбекъ, описавшій потомъ возстаніе. Онъ и одинъ изъ ландскнехтовъ были пойманы. Гресбекъ былъ помилованъ и сообщилъ врагамъ, что городъ легко взять, проникнувъ черезъ Крестовыя ворота. Приведенный въ военный совѣтъ, онъ набросалъ планъ города и указалъ, гдѣ можно безопасно перейти черезъ валы. Чтобы убѣдиться въ истинѣ его словъ, его заставили черезъ нѣсколько дней перелѣзть въ городъ. Опытъ удался. Явился и другой предатель: бѣжавшій ландскнехтъ Гансъ Экъ фонъ-Лангенштратенъ. Въ началѣ осады онъ былъ танцмейстеромъ у князя-епископа; потомъ онъ бѣжалъ въ Мюнстеръ; затѣмъ снова составилъ планъ войти въ милость прежняго господина, предать мюнстерцевъ **). Онъ заявилъ, что ему нужно триста человѣкъ, чтобы взять городъ, гдѣ люди истощены и обезсилены. Князь-епископъ далъ ему и Гресбеку четыреста человѣкъ подъ предводительствомъ Вильгельма Штединка. Это происходило вечеромъ въ Ивановъ день. Надъ Мюнстеромъ разыгралась страшная гроза. Подъ раскаты грома и шума проливнаго дождя Штединкъ незаметно подступилъ къ городу, къ Крестовымъ воротамъ. Миновавъ городскіе рвы, подступающіе поднялись на высоту окоповъ, выше внѣшнихъ воротъ, и изрубили уснувшую стражу. Одинъ изъ дежурныхъ случайно произнесъ пароль «земля»; это дало возможность заставить открыть входы и опустить мосты. Тогда Лангенштратенъ и Гресбекъ провели войско по Крестовой улицѣ, перешли мостъ, подошли къ собору. Только тутъ раздался барабанный бой и началась свалка. Про-

*) Ibid., 394.

**) Keller, 283.

снуживіеся перекрещенцы опрокинулись всею силой на солдатъ. Последнимъ пришлось отступитъ къ часовнѣ Маргариты. Отрѣзанные отъ отступленія, они чуть не растерялись отъ суматохи. Но Штединкъ нашелъ путь черезъ сосѣднія жилища канониковъ. Половину отряда онъ повелъ въ тылъ перекрещенцавъ; послѣдніе думали, что непріятель получилъ подрѣшеніе, и потому отступили къ площади; епископскія войска слѣдовали за ними. Дворъ канониковъ былъ усыпанъ трупами. Между тѣмъ, перекрещенцы снова затворили тѣ ворота, которыми вошло епископское войско, и на валъ отправились посланные Книппердолинкомъ женщины, гдѣ онѣ ругались надъ осаждавшими, похваляясь побѣдой. Въ лагерѣ произошла ужасъ; всякую минуту тамъ ожидали знака къ отступленію отъ города. Трусовость епископскихъ войскъ, утомленныхъ осадой и неудачами, была поразительна. Отрядъ Штединка былъ предоставленъ самому себѣ и въ безвыходномъ положеніи обнаружилъ такую храбрость, что въ 2 часа ночи король сдѣлалъ страшную ошибку, пославъ уполномоченныхъ къ Штединку съ просьбой о короткомъ перемиріи и словесныхъ переговорахъ. Согласіе было дано. Король великодушно обѣщалъ солдатамъ помилованіе, если они передадутся ему. Когда они на это не согласились, тогда онъ позволилъ имъ свободное отступленіе безъ оружія и воинскихъ почестей. Во время переговоровъ солдаты воспользовались обстоятельствами и съ разсвѣтомъ тайно отправили прапорщика фонъ-Твикеля на валъ съ тремя другими. Они поставили тамъ свое знамя и, такимъ образомъ, равно и другими знаками, призывали своихъ, все еще медлявшихъ въ лагерѣ. Теперь, въ ожиданіи скорого подрѣшенія, Штединкъ опять началъ сражаться; перекрещенцы отчаянно защищались. Когда же всюду солдаты вступили въ городъ, утомленный отрядъ Штединка получилъ подрѣшеніе. Началась страшная рѣзня. Многие перекрещенцы находятъ свою смерть въ бою, другіе укрываются въ погребкахъ, въ отдѣльных монастыряхъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Только 200 человекъ держатся еще въ редутахъ на площади и отважно отбиваютъ приступы, убиваютъ многихъ солдатъ. Но и они, наконецъ, сдались. Военный советъ предложилъ имъ сдаться, предоставивъ имъ безопасный выходъ изъ города. Они, наконецъ, положили оружіе. Это были настоящіе герои и, къ счастью, именно имъ, казалось, не суждено было испытать позора цѣпей, тюремъ, казней. Но не такъ случилось на дѣлѣ со многими изъ нихъ. Въ 6 часовъ утра возвѣстили о побѣдѣ князю-епископу, находившемуся въ Вольбекѣ. Солдаты принялись тотчасъ же обыскивать всѣ дома и уголки города и избивали многихъ, укрывавшихся тамъ, перекрещенцевъ. Началась страшная расправа со стороны людей, явившихся, въ сущности, неожиданно въ роли побѣдителей, еще наканунѣ готовыхъ отступить и потомъ оставить на жертву своихъ лучшихъ смѣльчаковъ, вошедшихъ въ городъ. «Ярость ландскнехтовъ,— говоритъ Келлеръ,— не знала границъ, и въ дикомъ гнѣвѣ они уничтожали все, что могли. Они не отли-

чали тѣхъ, кому только что былъ обѣщанъ безопасный выходъ, отъ тѣхъ, которые прятались, гдѣ попало. Ворвавшись въ ратушу, ландскнехты выбрасывали людей изъ оконъ на улицу, гдѣ копья другихъ ландскнехтовъ уже сторожили несчастныхъ. Офицеры дали полную свободу кровожадности ландскнехтовъ, и въ домахъ, и на улицахъ было страшное кровопролитіе. Едва успѣла прекратиться эта 'рѣзня, какъ настали казни многочисленныхъ плѣнныхъ. Въ первыя недѣли послѣ штурма городъ представлялъ обширное поле, усыпанное трупами: не доставало рукъ, чтобы зарывать тѣла» *). Расправы того времени извѣстны: смертныя казни безъ пощады, безъ счету. Въ теченіе первыхъ восьми дней ежедневно казнили перекрещенцевъ, или голодомъ вынужденныхъ покинуть мѣста своего убѣжища, или же найденныхъ солдатами. Король, Іоаннъ Лейденскій, видя несчастный исходъ борьбы, бѣжалъ къ Эгидиевымъ воротамъ, вѣроятно, съ цѣлью скрыться оттуда при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Но, благодаря измѣнѣ одного мальчика, онъ попался въ руки непріятелей. Когда солдаты хотѣли схватить его, онъ закричалъ: «Не осмѣливайтесь прикасаться къ помазаннику Божію, къ Божьему пророку, королю Сіона. Если вы сдѣлаете это, то падете въ преисподнюю». Но солдаты, не обративъ вниманія на эти слова, напали на него и насмѣхались надъ нимъ: «Если ты въ силахъ, соломенный король, то вырвись изъ нашихъ рукъ». Они сорвали съ его шеи массивную золотую цѣпь и, связаннаго, повели въ его домъ. Черезъ три дня послѣ взятія города нашли и Книппердолинга, скрывавшагося у Елатеріны Гоббельсъ, у Новыхъ воротъ, на Нейбрюккенской улицѣ. Его предала эта женщина, такъ какъ его голова была оцѣнена. Для поимки его было послано пятьдесятъ человекъ. Отыскали въ Эгидиевомъ монастырѣ и Бернарда Крехтинга. Попались въ руки епископскихъ солдатъ Дивара и другія жены важныхъ лицъ. Женщинъ казнили быстро. Не то ждало Іоанна Лейденскаго, Книппердолинга и Крехтинга. Для нихъ сдѣлали желѣзные ошейники и прикрѣпили ихъ къ лошадямъ ландскнехтовъ. Такъ повели ихъ въ Ибургъ, гдѣ была надежная тюрьма. Отсюда князь-епископъ вызвалъ къ себѣ Іоанна Лейденскаго въ Дюльменъ для объясненій. Съ ненавистью и презрѣніемъ епископъ спросилъ его: «Злодѣй, какъ погубилъ ты меня и мою землю?» Іоаннъ съ обычнымъ высокоуміемъ и достоинствомъ отвѣтилъ: «Попъ, это ложь!» Епископъ приказалъ поскорѣй удалить его отъ себя **). Вообще, Іоаннъ, какъ видно, держался все время твердо. На вопросъ: «по какому праву онъ простеръ такую власть на городъ и его жителей?»—онъ возразилъ: «Кто же далъ право и силу епископу надъ Мюнстеромъ?» Когда ему отвѣтили, что епископъ получилъ это право по свободному выбору соборнаго капитула и за-

*) Keller, 286 и 287.

**) Ibid., 228.

тѣмъ былъ утвержденъ въ этомъ санѣ папой и королемъ, то Іоаннъ сказалъ: «А я призванъ къ владычеству Богомъ черезъ его пророковъ». «Самые лучшіе источники,—говоритъ Рёве,—подтверждаютъ, что князь-епископъ велѣлъ посадить своего высокогѣрнаго соперника въ желѣзную клетку и возилъ его долгое время на потѣху князьямъ и городамъ». Въ Билефельдѣ видѣли его герцогъ Іоаннъ фонъ-Клеве-Юлихъ и его придворные. Іоаннъ Лейденскій былъ поставленъ передъ ними на открытомъ мѣстѣ. Иногда надъ нимъ пробовали нагло подшучивать, пробуждая его страстность. Но Іоаннъ Лейденскій отъ такого позора не упалъ духомъ;—напротивъ, онъ рѣзко отпарировалъ насмѣшки народа. Сколько бы ни было тутъ выдумокъ и прибавленій, характерно то, что всѣ эти рассказы подтверждаютъ твердость и мужество юнаго пророка. Ландграфъ Филиппъ Гессенскій одинъ стоялъ за Іоанна Лейденскаго въ вопросѣ о его казни. Для близкаго ознакомленія съ ученіемъ Іоанна Лейденскаго въ январѣ 1536 года ландграфъ Филиппъ, съ согласія мюнстерскаго епископа, призвалъ къ тремъ узникамъ ученыхъ теологовъ. Окруженные епископскими канониками, богословы повели бесѣду съ королемъ, приведеннымъ изъ его сырой темницы. Проповѣдники дружески его привѣтствовали и пригласили его сѣсть рядомъ съ собою у камина. Затѣмъ они начали съ нимъ говорить о тысячелѣтнемъ земномъ Христовомъ царствѣ и тотчасъ же коснулись мюнстерскаго царства, причемъ спросили его, по какому именно откровенію онъ посаженъ на королевскій тронъ? Іоаннъ безъ всякаго смущенія отвѣтилъ: «Откровеній по этому поводу мнѣ вовсе не было, но мнѣ пришло въ голову, что въ Мюнстерѣ именно долженъ быть избранъ король, и что я для этого назначенъ. Это меня беспокоило и я просилъ Бога возвести меня въ этотъ санъ, если же нѣтъ, то пусть Онъ призоветъ меня къ этому черезъ праведнаго пророка. Четырнадцать дней спустя, выступилъ пророкъ Дузентшуръ и, увѣряя меня, что это дѣлается по волѣ Божіей, призналъ меня королемъ, съ чѣмъ всѣ были согласны». На вопросъ: какъ онъ могъ повѣрить такому пророку?—онъ отвѣтилъ: «Къ своимъ предположеніямъ я во всякомъ случаѣ относился съ недоувѣріемъ, но зову пророка я вѣрилъ безъ всякихъ чудесныхъ знаменій, такъ какъ писаніе запрещаетъ требовать этого; если онъ меня обманулъ, то пусть за это отвѣчаетъ». Въ этомъ пунктѣ онъ прибавилъ, что не его и его приближенныхъ нагѣреніемъ было послѣ одержанной побѣды надъ осаждающимъ войскомъ уничтожить все, что не принадлежало къ перекрещенству, но что мечъ былъ направленъ противъ осаждающихъ только для того, чтобы добыть отъ сосѣдей провіантъ: его пришлось брать силой. Точно также онъ остался вѣренъ своимъ основамъ при указаніи ему на статью о власти; при этомъ онъ опирался на изреченіе апостола Петра: Бога слѣдуетъ больше слушаться, чѣмъ людей; поэтому онъ бралъ подъ защиту всѣ несправедливости, которыя испытали прежнія власти изъ-за перекрещенцевъ. Гораздо уступчивѣе оказался онъ въ ученіи объ исправленіи, хотя

здѣсь былъ выставленъ противниками суровый взглядъ Лютера, который Иоанну Лейденскому былъ ненавистнѣе папы. Напротивъ, онъ остался непоколебимъ въ убѣжденіи о крещеніи. Когда коснулись вопроса о во-сочеловѣченіи Христа, богословы вышли изъ себя и назвали Иоанна Лейденскаго ослиною головой. Въ бесѣдѣ о бракѣ онъ упорно признавалъ многоженство и, въ концѣ-концовъ, обнаружилъ свое упорство словами, что «гораздо лучше имѣть много женъ, чѣмъ много непотребныхъ женщинъ». Отъ Иоанна священники отпавились въ тюрьму Книппердо-линка и Крехтинга. Но здѣсь они не встрѣтили ни того краснорѣчія, ни того знанія *Библии*, ни той ловкости и того ума, что у Иоанна Лейденскаго. Плѣнники совсѣмъ прismsирѣли; говорить они не могли, отъ безпокойства, а потому давали свои показанія письменно. Отсюда Николай фонъ-Мюнхгаузенъ привелъ пророковъ въ Бевергернъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ падшій король, и обратился къ нимъ съ горячею рѣчью, изъ которой они поняли, что онъ отказался отъ своихъ убѣжденій: мюнстерское государство ни въ какомъ случаѣ не есть тысячелѣтнее царство Христово, но только суетно-мертвый образъ его; что хотя онъ съ Ротманомъ и вѣрилъ, что оно продлится до при-шествія Христа, однако, теперь онъ долженъ сознаться въ своемъ заблужденіи; точно также и занятіе имъ трона произошло не по его свое-волію и охотѣ, а по велѣнію Дузентшура. Интересно, что онъ, отказы-ваясь теперь отъ многихъ своихъ взглядовъ послѣ бесѣды съ богосло-вами, сказалъ, что онъ готовъ просить на колѣнахъ о помилованіи, чтобы вмѣстѣ съ Мельхіоромъ Гофманомъ склонить къ повиновенію пере-рещенцевъ въ Нидерландахъ и въ Англїи: пусть они крестятъ своихъ дѣ-тей, пока не рѣшится этотъ религіозный вопросъ. По окончаніи пере-говоровъ 12 января 1536 года, трое преступниковъ были отправлены для казни въ Мюнстеръ, гдѣ, кромѣ князя-епископа Франца, свидѣтелями этого были приглашенные послы курфюрста кельнскаго и герцога фонъ-Клеве-Юлихъ. За день до своей казни Иоаннъ Лейденскій просилъ при-слать ему священника; къ нему пришелъ духовникъ епископа, Иоаннъ фонъ-Зибергъ, который провелъ у него всю ночь; Иоаннъ Лейденскій сильно раскаявался и сознавался, что онъ десять разъ заслужилъ смерть. 22 января, въ восемь часовъ утра, были выведены изъ тюрьмы на эшафотъ король и его два товарища, послѣ того какъ всѣ городскія ворота были заперты. Эшафотъ стоялъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ воз-двигнутъ тронъ Иоанна Лейденскаго. Какъ только приговоренные взошли на позорную площадку, они съ распростертыми руками пали ницъ и при-зывали на помощь небеснаго Отца; затѣмъ, поднявшись, окинули взо-ромъ зрителей, выслушали отъ судей смертный приговоръ, который гла-силъ, что они перекрещены, бунтовщики, не повинуются власти. Они, однако, громко воскликнули: «Можетъ быть, мы сопротивлялись кня-зю, но передъ Богомъ мы невинны». Когда короля, надъ которымъ

притворъ долженъ былъ быть совершенъ раньше, привязали къ столбу, онъ склонилъ колѣна, сложилъ руки и сказалъ: «Отецъ, въ твои руки я передаю свою душу». Цѣлый часъ терзали его палачи накаленными щипцами и затѣмъ только они проткнули накаленнымъ копьемъ его горло и сердце. Онъ умеръ съ удивительною стойкостью. Точно также умерли Бниппердоллингъ и Крехтингъ, подвергшіеся тѣмъ же жестокимъ пыткамъ. Ихъ трупы были положены въ желѣзныя клѣтки и въ таномъ видѣ повѣшены на южной сторонѣ башни Ламберта, король по срединѣ и нѣсколько выше другихъ. До нашихъ дней, — говоритъ Келлеръ, — висятъ эти желѣзные свидѣтели давно прошедшихъ дней и передаютъ въ теченіе трехъ съ половиной столѣтій тысячамъ поколѣній исторію этихъ страшныхъ событій *). По смерти Иоанна появилась большая монета съ его бюстомъ въ королевскомъ нарядѣ и такая же медаль величиною съ талеръ. О судьбѣ Ротмана извѣстія противорѣчатъ другъ другу. Керзенбройкъ и другіе рассказываютъ, будто еще въ самомъ началѣ боя онъ замѣшался въ ряды сражавшихся и палъ со многими другими. Ламбертъ Гортензіусъ, совѣтникъ герцога Юлиха, находившійся при епископскомъ войскѣ, говоритъ, что трупа Ротмана не было найдено. По другому извѣстію, Ротманъ бѣжалъ и потомъ много лѣтъ жилъ у одного фрисландскаго дворянина. Это извѣстіе основывается на двухъ сохранившихся письмахъ любекскаго совѣта къ мюнстерскому городскому совѣту отъ 8 іюля и 13 декабря 1537 года. Въ первомъ изъ нихъ жители Любека изъявляютъ свою готовность слѣдить за Бернардомъ Ротманомъ, который, по показанію мюнстерцевъ, жилъ въ Ростокѣ и сосѣднихъ городахъ; въ другомъ они сообщаютъ, что они устраивали поимку въ Висмарѣ, предполагая, что нападутъ на Ротмана, на самомъ же дѣлѣ это оказался невинный медикъ изъ Арнегема. Они требуютъ вознагражденія за расходы отъ мюнстерскаго городского совѣта въ размѣрѣ 65 марокъ и 14 шиллинговъ. Этому мнѣнію о бѣгствѣ Ротмана, — говоритъ Келлеръ, — нельзя придавать никакого значенія **). Во всякомъ случаѣ, его конецъ, — говоритъ Газе, — окутанъ благотворною тьмой ***)) и, прибавимъ отъ себя, не сопровождался звѣрскими истязаніями и всенароднымъ позоромъ.

Послѣ этой кровавой расправы перекрещенцы уже не могли явиться прежнею сектой: ихъ добивали гдѣ только было возможно; они притихли, разсѣялись, скрывались отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и только постепенно изъ ихъ остатковъ образовалась чисто-религіозная секта менонитовъ, уже никогда не рисковавшая играть соціальной и политической роли. Воинствующіе перекрещенцы исчезли безслѣдно, не оставивъ по себѣ никакихъ видныхъ слѣдовъ, и память о ихъ дѣятельности заняла

*) Ibid., 289.

**) Ibid., 287.

***) *Nase*, 185.

только страницы въ исторіи, говоря о томъ, что они не добились ничего. Тѣмъ не менѣе, это поучительныя страницы въ исторіи вообще и въ исторіи коммунизма въ особенности.

Исторія коммунизма—это исторія мирной проповѣди любви, братства и равенства,—проповѣди мечтателей; всѣ теоретическіе проекты коммунистовъ, начиная съ *Государства* Платона и кончая *Икаріею* Кабе, не подстрекаютъ къ насилию, по крайней мѣрѣ, не возбуждаютъ страстей, являясь простыми философскими, иногда, надо признаться, очень скучными, трактатами; всѣ практическія попытки коммунистовъ, начиная съ эссеевъ и кончая какими-нибудь американскими перфекціонистами, полны самоотреченія, самопожертвованія, но никогда — насилия. Вообще, читая исторію этихъ попытокъ коммунистовъ, только удивляешься, на какія жертвы способенъ человѣкъ ради идеи, какую энергію онъ можетъ проявлять, достигая завѣтной цѣли: всѣ эти люди — эссеи, гармонисты, перфекціонисты, послѣдователи Фурье и Оуэна, икарійцы, инспираціонисты — настоящіе герои и подвижники, пионеры, взявшіеся доказать вѣрность извѣстныхъ теоретическихъ взглядовъ. Какъ бы ни были ничтожны результаты ихъ усилій, скажемъ даже болѣе, какъ бы ни были несостоятельны ихъ усилія, все же эти люди заслуживаютъ полнѣйшей благодарности и уваженія. Они на свой собственный рискъ и счетъ дѣлаютъ извѣстные соціальные опыты, не требуя ни у кого поддержки, не требуя ни у кого жертвъ. Такіе опыты уже потому нужны, что, не бросившись въ воду, нельзя научиться плавать, и тотъ, кто первый бросается въ воду, для наученія плаванію другихъ, рискуя потонуть за нихъ, совершаетъ извѣстный подвигъ. Среди этихъ-то по преимуществу мирныхъ людей такія кровавыя попытки, какъ попытка перекрещенцевъ или попытка бабѣфистовъ во время первой французской революціи, являются если не единственными, то единичными явленіями, и именно эти-то явленія менѣе всего оставили практическихъ результатовъ. Мирные коммунисты добивались хоть чего-нибудь на извѣстное время,—воинствующіе не добивались ни до чего. Это былъ своего рода урокъ. Неудача перекрещенцевъ заключалась, конечно, не въ недостаткѣ одаренныхъ людей, не въ недостаткѣ энергіи. Передъ нами прошелъ здѣсь цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ вожаковъ. Тутъ были и такія чистыя и одаренныя личности, какъ Мюнцеръ и Гансъ Денкъ, и такіе серьезные ученые, какъ Карлштадтъ и Гюбмейеръ, и такіе неудачные честолюбцы, какъ Гребель и Ротманъ, наконецъ, и такіе страстные фанатики, какъ Гофманъ, Матизенъ, Іоаннъ Бокель. А какой массы лицъ намъ еще не пришлось коснуться! Энергія, съ которою дѣйствовали многіе изъ этихъ вожаковъ движенія, была тоже изумительна: достаточно вспомнить неустанную дѣятельность и нечеловѣческую выносливость Мюнцера, умѣнье Ганса Денка привлечь на свою сторону сердца и умы людей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества или неутомимыя путешествія

Мельхіора Гофмана изъ Дерпта въ Виттенбергъ, отсюда въ Стокгольмъ, изъ Стокгольма въ Голландію, далѣе въ Страсбургъ, и все это безъ средствъ, безъ посторонней помощи, почти безъ хлѣба. Но всѣ эти люди, несмотря на всю свою энергію, погибли и должны были неизбѣжно погибнуть. Они стремились силою пересоздать моментально все общество, весь его строй, всѣхъ людей; въ своемъ прямолинейномъ радикализмѣ они съ лихорадочною поспѣшностью шли отъ отрицанія къ отрицанію, въ неудержимой экзальтаціи стирая съ земли всѣ существовавшія религиозныя традиціи, науку, искусство, правительство,—и ихъ горсть сразу очутилась лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полчищемъ враговъ, изъ которыхъ каждый отстаивалъ что-нибудь дорогое для него. На ихъ жестокия крайности общество отвѣтило не менѣе жестокими крайностями: оно было сильнѣе и побѣдило ихъ, не разбирая, кто изъ нихъ правъ, кто виновать, смѣшивая въ одну кучу и такихъ высоко-гуманныхъ мыслителей, какъ Гансъ Денкъ, и такихъ безумцевъ, какъ Іоаннъ Лейденскій.

А. Михайловъ.

Юридическая школа въ русской историографіи.

✓ (Соловьевъ, Кавелингъ, Чичеринъ, Сергѣевичъ).

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Соловьевъ и Кавелингъ выступили въ первый разъ въ нашемъ университетѣ съ пророчествомъ новаго направленія въ русской исторической наукѣ. Въ сорокъ лѣтъ это направленіе совершило свой циклъ: послужило знаменемъ для цѣлой школы историковъ, вызвало рядъ капитальныхъ исследований въ нашей литературѣ, дало свою формулу русской исторіи и, наконецъ, само сдѣлалось фактомъ нашего прошедшаго. Можетъ быть даже еще нѣсколько преждевременно отодвигать его въ прошедшее: едва успѣли на нашихъ глазахъ сойти со сцены основатели этого направленія; ихъ послѣдователи еще дѣйствуютъ среди насъ и самое направленіе сходитъ со сцены отжившимъ, но не замѣненнымъ никакимъ другимъ, которое было бы столь же общепризнано.

Мы не можемъ, разумѣется, въ предѣлахъ этой статьи предпринять полной оцѣнки всего, сдѣланнаго для науки юридической школой и ее отдѣльными представителями; единственное, на чемъ мы думаемъ остановить вниманіе читателей, это исторія той общей формулы, въ которой выразилось пониманіе русской исторіи у главнѣйшихъ представителей юридической школы. Мы думаемъ, что въ этой формулѣ заключается и очень большая заслуга юридической школы въ прошедшемъ нашей науки, и очень большой ея недостатокъ въ настоящемъ.

И такъ, начнемъ съ прошедшаго и для уясненія того новаго, что внесла юридическая школа, коснемся того стараго, что она нашла въ своемъ появленіи.

Уже въ 30 годамъ патристическая риторика Карамзина перестала удовлетворять научнымъ потребностямъ. Появлялись попытки снять риторическое моральное освѣщеніе съ отдѣльныхъ героевъ карамзинской исторіи: Погодинъ (еще ранѣе Арцыбашевъ) доказывалъ, что Иванъ IV не былъ воплощеніемъ добродѣтели въ первую половину царствованія и отъявленнымъ злодѣемъ во вторую, что Борисъ Годуновъ, можетъ быть, и не убивалъ Дмитрія.

слѣдовательно, не былъ тѣмъ наказаннымъ судьбою злодѣемъ, тою интересною трагическою персоною, которая увлекла Пушкина на страницахъ *Исторіи Государства Россійскаго*. Явился затѣмъ и принципиальный протестъ противъ воззрѣнія, по которому исторія была драмой, смыслъ которой заключался въ торжествѣ добродѣтели и наказаніи порока. Протестъ этотъ подсказывался состояніемъ западной науки. Со времени наполеоновскихъ войнъ тамъ господствовала реакція противъ рационалистическаго метода и воззрѣній XVIII в. Два проявленія этой реакціи ближе насъ касаются: это нѣмецкая историческая школа и нѣмецкая философія. Историческая школа, какъ извѣстно, ставила на мѣсто государства, основаннаго на сознательномъ договорѣ, государство, естественно возникшее въ инстинктивно-безсознательномъ періодѣ жизни человѣчества; на мѣсто личной воли законодателя, способной пересоздать природу человѣка, правовое сознание народной массы, исторически сложившееся и исторически измѣняющееся; на мѣсто космополитическаго представленія о человѣчествѣ, болѣе совершенномъ въ началѣ, чѣмъ въ концѣ своей исторіи, идею національности, составляющей одно органическое живое цѣлое и переживающей органической процессъ развитія. Съ своей стороны, нѣмецкая философія видѣла въ рядѣ національно-историческихъ процессовъ процессъ постепеннаго обнаруженія абсолютнаго духа, а каждая нація получала свое необходимое мѣсто въ этой цѣпи развитія и являлась носителемъ той или другой всемірно-исторической идеи. ✓

Оба эти направленія имѣли одинъ общій недостатокъ, противоположный недостатку французскаго рационализма: если послѣдній не видѣлъ дѣйствительности за своимъ идеаломъ, то новое направленіе забывало идеаль для дѣйствительности; если старое, проводя въ міръ откровеніе разума, не понимало исторически-даннаго, то для новаго самый фактъ существованія доказывалъ разумность существующаго; словомъ, какъ первое, будучи по существу этическимъ, претендовало на научное значеніе, такъ послѣднее, будучи по существу научнымъ, стремилось пріобрѣсти значеніе этическое. Но въ своей настоящей сферѣ это реакціонное воззрѣніе впервые давало исторіи характеръ науки, выводило объясненіе исторіи изъ узкихъ рамокъ сознательно дѣлаемаго человѣческою волей процесса, — однимъ словомъ, возвращало исторической наукѣ то цѣлостное представленіе о взаимной связи явленій, до котораго католическая философія исторіи доходила только съ помощью идеи промысла Божія, а протестантская — только съ помощью идеи прогресса.

Оба указаннныя направленія, — и историческое, и философское, — были испробованы въ русской исторіографіи еще до появленія юридической школы. На точку зрѣнія исторической школы пробовалъ стать еще въ 30 годахъ послѣднѣйшій Каченовскаго Полевой. Посвятивши Нибуру свою исторію, которая должна была быть исторіей *народа*, онъ твердилъ уже, что историкъ не есть судья, а исторія не есть сюжетъ для патріотическихъ умилеваній; что для

науки безразлично, имѣть ли она дѣло съ исторіей Китая, или съ исторіей Греціи, или съ исторіей Россіи. Но состояніе науки не было уровнемъ съ сознанными потребностями. Въ нашемъ университетѣ предавались тогда факты безъ критики—Погодиннымъ и критика безъ фактовъ—Каченовскимъ. Полевой не могъ произвести самой обработки матеріала съ точки зрѣнія западныхъ идей, и потому не пошелъ даже историческаго приложенія западныхъ выводовъ къ нашему сырому матеріалу. Столь же бесплоднымъ для науки оказалось первое перенесеніе къ намъ нѣмецкаго философскаго направленія Чаадаевымъ и Хомяковымъ. Чаадаевъ странная и одинокая личность въ исторіи нашей мысли, человекъ, который впереди двадцатыхъ годовъ и очутившійся позади тридцатыхъ, съ устарѣлыми симпатіями и съ передовою мыслью, съ новыми аргументами Шеллинга въ защиту старыхъ заблужденій де-Местра, явился первымъ выразителемъ идей нѣмецкой философіи относительно исторіи въ самомъ знаменитомъ «философическомъ письмѣ» (1836 г.). Изъ западныхъ мыслей, что исторія народа есть выраженіе какой-либо мировой идеи, что западная исторія начинала съ идеи религіозной — съ католицизма, Чаадаевъ выводилъ смѣлое заключеніе, что у насъ не было исторіи и не было ея результата—культуры, если мы не пройдемъ чрезъ эту стадію католицизма. Возраженіе напрашивалось само собой: у насъ есть своя религіозная идея—православная, и, слѣдовательно, должны быть своя исторія и своя культура. Какъ же опредѣлить ея отличительныя черты? Для этого не нужно переработки историческаго матеріала; достаточно углубиться въ суть православнаго духа, въ его различіе отъ католическаго, и въ вѣтствующую разницу въ національномъ духѣ,—романо-германскомъ и славяно-славянскомъ,—становилась сама собой понятна. Эти два направления скептиковъ и самобытниковъ, нѣсколько позднеѣ—западниковъ и славянофиловъ,—чистосердечно считали себя непримиримыми врагами. На самомъ дѣлѣ это были двѣ разныя формулы одного и того же историко-философскаго мировоззрѣнія. Оба искали идеи въ исторіи; идеи обоихъ стояли надъ матеріаломъ, надъ дѣйствительностью въ русской исторіи, не пытались объяснить ее, но даже и не соприкасаясь съ ней; поэтому оба не знали нашей наукѣ того, что было наиболѣе плодотворнаго въ нѣмецкомъ источникѣ: идеи развитія, органическаго процесса; и въ этомъ отношеніи «православный духъ» Хомякова ничуть не былъ лучше личной идеи Чаадаева; ни этотъ духъ національный, ни даже обобщенный нѣсколько позднеѣ примкнувшая къ другимъ основнымъ стихіямъ славянобытничества, никакъ не могли стать движущею пружиной какого-либо историческаго процесса, ибо сами они, и духъ, и община, оставались неизмѣнными на всемъ протяженіи исторіи и въ этой ихъ непостоянности заключалась вся соль доктрины.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ во второй разъ историческая наука и нѣмецкая философія сдѣлались источникомъ новаго воззрѣнія на

скую исторію. На этотъ разъ общія воззрѣнія шли объ руку съ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ и плодомъ этого союза была юридическая школа. Изслѣдователи, которыхъ мы соединяемъ подъ этимъ названіемъ, сходятся другъ съ другомъ не только въ томъ, что въ первый разъ чувствуютъ потребность понять исторію, какъ развивающійся процессъ; даже не только въ томъ, что этотъ процессъ всё они строятъ на смѣнѣ политико-юридическихъ формъ; мало всего этого: самыя схемы, въ которыхъ они выражаютъ смѣну этихъ формъ, въ сущности, есть одна и та же схема, исторію которой мы сейчасъ прослѣдимъ.

Основнымъ представленіемъ, изъ котораго развивались схемы юридической школы, была идея о происхожденіи государственныхъ и частныхъ правовыхъ формъ изъ патріархально-родовыхъ отношеній. Теорія родоваго быта послѣ Эверса не была совершенною новостью въ нашей литературѣ; ново было то употребленіе, которое сдѣлали изъ нея Соловьевъ и Кавелинъ. Въ одномъ и томъ же 1847 г. появились ихъ капитальныя произведенія: диссертация Соловьева *Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома* и статья Кавелина *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*. Взгляды, излагавшіеся въ обоихъ, были до такой степени близки, что нужно предположить предварительныя личныя отношенія между авторами. Диссертация Соловьева начиналась протестомъ противъ стараго—карамзинскаго и до-карамзинскаго дѣленія исторіи Россіи на періоды по внѣшнимъ признакамъ: удѣльный періодъ, монголы. Съ точки зрѣнія органическаго процесса онъ отрицалъ возможность ставить рѣзкія грани въ исторіи, не вѣрилъ, чтобы такой внѣшній фактъ, какъ монгольское иго, могъ разорвать историческое развитіе на части, и требовалъ, чтобы дѣленіе не дробило исторіи на отдѣлы, внѣшнимъ образомъ связанные, а соединяло различныя части, показывая въ нихъ единство историческаго процесса. И дѣйствительно, въ его книгѣ все выходило изъ развитія одного начала, — начала родового старшинства; опираясь на тщательное изученіе лѣтописей и грамотъ, онъ находилъ обычай родового быта въ фамиліальныхъ распорядкахъ княжеской семьи и вновь открытый «законъ» отношеній между членами этой семьи становился закономъ развитія русской исторіи. Родъ дробился на семьи, семьи снова разрастались въ роды и родовое начало не могло бы износиться само собою, если бы историческая жизнь не передвинулась на сѣверъ. Тамъ, на новомъ мѣстѣ, гдѣ князья являются хозяевами, быстро развивается понятіе о наследственной собственности, о вотчинѣ; это понятіе собственности сообщаетъ устойчивость семейному порядку наследованія; земля русская перестаетъ быть общимъ достояніемъ рода и семьи быстро изолируются другъ отъ друга; не разрастаясь болѣе въ родъ, онѣ ведутъ борьбу между собой и съ остатками родовыхъ порядковъ и въ окончательномъ результатѣ родовой порядокъ смѣняется государственнымъ. При

Иванъ IV судьба родового обычая рѣшается въ послѣдней кровавой борьбѣ, и государство одерживаетъ окончательную побѣду.

Кавелинъ исходитъ изъ той же потребности — объяснить внутреннее движеніе въ русской исторіи, объяснить, что мы дѣлали въ промежуткѣ IX — XVIII вѣковъ, — вопросъ, на который десять лѣтъ ранѣе тщетно искалъ отвѣта Чаадаевъ. Менѣе стѣснявшій себя фактическимъ матеріаломъ, Кавелинъ становится на болѣе широкую точку зрѣнія, чѣмъ Соловьевъ, ищетъ родового быта не только въ княжеской семьѣ, для которой давали матеріалъ лѣтописи, но и въ самомъ обществѣ.

Родовымъ союзомъ начинается общественная жизнь у насъ, такъ же какъ и на Западѣ. Но на Западѣ наслоеніе народностей, завоеваніе прерываетъ изолированное развитіе родового быта, а христіанская идея внутренняго человѣка, идея личности становится уже съ начала западной исторіи въ антагонизмъ съ родовымъ началомъ и въ этомъ антагонизмѣ, въ развитіи личности заключается смыслъ западнаго историческаго процесса. У насъ другое дѣло; у насъ завоеваніе не поворотило исторіи на другую дорогу, идеи личности не существовало; слѣдовательно, нашъ историческій процессъ долженъ объясняться изъ самого себя, изъ естественнаго развитія начала родового быта, а идея личности должна оказаться продуктомъ этого развитія. Затѣмъ Кавелинъ въ доисторической пустотѣ нашей исторіи свободно строитъ свою схему естественнаго развитія и разложенія рода: родъ исключительно подъ вліяніемъ естественнаго народоженія долженъ распасться на семьи, причѣмъ естественный глава рода становится выборнымъ и власть его ограничивается представителями семей, вѣчемъ домохозяевъ. Затѣмъ раздѣлившіяся семьи должны начать между собою внутреннюю борьбу, и усиленіе одной семьи, — туземныхъ князьковъ, — должно быть ея результатомъ. Послѣ перерыва между Рюрикомъ и Ярославомъ, когда господствуетъ иноземное, германское начало, въ ослабившемся потомствѣ Ярослава Кавелинъ указываетъ тотъ же, выше дедуктивно построенный процессъ: новый княжескій родъ, сообщая владѣвшій русскою землей, также распадается на семьи, съ которыми появляется идея отдѣльной, семейной собственности, вотчина; затѣмъ одна семья усиливается на счетъ другихъ, и тогда въ первый разъ является въ этой семьѣ идея личности и государства. Но родовыя и частно-владѣльческія понятія все еще опутываютъ личность и государство; постепенное освобожденіе личности — отъ родовыхъ понятій, государства — отъ вотчинныхъ и составляетъ содержаніе нашей исторіи съ Ивана III до Петра. Такимъ образомъ, эмансипація личности есть послѣднее слово вѣковаго процесса, происходившаго въ древней исторіи, и исходный пунктъ новой.

Несмотря на всю близость, теорія Кавелина стоитъ независимо отъ соловьевской. Соглашаясь съ Соловьевымъ въ главномъ, онъ, однако, вноситъ въ его построеніе два существенныхъ измѣненія. Во-первыхъ,

по его мнѣнію, выводѣ развитіе государственныхъ отношеній прямо изъ разложенія родовыхъ, Соловьевъ упускаетъ изъ вида обстоятельство, служившее двигателемъ при переходѣ отъ однихъ къ другимъ, и, переходя отъ рода къ государству, становится непонятенъ. Этимъ двигателемъ былъ именно владѣльческій интересъ, желаніе удержать за семьей добытую по родовому распорядку волость, а не отдавать ее въ родовой передѣлъ; такимъ образомъ, родовой бытъ смѣняется не государственнымъ, а частно-владѣльческимъ, семейнымъ, который уже, въ свою очередь, далеко не сразу, ведетъ къ государственному. Во-вторыхъ, упустивши изъ вида естественный двигатель перехода отъ рода къ государству, Соловьевъ долженъ былъ, по мнѣнію Кавелина, ввести искусственный. Онъ чувствовалъ, что переходъ долженъ былъ произойти посредствомъ идеи частной собственности, но, не умѣя объяснить происхожденіе частной собственности изъ самаго процесса, изъ разложенія родовыхъ отношеній семейными, долженъ былъ ввести это понятіе частной собственности извнѣ—изъ перехода исторической жизни на сѣверъ; такимъ образомъ, частная собственность выходитъ у него не слѣдствіемъ разложенія рода, а причиной. Но если не нужно, чтобъ монгольское иго прерывало теченіе историческаго процесса, то также не нужно, чтобъ прерывалъ это теченіе переѣздъ въ Суздальскую землю.

Въ результатѣ, слѣдовательно, Кавелинъ приходилъ къ еще болѣе единому представленію о ходѣ русской исторіи; вмѣсто схемы: княжескій родъ, разложеніе его при сѣверныхъ условіяхъ и государство, у него получается схема: родъ и общее владѣніе, семья и частное владѣніе, личность и государство. Схема стала менѣе осязательна, менѣе реальна, за то болѣе послѣдовательна; стала менѣе исторической, за то болѣе философской.

Первые основатели юридической школы не ставили своей теоріи въ тѣсную связь съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, въ которой стояли теоріи Чаадаева и Хомякова; они были, какъ прежде Полевой, ближе къ нѣмецкой исторической школѣ, чѣмъ къ нѣмецкой философій. Возстановить связь съ послѣдней, сообщить отысканной формулѣ русскаго историческаго процесса философское выраженіе суждено было г. Чиичерину. На этотъ разъ русская философско-историческая мысль могла взять уже болѣе у своего нѣмецкаго источника, потому что возвращалась къ нему съ новымъ, только что прибрѣтеннымъ результатомъ: мѣсто «народнаго духа», какъ ключа къ пониманію исторіи, занялъ теперь «историческій процессъ», и этотъ процессъ не представлялся съ чертами исключительно національными, какъ покойный «народный духъ», но совершался по общему для Востока и Запада закону смѣны общественныхъ союзовъ.

Философское выраженіе этого общаго закона давно уже было готово на Западѣ въ философій права и философій исторіи Гегеля. Тамъ, на своемъ мѣстѣ, философій эта имѣла если не свое оправданіе, то свое объясненіе.

Послѣ того какъ Кантъ разорвалъ связь между духомъ и міромъ, между субъектомъ и объектомъ, и послѣ того какъ испробованы были двѣ попытки возстановить эту связь, одна съ помощью субъективнаго элемента—личнаго духа Фихте, другая съ помощью объективнаго элемента—космическаго духа Шеллинга, естественна была примирительная попытка Гегеля, который и субъективный, и объективный духъ представлялъ какъ различныя ступени развитія тождественнаго въ сущности абсолютнаго духа. Съ этой точки зрѣнія субъективный духъ и въ исторіи развивается въ объективный, проявляя себя, свою свободную волю въ законахъ и учрежденіяхъ внѣшняго міра. Затѣмъ и объективный духъ въ своемъ постепенномъ обнаруженіи проходитъ три ступени развитія: на первой онъ непосредственно проявляетъ себя въ окружающей обстановкѣ, окружая себя сферой своего *права*; на второй законы и учрежденія чисто-внѣшнимъ, насильственнымъ образомъ опредѣляютъ и ограничиваютъ его волю, какъ *домъ*, наконецъ, на третьей, внѣшнее опредѣленіе воли—чувство *дома* вступаетъ въ тѣснѣйшую связь съ внутреннимъ опредѣленіемъ воли—*правомъ*, право говорить то же, чего требуетъ долгъ, и поступки человѣка, объективныя проявленія его духа пріобрѣтаютъ характеръ *нравственности*. Въ свою очередь, объективный духъ, ставши нравственнымъ духомъ, тоже проходитъ три ступени, непосредственно насъ касающіяся: непосредственно проявляется нравственный духъ въ *семьѣ*, основанной на природномъ чувствѣ любви; но съ размноженіемъ семьи, это единство нравственнаго духа разрушается, уступая мѣсто раздѣленію: отдѣльная личность становится сама для себя цѣлью и изъ соприкосновенія отдѣльных эгоизмовъ возникаетъ система взаимнаго внѣшняго и насильственнаго ограниченія—это *гражданское общество*. Наконецъ, это противорѣчіе личнаго интереса и внѣшняго ограниченія опять разрѣшается во внутреннее, разумное и нравственное единство; личный интересъ приходитъ въ гармонію съ общественнымъ интересомъ; объективный духъ достигаетъ своего высшаго нравственнаго проявленія въ *государствѣ*, составляющемъ осуществленіе нравственной идеи, преслѣдующемъ объективно-нравственныя цѣли общей пользы. Просимъ извиненія за это отступленіе; мы имѣли въ виду напомнить, изъ какихъ корней выросло знаменитое ученіе о смѣнѣ трехъ фазисовъ общественной жизни: семьи, гражданского общества и государства.

Сравнимъ теперь эту схему съ схемой Кавелина: родъ, семья, личность или общее владѣніе, вотчина, государство. Вы видите, что передѣлать остается немного: и той, и другой схемѣ общи три періода: господство кровныхъ отношеній, господство частныхъ отношеній, господство государственныхъ отношеній. Господство кровныхъ отношеній въ началѣ и господство государственныхъ отношеній въ концѣ уже были установлены Соловьевымъ; оставалось точнѣе разъяснить средній періодъ, гдѣ у Кавелина господствовала еще семья, слѣдовательно, кровныя отношенія,

а личность, лучше всего характеризовавшая періодъ частныхъ отношеній въ гражданскомъ обществѣ Гегеля, получала совсѣмъ другой смыслъ въ періодъ государственныхъ отношеній. Въ своей замѣчательной статьѣ *Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей* г. Чичеринъ внести въ формулу соответственныя поправки. Значеніе родового элемента, по его мнѣнію, слишкомъ преувеличивалось его предшественниками. Князья руководятся во взаимныхъ отношеніяхъ не степенями родства, а личнымъ интересомъ; поэтому въ духовныхъ грамотахъ господствуетъ личная воля завѣщателя; поэтому же междукняжескія отношенія опредѣляются ихъ взаимнымъ и временнымъ согласіемъ, договоромъ. Исходною точкою процесса была, несомнѣнно, связь кровная; но духовныя договорныя грамоты свидѣтельствуютъ уже о другомъ порядкѣ отношеній, основанномъ на личной волѣ. Какъ назвать этотъ порядокъ отношеній? Г. Чичеринъ предлагаетъ здѣсь слѣдующій, довольно искусственный критерій. Чѣмъ отличается государственное право отъ частнаго?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: тамъ, гдѣ есть договоръ между сторонами, тамъ нѣтъ еще государства, гдѣ есть государство, не можетъ быть договора между властью и подданными. Слѣдовательно, рассматриваемый періодъ и есть періодъ господства частнаго права—гражданское общество. Все это разсужденіе кажется намъ юридическимъ софизмомъ, основаннымъ на недоказанномъ положеніи, что мыслимо только одно государство современное, что всѣ формы общезитія, предшествовавшія современной, не были государствомъ, ибо не сознавали себя таковымъ. И такъ, положеніе г. Чичерина можетъ имѣть только одинъ смыслъ, что старая Русь не имѣла никакого понятія о государствѣ. Но и наше понятіе о государствѣ можетъ быть довольно разнообразно: конституціонное государство не то, что социалистическое, правовое государство не то, что полицейское, нравственное же и разумное государство Гегеля, которое имѣть въ виду г. Чичеринъ, вообще не есть какое-либо реальное государство, а нѣкоторая метафизическая идея. Такимъ образомъ, когда мы отрицаемъ эти государственный идеи у прошедшаго, мы не отрицаемъ еще, однако, нѣкотораго государственнаго строя въ прошедшемъ; назвать же этотъ строй частно-правовымъ строемъ не значить ли, отказавши прошедшему въ одномъ изъ нашихъ понятій, навязывать ему другое наше же понятіе? Понятія частнаго и государственнаго права суть, во всякомъ случаѣ, понятія координированныя; идея о частномъ правѣ и его предѣлахъ зависитъ всегда отъ идеи о государственномъ правѣ и его предѣлахъ; и такъ, каждому времени свойственно свое особое представленіе о томъ и другомъ; тамъ, гдѣ оба смѣшаны, тамъ нѣтъ ни того, ни другаго, и характеризовать государственный строй какъ частно-правовой въ такую эпоху столь же справедливо, какъ называть ея частно-правовыя отношенія государственными.

Справедливость требуетъ прибавить, что это превращеніе втораго и третьяго періода юридической формулы въ метафизическія абстракціи не

помѣшало г. Чичерину подарить русскую науку такими трудами, которые останутся классическими долго послѣ того, какъ мы перестанемъ понимать философскую точку зрѣнія автора.

Переходимъ къ послѣдней редакціи нашей формулы у профессора Сергѣевича. Имя г. Сергѣевича можетъ удивить, пристегнутое къ школѣ, первымъ представителемъ которой мы назвали Соловьева. Многимъ памятна та борьба, которую велъ профессоръ Сергѣевичъ противъ самыхъ основныхъ положеній соловьевской теоріи (въ своей диссертаци *Въче и князь*. 1867 г.). Дѣйствительно, послѣдній видъ юридической схемы мало сохранилъ отъ первоначальнаго. Но у насъ въ рукахъ всѣ промежуточные звенья, и пр. Сергѣевичъ плотно примыкаетъ къ послѣднему, къ формулѣ г. Чичерина. Но опять въ редакціи пр. Сергѣевича формула приобретаетъ нѣчто новое. Если Кавелинъ думалъ сообщить формулѣ Соловьева больше единства, выведя ее исключительно изъ внутренняго развитія одного, первоначально даннаго родоваго принципа, если г. Чичеринъ сообщилъ ей еще болѣе единства, придавъ этому реальному, фактическому развитію характеръ логической и философской необходимости, то пр. Сергѣевичъ продолжалъ ихъ дѣло, постаравшись выкинуть изъ формулы всѣ неюридическіе моменты. Нравственная связь между членами родоваго союза не есть элементъ юридическій. Слѣдовательно, когда содержаніемъ формулы дѣлаютъ смѣну юридическихъ формъ, нельзя считать первую изъ такихъ формъ родовыя отношенія. Пр. Сергѣевичъ потратилъ очень много усилій, чтобы доказать, что подчиненіе младшихъ князей старшему не есть ихъ юридическая обязанность, а власть старшаго не есть его право, какъ утверждалъ Соловьевъ въ своей диссертаци. Это было не такъ трудно сдѣлать, потому что самъ Соловьевъ оговаривался, что «эти обязанности и права условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ»; такимъ образомъ, его родовыя отношенія не допускали точнаго юридическаго выраженія и въ глазахъ юриста изъ дѣйствующей системы права превращались въ идеальныя порядоки нравственныхъ отношеній, одобряемый обычаемъ, но вовсе не тождественныя съ дѣйствительностью. Теперь, если отстранить это неюридическое *содержаніе* отношеній между князьями, останется юридическая голая *форма*: отношенія эти сводятся или къ войнѣ, или къ договору. Конечно, родственныя элементъ этимъ исключеніемъ не вычеркивается вовсе изъ числа мотивовъ, опредѣляющихъ княжескія отношенія, и самъ г. Сергѣевичъ призналъ это въ послѣднее время, введя нѣсколько лишнихъ фразъ въ переизданный текстъ своей диссертаци (*Изсѣдованія и лекціи по исторіи права*, стр. 337). Но, съ другой стороны, то, что составляло заслугу въ схемѣ Соловьева, — идея о развитіи отношеній, — было потеряно. Съ юридической точки зрѣнія договоръ всѣхъ временъ и народовъ есть одна и та же форма; немудрено, что для пр. Сергѣевича въ нашей исторіи нѣтъ періодовъ, нѣтъ развитія, пока въ ней господ-

ствуеть договоръ, какъ форма политическихъ отношеній; договоръ съновей Ярослава и договоръ Ивана III совершенно одно и то же. Припомнивъ теперь, что договоръ составляетъ характерную черту второго періода у г. Чичерина, мы найдемъ, что у пр. Сергѣевича этотъ періодъ разрастается далеко вглубь русской исторіи, захватывая самое начало ея и вытѣсняя совершенно «безплотный призракъ родового быта» (выраженіе Ю. Самарина), отъ котораго пошла юридическая школа въ своихъ построеніяхъ. Въ позднѣйшемъ трудѣ пр. Сергѣевича (въ *Лекціяхъ по исторіи права*, перепеч. изъ *Сб. Гос. Знаній*. Т. VII. 1879 г.), находимъ и недостающія части схемы, правда, въ не совсѣмъ обычной для нея обстановкѣ, среди позднѣйшихъ мыслей о значеніи сравнительнаго метода, о прогрессѣ, какъ дифференціаціи, и о прогрессѣ, какъ улучшеніи *). Авторъ признаеть, что «каждый народъ переживаетъ нѣкоторыя послѣдовательныя состоянія, которыя и должны быть открыты исторіей». При сравненіи различныхъ народовъ должно оказаться нѣчто «сходное въ общемъ ходѣ движенія». Далѣе мы видимъ, что этотъ общій ходъ движенія уже открытъ и формулированъ авторомъ. Такъ какъ, по его мнѣнію, смыслъ исторіи заключается въ борьбѣ личнаго и общественнаго начала, то историческая эпоха должна дѣлиться на два періода: періодъ «преобладанія частной, личной воли», юридическое выраженіе котораго есть договоръ, и періодъ подчиненія личной воли цѣлому, волѣ государственной. Встрѣчаемъ и предшествующій обоимъ періодъ доисторическій, куда перенесена «стадія патріархальная» нашей исторіи. И такъ, мы имѣемъ дѣло съ знакомою намъ формулой г. Чичерина. Мы видѣли, однако, что та формула находила свое основаніе въ гегелианскомъ міровоззрѣніи историка; чѣмъ же мотивируется она теперь, послѣ крушенія поддерживавшихъ ее элементовъ? Идея послѣдовательной смѣны формъ есть мотивъ еще очень общій; притомъ, пр. Сергѣевичъ рекомендуетъ для отысканія этой послѣдовательности очень длинный путь—сравненіе различныхъ исторій; слѣдовательно, его схема получена не этимъ путемъ. Находимъ, дѣйствительно, другой мотивъ: исторія представляется какъ борьба двухъ началъ—личности и общества. Но эта мотивировка нѣсколько неосторожна. Схематизація фактовъ науки объ обществахъ подъ двѣ приведенныя рубрики есть слѣдствіе неловкаго эклектизма сорбонскихъ профессоровъ 20 годовъ, Гизо и Кузена, съ тѣми ихъ послѣдователями, которые зачѣмъ-то стараются примирить двѣ несоизмѣримыя точки зрѣнія, спасти чудо свободной воли отъ монополіи научныхъ законовъ и естественной необходимости. При этомъ личности отводится почетное мѣсто; какъ у Кавелина, она характеризуетъ собой развитіе новаго времени, а мы ви-

*) Уже изъ этихъ указаній видно, что сказанное о пр. Сергѣевичѣ не есть полная характеристика его мнѣній. Мы говоримъ здѣсь о пр. Сергѣевичѣ только какъ объ одномъ изъ эпигоновъ юридической школы; другими сторонами своихъ воззрѣній онъ примыкаетъ къ другимъ направленіямъ нашей науки.

дѣли, что у г. Чичерипа, какъ и у Гегеля, господство личности есть } признакъ неразвитости общественнаго союза; индивидуализмъ личности } есть низшая ступень въ развитіи духа; идея личности въ этомъ смыслѣ } во- все не связана съ идеей свободы и не противопоставляется обществу, какъ внѣшнему стѣсненію; напротивъ, внѣшнее стѣсненіе есть непосредственное слѣдствіе произвола личности, современно ему и совершенно несовмѣстимо съ гегелевскою идеей государства, воплощающаго свободу. Такимъ образомъ, мы видимъ, что выводы одной философіи исторіи мотивируются у пр. Сергѣевича основными положеніями другой; по одной личность эмансипируется отъ государства, по другой государство развивается изъ личности; по одной личность и государство понятія политическія, по другой понятія метафизическія.

Прежде чѣмъ дѣлать общій выводъ изъ движенія общихъ идей юридической школы, представимъ себѣ еще разъ разобранныя схемы и ихъ взаимное отношеніе:

1)	родовыя отношенія		государственныя отношенія.
2)	родъ и общее владѣніе		семья и отд. собственность государство и личность.
3)	остатки рода		гражд. общество и личное начало господство государств. начала.
4)	господство личности		господство государства.

Сравнивая эти схемы, мы можемъ сдѣлать любопытное наблюденіе. Чѣмъ далѣе онѣ развиваются, тѣмъ болѣе въ нихъ оказывается единства и тѣмъ менѣе реального содержанія. Въ схемѣ Соловьева весь первый періодъ собственно неюридическаго характера; а переходъ ко второму производится помощью факта опять-таки неюридическаго, а географическаго и социальнаго, — новыхъ условій жизни на сѣверѣ. Схема Кавелина, устраняя послѣднее объясненіе, для смѣны общественныхъ союзовъ ищетъ причинъ въ смѣнѣ правовыхъ институтовъ: въ исторіи собственности (переходъ отъ родовой къ частной) до Петра, въ исторіи развитія личныхъ правъ послѣ Петра. Въ схемѣ оказывается единство юридическаго принципа, но нѣтъ еще единства въ основѣ дѣленія: выбраны явленія двухъ разныхъ отдѣловъ права, и, замѣтьте, оба скорѣе съ социальнымъ, чѣмъ съ политическимъ оттѣнкомъ. Наконецъ, г. Чичеринъ даетъ формулѣ это недостающее логическое единство: его *fundamentum divisionis* есть развитіе одного юридическаго начала — государственности. Въ проявленіяхъ личной воли князя и въ правительственной организаціи Московскаго государства (*Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*) г. Чичерину дѣйствительно удается подмѣтить нѣсколько существенныхъ моментовъ въ исторіи нашего государственнаго начала. Конечно, государство, какъ высшее проявленіе гегелевскаго объективнаго духа, исчерпываетъ собой все содержаніе историческаго развитія, и понятна претензія въ исторіи государственности видѣть полную философію нашей исторіи. Но разъ снята эта философская рамка, бѣд-

ность содержания поражаетъ насъ въ формулѣ пр. Сергѣевича и самыя термины, сохранившіеся отъ другаго міровоззрѣнія, становятся непонятными. Что такое господство личности въ древней Руси, если не разумѣть подъ этимъ простаго отрицательнаго понятія, т.-е. отрицанія государственной организаціи въ этотъ періодъ? Въ такомъ случаѣ, смыслъ формулы пр. Сергѣевича будетъ тотъ, что историческій процессъ заключается въ усовершенствованіи общественной организаціи въ одномъ частномъ ея проявленіи, въ развитіи государственнаго начала. Въ этомъ своемъ выраженіи формула юридической школы сама ясно указываетъ причину своей недостаточности и сама объясняетъ намъ, почему въ своемъ наиболѣе послѣдовательномъ, слѣдовательно, наиболѣе удачномъ выраженіи у пр. Сергѣевича она является и наиболѣе бесплодной, почему вмѣсто философіи русской исторіи она даетъ намъ рядъ символовъ, лишенныхъ значенія. Государственная власть есть одно изъ проявленій общественной организаціи, а общественная организація сама зависитъ отъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общество. Въ нашей схемѣ мы видимъ юридическую форму, для объясненія которой необходимо изслѣдованіе наполняющаго ее соціальнаго матеріала.

Задача этой статьи исключительно критическая. Если бы мы захотѣли изложить, какіе новые взгляды и направленія въ наше время предъявляютъ права на наслѣдство юридической школы, развивая ее далѣе или предлагая новые пути для нашей науки, у насъ нашлось бы скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало матеріала. Вотъ почему, рискуя даже оставить картину болѣе мрачной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, мы предложимъ въ заключеніе только итоги всего предъидущаго.

Значеніе юридической школы громадно въ нашемъ прошедшемъ. Она навсегда покончила съ періодомъ патріотизма и съ этической точкой зрѣнія въ нашей наукѣ, приучила къ идеѣ закономѣрности и взаимной связи явленій, наконецъ, дала первое динамическое представленіе о нашей исторіи, сколько-нибудь гармонизировавшее съ этою идеею закономѣрности. Но она не могла сдѣлать невозможнаго: не могла замѣнить дѣйствительнаго изученія нашей исторіи. Было бы, конечно, нелѣпостью говорить, что юридическая школа не изучала русской исторіи; но сказать, что она не изучила тѣхъ сторонъ ея, которыя подсказывались ея теоріей, будетъ вполне справедливо. Только два раза теорія эта непосредственно, сама по себѣ, вызвала переработку сыраго матеріала: у Соловьева въ исторіи междуцарственныхъ отношеній и у г. Чичерина въ названныхъ выше работахъ. Но и въ эти оба раза новыя изслѣдованія примыгали къ отдѣлу, наиболѣе изученному уже до юридической школы,—къ исторіи государственнаго начала. Соловьевъ строилъ фундаментъ школы изъ матеріаловъ, изученныхъ подъ руководствомъ Погодина. На Западѣ сила новаго направленія заключалась не столько въ схемахъ, быстро устарѣвшихъ вмѣстѣ съ создавшимъ ихъ міровоззрѣніемъ, сколько въ новомъ методѣ, въ

новыхъ приемахъ и задачахъ научнаго изслѣдованія. Естественно, что этотъ методъ, подарившій западную литературу трудами Савиньи и Эйхгорна, не могъ замѣнить собою для нашей науки недостававшего ей содержанія. Между тѣмъ, несмотря на это преобладаніе схемы надъ содержаніемъ, юридическая формула являлась въ наукѣ съ претензіей быть высшимъ синтезомъ, полною философіей исторіи. Неудивительно, что и во время своего господства эта формула не могла ни убѣдить, ни удовлетворить противниковъ юридической школы. И теперь, когда безсиліе ея можно доказывать, не отрицая, въ то же самое время, ея основныхъ методическихъ принциповъ, легче будетъ согласиться, что въ возраженіяхъ противниковъ была большая доля правды. Правъ былъ по своему и Б. Аксаковъ противъ Соловьева, и Н. Крыловъ съ Ю. Самаринымъ противъ г. Чичерина, когда они говорили, что новое направленіе изучаетъ однѣ формы, что за формами не видать «духа» у этихъ историковъ. И даже отсталыя нѣкогда слова Погодина, этого вѣрнаго стража науки отъ всяческихъ теорій, становятся почти современными: «никакая теорія, даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны, повторю въ сотый разъ, прежде нежели соберутся, очистятся, провѣрятся, утвердятся быти, дѣи». Все это правда,—и, все-таки, мы не пойдемъ на новые поиски за русскимъ «духомъ» вслѣдъ за славянофилами и не промѣняемъ метода юридической школы на «математическій» методъ Погодина; юридическая школа легла между нами и своими противниками, навсегда избавивъ насъ и отъ науки Погодина, и отъ философій славянофильства.

П. Милуновъ.

Воспоминанія о Джоржѣ Эллиотѣ.

Изданная въ прошломъ году *Жизнь Джорджа Эллиота по ея письмамъ и отрывкамъ изъ ея дневника* *) живо заинтересовала всѣхъ читателей этой замѣчательной писательницы и первое англійское изданіе этой книги, несмотря на весьма высокую цѣну, разошлось въ Англии въ нѣсколько недѣль. Столь ненавистная англійскимъ издателямъ фирма *Tauchnitz* тоже не замедлила воспользоваться своимъ правомъ безвозмездно перепечатывать всѣ замѣчательныя произведенія англійской литературы, и въ этомъ изданіи переписка Джоржа Эллиота уже проникла, вѣроятно, въ круги русскихъ читателей. Для многихъ, впрочемъ, книга эта была до нѣкоторой степени разочарованіемъ. Частная жизнь великихъ людей всегда возбуждаетъ въ публикѣ значительное любопытство, которое еще усиливается, разумѣется, когда дѣло касается частной жизни «знаменитой» женщины. Кромѣ того, въ жизни Джоржа Эллиота, какъ извѣстно по ея многочисленнымъ, уже опубликованнымъ биографіямъ, были нѣкоторые факты, довольно странные и любопытные съ психологической точки зрѣнія и не нашедшіе себѣ отголоска и истолкованія ни въ одномъ изъ ея романовъ. Многіе привѣтствовали поэтому изданіе ея переписки съ друзьями въ надеждѣ, что если письма ея и не откроютъ какихъ-нибудь новыхъ, еще неизвѣстныхъ большинству публики событій ея жизни, то, во всякомъ случаѣ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на ея внутренній міръ, на ея отношеніе къ этимъ событіямъ и на сокровенные мотивы, руководившіе ея дѣйствіями. Но въ этомъ отношеніи ожиданія совершенно не оправдались, да и не могли оправдаться. Переписка эта, изданная вторымъ мужемъ Джоржа Эллиота, м-ромъ Кроссъ, всего пять лѣтъ послѣ ея смерти, содержитъ лишь избранныя и тщательно просмотрѣнныя ея письма, изъ которыхъ исключено, повидимому, все, имѣющее слишкомъ личный, интимный характеръ. Иначе, разумѣется, въ виду данныхъ обстоятельствъ, и быть не могло. Во всей этой довольно многочисленной и

*) *George Eliots life as related in her letters and journals. Arranged and edited by her husband J. W. Cross.*

объемистой перепискѣ Джоржъ Эллиотъ говорить обо всемъ, только не о самой себѣ. Поэтому матеріаломъ для біографіи Джоржа Эллиота эта переписка врядъ ли можетъ служить; въ своихъ письмахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя опубликованы теперь, также какъ и въ своихъ романахъ, она никогда не показываетъ намъ и не объясняетъ самою себя; если читатель все же хочетъ узнать ее, то онъ долженъ, такъ сказать, самъ отыскивать ее, угадывать ее по легкимъ намекамъ, ловить каждое мимолетное замѣчаніе, да и то, я думаю, ему лишь въ томъ случаѣ удастся вызвать ясный образъ ея, если у него у самого въ душѣ есть отзывныя, симпатичныя ей струны; въ противномъ случаѣ она сама и многое въ ея дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ останется для него неяснымъ и загадочнымъ.

Наибольше всего интереса представить, я думаю, эта переписка для тѣхъ, кто лично зналъ эту замѣчательную женщину. Къ числу этихъ счастливцевъ принадлежала и я и мнѣ, читая ея письма, такъ живо вспоминались нѣкоторые изъ нашихъ разговоровъ съ нею, и она сама, съ ея тихимъ, плавнымъ, симпатичнымъ голосомъ, съ ея нѣсколько вычурною, немножко «книжною» манерой выражаться и съ ея очень своеобразною привычкою вся какъ бы уходить въ предметъ разговора, такъ живо воскресла передъ моими глазами, что мнѣ пришло невольное желаніе поговорить о ней и рассказать о моемъ съ ней знакомствѣ.

Я познакомилась съ нею въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ это время я сама только что начала заниматься математикою подъ руководствомъ извѣстнаго берлинскаго профессора Вейерштрассе и, пользуясь одними изъ осеннихъ каникулъ въ нѣмецкихъ университетахъ, пріѣхала на нѣсколько недѣль въ Лондонъ. Знакомствъ и связей въ литературномъ мірѣ у меня въ то время еще почти совѣмъ не было. Былъ у меня, правда, одинъ общій знакомый съ семьею Люисовъ,—м-ръ Ральстонъ, одинъ изъ директоровъ британскаго музея и одинъ изъ немногихъ англичанъ, знающихъ русскій языкъ и русскую литературу. Его рассказы о Джоржѣ Эллиотѣ и о разныхъ подробностяхъ ея частной жизни еще усилили то восторженное поклоненіе, которое я въ то время питала къ ея сочиненіямъ, и еще увеличили мое желаніе познакомиться съ нею лично. На бѣду, моего знакомаго именно не было въ Лондонѣ ко времени моего пріѣзда. Послѣ многихъ колебаній я рѣшилась, наконецъ, написать Джоржу Эллиоту и высказать ей мое желаніе познакомиться съ нею. Она отвѣтила мнѣ тотчасъ же очень любезнымъ письмомъ, въ которомъ сообщила мнѣ, что слышала уже обо мнѣ отъ одного англійскаго математика, встрѣтившаго меня случайно на лекціяхъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, и, съ своей стороны, тоже очень желаетъ познакомиться со мною. Она назначила мнѣ время, когда я могу навѣрное застать ее дома и побесѣдовать нѣсколько часовъ съ нею и ея мужемъ, м-ромъ Люисомъ, наединѣ.

Само собою разумѣется, что въ назначенный день я не преминула явиться по ея приглашенію. М-ръ Люисъ и Джоржъ Эллиотъ занимали въ это время небольшой домикъ на John Wood's road, очень хорошенькой части Лондона, богатой частными садами. Молоденькая горничная, чистая и чопорная, какъ всѣ англійскія горничныя, ввела меня въ довольно просторную гостиную, меблированную довольно нарядно, но безъ всякой претензіи на оригинальность, по шаблону типической гостиной въ «порядочномъ» англійскомъ домѣ.

Мистеръ Люисъ и Джоржъ Эллиотъ уже ждали меня и любезно вышли мнѣ на встрѣчу. Я должна сознаться, что при первомъ взглядѣ на Джоржа Эллиота во мнѣ возникла смутная, отчаянная надежда, что я ошибаюсь, что это не она, а другая: до такой степени показалась она мнѣ стара, дурна, а, главное, такъ не похожа на тотъ образъ, который я въ воображеніи составила себѣ о ней. Я никогда передъ тѣмъ не видѣла ея портрета; м-ръ Ральстонъ, говоря о ней, отзывался о ней такъ, что она, разумѣется, вовсе не красива, но что у ней очень хорошіе глаза и волосы и что она вообще необыкновенно симпатична. Въ моемъ воображеніи, какъ-то незамѣтно для меня самой, сложился очень опредѣленный, рельефный образъ идеальной Джоржъ Эллиотъ. Но, увы, теперь вдругъ оказалось, что образъ этотъ нисколько не походитъ на дѣйствительность. Небольшая, худощавая фигурка съ непропорціонально большою, тяжелою головою, ротъ съ огромными, выдающимися впередъ «англійскими» зубами, носъ, хотя и правильнаго, красиваго очертанія, но слишкомъ массивный для женскаго лица, какая-то старомодная, странная прическа, черное платье изъ легкой, полупрозрачной ткани, выдающее худобу и костлявость шеи и рѣзче выставляющее на видъ болѣзненную желтизну лица,—вотъ что, къ ужасу моему, представилось мнѣ въ первую минуту. Я еще не успѣла опомниться отъ моего замѣшательства, когда Джоржъ Эллиотъ подошла ко мнѣ и заговорила своимъ мягкимъ, чуднымъ, бархатнымъ голосомъ. Первые звуки этого голоса вдругъ прижирили меня съ дѣйствительностью и возвратили мнѣ мою Джоржъ Эллиотъ, *ту*, которая жила въ моемъ воображеніи. Никогда въ жизни не слыхала я болѣе мягкаго, вкрадчиваго, «чарующаго» голоса. Когда я читаю извѣстныя слова Отелло о голосѣ Дездемоны, мнѣ всегда невольно вспоминается голосъ Джоржа Эллиота.

Она усадила меня на маленькомъ диванѣ рядомъ съ собою и между нами вдругъ, совершенно естественно, завязался такой искренній, простой разговоръ, какъ будто бы мы уже были давнишними знакомыми. Въ настоящую минуту я не могу даже припомнить, о чемъ именно мы говорили при этой первой нашей встрѣчѣ; я не могу сказать, было ли что-либо очень умное или оригинальное въ томъ, что она говорила, но я знаю, что не прошло и полчаса, какъ я уже совершенно поддалась ея обаянію, какъ я уже чувствовала, что ужасно люблю ее и что настоя-

шая Джоржъ Эллиотъ въ десять разъ лучше и прекраснѣе моей воображаемой. Я рѣшительно не въ состояніи описать и объяснить, въ чемъ именно заключалось то своеобразное, бесспорное обаяніе, которому невольно подчинялся каждый, кто только имъ приближался къ ней. Я думаю, было бы совершенно невозможно объяснить это человѣку, самому не попытавшему чего-либо подобнаго; но, навѣрное, каждый, сколько-нибудь близко знавшій Джоржа Эллиота, подтвердитъ мои слова. Тургеневъ, который, какъ извѣстно, былъ большой поклонникъ и цѣнитель женской красоты, говоря со мною разъ о Джоржѣ Эллиотѣ, выразился о ней такъ: «Я знаю, что она дурна собою, но когда я съ ней, я не вижу этого». Онъ говорилъ также, что Джоржъ Эллиотъ первая заставила его понять, что можно безъ ума влюбиться въ женщину безусловно, бесспорно и красиво.

Что касается меня, то каждый разъ въ послѣдствіи, когда я послѣ нѣкотораго отсутствія опять встрѣчалась съ нею, я неизмѣнно поражалась ея наружностью и говорила себѣ: «нѣтъ, она дѣйствительно очень дурна», но не проходило и получаса, какъ я уже сама удивлялась, какъ это я когда-либо могла находить ее безобразною.

Всѣ знавшіе Джоржа Эллиота всегда вспоминаютъ ту особую прелесть, то особое наслажденіе, которое испытывали при разговорѣ съ нею. Между тѣмъ, мнѣ очень рѣдко приходилось слышать, чтобы кто-нибудь припоминалъ что-либо особенно глубокое, оригинальное или остроумное изъ всего сказаннаго ею. Такъ называемыхъ *bons mots* она никогда не говорила, разскащица была плохая и въ общемъ разговоръ тоже мало выдѣлялась, даже рѣдко принимала въ немъ участіе. За то она въ высшей степени владѣла искусствомъ, такъ сказать, втягивать человѣка въ разговоръ; она не только на лету ловила и угадывала мысли того лица, съ которымъ говорила, но словно подсказывала ихъ ему, какъ бы бессознательно руководила ходомъ его мысли. «Я никогда не чувствую себя такимъ умнымъ и глубокимъ, какъ во время разговора съ Джоржемъ Эллиотомъ»,—сказалъ мнѣ однажды одинъ нашъ общій пріятель, и я должна признаться, что сама не разъ испытала тоже самое. Можетъ быть, именно въ этомъ-то ощущеніи легкости мысли и довольства собою, которыя она бессознательно заставляла возникать въ душѣ своего собесѣдника, и заключался главный секретъ ея обаятельности.

Что касается мистера Люкса, то это былъ живой, сухощавый, подвижной человѣкъ, принадлежащій къ тому типу людей, возрастъ которыхъ очень трудно опредѣлить, которые старообразны въ двадцать и молодые въ пятьдесятъ лѣтъ. Пресловутой англійской степенности и замкнутости мало было въ этомъ живомъ человѣкѣ, который, казалось, минуты не могъ посидѣть на мѣстѣ спокойно, у котораго во время разговора такъ и прыгали въ дополненіе къ словамъ и глаза, и руки и словно передергивалась каждая жилка на его некрасивомъ, сморщенномъ лицѣ.

Люисъ былъ тоже очень дурень собою, но у него было именно такъ называемое умное безобразіе, съ которымъ легко свмыкнуться и привыряться. Онъ говорилъ охотно и много; любилъ разсказывать и при случаѣ поострить; разговоръ его вообще былъ интересенъ и оригиналенъ и обличалъ въ немъ большую начитанность. Онъ съ какииъ-то дѣтскимъ любопытствомъ и простодушіемъ разспрашивалъ меня о томъ, цѣнить ли въ Россіи произведенія его жены и его собственныя. Онъ рѣшительно пришелъ въ восторгъ, когда я сообщила ему, какой успѣхъ имѣла у насъ *Физиологія обыденной жизни*, пользовавшаяся въ то время особенною популярностію, и разсказала ему шутя, что стоитъ у насъ барышнѣ прочесть эту книгу или даже попросту украсить ею свой письменный столъ, чтобы тотчасъ же прослыть современной и развитой.

Услышавъ это, онъ такъ и залился самымъ искреннимъ, веселымъ и простодушнымъ смѣхомъ; но за то его, повидимому, очень опечалило, когда на его вопросъ, читала ли я его романъ *Ракторъ*, я принуждена была отвѣтить отрицательно.

Трудно представить себѣ бѣдшій контрастъ, чѣмъ тотъ, который представляли собою Люисъ и Джоржъ Эллиотъ. Она натура замкнутая, чуткая до болѣзненности ко всякому диссонансу, всегда живущая въ какомъ-то собственномъ, ею созданномъ мірѣ и способная владать въ грубѣйшіе промахи и ошибки при всякомъ столкновеніи съ дѣйствительностію; онъ же, наоборотъ, весь отдающійся впечатлѣнію данной минуты, съ настойчивою потребностію немедленной, кипучей дѣятельности, съ удивительнѣйшею способностію охватывать умомъ вещи наиболѣе разнородныя и безъ всякаго, повидимому, усилія перескакивать съ одного предмета на другой и тотчасъ же популяризировать и облекать въ вещественную, осязательную форму понятія наиболѣе отвлеченныя, — трудно и представить себѣ двѣ природы, обѣ самобытныя и даровитыя, но болѣе противоположныя другъ другу, чѣмъ они. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и сомнѣнія, что именно эти-то претивуположности подѣйствовали крайне благотворно на развитіе таланта обоихъ. Люисъ съ какииъ-то даже наивнымъ преувеличиваньемъ любилъ выставять на видъ превосходство Джоржа Эллиота и ея безусловное вліяніе на него. Съ другой же стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что именно эти-то несвойственныя ей самой качества или недостатки Люиса послужили, такъ сказать, первымъ толчкомъ для развитія таланта Джоржа Эллиота. Она принадлежала именно къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ чуткость и критика способны развиться до болѣзненности, до загубленія всякаго творчества. Сойдись она въ молодости съ человѣкомъ, болѣе похожимъ на нее самою, обоимъ угрожала бы опасность замкнуться въ себѣ, не высказаться вовсе изъ боязни высказаться не вполнѣ, опозлить свою задушевную мысль. Но для психолога интересно было бы знать, какъ сказывалась эта претивуположность природы на частной, личной жизни обо-

еихъ? Страстная, не вполне свободная даже отъ склонности къ ментальности и расплывчатости, Джоржъ Эллиотъ не могла не страдать отъ легкости, подвижности, иногда поверхностности натуры Льюиса; она же, съ своей стороны, уже навѣрное возмущалась не разъ противъ нравственнаго вѣста, который она бессознательно налагала на него.

Вообще вся исторія Льюиса и Джоржа Эллиота представляетъ чрезвычайно интересный психологическій этюдъ.

Джоржъ Эллиотъ—миссъ Ивансъ—происходила, какъ извѣстно, изъ небогатаго, но очень почтеннаго семейства мелкой англійской буржуазіи принадлежала, слѣдовательно, къ наиболѣе консервативной, узко-книжной-моральной средѣ, какая, можетъ быть, существуетъ во всемъ мірѣ. Въ этой средѣ она выросла, воспиталась и прожила въ ней, разумеется, и безъ внутренняго протеста, но, во всякомъ случаѣ, безъ всякой рѣшительной попытки вырваться изъ нея до тридцати двухъ лѣтъ, т.-е. до возраста, когда по старымъ понятіямъ жизнь женщины уже почти кончена. Быть можетъ, она и теперь не вырвалась бы изъ этой среды, если бы внѣшнія обстоятельства (смерть отца, распаденіе семьи и необходимості зарабатывать себѣ собственный кусокъ хлѣба) не вытѣснили ее оттуда почти насильственно. И вотъ послѣ такого воспитанія, послѣ такого образомъ проведенной молодости миссъ Ивансъ, начавъ свою литературную карьеру писаніемъ критическихъ статей въ *Westminster Review*, соединяется съ Льюисомъ, человѣкомъ женатымъ, но разошедшимся съ женою. Сначала дружится съ нимъ, какъ съ добрымъ пріятелемъ, товарищемъ по ремеслу, съ которымъ можно весело и безъ стѣсненія пошутить и пошутиться, пойти вмѣстѣ въ театръ, убить свободный отъ работы вечеръ. Онъ представляетъ изъ себя даже въ извѣстной степени родъ соперника въ ея одинокой лондонской жизни; и такъ и всѣ окружающіе смотрятъ на ихъ отношенія, никому и въ голову не входитъ, что тутъ можетъ быть что-либо другое. Но вдругъ отношенія мѣняются. Во всеобщему ужасу и удивленію, она уѣзжаетъ съ Льюисомъ за границу, и начинаетъ жить съ нимъ открыто и публично объявляетъ себя его женою. Несмотря на существованіе другой, законной, хотя и покинувшей семью мистрисъ Льюисъ, т.-е. рѣшается на шагъ, который сразу и безвозвратно ставитъ ее въ разрѣзъ со всѣмъ ея прошлымъ и навсегда исключаетъ ее изъ ряда «порядочныхъ» женщинъ. Фактъ этотъ, самъ по себѣ, не такъ извѣстенъ въ Россіи и въ наше время, разумеется, не представлялъ бы изъ себя ровно ничего необычнаго и любопытнаго, но чтобы оцѣнить его психологическій интересъ, не надо забывать, что онъ происходитъ 35 лѣтъ тому назадъ въ Англій, въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе дѣйствительно представляетъ изъ себя всеяльнаго божка, строго и пощадно карающаго каждаго, кто дерзнетъ пойти наперекоръ его апелляціоннымъ постановленіямъ.

И вотъ что всего страннѣе: чѣмъ ближе изучаешь характеръ Джоржа

Эллиота по ея сочиненіямъ, тѣмъ труднѣе становится понять и уяснить себѣ психологическую подкладку этого факта. Первое, что приходитъ на умъ при подобныхъ обстоятельствахъ, это, разумѣется, сослаться на страсть. Когда въ дѣло замѣшается страсть, то всякое противорѣчіе становится естественнымъ, всякая непослѣдовательность логичною; всеподавляющая и всепоглощающая важность и значительность данной минуты, въ глазахъ дѣйствующаго лица, вполне затемняетъ и заслоняетъ для него какъ прошедшее, такъ и будущее, поэтому всякія дальнѣйшія объясненія становятся излишними. Вотъ вслѣдствіе этого, когда читаешь, напримѣръ, романы Джоржъ Занда и вдумываешься въ ея біографію, то послѣ перваго невольнаго изумленія, которое испытываешь передъ нѣкоторыми фактами въ ея жизни, потомъ уже ровно ничему не удивляешься; все начинаетъ казаться вполне понятнымъ и естественнымъ, лишь только проикнешься тою интензивностью жизни, тою необузданностью желанія, которыя должны были переполнять все ея существо въ инныя минуты ея жизни и передъ которыми блѣднѣли всѣ обычные соображенія. Но совершенно иное дѣло относительно Джоржа Эллиота. Именно страсть, не разсуждающая, нелогичная страсть чужда, повидимому, ея натурѣ, по крайней мѣрѣ, если судить по ея сочиненіямъ. Ихъ основная нота, ихъ вѣчно возвращающійся мотивъ состоитъ въ глубокомъ, прочувствованномъ признаніи единства всей цѣпи человечества, ничтожества всякой отдѣльной личности, лишь только она пытается вырваться изъ этой цѣпи, и ея важности и значенія, когда она подчиняетъ свои дѣйствія, желанія общей волѣ, живетъ общею жизнью. Читая романы Джоржа Эллиота, очень трудно представить себѣ, чтобы она сама когда-либо испытала минуту той одуряющей страсти, подъ влияніемъ которой вся жизнь можетъ вдругъ, неожиданно для самого человѣка, сложиться наперекоръ всѣмъ преднамѣреннымъ его дѣйствіямъ, въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ. Сознаніе, что собственная жизнь сложилась подъ влияніемъ такой минуты, не могло бы пройти безслѣдно для такого правдиваго наблюдателя, строго и беспощадно анализирующаго жизнь и самого себя, какимъ она постоянно является намъ. Это сознаніе нарушило бы ту строго продуманную, цѣльную, нѣсколько суровую гармонию, которая составляетъ сущность всего ея міросозерцанія и весь жизненный смыслъ ея произведеній.

Еще одно обстоятельство можетъ служить почти несомнѣннымъ признакомъ того, что Джоржъ Эллиотъ рѣшилась *обдуманно* связать свою жизнь съ жизнью Люиса и что для нея самой все было ясно въ ея поступкахъ: это обстоятельство именно то, что этотъ ея шагъ нисколько не отразился на ея литературныхъ произведеніяхъ, что ни въ одномъ изъ ея романовъ нельзя найти положенія, сколько-нибудь похожаго на ея собственное. Въ первую минуту такое сужденіе можетъ показаться, пожалуй, страннымъ и парадоксальнымъ, но я думаю, что оно несомнѣнно вѣрно. Никогда не испытываетъ человѣкъ такой потребности разсказать

свои поступки, объяснить ихъ другимъ, какъ именно тогда, когда они для него самого являются странною неожиданностью. А если это такъ для обвиняеннаго челоуѣка, то ужъ несомнѣнно должно быть еще болѣе вѣрно для писателя, котораго уже по самому ремеслу его должно раздражать все необъясненное, противорѣчивое въ челоуѣческой природѣ. Возьмите, наприимѣръ, Жоржъ Зандъ и Альфреда Мюссе. Ихъ романъ дѣйствительно можно назвать цѣпью противорѣчій, а, главное, рядомъ неожиданностей для нихъ же самихъ. Да и самая завязка романа произошла какъ бы наперекоръ всякой логикѣ. Онъ всю свою жизнь смѣялся надъ женщинами-писательницами, боялся ихъ хуже огня и воспѣвалъ воздушную блондинку, живущую данною минутой и не признающую другихъ законовъ, кромѣ законовъ собственной фантазіи. Она глубоко презирала нервныхъ, слабыхъ характерныхъ кутиль; ея идеаль былъ челоуѣкъ съ непреклоннымъ характеромъ, съ титаническими, но подавленными желѣзною волей страстями; и вотъ судьба свела ихъ и какъ бы въ насмѣшку заставила ихъ влюбиться другъ въ друга. Оба несомнѣнно были люди съ душою благородной, съ чуткими, тонкими чувствами, тѣмъ не менѣе, вся кратковременная исторія ихъ любви полна такихъ странныхъ несообразностей, передъ которыми остановились бы даже люди очень грубые и развращенные. И вотъ, несмотря на то, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе того, что исторія ихъ такая нелѣпая, такъ мало дѣлаетъ чести и тому, и другому, оба внезапно охватываются точно какимъ-то зудомъ поскорѣе рассказать, оповѣстить эту исторію всему міру. И ужъ, конечно, ими руководило при этомъ не одно только желаніе возстановить свою репутацію, очистить себя въ глазахъ другихъ. Самое простое соображеніе показало бы имъ, что такимъ путемъ они ужъ навѣрное не достигнутъ цѣли и никого не обмануть; что самое выгодное для каждого изъ нихъ—это молчать, хотя бы уже изъ-за одного того, чтобы не вызвать другаго на разоблаченія. Но именно молчать-то они и не могли въ ту минуту. Самое важное для нихъ было разяснить самимъ себѣ свои «неожиданные» поступки; а, главное, они и не могли писать ни о чемъ другомъ, такъ какъ все остальное въ мірѣ внезапно утратило всякій интересъ и только и было для нихъ важнаго и значительнаго, что та горячка, которая внезапно охватила ихъ, перевернувъ вверхъ дномъ все установившееся ихъ міросозерпаніе.

Совсѣмъ другое дѣло Джоржъ Эллиотъ. Ни въ одномъ изъ ея романовъ не находимъ мы ни одного положенія, сколько-нибудь напоминающаго ея собственное. А, между тѣмъ, никакъ нельзя согласиться, чтобы она принадлежала къ числу писателей, черпающихъ свое вдохновеніе только изъ наблюденій надъ другими. Можно даже сказать наоборотъ, что хотя ни одна изъ ея героинь не срисована съ нея самой, но въ каждомъ изъ нихъ можно, при внимательномъ изученіи, найти слѣды ея, ея предуманнаго и прочувствованнаго. Ея дѣтство подробно рассказано въ *Мел*

ниця на *Флоссъ*; ея собственная порывистость, недовѣріе къ себѣ, постоянное разочарованіе при столкновеніи съ дѣйствительностью нашли себѣ отголосокъ въ *Доротей въ Миддельмарчъ*. Даже и тѣ мелкіе уколы, которые наносились въ молодости ея тщеславію, вслѣдствіе ея некрасивой наружности, и тѣ нетрудно угадать по ея романамъ; только этотъ самый важный шагъ ея жизни прошелъ, повидимому, совершенно безслѣдно для ея литературныхъ произведеній. Я думаю, это можно объяснить только тѣмъ, что въ этомъ своемъ поступкѣ она не испытывала ни малѣйшей потребности ни оправдаться, ни объясниться: такимъ простымъ, неизбѣжнымъ казался онъ ей. И дѣйствительно, часто такъ бываетъ въ жизни: иной поступокъ, иное рѣшеніе представляется постороннимъ ужасно сложнымъ; кажется, что нужно было имѣть невѣсть сколько мужества и рѣшимости, чтобы пойти на него. Для самого же дѣйствующаго лица все произошло такъ просто и естественно, что и рассказывать объ этомъ нечего.

Все англійское общество было, разумѣется, крайне возмущено поступкомъ Джоржа Элліота и вначалѣ рѣшилось вполнѣ игнорировать ее. Вслѣдствіи ей удалось, однако, до извѣстной степени пересидить даже англійскіе предрасудки и завоевать себѣ очень видное мѣсто въ лондонскомъ обществѣ. До самаго конца ея жизни находились, однако, люди, не прощавшіе ея исключительнаго положенія, и ея самолюбію наносились иногда очень чувствительные уколы. Если бы уколы, эти были направлены только со стороны такъ называемаго лондонскаго high life'a, то они были бы вполнѣ понятны, и, я думаю, она сама могла бы вполнѣ примириться съ ними; но она не могла оставаться столь же равнодушною, когда даже со стороны ученыхъ, со стороны представителей свободной мысли въ Англійи встрѣчала относительно себя такія же проявленія лицемерія и непослѣдовательности; такъ, напримѣръ, многіе изъ выдающихся ученыхъ и литераторовъ, встрѣчаясь съ Люисами гдѣ-нибудь на континентѣ, очень ухаживали за ними, дорожили ихъ обществомъ, но по возвращеніи въ Лондонъ прерывали съ ними всякое знакомство; другіе сами охотно посѣщали домъ Люисовъ, но не рѣшались ввести въ него своихъ женъ и дочерей. Всякій подобный фактъ, а ихъ встрѣчалось немало въ ея жизни, глубоко печалилъ бѣдную Джоржъ Элліотъ. Но всѣ эти мелкіе уколы самолюбія обильно вознаграждались для нея тою безграничною преданностью, тѣмъ восторженнымъ почитаніемъ, которое она умѣла внушить довольно многочисленному кругу своихъ близкихъ друзей. Дѣйствительно, мало женщинъ имѣли счастье встрѣтить въ жизни столько глубокой, исключительной и постоянной привязанности, какъ она.

Люисы вели вообще жизнь довольно уединенную; только по воскресеньямъ, отъ двухъ до пяти, принимали они всѣхъ своихъ знакомыхъ, и эти воскресные пріемы становились, разумѣется, все извѣстнѣе и много-

людице по мѣрѣ того, какъ расла литературная слава хозяйки дома. Однако же, до самаго конца они не утратили своего характера интимности и непринужденности, и хотя въ гостиной Люисовъ можно было подъ конецъ ихъ жизни встрѣтить цвѣтъ всего англійскаго ученаго и литературнаго общества, такъ сказать, букетъ знаменитостей, но каждый, даже самый темный посѣтитель чувствовалъ себя въ ней совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, не испытывая ни малѣйшаго стѣсненія. Каждый, кто имѣлъ случай присутствовать на одномъ изъ этихъ приемовъ, навѣрное сохранилъ о немъ пріятное воспоминаніе. Противуположность характеровъ Люиса и Джоржа Эллиота никогда не сказывалась такъ ярко, какъ въ то время, когда они принимали гостей. Люисъ все время расхаживалъ по комнатамъ, переходя отъ одного посѣтителя къ другому, жестикулировалъ, каждому находилъ что-нибудь сказать особенно для него пріятное и интересное и все лицо его сіяло милымъ, нескрываемымъ удовольствіемъ, когда онъ видѣлъ, что разговоръ идетъ живо и гостямъ весело. Джоржъ Эллиотъ, наоборотъ, никогда не нарушала своего обычнаго спокойствія. На своемъ неизмѣнномъ мѣстѣ, словно затерянная въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, защищенномъ отъ лампы темнымъ абажуромъ, она обыкновенно вся посвящала себя какому-нибудь одному избраннику, какъ бы забывая, что она хозяйка этой гостиной. Если разговоръ становился для нея интереснымъ, ей случалось такъ увлекаться имъ, что и не замѣчать входа новыхъ гостей, и потомъ вдругъ удивляться, когда взглядъ ея случайно падалъ на какое-нибудь новое лицо, которое, можетъ быть, уже съ полчаса какъ раскланялось съ нею.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ посѣтителей этихъ воскресныхъ приемовъ и однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей Джоржа Эллиота былъ Гербертъ Спенсеръ. Здѣсь имѣла и я случай познакомиться съ нимъ, и я должна сознаться, что наше знакомство состоялось довольно оригинальнымъ образомъ.

Это было въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній послѣ моего перваго визита у Джоржа Эллиота. Въ гостиной ея уже было собрано чело-вѣкъ 12 гостей. Общество было довольно смѣшанное; былъ, помнится, какой-то молоденькій лордъ, только что вернувшійся изъ дальняго путешествія въ какую-то малоизвѣстную страну, нѣсколько музыкантовъ и живописцевъ, еще двѣ или три личности, не имѣвшія, какъ кажется, опредѣленной специальности; изъ дамъ, кромѣ меня, находилась всего только одна, очень молоденькая жена одного изъ присутствовавшихъ живописцевъ. Какъ я уже сказала, изъ числа дамъ «порядочнаго» англійскаго общества немногія рѣшались показываться въ гостиной Джоржа Эллиота. Мистеръ Люисъ представлялъ мнѣ каждаго новаго посѣтителя и обыкновенно сообщалъ мнѣ даже всѣ тѣ стороны, которыми новое лицо могло заинтересовать меня. Я паходила уже нѣкоторое время въ гостиной, когда въ комнату вошелъ старичокъ съ сѣдыми баками и ти-

иснекихъ англійскимъ лицомъ. На этотъ разъ никто не назвалъ мнѣ мнимою вошедшаго, но Джоржъ Эллиотъ тотчасъ же обратилась къ нему: «Какъ я рада, что вы пришли сегодня,—сказала она.—Я могу вамъ представить живое опроверженіе вашей теоріи — женщину-математика». «Позвольте вамъ представить моего друга,—продолжала она, обращаясь ко мнѣ, но все же не называя его имени.—Надо васъ только предупредить, что онъ отрицаетъ самую возможность существованія женщины-математика. Онъ согласенъ допустить, въ крайнемъ случаѣ, что могутъ появляться женщины, которыя по своимъ умственнымъ способностямъ возвышаются надъ среднимъ уровнемъ мужчинъ, но онъ утверждаетъ, что подобная женщина всегда направитъ свой умъ и свою производительность на анализъ жизни своихъ друзей и никогда не дастъ прикоснуться себя къ области чистой абстракціи. Постарайтесь-ка переубѣдить его».

Старичокъ усѣлся рядомъ со мною и посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Я совсѣмъ не подозрѣвала, кто онъ такой; тѣмъ болѣе, что во всей его манерѣ ровно ничего не было «вышительнаго». Разговоръ перешелъ на вѣчную, нескончаемую тему о правахъ и о способностяхъ женщинъ и о томъ, будетъ ли вредъ или польза для всего челоучества вообще, если большое число женщинъ посвятить себя изученію наукъ. Мой собесѣдникъ сдѣлалъ нѣсколько полу-ироническихъ замѣчаній, которыя, какъ я теперь могу судить, были, главнымъ образомъ, рассчитаны на то, чтобы вызвать меня на возраженія. Я должна сказать, что въ то время еще не было двадцати лѣтъ; тѣ немногіе годы, которые отдѣляли меня отъ дѣтства, я провела въ постоянной домашней работѣ, отставивъ свое право предаться любимымъ занятіямъ; немудрено поэтому, что я испытывала въ ту пору къ такъ называемому «женскому вопросу» весь восторженный пылъ неофитки и что всякая застенчивость пронадала, когда мнѣ приходилось ломать копы за правое дѣло. К тому же, какъ я уже замѣтила, мнѣ и въ умъ не приходило, съ какою противникомъ мнѣ приходится состязаться, да и Джоржъ Эллиотъ, своей стороны, дѣлала все отъ себя зависящее, чтобы подзадорить меня на споръ. Это было дѣломъ далеко не труднымъ. Увлеченная споромъ, я вскорѣ забыла все окружающее и въ ту минуту даже и не замѣтила, какъ всѣ остальные гости смолкли мало-по-малу, прислушиваясь къ любопытствомъ къ нашему разговору, который становился все оживленнѣе.

Добрыхъ три четверти часа длился нашъ поединокъ, прежде чѣмъ Джоржъ Эллиотъ рѣшилась прекратить его. «Вы хорошо и мужественно вели наше общее дѣло,—сказала она мнѣ, наконецъ, съ улыбкой,—если мой другъ Гербертъ Спенсеръ все еще не далъ переубѣдить себя, я боюсь, что его придется признать неисправимымъ». Тутъ только я осознала, кто былъ мой противникъ, и можно представить себѣ, какъ я изумилась собственной храбрости.

По окончаніи моихъ каникулъ я вернулась въ Берлинъ и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ мнѣ не приходилось лично встрѣчаться съ Джоржемъ Эллиотомъ. Всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что мы общивались поклонами и привѣтствіями черезъ посредство общихъ знакомыхъ; но въ ноябрѣ 1880 года мнѣ снова представился случай побывать въ Лондонѣ. Однако, на этотъ разъ я не торопилась возобновить мое знакомство съ знаменитою писательницей, а, напротивъ, откладывала посѣщеніе ея со дня на день, пока мнѣ не сказали, наконецъ, что она знаетъ о моемъ пріѣздѣ отъ общихъ знакомыхъ и обидится, если я не навѣщу ее.

Причина того нежеланія и страха, которые овладѣвали мною при мысли увидѣть снова Джоржа Эллиота, заключались въ слѣдующемъ: большія перемены произошли за это время въ ея жизни. Люисъ скончался, и не прошло и года послѣ его смерти, какъ всѣ друзья и почитатели Эллиота были поражены извѣстіемъ о ея вторичномъ бракѣ съ тридцатилѣтнимъ мистеромъ Кроссомъ; тогда какъ ей самой было уже шестьдесятъ.

Я должна признаться, что на меня лично это извѣстіе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Джоржъ Эллиотъ была окружена въ моихъ глазахъ такимъ ореоломъ величія и поэзіи, что я рѣшительно не могла примириться съ мыслью о необходимости если не вполне развѣнчать мой идеалъ, то ужъ во всякомъ случаѣ на нѣсколько ступеней опустить его пьедесталъ. Вотъ почему я такъ боялась увидѣть Джоржа Эллиота въ ея новомъ положеніи и такъ откладывала наше свиданіе. Шестидесятилѣтняя старуха, выходящая замужъ за человѣка вдвое ея моложе, — дѣйствительно, не легко принять подобный фактъ и примириться съ нимъ.

Я вовсе не намѣрена подыскивать здѣсь какое-нибудь объясненіе этому странному событію, еще менѣе входитъ въ мои намѣренія оправдывать подобные браки вообще, но правдивость заставляетъ меня сознаться, что, несмотря на то предубѣжденіе, съ которымъ я шла къ Джоржу Эллиоту, лишь только я увидѣла ее вмѣстѣ съ ея вторымъ мужемъ, ихъ союзъ внезапно показался мнѣ совершенно въ иномъ свѣтѣ и я перестала находить въ немъ что-либо ужасное и возмутительное. Я поняла, почему и другіе друзья Джоржа Эллиота такъ скоро и такъ вполне примирились съ этимъ фактомъ въ ея жизни.

Объяснить это, вѣроятно, можно тѣмъ, что оба, и онъ, и она, казалось, и не замѣчали вовсе, что въ ихъ взаимномъ положеніи есть что-то неестественное, и оба были такъ искренне, такъ просто, такъ хорошо счастливы. Когда человѣкъ *дѣйствительно* счастливъ, другіе угадываютъ это чутьемъ. Поддѣлаться подъ счастье, разыграть роль счастливаго очень трудно. Истинное счастье, такое счастье, которое убиваетъ всякое тщеславіе, которое удовлетворяется самимъ собою, не заботясь о томъ, чтобы заставить другихъ признать себя, и не смущаясь насмѣшками

постороннихъ,—это вещь такая рѣдкая и такая завидная, что невольно преклоняешься передъ нимъ, въ какой бы странной, необыденной и непривычной формѣ ни встрѣтилось оно въ жизни. И Джоржъ Эллиотъ со своимъ вторымъ мужемъ именно были счастливы такимъ образомъ. Я знаю, многіе пріѣзжали къ нимъ въ первый разъ въ полной увѣренности, что увидать что-то странное, ненормальное, уродливое, смѣшное, но затѣмъ, проведя нѣсколько часовъ въ обществѣ этихъ двухъ милыхъ людей, за серьезною задушевною бесѣдой, въ атмосферѣ тихаго, ровнаго довольства и обоюдной искренности, уѣзжали совсѣмъ съ инымъ чувствомъ и даже, наоборотъ, не безъ затаенной зависти говорили себѣ: «Что за славные, счастливые люди и какъ имъ хорошо живется!»

Джоржъ Эллиотъ очень мало перемѣнилась за тѣ семь лѣтъ, которыя прошли съ нашей первой встрѣчи. Это была все та же худощавая, некрасивая женщина съ болѣзненнымъ, добрымъ, серьезнымъ лицомъ, вдумчивыми, лучистыми глазами и удивительно пріятнымъ голосомъ, какъ и прежде. Она показалась мнѣ даже моложавѣе, чѣмъ въ первый разъ. Главное, въ ней незамѣтно было ни малѣйшаго желанія молодиться, ни тѣни безпокойства или заботы о своей наружности, и она уже вовсе не походила на ту «влюбленную старуху», которая невольно рисуется въ воображеніи, когда идетъ рѣчь о такихъ неровныхъ бракахъ, какъ ея.

Что касается мистера Кросса, то это былъ въ то время очень красивый молодой человекъ, лѣтъ тридцати съ небольшими и съ наружностью чистѣйшаго англо-саксонскаго типа: высокая, стройная, хотя и мускулистая фигура, свѣтло-каштановые, слегка вьющіеся волосы, правильныя тонкія черты и чудеснѣйшій, чисто-англійскій цвѣтъ лица. Больше всего поражали въ немъ, однако, каріе глаза, удивительно добрые, простодушные и преданные, какъ у большой ньюфаундленской собаки, и ротъ, который по своему тонкому очертанію и нервному подергиванью губъ скорѣе шелъ бы къ женскому лицу и какъ-то даже противорѣчалъ вполнѣ здоровому, откровенному выраженію всей остальной фигуры. На меня мистеръ Кроссъ произвелъ впечатлѣніе натуры очень искренней, очень чуткой ко всему прекрасному, но лишенной способности самому воплотить свой идеалъ, выразить его словами или вообще придать ему какую бы то ни было осязательную форму, за то тотчасъ же поддѣчающей и иѣзнящей эту способность у другихъ. Я прибавлю еще, что мистеръ Кроссъ принадлежитъ къ очень хорошему семейству и самъ обладаетъ вполнѣ независимымъ состояніемъ, вслѣдствіе чего Джоржъ Эллиотъ завѣщала свое состояніе, все безъ раздѣла, дѣтямъ Люиса отъ его первой жены. Мать и сестры Кросса не только не противились его браку съ Джоржемъ Эллиотомъ, но, напротивъ, съ распростертыми объятіями приняли ее въ свою семью. Мнѣ рассказывали то же люди, близко знающіе ихъ, что Кроссъ еще совсѣмъ молоденькимъ мальчикомъ познакомился

съ Джоржемъ Эллиотомъ, полюбилъ ее съ перваго раза и въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ былъ вѣренъ своему идеалу.

Джоржъ Эллиотъ послѣ своей свадьбы переехала въ другое помѣщеніе. Та комната, въ которой она теперь приняла меня, была замѣчательно уютная, какъ бы располагающая къ тихимъ, задушевнымъ разговорамъ. Полукабинетъ, полубибліотека, съ нѣсколькими мягкими, очень спокойными креслами и съ массою книгъ и эстамповъ на столѣ, на полкахъ, на всякихъ этажеркахъ, занимающихъ всякій свободный простѣнокъ,—эта комната представляла несравненно болѣе подходящую рамку для всей ея фигуры, нежели тотъ нарядный, банальный салонъ, въ которомъ я увидѣла ее въ первый разъ. Она сказала мнѣ, что эта комната ихъ любимая въ домѣ и что здѣсь они съ мужемъ проводятъ весь день, читая, работая или разговаривая. Дѣйствительно, она съ своимъ мужемъ производили впечатлѣніе двухъ добрыхъ товарищей, у которыхъ общіе вкусы, общіе привычки, общія занятія и изъ которыхъ младшій беспредѣльно восхищается старшимъ.

Разговоръ нашъ сначала касался литературы вообще, затѣмъ перешелъ на романъ самой Джоржъ Эллиотъ. Она разсказала мнѣ, что каждый разъ, когда она начинаетъ печатать новый романъ, ее осаждаютъ массаши писемъ отъ совершенно незнакомыхъ ей лицъ; иные изъ невѣстныхъ ей корреспондентовъ подаютъ ей совѣты, какъ дальше вести интригу, выражаютъ свои желанія насчетъ того, какъ должно развязаться то или другое усложненіе; другіе же объявляютъ ей, что узнали самихъ себя или своихъ знакомыхъ въ ея герояхъ или героиняхъ. «Такъ, напр., когда я печатала *Мидельмарчъ*,—сказала она,—три молодыхъ дамы сдѣлали лестное для меня признаніе, что я угадала ихъ самыя сокровенныя мысли и вложила ихъ въ уста моей Доротен. Я попросила каждую изъ этихъ интересныхъ дамъ прислать мнѣ свою фотографію; увы, какъ мало походила онѣ, по крайней мѣрѣ, по наружности, на мою героиню, какою я сама воображала ее себѣ. Нашелся тоже одинъ счастливый папаша, который написалъ мнѣ, что я вѣрно гдѣ-нибудь встрѣчала его двухъ дочекъ, иначе не могла бы такъ вѣрно и мѣтко обрисовать эгостичную Розамунду».

Я позволила себѣ замѣтить Джоржу Эллиоту, что меня всегда поражала одна черта въ ея романахъ: всѣ ея герои и героини умираютъ слишкомъ кстати, именно въ тотъ моментъ, когда психологическая завязка усложняется до крайняго напряженія, когда читатель хочетъ знать, какимъ образомъ распутаетъ жизнь послѣдствія того или другаго поступка; вдругъ является смерть и узелъ развязывается самъ собою.

Возьмемъ, напр., *Мельницу на Флоссъ*. Очень легко можно понять, что Мапи, въ моментъ восторга, въ моментъ безсознательнаго влеченія къ самопожертвованію, могла отказаться отъ собственнаго счастья, отъ собственной любви, чтобы спасти счастье и любовь своей кузины. Никогда

такъ не легко жертвовать собою; какъ именно въ тѣ минуты, когда человѣкъ подавленъ, ошеломленъ огромнымъ, неожиданнымъ счастьемъ. Въ такія минуты страданіе представляется столь отдаленнымъ, столь призрачнымъ, въ формѣ такъ мало похожей на дѣйствительность, что жертва вполне возможна. Но останется ли Мэри вѣрна своему самобичеванію, когда за моментомъ экстаза послѣдуетъ неизбѣжный періодъ реакціи и ослабленія? Устоятъ ли она въ теченіе долгаго ряда недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ одинокаго, всеміи покинутаго существованія, однообразію котораго ни откуда не предвидится конца? Когда ея жертва дѣйствительно приметъ осязательную форму, когда она увидитъ, что ей на самомъ дѣлѣ удалось оттолкнуть отъ себя своего любовника, и когда ей, въ свою очередь, придется испытывать муки ревности; не овладѣтъ ли ею тогда безумное, неудержимое желаніе счастья, не раскается ли она въ своей жертвѣ и не захочетъ ли во что бы ни стало вернуть прошлое? А если она устоитъ, несмотря ни на что, и останется до конца вѣрна своему самопожертвованію, какую сдѣлается она сама послѣ такого страшнаго, превышающаго человѣческія силы испытанія? Я хочу видѣть Мэри послѣ борьбы; я хочу знать, облагораживаетъ ли дѣйствительно самопожертвованіе, или же человѣкъ не можетъ убить страсть въ своемъ сердцѣ иначе, какъ загубивъ, въ то же время, все, что было живаго, человѣческаго въ его природѣ, такъ что изъ борьбы выходитъ побѣдителемъ уже не живой человѣкъ, а какой-то фанатикъ, столь же безчувственный къ собственному страданію, какъ и къ радости и къ страданію другихъ людей. Вотъ что интересуетъ меня въ этомъ романѣ, вотъ на какіе вопросы хочу я отвѣта. Но взаимнѣ этого является наводненіе и громадная черная волна, уносящая съ собою и Мэри, и ея брата, разрѣшаетъ въ одинъ мигъ всѣ ихъ сомнѣнія, кладетъ конецъ ихъ борьбѣ и даетъ имъ окончательное примиреніе.

Въ другихъ романахъ Джоржа Эллиота повторяется приблизительно то же самое. Въ *Мидельмарчъ* несносный мистеръ Казабонъ умираетъ какъ разъ въ пору, когда бѣдная, восторженная Доротея еще не успѣла утратить ни молодости, ни свѣжести, ни красоты за служеніемъ тому безплодному, никому ненужному дѣлу, къ которому она въ порывѣ необдуманнаго самопожертвованія приковала себя. А что было бы, если бы онъ прожилъ еще лѣтъ двадцать, напр., и умеръ какъ разъ тогда, когда у Доротеи не остается уже ни силъ, ни возможности быть счастливою самою и сдѣлать другаго счастливымъ, а остается только еще достаточно жизненности, чтобы оплакивать свое даромъ загубленное существованіе? Въ *Даніель Деронда* опять та же исторія: мужъ Гвендолины пользуется простою прогулкой въ лодкѣ, чтобы утонуть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ супружеская жизнь сдѣлалась уже совершенно невозможною и когда читатель съ любопытствомъ и интересомъ ожидаетъ, на что рѣшится Джоржъ Эллиотъ, чтобы выпутать свою бѣдную героиню изъ

того тяжелого положенія, въ которое завлекло ее малодушіе и тщеславіе. Всюду одно и то же. Смерть всегда является общею примирительницей и разрѣшительницей всѣхъ узловъ, затянутыхъ человѣческими страстями.

Все это высказала я Джоржу Эллиоту; она выслушала меня очень серьезно и затѣмъ возразила мнѣ слѣдующее: «Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды; но я спрошу васъ только объ одномъ: неужели вы не замѣчали, что въ жизни дѣйствительно такъ бываетъ? Я лично не могу отказаться отъ убѣжденія, что смерть болѣе логична, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Когда въ жизни положеніе становится ужъ черезъ-чуръ натянуто, когда нигдѣ не видать исхода, когда обязанности самыя священныя взаимно противорѣчатъ одна другой, тогда является смерть, внезапно открываетъ новые пути, о которыхъ никто и не думалъ прежде, и примиряетъ то, что казалось непримиримымъ. Сколько разъ случалось уже, что довѣріе къ смерти придавало мнѣ мужество жить».

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминался этотъ разговоръ съ Джоржемъ Эллиотомъ. Ему суждено было быть однимъ изъ послѣднихъ, такъ какъ, двѣ недѣли спустя, она скончалась совершенно неожиданно, послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣзни. Смерть дѣйствительно оправдала ея довѣріе. Она пришла для нея столь же неожиданно, какъ и для ея героини, и, притомъ, въ тотъ самый моментъ, когда ей предстояло, повидимому, разрѣшеніе трудной, быть можетъ, неразрѣшимой задачи. У нея достало мужества стать самой въ положеніе болѣе трудное, болѣе необычное, нежели то, въ которомъ находилась какая-либо изъ ея героинь. Соединяя свою судьбу съ судьбою человѣка вдвое ея моложе, она рѣшилась на очень рискованный опытъ. Въ данную минуту оба были счастливы, но могло ли это счастье продолжаться долго? Оказался ли бы талантъ въ силахъ навсегда заставить забыть о разницѣ лѣтъ? Можетъ ли поклоненіе таланту женщины наполнить жизнь мужчины и замѣнить для него другую, болѣе обыденную привязанность? Вотъ какіе дерзновенные вопросы задавалъ Джоржъ Эллиотъ судьбѣ. Кто рѣшится сказать теперь, какой бы отвѣтъ дала на нихъ жизнь? Но смерть пришла въ-время; она обошлась нѣжно и милосердно съ бѣдною женщиной; она унесла ее вдругъ, почти не заставивъ ее страдать, въ моментъ самой полноты ея нежданнаго, запоздлагаго счастья.

Часто потомъ вспоминались мнѣ ея слова: «довѣріе къ смерти придаетъ мнѣ мужество жить».

Софья Новалевская.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Сельское хозяйство.

Значеніе вопросовъ о производительности почвы.—Новое открытіе Бертелло.—Удобреніе шлаками.—Камнѣть.—Выгодность навознаго удобрения.—Новые факты, относящіеся къ приемамъ обработки и посѣва.—Новыя культурныя растенія.—Вновь открытыя враги русскаго земледѣлія.—Силосованіе кормовъ.—Питательное достоинство нѣкоторыхъ кормовъ.—Вопросъ о выборѣ породы рогатаго скота.—Необходимость въ организованнымъ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ знаніи.

Хозяева всѣхъ цивилизованныхъ странъ жалуются въ настоящее время на сельско-хозяйственный кризисъ. Кризисъ этотъ отличается отъ прежнихъ кризисовъ какою-то особою продолжительностью. Онъ не обладает острымъ характеромъ; въ немъ, напротивъ, замѣчается длительность, такъ что съ точки зрѣнія патологіи его слѣдуетъ считать не кризисомъ, а скорѣе *лизисомъ*, т. е. постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ хозяйства.

Въ нашемъ отечествѣ не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, раздаются жалобы на угнетенное положеніе сельскаго хозяйства. Для этого всѣми сознаваемого угнетенія указываются весьма разнообразныя причины, которыя, въ сущности, сводятся къ двумъ главнымъ категоріямъ: низкой цѣнѣ на продукты и высокимъ издержкамъ производства. Съ рыночною цѣною агрономическая наука бороться не можетъ; это не ея дѣло. Борьба за рыночную цѣну одно изъ характернѣйшихъ явленій экономической жизни современныхъ государствъ; таможенная политика по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ сдѣлалась почти повсюду моднымъ вопросомъ. Наиболѣе послѣдовательные защитники расширенія вѣнскихъ рынковъ не останавливаются передъ мыслью о вооруженномъ вмѣшательствѣ государства для завоеванія этихъ рынковъ. Страны, ввозящія хлѣбъ, наперерывъ стараются оградить себя отъ иностраннаго хлѣба высокими пошлинами. Можно подумать, что сельско-хозяйственные продукты какой-то непріятный отбросъ, отъ котораго одна страна желаетъ отдѣлаться во что бы то ни стало, а другая страна, напротивъ, ни за что не желаетъ его къ себѣ подпустить.

При мѣновомъ строѣ сельскаго хозяйства вопросъ о цѣнѣ продукта имѣеть дѣйствительно первостепенную важность. Но вопросъ о способѣ производства сохраняетъ свое значеніе и при мѣновомъ, и при натуральномъ строѣ. Хозяинъ, не желающій при низкой цѣнѣ продавать продукты, можетъ, по крайней мѣрѣ, ихъ потребить, но если этотъ хозяинъ дѣлаеть только непродовольственные издержки, тогда и продукты никакихъ не получатся; и самое хозяйство перестаетъ существовать; подобную же гибель осуждено и такое хозяйство, гдѣ издержки производства систематически превышаютъ валовой доходъ. Хозяйство послѣдняго рода можетъ еще существовать нѣкоторое время насчетъ запасовъ прошлыхъ лѣтъ, но когда эти запасы кончатся, крушеніе неминуемо.

Вопросъ о производительности почвы всегда останется основнымъ вопросомъ сельскаго хозяйства. *Ex nihilo nihil fit* (изъ ничего получается ничто)—истина, пользующаяся уже общимъ признаніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что для производства урожаевъ почва должна обладать извѣстнымъ количествомъ питательныхъ веществъ и что, разъ эти вещества уносятся безъ возврата, должно когда-нибудь наступить истощеніе почвы. Разногласіе существуетъ только въ вопросу о томъ, можно ли въ теченіе долгаго времени безнаказанно истощать плодородіе страны, выводить въ продуктахъ цѣнные питательныя вещества, не замѣщая ихъ въ почвѣ однородными веществами. Англическіе оппортунисты, ниспровергнувшіе ученіе Либиха о необходимости полного возврата, отвѣчаютъ на указанный вопросъ утвердительно и полагаютъ, что съ возвратомъ питательныхъ веществъ можно и не дожидаться, а къ тому времени, когда онъ будетъ дѣйствительно необходимъ, въ странѣ накопятся достаточныя денежные капиталы, на которыхъ она можетъ пріобрѣтать извнѣ удобрительныя средства. Разсчетъ этотъ въ нѣкоторой степени справедливъ, но торгашество, которое онъ оправдываетъ, остается, все-таки, дѣломъ рискованнымъ. Въ Европѣ эмиграція пищевыхъ веществъ идетъ отъ востока къ западу, въ Америкѣ отъ запада къ востоку. Каждый вагонъ, нагруженный пшеницею и направляющійся прямо за границу или къ портамъ, увозитъ съ собою около 13 пудовъ связаннаго азота, около 50 пудовъ фосфорной кислоты и около 35 пудовъ кали; а сколько этихъ вагоновъ приходитъ ежедневно! Еще вопросъ: вернутся ли къ намъ эти питательныя вещества? Въ исторіи встрѣчаются примѣры такого рода, когда хищническая культура нѣсколькихъ десятилѣтій не могла быть вознаграждена столѣтіями. Ухудшеніе химическаго состава почвы доступно прямому вычисленію; но не въ этомъ ухудшеніи заключаются невыгоды хищнической культуры: измѣненія, происходящія въ физическихъ свойствахъ почвы, тоже сопровождаются уменьшеніемъ производительности, а про такія измѣненія мы

забываютъ при составленіи баланса производительныхъ силъ страны. Но и одного химическаго состава достаточно, чтобы заставить подумать о будущемъ, чтобы во-время оглядѣться, поискать запаса питательныхъ веществъ вблизи себя и расчетливо пользоваться этимъ запасомъ. Иногда научныя открытія показываютъ, что тревожныя опасенія за истощеніе почвы какимъ-нибудь веществомъ напрасны, что природа сама заботится объ его возстановленіи. Такія открытія, конечно, весьма утѣшительны, но они не должны усыплять хозяина, которому всегда нужно внимательно слѣдить за приходомъ и расходомъ матеріаловъ въ естественной лабораторіи—на полѣ и на дугу.

Агрономическая химія учитъ насъ, что изъ всѣхъ тѣхъ веществъ, которыми питается растеніе, наиболѣе цѣнными являются азотъ, фосфорная кислота и кали. На эти-то вещества и должно быть обращено главное вниманіе хозяина, и всѣ научныя работы, выясняющія значеніе и судьбу этихъ веществъ, имѣютъ особенный интересъ для хозяевъ.

Истекшій годъ обогатился крупнымъ научнымъ приобрѣтеніемъ въ вопросѣ объ отношеніи атмосфернаго азота къ почвѣ.

Въ томъ засѣданіи парижской академіи, въ которомъ Пастѣрь сдѣлалъ свое знаменитое сообщеніе о способѣ предупреждать бѣшенство у человѣка послѣ укушенія, извѣстный химикъ Бертелло доложилъ о своихъ опытахъ, обнаружившихъ, что атмосферный азотъ задерживается нѣкоторыми почвами (*Comptes rendus*, 25 octobre 1885).

Азотъ составляетъ около четырехъ пятыхъ окружающей насъ атмосферы, и, все-таки, человѣкъ можетъ бояться азотнаго оскудѣнія. Азотная кислота, самое пригодное для питанія растеній соединеніе азота, не поглощается почвою и уносится изъ почвеннаго раствора грунтовыми водами. Сколько ни желательно для насъ образованіе азотной кислоты въ почвѣ (нитрификація *), но самая интенсивность такого образованія внушаетъ уже опасеніе за истощеніе почвы. Первичнымъ источникомъ азота (необходимой составной части всѣхъ организмовъ) долженъ быть, все-таки, свободный атмосферный азотъ, ибо иныхъ источниковъ въ природѣ не существуетъ. Несмотря на столѣтніе опыты, наука еще едва-едва нашла на слѣды тѣхъ процессовъ, при посредствѣ которыхъ свободный газообразный азотъ переводится въ связанное состояніе и становится доступнымъ для растеній. Извѣстно, что подъ вліяніемъ электрическихъ искръ въ атмосферѣ можетъ образоваться азотная кислота. Но количества, въ которыхъ азотъ связывается такимъ путемъ, ничтожны по сравненію съ тѣми массами азота, которыя расходуются почвою. Прежде думали, что растенія обладаютъ способностью прямо ассимилировать свободный азотъ изъ воздуха (въ недавнее время такихъ возрѣній придерживался Ж.

* О почвенной нитрификаціи подробно говорилось въ прошлогоднемъ научномъ обзорѣ по сельскому хозяйству (*Русская Мысль* 1885 г., кн. VIII).

Виль), но продолжительные опыты Буссенго окончательно разрушили это предположеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бертело указалъ неизвѣстный прежде источникъ связаннаго азота въ видѣ «тихаго электрическаго разряда», при которомъ атмосферный азотъ можетъ фиксироваться во всякое время (помимо грозы) органическими веществами почвы.

Въ послѣдніе два года Бертело работалъ надъ отношеніемъ глинистыхъ почвъ къ атмосферному азоту на опытной станціи въ Медонѣ. Для четырехъ различныхъ глинистыхъ почвъ исполнены были пять серій опытовъ, сопровождавшихся многочисленными (болѣе 500) химическими анализами. Не входя въ описаніе постановки опытовъ *), сообщимъ только ихъ конечный результатъ.

Почва обладаетъ способностью медленно фиксировать свободный атмосферный азотъ. Эта способность совершенно независима отъ нитрификации (образованія соединений азотной кислоты) и отъ сгущенія амміака. Бертело высказываетъ предположеніе, что эта способность зависитъ отъ какихъ-то живыхъ организмовъ. Зимой процессъ не совершается, но онъ продолжается въ теченіе всего растительнаго періода. Температура въ 100° уничтожаетъ это явленіе. Процессъ происходитъ одинаково какъ въ замкнутомъ пространствѣ, такъ и на вольномъ воздухѣ, какъ на вершинѣ башни, такъ и на лугу въ сосѣдствѣ съ растительностью. Въ темнотѣ процессъ продолжается, хотя идетъ менѣе интенсивно, чѣмъ на свѣтѣ.

Если на основаніи того поглощенія азота, которое констатировано анализами съ апрѣля по октябрь 1885 года, сдѣлать вычисленія для площади въ 1 гектаръ, то окажется, что взятыя для опыта почвы могутъ поглощать отъ 16 до 32 килограммовъ на гектаръ (приблизительно отъ 1 до 2 пудовъ на десятину). Но эти вычисленія относятся лишь къ слою почвы, имѣющему весьма незначительную толщину 8—10 сантиметровъ (2—2¼ вершка); между тѣмъ, поглощеніе азота происходитъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ самого Бертело, и на глубинѣ въ пять разъ болѣе (45 сантиметровъ). По вычисленіямъ Лооза и Гильберта, дождевая вода приноситъ почвѣ азота (въ видѣ азотнокислыхъ и амміачныхъ соединений) около 8 килограммовъ на гектаръ (въ Англии въ дождливой мѣстности); въ Монсури, близъ Парижа, найдено было только 1,7 килогр. Съ другой стороны, съ десятины луга ежегодно снимается въ формѣ сѣна 50—60 килограммовъ азота.

Сопоставленіе этихъ цифръ заставляетъ искать иныхъ источниковъ возмѣщенія азота, и послѣдніе опыты Бертело, повидимому, открываютъ намъ одинъ изъ такихъ источниковъ. Эти же опыты помогаютъ намъ

*) Къ сожалѣнію, въ подлинномъ описаніи опытовъ (*Comptes rendus*, № 17) не содержится подробныхъ указаній относительно характера взятыхъ почвъ. Бертело называетъ эти почвы: sable argileux jaune; autre sable argileux; argile, kaolin brut; autre kaolin brut.

понять, какимъ образомъ бесплодные пески постепенно могутъ превращаться въ почву, покрытую растительностью.

Заключенія Бертело нашли себѣ подтвержденіе въ опытахъ Жули, опубликованныхъ мѣсяцемъ позднѣе. Жули въ 22 случаяхъ констатировалъ такую прибыль азота въ почвахъ, которую можно приписать только прямому усвоенію почвами свободнаго атмосфернаго азота.

Что касается объясненія этого процесса, то слѣдуетъ помнить, что самый ферментъ, которому Бертело приписываетъ здѣсь главную роль, еще не изолированъ и только по аналогіи можно заключить, что тутъ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ низшими организмами.

Балансъ другихъ цѣнныхъ для растений веществъ почвы, — фосфорной кислоты и кали, — значительно проще, чѣмъ балансъ почвеннаго азота. Эти вещества поглощаются почвою и не могутъ уноситься дренажными водами такъ, какъ уносится азотная кислота. Кромѣ того, успѣхи промышленности постоянно открываютъ новые источники этихъ минеральныхъ веществъ, такъ что человечество безъ опасенія можетъ считать себя обезпеченнымъ ими на многіе вѣка. Но и здѣсь, конечно, можетъ наступить и наступать мѣстное оскуднѣніе по отношенію къ этимъ цѣннымъ веществамъ; во избѣжаніе такого оскуднѣнія, требуется сбереженіе ископаемыхъ запасовъ этихъ веществъ. Въ государственномъ совѣтѣ разсматривается сейчасъ проектъ пошлины на вывозъ русскихъ фосфоритовъ; установленіе вывозной пошлины на фосфориты можетъ найти за себя вѣскіе агрономическіе и экономическіе аргументы.

Въ числѣ новыхъ источниковъ фосфорной кислоты для сельскаго хозяйства видное мѣсто за послѣднее время заняли шлаки Томаса. Еще пять лѣтъ тому назадъ въ литературѣ указывалось (Меркеръ), какой цѣнный для земледѣлія отбросъ получается при введеніи новаго способа, предложеннаго Томасомъ для обезфосфориванія желѣзныхъ рудъ. Но только въ послѣдніе два года стали производиться болѣе или менѣе обширные опыты съ цѣлью выяснитъ практическое значеніе этого удобрительнаго средства.

Во Франціи пропагандою шлаковъ Томаса энергично занялся въ фельетонахъ газеты *Temps* извѣстный авторитетъ агрономической химіи, Грандо. Въ Германіи, по статистикѣ металлургіи, получается въ настоящее время ежегодно такое количество шлаковъ Томаса, что фосфорной кислоты, въ нихъ содержащейся, хватитъ на удобреніе 17,500 гектаровъ. По предположенію Грандо, во Франціи получается около двухъ третей этого количества. Для употребленія въ земледѣліи шлаки должны находиться въ возможно болѣе размельченномъ состояніи. За послѣдній годъ въ Германіи научились размельчать шлаки лучше, чѣмъ это дѣлали прежде. Большое препятствіе къ размельченію составляютъ зерна стали, которыхъ всегда остается въ шлакахъ довольно много (до 5%). Впрочемъ, на почвахъ, богатыхъ перегноемъ, и на легкихъ песчаныхъ почвахъ это содер-

жаніе сравнительно крупныхъ зеренъ не составляетъ, по мнѣнію Грандо, большого неудобства. Среднее содержаніе фосфорной кислоты въ шлакахъ нѣсколько превосходить 17%. Почти вся фосфорная кислота находится въ шлакахъ въ соединеніи съ известью и известь является важнѣйшею составною частью шлаковъ послѣ фосфорной кислоты. Въ шлакахъ содержится и сѣра (въ соединеніи съ известью или желѣзомъ); соединенія сѣры, окисляясь съ теченіемъ времени, даютъ гипсъ. Опыты въ Ортельсбургѣ (въ восточной Пруссіи) показываютъ, что, при употребленіи шлаковъ совместно съ каинитомъ подъ овесъ, урожай зерна получается въ 1½ раза большій, чѣмъ безъ шлаковъ (съ однимъ каинитомъ). На торфянистыхъ почвахъ Ганновера удобреніе шлаками луговъ оказало болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ удобреніе суперфосфатомъ; особенно благоприятно повліяли шлаки на ростъ различныхъ видовъ клевера. Дѣйствіе шлаковъ рѣзко замѣтно уже при употребленіи ихъ въ сыромъ видѣ въ тонко измолотомъ состояніи. Еще болѣе дѣйствительнымъ въ большинствѣ случаевъ оказывается преципитатъ, приготовляемый изъ шлаковъ Томаса. Флейшеръ, собравшій въ своей брошюрѣ много опытовъ надъ употребленіемъ шлаковъ, рекомендуетъ примѣнять ихъ такъ, какъ примѣняются суперфосфаты, т.-е. на полѣ задѣлывать ихъ при пахотѣ и боронованіи и возможно тщательно перемѣшивать ихъ съ пахотнымъ слоемъ почвы, а на лугъ вносить пораньше (съ осени), чтобы подвергать ихъ по возможности долѣ дѣйствію атмосферныхъ агентовъ и почвенной воды. Профессоръ Вагнеръ въ Дармштадтѣ, на основаніи своихъ опытовъ, пришелъ къ заключенію, что употребленіе сырыхъ шлаковъ выгоднѣе, чѣмъ употребленіе суперфосфатовъ на песчаныхъ почвахъ (особенно бѣдныхъ известью), на торфяникахъ и на лугахъ. Но преципитаты, приготовляемые изъ шлаковъ, не могутъ, по мнѣнію Вагнера, окупить издержекъ заготовленія. Опыты съ шлаками въ прошломъ году производились и въ Англій (Райтсонъ и Монро) и дали весьма удовлетворительные результаты на глинистыхъ почвахъ, бѣдныхъ известью; на такихъ почвахъ при внесеніи 500 килограммовъ сырыхъ шлаковъ на гектаръ (около 35 пудовъ на десятину) получалось громадное увеличеніе урожая по сравненію съ неудобренными участками. Во всякомъ случаѣ шлаки даютъ земледѣлю неожиданный ресурсъ удобрительныхъ матеріаловъ.

Перехода къ третьему цѣнному питательному веществу, къ кали, мы должны отмѣтить прогрессъ въ распространеніи каинита. Каинитъ завоевалъ себѣ уже прочное мѣсто въ практикѣ хозяйствъ остзейскихъ губерній и, вѣроятно, скоро начнетъ находить себѣ спросъ въ тѣхъ хозяйствахъ средней Россіи, гдѣ наступило время выгоднаго употребленія минеральныхъ туковъ. Еще недавно каинитъ внушалъ опасенія вслѣдствіе значительнаго содержанія хлора, но многочисленные опыты показали, что при соблюденіи извѣстныхъ приѣмовъ нечего бояться вреднаго дѣйствія хлора и что каинитъ можетъ быть весьма полезнымъ удобрительнымъ

материаломъ. Успѣшно дѣйствовать каинитъ можетъ только на почвахъ, свободныхъ отъ застоя воды и содержащихъ достаточное количество извести. Наилучшее время для внесенія каинита въ почву осень или ранняя весна. Для равномернаго распредѣленія и для болѣе быстраго растворенія рекомендуютъ сейчасъ же послѣ разсыпанія каинита захватывать его или же сильно проронивать землю. При употребленіи каинита на лугахъ луговая дернина сильно боронится тяжелыми желѣзными бородами. Кромѣ повышенія урожая сѣна, каинитъ на лугахъ полезенъ еще потому, что способствуетъ исчезновенію мховъ и кислыхъ злаковъ. Особенно хорошо дѣйствуетъ на лугахъ смѣсь каинита съ суперфосфатомъ или съ рогачною мукой. Каинитъ нашелъ себѣ примѣненіе не только какъ прямое одностороннее удобрительное средство, но еще какъ хранитель универсальнаго сельско-хозяйственнаго удобрения — хлѣвнаго навоза. Въ прошедшемъ году Гольдефлейсъ производилъ опыты надъ вліяніемъ прибавки различныхъ веществъ къ навозу на составъ навоза и на урожай растений, подъ которыя клался этотъ навозъ. Прибавка каинита способствуетъ сохраненію азота въ хлѣвномъ навозѣ вслѣдствіе того, что амміакъ связывается сѣрною кислотой каинита. Каинитъ можно прибавлять къ навозу какъ въ хлѣву, такъ и на гноищѣ. Съ тою же цѣлью довольно давно употребляется гипсъ, но каинитъ имѣетъ то преимущество передъ гипсомъ, что вслѣдствіе своей лучшей растворимости продолжаетъ задерживать амміакъ и въ сухомъ навозѣ; кромѣ того, при употребленіи каинита развивается меньше сѣроводорода, такъ что воздухъ менѣе портится, чѣмъ при посыпкѣ навоза гипсомъ.

Съ нынѣшняго года надо ждать въ Россіи новыхъ опытовъ по удобренію искусственными туками; опыты эти, несомнѣнно, помогутъ распространенію туковъ въ практикѣ, а, кромѣ того, можетъ быть, обогатятъ насъ и въ научномъ отношеніи, выяснивъ зависимость между туками и какими-нибудь мѣстными русскими условіями. Въ № 18 *Земледѣльческой Газеты* (отъ 3 мая) департаментъ земледѣлія помѣстилъ программу опытовъ и приглашеніе хозяевамъ заняться этими опытами. На первое время для опытовъ выбраны только фосфорнокислыя удобрения, и нужныя для опытовъ количества суперфосфата безвозмездно доставляются тѣмъ хозяевамъ, которыхъ департаментъ пригласилъ къ участію въ опытахъ. Для опытныхъ участковъ рекомендуется выбирать длинные, рядомъ лежащія полосы площадью по $\frac{1}{2}$ десятины. Для тѣхъ мѣстъ, гдѣ примѣняется навозъ, должны быть взяты четыре участка: одинъ удобренный только навозомъ, другой удобренный навозомъ и суперфосфатомъ, третій не удобренный и четвертый удобренный однимъ суперфосфатомъ. Тамъ, гдѣ навоза не употребляютъ, два крайніе участка должны быть удобрены суперфосфатомъ, а средній остается не удобреннымъ. Прежде всего рекомендуется производить опыты надъ озимюю рожью и надъ озимюю пшеницей. Обработка опытнаго поля должна производиться одновременно и

одинаково. Навоза не слѣдуетъ класть свыше нормальнаго количества (2,400 пудовъ на десятину). Суперфосфатъ (въ количествѣ 18 пудовъ на десятину) разбрасывается въ смѣшеніи съ достаточнымъ количествомъ земли недѣли за двѣ передъ посѣвомъ. Посѣвъ наиболѣе желателенъ машинный. Молотьбу слѣдуетъ производить по возможности скоро послѣ уборки. На слѣдующій годъ на тѣхъ же опытныхъ участкахъ тщательно опредѣляется урожай яроваго хлѣба. Въ программѣ опытовъ приложена форма, по которой должны быть излагаемы результаты опытовъ съ суперфосфатами.

Испытаніе фосфорнокислыхъ удобрений въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ дѣло не новое; въ нашей текущей специальной прессѣ ежегодно появляются отчеты объ опытахъ такого рода, причѣмъ хозяева, производившіе опыты, приходятъ иногда къ противорѣчивымъ результатамъ. Нерѣдко перѣшительные результаты опытовъ зависятъ отъ того, что были упущены какіе-нибудь важные техническіе приемы. Напримѣръ, иногда туки подвергаются слишкомъ недостаточному измельченію, а, между тѣмъ, успѣшное дѣйствіе туковъ въ громадной степени зависитъ отъ ихъ механическаго измельченія. Изъ числа неудачныхъ опытовъ употребленія фосфорнокислыхъ удобрений за послѣднее время можемъ назвать опытъ г. Талько въ Могилевской губерніи (*Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* 1885 г., № 3); напротивъ, къ числу удачныхъ опытовъ принадлежитъ опытъ г. Малышева съ суперфосфатами въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи (*Земледѣльческая Газета* 1886 г., № 6).

Въ то время, когда хозяева нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи дошли уже до сознанія важности одностороннихъ удобрительныхъ туковъ, въ черноземной полосѣ найдутся громадныя площади, гдѣ до сихъ поръ универсальное навозное удобрение составляетъ новизну. Для такихъ мѣстностей настоятельно нужна широкая огласка пользы навознаго удобрения, сопровождаемая прямыми учетами его выгодъ. Г. Клингенъ въ докладѣ харьковскому областному сельско-хозяйственному съѣзду представилъ остроумныя вычисленія технической и экономической рентабельности навознаго удобрения. Подъ техническою рентабельностью какого-нибудь культурнаго приема понимается та прибавка въ урожай, которая получится вслѣдствіе употребленія этого приема. Подъ экономической рентабельностью разумѣется увеличеніе чистаго дохода, приходящееся на единицу площади вслѣдствіе употребленія того же приема. Въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на плодородномъ, но сильно выпаханномъ и почти не удобрявшемся супесчаномъ черноземѣ съ большимъ содержаніемъ перегноя, г. Клингенъ получалъ, при удобрении 2,400 п. обыкновеннаго соломятаго навоза, запаханнаго при взметѣ на $2\frac{1}{2}$ вершка въ маѣ и перепашаннаго на 4 вершка въ іюлѣ, прибавку въ урожай или техническую оплату отъ 60% до 120%, причѣмъ никогда не удобрявшіеся участки показали наивысшій результатъ. Чистая экономическая рентабельность

для озимой пшеницы (при цѣнѣ 80 к. на мѣстѣ) составила 14 рублей на десятину. Въ Волчанскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, удобрение навозомъ даетъ на культурныхъ земляхъ отъ 60% до 70% прибыли въ урожаѣ, на некультурныхъ—отъ 70% до 100%. Обычная прибавка въ урожаѣ пшеницы составляетъ отъ 25 до 40 пудовъ. Экономическая рентабельность простирается до 18 рублей съ 1 десятины при погашеніи стоимости удобрения въ одинъ годъ. Урожай овса на некультурной и неудобренной землѣ 8—10 четвертей, на культурной удобренной 18—20 четвертей. При внесении навознаго удобрения на черный паръ урожай слѣдующей за паромъ свеклы можетъ увеличиваться въ $2\frac{1}{2}$ раза. Такіе результаты заслуживаютъ особаго вниманія со стороны южно-русскихъ хозяевъ, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ недовѣрчиво относятся къ навозному удобрению. Лѣтъ сорокъ тому назадъ крестьяне Мокшанскаго уѣзда (Пензенской губерніи) подавали жалобу на своего помѣщика и въ этой жалобѣ упоминали, между прочимъ, что «онъ, безбожникъ, принуждаетъ пакостить нашу кормилицу скотскимъ пометомъ».

Теперь едва ли гдѣ скотскій навозъ на поляхъ признается за «пакость», но во многихъ мѣстахъ такое предубѣжденіе сохранилось относительно человѣческихъ изверженій—весьма важнаго универсальнаго удобрения, которому, однако, принадлежитъ еще слишкомъ скромная роль въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Наши большіе города не знаютъ, куда дѣвать громадныя массы своихъ нечистотъ, а въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ этихъ городовъ и поля, и особенно дуга могли бы съ избыткомъ окупить издержки на приспособленіе городскихъ нечистотъ къ удобрению. Еще въ древности Колумела понималъ высокое удобрительное значеніе человѣческихъ изверженій и справедливо ставилъ ихъ на второе мѣсто послѣ птичьяго помета и выше навоза всѣхъ домашнихъ млекопитающихъ животныхъ. У насъ въ Россіи сельско-хозяйственное употребленіе помета весьма мало развито; по крайней мѣрѣ, въ литературѣ встрѣчается очень немного указаній на такое употребленіе. При харьковской земледѣльческой школѣ, на фермѣ, уже въ теченіе 10 лѣтъ пометъ смѣшивается съ торфянымъ мусоромъ и золою и въ такомъ видѣ поступаетъ на удобрение полевой, садовой и огородной почвы. Въ ежегодныхъ обзорахъ русскаго сельскаго хозяйства, издаваемыхъ департаментомъ земледѣлія, упоминаются кое-какіе случаи удачнаго примѣненія этого помета на удобрение полей (напр., въ 1883 году въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Ростромской губерніи, въ 1884 году въ Новгородскомъ уѣздѣ).

Однимъ изъ способовъ утилизациі городскихъ нечистотъ служить употребленіе кловачной жидкости на орошеніе полей *). По этому предмету интересны опыты надъ обезвреживаніемъ нечистотъ почвою, предприня-

*) Тѣмъ, кто интересуется вопросами объ удаленіи и обезвреживаніи городскихъ нечистотъ, мы можемъ рекомендовать недавно вышедшій *Указатель литературы по этимъ вопросамъ*, составленный инженеромъ Эрихомъ (Спб., 1885 г.).

тые съ 1881 года при Петровской академіи (отчетъ А. А. Фадѣева объ этихъ опытахъ за три года помѣщенъ въ *Извѣстіяхъ Московской Городской Думы* 1884 г.). Не касаясь здѣсь самаго вопроса объ обезвреживаніи (который составлялъ главную задачу опытовъ), упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ агрономическихъ выводахъ изъ этихъ опытовъ.

Хлѣбныя растенія удаются на поляхъ орошенія лишь тогда, когда почва была предварительно удобрена сильнымъ клоачнымъ орошеніемъ, а во время своего произрастанія они переносятъ лишь самое слабое, слегка увлажняющее орошеніе. Непосредственное орошеніе въ значительныхъ количествахъ переносятъ кукуруза, тыква и грубые роды капусты. Свекла развивается роскошно и нормально, когда слой оросительной жидкости не превышаетъ нѣкоторой высоты (0,4 саж.); при слобъ бѣльшей высоты получаютъ переразвитыя растенія, трудно выдерживающія храненіе. Изъ однолѣтнихъ кормовыхъ травъ при клоачномъ орошеніи отлично удаются викова смѣсь и могоаръ, а изъ многолѣтнихъ сборная ежа, лисехвость, французскій райграссъ и нѣсколько меньше тимоеевка. Клеверъ и англійскій райграссъ пропадаютъ на слѣдующій годъ послѣ орошенія. Многолѣтнія травы при непосредственномъ клоачномъ орошеніи могутъ давать до 4½ тысячъ пудовъ растительной массы, но эта трава должна быть скормливаема въ зеленомъ видѣ, ибо на сѣно она, по заключенію г. Фадѣева, непригодна. При существованіи канализаціи городъ можетъ съ выгодою утилизировать нечистоты только въ томъ случаѣ, если канализація эта будетъ раздѣльная, а не силавная.

Новомоднымъ способомъ удаленія городскихъ нечистотъ является употребленіе растительнаго войлока (сфагнумъ) или такъ называемой войлочной ассенизаціи. По заключенію германскихъ опытныхъ станцій, растительный войлокъ, какъ удобрительное средство, имѣетъ преимущества передъ хлѣбнымъ навозомъ по своему составу: азота въ немъ больше, фосфорной кислоты столько же и кали лишь немногимъ меньше, чѣмъ въ навозѣ. Но при вывозѣ его изъ городовъ нужна особая осторожность во избѣжаніе разноса заразныхъ микроорганизмовъ. Въ теченіе послѣдней зимы въ Одессѣ была образована коммиссія для испытанія растительнаго войлока, но пока эта коммиссія занималась анализомъ войлока съ гигиенической стороны; дѣйствіе тука на почву и на растительность будетъ испытано лѣтомъ 1886 года; кромѣ Одессы, еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ предпринимаются опыты надъ удобрительнымъ значеніемъ тука, получающагося при войлочной ассенизаціи. Въ садоводствѣ, по мнѣнію Р. И. Шредера, употребленіе войлочнаго тука весьма выгодно.

Отъ вопросовъ удобрения перейдемъ къ обзору нѣкоторыхъ новостей, относящихся къ приемамъ обработки почвы и посѣва сельско-хозяйственныхъ растеній.

Опыты г. Смирнова, произведенные на Маринской фермѣ вблизи Са-

ратова, показываютъ, что у насъ, въ юго-восточной Россіи, разрыхленная земля въ теченіе всего лѣта остается въ болѣе влажномъ состояніи, чѣмъ покрытая травой почва и чѣмъ земля, вспаханная въ пласты *); при вспашкѣ въ пласты послѣдующее боронованіе значительно способствуетъ удержанію влаги въ почвѣ. Въ климатѣ, страдающемъ отъ засухъ, большое значеніе имѣетъ разрыхленіе почвы въ видѣ обработки междурядій при воздѣлываніи пропашныхъ (плугополольных) растений. Опыты того же г. Смирнова подтверждаютъ (въ противность мнѣнію, недавно высказанному однимъ специалистомъ) значеніе осенней вспашки, какъ средства, умѣряющаго вліяніе засухи на растенія.

Г. Блингенъ въ томъ же докладѣ, о которомъ мы упоминали выше, приводитъ прямыя вычисленія выгоды различныхъ приѣмовъ обработки при воздѣлываніи сахарной свеклы. Были вспаханы три участка раіольными плугами Сакка на 8, 7 и 6 вершковъ. При 8-ми вершковой пахотѣ урожай свеклы получился въ $112\frac{1}{2}$ берковцевъ на десятину, при 7-ми вершковой— $108\frac{3}{4}$ берковцевъ, при 6-ти вершковой— $99\frac{1}{8}$ берковцевъ; техническая оплата для 7-ми вершковой глубины составляетъ 10%, для 8-ми вершковой— $13\frac{1}{2}\%$ по сравненію съ шестивершковой пахотой; напротивъ, экономическая оплата для перваго вершка углубленія оказывается 300%, а для втораго вершка только 183%; значить, при данныхъ условіяхъ пахать на 7 вершковъ (вмѣсто шести) выгодно, а на 8 уже невыгодно.

Глубокое разрыхленіе междурядій въ одномъ опытѣ дало техническую оплату въ 11% урожая свеклы, въ другомъ опытѣ въ 21% выхода сахара на десятину (безъ рыхленія получилось 130 пудовъ сахара съ десятины, при рыхленіи—166 пудовъ).

Вліяніе укатыванія на урожай свеклы выразилось такимъ образомъ, что укатанный участокъ далъ $99\frac{1}{2}$ пудовъ сахара съ десятины, а неукатанный $73\frac{1}{3}$ пуда; слѣдовательно, техническая оплата укатыванія составила $35\frac{1}{2}\%$, а расходы на укатываніе равнялись только 20 копѣйкамъ на 1 десятину; значить, экономическая рентабельность оказалась громадною. Ранняя прорывка свеклы выражается техническою оплатой въ 92%, а средняя прорывка только въ 58%; стало быть, ранняя прорывка оказывается гораздо выгоднѣе.

Многіе результаты, сообщаемые г. Блингеномъ, извѣстны были и раньше въ практическомъ русскомъ хозяйствѣ, но только въ качественномъ видѣ; количественному же измѣренію (наиболѣе поучительному)

*) Венгерскій изслѣдователь Арпадъ Геншъ нашелъ, что прикатанная почва бываетъ сначала въ верхнихъ слояхъ влажнѣе, чѣмъ разрыхленная съ поверхности, но если наступаетъ продолжительная сухость, то прикатанная почва высыхаетъ въ глубинахъ, слояхъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ разрыхленная съ поверхности. Мелкая пахота и боронованіе иссушаютъ поверхностные слои, но сохраняютъ влагу въ болѣе глубинахъ, напротивъ, употребленіе катка сохраняетъ влагу въ поверхностномъ слое, и потому умѣстно при посѣвѣ, при задылкѣ навоза и живнвья.

эти результаты, как кажется, подверглись на русской почвѣ впервыя. Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ относимся мы только къ одному сообщенію г. Клингена, — къ сообщенію о рѣзкихъ водоотталкивающихъ свойствахъ чернаго пара. Мы отнюдь не сомнѣваемся въ полученныхъ имъ результатахъ, но они настолько удивительны, что требуютъ тщательной повѣрки и особаго вниманія. Позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на этихъ наблюденіяхъ и воспользуемся для этого изложеніемъ самого автора.

«Замѣчено, — говоритъ г. Клингенъ *), — что больше всего выпадаетъ влаги надъ прудами и вблизи лѣсовъ, также надъ большими клиньями съ кормовыми травами и вблизи обширныхъ степей, — словомъ, большихъ поверхностей, покрытыхъ хорошею растительностью. Наоборотъ, менѣе выпадаетъ влаги на крестьянскихъ яровыхъ и толочныхъ земляхъ и нѣе всего на экономическихъ черныхъ парахъ съ паровою обработкой, которые, какъ я убѣдился, при сколько-нибудь значительной площади, служатъ настоящими водоотражателями: надъ ними всегда стоятъ горячіе восходящіе токи воздуха, чувствуемые отчетливо въ безвѣтряное время. Разница между температурой чернаго пара и озимыми полями бываетъ поразительна и достигаетъ до 7° по Цельсію и даже гораздо болѣе, чѣмъ и объясняется водоотталкивающая способность чернаго пара. Въ нынѣшнѣмъ (1885) году разница въ распредѣленіи влаги между клиньями съ чернымъ паромъ и зелеными покровами была такъ велика и такъ ярка выдѣлялась, что я нарочно поставилъ дождемѣръ на черный паръ, и оказалось, что влаги на черномъ пару выпадало въ 2 раза менѣе, чѣмъ вблизи степей, а весь іюнь и большую часть іюля здѣсь стояла почти сплошная засуха, тогда какъ въ степной части экономіи выпало болѣе ста миллиметровъ дождя. Крестьянскія толоки помѣщались между двумя экономіями съ хорошими хлѣбными и травяными зелеными покровами, пересѣаемыми только въ умѣренной степени черными парами. На этомъ пространствѣ стояли 3 дождемѣра, и крестьяне, видя, что все лѣто у насъ перепадали небольшіе дожди, а у нихъ стояла все время почти сплошная засуха, пытались уничтожить инструменты, говоря, что ими всю воду оттягиваемъ къ себѣ, такъ какъ фактъ обхода дождевыми тучами крестьянскихъ полей поистинѣ былъ поразителенъ. Не разъ я съ своими помощниками наблюдалъ, какъ тяжелыя тучи, разразившіяся обильнымъ дождемъ на поляхъ одной изъ экономій, проходя надъ крестьянскими накаленными землями, блѣднѣли, расплывались, какъ бы таяли, а пройдя черезполосицы и достигнувъ травяныхъ полей другой экономіи, снова разражались дождемъ».

Если наблюденія г. Клингена подтвердятся и результаты ихъ получатъ достаточную огласку, то знаніе фактовъ подобнаго рода можетъ по-

*) Докладъ харьковскому съезду, стр. 24—26.

вести къ значительнымъ измѣненіямъ въ полевой культурѣ южно-русскихъ хозяйствъ, по крайней мѣрѣ, хозяйствъ прогрессивныхъ.

По отношенію къ посѣву сельско-хозяйственныхъ растений интересны послѣдніе опыты Вольни, произведенные надъ намоченными и высушенными сѣменами. Были взяты сѣмена пяти хлѣбныхъ злаковъ: пшеницы, ржи, ячменя, овса и кукурузы. Послѣ намачиванія сѣмена были подвергнуты осторожному высушиванію и затѣмъ снова увлажнены; оказалось, что такія сѣмена развиваются быстрѣе, чѣмъ воздушно-сухія сѣмена той же величины. Производительная способность растений усиливается отъ намачиванія ихъ сѣмянъ. Растенія изъ намоченныхъ сѣмянъ зацвѣтаютъ раньше, но созреваютъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ растенія, вышедшія изъ сѣмянъ не намоченныхъ. Оказалось, кромѣ того, что намачиваніе усиливаетъ индивидуальныя различія въ развитіи отдѣльныхъ растений. По мнѣнію Вольни, въ практикѣ намачиваніе сѣмянъ можетъ быть особенно пригоднымъ при посѣвѣ на легко высыхающихъ, рыхлыхъ почвахъ, которыя допускаютъ глубокую задѣлку сѣмянъ.

Вымораживаніе прорастающихъ сѣмянъ можетъ иногда дать въ результатъ растенія, терпѣливо относящіяся къ морозу и болѣе скороспѣлыя. По наблюденію г. Ш. въ Курской губерніи (*Труды Вольн. Экономич. Общ.* 1886 г. № 1), этимъ свойствомъ можно пользоваться для того, чтобы собирать два урожая гречихи на одномъ мѣстѣ въ одинъ и тотъ же годъ; первый посѣвъ можно производить съ осени; многократное промерзаніе разбухшаго и проросшаго зерна можетъ не помѣшать успѣшному цвѣтенію гречихи. Въ Тимскомъ и Старооскольскомъ уѣздахъ (Курской губерніи) крестьяне часто сѣютъ гречу въ началѣ великаго поста, убираютъ ее въ іюнѣ на зерно, сѣютъ второй разъ гречу на кормъ и успѣваютъ еще въ сентябрѣ засѣять поле рожью.

Въ изготовленіи машинъ и орудій, служащихъ для обработки почвы и для посѣва, замѣчается непрерывный прогрессъ. Почти каждый мѣсяцъ публикуется какое-нибудь усовершенствованіе въ области сельско-хозяйственной механики. Несмотря на слабое распространеніе машинной работы въ нашѣмъ отечествѣ, и у насъ появляются время отъ времени изобрѣтенія въ этой области. Напримѣръ, въ концѣ прошлаго года г. Деидовъ изъ Нижегородской губерніи описалъ изобрѣтенную имъ новую рядовую сѣялку (*Земледѣльческая Газета* 1885 г., № 40). Въ этой сѣялкѣ количество высѣваемаго зерна регулируется до поступленія въ выбрасывающій приборъ посредствомъ передвиженія вверхъ и внизъ доски, движущейся въ пазахъ и раздѣляющей сѣяльный ящикъ на 2 отдѣленія. Маркеръ, придѣланный сбоку, начерчиваетъ слѣдъ для одной изъ лошадей на слѣдующій ходъ, и вслѣдствіе этого самъ сѣвецъ можетъ слѣдить за сошниками (обыкновенно очистка сошниковъ поручается отдѣльному работнику или полуроботнику).

Г. Масляниковъ (редакторъ журнала *Сельскій Хозяинъ*) напомнилъ

недавно объ остроумной разбросной сѣялкѣ Стоддарта, которая выгодна тѣмъ, что она приспособляется для подвѣшыванія къ граблямъ «Тигръ». Конныя грабли орудіе настолько выгодное, что окупается часто въ одинъ годъ; между тѣмъ, сѣялка въ небольшихъ хозяйствахъ принадлежитъ къ числу наиболѣе поздно приобретаемыхъ орудій. При существованіи въ хозяйствѣ конныхъ граблей (подлиннаго «Тигра») требуется уже сравнительно небольшой расходъ на приобретение сѣятельнаго аппарата Стоддарта. Сѣять этою машиной очень легко, потому что сѣвецъ помѣщается на грабельномъ сидѣньи.

Упомянемъ кстати еще объ одномъ приборѣ для посѣва, который только что началъ распространяться въ Россіи и встрѣтилъ слишкомъ преувеличенныя похвалы съ одной стороны и, можетъ быть, слишкомъ недружелюбный приемъ съ другой стороны. Мы говоримъ о ручной смычковой сѣялкѣ Гузіера; описаніемъ и распространеніемъ этого прибора занялся тотъ же г. Маслянниковъ (*Сельскій Хозяинъ*, №№ 1, 12, 23). Машинка эта изобрѣтена въ Америкѣ и продается тамъ по 5 долларовъ. Она состоитъ изъ деревянной рамки съ ковшемъ, къ которому прикреплены полотняный мѣшокъ и ременная португеза, надѣваемая черезъ плечо. Ковшъ имѣетъ желѣзное дно - задвижку, которое посредствомъ особаго рычага раздвигается, оставляя то большее, то меньшее отверстіе для выхода зерна (смотря по роду высѣваемыхъ сѣмянъ). Снизу ковша, подъ отверстіемъ для выпаденія зерна, укрѣплена на вертикальной оси жестяная тарелка, раздѣленная шестью перегородками. Вокругъ вертикальной оси обматывается тонкій ремешекъ, прикрепленный къ смычку, имѣющему спирали съ обѣихъ сторонъ того мѣста, которымъ онъ вкладывается въ рамку сѣялки. По установкѣ регулятора, дно задвигается, машина надѣвается на сѣвца, а въ мѣшокъ помѣщается 1 — 1½ мѣры зерна. Пустившись въ путь, сѣвецъ быстро открываетъ дно и двигаетъ смычки взадъ и впередъ, какъ бы играя на віолончели. Зерно падаетъ на вращающуюся тарелку и разбрасывается перегородками передъ сѣвцомъ и вправо и влево отъ него.

Испытаній этой машинки пока еще опубликовано немного; противники ея утверждаютъ, что посѣвъ выходитъ, все-таки, неравномѣрнымъ и что *игра* смычкомъ при большихъ размахахъ руки очень быстро утомляетъ сѣвца.

Въ области частной культуры идетъ непрерывный процессъ введенія новыхъ сортовъ культурныхъ растений, испытанія акклиматизаціи различныхъ сортовъ и видовъ и даже введенія въ сельско-хозяйственную культуру совершенно новыхъ растений. На сортахъ мы долго останавливаться не будемъ. Упомянемъ только, что въ русской полевой культурѣ особенно пошли въ ходъ за последнее время разнообразныя сорта овса; рекомендуется, между прочимъ, овесъ «желанный» (*Сельскій Хозяинъ*, № 18); снопы котораго, величиной въ человѣчскій ростъ, красуются на аме-

риканскихъ картинкахъ-рекламахъ. Пользующіеся извѣстностью эрфурт-скія сѣменные фирмы стали распространять нубійскій овесъ съ темно-бурымъ стеблемъ и темно-бурыми колосьями. Многіе опыты по введенію новыхъ сортовъ оканчиваются неудачно; напр., г. Монинъ (*Земледѣльч. Газ.* 1886 г., № 9) попытался ввести въ Воронежской губерніи посѣвъ орenburgскаго проса; оказалось, что этотъ сортъ далъ меньшій урожай, чѣмъ обыкновенное просо, и, притомъ, зерно было легковѣснѣе и съ меньшимъ выходомъ пшена. Изъ сортовъ льна вводится (*Сел. Хоз.*, № 20) бѣлосѣмянный австраійскій ленъ съ бѣлыми цвѣтами, созрѣвающій дней на 10 раньше другихъ сортовъ.

Изъ числа растений, сравнительно недавно испробованныхъ въ нашей полевой культурѣ, продолжаютъ, между прочимъ, опыты надъ сорго, надъ росичкой, надъ кавказскою живокостью.

Опыты съ культурой сорго въ Павловскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, показываютъ, что урожай сахарнаго сорго въ данной мѣстности не можетъ считаться вѣрнымъ: въ 1883 г., благодаря сухой и теплой осени, большая часть сорго созрѣла, а въ 1884 г. созрѣвшихъ стеблей было незначительное количество.

Опыты 1885 года въ Таврической губерніи были довольно удачны: съ десятины получилось около 1,300 пудовъ неочищенныхъ стеблей или около 1,000 пудовъ обезлиственныхъ стеблей, откуда извлечено до 70 пудовъ сиропа (густотой 34° по Боме). Для успѣшной культуры сахарнаго сорго оказываются необходимыми легкая почва, ровное, открытое мѣстоположеніе, ежегодная выписка сѣмянъ изъ Америки, посѣвъ во второй половинѣ апрѣля; уходъ за посѣвами состоитъ только въ полѣтѣ и окучиваніи (*Земледѣль. Газ.* 1885 г., № 48). Опыты воздѣлыванія росички (*Rapicum sanguineum*) привели въ различныхъ мѣстахъ къ довольно неутѣшительнымъ результатамъ. Въ Скопинскомъ уѣздѣ (*Сел. Хозяинъ*, № 22) посѣвъ росички на четырехъ десятинахъ окончился полною неудачей; положимъ, лѣто 1885 года было исключительно неблагоприятное для яровыхъ. Въ Себежскомъ уѣздѣ, Витебской губ. (*Земледѣль. Газ.* 1886 г., № 6), культуру росички нашли возможною и въ числѣ цѣлей ея воздѣлыванія указываютъ на возможность винокуренія изъ этого хлѣба. Въ неочищенной мукѣ изъ росички оказалось около 47% крахмала; средней выходъ изъ пуда около 27 градусовъ, а изъ очищенной муки позволительно ждать до 35 градусовъ. Винокуреніе изъ росички можетъ быть выгоднымъ только въ случаѣ особыхъ льготъ акцизнаго вѣдомства. Кавказская живокость (*Synphytum aspergillum*), кормовое растеніе, послѣднимъ лѣтомъ была съ успѣхомъ испробована даже въ сухой мѣстности Елатеринославской губерніи (*Сел. Хоз.*, № 5).

Совершенно новыми для европейской культуры растеніями являются описанныя въ послѣднее время *Pueraria Thunbergiana* и *Boehmeria utilis*.

Pueraria Thunbergiana описана Тюеномъ (*Oester. landwirth. Wochen-*

blatt 1884); это растение принадлежит къ семейству мотыльковыхъ является туземнымъ въ Японіи, гдѣ носитъ названіе «кудзукъ» или «куза». По вѣшнему виду это вьющійся полугустарникъ съ необыкновенно роскошнымъ ростомъ. Цѣли воздѣлыванія его довольно разнообразны: изъ корня добывается крахмалъ, листья употребляются въ кормъ скоту, волокончатое вещество идетъ на пряжу. Тюменъ высказываетъ предположеніе, что это растение, быть можетъ, окажется годнымъ для приготовленія бумаги.

Boehmeria utilis или «рами» (растение, описанное во французскомъ *Journ. Agric. prat.* 1884) даетъ весьма тонкія волокна, употребляемыя на пряжу въ Китаѣ. Это растение съ успѣхомъ культивируется въ южной Франціи и въ Алжирѣ. Урожай съ десятины (въ южной Франціи) получился на второй годъ произрастанія въ 420 пудовъ сухихъ стеблей на третій годъ въ 630 пудовъ и на четвертый годъ въ 675 пудовъ. Надѣются, что скоро рами сдѣлается важною статьей французской торговли. Опыты съ воздѣлываніемъ рами производятся сейчасъ еще въ Швейцаріи.

Большой интересъ представляетъ сообщеніе Касснера (въ особой брошюрѣ) о возможности культуры осота, между прочимъ, для полученія каучука. Каучукъ содержится въ млечномъ сокѣ многихъ сложноцвѣтныхъ растений (таковы, напримѣръ, *Lactuca*, *Sonchus*, *Taraxacum*, *Cichorium*, *Tragopogon* и др.). Касснеръ занялся специально изслѣдованіемъ одного изъ видовъ нашей злѣйшей сорной травы—осота, а именно *Sonchus oleraceus*. Осотъ всего лучше произрастаетъ на почвахъ, богатыхъ калиемъ. Надземная часть содержитъ около 12% сухаго вещества, а въ немъ воды—10,78%; большую часть золы составляютъ соли калия (52,17%). Азота въ сухомъ веществѣ 2,5%, что соответствуетъ 15,63% протеина, клетчатки 19,54%; эти аналитическія данныя позволяютъ признать за осотомъ высокое кормовое достоинство. Въ вытяжкѣ, получаемой съ помощью бензина или сѣроуглерода, заключается вмѣстѣ съ жирами и съ хлорофилломъ также и каучукъ; каучукъ можно изолировать, если вытяжку кипятить со спиртомъ и не растворившійся остатокъ подвергнуть нагрѣванію съ спиртовымъ растворомъ ѣдкаго калия, повторно промывая горячимъ спиртомъ (при этомъ извлекаются жиръ, воскъ и хлорофиллъ) остается эластическій, плавкій, нѣсколько темный каучукъ, растворимый въ сѣроуглеродѣ, хлороформѣ и отчасти въ эфирѣ. Чистый каучукъ составляетъ, по опредѣленію Касснера, 0,187% высушеннаго растенія. Хотя такое процентное содержаніе несравнимо съ содержаніемъ каучука въ американскихъ растеніяхъ (*Siphonia elastica* содержитъ его 31%, *Ficus elastica*—9%), но за то самое растеніе всегда находится подъ рукою и Касснеръ признаетъ будущность за мѣстнымъ приготовленіемъ европейскаго каучука; при этомъ онъ указываетъ на совмѣстное пользованіе осотомъ, какъ кормовымъ растеніемъ, и на возможность приготовленія бумаги изъ волосковъ осота.

Съ одной стороны, ряды культурныхъ растений увеличиваются новыми пришельцами иноземнаго и мѣстнаго происхожденія, но, съ другой сто-

ны, даже старымъ, испытаннымъ растеніямъ грозитъ сильная конкуренція продуктовъ минеральныхъ. Красивыя растенія быстро исчезаютъ подъ давленіемъ дешевыхъ адизариновыхъ красокъ; масляныя растенія начинаютъ терять спросъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности вслѣдствіе распространенія минеральныхъ маселъ. Наконецъ, и для харистыхъ веществъ растительнаго происхожденія появилась конкуренція въ видѣ сахарина. Сахаринъ (открытый Фаленбергомъ) есть перое сладкое вещество, полученное изъ каменноугольнаго дегтя. Опыты, произведенныя на кроликахъ и собакахъ, показываютъ, что сахаринъ въ большихъ количествахъ безвреденъ. По Штутцеру, онъ, однако, не оказываетъ сберегающаго дѣйствія на бѣлки (какъ сахаристыя углеводы), такъ и питательное его достоинство весьма сомнительно. Онъ обладаетъ нѣкоторыми противобродильными свойствами (болѣе сильными, чѣмъ тимолъ, почти одинаковыми съ салициловою кислотою). Въ ближайшемъ будущемъ сахаринъ стануть употреблять для подслащиванія ликеровъ, лѣрствъ и печенья.

Прогрессъ въ цѣлѣ человѣческихъ знаній, относящихся къ земледію, состоитъ не только въ открытіи новыхъ техническихъ приѣмовъ усовершенствованія сортовъ культурныхъ растеній, но также и въ систематическомъ ознакомленіи со всѣми препятствіями къ успѣшному произрастанію этихъ растеній. Видное мѣсто въ ряду такихъ препятствій занимаютъ вредныя насѣкомыя, избытокъ которыхъ порождается иногда юю земледѣльческою культурой. Изученіе насѣкомыхъ, вредящихъ скому земледѣлію, постепенно подвигается впередъ. Изучаются усложни жизни насѣкомыхъ, изстари извѣстныхъ, открываются новыя облаихъ распространенія, а отчасти и новыя, прежде неизвѣстныя враги медѣлія. Года два тому назадъ проф. Линдеманъ въ капитальной раѣ о саранчѣ въ Донской области собралъ цѣлый рядъ убѣдительныхъ азательствъ въ пользу того, что единственнымъ расадинокомъ саранчи жать плавни и займища. Новое подтвержденіе для такого мнѣнія да. недавнія наблюденія того же изслѣдователя надъ саранчею въ Куской области. Прежде полагали, что саранча способна размножаться ю въ сухихъ мѣстахъ и что яички ея не выносятъ затопленія. На ъ же оказывается, что яички саранчи вовсе не страдаютъ отъ прокительнаго затопленія, что массы саранчи выводятся въ плавняхъ, пляемыхъ весною, и что молодая саранча питается, главнымъ обра., болотными растеніями. Успѣшнымъ приѣмомъ по истребленію саж является утаптываніе плавней скотомъ для уничтоженія яичекъ. Въ 4 году впервые испробовали такое утаптываніе въ Ростовскомъ уѣздѣ съ щью рогатаго скота и конскихъ табуновъ. Въ 1885 году та же мѣра оа.сь очень удачною въ Кубанской области. Проф. Линдеманъ признаетъ вательнымъ ходатайство, представленное одесскимъ сѣздомъ, происхо.имъ въ апрѣлѣ 1885 года, относительно того, чтобы былъ учре.ть постоянный надзоръ за появленіемъ саранчи въ плавняхъ и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, чтобы были отмѣнены статьи продовольственнаго устава, которыми узаконяются нѣкоторыя мѣры истребленія саранчи (напримѣръ, перенашка и боронованіе мѣстъ, занятыхъ ячкями). Прогрессируетъ и знакомство съ гессенскою мухою, которую по ея малой величинѣ весьма легко проглядѣть и приписать вызванныя ею поврежденія какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Въ 1885 году можно было констатировать поврежденія, причиняемыя гессенскою мухою въ 36 губерніяхъ средней, южной и восточной Россіи (*Сел. Хозяинъ*, № 9).

Къ числу такихъ насѣкомыхъ, вредность которыхъ лишь недавно обратила на себя вниманіе, принадлежатъ хлѣбная мошкара и зерновой червь. Хлѣбная мошкара (*Haltica vittula*) производитъ на ржи поврежденія, похожія на поврежденія отъ гессенской мухи. По наблюденію проф. Линдемана, личинка хлѣбной мошкары вызываетъ во второй половинѣ іюня паденіе взрослыхъ стеблей ржи, причѣмъ нѣкоторые стебли только подламываются и перегибаются; на нижнемъ концѣ поврежденнаго стебля можно замѣтить неправильное выѣденное отверстіе съ неровными побурѣвшими краями. Кромѣ ржи, повреждаются пшеница и ячмень. Взрослое насѣкомое есть маленькій прыгающій черный жукъ съ тонкою желтою продольною полоскою на каждомъ надкрыліи. Личинка—маленькій бѣлый червячекъ, съ черными пятнами и черною головкой; живетъ она до конца іюля. Въ теченіе года выводится одно поколѣніе. Жуки зимуютъ и держатся весною на живыхъ того же поля, гдѣ они вывелись.

Зерновой червь есть гусеница бабочки *Nadena basilinea*. Вредъ отъ этой гусеницы впервые подмѣченъ былъ только осенью 1885 года въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, Вятской и Пермской. Въ Западной Европѣ зерновой червь по временамъ появлялся во множествѣ и наносилъ вредъ различнымъ хлѣбамъ. Зерновой червь поѣдаетъ зерно въ снопахъ и кладяхъ и, разъ появившись, можетъ причинять значительный убытокъ; поэтому слѣдуетъ безотлагательно молотить тотъ хлѣбъ, въ которомъ замѣчаются черви.

Для южно-русскаго винодѣлія открыты два новыхъ врага, принадлежащихъ растительному міру; о нихъ сообщаетъ г. Красильщикъ въ отчетѣ объ осмотрѣ припрутскихъ виноградниковъ. Одинъ изъ этихъ враговъ, *Reposproga viticola*, хорошо извѣстенъ въ Америкѣ, гдѣ на американскихъ сортахъ винограда онъ вызываетъ особую болѣзнь (*mildew*), имѣющую цѣлую литературу; въ Бессарабіи этотъ грибокъ оказался туземнымъ, ибо найденъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было американскихъ виноградныхъ лозъ. Другой грибокъ (г. Красильщикъ даетъ ему названіе *Paraphysella radicolica*) паразитируетъ на корняхъ винограда и имѣетъ весьма большую площадь распространенія.

Заглянемъ еще не надолго въ область животноводства. Въ научной литературѣ животноводства заслуживаетъ особаго вниманія недавній выходъ въ свѣтъ второй части сочиненія Даммана: *Die Gesundheitspflege*

der landwirthschaftlichen Haussäugethiere. Желательно, чтобы и на русском языкѣ явилось возможно скорѣе окончаніе этого произведенія, отличающагося замѣчательною полнотою, живостью и ясностью изложенія. Вторая часть заключаетъ въ себѣ главы о кормленіи, о болѣзняхъ и порчѣ кормовыхъ растений, объ ядовитыхъ растеніяхъ (съ роскошными иллюстраціями), о хлѣбѣ, о пастбищѣ, объ уходѣ за кожей, о воспитаніи скота, о пользованіи скотомъ и о дезинфекціи.

Силосованіе кормовъ продолжаетъ интересоватъ и хозяевъ-практиковъ, и ученыхъ. Силосованіе, значительно распространившееся во Франціи и въ Россіи, въ послѣднее время стало быстро развиваться и въ Англіи. Наряду со старымъ, гоффаровскимъ способомъ заквашиванія кормовъ сталъ входить въ употребленіе, между прочимъ, и въ русской практикѣ (см., наприм., *Земледѣльческую Газету* 1886 г., № 3) способъ Фрея или приготовленіе «сладкаго» силосованнаго корма. Броженіе корма въ способѣ Фрея ведется такъ, чтобы температура въ силосѣ стояла между 40° и 60° Р. Горячіе приверженцы силосованія нерѣдко упускаютъ изъ вида неизбежные недостатки этого способа заготовленія кормовъ. По опытамъ Кюна, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда соблюдаются различныя предосторожности, силосованіе сопровождается потерю, по крайней мѣрѣ, четвертой части сухаго вещества кормовъ. Рекомендуемое нѣкоторыми смѣшеніе силосуемаго матеріала съ соломенною рѣзкой вызываетъ увеличеніе потери питательныхъ веществъ. Почвы, обладающія значительною сквашностью, непригодны для устройства въ нихъ силосовъ. Форма и размѣры силосовъ въ сильной степени обуславливаются мѣстными требованіями. Проф. Чирвинскій въ своей статьѣ о силосованіи (*Сельскій Хозяинъ*, № 16—18) совершенно справедливо замѣчаетъ, что наивыгоднѣйшіе размѣры силосовъ въ Россіи и гдѣ-нибудь на югѣ Франціи должны быть крайне различны, но опредѣлять эти наивыгоднѣйшіе размѣры возможно не иначе, какъ произведши опыты на мѣстѣ. У одного русскаго хозяина (*Земледѣльческая Газета* 1886 г., № 13) недавно оказался выгоднымъ опытъ силосованія въ кольцеобразной ямѣ съ утаптываніемъ массы лошадьми. Оставленіе массы на долгое время въ силосахъ оказывается невыгоднымъ не только потому, что отъ этого бесполезно тратятся питательныя вещества, но и потому, что при этомъ образуется масляная кислота. Пользованіе силосованнымъ кормомъ требуетъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Иногда такой кормъ вызываетъ выкидыши у стельныхъ коровъ и плохо отражается на здоровьи телятъ, которыхъ выпаиваютъ молокомъ отъ коровъ, получающихъ силосованный кормъ; у молодаго скота силосованный кормъ можетъ способствовать желудочно-кишечнымъ заболѣваніямъ. Имѣются факты, указывающіе на возможность вредныхъ послѣдствій для дѣтей, питающихся молокомъ отъ тѣхъ же коровъ. Наилучшее употребленіе силосованный кормъ находитъ при откармливаніи скота на убой и при кормленіи рабочихъ воловъ.

Сужденія о питательномъ достоинствѣ различныхъ кормовыхъ веществъ

претеривают большія переменны вслѣдствіе успѣховъ химическаго анализа. Недавно еще почти весь азотъ, содержащійся въ растительныхъ кормахъ, относили насчетъ бѣлковыхъ соединений, и поэтому многія корма приписывали гораздо большее питательное значеніе, чѣмъ каковъ принадлежитъ имъ по праву. Теперь усовершенствованы способы отдѣленія бѣлковыхъ соединений отъ прочихъ азотистыхъ соединений (пріемъ Штуцера), и вслѣдствіе этого вопросъ о питательности многихъ кормовъ получаетъ совершенно новое освѣщеніе. Въ капустѣ, напримѣръ, азотъ бѣлковыхъ веществъ составляетъ только одну треть общаго количества азота (анализы г. Матусевича въ Петровской академіи). Въ турнепсѣ, по старымъ опредѣленіямъ, бѣлки составляютъ свыше 8% сухаго вещества, между тѣмъ какъ при новыхъ методахъ изслѣдованія содержаніе ихъ получается менѣе 6%, въ свеклѣ бѣлки составляютъ только 4,6% сухаго вещества, а, между тѣмъ, безъ новѣйшихъ поправокъ содержаніе ихъ превышало бы 9% (анализы г. Петрова въ Петровской академіи).

У насъ довольно рѣдко случаются въ практикѣ опыты кормленія по нормамъ, рекомендуемымъ въ зоотехніи. Вольфовскія нормы подверглись сильнымъ нападкамъ, отчасти заслуженнымъ, и хотя онѣ изъ года въ годъ перепечатаются въ нашихъ справочныхъ книжкахъ, однако, почти ни у кого изъ владѣльцевъ такихъ книжекъ не является охоты испробовать эти нормы на практикѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы довольно удачный опытъ г. Савостьянова (*Земледѣльческая Газета* 1886 г., № 19), который занялся откармливаніемъ английскихъ свиней по нормамъ Вольфа и получилъ чистаго дохода болѣе пяти руб. на голову въ короткій двухмѣсячный срокъ.

Въ виду значительнаго паденія цѣнъ на сахаръ, извѣстный Лоозъ испробовалъ, не окажется ли выгоднымъ кормленіе свиней сахаромъ; въ результатѣ этого опыта получилось, однако, что даже при нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ сахаръ не можетъ конкурировать съ кормами, богатыми крахмаломъ, а роль сахара въ процессѣ питанія приблизительно аналогична роли крахмала.

Вопросъ о питательномъ достоинствѣ клѣтчатки продолжаетъ быть весьма спорнымъ: недавно ветераны экспериментальной зоотехніи, Геннебергъ и Стоманъ, выставили возраженія (*Zeitschrift für Biologie* 1885) противъ положеній Таппейнера. Таппейнеръ утверждаетъ, что такъ называемое перевариваніе клѣтчатки есть, въ сущности, процессъ броженія, вызываемый бактеріями и дающій въ результатѣ углекислый, болотный и сѣроводородный газы, уксусную и масляную кислоты, т.-е. вещества, не имѣющія питательнаго значенія. Геннебергъ и Стоманъ находятъ ошибки въ вычисленіяхъ Таппейнера по опредѣленію количества продуктовъ броженія: они настаиваютъ на томъ, что клѣтчатка имѣетъ высокое питательное достоинство и принимаютъ, что 266 частей ея эквивалентны 100 частямъ жира.

Въ нынѣшнемъ году въ русской спеціальной литературѣ вновь ожи-

вились споры о способахъ разведенія и о выборѣ породъ рогатаго скота. Н. В. Верещагинъ, констатируя повальную неудачу всѣхъ попытокъ введенія у насъ иностранныхъ породъ скота, совѣтуетъ нашимъ хозяевамъ правильнѣе пользоваться тѣмъ скотоводственнымъ матеріаломъ, который имѣется у нихъ подъ руками въ видѣ коровъ русской породы, обладающихъ весьма удовлетворительною молочностью при сколько-нибудь сносныхъ кормовыхъ условіяхъ. Поэтому основаніемъ для улучшеній въ нашемъ скотоводствѣ должны служить не выписка иностранныхъ породъ, а лучший выборъ и переходъ къ лучшему содержанію и кормленію русскихъ крестьянскихъ коровъ. Возраженія г. Верещагину появились на столбцахъ *Земледѣльческой Газеты* со стороны гг. Армфельда и Баталина (редактора газеты). Г. Армфельдъ, признавая вмѣстѣ съ г. Верещагинымъ, что скрещиваніе излишне для дойнаго молочнаго скота, считаетъ его, однако, весьма полезнымъ для мяснаго бойнаго скота. Мѣстный русскій скоть заслуживаетъ вниманія не потому, чтобы онъ представлялъ что-нибудь невиданное, несравнимое, а потому, что онъ всегда около насъ, сравнительно дешевъ и даетъ возможность широкаго выбора лучшихъ представителей. Въ выборѣ молочныхъ коровъ г. Армфельдъ не соглашается съ Н. В. Верещагинымъ по вопросу о значеніи рубашки (масти) для молочности и защищаетъ мнѣніе о связи рубашки съ молочностью, ссылаясь на авторитетъ академика Миддендорфа (послѣдній рекомендуетъ выбирать для молочнаго стада русскихъ коровъ черной масти съ бѣлою головой и черными очками около глазъ).

Г. Баталинъ упрекаетъ Н. В. Верещагина въ непослѣдовательности по поводу того, что онъ приписываетъ хорошія качества коровъ исключительно внимательному уходу, возможному только въ мелкомъ хозяйствѣ, а черезъ нѣсколько страницъ упоминаетъ о существованіи особыхъ крестьянскихъ гнѣздъ молочнаго скота, гдѣ одна и та же порода не переводится по сту лѣтъ. Признавая значеніе подобныхъ чистопородныхъ гнѣздъ, г. Баталинъ находитъ, что, все-таки, они довольно рѣдки и не избавляютъ отъ необходимости введенія у насъ иностранныхъ культурныхъ породъ. Примѣромъ тѣхъ же хозяйствъ, на которыя ссылается г. Верещагинъ, редакторъ *Земледѣльческой Газеты* старается доказать, что чистокровныя иностранныя породы въ Финляндіи и метисы съ финляндскимъ скотомъ лучше оплачиваютъ кормъ, чѣмъ мѣстныя финляндскія коровы. Н. В. Верещагинъ дѣйствительно обращаетъ вниманіе не столько на отношеніе получаемаго молока къ количеству корма, сколько на отношеніе молока къ живому вѣсу коровъ (или на такъ называемую «удойность»). Въ числу недавнихъ удачныхъ случаевъ метизаціи принадлежитъ опытъ г. Кожовцева (въ Ярославской губерніи), успѣшно скрестившаго ярославскій скоть съ альгаускимъ (*Земледѣльческая Газета* 1886 г., № 3).

Изученіе нуждъ русскаго скотоводства сдѣлало въ послѣднее время большіе успѣхи, благодаря департаменту земледѣлія, организовавшему

научную экспедицію по изслѣдованію рогатаго скота и собранному материалу о техникѣ русскаго овцеводства, а также и управленію коннозаводства, которое совмѣстно съ конскою переписью опубликовало въ которыхъ свѣдѣнія о положеніи русскаго коневодства.

Въ заключеніе позволимъ себѣ остановиться на вопросѣ объ отношеніи прогрессирующей научной техники къ современной дѣйствительности русскаго сельскаго хозяйства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный Б. Д. Кавелинъ, избранный въ президенты вольнаго экономическаго общества, обратилъ вниманіе общества на то, какъ мало у насъ занимаютъ точнымъ выясненіемъ мѣстныхъ условій сельскаго хозяйства въ разнообразныхъ областяхъ Россіи. Кавелинъ рекомендовалъ вольному экономическому обществу сдѣлать главною задачею общества именно выясненіе мѣстныхъ хозяйственныхъ условій и объединеніе разрозненныхъ работъ, которыя совершаются тамъ и сямъ на этомъ поприщѣ. Предложеніе его встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ членовъ, и конечнымъ результатомъ былъ печальный фактъ отказа Б. Д. Кавелина отъ званія президента общества. Въ нынѣшнемъ году тѣ же вопросы о необходимости организованнаго *мѣстнаго* знанія вновь подняты г. Капустинскимъ (въ столбцахъ *Трудовъ* вольнаго экономическаго общества) и г. Клингеномъ (въ докладѣ харьковскому съѣзду). По справедливому замѣчанію г. Клингена (докладъ, стр. 6), «самымъ главнымъ препятствіемъ къ увеличенію кредита научныхъ знаній въ глазахъ хозяевъ-практиковъ служить почти полное отсутствіе примѣненія науки къ изслѣдованію мѣстныхъ техническихъ и экономическихъ вопросовъ». Для того, чтобы сблизить научную технику съ дѣйствительностью, нужно систематическое, внимательное изслѣдованіе условій хозяйства, существующихъ приемовъ веденія хозяйства и, наконецъ, результатовъ хозяйства въ небольшихъ районахъ. При такомъ изслѣдованіи необходимо сопоставлять все прежде накопленныя знанія о мѣстныхъ условіяхъ—естественныхъ, юридическихъ и экономическихъ и дополнять ихъ всевозможными средствами, какія только предлагаются со стороны наблюдательныхъ и опытныхъ наукъ, соприкасающихся съ сельскимъ хозяйствомъ. Только сознательное всестороннее взвѣшиваніе всѣхъ элементовъ, конкретно комбинирующихся въ хозяйствѣ при данныхъ условіяхъ времени и мѣста, можетъ повести за собою истинно плодотворные результаты. Только при такомъ сознательномъ отношеніи къ дѣйствительности возможна въ будущемъ побѣда человѣка надъ тѣми неблагоприятными вліяніями, которыя сельское хозяйство испытываетъ со стороны природы и еще болѣе со стороны общественной жизни,—надъ тѣми вліяніями, которыя нашли себѣ выраженіе въ ходячемъ представленіи «кризисъ».

А. Фортунатовъ.

Современное искусство.

Итоги истекшаго музыкальнаго сезона въ Москвѣ.

Русское музыкальное общество.—Филармоническое общество.—Казенная оперная сцена.—Частная оперная сцена.—Заключеніе.

Говоря объ историческихъ концертахъ А. Г. Рубинштейна, мы выразили надежду, что концерты эти не пройдутъ безслѣдно для существующей организаціи изученія музыки и занятія ею. Концерты Рубинштейна, представляющіе первую попытку въ широкихъ размѣрахъ внести осмысленность въ изученіе музыки, могли бы побудить различныя концертныя учрежденія съ болѣею осмотрительностью относиться къ своимъ задачамъ.

Въ дѣятельности русскаго музыкальнаго общества единственный фактъ, заслуживающій вниманія съ этой точки зрѣнія, есть отдѣленіе симфоническихъ собраній общества отъ его квартетныхъ собраній. Само собою разумѣется, что отдѣленіе это обусловливается не внѣшними только причинами (т.-е. не тѣмъ только, что въ симфоническихъ концертахъ центр тяжести лежитъ на оркестрѣ, а въ концертахъ камерной музыки лишь на четырехъ струнныхъ инструментахъ, равно и не тѣмъ, конечно, что формы симфонической музыки отличаются болѣею широтой сравнительно съ формами квартетной, между тѣмъ какъ основаніе и тѣхъ, и другихъ, въ сущности, одно и то же); оно предполагаетъ, и въ дѣйствительности имѣетъ болѣе глубокое основаніе. Остановимся здѣсь на немъ, пользуясь встатьи этимъ случаемъ, чтобы высказаться вообще относительно значенія квартетныхъ собраній.

Камерная музыка, говоря вообще, есть тотъ именно родъ музыки, который можетъ интересовать почти исключительно только музыкантовъ. Какъ читателю теперь, надѣмся, уже хорошо извѣстно, мы въ искусствѣ строго различаемъ матеріальную красоту и духовную, — красоту формы, требованія которой непосредственно заложены въ нашъ организмъ, и красоту духа, — ту красоту, которая дается лишь идейнымъ

содержаніемъ художественнаго произведенія. Во всякомъ искусствѣ возможно злоупотребленіе первымъ родомъ красоты въ ущербъ второму, — злоупотребленіе, доходящее чуть ли не до полнаго изгнанія идеи изъ произведенія, но нигдѣ, можетъ быть, опасность эта не доходитъ до такой степени, какъ въ музыкѣ. Еще Кантъ замѣтилъ, что музыка, въ одно и то же время, можетъ быть и *прекраснымъ* искусствомъ, и *только приятнымъ* искусствомъ. Композиторъ легко можетъ увлечься исключительно интересными и оригинальными сочетаніями звуковъ и совершенно забыть о высшихъ задачахъ искусства. Правда, въ музыкѣ форма играетъ болѣе важную роль, чѣмъ гдѣ-либо: техника музыкальнаго искусства настолько исключительна и своеобразна, она требовала въ такой степени самостоятельнаго развитія, что музыкальнымъ дѣятелямъ, разработывавшимъ ее, пришлось волей-неволей проститься со всѣми своими другими интересами и всецѣло предаться ей. Но въ настоящее время техника въ музыкѣ настолько разработана, что усвоеніе ея сравнительно не представляетъ такого труда, какъ то было прежде, и современный композиторъ могъ бы подумать и о другихъ, общечеловѣческихъ интересахъ и дать имъ доступъ также и въ свое искусство.

Обо всемъ этомъ мы уже не разъ говорили, какъ и о томъ также, что все это врядъ ли возможно для музыки безъ сочетанія ея съ словомъ или съ программой. Теперь замѣтимъ только, что квартетная музыка представляетъ именно образцы чистой музыки, музыки *an und für sich*, музыки только чувственно красивой, но лишенной всякаго участія мысли. Такая музыка занимаетъ по истинѣ низшее мѣсто среди всѣхъ искусствъ, тогда какъ музыка въ коопераціи съ идеей можетъ стать очень высоко и именно непосредственно послѣ поэзіи.

Изъ всего этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы совершенно отрицали значеніе квартетныхъ собраній. Напротивъ, для специалистовъ именно они представляютъ громадный интересъ: какъ сказано, въ музыкѣ форма сама по себѣ играетъ такую важную роль, что композиторъ не можетъ думать о болѣе серьезныхъ задачахъ, не усвоивши ее себѣ вполнѣ. Отсюда понятно, насколько необходимо для него какъ изученіе чужихъ композицій, такъ и упражненіе самому въ сочиненіи такого рода, которое преслѣдовало бы исключительно техническія задачи. Но все это должно быть его частнымъ дѣломъ, все это должно сосредоточиваться, главнымъ образомъ, на періодъ школьнаго образованія композитора: разъ композиторъ созрѣлъ и рѣшается писать для публики, онъ уже не долженъ братья за такого рода задачи. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ какъ разъ наоборотъ: обыкновенно въ періодъ своего *обученія* композиторъ до того увлекается техникой искусства, что крайне служиваетъ свои интересы и специализируется до-нельзя, забывая совершенно объ остальной жизни и ея интересахъ, забывая о томъ, что жизнь эта имѣетъ свои запросы, съ которыми художникъ *обязанъ* счи-

таться, на которые онъ *обязанъ* отвѣчать, если только онъ не хочетъ ронять своего искусства.

Отсюда ясно, почему мы не говорили до сихъ поръ о квартетныхъ собраніяхъ музыкальнаго общества, не предполагаемъ говорить о нихъ и впредь. Музыкальная критика должна служить посредницей между артистами по профессіи и массой публики, которая нисколько не интересуется, да и не можетъ даже интересоваться камерною музыкой. Исполненіе ея возможно лишь въ небольшомъ помѣщеніи, при исключительномъ почти присутствіи знатоковъ, быть можетъ даже еще удобнѣе—въ тѣсномъ кружкѣ специалистовъ: форма музыкальнаго сочиненія для нѣсколькихъ струнныхъ инструментовъ особенно удобна какъ для изученія, такъ и для развитія техники, но и только; масса публики, для нравственнаго возвышенія которой преимущественно существуетъ искусство, не можетъ вырваться изъ этой формы большаго удовлетворенія. Пусть намъ не возражаютъ на это, что многія изъ лучшихъ произведеній Бетховена принадлежатъ именно камерной музыкѣ; въ отвѣтъ мы укажемъ на время, въ которое жилъ Бетховенъ: въ его время техника музыкальнаго искусства далеко еще не была такъ разработана, какъ она разработана теперь, и справедливость требуетъ признать, что именно Бетховену мы обязаны особеннымъ усовершенствованіемъ и развитіемъ музыкальныхъ формъ. Съ другой стороны, слушая квартеты Бетховена, подчасъ волей-неволей чувствуешь, какъ тѣсно этому гиганту въ такой узкой оболочкѣ; само собою разумѣется, что Бетховенъ великъ всегда, но въ квартетахъ именно это величіе его мыслей способно дѣйствовать раздражающимъ образомъ: насколько выше было бы доставляемое ими эстетическое наслажденіе, если бы они были представлены въ болѣе достойномъ себя видѣ, если бы они были вложены въ формы, допускающія сочетаніе ихъ съ идейнымъ содержаніемъ. Въ заключеніе этого обзора роли, которую играютъ въ нашей музыкальной жизни квартетныя собранія, намъ осталось прибавить, что два собранія, данныя въ истекшемъ сезонѣ въ декабрѣ, имѣли интересъ особенно крупный, благодаря участію въ немъ знаменитаго петербургскаго квартета. Конечно, интересъ этотъ оставался имѣющимъ значеніе преимущественно для специалистовъ, но, гмъ не менѣе, онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ выходящій изъ ряда вонъ.

Иной характеръ имѣютъ симфоническія собранія. Дѣло не въ томъ, что формы сами по себѣ здѣсь шире и свободнѣе,—дѣло въ томъ, что онѣ даютъ возможность удовлетворять высшимъ художественнымъ требованіямъ, проводить извѣстные идеалы. За симфоническую музыку можетъ браться лишь такой композиторъ, который вполне овладѣлъ формой, которому форма настолько послушна, что повинуется малѣйшему его желанію. Аудиторія симфоническаго композитора расширяется: онъ долженъ имѣть говорить съ толпой, долженъ умѣть научить ее чему-нибудь. Ясно,

такимъ образомъ, насколько усложняются обязанности руководителей симфоническихъ собраній. Говоря, что концерты Рубинштейна могли бы оказаться для нихъ поучительными, мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, что симфоническія собранія также должны получать историческій характеръ. Напротивъ, симфоническія собранія должны представлять по преимуществу современное искусство, а такъ какъ искусство отражаетъ жизнь, то во всей симфонической литературѣ останавливаться по возможности на такихъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ жизни. Прежде всего, имъ слѣдовало бы потерять свой случайный характеръ, который именно отсутствовалъ въ концертахъ Рубинштейна. Достигнуть этого совсѣмъ не такъ трудно: стоило бы, напримѣръ, въ программѣ данаго концерта не выходить изъ предѣловъ одной эпохи, или одной школы, одного направленія, или даже произведеній одного композитора. Далѣе, интересно было бы соединить въ одномъ концертѣ произведенія разныхъ композиторовъ, однородныя по своему содержанію или по ихъ отношенію къ одной общей идеѣ. Какъ извѣстно, когда говорятъ, что искусство отражаетъ жизнь, то здѣсь имѣютъ въ виду обыкновенно только литературу: музыка идетъ уже по ея стопамъ, и потому часто запаздываетъ, останавливаясь нерѣдко надъ типами, въ дѣйствительности давно отжившими. Но среди этихъ литературныхъ типовъ существуютъ иныя, надъ которыми вниманіе композиторовъ останавливается съ особенною любовью. Интересно было бы сличить въ теченіе одного или же вечера, какъ различные композиторы отнеслись къ извѣстному типу. Таковъ, напримѣръ, типъ *Фауста*: надъ нимъ останавливались иныя композиторы, а изъ крупныхъ представителей музыки XIX вѣка каждый написалъ своего *Фауста*. Такъ, кромѣ извѣстныхъ намъ оперъ — Гуно, Доницетти, Шпора и Бойто (*Мефистофель*), существуютъ музыкальныя сопровожденія, написанныя къ трагедіи Гете среди которыхъ можно назвать музыку Линдпайтнера и князя Радинскаго. Далѣе существуютъ большія вокально-симфоническія произведенія Шумана и Бердіоза (*La damnation de Faust*). Затѣмъ слѣдуютъ *Faust-Symphonie* и два эпизода изъ *Фауста* Ленау Листа, увертюра Вагнера, музыкально-характеристическая картина Рубинштейна. Бетховенъ не разъ думалъ о *Фаустѣ* и отчасти даже описалъ его въ первой своей девятой симфоніи, которая (первая часть), въ сущности, представляетъ ничто иное, какъ характеристику *Фауста*, именно какъ личности, оторванной отъ социальной среды и исключительно погруженной въ свой внутренній міръ. И такъ, какъ видитъ читатель, существуетъ цѣлая музыкальная литература, посвященная одному только типу. Можно сказать, чѣмъ именно онъ привлекаетъ такъ къ себѣ музыкантовъ? Музыка, конечно, не въ силахъ воспроизвести всю психологическую глубину этого чрезвычайно сложнаго типа; скорѣе всего надо думать, что самымъ внимательнымъ тутъ является преобладаніе личныхъ, субъективныхъ

щений у *Фауста*, тѣмъ болѣе, что общее настроеніе, господствующее у него, музыка можетъ выразить дѣйствительно съ значительною силой. Другой, болѣе понятный примѣръ представляетъ трагедія Шекспира *Ромео и Джульетта*. Этотъ сюжетъ какъ бы созданъ для музыки. И на него написаны три оперы: Гуно, Беллини вмѣстѣ съ Вагнером (*Монтекки и Капулетти*) и Цингарелли, увертюра Чайковскаго, симфоническая поэма Свендсена и т. д.

Далѣе, слѣдовало бы предпочитать исполненіе крупныхъ симфоническихъ произведеній мелкимъ и въ особенности отрывкамъ. Исполненіе одного крупнаго произведенія уже само по себѣ придаетъ цѣльность и единство концерту и потому всегда лучше исполнить одну большую вещь, чѣмъ много мелкихъ. Кромѣ того, крупная вещь представляетъ обыкновенно и болѣе серьезную художественную задачу. Обо всемъ этомъ наше музыкальное общество, къ сожалѣнію, слишкомъ мало думаетъ.

Вообще истекшій сезонъ въ отношеніи симфонической музыки могъ дать лишь самое слабое понятіе о различныхъ направленіяхъ, существующихъ въ настоящее время въ музыкѣ. Сравнительно лучше другихъ была представлена романтическая школа; впрочемъ, иначе и врядъ ли могло бы быть, такъ какъ эта школа распространена въ музыкѣ наиболѣе широко. За то такое значительное направленіе, какое являетъ собою школа Вагнера, представлено было одною лишь увертюрой его къ оперѣ *Тристанъ и Изольда*. Даже классическая литература (въ противоположность прежнимъ годамъ) не встрѣтила къ себѣ должнаго вниманія: исполнялись преимущественно избитыя, всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстныя, что называется, заграничныя сочиненія. Затѣмъ не посчастливилось Шуману: изъ всѣхъ его произведеній было исполнено чуть ли не самое слабое. Слабыя вещи были выбраны и изъ Рубинштейна. Изъ представителей новѣйшей французской школы никто, кромѣ Сенъ-Санса, не нашелъ себѣ мѣста, а изъ русской школы вниманіе было оказано одному только г. Кюи (если не считать г. Аренскаго, который именно не вполне примыкаетъ къ этой школѣ). Взамѣнъ этого исполнялись, какъ сказано, или слишкомъ заграничныя вещи, или такія новинки, которыя представляли интересъ довольно двусмысленный. Во всемъ сезонѣ исключеніе изъ сказаннаго можно сдѣлать только для трехъ вещей: для *Манфреда* Чайковскаго, *Герольда* Берлиоза и *Фауста* Листа.

Переходимъ теперь къ исполненію. Такъ какъ для оркестровой музыки важнѣйшій изъ исполнителей—дирижеръ оркестра, то съ него мы и начнемъ.

Врядъ ли существуетъ отрасль музыкальной практики, относительно которой масса публики имѣла бы болѣе смутное представленіе, чѣмъ относительно искусства дирижированія. Фактъ самъ по себѣ вполне понятный: рѣдкій слушатель можетъ быть знакомъ съ задачами дирижера изъ личнаго опыта, хотя бы даже въ такой только степени, въ какой

онъ знакомъ съ игрой на томъ или другомъ инструментѣ или съ пѣніемъ; а чтобы представить себѣ положеніе дирижера, не пробовавши никогда побывать на его мѣстѣ, необходимо серьезное музыкальное образованіе. Въ искусствѣ дирижера, какъ и въ искусствѣ всякаго исполнителя-солиста, надо различать двѣ стороны: техническую и художественную. Первая для дирижера заключается въ умѣнны достигнуть стройности, ансамбля въ одновременномъ исполненіи многихъ лицъ, въ умѣнны заставить ихъ повиноваться своимъ малѣйшимъ желаніямъ, вторая — въ проведеніи пьесы въ такомъ видѣ, который способствовалъ бы ея художественному выясненію. Какъ для того, такъ и для другаго необходимъ рядъ содѣйствующихъ условий. Дирижерская техника именно требуетъ не только солидныхъ знаній какъ въ музыкѣ вообще, такъ особенно въ инструментовкѣ и въ знаніи партитуръ, но и извѣстныхъ личныхъ качествъ, каковы, наприм., энергія и твердая воля; дирижеръ долженъ пользоваться авторитетомъ среди музыкантовъ, обусловленнымъ и знаніями, и индивидуальностью. Кромѣ того, дирижеръ долженъ самъ приспособиться къ оркестру; какъ ни странно можетъ показаться на первый взглядъ такое замѣчаніе, но фактъ тотъ, что дирижеръ не только управляетъ оркестромъ, но и самъ, въ свою очередь, управляется имъ. Дѣятельность толпы, объединенная какимъ-либо общимъ началомъ, всегда представляетъ собой инертную силу, съ которой приходится считаться тому, кто желалъ бы хотя сколько-нибудь господствовать надъ ней. Это же испытавъ и всякій, кто пробовалъ становиться во главѣ оркестра. Въ оркестровой массѣ очень скоро вырабатывается какъ бы особый коллективный пульсъ, который долженъ усвоить себѣ и дирижеръ, развивается особая атмосфера, съ которой дирижеръ долженъ сжиться. Только уже стоя твердо на этой почвѣ, дирижеръ можетъ надѣяться и самъ воздѣйствовать на массу, подчинить ее, въ свою очередь, своей волѣ. Вотъ почему неопытные дирижеры часто не сами *ведутъ* оркестръ, а только *идутъ за нимъ*. Но и свѣдущій дирижеръ, задумавшій сразу примѣнить какой-нибудь эффектъ, не всегда можетъ достигнуть цѣли, если онъ не владѣетъ въ достаточной степени этимъ секретомъ приспособленія къ оркестру. Если въ лицѣ его находится человекъ съ сильною волей, то между нимъ и оркестромъ какъ бы завязывается особаго рода борьба, которая, конечно, можетъ имѣть различный исходъ. Такъ, наприм., бываетъ иногда съ Антономъ Рубинштейномъ, человекомъ именно сильной воли, но слабой сравнительно капельмейстерской опытности (Рубинштейнъ рѣдко выступаетъ въ качествѣ дирижера оркестра); въ такихъ случаяхъ, если побѣда остается на его сторонѣ, онъ дѣйствительно сразу поднимаетъ всю массу оркестра до высокой степени воодушевленія; если же, наоборотъ, его постигаетъ неудача, дѣло доходитъ подчасъ до крупныхъ замѣшательствъ въ оркестрѣ. Вообще, весьма вѣроятно, что для выясненія законовъ, управляющихъ взаимодействіемъ личности и толпы,

прижерская практика могла бы доставить материалъ, не лишенный цѣности.

Что касается собственно художественной стороны капельмейстерскаго искусства, то въ общемъ она одинакова съ таковою же стороною солистаго исполненія: и тамъ, и здѣсь равно необходимы изящный вкусъ, способность воодушевляться, способность проникаться искреннимъ чувствомъ, ѣтельная работа фантазіи и т. д. Разница можетъ касаться лишь частостей: если, съ одной стороны, единоличное исполненіе допускаетъ такія тонкости, которыя непримѣнимы къ исполненію массами, то съ другой—оркестровая фразировка требуетъ иногда такихъ сложныхъ соображеній, которыя не могутъ имѣть мѣста въ исполненіи соло.

Примѣняя все сказанное къ дирижеру нашихъ симфоническихъ собраній Г. К. Эрдмансдёрферу, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что онъ отличный техникъ. Стройность, съ которой играетъ оркестръ подъ его правленіемъ, достигаетъ дѣйствительной виртуозности. Такой результатъ получается отчасти благодаря множеству репетицій, производимыхъ съ педантическою тщательностью, отчасти благодаря тому авторитету, который приобрѣлъ г. Эрдмансдёрферъ среди музыкантовъ: онъ знаетъ, какъ ладить съ оркестромъ. Тому же способствуютъ его крупныя знанія въ инструментовкѣ: иногда какимъ-нибудь незначущимъ, повидимому, переѣщеніемъ инструментовъ онъ достигаетъ несравненно лучшей звучности, нежели та, которая возможна была бы по партитурѣ. Такимъ образомъ, г. Эрдмансдёрферъ дѣлаетъ съ оркестромъ по истинѣ все, что онъ хочетъ. Съ сожалѣнію, его намѣренія рѣдко носятъ отпечатокъ художественности. Его фразировка болѣею частью груба и не изящна: онъ чувствуетъ собственную слабость въ рѣзкимъ контрастамъ, поэтому у него *forte* почти всегда превращается въ *fortissimo*, а *piano*—въ *pianissimo*. Если композиторъ желалъ далѣе достигнуть какого-либо исключительнаго эффекта, наприм., переѣстилъ акцентъ съ сильнаго времени на слабое (такъ называемые синкопы), то г. Эрдмансдёрферъ исполняетъ эти синкопированныя ноты съ особенно преувеличенною рѣзкостью,—словомъ, чувство ѣбры, эта необходимая принадлежность всякаго сколько-нибудь художественнаго исполненія, совершенно отсутствуетъ у него. Не довольствуясь сѣмъ этимъ, г. Эрдмансдёрферъ изобрѣтаетъ иногда эффекты, такъ сказать, чрезвычайные: то пѣвучую тему исполнить *staccato* (т.-е. отрывисто, какъ это было, наприм., съ *andante* первой симфоніи Бетховена), то растянетъ генеральныя паузы всего оркестра до размѣровъ, при которыхъ для слушателя утрачивается всякое отношеніе между музыкой, раздѣленной паузами (увертюра къ оперѣ *Волшебная флейта* Моцарта), то, наконецъ, сдѣлаетъ какое-нибудь совсѣмъ неумѣстное *ritardando* произвольное замедленіе, наприм., въ концѣ *Вальса фантазіи* Глинки), способное и художественную вещь превратить въ салонную. Такимъ образомъ, фразировка г. Эрдмансдёрфера или безцвѣтна, или вычурна. Къ

этому надо прибавить, что онъ неспособенъ увлекаться, и потому въ его *allegro*, какой бы быстрый темпъ онъ ни бралъ, также мало истиннаго полета, какъ въ его *adagio* мало истиннаго чувства, обыкновенно закупаемаго сентиментальностью.

Таковъ капельмейстеръ симфоническихъ собраний. Если бы требовалось охарактеризовать его въ нѣсколькихъ словахъ, мы сказали бы, что это человекъ середины, — той самой золотой середины, которая такъ широко завладела въ последнее время почти всею художественнымъ миромъ. Спѣшимъ прибавить, что слово это можно понимать совсѣмъ не въ порицательномъ смыслѣ: если представители посредственности дѣйствительно люди мало даровитые, за то они обыкновенно люди наиболѣе добросовѣстные и трудолюбивые; но только не ими двигается впередъ искусство. Если же эти люди возводятся теперь нерѣдко чуть не въ гени, то это можетъ быть объяснено, разумеется, лишь общими социальными и культурными причинами, благодаря которымъ человекъ именно середины, т.-е. человекъ наиболѣе безцвѣтный, можетъ надѣяться въ наши дни на наибольшій успѣхъ.

Подъ стать капельмейстеру и солисты, фигурирующіе въ собранияхъ общества. Въ большинствѣ случаевъ отъ нихъ вѣетъ холодомъ.

Въ теченіе послѣдняго сезона счастливыми исключениями были изъ прїѣзжихъ виртуозовъ г. Марсикъ, а изъ мѣстныхъ — г. Сафоновъ. Первый по силѣ и жизненности своего тона, по страсти и огню, присущимъ его исполненію, дѣйствительно скриачъ, выходящій изъ ряда вонъ; второй, одинъ изъ недавно назначенныхъ профессоровъ консерваторіи, — пианистъ также съ неподдѣльнымъ артистическимъ жаромъ и съ истинно-художественною жилкой. Кроме того, заслуживаетъ быть отиѣченной игра г. Граммали: если въ ней и нѣтъ того юношескаго увлеченія, которымъ отличается исполненіе только что названныхъ виртуозовъ, то она замѣчательна по своей классической простотѣ, по своему изящному вкусу; это именно профессорская, классическая игра въ лучшемъ значеніи этого слова. Г. Гржимали не выступалъ въ этомъ сезонѣ съ какою-нибудь самостоятельную вещью, онъ исполнялъ лишь соло на альтѣ въ симфоніи Берліоза и соло на скрипкѣ въ сюитѣ Баха; но это не помѣшало ему выдѣлиться; слѣдуетъ сказать даже больше, такое именно употребленіе инструментовъ соло наиболѣе умѣстно въ симфоническихъ собранияхъ такъ какъ самостоятельные виртуозные концерты обыкновенно мало музыкальны.

Ничего этого нельзя повторить о другихъ представителяхъ консерваторіи, принимавшихъ участіе въ собраніяхъ этого года. Такъ, напримеръ г. Пабсть, игра котораго всегда отличалась извѣстною сухостью и безстрастіемъ, въ исполненномъ имъ концертѣ Грига въ нынѣшнемъ году нимало не искупилъ этого недостатка тонкимъ вкусомъ или вообще изяществомъ исполненія, какъ это ему удавалось прежде. Наоборотъ

его фразировка была до такой степени блѣдна и, такъ сказать, казенна, что невольно наводила мысль на представленіе то о ремесленникѣ, то объ ученикѣ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что г. профессоръ, разъ найдя извѣстную фразировку, не считаетъ возможнымъ ни разу измѣнить ее при повтореніи той же фразы? До сихъ поръ мы думали, что такое механическое заучиваніе оттѣнковъ встрѣчается лишь у мало способныхъ учениковъ, совершенно не могущихъ проникнуться духомъ исполняемаго. Точно также г. Пабстъ, повидимому, не въ состояніи соразмѣрить задумываемый эффектъ съ своими силами; такъ, напримѣръ, желая доказать массивность своего удара, онъ употребляетъ иногда страшныя усилія, чтобы выполнить цѣлую фразу, написанную аккордами, даже безъ всякихъ оттѣнковъ. Г. Пабстъ забылъ, должно быть, что сила и блескъ тогда лишь производятъ впечатлѣніе, когда появляются совершенно не-принужденно, не говоря уже о томъ, насколько карикатурны подобныя приемы съ художественной точки зрѣнія.

Но особенно тяжелое впечатлѣніе произвелъ г. Едличка, также преподаватель консерваторіи, въ исполненномъ имъ концертѣ Шумана. Если бы присутствовавшіе не слышали его своими собственными ушами, они врядъ ли бы повѣрили, что подобное исполненіе вообще возможно въ симфоническомъ собраніи. Начать съ того, что всѣ темпы были взяты чуть не вдвое медленнѣе, чѣмъ позволялъ характеръ композиціи. На этомъ уже можно и остановиться; понятно, что вся страсть, вложенная въ этотъ чудный образецъ музыкальнаго лиризма, пропала безслѣдно; понятно, что исполненіе было проникнуто безнадежнымъ холодомъ и что однообразная фразировка оказывала здѣсь только соответственное подспорье. Во всемъ этомъ намъ непонятно одно: повидимому, г. Едличкѣ Шуманъ совсѣмъ не нравится; судя по его исполненію, онъ совершенно не чувствуетъ красоты его композицій. Не лучше ли было бы въ такомъ случаѣ выбрать другой концертъ, болѣе соответствующій пониманію исполнителя, чѣмъ искажать одно изъ вдохновеннѣйшихъ произведеній всей фортепіанной литературы? Оригинально также и то, что, несмотря на все вышесказанное, у г. Едлички нашлись, однако, поклонники, которые даже поднесли ему лавровый вѣнокъ.

Изъ пріѣзжихъ солистовъ, кромѣ г. Марсига, о которомъ рѣчь шла выше, можно отмѣтить только г. Вержбиловича, окончившаго курсъ въ петербургской консерваторіи и ученика г. Давыдова. Это виолончелистъ несомнѣнно хорошей школы, исполняющій, къ сожалѣнію, слишкомъ незначущую музыку (фантазія Серва). Остальные, если бы и могли быть упомянуты, то развѣ только съ отрицательной точки зрѣнія (гг. Фишеръ и Пестель).

О пѣвцахъ мы распространяться не будемъ въ виду неумѣстности исполненія въ симфоническихъ собраніяхъ оперныхъ отрывковъ, о чемъ у насъ была рѣчь. Другое дѣло—участіе пѣвцовъ въ крупныхъ вокально-

симфоническихъ произведеніяхъ, но изъ нихъ въ нынѣшнемъ году ничего интереснаго исполнено не было, такъ какъ единственная исполненная композиція подобнаго рода, *Странствованія розы* Шумана, никакъ ужъ интересной назваться не можетъ.

Что касается дѣятельности консерваторіи, существующей при музыкальномъ обществѣ, то матеріаломъ для сужденія о ней являются ежегодные концерты и спектакль учениковъ, имѣющіе видъ публичнаго экзамена. Спектакля въ нынѣшнемъ году не было; онъ былъ замѣненъ исполненіемъ, и, притомъ, не публичнымъ, ораторіи Генделя *Самсонъ*. Точно также въ ученическомъ концертѣ классической музыки было оказано замѣтное предпочтеніе. Во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ сказалось, вѣроятно, влияние новаго директора консерваторіи С. И. Танѣева. Въ общемъ ихъ нельзя не одобрить, такъ какъ, если допустить, что въ періодъ школьнаго обученія для музыканта всего важнѣе овладѣть хорошо различными музыкальными формами, то необходимо согласиться и съ тѣмъ, что формы эти съ наибольшимъ совершенствомъ разработаны именно классическою музыкой. Конечно, было бы желательно, чтобы ученики усвоивали себѣ ту точку зрѣнія, по которой полное усвоеніе музыкальной техники необходимо лишь для того, чтобы съ болѣею свободой воспользоваться формами впослѣдствіи, для осуществленія высшихъ художественныхъ задачъ, но это уже дѣло общеобразовательныхъ классовъ, которые въ московской консерваторіи, какъ нарочно, совсѣмъ не поощряются консерваторіей. Преподаваніе эстетики, напиримѣръ, въ консерваторіи совсѣмъ отсутствуетъ, а исторія музыки, — предметъ, знаніе котораго необходимо для всякаго музыканта даже съ специально-музыкальною точкою зрѣнія, — преподается настолько не аккуратно, что трудно предположить приобрѣтеніе слушателями сколько-нибудь основательныхъ свѣдѣній по этому предмету; говорятъ, что въ нынѣшнемъ году пришлось даже отмѣнить совсѣмъ экзаменъ изъ исторіи музыки. Все это тѣмъ болѣе жаль, что какъ въ прежнее время, такъ и теперь консерваторія выставляла и выставляетъ положительно замѣчательные таланты, особенно относительно инструментальнаго исполненія.

Если въ русскомъ музыкальномъ обществѣ, какъ мы видѣли, нельзя не констатировать преобладаніе посредственности, то въ другомъ московскомъ музыкальномъ обществѣ, въ «филармоническомъ», нѣтъ даже и того: это — міръ во всякомъ случаѣ еще ниже посредственности. Прощаніе филармоническаго общества въ Москвѣ можетъ возбудить сильныя сомнѣнія относительно того почета, которымъ будто бы пользуется у насъ музыка. Въ заправилахъ этого общества нельзя не видѣть наивныхъ людей, въ искусствѣ очень мало смыслающихъ и потому «не вѣдающихъ, что творять». Такъ, напр., если г. Шостаковскій воображаетъ, что онъ можетъ дирижировать, то не крайне ли наивный это человекъ? Г. Шо-

стаковскій, кромѣ того, піанистъ, и хотя піанистъ не важный, но все же кое-что въ фортепіанной игрѣ онъ понимаетъ. Поэтому онъ составляетъ программы своихъ фортепіанныхъ концертовъ обыкновенно не иначе, какъ сообразуясь съ своими способностями и силами: серьезной музыки онъ никогда не исполняетъ, а останавливается преимущественно лишь на пьесахъ съ внѣшнимъ виртуознымъ блескомъ (каковы, напр., сочиненія Листа). Такимъ образомъ, еще не было случая, чтобы онъ сыгралъ что-нибудь изъ Бетховена или Шумана; очевидно, онъ чувствуетъ, что въ качествѣ піаниста онъ съ ними не въ состояніи справиться. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ему братья какъ за того, такъ и за другаго въ качествѣ капельмейстера. Повидимому, онъ полагаетъ, что всѣ задачи дирижера сводятся исключительно лишь къ маханію палочкой. Въ самомъ дѣлѣ, таково именно впечатлѣніе, которое производитъ на свѣжаго человѣка исполненіе любого изъ всякихъ произведеній симфонической литературы въ филармоническомъ обществѣ. Пишущему эти строки пришлось присутствовать при исполненіи 1-й симфоніи Шумана и онъ долженъ сознаться, что впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ этого исполненія, принадлежитъ къ разряду совершенно необычайныхъ. Глядя на фигуру дирижера и на его движенія и на тѣ звуки, которые неслись при этомъ изъ оркестра, невольно хотѣлось спросить, зачѣмъ этотъ господинъ машетъ палочкой? Если для того только, чтобы отбивать тактъ, то, вѣдь, это могло быть выполнено и какимъ-либо механическимъ автоматомъ, могло быть выполнено, напр., метрономомъ. Въ исполненіи не было и намека на оркестровую фразировку, не чувствовалось и признаковъ того, чтобы на репетиціи указывались какіе-нибудь отбѣнки; въ общемъ получалось нѣчто сѣрое и безформенное,—безформенное до того, что подчасъ тема совсѣмъ съдалась аккомпаниментомъ, какъ это случилось, напримѣръ, со второю частью. Роль дирижера сводилась, повторяемъ, лишь къ строгому отбиванію такта, да къ обращенію отъ времени до времени въ сторону вступающихъ инструментовъ, причѣмъ по большей части это случалось уже послѣ вступленія тѣхъ или другихъ инструментовъ, такъ что со стороны представлялось, что капельмейстеръ какъ бы удивляется всякій разъ этому вступленію.

Чтобы оцѣнить всю храбрость г. Шостаковскаго въ томъ случаѣ, когда онъ исполняетъ Шумана, необходимо принять въ расчетъ, что Шуманъ вообще инструментаторъ слабый. Отсюда, чтобы достоинства его произведенія выказались въ истинномъ свѣтѣ, необходимо быть тонкимъ знатокомъ инструментовки и оркестра вообще: надо знать, какой инструментъ во-время слѣдуетъ заглушить, какой выдѣлить, надо ясно представлять характеръ звучности тѣхъ или другихъ инструментальныхъ комбинацій. Всѣ эти знанія, которыми въ такомъ совершенствѣ владѣетъ, напр., г. Эрдмансдёрферъ, чужды г. Шостаковскому совершенно. У него отсутствуютъ элементарнѣйшія основанія дирижерской техники, онъ

совершенно неспособенъ вести за собой оркестръ и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что подъ его управленіемъ оркестръ играетъ такъ же, какъ онъ игралъ бы и безъ всякаго дирижера. Такимъ образомъ, положеніе его до-нельзя комично, и если публика мало смѣется, когда онъ дирижируетъ, то только потому, что свѣдѣнія ея по части дирижированія слишкомъ ужъ скудны.

Послѣ этого ясно, что серьезно говорить о дирижированіи г. Шостаковскаго совершенно не стоитъ. Если мы усомнились признать въ г. Эрдмансдерферѣ великаго артиста, мы согласились, тѣмъ не менѣе, что въ техническомъ отношеніи это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дирижеровъ, когда-либо нами видѣнныхъ. Въ этомъ едва ли можно найти какое-либо противорѣчіе. Изящное искусство и ремесло, конечно, далеко другъ отъ друга; но, вѣдь, и любой ремесленникъ, хотя бы сапожникъ, напиримѣръ, можетъ довести свое мастерство до высокой степени виртуозности. Однако, г. Шостаковскаго нельзя назвать даже такимъ сапожникомъ. Не тому надо удивляться, что г. Шостаковскій мало обращаетъ вниманія на указанія музыкальной прессы, — среди ея представителей найдутся и такіе, отзывы которыхъ совсѣмъ не могутъ быть поучительны, — но то странно, что онъ, видимо, не въ состояніи отдѣлать вѣрнаго мнѣнія отъ вздорнаго: и артистическая натура можетъ заблуждаться, но она въ высшей степени чувствительна ко всѣмъ вѣрнымъ указаніямъ своихъ ошибокъ. Если бы у г. Шостаковскаго было хотя сколько-нибудь артистическаго самолюбія, онъ никогда бы не позволилъ себѣ стать во главѣ оркестра послѣ первыхъ же опытовъ. Если бы онъ былъ артистъ въ душѣ, онъ уже въ силу одного этого давно бы передалъ свой капельмейстерскій жезлъ другому, такъ какъ артистическая натура не въ силахъ переносить нехудожественнаго исполненія, а тѣмъ болѣе сама способствовать ему.

Неудивительно въ виду всего сказаннаго, что если въ музыкальномъ обществѣ нерѣдко проглядываетъ власть случая, то въ филармоническомъ царствуетъ уже настоящій хаосъ. Концерты филармоническаго общества—это какая-то пестрая смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній». На ряду съ антихудожественнымъ дирижированіемъ г. Шостаковскаго является образцовое исполненіе какой-нибудь выписанной изъ-за границы знаменитости, на ряду съ классическимъ произведеніемъ, да еще представленнымъ зачастую въ искаженномъ видѣ, исполняется салонная вещьца самаго новѣйшаго издѣлія, на ряду съ представителями передовыхъ движеній въ музыкѣ фигурируютъ самые ярые защитники музыкальнаго консерватизма.

Понятно, что никакой общей идеи, никакой руководящей нити въ концертахъ филармоническаго общества открыть невозможно. Первоначально оно служило какъ бы чѣмъ-то вродѣ агентуры для иностранныхъ виртуозовъ: ежегодно филармоническое общество выписывало по

нѣскольку европейскихъ знаменитостей, не шая на это средствъ, причѣмъ все остальное играло роль обстановки. Такъ и въ нынѣшнемъ году для концертовъ общества были выписаны: г-жи Луква, Брага, Зембрихъ, Барби, Брехъ, гг. Бродскій, Чези, Мержвинскій и др. Но на ряду съ этимъ расширена была симфоническая часть вечеровъ, причѣмъ особенное вниманіе должно было быть оказано новой для Москвы музыкѣ. Однако, подобныя новинки выбирались довольно оригинальнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, по поводу исполненія какой-то ни мало ни для кого не интересной симфоніи второстепеннаго нѣмецкаго композитора, рецензентъ одной изъ московскихъ газетъ, видимо, лучше насъ знающій внутренніе порядки общества, оправдывалъ г. Шостаковскаго тѣмъ, что, заваленный дѣлами, онъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ похвальнымъ отзывамъ въ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Но, вѣдь, симфонія не могла же быть исполнена безъ личнаго ознаменія съ ней дирижера предварительно.

При обществѣ существуетъ школа, о дѣятельности которой пока судить, однако, мудро. До сихъ поръ она еще не дала никакихъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ только году въ ней состоялся первый выпускъ. Пока замѣтимъ лишь одно: институтъ частной школы съ правами, равными съ консерваторіей, могъ бы имѣть большой прокъ; вопросъ только въ томъ: въ силахъ ли охарактеризованная выше дирекція выполнить должнымъ образомъ здѣсь свои обязанности?

Обратимся къ опернымъ сценамъ. Ихъ въ Москвѣ двѣ: казенная, считающаяся въ своемъ составѣ одну, но многочисленную русскую труппу, и частная, состоящая изъ двухъ труппъ, русской и итальянской. Дѣятельность этихъ сценъ въ прошедшемъ сезонѣ была далеко неодинакова: насколько энергично работала частная, настолько же бездѣйствовала казенная. Правда, послѣдняя пережила перемѣну администраціи и неволью сопряженный съ ней нѣкоторый періодъ междуцарствія. Но соображая, какихъ крупныхъ суммъ должно стоить казніе содержаніе Императорской оперы, припоминая тѣ громадныя оклады, которые получаютъ служащіе въ ней, припоминая весь наличный составъ художественныхъ и матеріальныхъ силъ Большаго театра, трудно, все-таки, мириться съ вялостью его дѣятельности. Въ истекшемъ сезонѣ не было поставлено ни одной новой оперы: репертуаръ почти все время былъ неинтересный, скучный и именно заграничный. А, между тѣмъ, есть же силы: есть и прекрасные голоса, и хорошіе актеры, и музыкальные пѣвцы. Правда, рѣдко все это совпадаетъ: часто пѣвецъ съ хорошимъ голосомъ поетъ немусыкально и не умѣетъ держаться на сценѣ, а артистъ съ изящнымъ вкусомъ страдаетъ отсутствіемъ голоса; но, вѣдь, при умѣломъ веденіи дѣла всѣ такия шероховатости, строго говоря, почти неизбѣжны на всякой большой сценѣ, легко могли бы быть сглажены. У насъ держатся другаго мнѣ-

нія: у насъ лирическимъ сопрано поручаютъ драматическія партіи, британамъ даютъ роли басовъ и т. п.; у насъ пѣвецъ, не умѣющій фразировать, или совсѣмъ объ этомъ не думаетъ, или же фразировать такъ неудачно, что явно портитъ дѣло. Невольно хочется спросить при этомъ: неужели же при разучиваніи партій, на репетиціяхъ, ему не показывается болѣе цѣлесообразная фразировка?

Но солисты еще лучшая сторона оперы. Всего чаще неудовлетворительнень бываетъ общій ансамбль исполненія: подчасъ на спектаклѣ শেষ оперы вамъ кажется, словно передъ вами все ученики, не рѣшающіе ступить свободно, какъ будто они связаны по рукамъ и по ногамъ и прикованы какими-то магическими путами къ палочкѣ капельмейстера. Но удивительнѣе всего, что, несмотря на такіе приемы, ансамбль все-таки, не достигается; укажемъ для примѣра на два первыхъ финала въ *Гугенотгахъ*, постоянно ломающихся. Не станемъ разбирать причины этого: можетъ быть, пѣвцы не въ силахъ справиться съ темпами, которые даетъ капельмейстеръ, можетъ быть, темпы эти даже не соответствуютъ характеру композиціи; какъ бы то ни было, фактъ налицо и обь финала всякій разъ бываютъ скомканы.

Во всякомъ случаѣ ясно, что неудовлетворительность общихъ порядковъ, скудость репертуара, слабость ансамбля, бездѣятельность однихъ пѣвцовъ на ряду съ усиленною дѣятельностью другихъ зависятъ не отъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, а отъ ихъ начальства, и именно не столько отъ административнаго начальства, сколько отъ художественнаго, — отъ режиссера, капельмейстера, хормейстера и т. д. Здѣсь необходимо отметить еще одну особенность московскихъ театральнхъ порядковъ. Дѣло въ томъ, что почти каждый изъ представителей этой художественной администраціи занимаетъ болѣе чѣмъ одну должность. Такъ, между прочимъ, главный режиссеръ оперы, г. Барцалъ, будучи режиссеромъ, является, въ то же время, и пѣвцомъ, получая за это и особое жалованье. Какое онъ режиссеръ, мы распространяться не будемъ, такъ какъ статья наша и безъ того ужь сильно растянулась, но что режиссерская часть вообще сильно хромаетъ въ нашей оперѣ, это, кажется, уже достаточно ясно изъ предыдущаго. Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: не иѣмъ ли г. Барцалу-режиссеру г. Барцалъ-пѣвецъ? Вѣдь, дѣло доходитъ до того, что, несмотря на многочисленность оперныхъ персонажей, г. Барцалу приходится исполнять въ одномъ представленіи цѣлыхъ двѣ партіи (какъ это было при послѣднемъ представленіи оперы *Русланъ и Людмила*): мыслимо ли, спрашивается, исполняя двѣ партіи въ оперѣ, отвѣчать, въ то же время, и обязанности режиссера какъ слѣдуетъ? Даже капельмейстеромъ оперы состоитъ г. Альтани; разбирать его достоинство какъ дирижера мы также не станемъ, такъ какъ дѣятельность его въ этомъ поприщѣ въ нынѣшнемъ году была слишкомъ кратковременна: онъ пробывалъ почти весь сезонъ. Насъ интересуетъ здѣсь опять-таки общіе

ательство принципиального характера: дѣло въ томъ, что у г. Альтани официально нѣтъ помощниковъ, такъ что когда онъ заболѣлъ, то пришлось отказаться не только отъ постановки новыхъ оперъ, но почти и отъ поневленія репертуара вообще хотя бы возобновленіемъ старыхъ. Рационаленъ ли, спрашивается, такой порядокъ, гдѣ одному капельмейстеру врядъ ли возможно справиться и при вождѣнномъ здоровіи со всею тою массой дѣла, которая волей-неволей на него падаетъ при подобныхъ условіяхъ? Не потому ли у насъ до сихъ поръ оперы такъ медленно разучиваются и болѣе одной оперы не ставилось въ сезонъ? А, между тѣмъ, повторяемъ, вѣдь, казенныхъ денегъ тратится на московскую оперу каждый годъ очень и очень немало. Оказалось, что единственною новинкой въ истекшемъ сезонѣ былъ балетъ г. Кленовскаго *Светлана*, о которомъ удобнѣе будетъ поговорить уже въ будущемъ году, когда онъ будетъ возобновленъ: въ этомъ году онъ былъ поставленъ только подъ конецъ сезона и данъ всего два или три раза. Пока же замѣтимъ только, что хотя талантъ г. Кленовскаго въ балетѣ казался и выгодно, но самый этотъ родъ искусства стоитъ настолько низко, что нельзя пробавляться имъ однимъ за цѣлый сезонъ.

Какъ же, однако, обстояло дѣло, когда г. Альтани заболѣлъ? Замѣнить его могли лишь два лица: гг. Кленовскій и Авранекъ. Но оба эти лица исполняютъ, сверхъ того, еще особыя должности: первый состоитъ балетнымъ композиторомъ, и потому, хотя въ качествѣ дирижера онъ и проявилъ достаточныя способности, но г. Альтани не замѣнилъ. Остался одинъ г. Авранекъ, состоящій ex-officio хормейстеромъ, которому и пришлось, такимъ образомъ, распинаться между ролями хормейстера и капельмейстера. Понятно, что при этомъ дѣло потерпѣло существенный ущербъ. Въ одномъ изъ представлений произошелъ настоящій скандалъ. 12 ноября 1885 г. давалась опера *Африканка*. Съ самаго начала представленія были колебанія и шероховитости, съ самаго начала казалось, что капельмейстеръ сплошь и рядомъ теряется, но до третьяго акта дошло сравнительно спокойно. Въ хорѣ матросовъ третьяго акта произошло нѣчто необычайное и для столичной сцены, въ сущности, невозможное: хоръ остановился и только одинъ какой-то хористъ продолжалъ тянуть свою партію въ разладъ съ оркестромъ. Кто именно былъ виной этого печальнаго «инцидента», сказать мудрено, — капельмейстеръ или хормейстеръ; фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что цѣлый нумеръ прошелъ въ какомъ-то звуковомъ хаосѣ.

Мудрено ли послѣ этого, что Большой театръ никогда еще не давалъ такихъ крупныхъ дефицитовъ, какъ именно въ нынѣшнемъ году? При всемъ томъ, театральное управленіе оставалось какъ-то странно глухо къ ясно выражаемымъ запросамъ публики; такъ, кромѣ нѣсколькихъ, особенно излюбленныхъ публикой оперъ, которыя не могли поэтому не оста-

ваться въ репертуарѣ, часто давались такія, которыя перестали совсѣмъ дѣлать сборы, какъ, напр., *Нижгородцы* г. Направника, и, наоборотъ, не давались такія, на которыхъ театръ бывалъ всегда въ значительной степени полонъ, какова, напр., *Вражья сила* Стрѣва.

Остается возложить упованіе на новое управленіе, остается думать, что указанные недостатки не болѣе, какъ наслѣдіе прошлаго, и что съ начала предстоящаго сезона они будутъ устранены.

Дѣятельность частной оперы тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ художественномъ отношеніи силы ея вообще значительно слабѣе силъ большой оперы. Не только хоръ и оркестръ ея, но и большая часть солистовъ русской труппы набраны были наскоро и преимущественно изъ учениковъ, только кончившихъ курсъ, а часто и совсѣмъ еще не кончившихъ. Что касается итальянской труппы, то она состояла изъ артистовъ хотя опытныхъ и хорошо знакомыхъ со сценой, но, тѣмъ не менѣе, второстепенныхъ какъ по голосамъ, такъ и по способностямъ и музыкальному образованію. Правда, въ качествѣ гастролеровъ приглашались иногда и первоклассные пѣвцы, но фундаментъ оперы былъ не въ нихъ.

И съ такими-то силами были разучены и поставлены вновь слѣдующія оперы: *Снѣгурочка* Н. А. Римскаго-Корсакова, *Алая роза* Н. С. Кроткова, *Лакмэ* Деліба, *Сенъ-Марсъ* Гуно. Кромѣ того, почти новыми для Москвы явились оперы *Рюи-Блазъ* Маркетти, *Карменъ* Бизэ и *Джіоконда* Понкиелли. вмѣстѣ съ этимъ и значительную часть старыхъ оперъ пришлось почти ставить вновь, благодаря неопытности участвующихъ лицъ. Понятно, что такихъ результатовъ можно было достигнуть лишь при тщательномъ отношеніи дирекціи къ своимъ обязанностямъ и при энергіи и талантиности руководителей оперы, ея капельмейстеровъ, гг. Бевиньяни и Труффи.

При всемъ томъ, если бы мы попробовали сдѣлать оцѣнку хотя бы выбора перечисленныхъ здѣсь новыхъ оперъ, то его нельзя было бы не назвать довольно страннымъ. Изъ двухъ оперъ, русскихъ авторовъ, дѣйствительный художественный интересъ представляетъ лишь одна—*Снѣгурочка* г. Римскаго-Корсакова, о которой своевременно былъ данъ отчетъ на страницахъ *Русской Мысли*. Прибавимъ здѣсь, что опера имѣла успѣхъ, была дана въ теченіе сезона разъ 15 и, видимо, понравилась москвитамъ. Что же касается *Алой розы*, то это—произведеніе, написанное въ какомъ-то странномъ стилѣ, нѣчто среднее между комическою оперой и опереткой. Какъ въ сценическомъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи опера свидѣтельствуетъ о большой неопытности лицъ, трудившихся надъ нею. Въ сценическомъ отношеніи въ ней мало жизни, мало движенія, она черезъ-чуръ растянута; въ музыкальномъ она—отмѣчена печатью такого

плетантизма, что для устраненія его автору при всемъ его талантѣ— необходимо еще много поработать.

Изъ иностранныхъ оперъ *Лакмэ* была поставлена только для г-жи Ванъ-Зандтъ; въ общемъ, это—посредственное произведеніе второстепеннаго французскаго композитора, хотя мѣстами и довольно ловко сдѣланное. Тоже почти можно сказать и о *Рюи-Блазъ* Маркетти. *Сень-Марсъ*—одна изъ тѣхъ оперъ, которыя написаны Гуно за тотъ періодъ, когда творческія силы его уже оставили и онъ пробавлялся, преимущественно, воспоминаніями изъ своего же *Фауста*. Несмотря на превосходный, вполне перный сюжетъ, ни у насъ, ни въ Парижѣ *Сень-Марсъ* не имѣлъ никакого успѣха: здѣсь онъ былъ данъ всего только раза два или три. Стаются *Карменъ* и *Джіоконда*. Первая принадлежитъ къ числу тѣхъ частливыхъ художественныхъ произведеній, которыя всюду, гдѣ они ни являются, съ перваго же разу пріобрѣтаютъ общія симпатіи, упрочившіяся при дальнѣйшемъ знакомствѣ. *Карменъ*—одна изъ оперъ, пользующихся въ Москвѣ наибольшимъ успѣхомъ. *Джіоконда*, написанная въ гнѣдъ предпоследняго періода дѣятельности Верди (до *Аиды*), вскорѣ же послѣ того, какъ была написана, сдѣлалась репертуарною оперой всѣхъ почти итальянскихъ труппъ. Этимъ она обязана не столько своимъ музыкальнымъ достоинствамъ, сколько своей сценичности и, главное, благодарности для пѣвцовъ своихъ отдѣльныхъ музыкальныхъ партій.

Такимъ образомъ, сколько-нибудь значительный интересъ представляли только двѣ оперы—*Стипулочка* и *Карменъ*. Остальныя большаго значенія не имѣютъ. Но, помимо того, здѣсь интересна удивительная разнохарактерность репертуара. Здѣсь опять-таки нѣтъ и слѣдовъ какого-нибудь большого художественнаго міровоззрѣнія, какихъ-нибудь принциповъ, руководящихъ идей и т. п. Это—какая-то странная амальгама изъ произведеній самыхъ разнообразныхъ родовъ и степеней. Конечно, частная опера—учрежденіе молодое и еще не окрѣпшее: быть можетъ, если она въ состояніи будетъ долго продолжать свое существованіе, она и выработаетъ для себя сколько-нибудь опредѣленное направленіе и опредѣленный репертуаръ.

Тотъ же пестрый характеръ преобладаетъ и въ исполненіи. Какъ сказано, руководители у оперы энергичны и талантливы: не только капельмейстерская часть, но и режиссерская ведется толково и съ знаніемъ дѣла; недостатки оркестра, обыкновенно, маскируются опытнымъ капельмейстеромъ, да и хоры вообще звучатъ прекрасно. Далѣе, декорации и обстановка выполняются молодыми русскими художниками и потому доходятъ нерѣдко до значительной степени художественности. Но что касается солистовъ, то въ русской труппѣ они въ большинствѣ случаевъ имѣнно хромаютъ (исключенія довольно рѣдки); въ итальянской же наряду съ такими артистками и артистами, какъ г-жи Ванъ-Зандтъ и Дю-

ранъ и г. Девойодъ, во многихъ отношеніяхъ могущихъ считаться образцовыми, встрѣчаются и пѣвцы безголовые, встрѣчаются и такіе, которые при наличности голоса не умѣютъ имъ распоряжаться. Вообще составъ труппы производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто искусство пѣнія въ Италіи значительно пало.

Какъ говорить, частная опера дала за истекшій сезонъ очень крупный дефицитъ. Это нисколько неудивительно, такъ какъ она представляетъ собою первый опытъ примѣненія частной инициативы къ предпріятію такого рода, къ какому прежде она казалась у насъ непримѣнимой. Будущее покажетъ, насколько наше время сдѣлало возможнымъ подобный опытъ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что несмотря на обиліе музы въ Москвѣ, состояніе ея у насъ не можетъ считаться цвѣтущимъ. Если исключить концерты Рубинштейна и еще нѣсколько другихъ мимоныхъ явленій, столько же блестящаго, сколько и случайнаго, въ суммированіи, характера, картина, представляемая прошедшимъ сезономъ въ музыкальномъ отношеніи, окажется не особенно свѣтлой. Попробуемъ же сдѣлать выводы.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ одно: въ музыкальной сферѣ явно замѣтно стремленіе нивелировать художественные вкусы уровня золотой, какъ часто говорятъ, а, въ сущности, безпѣвной сѣдины. Понятно, что объяснять это явленіе какими-нибудь случайными причинами было бы и несправедливо, и неосновательно. Таланты естественны, но они или развиваются не въ томъ направленіи, которое дало имъ возможность явиться во всей ихъ силѣ, или даже совсѣмъ не обращаются къ художественной дѣятельности. Очевидно, что источникъ подмѣченнаго факта долженъ лежать гдѣ-нибудь гораздо глубже. И дѣйствительно, искусство находится въ такой же тѣсной зависимости отъ общихъ социальныхъ и культурныхъ теченій жизни, какъ и вся остальная окружающая насъ дѣйствительность. Справедливо говорить, что искусство—одно изъ орудій культуры, но, прежде всего, оно—продуктъ той же культуры. Искусство вырабатываетъ тѣ или другія формы жизни; наоборотъ, тѣ или другія формы жизни сообщаютъ тотъ или другой характеръ искусству. Конечно, на известной степени развитія, и искусство можетъ, въ свою очередь, воздѣйствовать на жизнь, но, строго говоря, оно можетъ воздѣйствовать лишь въ смыслѣ усиленія того направленія, которое преимущественно сообщила ему жизнь. Если, наконецъ, при известныхъ условіяхъ искусство можетъ стать и однимъ изъ проявленій реакціи противъ господствующаго теченія въ общественной жизни, то именно современная намъ дѣйствительность не представляетъ ничего благопріятнаго для

и комбинаціи. Современный буржуазный міръ съ насаждаемыми имъ тенденціями постепенно сокращаетъ спросъ на все яркое и выдающееся и исключеніемъ, конечно, матеріальнаго богатства, внѣшней роскоши и отвѣтственно тому въ искусствѣ—блестящей техники), стремится сдѣлать жизнь болѣе мелкой, гонитъ широкіе идеалы, гонитъ всякія возвышенныя задачи; а тамъ, гдѣ жизнь не предлагаетъ никакихъ возвышенныхъ задачъ, тамъ искусство (истинное, одухотворенное искусство, а блестящая только техника его) невольно вырождается.

Такимъ образомъ, лишь отъ общаго обновленія всей нашей общественной жизни можно ждать прогресса въ искусствѣ. Тогда, и только тогда оно станетъ и болѣе могущественнымъ, и болѣе самостоятельнымъ оружіемъ культуры.

К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Полемика о значеніи „большинства“ въ государственномъ совѣтѣ. — Окончательныя свѣдѣнія о сокращеніи числа питейныхъ продажъ. — Застой и пониженіе банковаго процента по вкладамъ. — Возвышеніе пошлины на мѣдъ. — Новая пятипроцентная рента. — Конверсія 7-го займа. — Причины разстройства финансовъ. — Ликвидация саратовско-сибирскаго земельнаго банка. — Общее собраніе заемщиковъ взаимнаго поземельнаго кредита. — Дѣло о безпорядкахъ на Никольской мануфактурѣ. — Прекращеніе пріема на высшіе женскіе курсы. — О тотализаторахъ.

Въ настоящее время работы государственнаго совѣта уже прекратились. Замѣчательна, какъ характерный признакъ времени, была полемика о самомъ назначеніи и обычаяхъ государственнаго совѣта, происходившая въ концѣ сессіи. Время наше можно, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ это ни будетъ казаться страннымъ на первый взглядъ, охарактеризовать такъ, что теперь всякое предположеніе возможно. Все, что считалось окончательно рѣшеннымъ, оказывается составляющимъ еще предметъ дѣлопроизводства, по крайней мѣрѣ, въ газетахъ и журналахъ; все, что казалось, мы уже окончательно оставили позади себя, догоняетъ насъ вновь и становится передъ нами со знакомъ вопрошенія; на всѣ рѣшенія исторіи, логическаго хода развитія, законодательства, наконецъ, здраваго смысла принимается нынѣ апелляція въ нѣкоторой части печати.

Такъ, между прочимъ, практика и порядки, установившіеся въ государственномъ совѣтѣ болѣе полулѣтка тому назадъ, подвергнуты были такому обвиненію, будто бы въ нихъ отражаются «конституціонныя фикціи». Фикціи эти усмотрѣны въ томъ неизбѣжномъ фактѣ, что каждый министръ, внеся въ совѣтъ проектъ какаго-либо закона, видитъ въ одобреніи его большинствомъ совѣта весьма важное условіе для того, чтобы этотъ проектъ осуществился на самомъ дѣлѣ въ формѣ закона. Хотя по смыслу самаго учрежденія государственный совѣтъ не имѣетъ власти рѣшающей, а только «полагаетъ мнѣнія», но само собою разумѣется, если только совѣтъ имѣетъ какое-либо нравственное значеніе, то далеко не все равно, высказались ли за проектъ нѣсколько десятковъ членовъ, или

двое членовъ, или одинъ только. На дѣлѣ, единичныя мнѣнія даже никогда, сколько намъ извѣстно, не утверждались, а утвержденія удостоивались одно изъ двухъ мнѣній, которыя, по закону, должны быть изложены въ меморіи совѣта, при разногласіи, причежь, какъ это и естественно, мнѣніе, соединившее наибольшее число голосовъ, хотя нисколько и не исключало возможности несогласнаго съ нимъ окончательнаго рѣшенія, но, все-таки, являлось какъ бы и болѣею рекомендаціей уже потому одному, что болѣшая часть обсуждавшихъ дѣла пристала къ этому мнѣнію.

Понятно поэтому, и это неизбежно должно было случаться, что каждый министръ желалъ, для осуществленія внесеннаго или проекта, такой рекомендаціи и готовъ былъ, если было нужно, сдѣлать для этого даже уступки изъ своего личнаго взгляда. Но, главнымъ образомъ, министры побуждались къ такимъ уступкамъ вовсе не желаніемъ обезпечить своимъ проектомъ большинство голосовъ въ общемъ собраніи, то-есть не расчетомъ на самое голосованіе въ государственномъ совѣтѣ, но тою функціей совѣта, которая принадлежитъ ему одному, въ которой власть верховная, по природѣ вещей, участвовать не можетъ, а именно предварительнымъ разсмотрѣніемъ закона въ отдѣленіи (департаментѣ) совѣта. Здѣсь, при обсужденіи въ департаментахъ, всегда и дѣлались министрами главныя уступки. Это объясняется тѣмъ, что хотя постановленія общаго собранія государственнаго совѣта не имѣютъ силы рѣшающей, но въ самомъ дѣлопроизводствѣ совѣта председателямъ его департаментовъ и председателю самаго совѣта принадлежитъ, несомнѣнно, власть рѣшающая. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ немислимо какое-либо дѣлопроизводство безъ опредѣленія къ-мъ-либо его хода и порядка.

Такимъ образомъ, при предварительномъ обсужденіи законопроекта въ департаментѣ совѣта, а затѣмъ и во время его разсмотрѣнія въ общемъ собраніи, председателямъ и большинству членовъ принадлежитъ власть рѣшающая по дѣлопроизводству. Департаментъ или общее собраніе могутъ признать необходимымъ истребованіе отъ министра дополнительныхъ свѣдѣній, необходимость соглашенія проекта съ другимъ закономъ, пользу предварительнаго сношенія одного министра съ другими, наконецъ, могутъ признать проектъ неудовлетворительно составленнымъ и возвратить его министру для исправленія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ государственному совѣту принадлежитъ уже власть не совѣщательная, но самостоятельно рѣшающая, а предварительное разсмотрѣніе, по самому свойству своему, не должно обременять верховной власти; иначе, т.-е., если бы верховная власть должна была принимать на себя самую провѣрку и обработку законопроектовъ, то въ такомъ случаѣ государственный совѣтъ совсѣмъ бы не былъ нуженъ.

Вотъ гдѣ настоящее и главное вліяніе государственнаго совѣта на теченіе министерскаго законопроекта. Естественно, что министръ работаетъ о скорѣйшемъ его проведеніи, опасается разныхъ трудностей и недоразумѣній, какія могутъ возникать при предварительномъ его разсмотрѣніи, не желаетъ отсрочки его до слѣдующей сессіи и видитъ даже нѣкоторую неудачу для себя въ самомъ возвращеніи для исправленія проекта, который имъ одобренъ.

Если устранить возможность всего этого, то тогда, повторяемъ, исчезнетъ самая потребность въ государственномъ совѣтѣ, такъ какъ въ предварительномъ разсмотрѣніи проекта пришлось бы полагаться на самого министра, который его внесъ. Но это совершенно невозможно, потому что предположенія министровъ не всегда бываютъ взаимно согласны. Такъ, если бы смѣты, вносимыя отдѣльными вѣдомствами, и затѣмъ сверхсмѣтные кредиты, ими испрашиваемые въ теченіе года, проходили въ общее собраніе безъ переработокъ ихъ въ департаментѣ экономіи, а затѣмъ безъ истребованія разныхъ повѣрочныхъ и дополнительныхъ соображеній отъ министерства финансовъ и контроля, то для министра финансовъ сдѣлалось бы окончательно невозможнымъ бороться съ требованіями отдѣльныхъ вѣдомствъ и приводить эти требованія хотя въ какое-нибудь равновѣсіе.

Вотъ во время этого-то предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта министръ и побуждается къ уступкамъ, нерѣдко совсѣмъ несогласнымъ съ его мнѣніемъ, для того, чтобы проектъ не былъ отложенъ или возвращенъ. Предположеніе, что министры стараются «составлять себѣ большинство» въ общемъ собраніи, просто выдуманно для того именно, чтобы пустить въ ходъ обвиненіе въ конституціонныхъ фикціяхъ. Такое «составленіе большинства», во-первыхъ, не нужно уже потому, что изъ 29 проектовъ, прошедшихъ на разсмотрѣніе въ департаментъ, едва ли одинъ не получаетъ большинства въ общемъ собраніи, такъ что подобный фактъ обыкновенно относится къ случайности; во-вторыхъ, «составленіе большинства» въ смыслѣ «конституціонныхъ фикцій» предполагаетъ группировку членовъ собраній по постояннымъ партіямъ и компромиссы между ближайшими группами. А такъ какъ само собою разумѣется, что ничто похожего не можетъ быть въ собраніи, состоящемъ изъ сановниковъ, назначенныхъ правительствомъ, то какимъ же образомъ могло бы дано и происходить на практикѣ стараніе о составленіи большинства? Для этого, стало быть, приходилось бы министру объѣзжать передъ засѣданіемъ нѣсколько десятковъ членовъ совѣта и каждого изъ нихъ въ отдѣльную ночь просить о подачѣ благоприятнаго голоса. Но нѣтъ министра, который бы рѣшился на такой рядъ академическихъ визитовъ.

Наконецъ, обезпеченіе себя большинствомъ немислимо и потому именно, что «большинство», все-таки, никакого обезпеченія не составляетъ, такъ какъ утверждено можетъ быть и мнѣніе меньшинства.

И такъ, въ чемъ же фактическое основаніе для обвиненій? Въ томъ ли, что чаще, все-таки, утверждается мнѣніе, соединившее наибольшее число голосовъ? Но этого слѣдуетъ желать, такъ какъ нельзя же не имѣть убѣжденія, что болѣе число голосовъ обыкновенно соединяетъ мнѣніе болѣе основательное. Въ томъ ли, что министры побуждаются къ уступкамъ во время предварительнаго разсмотрѣнія? Но, вѣдь, прямое назначеніе государственнаго совѣта въ томъ, чтобы приводить въ согласованіе законодательныя мѣры, предполагаемыя по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. А достиженіе согласованія немыслимо безъ уступокъ. Иначе, что же происходило бы? Отдѣльныя вѣдомства предъявляли бы денежные требованія, которыя въ сложности вдвое превышали бы ожидаемый доходъ; одно министерство вносило бы проектъ мѣры, которая парализовала бы дѣйствіе мѣры, утвержденной по ходатайству другаго вѣдомства. И ни одинъ министръ «не считалъ бы себя въ правѣ дѣлать кому бы то ни было уступокъ, коль скоро оныя, по его убѣжденію, портятъ законъ»,—какъ выражались *Московскія Вѣдомости*. Но, въ такомъ случаѣ, вся работа согласованія, сглаживанія, дополненія или измѣненія въ частностяхъ падала бы на власть утверждающую? Это—очевидная несообразность.

Государственный совѣтъ не можетъ быть только передаточною инстанціей, которая существовала бы единственно для вида. Ни петровскій сенатъ, ни боярская дума въ старое время не были такою «регистратурой», въ какую, неизвѣстно для чего, хотѣли бы превратить совѣтъ, послѣ 75-ти лѣтняго его существованія, нѣкоторые просвѣщенные мыслители конца XIX столѣтія.

О первыхъ послѣдствіяхъ одного изъ недавно введенныхъ въ дѣйствіе законовъ, а именно новаго закона о продажѣ питей, имѣются теперь подробныя цифровыя данныя. Въ *Вѣстникѣ Финансовъ* помѣщены обширныя цифровыя таблицы, которыя выработаны въ министерствѣ финансовъ на основаніи донесеній управляющихъ акцизными сборами къ 1 марта нынѣшняго года.

Такъ какъ мы слѣдили за самымъ прохожденіемъ этого закона и за возбужденною имъ впослѣдствіи полемикой, то считаемъ не лишнимъ занести въ нашу лѣтопись главные цифровые результаты первоначальнаго его примѣненія. Законъ 14 мая 1885 г. приведенъ въ дѣйствіе съ 1 января въ 47 губерніяхъ Европейской Россіи. Общее число мѣстъ раздробительной продажи вина (пивныя лавки здѣсь не считаются) въ городахъ и селеніяхъ сократилось противъ 1885 года съ 97,838 до 72,757, то-есть на 25,8%; число собственно распивочныхъ заведеній сократилось съ 90,865 до 33,653, т.-е. на 62,3%, между тѣмъ какъ число продажъ «на выносъ», наоборотъ, возросло съ 6,973 до 39,104.

Эти цифры показываютъ, какое громадное значеніе имѣютъ постановленія закона въ такихъ промышленностяхъ, какъ акцизныя, такъ какъ въ

нихъ условія экономическія: спросъ и предложеніе и цѣна производства занимаютъ совершенно подчиненное мѣсто, а преобладающее значеніе имѣютъ именно условія законодательныя, условія регламентаціи. Но не слѣдуетъ забывать, что экономическія условія, все-таки, оказываютъ и свое независимое дѣйствіе, а потому формальное положеніе дѣла, представляемое цифрами, до извѣстной степени видоизмѣняется на практикѣ потребностью и скрытыми средствами для ея удовлетворенія. Такъ, когда мы видимъ по официальнымъ даннымъ, что расписочныхъ продажъ въ городахъ стало теперь меньше на 42% (съ 28,998 до 16,809), а въ селеніяхъ на цѣлыхъ 72,7% (съ 61,867 до 16,844), то-есть, что сельскихъ расписочныхъ продажъ осталось почти только *одна четверть* въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, то результатъ этотъ представляется столь поразительнымъ, что нельзя не предположить нѣкоторое ослабленіе его въ практической дѣйствительности.

Съ 19 мая государственный банкъ сталъ платить по всѣмъ текущимъ счетамъ 1 процентъ въ годъ, а по безсрочнымъ вкладамъ 2%, причѣмъ по тѣмъ изъ нихъ, которые поступили въ банкъ до 12 мая, оставленъ прежній размѣръ 3% годовыхъ только до іюля нынѣшняго же года. Это представляло крайнюю мѣру противъ дальнѣйшаго притока въ банкъ частныхъ капиталовъ, которые рѣшительно чуждаются въ настоящее время всякаго предпріятія и помещаются только въ цѣнныя бумаги или въ банкноты. По балансу государственнаго банка 1 апрѣля итогъ повѣренныхъ ему капиталовъ (текущій счетъ и безсрочные вклады) увеличился за годъ на 79 милл. руб., и аналогичное явленіе наблюдается въ банкахъ частныхъ. Цифры текущихъ счетовъ и вкладовъ въ банкахъ, какъ государственномъ, такъ и частныхъ, въ сложности превышаютъ 500 милл. руб. Между тѣмъ, внутренней дисконтъ показывается на биржахъ отъ 4¹/₄ до 6%, а въ коммерческихъ оборотахъ ссудный процентъ подъ самое вѣрное обезпеченіе нисколько не понизился и продолжаетъ держаться на 9 и 10. Фонды, не считая обычныхъ колебаній, зависящихъ, главнымъ образомъ, отъ котировокъ на биржѣ берлинской, держались высоко; пятипроцентныя банковые билеты и облигаціи восточныхъ займовъ стояли выше пари.

Всѣ эти цифры свидѣтельствуютъ, что «застой» не только не прекращается, но еще крѣпнѣетъ. Въ виду общаго настроенія, едва ли можно ожидать, что одно пониженіе процента, платимаго государственнымъ банкомъ, повліяетъ на оживленіе промышленности. Наплывъ частныхъ капиталовъ въ банки и доселѣ обуславливался не размѣромъ интереса, но неимѣніемъ промышленностью видовъ, отсутствіемъ спроса, — словомъ, корень зла въ причинахъ экономическихъ, а не въ финансовыхъ. А, наконецъ, бѣдшую часть изгнанныхъ капиталовъ поглотилъ новый заемъ, о которомъ упомянемъ далѣе.

Не помогаетъ дѣлу доселѣ и усиленное покровительство. Возбудитель-

ное его дѣйствіе на промышленность можно сравнить только съ дѣйствіемъ паруса; парусъ не дѣйствуетъ, когда нѣтъ вѣтра, а въ промышленности господствуетъ именно мертвый «штиль». Немногимъ лучше и положеніе внутренней торговли, а внѣшняя находится въ положительномъ упадкѣ. Уже за 1884 годъ итогъ оборотовъ по нашей европейской торговлѣ упалъ противъ предшествовавшаго года почти на 10 процентовъ; за 1885 же годъ уменьшеніе произошло еще и по сравненію съ 1884 въ размѣрѣ 18 процентовъ. Усиленное покровительство не поправило доселѣ и курса, такъ какъ цѣнность кредитнаго рубля въ половинѣ мая оставалась 62 металл. копѣйки, при цѣнѣ германской марки 50 коп. кред., франка 40 коп.

Послѣднимъ явленіемъ въ смыслѣ усиленія покровительства было возвышеніе пошлины на привозную мѣдь и мѣдныхъ издѣлій,—мѣра, принятая въ виду упадка мѣдноплавильнаго дѣла въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ и несмотря на то, что именно за послѣдніе годы добываніе мѣди стало вновь подниматься. Такимъ образомъ, увеличеніе пошлины на мѣдь является новымъ примѣромъ, что возвышеніе тарифа происходитъ, главнымъ образомъ, въ видѣ уступокъ отдѣльнымъ ходатайствамъ.

Между тѣмъ, на связь внутренняго застоя съ оборотами нашей внѣшней торговли указываетъ уже главная именно причина этого застоя, какъ ее опредѣлило само министерство финансовъ въ докладѣ, сопровождавшемъ роспись, то-есть уменьшеніе спроса хлѣба за границу и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, которое уменьшило доходъ сельскихъ хозяевъ и заработокъ сельскаго населенія, а затѣмъ и спросъ на внутреннія издѣлія. Когда нѣтъ спроса на фабричныя издѣлія, то никакое возвышеніе пошлинъ на продуктъ привозный не можетъ помочь фабриканту. Въ виду отсутствія спроса, онъ не можетъ ни расширять своей фабрики, рассчитывая на барышъ отъ увеличенія оборотовъ, безъ увеличенія цѣнъ на свои издѣлія, ни воспользоваться покровительствомъ и для поднятія цѣнъ, такъ какъ онъ, наоборотъ, готовъ продавать издѣлія со скидкой, безъ всякаго даже барыша, лишь бы только они не залеживались и лишь бы вернуть свои издержки производства.

Такимъ образомъ, если протекціонная система есть «покровительство національному труду», то надо признать, что время для введенія усиленнаго покровительства неудачно у насъ выбрано, такъ какъ до сихъ поръ національному труду отъ него ровно никакой пользы не оказывается. А, между тѣмъ, можно даже допустить, что національному труду сельскому наносится при этомъ нѣкоторый ущербъ. Дѣло въ томъ, что отпускъ товаровъ изъ страны и привозъ въ нее товаровъ заграничныхъ не находятся внѣ всякой между собой связи. Итоги ихъ, понятное дѣло, не могутъ быть взаимно пропорціональны, такъ какъ торговля опредѣляется нуждами потребленія въ несравненно большей степени, чѣмъ удобствами самаго производства коммерческихъ операцій. Но нельзя отрицать, что

нѣкоторое вліяніе на ходъ торговли должны имѣть и собственныя ея удобства. Только на небольшую часть всего итога своихъ оборотовъ международная торговля оплачивается металломъ; на всю же остальную часть итога она есть, въ сущности, торговли мѣновой.

Такъ и въ нынѣшнемъ соотношеніи нашего отпуска и привоза слѣдуетъ допустить, что, сверхъ главной причины упадка вывоза, — конкуренціи заокеанской хлѣбной производительности хлѣбу русскому, — въ извѣстной степени на ослабленіе нашего отпуска съ 1884 года имѣть вліяніе и самый упадокъ привоза. Такъ, хотя въ 1885 году отпускъ нашъ и превышалъ привозъ, но общій итогъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ сократился болѣе чѣмъ на 150 милл. рублей.

Нѣкоторая связь между отпускомъ и привозомъ объясняется именно удобствами самой торговли. Напрасно думать, что одна страна согласится вести всю торговлю съ другой, главнымъ образомъ, на металл, если она имѣетъ выборъ между рынками и можетъ на другомъ рынкѣ, хотя при равныхъ цѣнахъ, помѣщать часть своихъ товаровъ въ обмѣнъ за покупаемые у этой послѣдней. Вотъ почему надо полагать, что если бы привозъ, положимъ, англійскихъ продуктовъ въ Россію не падалъ вслѣдствіе наложенія пошлины на каменный уголь и возвышенія пошлинъ на другіе предметы привоза, то Англія покупала бы у насъ хлѣбъ хотя и по цѣнамъ не высшимъ, чѣмъ тѣ, какія она платитъ за хлѣбъ американскій, но, все-таки, покупала бы его нѣсколько болѣе, платя своими товарами, чѣмъ покупаетъ теперь, когда этотъ мѣновой ресурсъ для уплаты у нея сократился.

Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ и наложеніе пошлинъ новыхъ, вообще усиленіе таможеннаго элемента въ торговыхъ оборотахъ ведетъ къ сокращенію этихъ оборотовъ не только вслѣдствіе уменьшенія спроса на иностранный товаръ, который долженъ вздорожать, но еще и вслѣдствіе увеличенія особыхъ неудобствъ, сопряженныхъ для торговли съ таможенными затрудненіями. Свѣдѣнія, затребованныя отъ консуловъ учрежденною въ Англіи комиссіей для изслѣдованія положенія торговли, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, что таможенные возвышенія и затрудненія играютъ главную роль въ паденіи привоза въ Россію одновременно съ ослабленіемъ и вывоза изъ нея. Англійскія донесенія особенно жалуются на сложность и обременительность существующихъ у насъ таможенныхъ формальностей, на нашу систему взиманія штрафовъ, при которой таможенные чины заинтересованы, чтобы штрафовъ налагалось какъ можно больше, и допускаютъ даже, что не такъ тягостна самая пошлина, какъ связанная съ нею хлопоты и потеря времени.

Между тѣмъ, отгоняя иностранную торговлю, усиленное покровительство доселѣ ни мало не способствуетъ поднятію русской производительности. Можно, конечно, сказать, что это еще произойдетъ въ будущемъ, по минованіи нынѣшняго застоя. Но, во-первыхъ, здѣсь представляется

равсужденіе гадательное. А, во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ не слѣдовало торопиться съ возвышеніемъ тарифа именно въ періодъ застоя.

Застоемъ же, то-есть обиліемъ праздныхъ, уклоняющихся отъ всякой предприимчивости капиталовъ, въ прошломъ мѣсяцѣ воспользовались для выпуска внутренняго займа на условіяхъ сравнительно болѣе благоприятныхъ, чѣмъ тѣ, по какимъ выпускались займы предшествующіе. Новый стомилліонный заемъ, на основаніи указа 13 мая, предназначенный «на расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, а равно съ цѣлью содѣйствія дальнѣйшему устройству желѣзныхъ дорогъ», предвидѣлся уже со времени обнародованія росписа, сведенной съ дефицитомъ въ около 50 милл. руб., причѣмъ прямо упоминалось о пріобрѣтеніи ихъ путемъ кредита. Заемъ этотъ названъ 5-ти процентною «желѣзнодорожною рентой» и былъ предложенъ къ подпискѣ въ государственномъ банкѣ и его отдѣленіяхъ 23—26 мая. Подписная цѣна объявлена была 99½ процентовъ нарицательной стоимости, что при досрочной оплатѣ взносовъ съ учетомъ изъ 5% годовыхъ составляетъ около 98½ за 100.

Такъ какъ 5-ти процентные внутренне займы стояли до объявленія подписки на 101, то естественно, что банки, разныя учрежденія и, наконецъ, мелкіе капиталисты набросились на подписку. Въ общемъ результатъ ея оказался 2,215½ милліоновъ, потребованныхъ 10,672 подписчиками. Такимъ образомъ, одни уже 10-ти процентные взносы, обеспеченные залогомъ при подпискѣ, покрыли болѣе чѣмъ въ два раза номинальную сумму займа, а въ сложности потребовано было слишкомъ въ 22 раза болѣе, чѣмъ предлагалось, и, кромѣ мелкихъ подписчиковъ, остальные получили ренты только на 4 процента суммы своего требованія.

Результатъ, повидимому, блестящій; однако же, никто его блестящимъ не считалъ, никто не видѣлъ въ такомъ успѣхѣ доказательство обилія сбереженій въ русскомъ народѣ и довѣрія къ положенію русскихъ финансовъ. Всѣ отлично понимали, что подписывался на новый заемъ застой, а не «обиліе» и не «довѣріе». Капиталы, изгнанные съ текущихъ счетовъ пониженіемъ банковаго процента, составили передовую часть подписной массы, остальную же его часть—капиталы, взятые изъ банковъ подъ залогъ другихъ бумагъ и полученные отъ продажи послѣднихъ, съ цѣлью воспользоваться наживою въ 2 рубля на 100 при досрочной оплатѣ, сравнительно съ цѣной 100½, по которой были проданы эти бумаги. Если бы подписка на 5% заемъ была открыта по 100, то и тогда она, несомнѣнно, имѣла бы успѣхъ.

Но, главнымъ образомъ, представляется вопросъ: почему рента выпущена пяти, а не четырехпроцентная, когда успѣхъ займа въ настоящее время былъ несомнѣненъ? Въ послѣднее время слухи о предстоящей конверсіи снова усилились. Въ Петербургъ пріѣзжали представители иностранныхъ банкирскихъ домовъ, и въ самые дни подписки на внутрен-

ний заемъ въ Петербургѣ выдавали за достовѣрное, что состоялось уже условіе о конверсіи седьмага пятипроцентнаго займа. Какъ мы слышали, эмиссіонная цѣна долженствующей его замѣнить четырехпроцентной ренты условлена съ банкирами въ 85 за 100.

Въ такомъ случаѣ, не только представляется страннымъ одновременный выпускъ новаго пятипроцентнаго займа, но нельзя не замѣтить, что при этомъ упущено изъ рукъ средство получить отъ банкировъ болѣе благопріятныя условія для имѣющей совершиться конверсіи. По курсу 200 марокъ за 100 руб. иностранные капиталы охотно приняли бы участіе въ подпискѣ на новый заемъ, если бы онъ былъ сдѣланъ по 4% съ выпускною цѣной въ 92 за 100. А послѣ такого факта можно было бы сослаться на него при окончательномъ соглашеніи о конверсіи и ужь, конечно, потребовать отъ банкировъ для новой четырехпроцентной ренты цѣну выше 85. Между тѣмъ, теперь иностранные капиталисты, участвовавъ въ подпискѣ по 98½ на заемъ пятипроцентный, самою собою разумѣется, не будутъ склонны взять четырехпроцентную конвертированную ренту выше 85, да и по этой цѣнѣ возьмутъ ее только потому, что соглашеніе, какъ говорятъ, уже состоялось именно на этой цифрѣ.

Подписка на новый заемъ имѣла лишь кратковременное и слабое вліяніе на биржевую цѣну прежнихъ 5% займовъ и къ концу мая они опять «дѣлались» по 101. Что касается вексельныхъ курсовъ, то они продолжаютъ быть крайне неблагопріятны: 200 пфенниговъ на Берлинъ, 23½ пенса на Лондонъ, 248½ сантим. на Парижъ (28 мая). Нельзя не признать вѣрность замѣчанія *Московскихъ Выдомостей*, что вексельный курсъ нашъ, начинавшій уже крѣпнуть послѣ потрясенія его войною 1877—78 г. и составившій въ 1880 году, въ среднемъ, 270¼ сантим. за рубль, а въ 1881 году поднявшійся до 276 сантим., затѣмъ началъ падать и вотъ теперь дошелъ до 248. Газета выводитъ изъ этого такое заключеніе, что «наше финансовое хозяйство, вмѣсто улучшенія, съ каждымъ годомъ все болѣе расшатывается».

Такой выводъ послѣ счета курсовъ съ 1881 года имѣетъ смыслъ весьма ясный, такъ какъ въ 1881 году произошла перемѣна въ нашемъ финансовомъ управленіи. Но если дѣлать сопоставленіе, то почему же не спросить еще: какъ же дѣйствіе системы усиленнаго покровительства, начавшейся съ 1882 года и рекомендованной, главнымъ образомъ, для уменьшенія нашихъ переплатъ за границу, для поднятія цѣны нашего рубля, сопровождалось такими результатами, что курсъ началъ «затѣмъ» падать и вотъ теперь дошелъ до 248 сантим.? Ужь если разсуждать путемъ сопоставленій, то доказательнѣе сопоставленіе цифръ торговаго баланса съ цифрами вексельныхъ курсовъ, чѣмъ курсовыхъ цифръ съ именами лицъ. Вѣдь, основаніемъ всего финансоваго положенія служить, все-таки, ничто иное, какъ отношеніе между итогами го-

дичнаго расхода и годичнаго дохода, и главныя цифры расходовъ только до известной степени зависятъ отъ того, какое лицо стоитъ во главѣ финансоваго управленія.

Между тѣмъ, приводя изъ брошюръ г. Смирнова всѣ причины разстройства нашихъ финансовъ и совершенно раздѣляя взгляды автора, *Московскія Вѣдомости* объ одной только этой причинѣ и умалчиваютъ; именно о той, что мы изъ года въ годъ издерживаемъ болѣе, чѣмъ получаемъ. «Главныя» причины разстройства, которыя указываетъ г. Смирновъ, слѣдующія: банковая реформа 1860 года, разрушившая прежніе банки, давашіе правительству «дешевый» кредитъ и создавшая биржевую игру, постройку желѣзныхъ дорогъ. Странное дѣло, что такъ далеко и такъ много нужно приписывать причинѣ разстройства финансовъ, когда налицо такіе факты, какъ два миллиарда чрезвычайныхъ расходовъ на войны въ теченіе 25-ти-лѣтія, и бюджетъ, въ которомъ главная статья — расходъ по займамъ, а вторая — военные расходы, обѣ же эти статьи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ двѣ трети бюджета.

Что значать, сравнительно съ этими цифрами, тѣ 16¹/₂ милл. руб., которые приходится приплачивать по гарантіи дохода желѣзныхъ дорогъ? Что касается самой постройки дорогъ, то разъ онѣ не могли быть построены на русскія деньги, разъ для постройки ихъ приходилось занимать иностранныя капиталы, то каковы бы ни были условія постройки и эксплуатаціи, но за капиталы эти, очевидно, необходимо было платить. Развѣ же на казнѣ не лежалъ долгъ по николаевской дорогѣ, которую строила она сама?

О «дешевомъ кредитѣ», какой доставляли правительству прежнія кредитныя установленія, пора бы, кажется, уже перестать и говорить. Тотъ дешевый кредитъ, какой доставляли прежніе банки правительству изъ вкладовъ частныхъ лицъ, оно могло имѣть еще гораздо дешевле, чѣмъ изъ четырехъ процентовъ, такъ какъ оно, вѣдь, само печатало, въ неограниченномъ количествѣ, тѣ бумажныя деньги, которыя ему приносились вкладами. Получая ихъ назадъ и обязанное платить за нихъ проценты, оно не знало, откуда взять на это средства. На часть этихъ частныхъ вкладовъ правительство строило крѣпости, шоссе, покрывало ежегодные дефициты, а вклады все росли уже потому одному, что все продолжались выпуски бумажныхъ денегъ. Не говоря уже о крайне странной системѣ кредита, представлявшейся въ употребленіи частныхъ вкладовъ на постройку крѣпостей, вклады тѣ были правительству не нужны, такъ какъ оно всегда могло выпустить бумажныя деньги, а, между тѣмъ, вклады эти, съ одной стороны, требовали процентовъ, которыхъ крѣпости и шоссе не приносили, а, во-вторыхъ, могли быть при какомъ-нибудь кризисѣ потребованы назадъ въ огромномъ количествѣ, что заставило бы правительство сразу выпустить на то же количество бумажныхъ денегъ.

Однимъ словомъ, вотъ элементы «дешеваго кредита» прежнихъ госу-

дарственныхъ кредитныхъ установленій: станокъ, печатавшій ассигнаціи, производительность крестьянскихъ «душъ», на которыя тѣ ассигнаціи выдавались въ ссуду, винные откупа и поставки на армию, которые возвращали ассигнаціи въ видѣ вкладовъ, непроизводительное употребленіе этихъ вкладовъ правительствомъ и Дамокловъ мечъ—сотни милліоновъ рублей, которые могли быть потребованы назадъ изъ банковъ въ короткое время.

Мы вовсе не намѣрены защищать ту банковую систему, которая была введена впоследствии. Но что вмѣсто описанной сейчасъ совершенно варварской системы, при которой казна не знала, что дѣлать съ вкладами, которыхъ не могла уже пускать и въ ссуды помѣщикамъ, когда большинство имѣній было уже заложено, надо было ввести какую-нибудь правильную систему, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Занимать, такъ занимать открыто и на опредѣленныхъ условіяхъ возврата; принимать вклады, такъ зная, что съ ними дѣлать, и быть всегда готовымъ къ ихъ возвращенію.

Третья, наконецъ, изъ «главныхъ» причинъ нашего финансоваго разстройства, указываемая г. Смирновымъ, въ поддержкѣ курсовъ, не могла разорять казну по самому свойству этой операціи, при которой потери были незначительны, а бывали и прямыя выгоды. Такъ, значительнѣйшая изъ операцій этого рода—накопленіе металлическаго фонда въ началѣ 70 годовъ и быстрое сокращеніе его въ 1875 году не дала убытка. Мы согласны, что искусственная поддержка курсовъ была нерациональна и, въ концѣ-концовъ, не задержала паденія курсовъ, но это, все-таки, не значитъ, что она была одною изъ «главныхъ» причинъ разстройства финансовъ. Истинная главная причина—непомѣрность расходовъ на войско, флотъ и громадную административную армию сравнительно съ дѣйствительными источниками дохода, выражающаяся въ ежегодныхъ дефицитахъ, которые затѣмъ вызываютъ ежегодное увеличеніе государственнаго долга. Этой причины нельзя скрыть никакими квантіями на ошибки въ дѣлѣ банковомъ и желѣзно-дорожномъ.

Московскія Вѣдомости дѣлаютъ еще сближеніе между нынѣшнимъ пониженіемъ банковаго процента съ предложеніемъ, затѣмъ, займа и изгнаніемъ вкладовъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ съ выпускомъ также займовъ. Газета замѣчаетъ по этому поводу: «Настойчиво принимаются мѣры къ ослабленію кассы банка изгнаніемъ изъ нея кредитныхъ билетовъ, за пользованіе которыми правительство платило $1\frac{1}{2}\%$, и, въ то же время, дѣлается пятипроцентный заемъ. И такъ, газета не признаетъ никакого различія между банковыми операціями и приходо-расходными потребностями казначейства. Вмѣсто баланса операцій коммерческихъ, вмѣсто обращенія вкладовъ на ссуды и покрытія процентовъ на вклады процентами по ссудамъ съ барышомъ, то-есть вмѣсто банковаго дѣла, государственный банкъ, по этому мнѣнію, долженъ обращать вклады на по-

стройку броненосцевъ, на покрытіе дефицитовъ, на усиленіе штатовъ и т. д. Положимъ, казна будетъ за то обезпечивать правильное возвращеніе вкладовъ; но если они вдругъ потребовались бы публикою въ количествѣ, превышающемъ наличныя средства казны, тогда пришлось бы печатать кредитныя билеты. Таковъ, въ сущности, логическій выводъ изъ всякихъ разсужденій, превращающихъ государственный банкъ въ простое отдѣленіе государственнаго казначейства.

Къ слову о конверсіи одного изъ государственныхъ займовъ, необходимо упомянуть о конверсіи особаго рода, а именно закладныхъ листовъ одного акціонернаго банка на банковые билеты,—операциі, объявленной въ истекшемъ мѣсяцѣ и произведшей на биржахъ не малое впечатлѣніе. Мы говоримъ о ликвидаціи дѣлъ саратовско-симбирскаго земельного банка на основаніи положенія комитета министровъ, утвержденнаго 2 апрѣля. Вслѣдствіе несостоятельности этого банка, по дѣламъ котораго учреждено временное управленіе, и пассивъ 10 м. р. оказался превышающимъ активъ $8\frac{3}{4}$ м. р., или примѣрно $1\frac{1}{4}$ м. р., что составляетъ около 13 р. на 100 потери на каждый закладной листъ, и въ предположеніи убытковъ, еще не выяснившихся, потеря предвидится около 70%. Это положеніе дѣлъ вызвало ликвидацію посредствомъ мѣръ крайне «энергическихъ», а именно обязательнаго обмѣна въ 6-ти мѣсячный срокъ закладныхъ металлическихъ 6-ти процентныхъ листовъ на 5-ти процентныя банковые билеты, причѣмъ за 500 руб. первыхъ выдано будетъ только 400 руб.—вторыми. Такимъ образомъ, владѣльцы закладныхъ листовъ теряютъ 20 процентовъ своего нарицательнаго капитала и, сверхъ того, вмѣсто металлической 6-ти процентной бумаги, получаютъ 5-ти процентную въ кредитной валютѣ, съ перечисленіемъ по курсу 1 р. 50 к. за 1 р. металлическій. Потерю эту предполагается вознаградить изъ излишка, если такой окажется по окончаніи ликвидаціи. Не говоря объ акціонерахъ банка, на которыхъ естественно падаетъ несостоятельность, приведенныя условія собственно для третьихъ лицъ, каковы владѣльцы закладныхъ листовъ, столь невыгодны, что мѣра эта не можетъ послужить къ укрѣпленію довѣрія къ закладнымъ листамъ русскихъ земельных банковъ, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ частныхъ цѣнностей закладные листы именно нуждаются въ наибольшей прочности. Въ данномъ случаѣ, быть можетъ, нѣсколько преувеличено было опасеніе потерь для дворянскаго банка, которому поручено производство ликвидаціи.

Что касается другаго земельного банка, который самъ ходатайствуетъ о конверсіи металлическаго долга въ кредитный, то-есть общества взаимнаго поземельнаго кредита, то его дѣло еще не рѣшено. Объ этомъ дѣлѣ мы говорили въ предшествующей бесѣдѣ. Но съ тѣхъ поръ произошли важныя факты. Послѣ обсужденія предложеній, сдѣланныхъ обществу

министерствомъ финансовъ сперва окружными собраніями членовъ-заемщиковъ, въ маѣ состоялось въ Петербургѣ общее собраніе. На немъ предложенія министерства финансовъ были приняты въ общемъ своемъ составѣ большинствомъ двухъ третей голосовъ, то-есть такимъ, какое требуется для измѣненія устава. При этомъ общее собраніе, однако, не отказалось поддерживать измѣненія въ предложенныхъ министерствомъ условіяхъ, указанныхъ большинствомъ окружныхъ собраній, но положило придать имъ форму ходатайства передъ министерствомъ, а не условія для принятія министерскихъ предложеній.

Такъ, собраніе постановило ходатайствовать объ ускореніи перевода металлическихъ долговъ на кредитную валюту, о сохраненіи за личными дворянами и купцами права оставить свои имѣнія въ залогъ въ дворянскомъ банкѣ, впредь до полного погашенія металлической ссуды, и права получать отъ этого банка дополнительныя ссуды, о продолженіи краткосрочныхъ ссудъ, о пониженіи срочныхъ платежей не до 6 р. 90 к., но, по меньшей мѣрѣ, до 6 р. 50 к. и о начатіи этого уменьшенія уже съ іюля текущаго года и проч.

Такъ какъ собраніе постановило законнымъ большинствомъ просто согласиться на сліяніе съ дворянскимъ банкомъ по условіямъ, предложеннымъ министерствомъ, а объ измѣненіяхъ въ нихъ только ходатайствовать, то министерство финансовъ имѣло бы полное право не дѣлать никакихъ уступокъ и прямо привести въ исполненіе свой проектъ. Но очевидно, что подъ почтительнымъ названіемъ «ходатайства», все-таки, разумѣется обѣими сторонами условіе. Иначе, въ какомъ же положеніи очутились бы заемщики недворяне? Въ необходимости обязательной продажи имѣній въ пятилѣтній срокъ, согласно уставу дворянскаго банка и, притомъ, продажи только дворянамъ, или же досрочнаго погашенія металлической ссуды по нынѣшнему курсу, что, немыслимо. Такъ или иначе, но въ этомъ пунктѣ министерство, очевидно, должно будетъ сдѣлать уступку. Мы даже удивлялись бы, что оно могло предъявить обществу первоначально такое условіе, которое болѣе чѣмъ для цѣлой трети заемщиковъ этого послѣдняго совершенно неисполнимо, если бы мы не думали, что министерство не хотѣло отъ себя предложить явнаго нарушенія устава дворянскаго банка, а предполагало, чтобы его «побудили» это сдѣлать. И вотъ, рѣшеніе окружныхъ собраній и затѣмъ ходатайство общества, на основаніи чрезвычайнаго общаго собранія заемщиковъ, и должны послужить такимъ оправдательнымъ побужденіемъ. Газеты уже передали, что при устномъ объясненіи съ представителями заемщиковъ недворянъ имъ было объявлено, что на обязательной продажѣ ихъ имѣній въ пятилѣтній срокъ настаивать не будутъ.

Не знаемъ, согласится ли министерство финансовъ и на прочіе предметы ходатайства, но, во всякомъ случаѣ, утвердительное разрѣшеніе главнаго вопроса послужитъ первымъ практическимъ доказательствомъ

ераціональности внесенія сословнаго начала въ дѣло кредитное, то-есть орговое. Если цѣлой трети заемщиковъ взаимно-поземельнаго кредита удержано разрѣшено оставаться должниками дворянскаго банка и перепро-звать свои имѣнія другимъ—недворянамъ, съ сохраненіемъ того же пра-а, то и дворянамъ-заемщикамъ того же общества должно быть предо-авлено право продавать перешедшія къ дворянскому банку изъ позе-ельнаго кредита заложенныя имѣнія недворянамъ. А разъ это будетъ пушено для тѣхъ должниковъ дворянскаго банка, которые перешли къ му отъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, то спрашивается, праведливо ли будетъ стѣснять въ этомъ отношеніи и ставить въ равныя права прочихъ должниковъ банка? Вѣдь, это создало бы при-егированное положеніе какъ разъ для той части должниковъ дворян-аго банка, спасеніе которыхъ казнѣ обойдется въ нѣсколько десятковъ иллионовъ пожертвованія. Почему же другіе заемщики, въ пользу кото-ыхъ пожертвованіе если и будетъ, то, по крайней мѣрѣ, не предполо-ется уставомъ, были бы поставлены въ положеніе неравноправное, нѣе благопріятное?

Къ застою, о которомъ говорилось выше, имѣетъ нѣкоторое отно-шеніе и дѣло, рассмотрѣнное въ прошломъ мѣсяцѣ во владимірскомъ ружномъ судѣ—дѣло о стачкѣ и безпорядкахъ рабочихъ на Николь-ой мануфактурѣ товарищества «Саввы Морозова сынъ и К^о». Мы не мѣрены обсуждать вердикта присяжныхъ, которымъ рабочіе не призна-и виновными по поставленнымъ пунктамъ обвиненія. Относительно имо-политическаго оттѣнка, какой пытаются придать этому дѣлу *Московскія Вѣдомости*, мы ограничимся замѣчаніемъ, что всѣ аргументы зеты могутъ быть примѣнены для оправданія владѣльцевъ фабрикъ, къ бы они ни поступали въ отношеніи рабочихъ. *Московскія Вѣдо-сти* говорятъ, что штрафы на фабрикахъ необходимы, что рабочіе не стоятъ ни въ какихъ грѣпостныхъ отношеніяхъ къ фабрикѣ и всегда зпрепятственно могутъ уйти съ нея, что если бы на Никольской фаб-кѣ были нестерпимыя притѣсненія, то она давно закрылась бы, что жна охрапа нашей промышленности отъ иностранной конкуренціи, какихъ значительныхъ результатовъ не можетъ быть при работѣ рас-ценныхъ, пьяныхъ и небрежныхъ, что безпорядки на Никольской ма-фактурѣ были вызваны только неблагонамѣренными внушеніями двоихъ бочихъ, возвращенныхъ изъ ссылки, что оправданіе участвовавшихъ безпорядкахъ есть провозглашеніе «рабочаго вопроса» и «droit au vail», новый «скандалъ», который можетъ произвести неблагопріятное ечатлѣніе въ нашихъ мануфактурныхъ округахъ. Но сама газета, жду прочимъ, допускаетъ возможность такого случая, когда «рабочіе ли бы вынуждены къ буйству превышающими всякую мѣру притѣсне-ми». А, между тѣмъ, развѣ къ такому случаю нельзя было бы при-

и́нять всего прописаннаго выше хода разсужденій газеты, то-есть, что рабочіе не крѣпостные, что штрафы необходимы, необходима и охрана промышленности, и въ буйствѣ отражаются социалистическія внушенія?

Правильное сужденіе о каждомъ дѣлѣ основывается лишь на обстоятельствахъ самаго этого дѣла, а такое «общее мѣсто», что рабочіе и крѣпостные и всегда безпрепятственно могутъ оставить работу, никому не годится. Въдь, и пассажиры не крѣпостные желѣзно-дорожныхъ обществъ, и крестьяне — не крѣпостные кабатчиковъ; тѣ и другіе всегдѣ еще болѣе «безпрепятственно» могутъ не ѣздить по такой-то желѣзной дорогѣ или не ходить въ кабакъ. Желѣзно-дорожное дѣло, требующее при платѣ отъ казны, также нуждается въ возвышеніи и охранѣ своего дохода, а на сборѣ питейномъ видится цѣлая треть государственнаго бюджета. И, однако же, *Моск. Вѣдомости* не успокоиваются относительно желѣзно-дорожныхъ порядковъ и порядковъ питейной продажи такимъ соображеніемъ, что пассажиры и потребители вина — не крѣпостные.

Лучшимъ доводомъ, что и законодательство наше не раздѣляетъ подобнаго взгляда въ примѣненіи къ фабричнымъ рабочимъ, служитъ новый фабричный законъ, который уже прошелъ въ концѣ сессіи государственнаго совѣта и въ которомъ, какъ мы узнали теперь, находится определеніе не только относительно вознагражденія рабочихъ за увѣчья, но и по общимъ отношеніямъ между хозяевами фабрикъ и рабочими. Въ экономическомъ смыслѣ можно, конечно, разсматривать ручной трудъ, предлагаемый рабочими хозяевамъ, только какъ товаръ, какъ одинъ изъ элементовъ производства, но при этомъ, все-таки, не слѣдуетъ забывать, что условіями, какія примѣняются къ этому товару, опредѣляются условія самаго существованія сотенъ тысячъ человѣческихъ существъ. Отговорка, что фабричный — не крѣпостной, что никто его не держитъ на фабрикѣ силой — пустая. И въ иной области дѣятельности каждый, и самъ былъ работникомъ, отлично знаетъ, что не легко человѣку, не имѣющему средствъ, отказаться отъ мѣста и отправиться въ невѣдомые края хотя бы и по близости исслать другаго, когда покажется надо будетъ. На фабрикахъ же самыя условія производства таковы, что разница условіяхъ, какія можетъ найти рабочій по одной отрасли въ той или другой фабрикѣ, не велика. А, сверхъ того, долги не пускаютъ его.

Мы вовсе не нацѣлены доказывать, что рабочимъ на фабрикѣ г. розова было много хуже, чѣмъ на иныхъ, хотя главный подсудимый, сеенко, и утверждалъ, что худшихъ условій онъ не видалъ ни въ тербургѣ, ни въ иныхъ мѣстахъ. Наоборотъ, мы согласны допустить, положеніе на всякихъ нашихъ фабрикахъ немногимъ лучше, а на некоторыхъ, вѣроятно, и хуже, чѣмъ на Никольской мануфактурѣ. Но и почему это дѣло и представляетъ не только общій интересъ, доказавъ каково положеніе фабричныхъ въ Россіи, но и интересъ особенный виду новаго фабричнаго закона. Если основателемъ отзымъ *Московскіе*

Вѣдомостей, что Никольская фабрика принадлежит къ числу лучшихъ мануфактуръ, то тѣмъ болѣе подтверждается необходимость закона, который устранилъ бы вопіющія злоупотребленія, которыя должны быть повсемѣстны, такъ какъ они практиковались на «одной изъ лучшихъ» мануфактуръ. Вотъ съ этой точки зрѣнія, въ объясненіе дѣйствительной необходимости того закона, который уже прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, мы и воспользуемся указаніями владимірскаго процесса на то, что дѣлается на нашихъ фабрикахъ вообще.

Главное злоупотребленіе состоитъ въ томъ, что штрафы, налагаемые на рабочихъ, идутъ въ доходъ хозяевъ и что хозяева стараются не отвращать поводы къ штрафамъ, но, наоборотъ, пользоваться всякимъ предлогомъ для умноженія штрафовъ. Если намъ случалось замѣчать, что даже наложеніе штрафовъ на домохозяевъ полиціей не вполне рационально, такъ какъ эти штрафы обращаются на улучшеніе содержанія нижнихъ полицейскихъ чиновъ, то тѣмъ болѣе мы должны признать, что фабрикантамъ безусловно не должно принадлежать право увеличивать, посредствомъ наложенія штрафовъ, свой доходъ. Если штрафы обращаются въ пользу хозяина, то въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы налагать ихъ мировой судья, а не хозяинъ. Но такъ какъ судебное разбирательство массы мелочныхъ дѣлъ неудобно и необходимость требуетъ, чтобы подобныя дѣла рѣшались на фабрикѣ, то очевидно, что штрафы или должны налагаться съ согласія довѣренныхъ отъ рабочихъ и въ такомъ случаѣ идти частью на возмѣщеніе ущерба хозяина, частью на вознагражденіе рабочихъ за убытки, или же, если штрафы налагаются безъ всякаго участія рабочихъ, то взысканія эти могутъ обращаться только въ пользу рабочихъ, что замѣняетъ ихъ согласіе на каждый единичный случай наложенія.

И вотъ, сколько намъ извѣстно, въ новомъ фабричномъ законѣ установлено именно это послѣднее правило, то-есть, что штрафы, налагаемые фабричными администраціями, не могутъ идти въ пользу хозяевъ, но должны обращаться въ пользу заведеній, существующихъ для рабочихъ, и на помощь имъ въ случаѣ болѣзни или увѣчья. Но на Никольской мануфактурѣ только тѣ штрафы шли на помощь увѣчнымъ, которые взымались за куреніе табаку или приносъ вина и составляли незначительную сумму, штрафы же за работы шли въ пользу хозяевъ фабрики. Такихъ штрафовъ накопилось за годъ на 20 тысячъ рублей, причемъ у нѣкоторыхъ рабочихъ они составляли отъ 20 до 50 процентовъ всего заработка. Изъ таблицъ заработковъ и штрафовъ съ вычетами, составленныхъ судебнымъ слѣдователемъ при помощи эксперта, оказывается, что въ общемъ заработокъ на Никольской фабрикѣ въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ уменьшился на 25%, а штрафы въ теченіе того времени возростали такъ, что въ концѣ 1884 года превышали въ 1½ раза (155%) сумму штрафовъ, какая была въ 1881 году.

Въ виду такого необыкновеннаго явленія, удостовѣреннаго слѣдovателемъ, мы не видимъ основанія сомнѣваться въ истинности показаній управляющаго однимъ изъ корпусовъ фабрики, свидѣтеля Шорина, который прямо призналъ, что причиной стачки было тяжелое положеніе рабочихъ: цѣны за работу въ два года пять разъ сбавлялись, а штрафы все возвышались и учащались. При этомъ Шоринъ сообщилъ любопытную подробность, которая бросаетъ поучительный свѣтъ на разныя прѣдѣлки фабрикантовъ. Контора за послѣдній годъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ штрафы особенно возрасли, тѣхъ рабочихъ, у которыхъ штрафы достигали до 50% заработка, заставляла брать расчетъ и потомъ принимала ихъ опять, хотя бы въ тотъ же день. «Цѣль этого была одна: обмѣнять книжки, которыя могли бы служить доказательствомъ сильныхъ штрафовъ». «Распоряженіе о томъ, за что и какъ штрафовать,—продолжалъ свидѣтель,—всегда шли изъ Москвы. Отъ владѣльца браковщикамъ часто приходилось слышать: мало (штрафуете) — прогоню. При такихъ порядкахъ въ иной мѣсяцъ у рабочихъ заработка могло не хватить на харчи. Доброта пряжи была передъ беспорядками хуже прежней, а чистота требовалась та же. Безъ штрафовъ не было почти совсѣмъ рабочихъ на фабрикѣ и у самыхъ хорошихъ было штрафовъ до 15% сумми заработка». Правда, *Московскія Вѣдомости* считаютъ показанія Шорина пристрастными, такъ какъ этотъ свидѣтель былъ уволенъ съ фабрики послѣ беспорядковъ. Однако, вѣдь, рабочіе, главнымъ образомъ, были озлоблены противъ Шорина и разорили его квартиру, а самъ онъ спасся отъ нихъ только тѣмъ, что спрятался. Но главное—фактъ, что штрафы за 4 года увеличились въ полтора раза, какъ то удостовѣрено слѣдствіемъ; въ виду этого факта отпадаютъ всякія сомнѣнія въ правдивости показаній Шорина и соображеніе *Моск. Вѣдом.*, что нельзя обидѣться безъ штрафованія рабочихъ распущенныхъ, пьяныхъ и небрежныхъ.

Заявленіе самихъ рабочихъ губернатору во время беспорядковъ передается въ протоколѣ такъ: «Насъ замучили штрафами; пища плохая; по приказу хозяина не работали по нѣскольгу дней; хотѣлось бы уйти—и отпускаютъ, подписка взята (а *Московскія Вѣдомости* говорятъ, что рабочіе всегда безпрепятственно могутъ оставить фабрику). Извольте посмотреть у хозяевъ расчетные штрафы; придирались къ каждой штуцѣ товара: нитка оборвется—и то штрафъ. Начнемъ говорить—пригрозятъ «уходи, напишутъ и больше». На Шорина всѣ обиду имѣемъ (единодушный крикъ: грабиль!) И вотъ этого-то свидѣтеля Шорина газета выставляетъ пристрастнымъ.

Но послушаемъ и такого свидѣтеля, котораго уже никто не заподозривалъ въ пристрастіи противъ хозяевъ, а именно самого управляющаго фабрикой, г. Діанова, который «даже понять не можетъ, что собственно было причиной, беспорядковъ, такъ какъ претензій передъ этимъ ни

нихъ не заявлялось». Г. Діановъ сообщилъ, что средній мѣсячный заработокъ на Никольской мануфактурѣ былъ отъ 8 до 13 рублей. При этомъ онъ изложилъ слѣдующее собственное соображеніе: «на содержаніе свое рабочіе затрачиваютъ отъ 3 до 6 рублей; живутъ, понятно, лучше, чѣмъ крестьяне въ деревняхъ; мясо бываетъ почти каждый день, въ постные дни рыба, расходуется много пшеничной муки». Но, дѣлая свое сравненіе фабричнаго быта съ сельскимъ, управляющій забылъ прибавить, что въ деревняхъ не работаютъ круглый годъ по 12 и 14 часовъ въ сутки, что въ городѣ нужна иная одежда и все обходится дороже, что, наконецъ, фабричное дѣло приноситъ болѣе, чѣмъ сельское хозяйство, требуетъ болѣе умѣнья, а потому и работа въ немъ должна бы вознаграждаться гораздо выше, чѣмъ домашній сельскій трудъ. Вѣдь, и самъ г. управляющій Никольскою фабрикою получаетъ гораздо больше содержаніе, чѣмъ если бы управлялъ большимъ имѣніемъ; мы видимъ, что завѣдывавшій однимъ только корпусомъ фабрики Шоринъ получалъ 3 т. руб. жалованья. А сами хозяева ея имѣютъ доходъ, съ которымъ ужь, конечно, не можетъ идти въ сравненіе доходъ такого помѣщика, на земляхъ котораго жили бы тѣ же 11 тыс. крестьянъ.

Между тѣмъ, если изъ 8 рублеваго мѣсячнаго заработка мы исключимъ хоть 25% на штрафы и вычеты, то изъ оставшихся 6 руб. на мѣсяцъ весьма сомнительно, чтобы рабочій, уплативъ подати, дѣйствительно могъ жить лучше въ городѣ, чѣмъ жилъ бы у себя въ деревнѣ. Деньги нужны крестьянину на уплату слѣдующихъ съ него сборовъ, вотъ онъ и идетъ на фабрику; но лучше ли онъ здѣсь живетъ, это вопросъ другой. Если допустить, что изъ 6 руб. рабочій издерживалъ на харчи 3 руб., то ему, очевидно, только и оставались затѣмъ какіе-нибудь 15 руб. въ годъ на платежи и паспортъ, еще 15 рублей на одежду, да 6 руб. на разные расходы, въ томъ числѣ и на водку. Но за то весьма сомнительно, чтобы, питаясь на гривенникъ въ день, ему возможно было почти каждый день ѣсть мясную пищу, а въ постные дни рыбу. Развѣ что подъ «рыбой» разумѣть копѣчную селедку, которою украшается хлѣбъ.

Что заработки на фабрикѣ дѣйствительно были понижены въ послѣдніе годы, это долженъ былъ признать и г. Діановъ; только онъ сказалъ, что они понижались раза 4 за «послѣднее десятилѣтіе», что, можетъ быть, и вѣрно въ смыслѣ буквального, такъ какъ до 1881 года заработки повсемѣстно скорѣе возвышались, чѣмъ понижались, а потому и выйдеть, что «десятилѣтнее» пониженіе относится собственно къ послѣднимъ годамъ.

Самъ хозяинъ Никольской мануфактуры, г. Морозовъ, объяснялъ возникновеніе и прекращеніе беспорядковъ весьма просто. Причины ихъ онъ «доселѣ уяснить не можетъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ «выразилъ увѣренность, что причиной бунта рабочихъ было постороннее, имѣющее осо-

бую почву, коему тѣмъ легче было проявиться, что время было такое, что рабочимъ было жить тяжело: сбытъ товара былъ слабый и поэтому естественно заработокъ фабричнаго люда уменьшился». Но «потомъ, когда значительная часть рабочихъ, участвовавшихъ въ беспорядкахъ, удалена была путемъ этапной пересылки на родину, прочіе изъявили согласіе работать и къ 1 февраля на Никольской мануфактурѣ былъ опять полный комплектъ рабочихъ и производство началось вполнѣ». И такъ, хотя заработокъ сперва «естественно» уменьшился до 8 рублей, а, сверхъ того, еще неестественно уменьшился на четверть и половину этой суммы штрафами, о которыхъ хозяинъ отозвался, что они «объясняются требованіемъ хорошей работы», но фабрика дѣйствуетъ вполнѣ послѣ удаленія значительной части прежнихъ рабочихъ «путемъ этапной пересылки».

Между тѣмъ, происходившіе почти одновременно беспорядки рабочихъ, но только на другихъ фабрикахъ, г. Морозовъ признаетъ «имѣвшимъ основаніе», такъ какъ тамъ уменьшено было число рабочихъ дней, а на Никольской мануфактурѣ этого не было и плата была почти на 10% выше, чѣмъ на другихъ. Но когда одинъ изъ защитниковъ спросилъ на это г. Морозова, «не уравнивался ли заработокъ его рабочихъ съ заработкомъ на другихъ фабрикахъ посредствомъ усиленныхъ штрафовъ, то г. Морозовъ отвѣтить на этотъ вопросъ затруднился».

И такъ, совершенно напрасно защитники исключительно хозяйскихъ интересовъ въ дѣлѣ «большой промышленности» силятся поставить ихъ въ какое-то только для нихъ существующее привилегированное положеніе и торопятся кричать о «соціализмѣ», какъ только зайдетъ рѣчь, что положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Россіи еще несомнѣнно хуже, чѣмъ на Западѣ. Нѣтъ рѣшительно никакого основанія признавать фабричныхъ хозяевъ и фабричныя компаніи болѣе безгрѣшными и менѣе подлежащими ограничительнымъ законамъ, чѣмъ хозяевъ желѣзныхъ дорогъ и компаніи банковскія. Въ признаніи же, что положеніе рабочихъ на фабрикахъ неудовлетворительно, вслѣдствіе полнаго произвола хозяевъ и отсутствія всякаго обезпеченія на случай болѣзни и увѣчья, вовсе еще нѣтъ «соціализма», настолько же, какъ и въ признаніи, что сельскимъ рабочимъ при крѣпостномъ правѣ сельскихъ хозяевъ жилось худо. Весьма утѣшительно, что и законодательство наше усвоило себѣ эту точку зрѣнія, плодомъ чего является новый фабричный законъ, который, можно надѣяться, будетъ уже опубликованъ ко времени слѣдующей нашей бесѣды.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ вынести одинаковаго впечатлѣнія изъ одного распоряженія, напечатаннаго въ прошломъ мѣсяцѣ. Правда, распоряженіе это не законодательное, а только административное и не имѣетъ характера окончательности. Но это только даетъ намъ право надѣяться, что оно еще можетъ въ скоромъ времени подвергнуться пере-

смотру. Въ прошломъ мѣсяцѣ напечатано было слѣдующее сообщеніе: «Въ виду производимаго въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же приѣма слушательницъ въ существующіе высшіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства».

Недавнія сужденія въ петербургской думѣ по поводу назначенія по-собія отъ города женскимъ врачебнымъ курсамъ свидѣтельствовали, что необходимость высшаго образованія для женщинъ въ Россіи окончательно уже выяснена и что прежніе предразсудки, будто систематическое занятіе наукою, въ теченіе четырехъ и болѣе лѣтъ, на курсахъ, посѣщаемыхъ исключительно лицами женскаго пола, занятіе, направляемое и провѣряемое профессорами университетовъ, можетъ представлять какую-либо опасность для нравственныхъ и семейныхъ основъ, окончательно разрушены. Сообщеніе петербургскаго городского головы, что въ правительственныхъ сферахъ установилось сочувствіе къ врачебному образованію женщинъ и что предполагается основаніе женскаго медицинскаго института, въ который будутъ преобразованы врачебные курсы, даетъ намъ право надѣяться, что и дѣло естественно-научнаго и филологическаго образованія женщинъ не вызываетъ уже болѣе той, основанной лишь на второстепенныхъ, частью просто ребяческихъ признакахъ подозрительности, какою оно сопровождалось въ первые годы своей постановки благодарными усиліями частныхъ лицъ.

Основываясь именно на томъ, приведенномъ выше свѣдѣніи, что правительство не только не намѣрено закрывать курсовъ врачебныхъ, но, наоборотъ, предполагаетъ обратить ихъ въ учрежденіе государственное, мы имѣемъ возможность толковать себѣ не иначе, какъ въ томъ же смыслѣ и нынѣшнее сообщеніе, что вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи служитъ предметомъ разсмотрѣнія одной изъ правительственныхъ комиссій. И такъ, мы имѣемъ возможность держаться этого толкованія, на насъ лежитъ обязанность заявить, что нужда въ высшемъ образованіи для русскихъ дѣвушекъ есть одна изъ существенныхъ потребностей нашего общества, ясно и окончательно сознаваемая огромнымъ его большинствомъ, какъ это доказывается всеобщимъ сочувствіемъ къ курсамъ и готовностью общества жертвовать для нихъ.

Конечно, старые предразсудки исчезаютъ не вдругъ, и въ то время, когда большинство образованныхъ людей пришло уже ко взгляду болѣе свѣтлому, болѣе человѣчному, разсѣянные потемки еще могутъ гнѣздиться въ мозгу нѣсколькихъ юродивыхъ. Такъ, петербургскій *Гражданинъ* увѣряетъ, будто отцы и матери благословятъ закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ. Но, во-первыхъ, изъ «сообщенія» вовсе не видно, чтобы предполагалось закрытіе курсовъ. Во-вторыхъ, за единичными ис-

ключеніями, о которыхъ намъ не случилось слышать, но которыхъ возможность мы готовы допустить, всё слушательницы высшихъ курсовъ въ Москвѣ, Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ посѣщаютъ курсы съ согласія своихъ семействъ. Такое согласіе относительно лицъ несовершеннолѣтнихъ требуется общимъ закономъ и если бы отецъ дѣвушки написалъ начальству курсовъ, что онъ не разрѣшилъ своей дочери посѣщать ихъ или что онъ приказалъ ей возвратиться домой, то не было бы ни малѣйшей возможности для начальства курсовъ допускать такую слушательницу къ поступленію на курсы или къ экзаменамъ. Стало быть, юридическое соображеніе *Гражданина* есть чистѣйшая выдумка, одно изъ проявленій стараго, отжившаго нравобѣсія, допускаяшаго полезность для женщины одной только книги — *Опытной поварихи*.

Единичные случаи въ смыслѣ бѣгства дѣвушки изъ родительскаго дома и поступленія на курсы мы, пожалуй, готовы допустить, хотя не совсѣмъ понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ могли бы быть соблюдены всё требующіяся у насъ многочисленныя формальности: представленіе свидѣтельства метрическаго, свидѣтельства объ окончаніи гимназическаго курса и удостовѣреніе отъ полиціи. Но, спрашивается, что же могутъ доказать исключительные случаи противъ несомнѣнной пользы самаго учрежденія? Почему же тысячи семействъ должны быть лишены возможности дать своимъ дочерямъ благо высшаго образованія, которое государство обезпечиваетъ братьямъ этихъ дѣвушекъ, для того только, чтобы въ нѣсколькихъ семьяхъ, гдѣ, очевидно, уже не существуетъ связей нравственныхъ и авторитетъ родительскій упалъ уже такъ низко, что можетъ рассчитывать только на полицейскую помощь, не могло случиться бѣгство дѣвушекъ изъ дому подъ предлогомъ поступленія на курсы? Да развѣ изъ такихъ семей дочери не могутъ убѣгать подъ другими предлогами?

Развѣ число убѣгающихъ изъ-подъ родительскаго крова подъ предлогомъ страсти, въ расчетѣ выйти замужъ вопреки волѣ родителей не было и, притомъ, въ самое давнее время, когда даже и *Гражданинъ* могъ прослыть умнымъ журналомъ, не было безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ число уходящихъ подъ предлогомъ курсовъ? По той же логикѣ слѣдовало бы отмѣнить браки, чтобы подъ предлогомъ вступленія въ бракъ дѣвицы не бѣгали изъ дому.

Повторяемъ, необходимость высшаго женскаго образованія признана русскимъ обществомъ уже такъ ясно и прочно, что объ устраненіи этой потребности навсегда не можетъ быть и рѣчи. Закрытіе означало бы только перерывъ, временную остановку, временное, весьма чувствительное, конечно, стѣсненіе для многихъ сотенъ молодыхъ существъ, представляющихъ законнѣйшее изъ человѣческихъ правъ — право на просвѣтленіе человѣческаго ума, на облагороженіе своихъ наклонностей, на внесеніе ббльшей сознательности, а цтому и ббльшей твердости въ свою волю.

Но, какъ сообщено, нѣтъ вовсе основанія говорить о закрытіи курсовъ. Вопросъ о высшемъ образованіи для женщинъ разсматривается и правильное разсмотрѣніе его, надо надѣяться, приведетъ не къ закрытію курсовъ, но къ преобразованію ихъ въ нѣчто болѣе прочное, быть можетъ, къ облеченію курсовъ естественно - научныхъ и словесныхъ тѣмъ же характеромъ государственныхъ институтовъ для приходящихъ, какой предположено дать курсамъ врачебнымъ. При этомъ самыя научныя пособія на курсахъ могутъ умножиться, а слушательницамъ, ихъ оканчивающимъ, могутъ быть предоставлены предпочтительныя права по службѣ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще.

Если административное разсмотрѣніе этого вопроса приведетъ къ такимъ результатамъ, то можно будетъ терпѣливо перенести временное прекращеніе пріема на курсы, хотя, признаемся, намъ неясно, въ чемъ продолженіе такого пріема на курсы существующіе могло препятствовать совершенно независимому и безпристрастному разсмотрѣнію вопроса объ ихъ преобразованіи.

Вопросъ о регулированіи правительствомъ тарифовъ на желѣзныхъ дорогахъ, о которомъ мы недавно говорили, сдѣлалъ за прошлый мѣсяць шагъ впередъ. Какъ извѣстно, вопросъ въ настоящее время не поставленъ общимъ образомъ, вѣроятно, потому именно, что департаментъ желѣзныхъ дорогъ счелъ болѣе удобнымъ начать съ частности, чтобы затѣмъ перейти къ общей постановкѣ вопроса. Пока администрація возбудила только вопросъ о прямыхъ граничныхъ сообщеніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ уставѣ главнаго общества есть статья, которая можетъ быть истолкована въ томъ смыслѣ, что тарифы прямыхъ граничныхъ сообщеній устанавливаются съ согласія правительства.

Начавъ съ этого повода, администрація, впрочемъ, тотчасъ примѣнила свой взглядъ на эту статью устава главнаго общества ко всѣмъ обществамъ, сдѣлала изъ согласія и даже прямо утвержденія правительствомъ каждаго измѣненія въ тарифахъ международныхъ условіе, обязательное для всѣхъ обществъ. Вслѣдствіе того главное общество обратилось съ жалобой въ комитетъ министровъ, а правленіе орловско-витебской дороги—въ сенатъ.

Сенатское рѣшеніе еще не состоялось, но комитетъ министровъ въ маѣ рѣшилъ вопросъ въ смыслѣ утвердительномъ, то-есть намѣлъ, что статья устава главнаго общества предполагаетъ утвержденіе международныхъ тарифныхъ измѣненій правительствомъ. Естественно, что при этомъ пренія коснулись и общаго вопроса о тарифныхъ измѣненіяхъ. Дѣло въ томъ, что хотя и говорятъ, что рѣшался только частный случай,—вопросъ о тарифахъ только международныхъ и, притомъ, въ примѣненіи только къ статьѣ устава главнаго общества,—но это совершенно бесполезно, на нашъ взглядъ. Какой же смыслъ примѣнять новое

правило къ одному только главному обществу? Затѣмъ, если примѣнить его ко всѣмъ (и циркуляръ департамента желѣзныхъ дорогъ именно потребовалъ представленія прямыхъ тарифовъ всѣми обществами), то, стало быть, право правительства въ этомъ случаѣ или необходимость, чтобы правительство имѣло такое право, устанавливаются совершенно независимо отъ такой-то статьи устава одного главного общества, и, стало быть, вопросъ, въ сущности, рѣшается не о прямыхъ международныхъ сообщеніяхъ (которымъ посвящена та статья), но и о мѣстныхъ сообщеніяхъ. Короче, рѣшеніе частнаго вопроса о международныхъ тарифахъ включаетъ въ себя рѣшеніе вопроса общаго, что всякія тарифныя измѣненія не могутъ быть производимы иначе, какъ съ утвержденія правительства. Одно включаетъ другое, потому что ни тотъ, ни другой вопросъ не могутъ быть рѣшены на основаніи существующихъ уставовъ, и основой для ихъ утвердительнаго рѣшенія можетъ служить только государственная необходимость.

Какъ мы слышали, министерствомъ юстиціи по данному вопросу было высказано то мнѣніе, которое мы сами заявляли въ смыслѣ юридически-несомнѣнномъ, а именно, что по существующимъ уставамъ опредѣленіе тарифовъ принадлежитъ правленіямъ обществъ и что введеніе въ это дѣло правительственнаго утвержденія могло бы правильно состояться только въ видѣ частнаго отчужденія, или же въ видѣ соглашенія съ компаніями. Министерство юстиціи высказалось даже противъ удобства разрѣшенія этого вопроса новымъ закономъ, который нарушилъ бы утвержденные уже уставы, имѣющіе, очевидно, отчасти характеръ договорный.

Но мы, все-таки, принимали въ расчетъ и другую точку зрѣнія. Несомнѣнно, что желѣзныя дороги предпріятія монопольныя, которымъ, по теоріи, не должно принадлежать безграничное права назначенія цѣнъ за пользованіе ихъ услугами,—это въ смыслѣ максимума. Сверхъ того, большинство желѣзныхъ дорогъ пользуется еще казенною приплатой по гарантіи дохода; стало быть, имъ, въ теоріи же, нельзя дозволить неограниченнаго права понижать плату за свои услуги,—это въ смыслѣ минимума.

На практикѣ же, по нашему мнѣнію, наиболѣе удобный выходъ есть соглашеніе съ компаніями на основаніи принципа такъ называемой «гомологаціи», а именно, что право установленія тарифовъ принадлежитъ всецѣло правленіямъ, съ соблюденіемъ максимальныхъ нормъ, какъ установлено въ уставахъ, но что правительству принадлежитъ право, въ теченіе мѣсячнаго срока, провозносить свое *veto* на всякое новое измѣненіе въ тарифѣ. Затѣмъ отсутствіе *veto* въ этотъ срокъ считалось бы утвержденіемъ.

А такъ какъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ страшнѣе всего медленность казеннаго дѣлопроизводства, примѣненнаго къ живому дѣлу,

такъ какъ они болѣе всего боятся именно затяжекъ на цѣлые мѣсяцы, въ случаѣ предварительнаго ходатайства о разрѣшеніи, то мы не сомнѣваемся, что компаніи легко согласятся на такой компромиссъ. Замѣтимъ, что нѣкоторые общества уже теперь, просто вслѣдствіе одного циркуляра департамента, представили на утвержденіе всѣ свои измѣненія въ тарифахъ.

Намъ много разъ приходилось указывать на тѣ мѣры и способы, которыми современное общество и государство стремятся устранить печальную случайность въ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ средствамъ существованія, или, по крайней мѣрѣ, парализовать вредныя послѣдствія такихъ случайностей, устраненіе которыхъ невозможно. Изъ этого благодатнаго начала вытекають страхование разныхъ видовъ, съ одной стороны, и запрещеніе азартныхъ игръ—съ другой стороны. Последнія дѣйствуютъ губительно, обогащая безъ труда или разоряя человѣка, доводя до самоубійства, сумасшествія или преступленій. Руководимое нравственнымъ долгомъ законодательство все болѣе и болѣе ограничиваетъ даже лотереи, несмотря на то, что покупка билета на такую лотерею никого не разоритъ, а выручка назначается для блатотворительныхъ цѣлей. Тѣмъ болѣе вопіющую аномалію представляютъ тотализаторы, устроенные на петербургскихъ и московскихъ скачкахъ. И большой, и малый увлекаются этою азартною игрою, развращаясь и при выигрышѣ, и при проигрышѣ. Въ московской думѣ, наконецъ, гласный С. Н. Мамонтовъ поднялъ вопросъ объ уничтоженіи этого скаковаго Монаха. Къ сожалѣнію, тотализаторъ покуда уцѣлѣлъ, и запрещены только рублевья ставки, да участіе въ азартной игрѣ дѣтей. Это ограниченіе не устраняетъ зла: кто не можетъ ставить три рубля, складывается теперь съ сосѣдомъ. Скаковое общество, получающее 10% съ обращающихся въ азартной игрѣ суммъ, выручило въ прошломъ году 266,000 рублей. Можно представить, сколько вредныхъ волненій, горя, а, быть можетъ, и отвратительныхъ дѣйствій вызвала эта погоня за случайною наживой! Между тѣмъ, у тотализатора находятся защитники: хорошее дѣло содѣйствія улучшенію нашего коневодства разрушится, по ихъ мнѣнію, если уничтожить тотализаторъ. Нѣкоторые просятъ только временной отсрочки. Игра въ тотализаторъ, говорятъ они, дѣйствительно развращаетъ, дѣйствительно не можетъ быть терпима; но подождите нѣсколько лѣтъ: скаковое общество составитъ себѣ кругленькій капиталъ, и тогда тотализаторъ можно будетъ и закрыть. Такое разсужденіе похоже на мечтанія о честной жизни того кассира, который расчитываетъ, что въ десять лѣтъ онъ накрадетъ достаточно для дѣльнѣйшей, уже добродѣтельной жизни. Неужели содѣйствовать разведенію въ Россіи скаковыхъ и рысистыхъ лошадей можно лишь при помощи средствъ, развращающихъ и разоряющихъ людей? Вѣдь, мало ли какими способами, равными съ тотализаторомъ по нравственному достоин-

ству, можно приобрести капиталы для безпечальнаго существованія, и если не подобаетъ развращать людей, ради людей то не слѣдуетъ допускать этого и ради возвышенной цѣли разведенія въ отечествѣ рѣзвыхъ скакуновъ. Замѣтимъ, что само государство только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ займу съ выигрышами, а, вѣдь, между подобными займами и игрою въ тотализаторъ разстояніе огромное; ихъ даже трудно сравнивать, потому что человѣкъ, купившій билетъ государственнаго займа, ничего не теряетъ, а начинаетъ лишь уповать на выигрышъ въ 200,000 рублей. Мы слышали, что московскій тотализаторъ уже повлекъ за собою нѣсколько въ высшей степени печальныхъ послѣдствій.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

У.

Россия живет сезонами съ примѣрнымъ постоянствомъ, придерживаясь изъ года въ годъ порядковъ, установившихся съ глубокой старины. Теперь наступилъ сезонъ «надеждъ на урожай». Не будь этого сезона, мужикъ давно бы бросилъ пахать землю; теперь же онъ каждый годъ надѣется и каждый годъ пашеть. И когда мужикъ съ весенними надеждами принимается за весеннія работы, въ провинціальныхъ, столичныхъ и правительственныхъ изданіяхъ начинаютъ появляться свѣдѣнія о состояніи хлѣбовъ, на официальномъ языкѣ называемыя «видами на урожай»? Но мужикъ не признаетъ этой слишкомъ обобщающей и безличной формулы. Для него всходы хлѣбовъ совсѣмъ не «виды», для него это гамлетовскій вопросъ о «быть или не быть», но какже мечтать о томъ, чтобы «не быть»? И вотъ мужикъ каждую весну мечтаетъ о томъ, чтобы «быть», каждую весну «надѣется» и работаетъ все съ большею и большею энергіей, потому что земля даетъ все меньше и меньше. Эта исторія повторяется каждый годъ, такъ каждый годъ собираются официальные свѣдѣнія о «видахъ на урожай» и каждый годъ деревенскіе корреспонденты печатаютъ въ газетахъ) весеннихъ надеждахъ мужика. И въ нынѣшнемъ году деревенскіе корреспонденты поспѣшили прислать въ газеты свои лаконическія извѣстія) мужицкихъ надеждахъ, вѣроятно, боясь утруждать вниманіе городскихъ читателей деревенскими подробностями. Изъ Курска пишутъ, что «дожди значительно поправили травы и хлѣбные посѣвы» (и только); изъ Харькова: «Сильные дожди поправили пострадавшіе отъ морозовъ озимые всходы. Ростъ яровыхъ хорошъ, травы вездѣ въ лучшемъ состояніи» и то же, только); изъ Саратова: «Въ поляхъ появились всходы раннихъ провѣхъ посѣвовъ. Утѣшительнаго они представляютъ пока немного: юрная трава гораздо выше молодыхъ побѣговъ хлѣбныхъ злаковъ и, притомъ, ея очень много». И всѣ извѣстія въ этомъ же родѣ. Да и что пи-

сать больше, а, главное, зачѣмъ? Бому нужны эти извѣстія и кто изъ читателей ихъ читаетъ? Даже обтерпѣвшійся деревенскій обитатель относится совершенно равнодушно къ извѣстіямъ объ урожаѣ или неурожаѣ, если эти извѣстія сообщаются не объ его дуберніи или уѣздѣ. Деревенскій обитатель очень хорошо знаетъ, что «ничего не подѣлаешь» и что «все отъ Бога». А если уже деревенскій обитатель такъ равнодушенъ къ сообщеніямъ деревенскихъ корреспондентовъ, то городскому человѣку и самъ Богъ велѣлъ не обнаруживать особеннаго любопытства по поводу неизвѣстно чьихъ видовъ на урожай или надеждъ неизвѣстныхъ мужиковъ, живущихъ за тысячи верстъ. Для настоящаго (заправскаго) городского обитателя самое страшное деревенское извѣстіе проходитъ незамѣченнымъ. Вотъ, напримѣръ, *Стень* рассказываетъ, что въ Андреевкѣ надняхъ умерла женщина въ буквальномъ смыслѣ съ голода, оставивъ сиротами семь душъ малолѣтнихъ дѣтей. Несчастная пошла по-воду и, набравъ ведра, была уже не въ силахъ вернуться обратно. Наканунѣ ея смерти мужъ ея являлся въ волостное правленіе, падалъ на колѣни и Христомъ Богомъ молилъ волостныхъ урядниковъ дать ему хлѣба изъ запаснаго магазина, но магазинъ былъ совершенно пустъ, и несчастный вернулся ни съ чѣмъ. Какой же изъ городскихъ газетныхъ читателей обратилъ вниманіе на такой, повидимому, невѣроятный фактъ, что въ Екатеринославской губерніи, въ коренной житницѣ Россіи, умираетъ съ голода человѣкъ? И что говорить о городскомъ читателѣ: какая изъ редакцій городскихъ газетъ обратила вниманіе на этотъ фактъ? Было напечатано о немъ въ *Стени* и перепечатала только одна газета—*Волжскій Вѣстникъ*, остальные провинціальныя и столичныя газеты не обратили на этотъ ничтожный случай никакого вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, что за важность, что умерла баба? Всегда бабы умирали и всегда онѣ будутъ умирать, а что баба оставила семь малолѣтнихъ дѣтей, такъ, вѣдь, и это потому, что они у нея были. Однимъ словомъ, фактъ оказался настолько естественнымъ и обычнымъ, что каждый прошелъ мимо его съ спокойною совѣстью и легкимъ сердцемъ. Всѣ остальные, менѣе пикантные факты уже и подавно никого не побезпокоили.

Или, можетъ быть, у нашихъ городскихъ обитателей есть свои высшіе интересы и заботы, такъ что какая-нибудь баба, умершая съ голода, и дѣйствительно фактъ слишкомъ мелкій, чтобы надъ нимъ останавливаться? Очень можетъ быть, но только въ этомъ слѣдуетъ, все-таки, убѣдиться. Городъ, и не у насъ однихъ, большой баринъ: у него и власть, и умъ, и богатство. Онъ вездѣ считаетъ себя выше деревни, его и интересы выше, и заботы важнѣе, и задачи шире. Какими же интересами живетъ нашъ городъ и въ чемъ ихъ ширь и глубина? Чтобы узнать объ интересахъ нашихъ городовъ, нужно читать о томъ въ газетахъ, потому что газеты издаются почти исключительно для городскихъ обитателей и въ ихъ интересахъ. *Таганрогскій Вѣстникъ*, напримѣръ, такъ прямо и

говорить, что онъ служить только интересамъ Таганрога: «Поставивъ себѣ задачей служить интересамъ роднаго города,—говорить газета въ № 55,—мы, по возможности, выполняли эту задачу, касаясь того или другаго вопроса по городскому хозяйству и благоустройству, указывая на то или другое ненормальное явленіе нашей общественной жизни». Въ сожалѣнію, задача оказалась невыполненной и голосу *Таганрогскаго Вѣстника* не внялъ ни городъ Таганрогъ, ни городское управленіе. Но *Таганрогскій Вѣстникъ*, не теряя мужества, намѣренъ избрать своимъ девизомъ латинское изреченіе: «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo», что значить: «капля долбитъ камень не силою, но частымъ паденіемъ». И дѣйствительно, капли, которыми *Таганрогскій Вѣстникъ* надѣется пробить камень (городское управленіе), не особенно велики, по крайней мѣрѣ, въ № 55. Ихъ всего три. Во-первыхъ, говорится, что рѣшено образовать въ Таганрогѣ артель трубочистовъ при пожарной командѣ, съ тѣмъ, чтобы обращеніе къ ней обывателей не было обязательно. Это извѣстіе озаглавлено: *Засѣданіе Думы 7 мая*. Потомъ идутъ *Мѣстные извѣстія*. Извѣстіе оказывается одно счетомъ и заключается оно въ томъ, что греческое судно, на которомъ неумышленно отравились мышьякомъ пять человекъ изъ экипажа, называется «Евтерписъ». Изъ пяти отравившихся умеръ одинъ, капитанъ судна Исидоръ Пигули, остальные четверо выздоровѣли. Наконецъ, идутъ *Городскія происшествія*. Ихъ два. Греческій подданный Х. П., забравшись къ часовому мастеру, укралъ у него золотые часы, и, въ ночь на 9 мая, во дворъ мѣщанина Романенко подброшенъ неизвѣстно кѣмъ только что рожденный младенецъ женскаго пола. Этими тремя рубриками и четырьмя фактами и ограничивается служеніе № 55 *Таганрогскаго Вѣстника* интересамъ Таганрога. Конечно, *Таганрогскій Вѣстникъ* не виноватъ, что всѣ интересы Таганрога исчерпываются только этими четырьмя фактами. Онъ съ мужествомъ, заслуживающимъ лучшей участи, продолжаетъ свое дѣло и «долбитъ камень». И Таганрогъ долженъ быть доволенъ, что въ немъ нашлось нѣсколько мужественныхъ и образованныхъ людей, усиливающихъ вытѣщать на свѣтъ Божій «дѣла» городскаго управленія и старающихся приучить думать о нихъ таганрогскихъ обитателей. Все остальное уже не зависитъ отъ мѣстной газеты, потому что она не больше, какъ зеркало мѣстной жизни. Если вся общественная жизнь Таганрога въ тотъ моментъ, когда набирался № 55, ограничивалась только тѣмъ, что пять грековъ отравились, одинъ грекъ укралъ часы и къ мѣщанину Романенко подбросили ребенка, то *Таганрогскій Вѣстникъ* не можетъ ужъ тутъ ничего поддѣлать. Онъ даетъ то, что есть, ничего не прибавляя и не убавляя.

Конечно, Таганрогъ городъ уѣздный (правда, большой и портовый), поэтому и интересы его могутъ быть только «уѣздные». Чтобы судить вѣрно объ интересахъ русской городской жизни, нужно, значить, взять го-

рода большіе, губернскіе, подняться до верховъ. И вотъ я беру два нашихъ лучшихъ и большихъ провинціальныхъ города съ развитою городскою жизнью, съ крупнымъ бюджетомъ и съ интеллигентнымъ представительствомъ—Одессу и Кіевъ, а въ видѣ зеркаль, отражающихъ мѣстную жизнь, обращаюсь къ *Одесскому Вѣстнику* и *Кіевлянину*. *Одесскій Вѣстникъ* газета либеральная, общаго характера, многосторонняя и съ широкою программой; *Кіевлянинъ*—газета консервативная, патриотическая и то же настолько независимая, что за исключеніемъ очень немногихъ, ужъ самыхъ патриотическихъ вопросовъ она не только не идетъ ни на чьемъ буксирѣ, но часто не соглашается съ выводами излишне усердныхъ сотрудниковъ *Московскихъ* и *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Какъ же отражаютъ жизнь и интересы Одессы и Кіева *Одесскій Вѣстникъ* и *Кіевлянинъ*? Извиняюсь впередъ передъ читателемъ: то, что ему теперь придется прочесть, будетъ немножко длинно и немножко скучно. Но я не только не боюсь искушать терпѣніе читателя, но прошу его прочесть (и даже внимательно) все послѣдующее скучное и длинное изложеніе. Какъ № 55 *Талантовскаго Вѣстника* былъ взятъ мною случайно, такъ же случайно, безъ выбора, беру № 3 *Одесск. Вѣст.* Вотъ его мѣстное содержаніе, подъ рубрикою *Хроника*:

Исправленіе должности товарища городского головы возложено на члена управы Е. М. Минчіаки, который вчера же вступилъ въ исправленіе обязанностей товарища городского головы.

Искъ къ почтовой конторѣ. Изложу его вкратцѣ. Елисаветградскій почтмейстеръ Яковенко-Яковлевъ, за растрату пересылавшихся по почтѣ денегъ, былъ осужденъ въ 1884 г. къ ссылке въ Сибирь, а почтовое вѣдомство для пополненія своихъ расходовъ описало черезъ судебного пристава все движимое имущество Яковенко-Яковлева. Противъ этого протестовала жена осужденнаго, но окружный судъ не призналъ ея искъ подлежащимъ удовлетворенію. Тогда она подала на апелляцію въ судебную палату, которая признала, что г-жа Яковенко-Яковлева имѣетъ полное право вступить во владѣніе имуществомъ, описаннымъ по требованію почтоваго вѣдомства.

Работы по устройству и улучшенію Одесскаго порта. Слѣдуетъ короткое сообщеніе о томъ, что «третьяго дня» инженеры путей сообщенія производили промѣръ рельефа карантинной гавани, которая по проекту работъ должна быть углубленной, что вскорѣ, «какъ мы слышали», будетъ приступлено къ устройству землечерпальныхъ машинъ.

Годишное засѣданіе Императорскаго общества сельскаго хозяйства. Сообщается, что въ предъидущее засѣданіе разсматривался возбужденный правительствомъ вопросъ о пересмотрѣ табачнаго устава, а въ нынѣшнее засѣданіе былъ предложенъ на обсужденіе общества вопросъ о необходимости ходатайства предъ правительствомъ о пониженіи акциза на табакъ «бакунъ», употребляемый для уничтоженія чесотки на овцахъ, или же

объ окончательной отмінѣ этого акциза. Собраніе вполне согласилось съ предложеніемъ. Затѣмъ собранію былъ доложенъ годичный отчетъ о дѣятельности общества за 1885 годъ.

Смерть отъ водобоязни. Въ городскую больницу былъ доставленъ дворникъ, страдающій водобоязнью, который въ 3 часа ночи съ 24 на 25 апрѣля и умеръ въ больницѣ.

Застой въ хлѣбномъ дѣлѣ. Несмотря на истощеніе запасовъ въ Одессѣ, подвозъ хлѣба по желѣзной дорогѣ, въ послѣднее время, самый ничтожный.

Свѣдѣнія о холерѣ въ Италиі. По извѣстіямъ *Neue Fr. Presse*, 3 мая былъ въ Падуѣ одинъ смертный случай отъ холеры. Въ Виченцѣ, въ тотъ же день, заболѣло 12, умерло 5. Слухи о появленіи холеры въ Анконѣ еще не подтвердились.

Постройка загона для сапатыкъ лошадей вполне окончена. Загонъ устроенъ на Пересыпи, на берегу моря, изъ хорошаго дѣса, окрашеннаго эфирною смолой.

Военный пароходъ «Эмборусъ» послѣ зимней стоянки въ Николаевѣ третьяго дня совершилъ пробный рейсъ въ Одессу и вчера утромъ вышелъ обратно въ Николаевъ.

Засѣданіе исполнительн. комиссіи [по канализаціи и замощенію города.] Засѣданіе 24 апрѣля было посвящено разсмотрѣнію вопроса о способахъ выполненія работъ по сооруженію коллектора Приморской улицы до Щелажовой и далѣе по направленію къ солончакамъ Пересыпи. Въ заключеніе былъ разсмотрѣнъ торговый листъ на подряды постройки водостоковъ по Градоначальнической и Раскидайловской улицамъ. Коммиссія постановила утвердить торги за г. Жюньеномъ.

Дѣло о задержанномъ подъ кроватью. Нѣкій Вольфъ Левитъ, забравшись въ квартиру Гольдевича, спрятался подъ кровать, гдѣ и былъ задержанъ. На вопросъ мирового судьи, какъ Левитъ попалъ подъ кровать, онъ отвѣтилъ, что «по ошибкѣ зашелъ въ квартиру, испугался и залѣзъ подъ кровать». Судья приговорилъ Левита въ тюрьму на семь мѣсяцевъ.

Осмотръ асфальтовой мостовой. Осмотрѣвъ асфальтовую мостовую на Николаевскомъ бульварѣ, комиссія техниковъ пришла къ заключенію, что въ настоящее время необходимо отремонтировать около 250 кв. шаженъ, причемъ полагаетъ отдать работы извѣстному лицу съ подряда.

По случаю ненастной погоды вчера работы по нагрузкѣ пароходовъ сахаромъ были прекращены на цѣлый день. Въ послѣдніе дни прибыло въ портъ три парохода съ каменнымъ углемъ.

Затѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ: объ устройствѣ лечебницы для укушенныхъ бѣшенными животными, объ освидѣтельствованіи офицеровъ и чиновниковъ запаса, миссіонерахъ для борьбы со штундистами, о составленіи въ морскомъ

министерствѣ программы курса каѳедры кораблестроенія для технологическаго института, письмо г-жи Татищевой Пастѣру и отвѣтъ Пастера г-жѣ Татищевой, извлеченіе изъ *Зари* о книжныхъ магазинахъ и библиотекахъ въ Россіи, о предстоящихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ уставовъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, о предстоящемъ путешествіи хивинскаго хана, о возвращеніи изъ Рыльскаго уѣзда двухъ батальоновъ козловскаго полка, посланныхъ для усмиренія крестьянъ. Кажется, все.

Кіевлянинъ отличается меньшею систематичностью въ распредѣленіи извѣстій, у него мѣстные извѣстія перепутываются съ извѣстіями не мѣстными и извѣстій вообще меньше, но общій характеръ ихъ тотъ же. Вотъ что, напримѣръ, даетъ № 110 *Кіевлянина*:

— Г. попечитель кіевского учебнаго округа, т. с. Сергѣй Платоновичъ Голубцовъ, возвратясь изъ поѣздки по осмотру заведеній округа, 20 сего мая вступилъ въ отправленіе своей должности.

Н. Н. Миклуха-Маклай. Надняхъ, какъ мы уже сообщали, посѣталъ Кіевъ, проѣздомъ изъ Одессы въ Петербургъ, извѣстный нашъ соотечественникъ, ученый изслѣдователь многихъ острововъ Полинезіи, путешественникъ Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай. Затѣмъ слѣдуютъ біографическія подробности (интересныя).

Засѣданіе думы. Въ состоявшееся 19 мая засѣданіе думы прибыло 33 гласныхъ, такъ что назначенныя къ рассмотрѣнію дѣла по отчужденію городскихъ земель, за отсутствіемъ требуемаго закономъ числа гласныхъ, вновь были отложены.

— Намъ сообщаютъ, что по генеральному плану, составленному крѣпостнымъ управленіемъ, оказывается, что мѣсто, занимаемое Печерскою гимназіей, относится къ исключительному вѣдѣнію военнаго вѣдомства и составляетъ территорію крѣпости.

— Кіевскіе хлѣботорговцы и лѣсопромышленники намѣрены, какъ мы слышали, обратиться съ ходатайствомъ къ г. министру путей сообщенія о скорѣйшемъ разрѣшеніи устройства желѣзно-дорожной вѣтви отъ станціи Кіевъ 1 до Днѣпровской пристани и вдоль набережной до Рождественской церкви.

— По распоряженію общества спасанія на водахъ, въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ купающимися въ открытой рѣкѣ, начальникъ кіевской судоходной станціи выдалъ спасательные снаряды въ количествѣ 8 экземпляровъ.

— Мы слышали, что больничныи советъ Александровской больницы постановилъ, въ ознаменованіе полезной дѣятельности больничнаго врача директора больницы Ю. И. Мацона, повѣсить портретъ его въ приемной больницѣ.

— Ученики выпускнаго класса ремесленнаго училища, помѣщающагося въ Сулимовскомъ домѣ, держали 16 мая экзаменъ на полученіе свидѣ-

тельства для пользованія льготой при отбываніи воинской повинности; экзамены дали прекрасные результаты.

— Въ настоящее время дачные поѣзда распределены такъ неудачно по времени прихода ихъ въ Кіевъ, что всѣ учащіеся и учащіе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ не могутъ правильно пользоваться дачною жизнью. Мы надѣемся, что желѣзно-дорожное начальство позаботится удовлетворить вполне справедливымъ требованіямъ публики и приспособить поѣзда соотвѣтственно началу классныхъ занятій.

— Намъ сообщаютъ, что прибывшій третьяго дня на станцію Боярка вечерній поѣздъ изъ Кіева высадилъ за немѣлимъ билета буйно-помѣшаннаго крестьянина Гаха изъ села Писаревки, Винницкаго уѣзда.

Есть и еще извѣстія объ утопленникахъ, о пожарѣ, о холерѣ, о пароходѣ *Скобелевъ*, о священникѣ, не хотѣвшемъ хоронить покойника, о высотѣ воды въ Днѣпрѣ, о загрязненіи Софійской площади и особенно пространства возлѣ памятника Богдана Хмѣльницкаго, представляющаго «одно сплошное отхожее мѣсто», и т. д.

За городскими (мѣстными и не мѣстными) извѣстіями слѣдуютъ въ газетахъ корреспонденціи, обыкновенно «собственныхъ» корреспондентовъ. Это тѣ самыя деревенскія извѣстія, на которыя въ большинствѣ случаевъ никто никакого не обращаетъ вниманія (развѣ если вымретъ или провалится цѣлая деревня) и которыя помѣщаются для «полноты».

И вотъ передъ читателемъ вертится нескончаемый калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ извѣстій. Въ одномъ мѣстѣ, кто-то пріѣхалъ, въ другомъ, кто-то уѣхалъ, тамъ украли, здѣсь убили, ушелъ пароходъ съ хлѣбомъ, а послѣ него пришелъ пароходъ съ углемъ, сегодня домовадѣльца *Н* уличили въ спускъ нечистоты въ городскую трубу, а завтра г-жа Татищева получила письмо Пастѣра и поспѣшила напечатать его въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, затѣмъ хивинскій ханъ собрался путешествовать по Европѣ, а въ Виченцѣ умерло отъ холеры пять человѣкъ. И съ каждымъ № газеты вертится передъ глазами читателя въ теченіе 365 дней въ году этотъ изумительный калейдоскопъ. Камушки, кажется, всѣ въ немъ разные и цвѣтъ ихъ разный, и блескъ ихъ различный, но когда вся эта масса кажущагося разнообразія вертится передъ глазами изо-дня въ день въ теченіе года и затѣмъ вертится второй годъ, и третій годъ, и четвертый годъ, съ читателемъ, наконецъ, приключается неизбѣжно помраченіе ума.

При потребности и привычкѣ къ чтенію, читатель, конечно, будетъ продолжать эту Сизифову работу; онъ можетъ даже найти въ ней интересъ и разнообразіе: сегодня, напримѣръ, пришелъ пароходъ съ углемъ и къ мѣщанину Романенко подбросили ребенка, а завтра уйдетъ пароходъ съ хлѣбомъ и мѣщанинъ Романенко уже и самъ подброситъ къ кому-нибудь ребенка. И подъ впечатлѣніемъ этого постоянно мѣняющагося разнообразія читатель, наконецъ, утрачиваетъ свой послѣдній смыслъ;

онъ перестаетъ даже различать отдѣльные факты. Мѣщанинъ Романенко сливается у него съ подкинутымъ ребенкомъ, пароходъ, прибывшій съ углемъ, съ пароходомъ, отправившимся съ хлѣбомъ, асфальтовая мостовая, приводимая въ порядокъ, съ загаженною Софійскою площадью, которую никто и ни въ какой порядокъ приводить не хочетъ. Затѣмъ наступитъ періодъ безразличнаго отношенія и къ Софійской площади, и къ памятнику Богдана Хмѣльницкаго, и даже къ похваламъ Пастёра, что мы самые благодарные и ласковые изъ людей и, въ концѣ-концовъ, читатель на вопросъ сосѣда, что въ газетахъ новаго, начинаетъ уже отвѣчать сердито: «ничего!» До этого состоянія и дошелъ теперь русскій читатель. Для него уже нѣтъ ничего интереснаго, ничто ни на минуту не останавливаетъ его вниманія. Развѣ еще объявленіе войны могло бы вывести его изъ равнодушія, но, кажется, и войны никакой не предвидится.

Городскихъ (и не городскихъ) обитателей у насъ (и особенно теперь и особенно люди извѣстнаго направленія) обвиняютъ въ равнодушіи къ своимъ «общественнымъ» интересамъ. Но для того, чтобы заботы о мостовой или фонаряхъ получили смыслъ, для того, чтобы свѣдѣнія объ этихъ заботахъ и вообще о механическихъ занятіяхъ не пестрѣли въ хаосъ газетныхъ извѣстій, необходимо, чтобы всѣми этими заботами руководила идея общественности. Именно въ ея отсутствіи и лежитъ причина апатіи и равнодушія, на которыя указываютъ враги нашего земскаго и городского самоуправления. Съ идеей общественности и маленькое дѣло получаетъ жизненный смыслъ, а безъ нея и большое можетъ утратить всякое значеніе.

Наша читающая публика ищетъ, какъ манны небесной, такъ называемыхъ руководящихъ идей. Руководящія же идеи—это общественныя идеи, это теоретическія указанія какъ надо жить и думать въ обществѣ и что дѣлать, чтобы всѣмъ было хорошо. Несмотря на упреки, которые дѣлались обществу за его общественную неумѣлость и недостатокъ общественнаго развитія, въ немъ было всегда очень много и общественныхъ чувствъ, и общественныхъ инстинктовъ. Для общества были всегда дороги только тѣ писатели, которые умѣли затронуть въ немъ доброжелательныя, гуманныя чувства и, главное, возвести ихъ въ общественное сознаніе. Вотъ и нынче, когда среди всеобщаго умственного затишья, выступилъ съ проповѣдью «новой» вѣры гр. Л. Толстой, публика набросилась на его ученіе съ такою жадностью, точно это и дѣйствительно новое слово, точно никто изъ этой публики ни въ школѣ, ни дома не слышалъ ничего подобнаго. Это сказались общественныя инстинкты, не находящія въ окружающей ихъ дѣйствительности никакого удовлетворенія.

Общество обыкновенно молчитъ и думаетъ про себя; какъ и что оно думаетъ, этого не знаетъ даже консервативная печать (которая все знаетъ). Общественное мышленіе есть единственный стимулъ, направляющій

личное поведеніе къ общему благу. Но съ этимъ мышленіемъ человѣкъ не родится; его нужно воспитать.

Обыкновенная школа учить всему: и географіи, и грамматикѣ, и математикѣ, учить даже истреблять людей (этому учатъ даже специально), но не учить какъ сохранять людей, не знакомить съ природой общественныхъ связей и общественныхъ интересовъ, не создаетъ привычекъ общественности, навыковъ дѣйствовать и работать сообща подъ контролемъ общественного мнѣнія и въ чувствахъ уваженія къ нему. Обыденное воспитаніе развиваетъ личныя чувства и личныя силы, точно человѣку предстоитъ жить или на необитаемомъ островѣ, или въ землѣ зулусовъ. И воспитанный въ подобной школѣ человѣкъ становится дѣйствительно или Робинзономъ, или зулусомъ, и разучается уважать не только другихъ, но и самого себя. Русская жизнь представляеть въ этомъ отношеніи изумительные факты, едва ли гдѣ-нибудь въ другой странѣ возможные. Хотя бы, напримѣръ, такой фактъ, сообщаемый пермскимъ корреспондентомъ *Волжскаго Вѣстника*. Бывшій учитель Андрей Гашевъ, уволенный изъ учителей по проискамъ бывшего члена училищнаго совѣта и настоящаго секретаря уѣздной земской управы Четина, вошелъ къ мировому судѣ съ просьбой о взысканіи съ Четина 173 руб., какъ убытка, понесеннаго Гашевымъ отъ увольненія его изъ учителей. Мировой приглашаетъ г. Четина и тотъ, вмѣсто того, чтобы явиться, отвѣчаетъ такою бумагой: «Я получилъ отъ вашего высокородія повѣстку о явкѣ въ 11 час. утра 21 апрѣля сего года въ вашу камеру по иску ко мнѣ о 173 руб. *какаго-то* Андрея Гашева. Считаю долгомъ вамъ заявить: 1) никакому Гашеву я долженъ не состою и не могу состоять; поэтому и явиться не считаю нужнымъ, тѣмъ болѣе, что времени не имѣю (въ этотъ день г. Четинъ праздновалъ именины дочери). 2) Если повѣстка ко мнѣ адресована не по ошибкѣ, то искъ, значить, одинъ изъ такихъ, какой два года назадъ былъ предъявленъ ко мнѣ черезъ васъ же какимъ-то Куренбинымъ или вообще въ родѣ того, что нынче зовется «шантажъ». 3) Если стануть предъявлять ко мнѣ искъ *остъ жулики*, то мнѣ придется бросить всякую работу, потому что все время будетъ уходить на явки для отвѣта. 4) Прошу выдать мнѣ копію съ исковой просьбы Андрея Гашева для возбужденія противъ него преслѣдованія». Подписался: Почетный гражданинъ Амфилохій Ник. Четинъ. Конечно, никто не мѣшаетъ г. Четину преслѣдовать г. Гашева и считать его искъ обиднымъ, но въ какой школѣ и изъ какой науки г. Четинъ научился такимъ отношеніямъ къ достоинству ближняго и къ достоинству мирового суда, какъ общественнаго учрежденія? И какое онъ имѣетъ право не считать нужнымъ явиться въ судъ, когда это счелъ нужнымъ судья? И кому нужна догадка г. Четина, заключающая къ себѣ двойную непристойность, что если судья прислалъ ему повѣстку не по ошибкѣ, то онъ его привлекаетъ къ шантажному дѣлу, подобное которому ужъ разъ и

производилъ? Наконецъ, что бы сказалъ г. Четинъ, такъ ревниво относящійся къ своему достоинству, что считаетъ кровною обидой простое предъявленіе къ нему денежнаго иска, если бы кто-нибудь назвалъ его жуликомъ, какъ это онъ дѣлаетъ съ г. Гашевымъ? Тутъ что ни слово, то какой-то непроглядный мракъ понятій, полное отсутствіе даже тѣни представленій объ общественныхъ отношеніяхъ и совершенное незнаніе своего мѣста. Это типъ не гражданскаго общезитія и мирныхъ порядковъ, а воинствующій наѣздническій типъ, лишенный всякой нравственной дисциплины.

Съ другимъ подобнымъ типомъ знакомитъ *Киевлянинъ*. Болѣе четверти вѣка прошло, какъ въ гор. Звенигородѣ пристроился къ городскимъ общественнымъ дѣламъ нѣкій отставной коллежскій регистраторъ Юрданъ Гацкій. Г. Гацкій отличался замѣчательною особенностью не дѣлать ничего безъ благодарности. Его же личная особенность заключалась въ непримѣрной послѣдовательности, ибо онъ бралъ благодарности не только съ просителей, но и съ городской думы, въ которой состоялъ гласнымъ и секретаремъ. Въ 1866 г., по жалобѣ обитателей Звенигородки, г. Гацкій былъ уволенъ отъ должности за взяточничество. Но онъ спрятавъ бумагу и продолжалъ, попрежнему, заправлять всѣми думскими дѣлами и брать «благодарности». Въ 1875 году звенигородцы опять жаловались на г. Гацкаго. Присланный для дознанія чиновникъ нашелъ бумагу объ увольненіи г. Гацкаго въ шрафу, даже не записанною во входящую вѣдомость. Послѣдствіемъ дознанія было то, что думѣ было опять предписано уволить г. Гацкаго, онъ же опять остался на мѣстѣ и не только остался, но еще и апеллировалъ въ сенатъ. Сенатъ (указомъ отъ 31 января 1878 г.) оставилъ жалобу г. Гацкаго безъ послѣдствій и призналъ увольненіе вполне правильнымъ. Пока ожидался указъ сената, г. Гацкій сдѣлался гласнымъ думы, занялъ въ ней должность секретаря и сгруппировалъ около себя сильную партію. Прежде онъ бралъ взятки только съ частныхъ лицъ, а теперь сталъ требовать ихъ уже и отъ думы. Для этого онъ создалъ для себя особую должность ходатая по городскимъ дѣламъ и нельзя не согласиться, что обнаружилъ при этомъ большую проицательность, ловкость и знаніе жизни и людей. «Ходатайствуя» по городскимъ дѣламъ, г. Гацкій бралъ думскія деньги, чтобы «смазывать», гдѣ требовалось, и извѣстный процентъ удерживалъ для себя въ возмѣщеніе расходовъ по ходатайствамъ. На «смазку» г. Гацкій бралъ отъ 100 до 500 р. в. ч., а иногда и болѣе, смотря по дѣлу. Такъ, когда были получены имъ казначейства 6,500 р., слѣдующіе городу за военный постой, то г. Гацкій, докладывая объ этомъ думѣ, потребовалъ себѣ 10% въ возвратъ расходовъ, сдѣланныхъ имъ въ Киевѣ. А чтобы дума не могла имѣть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, предъявилъ собранію письмо, полученное имъ изъ Кіева. Въ письмѣ говорилось, что если будетъ дана благодарность, то могутъ быть высланы и остальные 7 т. р. за постой

солдатъ, иначе же ничего не будетъ, такъ какъ нѣтъ на получение денегъ «требуемыхъ формальностей». На это гласный думы, священникъ Н. Бутовскій, замѣтилъ:

— Пренія времена, какъ видно, нисколько не измѣнились и старые порядки еще во всей силѣ: кто мажетъ, тотъ и ѣдетъ.

— Да, батюшка,—отвѣтилъ г. Гацкій,—безъ благодарности обойтись никакъ нельзя.

И вотъ дума выдала г. Гацкому 10% съ полученной ею суммы, т.-е. 650 р., спустя двѣ недѣли онъ получилъ еще 400 р. (по другому дѣлу), потомъ еще 150 р. (50 р. ему и 100 р. на «смазку») и подобныя выдачи повторялись по нѣсколько разъ въ годъ. Кроме того, г. Гацкій умѣлъ управлять думцами настолько искусно, что и его отчеты (если въ нихъ даже не доставало оправдательныхъ документовъ), и доклады принимались и утверждались безъ возраженій и ненарушимый миръ, казалось, готовъ былъ водвориться въ звенигородской думѣ до втораго пришествія. Вѣроятно, это такъ бы и случилось, если бы звенигородцы (но не думцы) не обратились съ жалобой на г. Гацкаго къ кievскому губернатору и къ начальнику края. Почему имъ казалось недостаточнымъ обратиться только къ губернатору—неизвѣстно; но за то извѣстно, что раньше они обращались къ городскому головѣ, просили его произвести дознаніе и, «ради защиты чести городской думы, положить предѣлъ дѣйствіямъ секретаря Гацкаго», но городской голова не «положилъ предѣла» и дознанія не произвелъ. Теперь противъ г. Гацкаго и его соратниковъ, гласныхъ Трандафилова, Пищаленко и Шаца, начато судебное преслѣдованіе.

Предъидущій фактъ (Четинъ)—фактъ простой, этотъ же фактъ представляетъ непостижимости усложненныя; тамъ мы имѣли дѣло съ лицомъ, здѣсь—съ общественнымъ явленіемъ; въ первомъ случаѣ, недисциплинированное лицо ведетъ себя какъ «саврасъ безъ узды», не граждански, дико, потому что не имѣетъ никакого понятія объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ обществомъ, сырая некультуривированная сила увлекается инстинктомъ, возбужденнымъ слишкомъ приподнятымъ личнымъ чувствомъ, поэтому сила эта дѣйствуетъ непосредственно, въ гражданскомъ отношеніи глупо, но въ нравственномъ обликѣ выскочившаго изъ гражданскихъ предѣловъ лица вы не находите еще ничего испорченнаго, претящаго, отталгивающаго. Передъ вами желчный субъектъ, ошибающійся въ разбѣрахъ своего личнаго достоинства и вполнѣ зависящій лишь отъ своего темперамента. Такіе дикіе люди дики потому, что ихъ не воспитала ни семья, ни школа, ни жизнь. Какими они вышли изъ утробы матер., такими они и остались. Въ то же время, эти люди могутъ быть недурными и если бы наша школа и наша жизнь занимались лучше воспитаніемъ, то подобные дички могли бы быть и культуривированы, и приручены, могли бы быть пригодны и полезны для жизни.

Совсѣмъ не то люди типа г. Гацкаго. Это не сырой продуктъ утробной

жизни, не дички, какими ихъ мать родила, это продукты культуры, продукты своеобразнаго склада русской общественной жизни, которая сформировалась еще допетровскою Русью и которую пытались сломить окончательно, но не сломили реформы прошлаго царствованія. Хотя *Киевлянинъ* въ качествѣ патриотическаго органа объясняетъ дѣятельность г. Гацкаго тѣмъ, что онъ полякъ и подобралъ къ себѣ партію изъ «поляковъ» и «жидовъ», но, кажется, въ числѣ привлеченныхъ къ суду, кромѣ самого г. Гацкаго, нѣтъ ни одного польскаго и жидовскаго имени. *Киевлянинъ*, умѣющій понимать правду, даже дѣлающій иногда замѣчанія *Московскимъ Вѣдомостямъ*, когда по обязанностямъ службы садится на своего програмнаго конька, прибѣгаетъ, къ сожалѣнію, къ совѣмъ опошлившемуся и банальному способу «защиты русскихъ интересовъ», который бы уже давно пора сдать въ архивъ ржаваго и непригоднаго оружія. Непременно намъ кто-нибудь да гадить: то нѣмецъ, то полякъ, то жидъ. Право, ужъ пора бы кончить съ подобнымъ младенчествомъ и школьничествомъ, авось дѣла наши пошли бы лучше. У нашихъ финляндскихъ военныхъ инженеровъ не было ни жидовской, ни польской партіи, а посмотрите, какихъ они надѣлали чудесъ. Въ такихъ повсюду повторяющихся дѣлахъ виновато не лицо и не лица, а условія, создающія возможность подобныхъ противуобщественныхъ подвиговъ. *Киевлянинъ* говоритъ, что г. Гацкій орудовалъ въ Звенигородѣ болѣе четверти вѣка. Какъ же это могло случиться? Какъ могло случиться, что г. Гацкій, уволенный сенатомъ, прячетъ указъ въ шкафъ и остается, попрежнему, на мѣстѣ; какъ могло случиться, что уволенный во второй разъ онъ опять остался на мѣстѣ? Очевидно, что г. Гацкій зналъ очень хорошо болото, въ которомъ хозяйничалъ. И еще бы ему его не знать, когда онъ въ немъ выросъ! Онъ зналъ не только болото, но и всѣхъ лягушекъ этого болота и на какую приманку какая изъ нихъ шла. Онъ велъ игру большую, захватывалъ широкій кругъ, но обращался всегда къ самымъ сквернымъ человѣческимъ инстинктамъ, потому что хорошо зналъ, какую школу жизни прошли тѣ, кого онъ доилъ. Съ одними онъ дѣйствовалъ на чувство страха, потому что они выросли въ молчаніи и повиновеніи; съ другими дѣлился потому, что ихъ можно купить; третьихъ онъ убѣждалъ небылицами и тѣ вѣрили и молчали, не усматривая въ этихъ небылицахъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго. Когда священникъ Бутовскій замѣтилъ скромно и со вздохомъ:

— Пренія времена, какъ видно, нисколько не измѣнились...

— Да, батюшка,—отвѣтилъ г. Гацкій съ видомъ голубицы и опустивъ глаза,—безъ благодарности обойтись никакъ нельзя...

И всѣ вѣрили г. Гацкому. Да и отчего было ему не вѣрить? Развѣ дума не дала ему «извѣрительнаго отношенія» для хожденія по дѣламъ; развѣ онъ не гласный думы и не повѣренный ея, вродѣ тѣхъ адвокатовъ и юрисконсультовъ, которыхъ имѣютъ многія частныя и казенныя

учреждения? И вотъ дѣло запутывается: къ незаконію примѣшивается законіе и ужь самъ г. Гацкій считаетъ себя настолько правымъ и чистымъ юридически, что прямо отрицаетъ возможность обвиненія его, какъ секретаря думы, и ссылается на указъ сената 29 октября 1880 г. и 13 января 1881 года. Нужно думать, что г. Гацкій достаточно искусился въ юридическихъ основаніяхъ и знаетъ хорошо извѣстныя юридическія формы, за которыми можно сидѣть безопасно, какъ за каменною стѣной. И если бы эти легальныя формы не охраняли г. Гацкаго, то какъ бы онъ могъ остаться два раза на мѣстѣ послѣ того, что его уволили и когда его не желаетъ населеніе цѣлаго города? Одного личнаго мужества для этого еще мало. А что у г. Гацкаго было «основаніе», можно видѣть еще и изъ того, что даже городской голова, когда его просили защитить честь города, ничѣмъ ее не защитилъ и жители должны были обратиться къ высшей административной власти края.

Чѣмъ же и кѣмъ держался г. Гацкій? Ужь, конечно, не высшею администраціей и не населеніемъ Звенигородки. И наверху, и внизу ему не было поддержки и въ городѣ онъ не пользовался популярностью. Говорятъ, что если кто навлекалъ на себя немилость г. Гацкаго, «тотъ преслѣдовался самымъ немилосерднымъ образомъ и только униженныя просьбы, соединенныя нерѣдко съ ползаніемъ у ногъ Гацкаго, смягчали его гнѣвъ и освобождали несчастнаго отъ дальнѣйшихъ непріятностей». Такой человѣкъ долженъ былъ вооружать противъ себя и онъ, все-таки, держался, и держался «болѣе четверти вѣка» потому, что его поддерживала «середина». Эта середина была и въ Звенигородѣ, и въ Кіевѣ, и въ другихъ, конечно, мѣстахъ, гдѣ она была нужна г. Гацкому. Середина эта и не въ одной Звенигородкѣ изображаетъ собою хранительницу старыхъ обычаевъ и старыхъ порядковъ, противъ которыхъ ни суды, ни положенія, ни уложенія, ни мѣропріятія ничего не въ состояніи подѣлать, если рядомъ съ ними не возникаетъ сила общественная и настолько независимая, чтобы она могла нести прямо свою голову и смѣло расчищать болотныя міазмы нашей болотной атмосферы. Г. Гацкій зналъ, конечно, хорошо, что смѣлыхъ голосовъ онъ противъ себя не встрѣтитъ или, до крайней мѣрѣ, встрѣтитъ ихъ очень немного, что большинство той середины, отъ которой онъ зависѣть будетъ, или на его сторонѣ, или скромно опуститъ глаза и будетъ молчать, придерживаясь съ мудрою осторожностью русскаго общественнаго принципа: «моя хата съ краю». Въ городской жизни все должно бы быть общественнымъ; каждый камушекъ на улицѣ, казалось бы, долженъ быть общественнымъ добромъ, а, между тѣмъ, наша жизнь сложилась такъ, что у насъ все стало для насъ постороннимъ, и не только городское благоустройство, но даже гимназіи и школы, въ которыхъ учатся наши дѣти, и городскія учрежденія, завѣдывающія нашими дѣлами, для насъ совсѣмъ что-то чужое. И вотъ бывшатели считаютъ себя чуждыми городскихъ учреждений, а городскіи

учреждения считают себя чуждыми обывателей и, въ концѣ-концовъ (если воздухъ уже очень согрется), получается болото или «середина», на которой и распускаются такіе цвѣты, какъ г. Гацкій.

Было время, когда и столичная, и провинціальная печать имѣла повышенный тонъ потому, что у нея было повышенное общественное чувство. Теперь камертонъ совсѣмъ упалъ и наши газетные публицисты притупили свои перья, развели чернила водой. Теперешній читатель, заваливаемый массою фактовъ, опускаетъ безпомощно руки и совершенно бесплодно устремляетъ вопросительный взглядъ на нашу безмолвную печать, ожидая отъ нея какого-нибудь разъясненія. Но печать, разучившаяся обобщеніямъ, молчитъ.

Мнѣ думается, что на публику клеветаютъ, что ей нужны больше всего фельетоны и легкое чтеніе. Если такое чтеніе нужно для одной части публики, едва начавшей читать и составляющей приготовительный классъ читателей, то есть еще и другая публика, объ умственныхъ интересахъ которой обязательно всего думать печати, если она понимаетъ, что она есть органъ общественнаго мнѣнія и должна служить этому мнѣнію. И объ этой-то именно части публики у насъ и думаютъ меньше всего, точно печать существуетъ только для приготовительнаго класса. Отъ этого страннаго положенія, созданнаго себѣ печатью, получается совсѣмъ фальшивая общая картина состоянія нашего общества. Посторонній наблюдатель, пожелавшій составить себѣ мнѣніе объ обществѣ по печати, не можетъ не придти къ заключенію, что наше общество ни о чемъ не думаетъ, и, въ то же время, онъ не можетъ не позавидовать снокойному и безмятежному состоянію нашей жизни, настолько уже осѣвшей, установившейся и пришедшей въ стройный порядокъ, что намъ нечего больше желать, не къ чему стремиться и довольно одного созерцательнаго отношенія къ повседневнымъ фактамъ, стройно совершающимъ свое теченіе на общее благополучіе и счастье.

Н. Шелгуновъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Іюнь

1886 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Философія. — Публицистика. — Исторія. — Политическая экономія. — Языковеденіе. — Естествознаніе. — Медицина. — Сельское хозяйство. — Педагогика, учебники и дѣтскія книги. — Книги для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май. — «Русскій Вѣстникъ», мартъ, апрѣль и май. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сочиненія графа Л. Н. Толстаго.

Сочиненія графа Л. Н. Толстаго. Часть двѣнадцатая. Произведенія послѣднихъ годовъ. Москва, 1886 г. Этого только что изданный томъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ нашли мѣсто обращенія всѣхъ родовъ творчества графа Л. Н. Толстаго: писанные имъ для „народа“ рассказы и сказки, составленные имъ тексты къ „глубочнымъ картинамъ“, публицистическая статья *О переписи въ Москвѣ*, публицистическо-философскія — *Мысли, вызванныя переписью* и *Въ чемъ счастье*, повѣсть *Смерть Ивана Ильича*, пересказы *Народныхъ легендъ* и, наконецъ, педагогическая статья, написанная дѣтъ 12 назадъ, но случайно не вошедшая въ четвертый томъ сочиненій графа Толстаго, куда она, по содержанію, относится. „Рассказы для народа“, каковы *Чѣмъ люди живы*, *Упустили огонь — не потушили*, *Свѣчка* и др. разошлись мелкими брошюрами, изданными фирмою „Посредникъ“ и книгопродавцемъ И. Д. Сытинымъ, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и вызвали восторженные отзывы однихъ и ожесточенные нападки другихъ. Той же участи подверглись *Тексты къ глубочнымъ картинамъ*, сказки и *Народныя легенды*. Во всѣхъ этихъ мелкихъ по размѣрамъ, но глубокихъ по мысли, произведеніяхъ гр. Толстой является противникомъ „формы“ и „формализма“ въ добродѣтели и поборникомъ „духа“, несогласникомъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ въ другомъ мѣствѣ называетъ „мірскимъ ученіемъ“ (*ученіемъ міра*), и проповѣдникомъ тѣхъ идей, которыя онъ считаетъ положенными въ основу божественнаго христіанскаго ученія. А потому всѣ эти произведенія имѣютъ, такъ сказать, учительный характеръ „легендъ“ и „притчъ“, призывающихъ людей къ смиренію и любви, къ сердечной простотѣ, къ правдѣ „въ духѣ“, къ „непротивленію злу“, къ презрѣнію „мірскихъ благъ“ — богатства, денегъ и всякой личной собственности, къ жертвѣ на пользу ближняго, болѣе угодной Богу, чѣмъ „жертва“ непосредственно Богу

въ общепринятомъ смыслѣ, въ частности въ видѣ расходования денегъ на благотворительныя учрежденія или на путешествія къ святымъ мѣстамъ для личнаго спасенія души. Въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ *Три старца*, авторъ проводитъ ту мысль, что спасаютъ не слова молитвы, что даже и словъ, собственно, никакихъ не нужно, а нужны лишь вѣра и чистота душевная, и въ этомъ, т.-е. въ дѣлѣ вѣры и въ исканіи пути, какъ угодить Богу, никакой авторитетъ не можетъ дать правильныхъ указаній. Многое, очень многое изъ этого „ученія“ графа Толстаго представляется чрезвычайно привлекательнымъ и даже увлекательнымъ; но увлеченіе расхолаживается тѣмъ, что графъ Толстой, вслѣдъ за отрицаніемъ извѣстнаго „авторитета“, преподааетъ свое собственное поученіе, „какъ угодить Богу“, иначе говоря, на мѣсто отрицаемаго авторитета ставитъ свой личный авторитетъ, какъ, напримѣръ, въ заключительныхъ словахъ „притчи“ *Два брата и золото*, гдѣ онъ учитъ, „что не золотомъ, а только трудомъ можно служить Богу и людямъ“. Такое утвержденіе гр. Толстаго мы считаемъ совершенно недоказаннымъ и необудительнымъ, хотя и очень удобнымъ для тѣхъ, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ золото, богатство. Столько же недоказаннымъ мы находимъ ученіе гр. Толстаго о спасительности „непротивленія злу“ и думаемъ, что съ зломъ необходимо бороться, необходимо оказывать ему „противленіе“, главнымъ образомъ, конечно, по примѣру, преподаванному самимъ „учителемъ“, гр. Л. Н. Толстымъ, книга котораго, лежащая передъ нами, есть выдающійся актъ „противленія злу“. Л. Н. Толстой съ особенною силой нападаетъ на источникъ „зла“—на ложь, опутавшую всѣ человѣческія отношенія и исказившую все въ мірѣ до такой степени, что самому борцу противъ лжи не всегда удается вырваться изъ ея путъ. Ниже мы укажемъ противорѣчія, въ которыя впадаетъ гр. Толстой, проповѣдуя „непротивленіе злу“ и, въ то же время, оказывая ему „противленіе“ и призывая къ тому же другихъ. Въ концѣ-концовъ, вопросъ сводится къ тому, какія средства наиболѣе дѣйствительны въ борьбѣ со „зломъ“, поднимается старый, многовѣковой вопросъ о цѣлесообразности и дозвоительности *насилія*,—вопросъ, давно рѣшенный сторонниками „зла“ въ положительномъ смыслѣ. Сторонники „добра“ отрицаютъ позволительность насилія, но далеко не единогласно; такъ, одни высказываются лишь противъ крайнихъ видовъ физическаго насилія, допуская лишь нѣкоторые его виды; другіе не допускаютъ физическаго насилія ни въ какой формѣ и находятъ, однако же, дозвоительнымъ насиліе нравственное; третьи считаютъ возможнымъ ограничиваться пассивнымъ „сопротивленіемъ злу“, и, наконецъ, является крайняя теорія „непротивленія“, не поддающаяся никакому примѣненію къ практикѣ. Самъ проповѣдникъ этой теоріи, графъ Толстой, какъ уже мы сказали, оказываетъ активное „противленіе злу“, обличая „зло“ и „злыхъ“, и не только обличая, но и грозя имъ разными бѣдами, если они не откажутся отъ „ученія міра“, и обѣщая всякія блага тѣмъ, кто откажется отъ этого ученія и послѣдуетъ „ученію“ графа Толстаго. Такимъ образомъ, гр. Толстой зоветъ къ добру „съ пристрастіемъ“ и съ приманками, т.-е. пуская въ дѣло нѣкоторое нравственное насиліе. Разъ допускается какое бы то ни было и въ какомъ бы ни было видѣ „противленіе“ и въ подкрѣпленіе ему допускается какое-либо „насиліе“, хотя бы самое легкое, то мы уже въ правѣ считать самый принципъ нарушеннымъ и нарушившаго его вступившимъ на очень скользкій путь, по которому

неминуемо придется скатиться и очутиться далеко отъ первоначальнаго принципа. Это мы и видимъ въ разсказѣ гр. Толстаго *Два брата и золото*, гдѣ пускается въ ходъ уже наказаніе, т.-е. прямое физическое насиліе, совершаемое ангеломъ, посланникомъ Бога. Для незнакомыхъ съ этимъ разсказомъ мы передадимъ вкратцѣ его содержаніе. Жили два добродѣтельныхъ брата. Разъ на дорогѣ они нашли много золота. Одинъ братъ тотчасъ же убѣжалъ; другой взялъ золото, употребилъ его все безъ остатка на пользу нищихъ и страждущихъ и такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ прежде, возвращался къ убѣжавшему брату. На пути сталъ ангелъ и сказалъ: „Иди отсюда. Ты недостойнъ жить съ братомъ“. Тотъ покаялся и былъ пропущенъ. Ну, а если бы онъ не покаялся, а сказалъ бы ангелу, что деньгами распорядился какъ должно, вины за собой не признаетъ и желаетъ продолжать путь? Что бы тогда? Или ангелъ долженъ показать примѣръ „непротивленія“ и пропустить идущаго, или ангелъ долженъ отъ слова перейти къ дѣйствіямъ и употребить физическое насиліе. Положимъ, то ангелъ, Божій посланникъ; но что дозволительно ангелу, то не можетъ быть воспринято и человѣку, въ душѣ своей убѣжденному, что онъ творитъ волю Бога. Мы считаемъ излишнимъ дѣлать дальнѣйшіе выводы, настолько ясными они намъ представляются.

Въ бѣльшей части разсказовъ для „народа“ играютъ выдающуюся роль черти, чертенята и дьяволы. Мы думаемъ, что безъ нихъ было бы возможно обойтись и слѣдовало бы обходиться безъ нихъ. Въ только что приведенномъ разсказѣ, напечатанномъ подъ лубочною картиною, дьяволъ положилъ на дорогѣ золото, которое пошло на богоугодныя дѣла и на пользу нищимъ, старымъ и больнымъ. Слѣдовательно, можно лишь желать, чтобы дьяволъ почаше и побольше вкладывалъ на дорогѣ денегъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ *Сказкѣ объ Иванѣ дуракѣ и его двухъ братьяхъ*, все дѣлается чертенятами и старымъ дьяволомъ, которыхъ посрамляетъ „дуракъ Иванъ“, тогда какъ его умные братья попадаютъ въ сѣти дьявола и терпятъ разныя несчастія. Правоченіе этой сказки заключается въ томъ, что физическій трудъ земледѣльца много превосходитъ торговли, промысловъ и даже научныхъ занятій, совершенно ненужныхъ, вредныхъ и изобрѣтенныхъ дьяволомъ на погибель людскую. Деньги и богатство представляются во всѣхъ разсказахъ изобрѣтеніемъ и орудіемъ дьявола; побѣда же всегда остается за тѣми, кто презираетъ богатство и знанія. Въ вышеуказанной сказкѣ торжествуетъ еще и принципъ „непротивленія злу“ при такихъ обстоятельствахъ: дьяволъ навелъ злога царя съ войскомъ завоевывать царство трудолюбивыхъ и мирныхъ „дураковъ“. Пришло войско, никто не сопротивляется, всѣ отдають солдатамъ свое добро съ удовольствіемъ, „жить къ себѣ зовутъ“; стали солдаты жечь и убивать, „дураки плачутъ“, говорятъ: „Зачѣмъ вы добро губите, лучше себѣ возьмите“... „Гнусно стало солдатамъ. Не пошли дальше и все войско разбѣжалось. Такъ и ушелъ старый дьяволъ, не пронявъ Ивана (дурака) солдатами“. Въ сказкѣ, конечно, все можно „сказывать“, что на умъ взбредеть, и никто сказочнику не указчикъ; только если къ намъ, „дуракамъ“, придетъ войною нѣмецъ или китаецъ, мы, все-таки, не послѣдуемъ „благому“ примѣру „дураковъ“ графа Толстаго, такъ какъ навѣрное знаемъ и гр. Толстой знаетъ, что ни нѣмецкимъ, ни китайскимъ и никакимъ настоящимъ солдатамъ не станетъ „гнусно“ и они отъ нашего „непротивленія“ не разбѣгутся. Стало быть, не-

чего и толковать о пустякахъ. Всѣ эти сказки, притчи, легенды и рассказы служатъ какъ бы иллюстраціями къ болѣе капитальнымъ произведеніямъ Л. Н. Толстаго: *Статья о переписи въ Москвѣ, Мысли, вызванная переписью*, и *Въ чемъ счастье*.

Въ этихъ статьяхъ еще разъ ставятся два мучительныхъ вопроса: „Кто виноватъ?“ и „Что дѣлать?“ Ставятъ ихъ и пытается разрѣшить, несомнѣнно, талантливѣйшій изъ современныхъ писателей, величайшій изъ теперешнихъ беллетристовъ; но вопросы эти еще разъ остаются неразрѣшенными, и опять не знаемъ, *кто виноватъ* въ томъ, что люди несчастны, *что дѣлать* для того, чтобы они были менѣе несчастны, — у насъ рука не поднимается написать: „чтобы они были счастливы“. По прочтеніи статьи *Въ чемъ счастье*, мы, все-таки, не знаемъ, въ чемъ же счастье? Всѣ эти статьи написаны съ необыкновенною силой таланта... беллетристическаго, съ удивительною чуткостью къ образамъ, къ мельчайшимъ штрихамъ, составляющимъ самобытность этихъ образовъ и отличие ихъ отъ имъ подобныхъ. Въ этихъ описаніяхъ нужды и несчастія мы чувствуемъ и сознаемъ, что авторъ наноситъ свои удары въ надлежащее мѣсто; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ и понимаемъ, что удары эти скользятъ и попадаютъ куда-то мимо, подобно тому, какъ вѣрно нанесенный ударъ въ несокрушимую броню, давши звукъ, скользитъ по бронѣ, ничуть не рѣшая битвы. Отчего это происходитъ,—отъ крѣпкости брони, или отъ слабости удара? Въ *Статью о переписи* гр. Толстой говоритъ, что для помощи нищетѣ не нужны деньги, хотя бы ихъ собрался „не одинъ миллиардъ“. „Ну, и что же бы было?—пишетъ онъ на стр. 172,—Ничего. Еще бы больше грѣха, если бы вздумали раздавать эти деньги бѣднымъ. Денегъ не нужно“. Шестью строками ниже: „Студентъ пишетъ въ ночлежномъ домѣ на нарахъ у больнаго: Чѣмъ болѣе?—Воспой.—И студентъ не морщится“... А намъ думается: ахъ, напрасно Левъ Николаевичъ презираетъ деньги; на нихъ бы можно больницу выстроить и больной не лежалъ бы съ „воспой“ въ ночлежномъ домѣ, не разводилъ бы заразы. Гр. Толстой рекомендуетъ всѣмъ, желающимъ дѣлать добро ближнимъ, „работать для нуждающихся“, „помогать имъ“, не расходуя денегъ: „Добро не есть даваніе денегъ, — говоритъ онъ,—оно есть любовное отношеніе людей“. Это трогательно, но любовью я не вылечу оспеннаго, не спасу отъ заразы ночлежниковъ, не накормлю голоднаго, не прикрою раздѣтаго и т. д. Какъ же „работать“ для помощи нуждающимся? *Что же дѣлать?*

Этотъ вопросъ, если мы не ошибаемся, былъ поставленъ въ заголовкѣ статьи, теперь озаглавленной *Мысли, вызванная переписью*. Послѣ переписи гр. Толстой, близко познакомившись съ нуждою московской бѣдноты, остается, попрежнему, противникомъ помощи деньгами и уже не потому только, что деньгами нельзя дѣлать добро, но и потому, что помогать деньгами *некому*. Л. Н. Толстой очень усердно разыскивалъ, кому бы раздать 37 руб.; онъ спрашивалъ, совѣтовался, ходилъ въ „Ржановъ домъ“, всѣ старанія приложилъ найти „настоящаго ницаго“ и не нашель, и разсозвалъ „кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ“ пожертвованные 37 руб. въ трактирѣ (стр. 230—232). На предшествующей страницѣ, 229, гр. Толстой какъ бы съ укоромъ вспоминаетъ объ обѣщаніи ему денегъ „благотворителями“. Никто не далъ ему „для раздачи бѣднымъ ни одного рубля“, хотя, по обѣщаніямъ, гр. Толстой могъ рассчитывать тысячи на три рублей.

Любопытно бы знать, что же сталъ бы дѣлать гр. Толстой съ 3,000 руб., когда онъ не нашелъ надлежащаго употребленія тридцати рублямъ? Какъ бы то ни было, гр. Толстой тутъ удостовѣряетъ, что настоящей нужды, голодной, холодной, требующей немедленной помощи, онъ нигдѣ не видалъ и при тщательномъ розыскѣ не могъ найти. Мы отнюдь не можемъ заподозрить правдивости гр. Толстаго или, по меньшей мѣрѣ, его искренности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы затрудняемся, мы просто не можемъ и повѣрить тому, будто въ Москвѣ или даже въ части ея, обследованной гр. Толстымъ, нѣтъ такихъ нуждающихся, которымъ необходима помощь деньгами и ни на что не нужно наше „любвное отношеніе“. безъ вещественныхъ знаковъ состраданія. Въ одномъ мѣстѣ гр. Толстой дѣлаетъ нѣкоторое указаніе на то, какъ бы слѣдовало помогать „нищимъ“, — именно, онъ приводитъ мнѣніе „замѣчательнаго человѣка“, Сютаева, что неимущихъ слѣдуетъ „разобрать по себѣ“ имущимъ и слать ихъ, такъ сказать, съ своею семьей, сосюжить съ своею жизнью. Мысль очень оригинальная, только едва ли практически осуществимая по многимъ причинамъ и, прежде всего, по той, на которую указываетъ самъ авторъ черезъ одну страницу. Положимъ, — говоритъ онъ, — я одѣлъ, оправилъ, „поставилъ на ноги такъ, что онъ можетъ жить безъ чужой помощи“, а онъ, по несчастью, слабости или порочности, окажется опять раздѣтымъ и голоднымъ, — что же тогда? Опять продѣлывать то же и еще разъ, и такъ безъ конца. Но это еще на лучшей конецъ, замѣтимъ мы; а то, вѣдь, можетъ случиться, что отъ сожителей, по совѣту Сютаева, и самому, и своей семьѣ житья не станетъ: сожители превратятся въ приживальщиковъ, по „слабости“ или „порочности“, заведутъ въ домъ такое безобразіе, что либо ихъ придется выгнать вонъ и обратиться къ околоточному съ просьбою о защитѣ отъ „несчастныхъ“ (что пишущій эти строки испыталъ на себѣ не одинъ разъ) или придется бѣжать отъ нихъ изъ своего дома куда глаза глядятъ. Мы, по личному опыту, признаемъ совѣтъ Сютаева никуда негоднымъ и думаемъ, что самъ Л. Н. Толстой не придаетъ ему никакого серьезнаго значенія, иначе онъ бы ему послѣдовалъ. Мы думаемъ, что не особенно крѣпко убѣжденъ гр. Толстой и въ бесполезности, или даже вредности, денежной помощи, такъ какъ на стр. 270 онъ говоритъ, что бѣлье можно и должно, пожалуй, мѣнять не ежедневно, а разъ въ недѣлю, дѣлать себѣ самому папирсы или вовсе не курить; „и то, что я давалъ за мытье и дѣланье папирсы, я могу отдать той прачкѣ, или даже со всѣмъ другимъ прачкамъ и работницамъ, которые устали отъ работы и которые, вмѣсто того, чтобы черезъ силу работать, будутъ въ состояніи отдохнуть и напиться чаю“. И такъ, деньги хотя сами по себѣ зло, хотя „денегъ не нужно“, какъ мы читали выше, однако же, безъ нихъ нельзя прачкѣ или работнику имѣть отдыхъ и, ради возможности дать *денегъ* нуждающимся въ отдыхѣ, самъ Л. Н. Толстой рекомендуетъ отучиться отъ чистаго бѣлья и отъ куренія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, признаетъ, что, все-таки, есть же люди, которымъ деньги пойдутъ на пользу и которымъ каждый изъ насъ *могъ бы* ихъ дать.

Мы не можемъ въ библиографическомъ отчетѣ слѣдить за развитіемъ мысли автора о томъ, что „нужно для народа“ и что для него не нужно, какъ „должно служить“ народу и какъ „техники, врачи, учителя, художники, сочинители при теперешнемъ направленіи ничего, кромѣ вреда, не могутъ принести народу“. Тутъ авторомъ возбуж-

дается или повторяется цѣлый рядъ, множество спорныхъ вопросовъ о пользѣ современной науки, о пригодности искусствъ, литературы для „народа“, т.-е. для темной, некультурной массы, которой, конечно, печной горшокъ неизмѣримо дороже Венеры Милосской, теплыя олучи цѣннѣе Пареевона, всѣхъ симфоній Бетховена и полнаго собранія сочиненій графа Д. Н. Толстаго. Объ этомъ и спора быть не можетъ, такъ какъ такой-то именно „народъ“ отбилъ руки и ноги у Венеры Милосской, растащивъ храмы на постройку хлѣбовъ для скотини, а симфоніи и книги гениальныхъ людей рветъ на „дыгарки“. Но графъ Толстой не находитъ въ томъ бѣды и на вопросъ: кто виноватъ?—отвѣчаетъ, что виновата *возможная* цивилизація, которая производитъ не то, что нужно „народу“ для его счастья, которая выдумала „раздѣленіе труда“—источникъ большинства золъ, которая манитъ людей въ ненавистные города, отрывая ихъ отъ природы и „настоящаго“, здороваго труда, и т. д. Виновато еще неравномѣрное распредѣленіе богатства, неравное распредѣленіе и самаго труда. Гр. Толстой съ негодованіемъ говоритъ о „дипломированной“ наукѣ, служители которой присвоили себѣ исключительную привилегію „умственнаго труда“, взваливши весь физическій трудъ на шею другихъ людей. Авторъ съ презрѣніемъ отзывается о кабинетныхъ ученыхъ, возящихся съ микроскопомъ надъ „козавкамъ“ и „клеточками“, или „разсматривающихъ пятна на солнцѣ“ и пользующихся за это плодами трудовъ народа, для котораго всѣ ихъ сочиненія „остаются трухомъ и совершенно не нужны“.

Мы не критику пишемъ, а даемъ библиографическій отчетъ, и потому ничего не возражаемъ на положеніе гр. Толстаго, ограничиваясь мѣстами указаніемъ на противорѣчія, замѣчаемыя нами между отдѣльными положеніями автора. Въ только что приведенныхъ нами нападкахъ на цивилизацію, „ненужную“ науку и „безполезное“ для народа искусство можно бы найти тоже немало противорѣчій; но это отчасти уже сдѣлано въ статьѣ г. Z, напечатанной въ *Вѣст. Европы* (см. нашъ отзывъ въ V кн. *Русск. Мысли*, стр. 355, 361, Библиот. отд.), и заняло бы теперь больше мѣста, чѣмъ какимъ мы располагаемъ. На вопросы „что дѣлать?“ и „въ чемъ счастье?“ графъ Толстой даетъ довольно опредѣленный отвѣтъ: быть правдивымъ и работать; счастье въ спокойной совѣсти, въ здоровомъ трудѣ, въ равновѣсіи труда физическаго и умственнаго. Все это неоспоримо вѣрно въ теоріи, но весьма трудно осуществимо на практикѣ, да и то лишь для небольшого числа людей, которыхъ гр. Толстой называетъ *людьми нашего круга, нашей касты*, т.-е. для людей богатыхъ. Для огромной же массы, не имѣющей счастья принадлежать къ *кругу и кастѣ* гр. Толстаго, его рецептъ *счастья* долженъ оказаться столько же полезнымъ, сколько оказался бы для сапожника или водовоза совѣтъ доктора поѣхать гнѣчиться виноградомъ въ Крымъ или вѣдами на Кавказѣ. Гр. Толстой говоритъ: „для человѣка, полагающаго смыслъ своей жизни въ трудѣ, а не въ результатахъ его, для приобрѣтенія собственности не можетъ быть и вопроса объ орудіяхъ труда... Человѣкъ этотъ получить то же самое удовлетвореніе работы и отдыха, работая и самымъ непроизводительнымъ орудіемъ. Если будетъ паровой плугъ, онъ будетъ пахать имъ, если не будетъ его, онъ будетъ пахать коннымъ, не будетъ его—сохой, не будетъ сохи, онъ будетъ копать скребкой, и во всѣхъ условіяхъ одинаково будетъ достигать своей цѣли, проводить свод

жизнь въ полезномъ людямъ трудѣ, и потому будетъ получать полное удовлетвореніе“... „По внѣшнимъ условіямъ такой человѣкъ никогда не будетъ въ нуждѣ, потому что люди, вида его желаніе работать, обезпечатъ его матеріальное существованіе, чего они не дѣлаютъ для людей, стремящихся къ собственности“ (стр. 358). Выше, на стр. 269 и 270, авторъ не то говорилъ о женщинахъ, задыхающихся при набиваніи папирозъ, и о прачкахъ. У этихъ ли женщинъ не было желанія трудиться ради хлѣба насущнаго, и, однако, никто не думаетъ „обезпечивать ихъ матеріальное существованіе“; и уже, конечно, не найдется охотниковъ обезпечивать существованіе людей толстовскаго круга, когда тѣ вздумаютъ на *пользу людямъ* баловаться на пашнѣ скребками. Такихъ „баловниковъ“ трудомъ настоящіе работники попросятъ уйти прочь и не мѣшать добрымъ людямъ работать тяжелую и дѣйствительно полезную работу. Всѣ такія рѣчи о „прелестяхъ“ труда ничто иное, какъ „беллетристика“ для людей *той круга*, который умираетъ отъ бездѣлья, а не серьезная проповѣдь настоящаго труда. Имѣя 6,000 дес. земли и 600 тысячъ рублей капитала, какъ гр. Толстой, по собственнымъ его признаніямъ, можно баловаться и шиломъ за сапожною работою, и скребкомъ за воздѣлываніемъ полей, можно не интересоваться „вопросомъ объ орудіяхъ труда, можно раздѣлять свой день“ на четыре упряжки—такъ, „чтобы одна часть дня, первая упряжка, была посвящена тяжелому труду“... скребкомъ для моціона; „другая—умственному“,—писанью о вредѣ денегъ, имѣя пятьдесятъ тысячъ годоваго дохода; „третья—ремесленному“,—баловству шиломъ въ компаніи съ сапожникомъ, „и четвертая—общенію съ людьми“, т. е. устной проповѣди о воздержаніи передъужиномъ и о спасительности для души и тѣла соединенія пріятнаго съ полезнымъ. Очень хорошо! Превосходно! Только мнѣ некогда ни скребкомъ баловаться, ни играть въ водовозы и въ сапожники, у меня нѣтъ десятины, нѣтъ и капиталовъ, а есть семья въ восемь душъ, которую кормить надо и обучить надо; некогда и моему куму, конторщику,—онъ самъ четверть, ему, вѣдь, платятъ не по рублю за строчку, какъ платятъ графу Л. Н. Толстому; некогда и моему сосѣду чиновнику,—жена больна и трое дѣтей, и знакомому переплетчику... всѣмъ рабочимъ людямъ некогда и не до того имъ, чтобы дѣлать дни „на четыре упряжки“, по числу „кормежекъ“, изготовляемыхъ поварами и подаваемыхъ лакеями во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. И ни меня, ни конторщика, ни чиновника, ни переплетчика, ни водовоза, ни прачку, стирающую на мою семью, никого изъ насъ, рабочихъ, не мучаетъ совѣсть отъ того, что каждый дѣлаетъ *свое* дѣло, не играя *съ чужую* работу; и не мучаетъ совѣсть не потому, чтобы ея не было, а просто вслѣдствіе сознанія, что каждый изъ насъ, по мѣрѣ силъ и разумнія, честно и безобманно дѣлаетъ *свое* дѣло на пользу семьи и общества: Каждый знаетъ, что онъ и его семья ѣдятъ *свое*, одѣты въ *свое*, доставляютъ себѣ (очень рѣдко, правда) развлеченіе на *свои* трудовыя деньги. Мы носимъ и ѣдимъ издѣліе чужихъ рукъ, но твердо знаемъ, что сапоги на нашихъ ногахъ суть ничто иное, какъ часть насъ самихъ—нашего пота, крови и мозга, и рубашка тоже, и обѣдъ, и чай, и папироза, которой мы балуемся, читая въ минуты отдыха, читая беллетристическія произведенія гр. Толстаго о пагубности „раздѣленія труда“ и о прелести все для себя дѣлать своими руками „въ четыре упряжки“. Счастливы ли мы? Конечно, нѣтъ: „нужда не тетка, по головѣй не

гладить"; конечно, счастливіѣ тѣ, у кого есть и десятины въ достаточномъ количествѣ, и капиталы въ банкѣ, дающіе возможность до завтрака воздѣлывать землю, отъ завтрака до обѣда читать, что правится, и писать, что вздумается, отъ обѣда до чая плести лапти или дѣлать „фриволитеты“ и затѣмъ до ужина бесѣдовать съ пріятелями о вредѣ роскоши и ненадобности богатства; конечно, такіе господа счастливіѣ насъ, если только они дѣйствительно сами вѣрять въ то, что ихъ слова сходятся съ дѣлами и что ихъ дѣла суть настоящія дѣла, полезныя ближнимъ, а не разыгрыванье въ лицахъ беллетристическихъ произведеній барствующей фантазіи. Какъ трудно богатому войти въ царствіе Божіе (послѣдній эпиграфъ къ статьѣ *Мысли, вызванныя переписью*), такъ же трудно богатому подавать совѣты бѣдняку-рабочему, поучать его, какъ жить и въ чемъ искать счастья. Для этого надо самому быть работникомъ, надо самому содержать себя и семью своими трудами и по личному опыту говорить, что можно и что должно дѣлать, чтобы быть счастливымъ. Нельзя играть въ „рабочаго“, въ „бѣдняка“. Въ *Евангелии* сказано,—графъ Толстой любитъ указывать на ученіе Христа,—въ *Евангелии* сказано: если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое, раздай нищимъ и иди за мной. Но нигдѣ въ писаніи не сказано: отдавай земли внаймы и положи капиталы въ банкъ, или передай тѣ и другіе своей супругѣ и поучай о суетности и вредѣ богатства. Такимъ поученіямъ никто не вѣрять, какъ бы талантливо и даже гениально они ни излагались. Всякій въ правѣ возразить проповѣднику: „врачу, испѣльси самъ“... „учитель, покажи намъ примѣръ, докажи намъ на дѣлѣ истину твоего ученія, какъ дѣлали это Христосъ и его апостолы“... А до тѣхъ поръ всѣ наставленія,—что намъ дѣлать и какъ найти счастье,—будутъ для насъ только беллетристическими произведеніями, въ которыхъ выразилось настроеніе автора подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ, воспринятѣмъ художественно-чуткою душой.

Въ отдѣльной главѣ статьи *Мысли, вызванныя переписью*, гр. Толстой обращается исключительно къ женщинамъ. „Какъ сказано въ *Библии*,—говоритъ авторъ,—мужчинѣ и женщинѣ данъ законъ: мужчинѣ законъ труда, женщинѣ законъ рожденія дѣтей. Хотя мы по нашей науцѣ и nous avons changé touté ça, но законъ мужчины, какъ и женщины, остается неизмѣннымъ, какъ печень на своемъ мѣстѣ, и отступленіе отъ него казнится все также неизбѣжно смертью“. Въ страшную ошибку впадаютъ тѣ женщины, которыя отступаютъ отъ этого закона. „Изъ этой ошибки,—продолжаетъ гр. Л. Н. Толстой,—вытекаетъ и та удивительная глупость, которая называется правами женщинъ“... „Такъ называемый женскій вопросъ возникъ и могъ возникнуть только среди мужчинъ, отступившихъ отъ закона настоящаго труда. Стоить вернуться къ нему, и вопроса этого быть не можетъ“... „Не тѣ женщины, которыя заняты своими таліями, турнирами, прическами и плѣнительностью для мужчинъ... и не тѣ тоже, которыя ходятъ на разные курсы... и тоже стараются избавиться отъ рожденія дѣтей съ тѣмъ, чтобы не препятствовать своему одуренію, которое онѣ называютъ развитіемъ, а тѣ женщины и матери, которыя, имѣя возможность избавиться отъ рожденія дѣтей, прямо, сознательно подчиняются этому вѣчному, неизмѣнному закону“... эти женщины держатъ въ своихъ рукахъ „спасеніе людей нашего міра отъ удручающихъ ихъ бѣдствій“. Пламенною рѣчью гр. Толстой призываетъ женщинъ

къ исполненію вышеуказаннаго закона, т.-е. къ рожденію дѣтей, ихъ кормленію и воспитанію; съ большою убѣдительностью говоритъ онъ о высокому призванію женщины - матери, призванной спасти міръ. Къ сожалѣнію, во всей главѣ нѣтъ ни одного слова о женщинахъ, лишенныхъ счастья быть матерями, о бездѣтныхъ вдовахъ, о дѣвушкахъ, не имѣющихъ возможности исполнить „законъ“. Во всемъ обращеніи къ *женщинамъ* гр. Толстой опять-таки имѣетъ въ виду дамъ „своего“ круга, въ которомъ женщины заняты „плѣнительностью для мужчинъ“; недаромъ онъ убѣждаетъ дамъ родить и кормить дѣтей и заниматься ихъ воспитаніемъ. Въ нашемъ рабочемъ кругу рѣчи быть не можетъ объ этомъ, такъ какъ мы не имѣемъ средствъ на наемъ кормилицъ, нянекъ и гувернантокъ и въ большинствѣ случаевъ дѣлать, какъ можемъ, съ нашими женами заботы по уходу за дѣтьми и по ихъ воспитанію. Что же касается „правъ женщинъ“, почитаемыхъ гр. Толстымъ „удивительною глупостью“, „женскаго вопроса“, почитаемаго праздною выдумкой, и „разныхъ курсовъ“, признаваемыхъ вредною затѣей, ведущей къ одуренію, то обо всемъ этомъ мы уже давно слышали точь-въ-точь тѣ же мнѣнія и изъ того же круга—отъ князя Мещерскаго въ *Гражданинѣ*. Обо всемъ этомъ нельзя ни разговаривать, ни спорить ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, памятуя русскую пословицу: „сытый голоднаго не разумѣетъ“. Но, все-таки, надо признаться, что обращеніе къ *женщинамъ* гр. Л. Н. Толстаго представляетъ собою нѣсколько блестящихъ „беллетристическихъ“ страницъ.

Самое же блестящее беллетристическое произведеніе послѣдняго времени есть, несомнѣнно, повѣсть *Смерть Ивана Ильича*, хотя она и не выдерживаетъ сравненія съ другими, прежними произведеніями графа Л. Н. Толстаго. Содержаніе повѣсти очень незатѣливо: Иванъ Ильичъ Головинъ, сынъ тайнаго совѣтника, окончилъ курсъ въ правовѣдѣніи, служилъ исправно, „возлагавшіяся на него порученія исполнялъ усердно“, жизнь свою располагалъ „правильно“, т.-е. такъ, какъ „наивысше поставленные люди считали правильнымъ“, стараясь при этомъ дѣлать всегда „пріятное для себя“. Поступая „правильно“ и ища „пріятности“, Иванъ Ильичъ въ свое время женился на Прасковѣ Ѳедоровнѣ, „милой, хорошенькой, вполне порядочной“ дѣвицѣ изъ хорошаго дворянскаго рода. Сначала семейная жизнь давала одни „пріятности“; но „съ первыхъ мѣсяцевъ беременности жены явилось что-то такое новое, неожиданное, непріятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и отъ чего никакъ нельзя было отдѣлаться“. „Милая и вполне порядочная“ жена оказалась очень заурядною дамой, со всѣми капризами, придирками, ревностью и грубостями мелочности женщинъ чиновно-дворянскаго круга. Иванъ Ильичъ сумѣлъ разгородить свою жизнь на двое: на семейную и служебную; отъ первой требовалъ и бралъ только „пріятности“, если же встрѣчалъ „отпоръ и ворчливость, то тотчасъ же уходилъ въ свой отдѣльный, выгороженный имъ міръ службы и въ немъ находилъ пріятность“. Такъ прожили супруги болѣе 20 лѣтъ, ни шатко, ни валко, какъ живетъ большинство, дочь вырастили, воспитали и жениха ей приспособили, сына растятъ и воспитываютъ; онъ въ гимназій учится. Иванъ Ильичъ дослужился до большаго чина, получилъ мѣсто члена судебной палаты и продолжаетъ отъ жизни брать „пріятности“, умѣетъ устранять „непріятности“ и дѣлать все такъ, „какъ наивысше поставленные люди признали правильнымъ“. Все идетъ какъ нельзя лучше, по за-

веденному чиновнически-дворянскому порядку, и шло бы все дальше и дальше въ гору,—Ивану Ильичу всего 45 лѣтъ,—если бы Иванъ Ильичъ не вздумалъ прибавить драпировку и не ушибся, упавши съ лѣстницы. У него заболѣлъ бокъ. Сначала онъ не обратилъ на это вниманія, но болѣзнь все усиливалась; Иванъ Ильичъ сдѣлался раздражителемъ, нервенъ и счелъ, наконецъ, пужнымъ обратиться къ знаменитому доктору. И опять все пошло по заведенному порядку, т.-е. знаменитость прописывала лѣкарства, больной ихъ принималъ, жена совѣтовала принимать аккуратно и беречься, а болѣзнь дѣлала свое дѣло. Позвали другую знаменитость, потомъ двухъ знаменитостей вмѣстѣ; и порознь, и вмѣстѣ знаменитости дѣлаютъ свое—лечатъ, жена—свое, убѣждаетъ лечиться и беречься, а болѣзнь—свое, разрѣшаетъ организмъ и мучаетъ физически и нравственно. И вотъ Ивану Ильичу вдругъ, совсѣмъ неожиданно, приходитъ въ голову мысль, что это не просто болѣзнь, отъ которой полечать и вылечать, что это конецъ, смерть. — „Да,—разсуждаетъ онъ самъ съ собой.— Зачѣмъ обманывать себя? Развѣ не очевидно всѣмъ, кромѣ меня, что я умираю?“ Тоска по уходящей жизни и ужасъ передъ неизбѣжностью смерти охватили больного. „Иванъ Ильичъ видѣлъ, что онъ умираетъ, и былъ въ постоянномъ отчаяннѣи,—пишетъ авторъ.—Въ глубинѣ души Иванъ Ильичъ зналъ, что онъ умираетъ, но онъ не только не привыкъ къ этому, но просто не понималъ, никакъ не могъ понять этого. Главное мученіе Ивана Ильича была ложь. Та всѣмъ почему-то признанная ложь, что онъ только болѣнъ, а не умираетъ...“ „И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотѣли признаться въ томъ, что всѣ знали и онъ зналъ, а хотѣли лгать надъ нимъ по случаю ужаснаго его положенія, и хотѣли, и заставляли его самого принимать участіе въ этой лжи“. „Кромѣ этой лжи, или вслѣдствіе ея, мучительнѣе всего было для Ивана Ильича то, что никто не жалѣлъ его такъ, какъ ему хотѣлось, чтобы его жалѣли; Ивану Ильичу въ инныя минуты послѣ долгихъ страданій больше всего хотѣлось,—какъ ему ни совѣстно бы было признаться въ этомъ,—хотѣлось того, чтобы его, какъ дитя больное, пожалѣлъ бы кто-нибудь. Ему хотѣлось, чтобы его приласкали, подѣловали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей“. Дѣло дошло до того, что Иванъ Ильичъ сталъ самъ о себѣ плакать: „Онъ плакалъ о своей беспомощности, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, о жестокости Бога, объ отсутствіи Бога. Зачѣмъ Ты все это сдѣлалъ? Зачѣмъ привелъ меня сюда? За что, за что такъ ужасно мучаешь меня?.. Ну, бей! Но за что? Что я сдѣлалъ Тебѣ, за что?“ И передъ Иваномъ Ильичемъ неотступно встаетъ вопросъ, который такъ часто повторяется въ послѣднихъ произведеніяхъ графа Толстаго,—вопросъ „о смыслѣ жизни“. И Иванъ Ильичъ послѣ многихъ мучительныхъ думъ дошелъ до сознанія, что всю жизнь онъ жилъ „не такъ какъ слѣдуетъ“, что „все было не то“, что все, чѣмъ онъ жилъ и живетъ, есть ложь, обманъ, скрывающій отъ насъ жизнь и смерть“. Такъ Иванъ Ильичъ и умеръ, не разрѣшивши вопросовъ, въ чемъ именно состояло „не то“ и „не такъ“ и какъ бы слѣдовало, чтобы было „то“ и „такъ“, какъ должно“.

Лишнее было бы говорить о необыкновенной силѣ разсказа и удручающемъ впечатлѣннѣи, имъ производимомъ. Писалъ его Л. Н. Толстой, и до него только Ф. М. Достоевскій имѣлъ даръ такъ же ошеломлять читателя. Но впечатлѣннѣи, производимое Достоевскимъ, не уступаа въ

силѣ испытываемому при чтеніи *Смерти Ивана Ильича*, было устойчивѣе, непрерывнѣе и прочнѣе, такъ сказать. Чѣмъ больше мы вдумывались въ написанное Достоевскимъ, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ, тѣмъ мрачнѣе вставала передъ нами „безсмыслица жизни“, если о ней шла рѣчь, и, съ другой стороны, намъ яснѣе становилось то, въ чемъ авторъ видитъ и указываетъ „смыслъ жизни“. У Достоевскаго было опредѣленное убѣжденіе и была вѣра. Перебирая въ умѣ все, рассказанное гр. Толстымъ о жизни и смерти Ивана Ильича, мы, прежде всего, останавливаемся на томъ, что самъ-то Иванъ Ильичъ не есть типъ и даже не близокъ въ типу. Иванъ Ильичъ—самъ по себѣ; такіе Иваны Ильичи есть, конечно; они живутъ и умираютъ такъ, какъ изобразилъ графъ Толстой. Но есть и не такіе въ томъ же обществѣ, съ тѣмъ же прошлымъ и при томъ же общественномъ положеніи. Есть даже основаніе предполагать, что такихъ дворянъ-чиновниковъ, какъ Иванъ Ильичъ, найдется очень немного, и вполне можно быть увѣреннымъ, что такъ умираютъ люди чрезвычайно рѣдко. Толстовскій Иванъ Ильичъ, не видящій жизни за ея „пріятностями“, не сознающій до послѣднихъ минутъ жизни, что все, „чѣмъ онъ жилъ и живетъ, есть ложь и обманъ“, трусаящій передъ смертью, какъ школьникъ, застигнутый начальствомъ за непозволительною шалостью,—такой Иванъ Ильичъ есть своего рода исключеніе, посредствомъ котораго нельзя ничего доказывать. Мало ли какіе бывають легкомысленные члены судебныхъ палатъ и мало ли какъ умираютъ чиновники, всю жизнь гонящіеся за „пріятностями“! Не упали Иванъ Ильичъ съ лѣстницы, не ушиби себѣ бока, онъ и до сегодня засѣдалъ бы въ судѣ, съ „пріятностью“ досидѣлся бы до предсѣдательства, до сенаторства, дожилъ бы до старческаго отупѣнія и мирно почилъ бы, утративши самую способность задумываться надъ „смысломъ жизни“ и надъ чѣмъ бы то ни было. Паденіе съ лѣстницы было „непріятностью“, но непріятность совершенно случайною и чрезвычайно рѣдко встрѣчающеюся на жизненномъ пути членовъ судебного вѣдомства. Насколько намъ извѣстно, они чаще болѣютъ и умираютъ жертвами сидячей жизни въ судѣ и за картами. Съ этой стороны изъ повѣсти гр. Толстаго можно вывести лишь одно поученіе, что не слѣдуетъ важнымъ чиновникамъ браться за дѣло драпировщика и лазить по лѣстницамъ.

Страшное впечатлѣніе, производимое рассказомъ, благодаря необычайной силѣ таланта автора, мало-по-малу разсѣвается и чѣмъ болѣе читатель вдумывается въ прочитанное, тѣмъ яснѣе ему становится, что вся эта повѣсть есть ничто иное, какъ частное развитіе мнѣній гр. Л. Н. Толстаго, высказанныхъ имъ въ статьяхъ: *Мысли, вызванныя переписью*, и *Въ чемъ счастье*, о которыхъ мы говорили выше. Какъ въ тѣхъ статьяхъ, такъ и въ этой повѣсти, все-таки, не выясняется „что же намъ дѣлать?“ но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не находимъ въ нихъ и достаточно убѣдительнаго указанія на то, „чего намъ не дѣлать“. Быть правдивыми, не лгать ни людямъ, ни себѣ, уйти на лоно природы и жить такъ, какъ совѣтуетъ графъ Толстой, не для всѣхъ удобно; мы думаемъ, что это даже ни для кого не удобно безъ большаго запаснаго капитала. Гр. Толстой считаетъ „пріятности“ жизни, излюбленныя Иваномъ Ильичемъ, никуда негодными—ложью и обманомъ. А мы считаемъ, что придуманныя графомъ Толстымъ „пріятности“, заключающіяся въ дѣленіи дня „на четыре упряжки“, представляютъ

собою вопиющую ложь и служить лишь средством обманывать людей и себя каким-то призраком труда, полезного только с гигиенической точки зрѣнія въ качествѣ моціона. Вообще, правильное опредѣленіе того, что есть обманъ, что—самообманъ, что—ложь, что—истина, дѣло крайне мудреное и, вѣроятно, даже неисполнимое. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Л. Н. Толстой всѣми силами ума и сердца стремится найти такіа опредѣленія и подѣлиться ими съ нами, и, несмотря на всю силу своего таланта, гр. Толстой запутался въ своихъ опредѣленіяхъ, впадаетъ на каждомъ шагу въ противорѣчія, вводяція въ заблужденіе его самого и только сбивающія съ толку людей, думающихъ найти въ его произведеніяхъ отвѣты на мучительные вопросы: кто виноватъ? что дѣлать? въ чемъ счастье? гдѣ истина?

Самый талантъ, величайшій въ наши дни художественный талантъ Л. Н. Толстаго порою какъ бы охваченъ туманомъ удручающихъ его вопросовъ, непосильныхъ смертному человѣку; и въ этомъ туманѣ онъ сбивается съ того пути художественности, который былъ для насъ проложенъ когда-то мощною рукой самого Л. Н. Толстаго. Въ повѣсти *Смерть Ивана Ильича* мы встрѣчаемъ мѣста уже совсѣмъ не художественныя и совсѣмъ ненужныя, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя подробности объ „особенныхъ приспособленіяхъ“, которыя были сдѣланы для больного Ивана Ильича, подробности о томъ, какъ Герасимъ управлялся съ этими приспособленіями (глава VII, стр. 444 и слѣд.), и т. под., или въ статьѣ *Мысли, вызванныя переписью* (гл. V, стр. 201), гдѣ говорится о такихъ же „приспособленіяхъ“ на дворѣ Ржановскаго дома. „Большому“ человѣку, „большому“ писателю, конечно, многое позволительно такого, что непозволительно „маленькимъ“ писателямъ; но бѣда въ томъ, что „маленькіе“ люди и людишки берутъ всегда примѣръ съ „большихъ“, и потому, что они „маленькіе“ и что они людишки, они берутъ примѣръ всего чаще въ томъ, въ чемъ его брать не слѣдовало бы. Не слѣдовало бы и „большимъ“ людямъ забывать, что они наши „учителя“ не только въ томъ, „что намъ дѣлать“, но и въ томъ, какъ намъ писать.

Ф И Л О С О Ф И Я .

„Философскій Трехмѣсячникъ“.—„О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“. Н. Грота.—„Изложеніе и критика современныхъ системъ морали“. Альфреда Фумме.

Философскій Трехмѣсячникъ, № 2. Кіевъ, 1886 г. „Спеціальныя журналы по философскимъ наукамъ“ недружелюбно встрѣтилъ нашу библиографическую замѣтку о первомъ выпускѣ изданія профессора Козлова. Очевидно, будто бы, что *Философскій Трехмѣсячникъ* „не нравится автору замѣтки, но чѣмъ?—этого онъ не могъ или не хотѣлъ сказать (вѣроятно же всего, тѣмъ, что *Трехмѣсячникъ* не совершилъ культу мѣстныхъ богамъ)“. Дальше нашъ философствующій собратъ заявляетъ, что мы *выдумываемъ* поводы для порицанія кіевскому журналу. Не хорошо, замѣтимъ мы, вступать въ такую область *прикладной философіи*, гдѣ начинается чтеніе въ сердцахъ. Никакихъ соображеній у насъ, кромѣ высказанныхъ нами, не было и быть не могло. Что касается мѣстныхъ боговъ, то мы начинаемъ подозревать, не переселились ли они въ Кіевъ, ибо въ Москвѣ ихъ что-то не видать.

Во второмъ выпускѣ *Трехмѣсячника* напечатано продолженіе анализа

Религіи графа Л. Н. Толстаго. Эта статья представляетъ значительный интересъ и мы остановимъ на ней вниманіе читателей. Всякая правильная философская система,—говоритъ г. Козловъ,—заключаетъ въ своемъ составѣ теорію познанія, метафизику и этику. „Первая отвѣчаетъ на вопросъ: существуетъ ли *познаніе* и какъ оно существуетъ, если существуетъ; вторая отвѣчаетъ на вопросъ: что существуетъ и познается, какъ *сущее*; третья на вопросъ: какъ и въ какомъ смыслѣ возможно *долженствующее быть* и въ чемъ его содержаніе“. Ни теоріи сущаго, ни теоріи познанія у графа Л. Н. Толстаго нѣтъ. Его ученіе есть система заповѣдей, ученіе о нравственности. Естественно, что мы имѣемъ полное право спросить объ основаніи этихъ заповѣдей, о томъ, почему онѣ должны быть для насъ обязательны. Ссылку на Иисуса Христа профессоръ Козловъ устраняетъ: люди, вѣрующее въ толкованіе евангельскаго ученія, не могутъ не держаться указаній церкви, а для невѣрующихъ недействительна самая ссылка. Графъ Л. Н. Толстой утверждаетъ, что его моральная система есть „вѣчный, божественный законъ, въ которомъ изложено, какъ должны люди жить въ обществѣ. Но,—спрашиваетъ г. Козловъ,—по какому признаку знаетъ графъ Толстой, что это законъ божественный? Какимъ логическимъ путемъ пришелъ авторъ къ его установленію? И на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Въ другомъ мѣстѣ графъ Л. Н. Толстой говоритъ, что за исполненіемъ его заповѣдей на землѣ водворится миръ; „исполненіе заповѣдей исключаетъ зло изъ жизни людей и дѣлаетъ ее такою, какой ищеть и желаетъ всякое человѣческое сердце, гдѣ всѣ люди станутъ братьями, обратятъ мечи въ плуги и будутъ наслаждаться благами земли до конца ея существованія“. И такъ,—замѣчаетъ г. Козловъ,—предложенныя графомъ Толстымъ заповѣди суть *средство* для достиженія *всеобщаго счастья*. Критикъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію отдѣльных заповѣдей, обещающихъ намъ счастье. *Центръ доктрины* графа Толстаго есть предписаніе: *не противься злу или злему*. Что такое зло? Кто золь? Точнаго опредѣленія этихъ понятій нѣтъ у автора. Говорится графомъ Толстымъ, что даже „убѣждать своихъ враговъ значитъ имъ сопротивляться“. Читателямъ извѣстно, что противъ этой „заповѣди“ были представлены вполне убѣдительныя возраженія. Графъ Толстой въ своихъ моральныхъ построеніяхъ совершенно игнорируетъ общество и государство, въ какихъ бы формахъ оно ни воплощалось. Профессоръ Козловъ справедливо указываетъ, что понятія общества, коллективной силы, закона и т. п. заключаются какъ *элементы* въ понятіи личности, которая немислима безъ этихъ элементовъ. Смѣшеніе *зла* съ борьбою ведетъ къ пагубнымъ въ нравственномъ смыслѣ послѣдствіямъ, потому что *добро* можетъ и всего чаще бываетъ результатомъ борьбы.

Подвергнувъ разбору и другія „заповѣди“ графа Л. Н. Толстаго, критикъ приходитъ къ заключенію, что достиженіе цѣли счастья на землѣ путемъ исполненія этихъ заповѣдей невозможно, что нельзя представить съ достаточною ясностью, въ чемъ заключается, по ученію нашего моралиста, самое счастье. Кончаетъ свою статью г. Козловъ слѣдующими словами: „Если система гр. Толстаго, называемая имъ *религіей*, и не имѣетъ объективныхъ, логическихъ основаній, то непремѣнно она имѣетъ субъективныя основанія, *психологическіе мотивы*, приведшіе его къ ея созданію; отсюда, въ свою очередь, слѣдуютъ два

вопроса: вопросъ о ея *генезисъ* изъ субъективныхъ мотивовъ и вопросъ о ея *значеніи и цѣнности* въ этомъ отношеніи“.

Этими вопросами г. Козловъ обѣщаетъ заняться въ слѣдующемъ выпускѣ *Философскаго Трехмѣсячника*.

Кромѣ статьи о религіи гр. Толстаго, во второмъ № журнала напечатаны: продолженіе изложенія философскихъ взглядовъ Тарда, статья *О множественности состояній сознания*, критика и библиографія.

О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Н. Грота, профессора философіи Новороссійскаго университета. Одесса, 1886 г. Этотъ „опытъ философскаго построенія“ представляетъ переработку двухъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ. Указавши на господствующее недовѣріе къ метафизическимъ системамъ, объясняемое фантастичностью и туманностью этихъ системъ, г. Гротъ приглашаетъ „очнуться отъ *позитивнаго террора*, который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія“. Авторъ справедливо говоритъ, что философскія идеи, какъ капли, медленно точатъ камни общественныхъ предрасудковъ. Слѣдовало бы только прибавить, что самыя эти предрасудки являются нерѣдко озаменѣвшею ложною философскою идеей, и г. Гроту надо принять большія предосторожности, чтобы не надѣлать русское общество подобными идеями.

„Исторія человѣческой мысли и жизни учить насъ,—говоритъ ученый авторъ,—что утвержденіе или отрицаніе существованія души въ человѣкѣ всегда налагало печать на все міросозерцаніе человѣчества, на весь складъ его идей, чувствъ, стремленій и дѣйствій“. Въ общемъ это вѣрно; но извѣстно, что нѣкоторые нравственные ученія,—а именно здѣсь вопросъ о существованіи бессмертной души имѣетъ наибольшее значеніе,—совпадаютъ въ существенныхъ чертахъ своего содержанія, хотя одни изъ нихъ признаютъ душу, другія ее отрицаютъ.

Г. Гротъ указываетъ на малую умственную подготовку нашего общества, бросающагося отъ самыхъ грубыхъ формъ матеріализма къ вызванію духовъ посредствомъ столоверченія, и задаетъ вопросомъ, что въ состояніи противопоставить философіи матеріализму и нелѣпымъ спиритическимъ фантазіямъ? По мнѣнію г. Грота, философія можетъ выставить въ этомъ отношеніи ученіе о существованіи двухъ началъ въ природѣ: *силы—духа* и *матеріи—силы*. При существованіи одного начала, утверждаетъ авторъ, была бы невозможна борьба въ природѣ. Основаніе для этого утвержденія г. Гротъ видитъ въ законѣ сохраненія энергіи: изъ него вытекаетъ доктрина напряженныхъ и освобожденныхъ силъ. „Освобожденіе должно быть отъ чего-нибудь, напряженіе тоже должно имѣть свою причину,—напряженіе активныхъ силъ есть продуктъ ихъ связыванія пассивными“. Да, но границы между этими категориями силъ указать невозможно, и сила, пассивная въ одномъ случаѣ, можетъ выступить, какъ активная, въ другомъ случаѣ.

Въ заключеніе своей работы г. Гротъ заявляетъ: „*Дуализмъ* нами восстановленъ, не знаемъ, достаточно ли убѣдительно“. Это рѣшительное утвержденіе представляется намъ слишкомъ смѣлымъ; но, во всякомъ случаѣ, книжку новороссійскаго профессора слѣдуетъ рекомендовать для прочтенія всѣмъ желающимъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о великой проблемѣ, о которой трагуетъ г. Гротъ.

Изложеніе и критика современныхъ системъ морали. Альфреда Фуллѣе. Спб., 1886 г. За редакціей *Русскаго Богатства* есть большая заслуга: она даетъ много переводовъ и изложеній наиболѣе

выдающихся философскихъ сочиненій современныхъ европейскихъ мыслителей. Къ числу такихъ весьма полезныхъ изданій принадлежить и названная книжка. Въ *Русской Мысли* нѣсколько разъ говорилось уже о трудахъ Фуллье, одного изъ наиболѣе выдающихся представителей философской мысли во Франціи (см., напримѣръ, библиографическую замѣтку объ его *Critique des systèmes de morale contemporains*, *Русская Мысль* 1884 г., кн IV; это именно сочиненіе издано теперь въ извлеченіи редакціей *Русскаго Богатства*). Основные взгляды самого Фуллье могутъ быть представлены въ слѣдующихъ выраженіяхъ: не возводи себя въ абсолютное (ne t'érige pas en absolu); это—существенное требованіе знанія, которое обусловливаетъ уваженіе въ другомъ человѣческой личности и даетъ правильную постановку справедливости и праву. На ряду съ этою основой нравственности въ исторіи растутъ и крѣпнеть любовь къ ближнему, безъ которой и справедливость, и право могли бы остаться отвлеченною, черствою формулой.

Въ книжкѣ, заглавіе которой приведено выше, изложена мораль эволюціонистовъ, дарвинистовъ и позитивистовъ и нравственное ученіе школы независимой морали. Сообщая въ ясныхъ чертахъ существенное содержаніе этихъ нравственныхъ системъ и подвергая критикѣ ихъ основанія, Фуллье развиваетъ попутно свое ученіе объ идеяхъ—силахъ. Человѣкъ дѣйствуетъ не исключительно подъ вліяніемъ чувственнаго удовольствія: онъ дѣйствуетъ, руководясь иной разъ единственно умомъ. Идея нравственности (какъ и всякая другая идея) есть уже начавшаяся осуществляться нравственность; она является двигателемъ нашихъ поступковъ. То, что называютъ человѣческою свободою, сводится для опытной психологіи именно къ способности, которою обладаетъ идея,—господствовать надъ фактомъ, подчинять его себѣ. „Конечно, факты вызвали появленіе алгебры въ мозгу человѣка, пусть! но алгебра вышла изъ мозга совершенно вооруженная (ою) и способная (ою) подчинить своему могуществу внѣшніе факты“.

Переводъ исполненъ удовлетворительно и читается легко.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Die Landesverweisungen aus Preussen und die Erhaltung des Deutschthums an der Ostgrenze“. A. von Randow.

Die Landesverweisungen aus Preussen und die Erhaltung des Deutschthums an der Ostgrenze von Albert von Randow. Leipzig. Duncker und Humblot. 1886. Авторъ не только не осуждаетъ практикуемой въ послѣднее время въ Пруссіи мѣры выселенія поляковъ изъ пограничныхъ провинцій въ Россію, но находитъ, что одной этой мѣры крайне недостаточно для упроченія нѣмецкаго элемента на востокѣ Пруссіи. „Правительство каждаго государства, охраняющаго внутренний миръ и свое положеніе среди другихъ державъ, должно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исходить отъ государственной идеи и должно ассимилировать всѣми средствами, не противорѣчащими закону и правиламъ нравственности, тѣ части государственнаго цѣлага, которыя по характеру своему и національности не желаютъ слиться съ государствомъ“. Это именно преслѣдуетъ Пруссія, выселяя поляковъ въ Россію, и называть эту мѣру несправедливой нѣтъ, по мнѣнію автора, никакихъ причинъ. Собственно говоря, этимъ можно было бы ограни-

читься, но автору захотѣлось, во-первыхъ, придать встрѣтившимъ въ другихъ странахъ всеобщее осужденіе мѣропріятіямъ прусскаго правительства „научное“ основаніе; во-вторыхъ, показать, что для онѣмеченія восточныхъ провинцій должна быть принята цѣлая система, которую онъ самъ указываетъ. „Научное“ основаніе заключается въ выводимомъ имъ изъ статистики передвиженія населенія стремленіи населенія всей Европы перемѣщаться съ востока на западъ, что въ примѣненіи къ Пруссіи равносильно отливу нѣмецкаго населенія въ западныя провинціи и притоку польскаго населенія изъ пограничныхъ польско-русскихъ губерній въ восточныя провинціи Пруссіи. Но предотвращеніе иммиграціи поляковъ еще не все, что должно дѣлать прусское правительство; оно должно, думаетъ авторъ, привлечь нѣмцевъ въ восточныя провинціи искусственными средствами и создать для нихъ различнаго рода приманки; оно должно сдѣлать обязательнымъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, ввести нѣмецкій языкъ въ административныя и судебныя учрежденія, создать специально нѣмецкія кредитныя учрежденія, устроить стипендіи для нѣмецкихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, создать нѣмецкія гипотечныя учрежденія, содѣйствовать дробленію крупныхъ помѣстій и переходу ихъ въ руки мелкихъ нѣмецкихъ крестьянъ и т. д.,—однимъ словомъ, всѣми средствами привлечь нѣмцевъ въ восточныя провинціи.

Надо отдать справедливость автору въ томъ, что онъ честно и откровенно высказалъ свою мысль, не стараясь замаскировать прусское мѣропріятіе и представилъ его въ томъ именно свѣтѣ, въ какомъ многие сторонники не смѣли его выставить. Онъ вовсе не задался цѣлью доказать, что мѣропріятіе это носить случайный характеръ и предпринято на короткое время; напротивъ, онъ считаетъ его необходимымъ и смѣло высказалъ это. Но, отдавая полную дань автору за его нелицемѣрное отношеніе къ дѣлу, мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ его положеній, хотя охотно признаемъ, что предлагаемая имъ политика носить стройный, цѣльный характеръ и вытекаетъ изъ одной идеи. Преслѣдуемая прусскимъ правительствомъ политика есть средневѣковая территоріальная политика, имѣвшая свой смыслъ въ то самое время, когда исходнымъ пунктомъ были интересы незначительнаго круга (города, провинціи, территоріи), когда экономическія и общественныя условія привязывали населеніе къ мѣсту жительства; въ настоящее же время при свободѣ передвиженія, при современномъ экономическомъ оборотѣ такая политика является уже отжившей. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только примѣнить ее къ другимъ странамъ, для которыхъ приливъ нѣмцевъ представляетъ такое же явленіе, какъ приливъ поляковъ въ Германіи, и станетъ ясно, что по отношенію къ нѣмцамъ пришлось бы примѣнять такія же мѣры, какія нѣмцы примѣняютъ къ полякамъ. Нѣмцевъ пришлось бы изгнать чуть ли не изъ всѣхъ европейскихъ странъ и тогда вся Европа возвратилась бы къ забытой уже средневѣковой политикѣ; это было бы немислимо! при современномъ экономическомъ оборотѣ и противорѣчитъ принципу свободы передвиженія. Именно этому нарушенію общественныхъ и экономическихъ отношеній, созданныхъ всемірнымъ рынкомъ и усиленіемъ солидарности въ правѣ, нравственности и нравахъ, мы придаемъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ репрессаліямъ, къ которымъ могутъ и въ правѣ прибѣгнуть другіе народы. Когда прусское правительство впервые стало изгонять поляковъ, защитники этого мѣро-

пріятія не сумѣли представить его въ такомъ свѣтѣ, чтобы въ немъ была видна какая-нибудь идея, что, въ свою очередь, вызвало не менѣе пошлые отвѣты, которые, главнымъ образомъ, сводились къ тому, что и нѣмцамъ не одобровать отъ проведенія подобныхъ мѣръ въ другихъ странахъ. Нѣмцы сами слишкомъ сильно связаны съ иностранными рынками, чтобы возвратиться къ своимъ собственнымъ тѣснымъ территоріальнымъ границамъ, а, между тѣмъ, это былъ бы естественный результатъ послѣдовательнаго—проведенія преслѣдуемаго ими принципа. Представимъ себѣ на время въ нашемъ воображеніи, какую форму принялъ бы въ такомъ случаѣ экономической оборотъ и какое направленіе приняла бы общественная жизнь и вся современная культура, и полученная картина не будетъ представлять ничего привлекательнаго ни для кого, а тѣмъ менѣе для культурной германской націи.

ИСТОРІЯ.

„Экскурсы въ сказочный міръ“ *М. Н. Комарова*.—„Исторія города Рима въ средніе вѣка“ *Ферд. Грегоровича*.

Экскурсы въ сказочный міръ. Этюды въ области мифовъ и народныхъ преданій. *М. Н. Комарова*. М., 1886 г. Сравнительное изученіе мифовъ и народныхъ преданій, подобно другимъ областямъ человеческого знанія, въ которыхъ сравнительный методъ получилъ широкое примѣненіе, подъ влияніемъ этого могучаго средства для изслѣдованія самыхъ темныхъ и загадочныхъ явленій, вызвало много надеждъ и увлеченій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и много разочарованій. Теорія: соларная, метеорологическая, анимизмъ, переживаніе,—все это вступало въ эпоху неограниченнаго господства и каждое ученіе становилось на время преобладающимъ и моднымъ. Теперь насталъ моментъ затишья. Болѣе трезвое отношеніе къ фактамъ и ихъ толкованію замѣнило прежнее увлеченіе подобно тому, какъ лингвистика стремится съ необычайною осторожностью строго опредѣлять предѣлы достижимаго и точно формулировать, не вдаваясь въ мечтанія и изобѣгая слишкомъ далекихъ перспективъ, ближайшія соотношенія явленій языка, такъ и сравнительная мифологія и сравнительная психологія народовъ начинаютъ вступать на путь осторожныхъ, кропотливыхъ розысканій, уклоняясь отъ всего слишкомъ смѣлаго, подсказываемаго легко разыгрывающимся воображеніемъ. Книжка г. Комарова не принадлежитъ къ числу работъ, придерживающихся новаго направленія; въ ней авторъ занятъ тремя вопросами: 1) Одноглазый великанъ народныхъ преданій, 2) Одно изъ эпическихъ представленій о значеніи ерви и 3) О мотивахъ странствующихъ повѣстей.

Но для кого и для чего писаны эти этюды въ области мифовъ и народныхъ преданій рѣшить трудно. Г. Комаровъ слишкомъ мало изучалъ затронутые имъ вопросы, чтобы можно было придать его экскурсамъ въ сказочный—міръ какое-нибудь научное значеніе. Для популяризаціи сравнительной мифологіи и сравнительнаго изученія народной словесности его книжка, хотя и написанная живо и бойко, такъ же мало пригодна, ибо она не вноситъ въ среду любознательныхъ читателей никакихъ новыхъ представленій. Главное мѣсто занимаетъ большая статья объ одноглазомъ великанѣ народныхъ преданій. Начинается

она, разумеется, съ известнаго всёмъ циклопа Полифема. Для сопоставленія съ гомеровскимъ разсказомъ г. Комаровъ почти исключительно пользуется трудами Аэанасьева и монографіей Гримма: только въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ онъ ссылается на другіе источники, и то мимоходомъ. Гдѣ приходится говорить о литературѣ вопроса, напр., перечислять различныя мнѣнія о солнечномъ или грозовомъ значеніи циклопа, тамъ онъ указываетъ на *Введеніе въ мифологию Одиссея* Воводскаго.

Точно такъ же въ статьѣ: *Одно изъ этическихъ представленій о значеніи крови* Аэанасьевъ и Буслаевъ доставляютъ главный матеріалъ, а для разнообразія появляются цитаты, въ одномъ мѣстѣ изъ сборника Кирши Данилова, въ другомъ мѣстѣ изъ антропологии Топинара, въ двухъ мѣстахъ изъ книги Чистовича: *Древній греческій міръ и христіанство* и, наконецъ, по разу ссылки на Тацита, Саллюстія, Библию и Марлинскаго. Сравнительный методъ прилагается самымъ внѣшнимъ образомъ. Представленіе о громадныхъ, одаренныхъ сверхъестественною силой, людяхъ присуще фантазіи всѣхъ некультурныхъ народовъ и всѣхъ непросвѣтленныхъ образованіемъ слоевъ въ средѣ народовъ культурныхъ. Далѣе, создавъ разъ поражающую аномалію, желая отмѣтить чудовищность этихъ созданій своего воображенія, народныя сказанія могутъ совершенно самостоятельно, въ различныхъ уголкахъ земнаго шара, надѣлать этихъ великановъ вмѣсто двухъ глазъ однимъ. Нѣтъ никакой необходимости отыскивать какой-то общій прототипъ, находить подъ оболочкою сказанія солнце или грозу. Точно такъ же сходство въ пріемахъ при ослѣпленіи одноглазаго великана можетъ вытекать изъ однообразія условій, не доказывая нисколько происхожденіе изъ общаго источника. Между тѣмъ, г. Комаровъ, принимая въ расчетъ то одни, то другіе признаки, утверждаетъ вмѣстѣ съ миеологами старой школы о существованіи общаго источника, изъ котораго развился миеъ объ одноглазыхъ великанахъ-людодѣдахъ и даже старается подмѣтить различныя стадіи въ развитіи этого миеа. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго и остается пожалѣть, что авторъ такъ живо излагаетъ неинтересныя вещи.

Исторія города Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго до шестнадцатаго вѣка. Фердинанда Грегоровіуса. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. Шестой томъ. 1886 г. Обширная монографія Грегоровіуса отличается талантливымъ изложеніемъ, широтою взгляда и для знакомства съ существенными сторонами среднѣвковой исторіи и жизни представляетъ единственное въ своемъ родѣ произведеніе германской исторической литературы. Грегоровіусъ сжился съ вѣчнымъ городомъ, съ благодатною почвой Италіи и утратилъ многія односторонности и неприятыя качества, которыми часто отличены нѣмецкіе историки, въ особенности послѣдняго времени. Блестящій слогъ, тонкія характеристики, наглядное представленіе культурныхъ фактовъ и сильно написанныя картины цѣлыхъ эпохъ,—все это увлекаетъ читателя и переноситъ его въ среднѣвковую міръ. Движенія и міровыя событія, центромъ которыхъ былъ Римъ, столица латинскаго Запада, придають исторіи города Рима характеръ общей исторіи среднихъ вѣковъ. Переводъ столь капитальнаго труда долженъ имѣть большую важность для оживленія нашей еще бѣдной общенсторическими произведеніями русской литературы. Если бы г. Савинъ исполнилъ свою задачу добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, преодолѣвъ безспорныя труд-

ности, представляющіяся переводчику при передачѣ произведенія историка-художника, онъ заслужилъ бы благодарность русскихъ читателей.

Наша переводная литература извѣстна своею безграмотностью. Сплошь и рядомъ на Руси къ переводамъ приступаютъ лица, плохо знающыя и съ языкомъ подлинника, и съ самымъ предметомъ, изъ котораго взято содержаніе книги, и, наконецъ, съ своимъ роднымъ языкомъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей переводчиковъ этой категоріи можетъ считаться г. Савинъ. Онъ совершаетъ крупныя преступленія, извращая смыслъ творенія знаменитаго нѣмецкаго историка и дѣлая художественно написанную книгу совершенно неудобочитаемой.

Чтобы оградить нашихъ читателей отъ непроизводительной затраты, приводимъ изъ разныхъ мѣстъ этого тома обращенія безграмотности переводчика: „За Авинонскимъ изгнаніемъ,—такъ выражается переводчикъ,—послѣдовали схизма, авторитетность народныхъ сборищъ, реформація“. Объ Италіи въ XIV вѣкѣ сказано: „Растерзанная эта страна съ такимъ же сокрушеніемъ, какъ предъ эпохой паденія первой имперіи, зрѣла (?) безъ національнаго строя, хаотическій боевой вулканъ городовъ и тирановъ, дворянства и народа, и паденіе средневѣковаго организма“. Здравый смыслъ итальянцевъ открываетъ у г. Савина „примиреніе партій въ нѣкоемъ высшемъ духовномъ мѣдунѣ“. Генрихъ VII получаетъ „конфирмативное письмо“ незадолго до „гоффага“. Коронованіе того же императора „состоялось не въ свято чтимомъ св. Петрѣ, но среди обломковъ, въ отстроивавшемся еще Латеранѣ“. Объ одномъ изъ враговъ Колю ди-Риензи сказано: „Стефанъ Колонна поспѣшилъ изъ Користо въ городъ, но не могъ уже сдѣлать здѣсь ничего, кромѣ излитія своего гнѣва на словахъ“. Казнь одного изъ аристократовъ описывается слѣдующимъ образомъ: „Палачи трибуна исторгли больнаго эксъ-сенатора изъ объятий юной его супруги, и вдова съ отчаяніемъ могла вскорѣ видѣть изъ своего дворца, какъ супругъ ея болтался въ воздухѣ“. Святая Екатерина Сиенская „принадлежитъ не къ одному лишь скудному каталогу, въ которомъ отмѣчаются появленія истинной добродѣтели“. Какъ извращаются названія подъ перомъ г. Савина, видно изъ того, что третья часть божественной комедіи Данта, *Рай*, называется у русскаго переводчика парадизомъ. Извѣстный Петръ Даміани именуется Пиръ Даміани.

Приведенныя выписки свидѣтельствуютъ съ достаточною убѣдительною, что г. Савинъ, занимавшійся, по его увѣренію, въ теченіе пяти лѣтъ переводомъ Грегоровіуса, совершалъ въ теченіе всего этого времени работу не только безнолезную, но даже вредную. Выражаемъ надежду, что русская публица, на благосклонность которой переводчикъ разсчитываетъ, не поощритъ его выпустить въ свѣтъ извращенную передачу остальныхъ томовъ *Исторіи города Рима* Фердинанда Грегоровіуса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Интензивное хозяйство и сельско-хоз. политика“. И. Тарасова. — „Общинное земледѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльческій, экономическій и торговый кризисъ въ Россіи“. Ф. Баръ.

Интензивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика. (Издание редакціи „Экономическаго Журнала“). И. Тарасова. Спб., 1886 г. Въ этомъ интересномъ очеркѣ профессоръ Тарасовъ знакомитъ публику съ результатомъ своего пребыванія въ Бельгіи, гдѣ онъ имѣлъ случай наблюдать огромное благотѣльное вліаніе, оказываемое мудрою сельско-хозяйственною политикою на народное хозяйство. Прежде всего, насъ пріятно поражаетъ то обстоятельство, что въ сферу государственной дѣятельности входитъ въ Бельгіи забота о такихъ сторонахъ сельскаго хозяйства, которыя въ другихъ странахъ не встрѣчаютъ никакой поддержки или же встрѣчаютъ весьма малую поддержку. Такъ, правительство заботится объ улучшеніи породъ скота, выдаетъ преміи и субсидіи для разведенія новыхъ культуръ, заботится объ орошеніи и ирригаціи, слѣдитъ за положеніемъ рынка, оберегаетъ земледѣльцевъ отъ всякаго рода обмановъ, распространяетъ сельско-хозяйственные знанія, устраиваетъ образовыя фермы, фруктовые сады, огороды, питомники, скотныя двory, случныя конюшни, всячески облегчаетъ покупку новыхъ орудій, лучшихъ сѣмянъ и проч., и проч. Но на ряду съ государственною дѣятельностью получила широкое развитіе дѣятельность мѣстныхъ союзовъ ученыхъ агрономическихъ обществъ, различныхъ земледѣльческихъ ассоціацій, которыя не только не встрѣчаютъ противодѣйствія въ центральной правительственной власти, но, напротивъ, идутъ рука объ руку съ правительствомъ и значительно облегчаютъ ему его трудную задачу. Къ числу такихъ частныхъ учреждений относятся, между прочимъ, земледѣльческія станціи и лабораторіи, пользующіяся правительственною субсидіей. Задача ихъ заключается въ томъ, „чтобы подвергать химическому анализу удобренія, кормъ и сельско-хозяйственные продукты, имѣть надзоръ надъ фабриками, производящими искусственное удобреніе, распространять въ народѣ разными способами раціональныя свѣдѣнія о свойствахъ и значеніи разнаго рода удобреній, химически изслѣдовать свойства почвы и проч. Каждый сельскій хозяинъ можетъ обратиться къ этому обществу съ просьбой произвести анализъ присланныхъ имъ образцовъ почвы, удобреній, попросить совѣта; общество оберегаетъ земледѣльцевъ отъ обмана при покупкѣ искусственныхъ удобреній и т. д.“ Частнымъ же обществомъ, а не правительствомъ, устраиваются сельско-хозяйственныя выставки, учреждаются конкурсы съ выдачей премій за лучшія породы скота, за улучшеніе породъ овецъ, коровъ и свиней. Особенный интересъ представляетъ практикуемая въ Бельгіи форма кредита.

Правительство никогда не кредитуетъ отдѣльныхъ хозяевъ въ денежной формѣ, а снабжаетъ ихъ въ кредитъ или вообще на льготныхъ условіяхъ сельско-хозяйственными орудіями, удобреніемъ, сѣменами, услугами своихъ техниковъ; даже причитающіяся къ уплатѣ суммы выдаются иногда не деньгами, а удобреніемъ, вообще натурой. То же самое относится въ равной мѣрѣ и къ Люксамбургу; здѣсь можно наблюдать такое же покровительство и содѣйствіе земледѣльцамъ для

улучшенія культуры, субсидіи для осушенія, для устройства цистернъ, въ которыхъ готовится удобреніе, субсидіи для насажденія лучшихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ и проч. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ расходы на улучшеніе культуры возрасли отъ 75,500 франковъ въ 1875 г. до 248,800 франковъ въ 1885 г.

Дѣятельность всѣхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія и основной принципъ сельско-хозяйственной политики Бельгіи заключается, по мнѣнію проф. Тарасова, въ слѣдующемъ: „избѣгать мѣръ принудительныхъ, достигая своихъ цѣлей распространеніемъ просвѣщенія, примѣромъ и всяческимъ поощреніемъ“. Проведенію такого принципа содѣйствуетъ строгое развитіе сельско-хозяйственнаго образованія; объ этомъ мы находимъ въ очеркѣ интересныя свѣдѣнія.

Вторая часть очерка—*интензивное хозяйство* (стр. 24—49) посвящена описанію школы садоводства въ Вильвордѣ, около Брюсселя, отдѣльных фермъ, отличающихся образцовымъ хозяйствомъ, государственныхъ свеклосахарныхъ фермъ, одного прусскаго хозяйства, образцовато хмѣльнива въ Асхѣ и молочнаго хозяйства въ Хервѣ, около Люк-тиха. И эта часть читается съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ первая часть.

Поэтому мы съ удовольствіемъ можемъ рекомендовать очеркъ проф. Тарасова всякому, кто желаетъ получить нѣкоторое представленіе о бельгійскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Но, отмѣчая интересъ, который въ насъ вызвало чтеніе этого очерка, мы не можемъ согласиться ни съ общимъ заключеніемъ автора, ни съ нѣкоторыми отдѣльными его замѣчаніями. „Въ Бельгіи и Люксамбургѣ я видѣлъ,—заканчиваетъ онъ свое описаніе,—какъ чуть ли изъ ничего дѣлаютъ что-то, какъ негодную землю превращаютъ въ плодоносную, какъ собираютъ клочки земли, чтобы изъ нихъ сдѣлать цѣлыя площади. Вернувшись на родину, я увидѣлъ давно знакомую грустную картину того, какъ шопираютъ дары природы, какъ истощаютъ плодороднѣйшую почву, какъ пустуютъ огромные участки земли. Въ Бельгіи и Люксамбургѣ на почвѣ нищенской природы мудрость и предусмотрительность человѣка вырощаются въ сооруженія прочнаго и величественнаго зданія народнаго благосостоянія; въ Россіи же на почвѣ богатѣйшей природы посѣяна бѣдность, питающая развратъ, пьянство, лѣнь и грубое невѣжество. Земледѣлецъ тамъ знаетъ и чувствуетъ, что онъ не въ безпомощномъ положеніи, что есть кто-то, кто заботится о немъ, блюдетъ его интересы и готовъ въ каждый данный моментъ прийти къ нему на помощь, и все, что только мыслимо, при современномъ уровнѣ знаній, для правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ, развитія промышленности и поднятія общаго благосостоянія, дѣлалось и дѣлается съ энергіею необычайной, при совмѣстныхъ усиліяхъ государства, общества и единичныхъ лицъ“.

Нарисованная въ этихъ строкахъ картина противорѣчитъ, однако, всему, что намъ извѣстно о положеніи мелкаго бельгійскаго земледѣльца. Земледѣліе въ Бельгіи дѣйствительно стоитъ высоко, объ этомъ не можетъ быть рѣчи, но живетъ ли хорошо бельгійскій земледѣлецъ, поле котораго совершенно напоминаетъ мозаику, это вопросъ, на который безъ колебанія можно отвѣтить отрицательно. Обративши свое исключительное вниманіе на одну сторону, профессоръ Тарасовъ естественно былъ пораженъ блестящимъ положеніемъ сельско-хозяйственнаго производства и мудростью сельско-хозяйственной политики, по

что вся эта политика направлена только на улучшение культуры, на развитие болѣе интензивнаго земледѣлія и совершенно игнорируетъ такіе коренные вопросы, какъ вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ, объ арендныхъ контрактахъ, объ организациі кредита, это авторъ упустилъ изъ вида. „Разумѣется, — говоритъ онъ, — въ дѣлѣ процвѣтанія сельскаго хозяйства немалую роль играютъ поземельныя отношенія, условія распредѣленія земли и т. п. Но не слѣдуетъ придавать этимъ факторамъ исключительное, рѣшающее значеніе“. Совершенно вѣрно, что эти факторы не *единственные*, вліяющіе на народное благосостояніе, но несомнѣнно, что они играютъ *первенствующую* роль и пренебреженіемъ бельгійскаго правительства къ этимъ основнымъ вопросамъ всей народно-хозяйственной организациі объясняется далеко не блестящее положеніе мелкаго бельгійскаго фермера и мелкаго землевладѣльца. Еслибъ въ очеркѣ было обращено болше вниманія на эти вопросы, бельгійское хозяйство не производило бы, конечно, такого пріятнаго впечатлѣнія, но картина была бы за то, безъ сомнѣнія, правдивѣе; она болше соотвѣтствовала бы дѣйствительности.

Тогда поземельнымъ отношеніямъ, задолженности (которая, кстати, въ Бельгіи является однимъ изъ самыхъ большихъ мѣстъ, вслѣдствіе сосредоточенія всего кредита въ частныхъ рукахъ) было бы отведено болше мѣста, чѣмъ, напримѣръ, техническимъ подробностямъ крупнаго интензивнаго хозяйства въ Тилтѣ. Тогда о совершенно оригинальной формѣ меліоративнаго кредита, практикуемой бельгійскимъ правительствомъ въ видѣ раздачи въ кредитъ орудій, сѣмянъ, плодovыхъ деревьевъ, лучшихъ породъ скота и проч., читатель могъ бы узнать болше, чѣмъ узнаетъ теперь изъ очерка. Кромѣ того, читатель имѣлъ бы возможность получить представленіе объ условіяхъ средняго-обычнаго хозяйства, а не о тѣхъ исключительныхъ образцовыхъ фермахъ, которыя описаны профессоромъ Тарасовымъ. Описаніе образцовыхъ хозяйствъ такъ же мало похоже на среднее хозяйство, какъ предметы, выставлемые на конкурсѣ или на выставкѣ, напоминаютъ предметы, которыми пользуются въ обыкновенной жизни. То же предвзятое отношеніе въ пользу бельгійскаго хозяйства послужило, вѣроятно, причиной того, что авторъ смотритъ на распространенность ссуды *натурой*, какъ на отрадное явленіе. Въ дѣйствительности такія ссуды несравненно тягостнѣе, чѣмъ *денежная ссуда*, какъ это показываетъ примѣръ Италіи и южныхъ частей Германіи.

Несмотря, однако, на сдѣланныя нами замѣчанія, рассматриваемый нами очеркъ можетъ быть прочтаны съ большимъ интересомъ.

Общинное землевладѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльческой, экономической и торговой кризисъ въ Россіи. Ф. Баръ. Спб., 1886 г. Наше время избилуетъ реформаторами, которые по поводу каждаго вопроса русской живни готовы „съ легкимъ духомъ“ перестроить весь складъ нашего общественнаго и хозяйственнаго быта. Къ крайнимъ реформаторамъ этого типа принадлежитъ г. Фердинандъ Баръ, нѣмецъ по происхожденію, но „русскій патриотъ“, по его собственному заявленію. Г. Баръ, агрономъ по профессіи, въ своей книжкѣ обращаетъ вниманіе на многократно константированный въ нашей литературѣ фактъ низкаго состоянія земледѣльческой техники въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ и останавливается на мѣрахъ къ ея поднятію. Отъ ученаго техника, задавагася такими вопросами, читатель въ правѣ ожидать изслѣдованія разныхъ формъ земледѣльче-

скихъ улучшеній, примѣнимыхъ къ климатическимъ, общественно-хозяйственнымъ и національнымъ условіямъ нашего крестьянскаго хозяйства. Но не тутъ-то было. Оказывается, что г. Баръ вовсе отказываетъ нашему крестьянскому хозяйству, въ томъ видѣ какъ оно существуетъ, съ его исторически сложившимся мужикомъ, во всякой способности къ усвоенію болѣе усовершенствованной земледѣльческой культуры. Впрочемъ, г. Баръ охотно допускаетъ, что и русское крестьянское хозяйство можетъ выйти изъ состоянія вѣчнаго застоя, на который оно осуждено всѣми національными и общественными условіями русскаго быта, если только русскій крестьянинъ откажется отъ всего того, что дѣлаетъ его не нѣмецкимъ, а русскимъ мужикомъ. Для того, чтобы крестьянское земледѣліе вывести изъ состоянія застоя, г. Баръ считаетъ безусловно необходимымъ уничтожить слѣдующіе „тормазы земледѣльческой культуры“: общинное землевладѣніе, крестьянскій судъ, крестьянское самоуправленіе, выдачу денегъ для покупки земли крестьянами (крестьянскій банкъ), при этомъ сами крестьянскія деревни должны быть также уничтожены и крестьяне должны быть поселены по системѣ отдѣльныхъ дворовъ (стр. 43, 32). Вотъ сколько „уничтоженій“ рекомендуетъ „трезвый практикъ“ въ назиданіе „псевдо-либераламъ“, защищающимъ только усовершенствованіе существующихъ крестьянскихъ учреждений. И вотъ когда всѣ національныя и общественныя особенности и учрежденія, характеризующія русское крестьянство, будутъ, по проекту г. Бара, уничтожены, когда самое названіе русской деревни исчезнетъ съ лица земли и крестьянскіе дворы будутъ разбросаны по полямъ, тогда и для русскаго крестьянина слѣдуются доступными блага плодотворныхъ системъ земледѣлія и интензивной культуры.

Давно уже въ русской литературѣ не появлялось такого яраго противника общиннаго землевладѣнія и, въ то же время, защитника крупнаго землевладѣнія, какъ г. Баръ. „Нѣтъ ничего нелѣпѣе и вреднѣе на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—какъ общинная форма владѣнія, которая причиняетъ народу сотни милліоновъ убытковъ, больше чѣмъ чума, сибирская язва, насѣкомыя и проч., вмѣстѣ взятыя“. „Уничтоженіе общиннаго владѣнія будетъ въ Россіи въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ не менѣе важное событіе, какъ эмансипація крестьянъ. Мы увидимъ тогда скоро процвѣтаніе сельскаго хозяйства, оживленіе торговли и всѣхъ отраслей промышленности, улучшение вексельнаго курса, устройство народныхъ школъ, лучшее образованіе дѣтей, лучшія санитарныя отношенія, уменьшеніе пьянства, преступленій и разныхъ золъ“ (стр. 35). А вотъ и обратная сторона медали рисуется г. Баромъ: „Уничтожьте крупное землевладѣніе, надѣлите каждаго мужика маленькимъ кускомъ земли въ нѣсколько десятинъ—и измѣнится вся физіономія страны: многіе заводы исчезнутъ; останутся развалины, хлѣбъ подешевѣетъ, да и его будетъ некуда дѣвать; остальные предметы крайней необходимости вздорожаютъ, лѣса исчезнутъ спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ (это потому, что заводы исчезнутъ?), затѣмъ и кустарники; климатъ ухудшится, озера и рѣки обмелѣютъ, ранніе заморозки и неурожайные годы участятся; страна превратится въ степь и пустыню и во многихъ мѣстностяхъ, въ концѣ-концовъ, станетъ, пожалуй, совершенно необитаемой. Желательно ли вамъ этого гг. псевдо-либералы?“ — восклицаетъ г. Баръ? (стр. 36). Этими и подобными тирадами г. Баръ старается убѣдить русскаго чи-

тателя, что „ни крестьянскаго малоземелья, ни земледѣльческаго, экономическаго и торговаго кризиса въ Россіи не существуетъ“ (все это выдумки псевдо-либераловъ), а есть только одно зло, отъ котораго зависать всѣ не только хозяйственныя, но и общественныя бѣдствія,— это общинное землевладѣніе; отсюда простой рецептъ: всѣ наши общественныя невзгоды „aus einem Punkte zu curiren“, т.-е. уничтожить общинное владѣніе, и въ результатѣ получится полное оздоровленіе всего нашего общественнаго и государственнаго организма.

Г. Баръ, стараясь убѣдить читателя, что общинное владѣніе есть непреодолимый тормазъ для всякихъ земледѣльческихъ усовершенствованій, постоянно поучаетъ его примѣрами, взятыми имъ изъ крестьянскаго хозяйства остзейскихъ провинцій, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія и существуетъ интензивная культура. Г. Баръ забываетъ при этомъ, что, кромѣ остзейскихъ провинцій, у насъ существуютъ еще малорусскія губерніи, гдѣ также нѣтъ общиннаго владѣнія, а, тѣмъ не менѣе, земледѣльческая культура Малороссіи стоитъ нисколько не выше по сравненію съ центральными губерніями.

Вмѣсто того, чтобы предлагать обширныя радикальныя реформы, которыя; прежде всего, встрѣтятъ заслуженное сопротивленіе въ невозмутимомъ консерватизмѣ русскаго крестьянства, г. Баръ, въ качествѣ ученаго агронома и „трезваго практика“, принесъ бы несомнѣнную пользу, если бы указалъ найти формы земледѣльческихъ улучшеній, которыя примѣнимы къ современному крестьянскому землевладѣнію въ томъ видѣ, какъ оно фактически существуетъ. А, между тѣмъ, русскіе крестьяне, не ожидая того времени, когда къ нимъ придутъ на помощь ученые агрономы, сами начинаютъ прибѣгать къ разнымъ улучшеніямъ земледѣльческой культуры. Единичныя примѣры тамбовскихъ и другихъ крестьянскихъ общинъ показываютъ, что въ этомъ направленіи при общинномъ владѣніи можетъ быть достигнуто многое.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Русскій Меццофантѣ“. А. В. Старчевскаго.

Русскій Меццофантѣ. Руководство какъ научиться говорить на иностранномъ языкѣ въ двѣ-три недѣли, составленное для языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Съ приложеніемъ словарей. Составилъ А. В. Старчевскій. Спб., 1886 г. Такихъ руководствъ съ заглавіями вродѣ *Die Kunst binnen zwei Wochen die französische Sprache zu erlernen* и т. п. въ нѣмецкой литературѣ видимо-невидимо; но много ли людей, научившихся по нимъ *geläufig zu schreiben und zu sprechen*, на то статистическихъ данныхъ, въ сожалѣнію, не имѣется. Да такихъ счастливицковъ, вѣроятно, и нѣтъ. Однако, вѣдь, научился же кардиналъ Меццофантѣ говорить на множествѣ языковъ; какъ онъ достигъ такого завиднаго умѣнья? Судя по заглавію книги г. Старчевскаго, тайна многоязычнаго итальянца въ нашихъ рукахъ: стоитъ только купить *Руководство какъ* и т. д., принять его въ себя по способу, прописанному въ „предисловіи“, и—заговорить, какъ кто? Для отвѣта на этотъ вопросъ познакомимся съ содержаніемъ учебника. Начнемъ по порядку съ французскаго отдѣла.

На первомъ мѣстѣ „алфавитъ“ съ примѣчаніями, каковы, наприм.: „В—на концѣ не выговаривается“ (а Jacob?), „é—выговаривается какъ

русское е (sic!) въ словѣ тѣма“ (sic!), „è—выговаривается какъ русское е въ словѣ левъ“, „G—...на концѣ не выговаривается“ (а joug?), „N—выговаривается въ носъ; in, un—выговаривается какъ эн; но когда послѣ и слѣдуетъ е, тогда онъ не выговаривается въ носъ, а произносится какъ русское н“ (а русский н во что же выговаривается, если не въ носъ?), „V—на концѣ не выговаривается“ (любопытно было бы видѣть примѣры) и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ французскій „Текстъ для чтенія“, который учащійся долженъ переписывать русскими буквами для усвоенія себѣ выговора, а чтобы онъ не ошибся въ тонкостяхъ *prononса*, сей послѣдній изображенъ на „Провѣрочномъ листѣ“: „Le занъ дан ля жэнэсъ сэ круа дан зэн эспасэ энфини, кан тэлль, э пассэ, э ке ляжъ дэ лэкспэриансъ э веню пуръ э, иль сэ рэтрувъ боку плю раинпрошэ киль нэ крофъ л’этръ э иль зон абути прэскъ ту а дэ рэзюльта д’идэ ассэ пэ диффэран“ и т. д. Достоинства такой передачи французскихъ звуковъ *а ла рюсъ* выступаютъ особенно ярко при сравненіи ея съ только что упомянутыми примѣчаніями къ алфавиту, напримѣръ, сѣ (se) при правилѣ: „E—на концѣ не выговаривается“, кан тэлль (quand elle) ср. „D—на концѣ не выговаривается“, крофъ (croyaient) ср. „oi выговаривается какъ русское уай“ и т. п. L’homme звучитъ л’омъ (хотя la—ля), particulière—партикуляръ, ignore—инёръ (безъ всякаго предупрежденія о выговорѣ gn), extrême—экстрэмъ, tienda—тиендра (въ 4 слога!), aiguillons—эвиллонъ и многое другое въ томъ же родѣ, но не безъ разнообразія, напр., général—то жэнэраль, то женераль, insensiblement—энсансильман, а raisonnablement—рэзонаблеман. Изъ „характеристики языка“ ученикъ узнаетъ, между прочимъ, что „для означенія родит. падежа употребляется членъ *du, de la и del*“ (какъ-то онъ переведеть „стаканъ воды“?), что „прилагательное ставится передъ существительнымъ“ (а „эспасэ энфини“?), что „французы всѣмъ говорятъ *вы—vous*“, хотя на стр. 17 читаются примѣры Qu’a (sic) tu, mon ami? и As-tu vu m-r le docteur? „Карманный листокъ для французскаго языка“ (стр. 7—10) состоитъ изъ списка русскихъ словъ съ французскимъ переводомъ, расположенныхъ по частямъ рѣчи, не безъ недоразумѣній относительно родовъ (archine, aune, forêt м. р., crayon, mets, équipage ж. р.), не говоря о неточностяхъ вроде égale и какъ бы для равновѣсія difficil. Ученикъ, убѣдившись по „Провѣрочному листу“ въ томъ, „что онъ правильно читаетъ иностранный текстъ“ (т.-е. въ томъ, что усвоилъ себѣ парижскій прононсъ г. Старчевскаго), „отрываетъ“ этотъ карманный листокъ и послѣ этой дидактической мѣры обязанъ „справляться съ нимъ постоянно, пока не станетъ говорить, не запинаясь“. Какъ можетъ произойти съ учащимся такое чудо, изъ свойствъ листа не явствуетъ; сущность дѣла, можетъ быть, и кроется въ томъ, чтобы оторвать его. Стр. 11—16—„Грамматическій очеркъ“, который долженъ быть усвоенъ въ теченіе недѣли. Стр. 17—30—„Переводныя работы“ на изучаемомъ языкѣ, числомъ 7, составляемыя изъ короткихъ фразъ, отчасти разговорныхъ, и изъ отдѣльныхъ сочетаній словъ. По поводу этихъ фразъ авторъ предвѣщаетъ, что „теперь начинается главный трудъ, который долженъ привести учащагося къ желанной цѣли, продолжается *четырнадцать* дней и состоитъ въ одномъ переводѣ *работъ* то съ иностраннаго языка на русскій, то съ своего русскаго перевода опять на иностранный“ при помощи „словарей“ и „грамматическаго очерка“. Что такое упражненіе очень полезно, о томъ спора нѣтъ; бѣда только въ томъ, что подъ руководствомъ

г. Старчевскаго учащійся не съумѣетъ ни прочесть, ни перевести путно. Первый же блинъ—Comment ça va-t-il?—неизбѣжно выйдетъ комомъ: изъ правила, что „N—выговаривается въ носъ“, никакъ не выведешь настоящаго произношенія слога ment, а на основаніи статьи въ „Словарѣ“: „Aller (je vais, tu vas, il va; буд. irai) — идти, ѣхать“, развѣ какой прозорливецъ доберется до истиннаго смысла фразы. Je me trouve mal—въ „Словарѣ“: „se trouver—находиться“; Comment se porte monsieur votre père?—въ „Словарѣ“: „Porter—нести, носить“ и т. д. Что дѣлать учащемуся съ такимъ матеріаломъ? Одно изъ двухъ: или приписать отцу дѣйствіе, болѣе приличное насѣдѣ, или вслѣдъ за „Карманнымъ листкомъ“ вырвать и „Переводныя работы“ вмѣстѣ со „Словаремъ“, какъ око соблазняющее.

По тому же рецепту приготовлены г. російскимъ Меццофанти и остальные два языка. Вотъ, на примѣръ, начало нѣмецкаго „Провѣрочнаго листка“ (стр. 33): „Ди эрстэ Эрціунгъ гехэртъ деръ (sic) Фрау, абэръ—инъ деръ (sic) Фамиліе. Форнэмэ Дамэнтъ шикенъ прэ клейнэъ Мэдхенъ, вэннъ дизэ каумъ ордэнтлихъ ляуфэнтъ кэненъ“ и т. д. „Мэдхенъ“ (съ э=ä) не опечатка: ср. шпэтеръ, Штэдтэнтъ, крэфтиге, Мэннэръ, Обэрфлэхтликхэйтъ (ей-Богу такъ!), даже эхтэнтъ (ächten). Недурно и „унифэрситетъ“. Впрочемъ, для такой оцѣнки произношенія, преподаваемаго г. Старчевскимъ, необходимо еще имѣть въ виду правило (стр. 36): „Въ нѣмецкомъ языкѣ удареніе ставится на предпослѣднемъ слогѣ“; точно авторъ нарочно принималъ мѣры къ тому, чтобы и самый догадливый нѣмецъ не понялъ его учениковъ! Такъ и въ англійскомъ языкѣ „удареніе“ ставится въ простыхъ словахъ на предпослѣднемъ (sic) слогѣ; а въ сложныхъ съ частицами на послѣднемъ и предпослѣднемъ“ (стр. 71). Предлагаемъ читателю примѣнить это золотое правило къ словамъ нойзэлэсъ, клозэли, учъчъ (which), уи (we), уизсъ (with), пенэри (penury), диссэпирдъ (disappeared, какъ пишетъ г. Старчевскій вмѣсто disappeared) и др., въ „Провѣрочномъ листѣ“ (стр. 65). The rest is silence: довольно и замѣченнаго о французскомъ отдѣлѣ. „Словари“ приложены двоякаго рода: „Русско-французско-нѣмецко-англійскій“, затѣмъ французско-русскій и т. д. И здѣсь не безъ курьезовъ: „Архіерей, Achevéque—Erzbischof—Archbishop“, „Безпредѣльный... Unbestimmt“, „Василѣкъ, Basilic—Königskraut с—Basil“, „Вдали... In die Ferne“ и т. п.; объ опечаткахъ (или погрѣшностяхъ, похожихъ на таковыя) и говорить нечего.

Такъ вотъ какимъ способомъ учился знаменитый итальянскій полиглоттъ! Вы не вѣрите? А что же значить заглавіе *Русскій Меццофанти*? Одно тутъ не совсѣмъ ясно: ученый кардиналъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ на многихъ языкахъ, а г. Старчевскій не выучился ни одному. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же онъ беретъ учиться другихъ, да еще сулитъ имъ чудеса въ самомъ заглавіи? Это другой вопросъ; но если бы не было промаковъ, которые попадаютъ на такія удочки, мы не обратили бы на эту книжку ни малѣйшаго вниманія, потому что сама по себѣ она не заслуживаетъ даже насмѣшки.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

„Дарвинизмъ въ биологiи и близкихъ къ ней наукахъ“. М. А. Мензбира.— „Пещеры-ледники“. Ю. Листова.— „Электричество въ домашнемъ быту“. Э. Госпитале.— „Практическій курсъ физиологiи“. Проф. Бурдона-Сандерсона, Фостера и Врунтана.

Дарвинизмъ въ биологiи и близкихъ къ ней наукахъ. М. Мензбира. Москва, 1886 г. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи автора: *Изъ исторiи животнаго и растительнаго царства и Глубоководныя изслѣдованiя*, появившіяся ранѣе въ *Русской Мысли* (въ 1884 и 1885 гг.), статья *Общества животныхъ*, помѣщенная ранѣе въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, и публичная лекція: *Исторiя Средиземнаго моря, разсказанная его берегами, водами и ихъ обитателями*, читанная авторомъ въ декабрѣ 1884 г. Въ статьѣ *Общества животныхъ* авторъ въ ясной и увлекательной формѣ описываетъ различныя формы общественной жизни животныхъ и выясняетъ причины, отчего зависятъ организациа обществъ животныхъ и чѣмъ вызывается образованiе этихъ обществъ, указываетъ далѣе на то, какое влiяніе оказываетъ общественная жизнь на особь. Въ *Исторiи Средиземнаго моря* авторъ знакомитъ въ общихъ чертахъ съ средиземноморскою фауной и флорой и затѣмъ рисуетъ картину того мѣста, на которомъ находится Средиземное море, въ миоценовый и пліоценовый періоды, и состояніе его фауны и флоры въ эти періоды, останавливается далѣе на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя обусловили измѣненіе фауны и флоры, и, такимъ образомъ, дѣлаетъ вполне понятнымъ составъ теперешней средиземноморской фауны и флоры.

Всѣ статьи этого сборника пронизаны одной идеей—о причинной зависимости всѣхъ явленій въ природѣ и послѣдовательномъ развитіи міра организмовъ, чѣмъ и объясняется названіе сборника.

Пещеры-ледники. Ю. Листова. Подъ редакціей А. И. Воейкова и И. В. Мушкетова. Спб., 1885 г. Подъ именемъ пещеръ-ледниковъ авторъ обозначаетъ пещеры, особенность которыхъ заключается въ томъ, что температура ихъ гораздо ниже средней годовой температуры мѣстности, вслѣдствіе чего въ нихъ скопляется болѣе или менѣе значительное количество льда. Такихъ пещеръ очень немного; до сихъ поръ извѣстны только четыре такихъ пещеры въ Западной Европѣ: три въ Венгріи и одна въ Штиріи, въ Россіи же такия пещеры находятся въ Гипсовой горѣ, находящейся въ чертѣ г. Илецка. Послѣднія пещеры послужили предметомъ тщательныхъ наблюденій автора. Весь трудъ распадается на три части. Въ первой части находится сжатый очеркъ образованія пещеръ вообще, во второй—описаніе илецкихъ пещеръ-ледниковъ и выясненіе причинъ аномальныхъ термическихъ явленій въ этихъ пещерахъ, и, наконецъ, въ третьей части помѣщенъ дневникъ наблюденій, производившихся съ сентября 1880 года по апрѣль 1881 г. Не останавливаясь на первой части труда, въ которой авторъ, кромѣ очерка образованія пещеръ вообще, даетъ краткое описаніе пещеръ-ледниковъ, находящихся въ Западной Европѣ, мы вкратцѣ познакомимъ съ выводами второй части, чтобы показать, насколько важное значеніе въ геологическомъ и метеорологическомъ отношеніи имѣетъ трудъ автора.

Пещеры-ледники (числомъ до 11) всѣ сгруппированы на южномъ склонѣ Гипсовой горы и своимъ появленіемъ обязаны дѣятельности

человѣка, который, замѣтивъ, что изъ незначительныхъ трещинъ и разсѣлинъ въ пластахъ гипса въ лѣтнее время вытекаетъ холодный, какъ ледъ, воздухъ, воспользовался этимъ даровымъ ледникомъ и началъ стаять туда различные припасы, требующіе низкой температуры для своего сбереженія. Впослѣдствіи болѣе смѣтливые люди пристроили прямо къ склону горы изъ того же гипса еще три стѣны, а сверху накрыли эту постройку деревянною или камышевою крышею, далѣе они врубались въ Гипсовую гору, причеиъ постоянно держались направленія трещины, черезъ которую вытекаетъ холодный воздухъ, и, въ концѣ-концовъ, создали то, что авторъ называетъ пещерою-ледникомъ. Средняя годовая температура этихъ пещеръ значительно ниже средней годовой температуры мѣстности; весною въ нихъ скопляется ледъ, лѣтомъ температура въ нихъ колеблется отъ 0° до 3° Ц. при температурѣ наружнаго воздуха, равной 25°—33° Ц., въ зимнее же время температура пещеръ на нѣсколько градусовъ выше температуры воздуха.

Ледъ, появляющійся весною въ пещерахъ, образуется вслѣдствіе того, что раннею весной снѣговая вода проникаетъ со двора и покрываетъ дно ледянымъ черепомъ; та же самая вода, стекая по южному склону Гипсовой горы и съ крышъ пристроекъ, проходя въ пещеры черезъ трещины и разсѣлины въ потолкахъ, образуетъ множество сталактитовъ и сталагмитовъ.

Наблюденія автора надъ ходомъ температуры въ пещерахъ приводятъ его къ заключенію, что „главнымъ факторомъ, обуславливающимъ какъ движеніе, такъ и распредѣленіе самой теплоты, является тяга воздуха въ каналахъ внутри Гипсовой горы“. „Можно съ увѣренностью сказать,—говоритъ онъ,—что если бы не существовало этихъ теченій воздуха внутри Гипсовой горы, этой тяги лѣтомъ изъ горы внутрь пещеры, а зимою изъ пещеры внутрь горы, не было бы и характерныхъ пещеръ-ледниковъ съ ихъ низкой температурой, рѣзко отклоняющейся отъ температуры наружнаго воздуха“. Мы не можемъ, конечно, входить въ подробное изложеніе причинъ образованія этой тяги; замѣтимъ только, что обстоятельныя наблюденія, сдѣланныя авторомъ, позволили ему вполне выяснитъ какъ причины образованія пещеръ-ледниковъ, такъ и причины, влияющія на ходъ температуры ледниковъ. Трудъ автора имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что до сихъ поръ для выясненія причины низкой температуры въ илецкихъ пещерахъ-ледникахъ въ лѣтнее время были предлагаемы только гипотезы. Правда, гипотезы эти предлагались великими учеными: Мурчисономъ, Джономъ Гершелемъ, Робинзономъ, Пикте и Нешелемъ, но одни изъ этихъ ученыхъ (Д. Гершель и Робинзонъ) никогда не видали этихъ пещеръ, другіе же (Мурчисонъ и Нешель) хотя и видѣли, но довольствовались рассказами мѣстныхъ жителей, а сами ни разу не измѣрили температуры этихъ пещеръ, и немудрено, что гипотезы, предложенныя ими, при ближайшемъ знакомствѣ съ пещерами-ледниками оказались неосновательными.

Электричество въ домашнемъ быту. Э. Госпиталье. Со многими рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ французскаго С. Степановъ, редакторъ журнала „Электричество“. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1886 г. Разбираемая нами книга можетъ считаться настольною книгою для электрика-любителя, который пожелаетъ приступить впослѣдствіи къ болѣе серьезнымъ приложеніямъ электричества. Она заключаетъ въ себѣ элементарныя свѣдѣнія по электротехникѣ,

познакомиться съ которыми необходимо всякому, кто пожелаетъ примѣнять электричество въ домашнемъ быту.

Книга обнимаетъ собою около 300 стр. съ 157 политипажами въ текстѣ. Содержаніе ея касается всѣхъ примѣненій электричества, какія только могутъ быть введены для домашняго обихода и которыя уже въ употребленіи теперь, но какъ роскошь. Она трактуетъ объ электрическомъ токѣ и электрическихъ элементахъ, употребляемыхъ, главнымъ образомъ, въ домашнемъ быту; въ ней говорится объ электрическихъ звонкахъ, автоматическихъ извѣстителяхъ домашней телефонной передачи, объ электрическихъ часахъ, электрическихъ зажигателяхъ, о домашнемъ электрическомъ освѣщеніи, объ электродвигателяхъ, о передвиженіи съ помощью электричества, о гальванопластикѣ и гальваностегіи, объ увеселительныхъ опытахъ и, наконецъ, о нѣкоторыхъ инструментахъ электричества, которые необходимо имѣть для всевозможныхъ случаевъ, встрѣчающихся на практикѣ.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что Госпиталье не имѣетъ въ виду обучать своихъ читателей конструкціи электрическихъ приборовъ; онъ даетъ лишь возможность всякому любителю разобраться въ приборахъ, примѣняемыхъ для электричества въ домашнемъ быту.

Переводъ и самое изданіе не оставляютъ желать лучшаго. Намъ пришлось бы въ этомъ отношеніи сказать то же самое, что мы сказали въ мартовской книгѣ *Русской Мысли* по поводу другаго сочиненія того же автора и того же переводчика—*О главнѣйшихъ приложенияхъ электричества*. Во всякомъ случаѣ, разбираемая книга заслуживаетъ всякой похвалы.

Практическій курсъ физиологіи (*Manuel du laboratoire de physiologie*). Составили англійскіе профессора Бурдонъ-Сандерсонъ, М. Фостеръ и Лаудуръ Брунтонъ. Переводъ съ французскаго, улучшеннаго авторами, изданія Д. Фридберга, редактированнаго, дополненнаго и переработаннаго для русскихъ студентовъ и врачей профессорами В. Ковалевскимъ, И. Съченовымъ, В. Данилевскимъ, А. Данилевскимъ и доцентами Н. Введенскимъ и В. Михайловымъ. Въ двухъ томахъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб., 1886 г. Животная физиологія у насъ преподается, главнымъ образомъ, на факультетахъ медицинскихъ и физико-математическихъ по отдѣленію естественныхъ наукъ, и преподается специалистами, извѣстными своими работами въ физиологической литературѣ, а нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ своими научными изслѣдованіями даже очень крупную общеевропейскую извѣстность. Отсюда можно было бы заключить, что наши медицинскіе и естественные факультеты служатъ разсадниками физиологическихъ знаній. Но какъ ни прискорбно, а нужно сознаться, что это совсѣмъ не такъ. На медицинскихъ факультетахъ физиологія преподается въ числѣ такъ называемыхъ подготовительныхъ предметовъ, на ряду съ такими лишними, — отчасти принципіально, отчасти вслѣдствіе совершенно изуродованной отрывчатости, — для студентовъ-медиковъ предметами, какъ минералогія, фармакогнозія и энциклопедія медицины; и если къ этому прибавить полное отсутствіе у студентовъ медицинскаго факультета сколько-нибудь прочныхъ знаній по физикѣ и химіи, то совершенно ясно станеть, чего можно отъ нихъ требовать по столь важной для нихъ отрасли знанія, какъ физиологія животныхъ. При такомъ состояніи дѣла даже одно усвоеніе ими въ неискаженномъ видѣ только бо-

лѣе или менѣе *общихъ* положеній по тому или другому отдѣлу физиологии уже самое большое, чего можно отъ нихъ въ этомъ отношеніи требовать.

Но и разумное усвоеніе даже элементарныхъ положеній по физиологии животныхъ составляетъ пока лишь *primum desiderium* для медицинскаго студента, ибо знанія его по этому предмету почерпнуты столько изъ демонстративныхъ экспериментовъ, сопровождающихъ лекціи по физиологии, сколько изъ записокъ сомнительнаго достоинства и, притомъ, за одинъ разъ, наканунѣ экзамена, одновременно съ обремененіемъ памяти какою-то корницею индѣйской, клубными яланпы и колоцинтной. Какъ это отражается на дальнѣйшемъ изученіи медицины въ тѣсномъ смыслѣ слова, само собой понятно: вмѣсто физиологии больного организма, большинство учащихся невольно приобщается направленія, для котораго другаго названія, кромѣ рецептурнаго, и придумать нельзя. Не служить у насъ разсадниками физиологическихъ знаній и естественные факультеты. Хотя студенты-натуралисты въ общемъ и имѣютъ необходимыя для изученія животной физиологии знанія по физикѣ и химіи, но на приобрѣтеніе этихъ знаній (а также по биологии и землевѣдѣнію) уходитъ почти все время пребыванія на факультетѣ, такъ что для лабораторныхъ занятій по физиологии его вовсе не остается. Другая причина низкаго уровня (бываютъ, конечно, исключенія) знаній по животной физиологии среди студентовъ нашихъ университетовъ кроется въ самомъ устройствѣ ихъ физиологическихъ лабораторій и причина эта заключается не столько въ бѣдности ихъ обстановки (она сама по себѣ), сколько въ отсутствіи въ нихъ *руководящаго* элемента, который долженъ быть представляемъ профессоромъ и его ассистентами. Но изъ кого вербовать послѣднихъ? Изъ вышеописанной постановки преподаванія у насъ животной физиологии видно, что выборъ въ этомъ отношеніи очень ограниченъ. Да и многого ли, въ смыслѣ руководства, могутъ учащіеся ждать отъ одного лаборанта, на обязанности котораго, прежде всего, лежитъ экспериментальная обстановка лекцій и который занятъ своими собственными изслѣдованіями? Если еще упомянуть объ обилии студентовъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ и полномъ несоотвѣтствіи между средствами физиологическихъ лабораторій (ихъ вѣрнѣе было бы называть профессорскими кабинетами) и количествомъ учащихся даже на естественныхъ факультетахъ, то получится полное представленіе о томъ, въ какихъ жалкихъ и узкихъ размѣрахъ, — лишь со словъ преподавателя и по производимымъ имъ же демонстраціи ради экспериментамъ, — у насъ распространяются физиологическія знанія. Еще больше содѣйствуетъ столь печальному положенію учебной стороны животной физиологии въ нашихъ университетахъ полное отсутствіе соотвѣтствующаго руководства. Прекрасная *Методика* Ціона не можетъ, къ сожалѣнію, служить *руководствомъ* для учащихся, а *Руководство къ физиолого- и патолого-химическому анализу* Гоппе-Зейлера вышло десять лѣтъ тому назадъ и, притомъ, касается лишь одной стороны дѣла. Понятно, въ виду этого, въ какомъ безпомощномъ положеніи находятся тѣ немногіе учащіеся и врачи, которымъ, несмотря на всѣ затрудненія въ этомъ отношеніи, все-таки, удалось проникнуть въ физиологическую лабораторію. Поэтому изданный въ настоящее время Ф. Павленковымъ въ русскомъ переводѣ *Практическій курсъ физиологии* Сандерсона и Фостера является весьма цѣннымъ, по своей насущной необходимости, вкладомъ въ русскую

учебно-физиологическую литературу. Переработанный специально для русских студентов и врачей и дополненный согласно съ нынѣшнимъ состояніемъ физиологии животныхъ, *Практическій курсъ физиологии* приобретаетъ этимъ еще большую цѣнность. Такъ, напр., отдѣлъ о *Дыханіи* „почти заново“ передѣланъ проф. Сѣченовымъ, а *Животная теплота* переработана профессоромъ В. Данилевскимъ; *Кровь и кровообращеніе* дополнены проф. Н. Ковалевскимъ; также исправлены главы объ *Отравленіяхъ нервно-мышечной системы* и *О бѣлковыхъ веществахъ и отдѣленіяхъ*; *Химія тканей* и *Пищевареніе* также дополнены. Въ своемъ переработанномъ видѣ *Курсъ* Фостера и Сандерсона значительно отличается отъ оригинала и, конечно, въ пользу перевода. Будучи вполнѣ *практическаго* свойства и имѣя въ виду занимающихся въ физиологической лабораторіи студентовъ и врачей, *Курсъ* этотъ даетъ все, что только нужно для желающихъ лично экспериментально проштудировать животную физиологію, т.-е. преподаетъ, придерживаясь известной системы, правила производства „существенно важныхъ“ опытовъ, на первыхъ порахъ наименѣ сложныхъ, и даетъ описаніе относящихся къ нимъ приборовъ, причемъ детально учитъ, какъ произвести тотъ или другой опытъ для *самостоятельнаго* полученія того или другаго вывода. Такъ, въ главѣ, касающейся условій, влияющихъ на свертываніе крови, послѣ очень краткаго замѣчанія о несвертываемости крови внутри живыхъ сосудовъ, сейчасъ же описывается постановка опытовъ, на которыхъ можно доказать это положеніе; по поводу, напр., иннерваціи дыхательныхъ движеній, послѣ опять-таки очень краткаго замѣчанія о центрѣ, обуславливающимъ дыхательный ритмъ, и его связи, слѣдующаго нерва, съ дыхательными мышцами, сейчасъ же слѣдуетъ описаніе производства опытовъ, имѣющихъ цѣлью доказать, во-первыхъ, влияніе на дыхательныя движенія перерѣзки обонхъ блуждающихъ нервовъ и раздраженія ихъ центральныхъ концовъ и, во-вторыхъ, влияніе раздраженія верхне-гортаннаго нерва. И такъ далѣе. Изъ этого читатель можетъ видѣть, что книга эта не только *методична*, касающаяся лишь описанія приборовъ и постановки физиологическихъ опытовъ, а въ полномъ смыслѣ слова *руководство*, могущее, — конечно, до нѣкоторой степени, — замѣнить для занимающихся въ физиологической лабораторіи студентовъ лаборанта, и что „первоначальный планъ Бурдонъ-Сандерсона, при которомъ имѣлось въ виду ограничиваться только необходимыми и не давать ничего лишняго“, удачно выполненъ въ этомъ переводѣ и передѣлѣ.

МЕДИЦИНА.

„Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни“. Проф. В. М. Тарновскаго. — „О причинахъ заболѣваній нервной системы. Д-ра А. Штрюмпеля. — „Болѣзни зубовъ“. Е. Андриѣ. — „Курсъ фармаціи“. Проф. В. А. Тихомирова. — „Домашніе аптечка и лечебникъ“.

Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. Общедоступное изложеніе В. М. Тарновскаго, профессора Императорской военно-медицинской академіи. Спб., 1886. Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ новаго популярнаго сочиненія, которое назначается, главнымъ образомъ, для воспитателей и для юношей, вступившихъ въ періодъ возмужа-

лости. Проф. Тарновскій довольно искусно преодолялъ значительныя трудности, представляющіяся при всякой популяризаціи и особенно сильныя въ изложеніи такого щекотливаго предмета, какъ половая дѣятельность. Въ предисловіи заключается весьма обстоятельная мотивировка пользы общедоступныхъ изложеній. Общедоступное изложеніе научныхъ истинъ вовсе необязательно влечетъ за собою полунаніе. Всякій ученый, по словамъ г. Тарновскаго, владѣетъ извѣстными отдѣлами знанія только на правахъ общедоступности, въ смыслѣ знакомства только съ выводами, а не съ способами изслѣдованія. Трудность популярнаго изложенія лежитъ именно въ томъ, чтобы соединить полноту содержанія съ точностью выраженій и ясностью передачи. Хотя, по словамъ автора, онъ можетъ безъ ложной скромности считать свой трудъ лишь слабою попыткой популяризаціи, но, по сравненію со многими множествомъ нашихъ популярныхъ сочиненій, книга г. Тарновскаго займетъ весьма выгодное положеніе.

Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Отсылаемъ читателей къ самому сочиненію и позволимъ себѣ здѣсь указать лишь на нѣкоторые интересные факты и выводы изъ каждаго отдѣла.

Первый отдѣлъ посвященъ физиологическому половому отравленію, онанизму и извращенію полового чувства. По утвержденію проф. Тарновскаго, только послѣ 25-ти лѣтняго возраста половое воздержаніе можетъ неблагоприятно отражаться на здоровьи. Интересенъ фактъ понижающаго вліянія на половую сферу долгаго пребыванія въ горахъ. Намъ кажется, что авторъ нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе суроваго или слишкомъ уступчиваго обращенія съ дѣтьми на развитіе половой сферы.

Второй отдѣлъ излагаетъ болѣзни половой сферы. Въ вопросѣ о происхожденіи перелоя авторъ не придерживается исключительно заразнаго происхожденія этой болѣзни. Во взглядахъ на язву и твердую язву авторъ полный дуалистъ. Самозараженіе твердымъ шанкромъ признается невозможнымъ. То положеніе, что сифилисъ у одного человѣка не повторяется, можно считать общимъ правиломъ: по компетентному свидѣтельству проф. Тарновскаго, имѣющаго громадную спеціальную практику, въ Петербургѣ на 10 тысячъ сифилитиковъ едва приходится 1 больной съ повторнымъ сифилисомъ. Вторичныя явленія при сифилисѣ должны обнаруживаться непременно во всякомъ случаѣ. Авторъ допускаетъ, что всѣ видимыя болѣзненныя измѣненія въ сифилисѣ могутъ проходить безъ леченія. Для заразительности сифилиса въ третичномъ періодѣ г. Тарновскій не знаетъ ни одного достовѣрнаго наблюденія. Многимъ городскимъ жителямъ, вѣроятно, неизвѣстенъ тотъ фактъ (подтверждающійся въ послѣднее время земскою медицинскою статистикою), что въ сельскомъ населеніи значительное большинство случаевъ составляетъ „сифилисъ невинныхъ“, т.-е. сифилисъ, полученный помимо полового сношенія. Способы леченія сифилиса въ книгѣ г. Тарновскаго не излагаются.

Третій отдѣлъ книги разсматриваетъ предупредительныя мѣры противъ зараженія венерическими болѣзнями. Многіе случаи зараженія происходятъ безъ вѣдома самого заражающаго субъекта; сознательно передается болѣею частью только мягкая язва. Сроками разрѣшенія брака послѣ совершеннаго прекращенія симптомовъ болѣзни проф. Тарновскій считаетъ для перелоя — двѣ недѣли, для мягкой язвы — 5 мѣсяцевъ, для сифилиса — 5 лѣтъ. Медико-полицейскій надзоръ за про-

ституціею есть, по мнѣнію автора, надзоръ призрачный. Зараженіе отъ проституткозъ (въ Петербургѣ 80% всѣхъ случаевъ зараженія) можетъ быть предотвращено только при правильномъ осмотрѣ мужчинъ. Въ дѣлѣ распространенія сифилиса самымъ могучимъ факторомъ является незнаніе естественнаго хода болѣзни.

Заключаемъ нашу замѣтку справедливыми словами предисловія: „только разумное распространеніе точныхъ и возможно полныхъ свѣдѣній о сифилисѣ составляетъ правильную исходную точку для успѣшной борьбы съ нимъ“.

О причинахъ заболѣваній нервной системы. Доктора Адольфа Штрюмпеля, экстраординарнаго профессора и директора медицинской поликлиники въ Лейпцигѣ. Переводъ съ нѣмецкаго врача Н. Савельева. Москва, 1886 г. Небольшая брошюра эта, — вступительная лекція, читанная авторомъ, — затрогиваетъ вопросъ объ этиологіи нервныхъ страданій, — вопросъ, которому ужъ ннеакъ, конечно, нельзя отказать въ важности какъ съ медицинской, такъ и съ общественной точки зрѣнія. Медицина констатируетъ все болѣе и болѣе прогрессирующее (количественно) распространеніе заболѣваній нервной системы; а, между тѣмъ, вся поглощенная, почти вплоть до нашихъ дней, анатомическою стороною дѣла (что, впрочемъ, меньше всего можно ставить ей въ упрекъ), невропатологія игнорировала вопросъ, какія именно причины могутъ, въ томъ или другомъ случаѣ, вызывать тѣ или другія матеріальныя измѣненія, — однимъ словомъ, ученіе о болѣзняхъ нервной системы еще не вступило и по сію пору въ тотъ этиологическій періодъ, въ которомъ теперь находится патологія и который уже привелъ медицину и гигиену къ столь же важнымъ, какъ и неожиданнымъ открытіямъ въ области этиологіи болѣзней. Что же касается этиологіи собственно нервныхъ болѣзней, то она еще очень мало выяснена. Говоря о профессиональномъ неврозѣ, о вліяніи наследственности, объ интоксикаціи химическими ядами и о вліяніи психическихъ моментовъ на страданія нервной системы, авторъ, между прочимъ, затрогиваетъ вопросъ о томъ, стоитъ ли этиологія нервныхъ болѣзней въ какомъ-либо отношеніи къ паразитарной теоріи, этому краеугольному камню этиологическаго направленія современной патологіи? Но именно этого вопроса невропатологія почти вовсе еще не коснулась. Между тѣмъ, эта новая точка зрѣнія, по мнѣнію Штрюмпеля, невольно напрашивается въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся отношеній между даннымъ нервнымъ страданіемъ и его этиологическимъ моментомъ. Такъ, напримѣръ, отношеніе такъ называемой спинной сухотки къ сифилитической инфекціи, — отношеніе, правда, нисколько еще не выясненное положительно въ смыслѣ прямой связи между сказаннымъ страданіемъ и его специфическимъ причиннымъ моментомъ; отношеніе остраго множественнаго неврита и остраго полиміелита къ ихъ этиологіи, ясно намекающей, какъ по начальнымъ проявленіямъ, такъ и по самому теченію этихъ болѣзней, на ихъ инфекціонный характеръ: внезапность, высокая температура, увеличеніе селезенки, гастрическаія расстройства; далѣе, зависимость между такъ называемыми послѣдовательными нервными страданіями, часто являющимися послѣ перенесенной болынымъ уже несомнѣнной инфекціи, и этой послѣдней; появленіе пляски св. Витта послѣ остраго сочленовнаго ревматизма и нѣкоторыхъ формъ эндокардита и т. д., — все это должно наводить на размышленіе объ инфекціонномъ характерѣ многихъ нервныхъ болѣз-

ней. Въ настоящее время, правда, невропатологія рѣшительно ничего не можетъ привести въ доказательство этой предполагаемой зависимости; правда также, что это, какъ и самъ сознается авторъ, все больше предположенія, которыя лишь можно высказывать. Но новая точка зрѣнія можетъ направить и клиническія наблюденія, и теоретическія изслѣдованія именно въ этомъ направленіи и привести, пожалуй, къ уразумѣнію истинной причинности многихъ страданій нервной системы, подобно тому, какъ это, напримѣръ, случилось съ туберкулезомъ. „Если бы,—говоритъ авторъ,—инфекціонный характеръ туберкулеза не былъ съ убѣдительною основательностью выведенъ уже ранее, на основаніи чисто-клиническихъ и анатомическихъ данныхъ, то открытіе туберкулезныхъ бациллъ, безспорно, заставило бы себя еще долго ждать“. Такимъ образомъ, эти новыя воззрѣнія на причины многихъ нервныхъ болѣзней ставятъ очень опредѣленныя задачи,—и въ этомъ пока все ихъ значеніе.

Болѣзни зубовъ. Клиническія лекціи Е. Андріе. Переводъ съ французскаго подъ редакціей врача Л. Каченовскаго. Спб., 1886 г. Зубоврачебное искусство лишь недавно удостоилось припятія въ ареопагъ высшаго медицинскаго образованія въ Россіи. Дантистовъ-врачей у насъ еще очень немного. Универсальная практика земскаго врача обнимаетъ большею частью и извлеченіе зубовъ. Для многихъ практическихъ врачей окажется небезполезнымъ руководство Андріе, составленное въ совершенно практическомъ направленіи. Недостатокъ книжки въ нѣкоторомъ избыткѣ разглагольствованій, который нерѣдко встрѣчается во французскихъ медицинскихъ книжкахъ. Анатомическихъ основаній одонтологіи въ книгѣ Андріе не имѣется; между тѣмъ, они были бы здѣсь нелишними. Въ 24 лекціяхъ рассмотрѣны извлеченіе зубовъ (съ подробнымъ изложеніемъ показаній къ извлеченію), резекція зубовъ, гигиеническій уходъ за полостью рта, пломбы временныя и постоянныя и осложненія зубныхъ болѣзней.

Терминологія перевода не вездѣ удачна: встрѣчаются безъ нужды употребляемыя руссифицированныя иностранныя слова, напримѣръ, „ремплантація“, „бикуспидаты“ и др.

Курсъ фармаціи. В. А. Тихомирова, экстраординарнаго профессора Московскаго университета. 2-е дополненное изданіе. Москва, 1886 г. За границей книгопечатное дѣло стоитъ, какъ извѣстно, на очень высокой степени. Тамъ вовсе не составляетъ рѣдкости книга не только безъ ошибокъ, но даже и безъ опечатокъ. У насъ же опечатки составляютъ какъ бы необходимѣйшую принадлежность всякаго печатнаго произведенія и на нихъ обыкновенно даже не обращаютъ вниманія. На русскомъ языкѣ трудно найти даже научную книгу безъ болѣе или менѣе грубыхъ ошибокъ. Это зло серьезное, съ которымъ слѣдуетъ бороться. Русскіе авторы по небрежности или по излишней торопливости не успѣваютъ даже внимательно прочитывать того, что они пишутъ. Особенно если книга ходовая, напримѣръ, какое-нибудь руководство, на которое имѣется хороший спросъ, тутъ уже съ публикой не церемонятся; печатаютъ съ плеча, справедливо полагая, что у насъ все сойдетъ. Къ сожалѣнію, книга московскаго профессора Тихомирова не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: она также полна ошибокъ и недосмотровъ, какъ и большая часть сочиненій російскаго происхожденія. Такъ, на стр. 118го говорится, что S встрѣчается въ природѣ въ видѣ Fe S (это невѣрно:

железный колчеданъ имѣеть составъ $Fe S_2$). На стр. 122 читаемъ, что азотъ вмѣстѣ съ фосфоромъ, мышьякомъ и сурьюю представляетъ одну, весьма естественную группу элементовъ (?). Въ научныхъ сочиненіяхъ нельзя выражаться такъ сверхъестественно. На той же страницѣ авторъ пишетъ химическое уравненіе, по которому выходитъ, что при взаимодействіи амміака съ водою получается аммоній и гидроксиль, т.-е. два несуществующихъ тѣла. Тамъ же: „въ свободномъ состояніи въ природѣ амміакъ не встрѣчается вслѣдствіе сильнаго средства его къ водѣ (!)“. Чтобы судить о характерѣ опечатокъ, укажемъ, наприм., на стр. 123: вмѣсто ангидридъ напечатано, ангидродъ, вмѣсто нашатырный спиртъ—нашптырный; здѣсь же находимъ новый въ химіи терминъ „дымлеріе“. На стр. 128, говоря о встрѣчающихся въ природѣ фосфорнокислыхъ соляхъ, авторъ забываетъ упомянуть о столь распространенныхъ минералахъ, какъ апатитъ и фосфоритъ (остеодитъ — терминъ рѣдкій), а при описаніи современнаго способа добыванія фосфора, сообщается, что будто бы метафосфорнокислая известь при сильномъ ея прокалываніи съ углемъ распадается на фосфоръ, окись углерода и среднюю фосфорнокислую известь. Это, пожалуй, и вѣрно, но безъ надлежащаго объясненія совсѣмъ непонятно. Мы сомнѣваемся также, чтобы аморфный фосфоръ обладалъ яркочернымъ цвѣтомъ (?) (см. стр. 129). Терминологія мѣстами устарѣвшая и давно уже оставленная. Авторъ, напр., употребляетъ выраженія: *водостырный аммоній*, *водосимильная кислота*. На стр. 149 говорится, что борная кислота ядовита, что въ малыхъ дозахъ она вызываетъ рвоту, а въ большихъ воспаленіе желудочно-кишечнаго канала; но это не помѣшало Цюну рекомендовать ее какъ хорошее средство для сохраненія мяса (?), а г. Тихомирову уклониться отъ всякихъ съ своей стороны разъясненій этого противорѣчія. Борная кислота дѣйствительно употребляется какъ консервирующее средство и потому мнѣніе объ особой ея ядовитости требуетъ тщательной провѣрки.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить, какъ тотъ или другой препаратъ готовится заводскимъ путемъ, причемъ нерѣдко впадаетъ въ странныя заблужденія (для примѣра укажемъ описаніе способа фабрикаціи вазелина, стр. 162, или на стр. 377, гдѣ зачѣмъ-то описываются печи для обжиганія извести), но за то при описаніи свойствъ препарата сплошь и рядомъ вы встрѣтите неполноту и неясность. Такъ, напримѣръ, говоря о сѣроуглеродѣ, ни слова о лучепреломляемости. На стран. 193 сказано, что „эфиръ, какъ анестетическое средство, по справедливости, замѣненъ болѣе удобнымъ и, повидимому, менѣе опаснымъ хлороформомъ“. Опаснѣе или не опаснѣе эфиръ хлороформа, это остается не выясненнымъ. Въ учебникахъ такая уклончивость и растяжимость не допускаются. Если вопросъ въ точности не рѣшенъ, то такъ и надо говорить, что въ науцѣ это пока пустое мѣсто, а всѣ эти повидимому, возможно, вѣроятно и пр. должны быть тщательно избѣгаемы. Нельзя также говорить, что (стр. 344) „при стираніи съ углемъ, сѣрою и пр. марганцевокислосое кали воспламеняется“ (!). Между гессенскими и просто фарфоровыми тиглями необходимо дѣлать различіе (стр. 380). Мы не будемъ перечислять всѣхъ ошибокъ, недомолвокъ, опечатокъ и т. п. Наша дѣль показать автору, что его трудъ нуждается въ тщательной переработкѣ, что перепечатывать вторымъ изданіемъ книгу со всѣми ошибками и опечатками, какія были въ первомъ, не слѣдуетъ и что какъ руководство *Курсъ фармаціи*

г. Тихомирова въ настоящемъ его видѣ имѣетъ больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Отмѣченная нами небрежность является тѣмъ болѣе странною, что значительная часть книги представляетъ собою конспектъ общей и аналитической химіи, т.-е., слѣдовательно, простое заимствование, сдѣланное безъ надлежащей осмотрительности. Къ учебникамъ, по нашему мнѣнію, необходимо относиться съ особою строгостью, тѣмъ болѣе, что въ Россіи на составленіе учебниковъ смотрятъ обыкновенно какъ на легкій, пріятный, малоответственный, но иногда очень доходный трудъ.

Домашніе аптечка и лечебникъ. Изданіе редакціи журнала „Прогрессивное Сельское Хозяйство“. Спб., 1886 г. Всѣмъ охотникамъ до юмористическаго чтенія настойчиво рекомендуемъ эту книжку. Чтобы не лишать ихъ удовольствія, позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь лишь самыя краткія выдержки изъ интереснаго труда, первая часть котораго заключаетъ алфавитъ и приготовленіе всевозможныхъ лѣкарствъ, а вторая часть („составленная по руководствамъ д-ровъ медицины Дебе, Кунце, Лее, Нусбаума, Распайля и пр.“) излагаетъ леченіе всѣхъ болѣзней безъ помощи врача.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ всевозможныхъ болѣзней является „французская водка съ солью“. Подъ французскою водкой нужно разумѣть дешевый коньякъ, цѣною въ 2 рубля за бутылку (стр. 39). Это средство излечиваетъ ушибы, раны, параличъ, ударъ, ракъ, зубную боль, колики, рожу, ревматизмъ, глухоту, чихотку и всякія наружныя и внутреннія воспаленія безъ помощи врача.

Но составитель лечебника вовсе не противникъ врачей; въ алфавитѣ второй части вы найдете параграфъ о выборѣ врача; тамъ рекомендуется не обращаться къ „знаменитостямъ, которыя вѣчно заняты рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ“ (такой упрекъ не всегда вѣренъ по отношенію къ русскимъ медицинскимъ знаменитостямъ). Врачу представляется леченіе сифилиса (стр. 137).

Вѣрное средство согнать бѣльмо — пускать въ глаза по вечерамъ крѣпкій щелокъ изъ золы, смѣшанный пополамъ со сливками (стр. 45). Противъ лихорадки помогаютъ пилюли изъ чернаго хлѣба съ паутиною по три раза въ день (стр. 110). На стр. 152 упоминается „бѣлая или, лучше сказать, красная нефть“, какъ средство противъ холеры. Много мѣста отведено крашенію волосъ; любопытенъ одинъ способъ окрашиванія внутренними средствами—пріемомъ желѣзныхъ солей; тогда въ волосяныхъ мѣшечкахъ образуется что-то вроде чернилъ (стр. 50).

Изданіе этой книжки—интересный финалъ для органа „раціональнаго веденія сельскаго хозяйства“, издававшагося „при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и хозяйевъ-практиковъ“ (такъ говорило о себѣ въ объявленіяхъ *Прогрессивное Сельское Хозяйство*).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Исслѣдованіе современнаго состоянія скотоводства въ Россіи“. — „Плужная запрежка“. В. В. Чернышева. — „Выборъ и содержаніе локобила“. Е. Г. Котельникова. — „Саранча и способы ея истребленія“. К. Э. Линдемана. — „Работы статистическаго бюро при перской губернской управѣ: „Матеріалы къ борьбѣ съ вредными насѣкомыми“. Е. Красноперова. — „Отчетъ объ осмотровѣ припутскихъ виноградниковъ южной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о филоксерѣ въ Румыніи“. И. М. Крастльшика. — „О грибахъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ“. Ею же.

Исслѣдованіе современнаго состоянія скотоводства въ Россіи. Рогатый скоть. Выпускъ II. Изданіе департамента земледѣлія. Москва, 1885 г. Въ іюльской книгѣ 1885 года мы имѣли случай говорить о первомъ выпускѣ этого изданія. Въ самомъ концѣ прошлаго года вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ, гдѣ помѣщено продолженіе работъ экспедиціи по изслѣдованію современнаго состоянія скотоводства въ Россіи. По величинѣ второй выпускъ не уступаетъ первому выпуску (въ немъ 65 печатн. листовъ, изъ нихъ 14 мелкаго шрифта) и сопровождается альбомомъ изъ 57 фотогравюръ.

Во второе лѣто своихъ развѣздовъ (1884) члены экспедиціи обслѣдовали 12 губерній. Въ распоряженіи экспедиціи было теперь гораздо больше статистическаго матеріала, чѣмъ въ предыдущемъ году, потому что изъ числа 12 губерній въ восьми производились земско-статистическія работы. Можно смѣло сказать, что до сихъ поръ не было еще въ Россіи такой обширной одновременной утилизациі земской статистики, какъ въ настоящемъ выпускѣ трудовъ по изслѣдованію скотоводства. Отсылая всякаго, кто сколько-нибудь интересуется положеніемъ русскаго скотоводства, къ внимательному изученію новаго изданія, мы позволимъ себѣ здѣсь сообщить только нѣкоторые немногіе выводы изъ отдѣльныхъ отчетовъ.

Почтенный предсѣдатель экспедиціи, академикъ А. Θ. Миддендорфъ, заболѣлъ въ серединѣ лѣта, и мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ въ настоящемъ выпускѣ отчета съ его стороны. Четыре отчета (гг. Чирвинскаго, Сычева, Армфельда и Калантара) обнимаютъ каждый по три губерніи. Намъ кажется, что при раздѣленіи развѣздовъ между членами лучше было бы руководиться не административными единицами, а болѣе естественными районами; на примѣръ, слѣдовало бы поручить одному лицу область центральной черноземной Россіи, съ довольно рѣзко опредѣлившимися сельско-хозяйственными условіями; теперь эта область была раздѣлена между гг. Чирвинскимъ и Армфельдомъ (оба займали и въ другіе естественные районы), а нѣкоторыя части ея вовсе не подверглись изслѣдованію, на примѣръ, западъ Тамбовской губерніи.

Профессоръ Чирвинскій посѣтилъ губерніи Черниговскую, Курскую и Воронежскую. Въ его отчетѣ мы встрѣчаемъ добросовѣстное знакомство съ земско-статистическими работами этихъ губерній; особенное вниманіе обращено на выясненіе связи между положеніемъ скотоводства въ данномъ районѣ и общими экономическими условіями района. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ съ поразительною правильностью обнаруживается тѣсная зависимость между размѣромъ надѣла и относительнымъ количествомъ скота. Въ помѣщичьемъ хозяйствѣ немалымъ препятствіемъ къ развитію скотоводства служатъ избыточная сдача земли и такъ называемая отработочная система хозяйства. Количество ме-

тисовъ въ этомъ районѣ значительно больше, чѣмъ въ сѣверо-восточной Россіи. Недавно гравворонская управа и щигровское общество сельскаго хозяйства приняли на себя посредничество между продавцами и покупателями племеннаго скота въ Курской губерніи. Полевая культура кормовыхъ растений пова еще распространена въ ничтожныхъ размѣрахъ, но, очевидно, безъ нея скотоводство центральной Россіи развиваться не можетъ. Молочное хозяйство едва ли скоро будетъ выгодно для центрального чернозема, за исключеніемъ сосѣдства большихъ городовъ. Большое значеніе здѣсь имѣетъ откармливаніе, которое, кромя денежной выгоды, даетъ хозяйствамъ массу цѣннаго навоза. Весьма серьезное препятствіе къ улучшенію скотоводства составляютъ эпизоотіи, въ особенности чума: въ Черниговской губерніи въ 1880 году выпало около 11% всего количества скота. Для борьбы съ эпизоотіями, по справедливому замѣчанію г. Чирвинскаго, земскихъ средствъ недостаточно.

Отчетъ г. Армфельда охватываетъ губерніи Орловскую, Тульскую и Рязанскую. Составитель осмотрѣлъ около 90 помѣщичьихъ хозяйствъ, а изъ крестьянскихъ попутно только наиболѣе своеобразныя и исключительныя. Жаль, что члены экспедиціи не сообщаютъ мотивовъ, которыми имъ приходилось руководиться при выборѣ хозяйствъ для посѣщенія. Разбирая общія условія описываемаго района на основаніи собственныхъ наблюденій и богатой литературы, г. Армфельдъ называетъ преобладающимъ направленіемъ здѣшняго частновладѣльческаго хозяйства возможно дешевое производство возможно большихъ количествъ зерноваго хлѣба. Интересенъ отмѣчаемый фактъ, что старые владѣльцы этой мѣстности получаютъ высокіе доходы на невиданные имъ, въ сущности, капиталы (образовавшіеся преимущественно отъ повышения цѣнности земель), и потому часто не имѣютъ резоновъ отчислять изъ чистаго дохода значительныхъ суммъ въ проценты на затраченный капиталъ; положеніе новыхъ владѣльцевъ, конечно, совершенно иное. Изъ трехъ губерній Тульская бѣднѣе рогатымъ скотомъ по отношенію къ пространству и къ населенію. Метизація скота иностранными породами производилась въ этихъ губерніяхъ издавна и въ большихъ размѣрахъ, но безпрестанное появленіе чумы скоро отбивало у многихъ хозяевъ охоту къ улучшеніямъ. Пастбища здѣсь отличаются крайнею скудостью (кормъ значительно улучшается только въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, пригодныхъ для молочнаго хозяйства). Отъ скота требуютъ, главнымъ образомъ, дароваго навоза, причеиъ многие даже не обращаютъ вниманія на качество навоза. Сыровареніе должно было бы быть въ этой мѣстности выгоднѣе, чѣмъ маслослѣіе, но варенъ хорошаго сыра часто мѣшаетъ горькій вкусъ молока (отъ полыни). Преобладающимъ видомъ пользованія является здѣсь откармливаніе преимущественно съ помощью барды и змыховъ. При сбытѣ гуртовъ откормленнаго скота громадный процентъ достается комиссіонерамъ; напримѣръ, нѣкто Постниковъ, изъ крестьянъ, безъ всякихъ техническихъ свѣдѣній, наживаетъ отъ комиссіонерства свыше 50 тысячъ въ годъ (съ каждаго вола берется 50 коп. за продажу, да еще 80 коп. на голову за какой-то размѣнъ денегъ). Въ приложеніи помѣщена записка г. Армфельда о прекрасномъ стадѣ г. Путаты въ Смоленской губерніи; это единственное хозяйство изъ этой губерніи, посѣщенное въ 1884 году (къ нему относятся 10 рисунковъ изъ альбома).

Г. Сычевъ путешествовалъ по восточной Россіи, по губерніямъ Ни-

жегородской, Казанской и Уфимской. Здѣсь работами земской статистики можно было воспользоваться лишь по нѣсколькимъ мѣстностямъ Казанской губерніи. Въ этомъ районѣ можно наблюдать измѣненія въ скотоводствѣ подѣ влияніемъ этнографическихъ условій: у чувашъ и у черемисовъ скота больше и уходъ за нимъ лучше, чѣмъ у татаръ и башкиръ. Курьезный примѣръ устойчивости привычекъ представляетъ тотъ фактъ, что нѣкоторые башкиры продолжаютъ и теперь „кочевать“ при 20-ти десятинномъ надѣлѣ на дворѣ (какъ при прежнемъ земельномъ привольи). Метизація встрѣчается преимущественно въ Нижегородской губерніи, но до послѣдняго времени велась совершенно безсознательно. Чума въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ) совсѣмъ не переводится. Борьба съ чумою предметъ первостепенной важности. Для измѣненія крестьянскаго скотоводства авторъ считаетъ необходимымъ, кромѣ накопленія знаній и капиталовъ, образованіе болѣе крупныхъ хозяйственныхъ единицъ.

Отчетъ г. Калантара относится къ нечерноземной Россіи, къ губерніямъ Тверской, Новгородской и Псковской. Содержаніе отчета исключительно техническое; всѣ статистическіе матеріалы, какъ литературные, такъ и собранные самимъ авторомъ, отнесены въ приложение. Примѣромъ выгоднаго крестьянскаго скотоводства, построеннаго на маслодѣліи и сыровареніи, являются уѣзды Корчевской, Череповецкій и Кирилловскій. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ Новгородской губерніи распространено выпашиваніе телятъ для Петербурга. Но во многихъ уѣздахъ этого района скотъ считается необходимымъ зломъ. Нерѣдко крестьянскій молочный скотъ оказывается производителнѣе помѣщичьяго; помимо старательнаго ухода, причина лежитъ, между прочимъ, въ болѣе тщательномъ доеніи. Несмотря на кажущуюся заморенность скота, часто при мало-мальски сносномъ кормѣ попадаютъ полные годовые удои въ 100 ведеръ. Какъ на одну изъ причинъ малорослости здѣшняго скота, г. Калантаръ указываетъ на скудное питаніе теленка въ утробѣ матери. Скрещиваніе съ иностраннымъ скотомъ и здѣсь, къ сожалѣнію, не сопровождается измѣненіемъ кормленія и ухода. Молочное хозяйство нечерноземной Россіи раздѣлилось на четыре главныя отрасли: приготовленіе топленнаго масла, сметаннаго, сливочнаго и сыродѣліе. По справедливому мнѣнію г. Калантара, русское молочное хозяйство нуждается въ подробномъ спеціальномъ изслѣдованіи.

Новизна дѣла и отсутствіе предъидущихъ систематическихъ экспедицій не позволили членамъ принять общую программу и общій планъ изслѣдованій. Для работъ будущаго времени это окажетъ уже возможнымъ, потому что нынѣшняя экспедиція положила весьма важный фундаментъ въ дѣлѣ изученія русскаго скотоводства.

Въ 1885 году развѣдковъ не было, но весною текущаго 1886 года члены экспедиціи, какъ мы слышали, вновь приступили къ работамъ; теперь они направляются въ южную и юго-восточную Россію.

Плужная запряжка. В. В. Черняева. Съ 35 рисунками въ текстѣ. Спб., 1886 г. Цѣна 75 коп. Брошюра эта представляетъ собою объяснительное чтеніе автора при демонстраціи коллекціи въ петербургскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ. Запряжка имѣетъ большое значеніе для правильности плужной работы. При надлежащей запряжкѣ достигается возможно полная взаимная независимость работающаго животнаго и пашущаго орудія. Авторъ вовсе не касается оглобельной запряжки и говоритъ почти исключительно о вальевой, от-

вода 4 странички американской безвальковой запряжкѣ лошадей въ плугъ: этотъ послѣдній видъ запряжки по своей оригинальности можетъ представить интересъ для нашихъ хозяевъ. Глава о запряжкѣ воловъ составлена болѣею частью по руководству Раде *) и Эйсбейна съ добавленіемъ русскихъ способовъ Мусина-Пушина и Гроссуль-Толстаго. Брошюра издана изящно и снабжена недурными иллюстраціями, но не можетъ быть названа дешевою.

Выборъ и содержаніе локомобиля. Пособіе для сельскихъ хозяевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ чертежомъ и политипажами. Е. Г. Котельникова. Спб., 1886 г. Непосредственно вслѣдъ за отміной крѣпостнаго права паровыя молотилы стали быстро распространяться въ помѣщичьихъ хозяйствахъ южной и юго-восточной Россіи и локомобили нашли себѣ постоянный, надежный спросъ. Машинисты сдѣлались нужными людьми во многихъ крупныхъ хозяйствахъ и для администраторовъ потребовалось общее знакомство съ устройствомъ и работою паровыхъ машинъ.

Первое изданіе книжки г. Котельникова вышло еще 9 лѣтъ тому назадъ. Въ этой книжкѣ сообщаются расчеты выгодности локомобилей, свѣдѣнія о выборѣ системы, объ осмотрѣ и испытаніи локомобиля, о несчастныхъ случаяхъ, о выборѣ топлива и воды, объ исполненіи работъ, объ остановкахъ, чисткѣ и ремонтѣ машинъ. Изложеніе ясное и общедоступное. Чертежъ въ приложеніи имѣетъ крупный масштабъ.

Отношеніе автора къ соломенной топкѣ локомобиля кажется намъ слишкомъ рѣзкимъ: онъ не оказываетъ вниманія къ этому виду топки, незамѣнимому при современныхъ условіяхъ степнаго хозяйства; недаромъ приспособленія по соломотопкѣ (Шеміотта) были изобрѣтены и усовершенствованы весьма скоро послѣ первыхъ опытовъ паровой молотбы въ южной Россіи. Въ расчетахъ автора, къ сожалѣнію, не достаетъ *фактическихъ* данныхъ изъ русской практики о срокѣ службы и объ издержкахъ по ремонту локомобиля. Противупоставляя паровую работу лошадиной, авторъ употребляетъ слишкомъ сильно выраженіе: „нерабочій день паровой машины почти ничего не стоитъ“; а проценты на капиталъ, а помѣщеніе для машины, а изнашиванье, отчасти продолжающееся и при неупотребленіи? Нѣкоторые совѣты, предлагаемые авторомъ, излишни въ руководствѣ о содержаніи локомобиля; напримѣръ, слѣдующій совѣтъ (стр. 6): „понаблюдайте внимательно рабочихъ и выбирайте себѣ по душѣ; избраннаго вами приласкайте, заинтересуйте, сколько возможно, въ добросовѣстномъ веденіи дѣла и дайте ему всѣ нужныя свѣдѣнія, указанія“.

Полагаемъ, что книжка г. Котельникова окажется не бесполезною для начальнаго ознакомленія съ локомобилями хозяевъ и учащихся.

Саранча и способы ея истребленія. К. Э. Линдемана. Съ 3 политипажами и 3 картами. Спб., 1886 г. Изданіе К. И. Масляникова. Новая брошюра проф. Линдемана касается почти исключительно распространенія саранчи и борьбы съ нею въ Кубанской области, хотя содержитъ цѣнные историческія указанія о появленіи саранчи въ другихъ мѣстностяхъ Россіи за послѣднія 12 лѣтъ. Единственнымъ и постояннымъ расадинкомъ саранчи въ Кубан-

*) Въ библиографіи по сельскому хозяйству въ майской книжкѣ *Русской Мысли* нѣсколько разъ ошибочно напечатано *Раде* вмѣсто *Раде*.

ской области является полоса плавней (въ предгоріа саранча только залетаетъ, но не можетъ тамъ жить); саранча оказывается, по наблюденіямъ проф. Линдемана, болотнымъ насѣкомымъ; наблюденія эти находятъ себѣ многочисленныя подтвержденія и въ старой литературѣ, и со стороны новыхъ наблюдателей. Главною причиною распространенія саранчи являются засухи, которыя заставляютъ ее покидать высыхающіе плавни и исвать новыхъ мѣстъ поселенія. Коренною мѣрой борьбы съ саранчею долженъ быть внимательный надзоръ за плавнями и ежегодное истребленіе яичекъ при помощи вытѣтыванія ихъ скотомъ. Мѣры противъ взрослога насѣкомаго являются палліативами по сравненію съ истребленіемъ яичекъ въ плавняхъ. Изъ способовъ истребленія взрослога саранчи загонъ въ каналы является дешевою и довольно удобною мѣрой. Истребленіе съ помощью волокушъ лишь рѣдко оказывается цѣлесообразнымъ. Перепахиваніе и боронованіе мѣстъ, занятыхъ яичками саранчи, не убиваютъ яичекъ и, по мнѣнію автора, установленная закономъ обязательность этихъ мѣръ должна быть отмѣнена.

Работы статистическаго бюро при пермской губернской управѣ. Мѣстная земская статистико-экономическая хроника за 1883—1885 гг. Выпускъ 1-й. Матеріалы къ борьбѣ съ вредными насѣкомыми. Составилъ Е. Красноперовъ. Пермь, 1885 г. Изъ пяти главъ, составляющихъ эту книжку, двѣ посвящены озимому червю (*Agrotis segetum*), одна—яровому червю (*Hydroecia nictitans*), одна—кобылкѣ (*Stenobothrus sibiricus*) и одна (первая) глава—народнымъ воззрѣніямъ на гусеницъ; въ этой главѣ интересны сообщенія о томъ, какъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи крестьяне „наблюдали“ паденіе червей съ неба. Главнымъ матеріаломъ для книжки послужили дневники агрономическихъ смотрителей, учрежденныхъ пермскимъ губернскимъ земствомъ съ 1883 года. Едва ли слѣдовало приводить выдержки изъ дневниковъ въ такомъ сыромъ, необработанномъ видѣ, какъ это сдѣлано въ настоящемъ изданіи. Въ нѣкоторыхъ дневникахъ сообщаются подробные учеты площади полей, поврежденныхъ вредными насѣкомыми. Иныя мѣры, испробованныя смотрителями для истребленія насѣкомыхъ, оказались на дѣлѣ неудачными, напримѣръ, опытъ истребленія озимыхъ червей бороною Рандаля. Г. Красноперовъ дѣлаетъ основательное предложеніе учредить общій фондъ для вознагражденія хозяевъ за убытки, причиняемые вредными насѣкомыми. У насъ въ Россіи, гдѣ случается такъ много непредвидѣнныхъ хозяйственныхъ бѣдствій, особенно желательно широкое примѣненіе разнообразныхъ видовъ страхованія въ веденію сельско-хозяйственнаго промысла.

Въ концѣ книжки составитель обѣщаетъ въ скоромъ времени издать сводъ статистическихъ работъ агрономическихъ смотрителей по изслѣдованію сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи; такъ какъ мѣстами смотрителями составляются довольно подробныя подворныя переписи, то ознакомленіе съ результатами трудовъ ихъ обѣщаетъ много интереснаго.

Отчетъ объ осмотрѣ припрутскихъ виноградниковъ южной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о филлоксерѣ въ Румыніи. И. М. Красильщика. Одесса, 1886 г.—О грибныхъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ. Съ приложеніемъ описанія двухъ новыхъ для виноградныхъ кустовъ въ Бессарабіи грибныхъ болѣзней. И.

М. Красильщика. Одесса, 1886 г. Авторъ отчета былъ командированъ, по распоряженію филоксерной комиссіи, въ южную часть Бессарабіи и осмотрѣлъ около 4,000 десятинъ виноградниковъ. Филоксеры при осмотрѣ не оказалось, но, тѣмъ не менѣе, г. Красильщикъ высказываетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что рано или поздно филоксеры должны перейти въ Бессарабію изъ сосѣдней Румыніи, гдѣ развились всѣ 4 формы (у насъ въ Крыму крылатая форма не была найдена); интересно, что въ Румыніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ филоксеры оставалась незамѣченной. По наблюденіямъ автора, дезинфекція виноградниковъ производится довольно неудачно. Г. Красильщикъ рекомендуетъ устроить въ Румыніи русскую опытную станцію для наблюденія надъ филоксерою; съ цѣлью распространенія свѣдѣній о винодѣліи и врагахъ его въ мѣстномъ населеніи, предлагается завести странствующихъ учителей. Въ числѣ другихъ мѣръ по улучшенію винодѣлія указываются, между прочимъ, устройство питомниковъ съ даровою задачей черенковъ и саженцовъ и облегченіе непосредственныхъ сношеній производителей винограднаго вина съ потребителями.

Главное содержаніе втораго поименованнаго сочиненія того же автора составляютъ таблицы грибныхъ заразъ у вредныхъ насѣкомыхъ (съ указаніемъ названій насѣкомыхъ и грибныхъ болѣзней, именъ наблюдателей, мѣстъ находженія, естественнаго и искусственнаго зараженія и литературы вопроса).

И въ той, и въ другой брошюрѣ описаны двѣ грибныя болѣзни, открытыя авторомъ въ припрутскихъ виноградникахъ; одна признавалась принадлежностью только америганскихъ сортовъ винограда, другая представляетъ совершенно новый, доселѣ неизвѣстный видъ гриба, паразитирующаго на виноградныхъ корняхъ.

ПЕДАГОГИКА, УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des Geographischen Unterrichts.“ *R. Lehmann.* — „Историческое чтеніе“. *Д. Иловайскаго.* — „Первая пчелка“. *Л. Поливанова.* — „Слово о полку Игоревѣ“. *В. Зарубина.* — „Краткій синтаксисъ греческаго языка“. *И. Страхова.* — „Краткій учебникъ всеобщей географіи“. *А. Линберга.* — „Подробный атласъ Россійской имперіи, съ планами главнѣйшихъ городовъ“. *А. Ильина.* — „Гнѣдышко“. *Изд. ред. „Воспитанія и обученія“.* — „Зарница“. *Изд. той же редакціи.* — „Святель“. *П. Засодимскаго.* — „Сказки Густафсона“. — „Въ Крыму съ дѣтьми“. *С. И. Лаурентьевой.*

Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des Geographischen Unterrichts von Richard Lehmann. Heft 1, 2. 1886. Леманъ, ученикъ Кирхгофа, профессоръ землевѣдѣнія въ мюнстерской академіи, читалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, въ Галлѣ, курсъ о вспомогательныхъ пособіяхъ и о методѣ преподаванія географіи. Курсъ этотъ впервые строго-научно и критически разсматривалъ вспомогательныя пособія, въ которыхъ такъ нуждается географическое преподаваніе. О методахъ и приѣмахъ существуетъ уже цѣлая литература, но разностороннее разсмотрѣніе пособій, независимое отъ рекламы, составляло важный пробѣлъ, который стремится пополнить Леманъ. Въ настоящее время лекціи свои онъ перерабатываетъ въ книгу. Въ только что вышедшихъ двухъ выпускахъ разсмотрѣны, кромѣ литературы предмета, изъ пособій, помогающихъ наглядности въ дѣлѣ преподаванія землевѣдѣнія: 1) коллекціи естественныхъ произведеній царствъ

минеральнаго, растительнаго и животнаго, а также предметовъ, иллюстрирующихъ дѣятельность и культурное развитіе челоуѣка, 2) модели и рельефныя карты, 3) картины и рисунки. Въ каждомъ отдѣлѣ, кромѣ описанія главныхъ пособій, приводятся и методологическія указанія, какъ удобнѣе пользоваться ими для преподаванія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже описаны практическіе способы изготовленія домашними средствами самой школы. Сочиненіе Лемана удовлетворяетъ въ равной степени потребностямъ какъ высшей, такъ и средней школы; желательно, чтобы такіе курсы читались и въ нашихъ университетахъ, гдѣ землевѣдѣніе начинаетъ приобрѣтать право гражданства, хотя пока еще подвергающееся многимъ ограниченіямъ.

Историческое чтеніе. Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи. Д. Иловайскаго. Часть вторая. Средніе вѣка. Выпускъ первый. М., 1886 г. Въ предисловіи г. Иловайскій выражаетъ свое неудовольствіе на рецензента первой части этихъ очерковъ (въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*) за то, что тотъ говоритъ не о томъ, что есть, а о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ. Мы принуждены рецензію второй части начать также съ указанія того, чего въ ней нѣтъ. Недостатокъ историческаго чтенія именно по средневѣковой исторіи такъ опутителенъ въ нашей педагогической литературѣ, что всякая книга, пополняющая этотъ пробѣлъ, можетъ разсчитывать на хороший приемъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всякій историческій матеріалъ, относящійся къ среднимъ вѣкамъ, могъ дѣйствительно пополнить пробѣлъ. Вниманіе учащихся какъ въ классѣ, такъ и внѣ класса необходимо сберегать; предлагаемое имъ чтеніе должно давать существеннѣйшее, нужнѣйшее для ознакомленія съ предметомъ. Такимъ важнѣйшимъ въ средней исторіи (до крестовыхъ походовъ, до которыхъ доведенъ настоящій выпускъ) можетъ быть признано, напримѣръ, сообщеніе свѣдѣній о состояніи римской имперіи передъ паденіемъ, о древне-германскомъ строѣ, о разложеніи его послѣ завоеванія римскихъ провинцій, объ организаціи феодальнаго строя; по всѣмъ этимъ предметамъ учебникъ долженъ быть дополненъ для осмысленнаго представленія о ходѣ средневѣковой исторіи, и всякій педагогъ съ удовольствіемъ встрѣтитъ пособіе, облегчающее эту задачу дополненія и поясненія. Невозможно дать учащимся для домашняго прочтенія даже только одного того, что есть по-русски для этихъ предметовъ въ сочиненіяхъ Ешевскаго, Выжинскаго, Стеббса, Гизо, Тьерри, въ хрестоматіи Стасюлевича, не говоря уже о томъ, что необходимо освѣжить этотъ выборъ извлеченіями изъ новѣйшей научной литературы. Что же даетъ пособіе, предлагаемое г. Иловайскимъ? Вотъ оглавленіе его: 1) *Изъ эпохи великаго переселенія народовъ*: I. Сарматы, готы и гунны; II. Θεодосій великій и торжество христіанства; III. Славяногерманскій царь Атила; IV. Св. Северинъ, Одоакръ и Теодорихъ Остготскій. 2) *Изъ эпохи Юстиніана великаго*: V. Θεодора и партія цирка; VI. Св. Софія Константинопольская. 3) *Изъ эпохи раздѣленія церквей*: VII. Патріархъ Фотій и начало раздѣленія; VIII. Св. Кириллъ и Меодій, славянскіе первоучители. 4) *Изъ эпохи борьбы между императоромъ и папою*: IX. Дѣтство Генриха IV и возвышеніе папства; X. Генрихъ IV и Григорій VII; XI. Норманны въ Англіи и Гастингская битва; XII. Императрица Евдокія и Романъ Диогенъ. И такъ, ни одного центральнаго вопроса, ничего, что служило бы объясненіемъ хода средневѣковой исторіи. Г. Иловайскій въ предисловіи предупреждаетъ, что эти выбранныя

имъ сюжеты важны для *русскаго* читателя. Мы не можемъ, конечно, удивляться, что существуетъ особая *русская* наука исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ проф. Кояловичъ общалъ намъ и *русскую* математику, и *русскую* астрономію. Разберемъ лучше, почему важны эти сюжеты для русскаго читателя. Нѣкоторые изъ нихъ важны, очевидно, потому, что гунны, по мнѣнію г. Иловайскаго, были славянами. Навязавши свои гипотезы учащимся въ своихъ учебникахъ, г. Иловайскій навязываетъ ихъ теперь и въ своемъ историческомъ чтеніи; съ этою цѣлью выбраны имъ всѣ сюжеты, гдѣ къ обычному разсказу о гуннахъ или болгарахъ ему представляется случай прибавить „славяно“ или „славянскій“. Это значитъ, по его мнѣнію, „выяснить ту первостепенной важности роль, которую играли въ переселеніи народы славянскіе наравнѣ съ германскими“, и такимъ образомъ пополнить существенный пробѣлъ въ самой западной историографіи. Для того, чтобы доставить г. Иловайскому это удовольствіе, читатели его должны опять и опять выслушивать подробный разсказъ и о той коровѣ, по слѣду которой найденъ былъ мечъ Аттилы, и о томъ снѣ, который снился императору Маркіану въ ночь смерти Бича Божія, и о многомъ подобномъ. Другіе сюжеты важны для русскаго читателя по отношенію ихъ къ Византіи или къ церковной исторіи. Но такъ какъ придворные перевороты въ Константинополѣ еще не составляютъ византійской исторіи, а исторія церковная имѣетъ свое особое мѣсто въ преподаваніи, то оказывается, что, пожертвовавши интересами читателя вообще, г. Иловайскій немного далъ въ своей книгѣ и для русскаго читателя. Покончивши съ выборомъ матеріала авторомъ, переходимъ къ разбору того, какъ разработана выбранный матеріалъ. Къ сожалѣнію, и тутъ приходится вывести неблагоприятное заключеніе: выбравъ не самыя важныя темы, г. Иловайскій обработалъ ихъ съ самой неважной стороны. Авторъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ искусствомъ, хорошо извѣстнымъ изъ его учебниковъ,—обходить все существенное въ исторіи, выбирая для своего изложенія одни анекдоты. Если это педагогическій приемъ, средство для того, чтобы облегчить усвоеніе предмета, то нельзя не замѣтить, что въ данномъ случаѣ за средствомъ забывается цѣль: то, что собственно должно быть усвоено, исчезаетъ изъ предмета и остается одна иллюзія знанія. Притомъ, анекдоты г. Иловайскаго не настолько интересны, чтобы захотить къ чтенію въ томъ возрастѣ, когда одни они только и доступны, и не настолько важны, чтобы возбудить серьезный интересъ къ наукѣ въ томъ возрастѣ, когда интересъ можетъ быть возбужденъ; для однихъ эти анекдоты скучны, для другихъ смѣшны и пошлы, а не нужны одинаково для тѣхъ и для другихъ. А, между тѣмъ, они-то и составляютъ почти исключительное содержаніе предлагаемаго историческаго чтенія. Такъ, мы узнаемъ много мелочныхъ подробностей о борьбѣ Теодориха съ Одоакромъ, но про замѣчательную попытку германо-римскаго государства Теодориха нѣтъ ни слова; намъ рассказываютъ, какъ Вильгельмъ - Завоеватель поскользнулся и какъ проиграна Гастингская битва Гарольдомъ, но что принесли съ собой новаго въ Англію норманны, какое значеніе имѣетъ для Англіи это завоеваніе, остается совершенно неизвѣстнымъ, хотя въ заключеніе цѣлая страница посвящена описанію ковра въ Банѣ. Рассказавши о борьбѣ Теодосія съ арианствомъ, о самомъ этомъ движеніи, авторъ заключаетъ одною только глубокомысленною фразой, напоминающей *virtus dormitiva* мольеровскаго медика: „главная при-

чина, почему оно такъ легко распространилось и упорно держалось между варварскими народами, заключалась въ томъ, что ихъ простому, грубому пониманію казалось болѣе доступно поклоненіе одному Богу Отцу, нежели почитаніе Единосущной Троицы“.

Это примѣръ объясненія историческаго явленія. А вотъ примѣръ психологической мотивировки дѣйствія: „Юстиніанъ рѣшилъ показать народу, что верховная власть выше всѣхъ партій и что она одинаково караетъ преступниковъ, не обращая вниманія на ихъ цвѣта“ (въ дѣйствительности, Юстиніанъ караетъ голубыхъ, людей своей партіи, испуганный бунтомъ зеленыхъ и вынужденный на уступки ихъ требованіямъ правосудія, какъ и значится въ нѣмецкомъ оригиналѣ автора, отъ котораго г. Иловайскій напрасно въ этомъ мѣствѣ отступилъ (см. Schmidt: *Der Aufstand* etc., p. 51). И такъ, г. Иловайскому не удаются ни прагматизмъ, ни философствованіе въ исторіи; пройдя чрезъ его руки, изложеніе фактовъ пріобрѣтаетъ почти лѣтописную простоту. Но, по крайней мѣрѣ, насколько вѣренъ фактически передаваемый г. Иловайскимъ простой разсказъ? Авторъ передъ каждою главою позаботился указать источники и пособія. Для составленія такихъ немудреныхъ очерковъ, каковы разсматриваемые, не было, правда, надобности обращаться къ первоисточникамъ. И дѣйствительно, очерки составлены болѣею частью по нѣкоторымъ изъ названныхъ авторомъ пособіямъ. Способъ пользованія этими пособіями будетъ ясенъ изъ слѣдующаго примѣра:

Разсказы Тьерри, русск. перев., стр. 170. Однажды царь ругійскій въ сильномъ волненіи вошелъ въ келью святаго... началъ рыдать и плакать... разсказалъ, что... когда онъ просилъ у королей готскихъ (свободнаго пропуска)... то получилъ... отказъ. Северинъ былъ тронутъ... „недолго останутся они твоими сосѣдями и они первые оставятъ эту страну, между тѣмъ какъ ты будешь продолжать спокойно владѣть Ругиландомъ!... Впрочемъ, не тѣсни слабдаго! не гордись твоею силой“. Извѣстіе о скоромъ удаленіи готевъ причинило ему радость... и... Флакцитей далъ вѣяту святому ничего на будущее время не принимать безъ его согласія. Совершенно обновленный духомъ, Флакцитей сѣлъ на свою лодку и отправился въ Ругиландъ.

Однажды старый Флакцитей пришелъ въ келью отшельника и со слезами жаловался ему на помннутый отказъ готевъ. Тогда Северинъ постарался утѣшить короля Руговъ и сказалъ ему, чтобы о готахъ онъ болѣе не безпокоился; ибо они не долго останутся его сосѣдями и скоро оставятъ эту страну, а онъ спокойно будетъ владѣть Ругиландомъ. При семъ святой мужъ по обычаю утѣщалъ короля не тѣснить слабыхъ, не гордиться своею силой. Образованный предсказаніемъ объ удаленіи готевъ, Флакцитей покаялся ничего важнаго не предпринимать безъ совѣта съ своимъ другомъ; послѣ того веселый сѣлъ въ лодку и переправился на сѣверную сторону въ свой Ругиландъ.

Конечно, книга для чтенія не есть самостоятельное изслѣдованіе и мы не думаемъ дѣлать упрека автору за такое воспроизведеніе источниковъ; напротивъ, мы желали бы, чтобъ авторъ прямо принял изложеніе Тьерри (см., напр., хрестоматію Стасюлевича); въ этомъ случаѣ сохранился бы блескъ и сила слога Тьерри, а также сохранились бы тѣ страницы, на которыхъ такъ ярко изображено положеніе римской имперіи послѣдняго времени. Но мы въ правѣ требовать, чтобъ источники, выбираемые авторомъ, были свѣжи, что не всегда соблюдается г. Иловайскимъ. Такъ, нельзя исторію норманнскаго завоеванія излагать по Тьерри, игнорируя совершенно новѣйшій капитальный трудъ Фримана. Вообще, новѣйшее движеніе научной литературы, повидимому, извѣстно г. Иловайскому только изъ выпусковъ *Allgemeine Geschichte* Оггена; но и эти выпуски онъ чаще цитируетъ, чѣмъ пользуется ими при своемъ изложеніи; такимъ образомъ, у него ни Герцбергъ не освѣ-

жают Гиббона, ни Данъ не освѣжаетъ Тьерри. Самый выборъ темъ свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ съ новѣйшею ученою литературой.

И такъ, въ книгѣ г. Иловайскаго выбраны неважныя темы, разработаны неважныя стороны ихъ и разработаны не всегда по новымъ источникамъ. Въ виду всего этого будетъ неэкономнымъ со стороны преподавателя предлагать учащимся эту книгу для домашняго чтенія. Что нужно, того въ ней нѣтъ, а что въ ней есть, то не нужно. А, стало быть, пессимистическій выводъ, сдѣланный г. Иловайскимъ изъ рецензій въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, едва ли не близокъ къ истинѣ: сочиненіе такого рода „едва ли не есть предметъ излишней роскоши для нашего юношества“.

Первая пчелка. Книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Л. Поливанова. Съ 50 рисунками. М., 1886 г. Не знаемъ, чему удивляться: смѣлости ли, съ которой г. Поливановъ въ предисловіи третируетъ нашу цивилизацію и результаты, ею добытыя для европейскаго міра, называя нашу политику „казуистикою“, которая составляетъ будто бы „удѣлъ каждаго современнаго образованнаго европейца“, а нашу культурную жизнь мелочнымъ искусственнымъ (?) бытомъ“, или наивности, съ которой онъ отерываешь и провозглашаешь недосыгаемую для насъ „высоту и разнообразіе“ народныхъ „вѣковѣчныхъ“ (?) идей гражданственности и государственности, вкорененныхъ и завѣщанныхъ народу отъ исторіи,—идей, разумностью которыхъ народъ за поясъ заткнетъ всѣхъ величайшихъ юристовъ и мудрецовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, если вѣрить г. Поливанову, педагогъ не долженъ смѣть свое сужденіе имѣть, когда его спросятъ о томъ: чему надо обучать народъ? каковыя содержаніемъ снабдить книгу для народнаго чтенія? Народъ самъ знаетъ, лучше педагоговъ, чему и какъ надо учить его дѣтей и что ему читать. Педагогу остается только прислушаться къ гласу народа и исполнить въ точности его требованія. Но вотъ въ чемъ затрудненіе можетъ представиться для педагога, руководящагося такимъ принципомъ: какъ знать, чего требуетъ народъ отъ школы? До сихъ поръ рѣдкій смѣльчакъ выступалъ съ своимъ посредничествомъ между интеллигенціей и народомъ и всегда выходило такъ, что у каждаго свои особенныя взгляды на народъ и его требованія. По мнѣнію, напр., гр. Льва Толстаго, народу не нужно никакихъ знаній, кромѣ грамоты, да счета, а по мнѣнію г. Поливанова, народъ требуетъ, чтобы дѣтямъ его чуть не съ пеленокъ внушались политическія идеи и патріотическіе принципы.

На этой ложной идеѣ, будто школа должна служить только религіи и политикѣ, а не дѣлу общаго умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей, и основанъ весь планъ первой послѣ азбуки книги для чтенія. И вотъ дѣти, которымъ придется учиться по *Первой пчелкѣ*, будутъ читать, какъ тарабарскую грамоту, непонятныя для нихъ рассужденія о томъ, что есть сограждане, отечество, въ чемъ заключается долгъ подчиненнаго къ начальству и тому подобныя мудренныя для ребенка вещи, напоминающія солдатскіе уроки „словесности“, состоящія въ задалбливаніи безъ толку мудреныхъ отвѣтовъ на вопросы о томъ, что есть солдатъ, что есть знамя и т. под.

Громадная доля статей этой книги принадлежитъ къ области, подлежащей вѣдѣнію законоучителя, а не свѣтскаго учителя; таковы скучно рассказанныя событія изъ священнаго исторіи, житія святыхъ, отрывки изъ проповѣдей и т. под. Непедагогично было со стороны

автора также помѣщать правоученія, мудренныя пословицы, назидательныя, но вялые по изложенію рассказы и сухіе, конспективные, безжизненные историческіе очерки.

Развить любознательность и любовь къ чтенію такая скучная книга не можетъ. Въ этомъ отношеніи *Первая пчелка* много уступаетъ *Пчелѣ* Щербины, извѣстнаго поэта - славянофила, который при составленіи своей книги руководствовался отчасти тѣми же тенденціозными, а не педагогическими соображеніями. Но только подборъ статей въ *Пчелѣ* Щербины былъ мастерской, и потому его книга имѣла успѣхъ, какъ любопытная книга для чтенія, отличающаяся талантливоростью и живостью языка.

Ни тѣмъ, ни другимъ качествами *Первая пчелка* не отличается и мы считаемъ ее непригодной для народной школы.

Слово о полку Игоревѣ. Историко - литературный очеркъ. Изданіе для учащихся. Составилъ Вл. Зарубинъ, преподаватель новочеркасской женской гимназіи. Новочеркасскъ, 1886 г. Въ виду неудовлетворительности нашихъ учебниковъ по исторіи словесности, мало останавливающихся на выясненіи такихъ памятниковъ, которые должны быть хорошо усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, мы считаемъ книжку г. Зарубина полезной для учащихся. Послѣдніе при помощи ея научатся понимать историческое и поэтическое значеніе великаго памятника древности. Только автору слѣдовало бы дать болѣе полный анализъ *Слова*, чтобы учащіеся живѣе и сознательнѣе вошли въ его духъ и художественныя достоинства.

Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ И. Стравовъ, преподаватель лица Цесаревича Николая. Цѣлью автора было „изложить по возможности въ краткомъ видѣ главныя явленія греческаго синтаксиса въ объемѣ гимназическаго курса“. При этомъ авторъ основательно счелъ нужнымъ совершенно опустить особенности языка, встрѣчающіяся сравнительно рѣдко, не въ примѣръ другимъ руководствамъ, учащіеся по которымъ теряются въ лабиринтѣ обильныхъ правилъ и исключеній. Такія подробности и исключительныя явленія могутъ, по справедливому замѣчанію автора, быть усвоены учениками изъ устныхъ объясненій преподавателя при классномъ чтеніи.

Мы здѣсь ограничимся указаніемъ на одинъ существенный недостатокъ книги, которымъ, впрочемъ, страдаютъ всѣ наши учебники по древнимъ языкамъ. Именно, напрасно составители грамматикъ не переводятъ примѣры, приводимые въ ихъ учебникахъ. Отъ этого происходитъ то, что ученики заучиваютъ текстъ безъ пониманія, что влечетъ за собой непрочность запоминанія выученныхъ ими примѣровъ. Хотя учителя обыкновенно оправдываютъ отсутствіе перевода тѣмъ, что ученики могутъ сами ихъ перевести или что эти примѣры переводятся для нихъ учителемъ, однако, эти оправданія непедагогичны: ученикъ можетъ перевести невѣрно и заучить, либо записать за учителемъ невѣрный переводъ. Наконецъ, трудъ надъ переводомъ текста—это излишняя работа, отвлекающая ученика отъ усвоенія себѣ смысла правила. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе, имѣя въ виду готовность автора къ исправленію недостатковъ учебника.

Краткій учебникъ всеобщей географіи. Составилъ А. Линбергъ. 1886 г. Въ русской педагогической литературѣ существуетъ много учебниковъ географіи и, однако, нѣтъ ни одного, составленнаго со-

образно требованіямъ современной педагогической и современной науки. Г. Линбергъ пользуется почетною извѣстностью и мы искренно порадовались за русское учащееся юношество, прочитавъ въ газетныхъ объявленіяхъ о выходѣ краткаго учебника всеобщей географіи, написаннаго такимъ опытнымъ педагогомъ. Но, прежде всего, заглавіе книги оказалось не соответствующимъ содержанию. Подъ обложкою, обозначающею своимъ названіемъ полный курсъ географіи, скрывается только одна часть предмета, т. е. только описание Австраліи, Африки, Азіи и Америки. Затѣмъ, ознакомившись ближе съ учебнымъ матеріаломъ, предлагаемымъ г. Линбергомъ, мы убѣдились, что по количеству онъ слишкомъ обширенъ, особенно принимая во вниманіе небольшое число уроковъ, отмежеванныхъ для географіи въ курсахъ нашихъ учебныхъ заведеній. Географическія данныя въ новомъ учебникѣ изложены сжато, даже нѣсколько сухо и на учителя лежитъ обязанность этотъ искусно сложенный остовъ облечь въ плоть и оживить, такъ что размѣры задаваемыхъ уроковъ нельзя опредѣлить числомъ страницъ учебника. Обильная номенклатура могла бы быть безъ всякаго ущерба сокращена. Въ Австраліи, напримѣръ, кромѣ двухъ большихъ заливовъ: *Карпентарія* и *Большаго Австралійскаго*, приведены еще *Кембриджскій*, *Спенсерскій* и *Винцентъ*. Изъ рѣкъ намъ кажутся лишними *Лохманъ*, притокъ *Мурумбиджи*, притока *Муррея*, и рѣка *Купера*. Съ большимъ удобствомъ наши учащіеся могли бы обойтись безъ знанія озеръ австралійскихъ: *Гайрденеръ*, *Амдей* и *Эйре*. Можно бы вычеркнуть вершину *Оуэнь Станлей* на Новой Гвинее, а въ Африкѣ горы *Цвартте*, *Ньюфельдскія*, *Драконовы* или *Катламба* съ высшею точкою *Каткинъ* въ Капской Землѣ, вершину *Расъ-Дашанъ* въ Абиссиніи, а въ Сахарѣ цѣпи *Тиммо* и *Тарзо* и горныя страны *Тазилы*, *Аганаръ*, *Аиръ* или *Асбенъ*, вершину *Анкаратра* на о-вѣ Мадагаскарѣ и т. д.

Намъ могутъ сказать, что всѣ эти лишнія подробности можно выпустить, не нарушая связи между фактами учебника, но затѣмъ же было ихъ помѣщать? Лучше, если учебникъ даетъ минимумъ матеріала, потребнаго для изученія, чѣмъ максимумъ. Въ учебной книгѣ факты должны выступать по возможности выпукло и, такимъ образомъ, вѣриваться въ памяти учащагося. Учебникъ воспринимается не только путемъ внутренняго усвоенія данныхъ; въ процессѣ воспринятія важную роль играютъ и внѣшнія условія. Загроможденіе важнѣйшихъ данныхъ лишними фактами ослабляетъ впечатлѣніе. Этотъ недостатокъ можетъ быть легко исправленъ въ слѣдующихъ изданіяхъ, за то въ другихъ отношеніяхъ трудъ г. Линберга стоитъ неизмѣримо выше всего, что было до сихъ поръ сдѣлано нашими составителями учебниковъ. Матеріалъ сгруппированъ цѣлесообразно съ соблюденіемъ требованій науки. Языкъ сжатъ и точенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличается большою ясностью.

Вездѣ приведены послѣднія данныя географической науки и нигдѣ не встрѣчаются тѣ фактическія ошибки, которыми переполнены всѣ остальные учебники географіи у насъ на Руси. Учителямъ географіи нужно будетъ примириться съ отмѣченными выше недостатками и замѣнить учебникомъ г. Линберга руководства гг. Смирнова, Сергѣева и Янчина.

Отъ автора этого новаго учебника мы ждемъ съ большимъ нетерпѣніемъ обработки еще болѣе важнаго отдѣла, а именно элементарнаго пропедевтическаго курса землѣвѣдѣнія; въ этой области у насъ много

грѣшили и противъ науки, и противъ педагогикъ; стоитъ вспомнить Брызгалова, Мостовскаго, Влахопулова и Никитина.

Подробный атласъ Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ. А. Ильина. Выпускъ I. Спб., 1886 г. Картографическое заведеніе А. Ильина имѣетъ характеръ на половину частный, на половину officialный; въ немъ работаются карты и другія подобнаго рода изданія военнаго министерства. Такимъ образомъ, единственное русское картографическое заведеніе обладаетъ средствами болѣе обширными, чѣмъ фирмы Юстуса Пертеса, Брокгауза и другихъ германскихъ издателей. Разумѣется, на обязанности русской фирмы лежитъ разработка карты нашего обширнаго отечества. Подобная карта въ видѣ подробнаго атласа Россійской имперіи была предпринята и выполнена г. Ильинымъ еще въ 60 годахъ; конечно, она черпала матеріалъ свой въ изданіяхъ военно-топографическаго отдѣла. Этотъ подробный атласъ состоялъ изъ небольшихъ картъ, на которыхъ представлены были отдѣльныя части Россійской имперіи, но не на основаніи физическихъ признаковъ, а на основаніи случайныхъ административныхъ дѣленій, т.-е. по губерніямъ. Атласъ ограничивался одною задачею: представить возможно болѣе число городовъ, сель и деревень, но физическая природа, т.-е. та основа, на которой возникли эти города, села и деревни, не получила на картахъ никакого выраженія. Такимъ образомъ, атласъ г. Ильина получилъ значеніе справочнаго изданія, дававшего возможность узнать, гдѣ находится любая деревня, какъ далеко отстоитъ она отъ другой деревни или отъ какого-нибудь изъ городовъ. Устройство поверхности во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, т.-е. существенныя требованія, предъявляемыя географическою наукою, въ каждой научной картѣ оставлено въ подробномъ атласѣ Россійской имперіи безъ всякаго вниманія; стоитъ сравнить его съ подробнымъ атласомъ Франціи, изданнымъ Жуанномъ, или же съ картами большаго атласа Штилера, чтобы убѣдиться въ слабости этой стороны изданія г. Ильина. Въ настоящее время онъ, воспользовавшись массою накопившагося матеріала, подвергъ систематическому пересмотру весь атласъ, причемъ нѣкоторые листы вновь составлены и награвированы, а другіе потребовали только строгой корректуры. Судя по первому выпуску, содержащему пять листовъ, новое изданіе нѣсколько улучшено въ физическомъ отношеніи, но для подробнаго атласа, попрежнему, устройство поверхности недостаточно обозначено. Тотъ, кто пожелаетъ познакомиться въ этомъ отношеніи хотя бы, на примѣръ, съ Тамбовскою губерніей, тотъ не найдетъ на картѣ г. Ильина почти никакихъ данныхъ, а, между тѣмъ, хорошая карта для лица, умѣющаго ее читать, можетъ замѣнить цѣлый географическій трактатъ.

Но если изданіе нашего картографическаго заведенія и не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ науки, то, какъ единственное въ своемъ родѣ обширное подобное предпріятіе, оно заслуживаетъ нашего вниманія. Весь атласъ будетъ состоять изъ двухъ частей: 1) картъ по губерніямъ съ планами городовъ и 2) картъ статистическихъ. Всѣхъ выпусковъ будетъ 20—25, а въ каждомъ выпускѣ помѣщено по пяти листовъ, такъ что атласъ содержитъ въ себѣ болѣе 100 листовъ. Въ первомъ вышедшемъ теперь выпускѣ картографическое заведеніе Ильина доставило своимъ подписчикамъ настольную карту Россіи въ двухъ листахъ, карты губерній Кіевской и Тамбовской и планъ города Кіева.

По выполнению болѣе удовлетворительными должны считаться карта Кіевской губерніи и планъ Кіева.

Гнѣздышко. Сборникъ для дѣтей. Изъ „Воспитанія и Обученія“. Спб., 1886 г. Въ этомъ *Сборникѣ* напечатаны очерки, рассказы (гг. Круглова, Познякова, Свѣшниковой, Александровой и нѣкоторыхъ другихъ писателей), стихотворенія, біографія Ермака, статьи по естествознанію и описанія путешествій. Въ общемъ *Гнѣздышко* представляетъ интересное и полезное для дѣтей чтеніе; но кое-чего лучше было бы не помѣщать въ *Сборникѣ*. Бѣ сожалѣнію, сказанное относится къ *Двумъ фіалкамъ* Я. П. Полонскаго. Въ южномъ краѣ цвѣтеть фіалка. Изъ-за утреннихъ тумановъ „высокій каменный утесъ сіяетъ такимъ ослѣпительно-алымъ блескомъ, что фіалкѣ чудится, что онъ пылаетъ къ ней самую возвышенную вдохновенною любовью, и фіалка любитъ красотой его и испаряется нѣжнымъ благоуханіемъ“. Прилетѣла птичка и говоритъ фіалкѣ, что видѣла на сѣверо-востокѣ сестру фіалки. Южная фіалка проситъ передать своей далекой родственницѣ, какъ она счастлива, когда мечтаетъ, что до утеса изрѣдка, съ раннимъ вѣтеркомъ, долетаетъ ароматъ ея благоговѣйной любви. Птичка замѣчаетъ, что около сѣверной фіалки утесовъ нѣтъ и она не благоухаетъ. Возлѣ нея стоитъ мухоморъ; „она любитъ имъ и ревнуетъ, когда зеленныя мухи садятся на грудь его“. Птичка прибавляетъ, что мухи, прилетающія цѣловать мухоморъ, улетаютъ отравленными. Южная фіалка повѣсила голову и задумалась. „Ну, такъ ничего, ничего не говори ты далекой сестрѣ моей... Она не пойметъ меня... Прощай, перелетная птичка!“ По нашему мнѣнію, это галиматія, и не безвредная, хотя, быть можетъ, и возвышенная.

Зарница. Сборникъ для дѣтей. Изъ „Воспитанія и Обученія“. Спб., 1886 года. *Зарница* составлена по тому же плану, какъ и *Гнѣздышко*, и также украшена рисунками. Біографій въ этомъ *Сборникѣ* три: Никитина (А. Сахаровой) Палисси (Е. Андреевой), Стефенсона (Е. Андреевой). Въ *Зарницѣ* больше рассказовъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Изъ оригинальныхъ статей отмѣтимъ *Лыцаго* М. Н. Богданова. Въ этомъ живо и талантливо написанномъ очеркѣ авторъ умѣло сообщаетъ много полезныхъ для дѣтей свѣдѣній, возбуждая чувство любви къ природѣ и объясняя нѣкоторыя загадочныя для дѣтей явленія. Стихотвореній въ *Зарницѣ*, къ счастью, только два. Г. Быковъ воспѣваетъ въ одномъ изъ нихъ *безмятежный покой* (лучше бы: *безпокойный*), которымъ объять раннимъ утромъ сосновый дѣсъ. Далѣе констатируется существованіе *сырыхъ испареній* (неужто г. Быкову удавалось видать и сухія испаренія?)

Съятель. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній для дѣтей. Подъ редакціей П. Засодимскаго. Спб., 1886 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р. *Сборникъ* заключаетъ въ себѣ восемь рассказовъ и очерковъ и шесть стихотвореній. Послѣднія, по обыкновенію, плоховаты. У г. Алина, который быстро (по желѣзной дорогѣ) *несетъ* домой, *проносятся* при этомъ и деревни. *Грезы* г. Огаркова не совсѣмъ умѣстны для дѣтскаго чтенія. Онѣ кончаются такими стихами:

Жизнь страшна была-бъ въ несчастъе
И тосклива, какъ могила,
Еслибъ свѣтлыхъ грезъ о счастья
Намъ судьба не подарила.

Лучшее стихотвореніе *Слънца* приводимъ дѣликомъ:

Многому учать насъ съ радяго дѣтства,
Только не учать тому,
Что всѣхъ наукъ мудренѣй и нужнѣе:
Быть человекомъ.

Стихотвореніе это мы признаемъ лучшимъ потому, во-первыхъ, что оно ужь совсѣмъ на стихотвореніе не похоже, и потому, во-вторыхъ, что въ немъ только четыре строчки.

Тепло и просто написанъ разсказъ г. Ладженскаго: *Святая ночь*. Деревенская дѣвочка Васютка собралась идти въ церковь къ заутрени, куда потихоньку, чтобъ не будить дочку, уже отправились ее отецъ и мать. Дѣвочку задержалъ нищій. Она отдала ему въ добромъ порывѣ единственный куличъ, который могли испечь ее бѣднѣи-родители. Дѣвочка потомъ боялась, что ее поборяютъ, но этого не случилось. И радостно стало на душѣ Васютки и казалось ей, что все въ мірѣ слидось въ одну могучую, великую пѣсню любви и братства. Не менѣе симпатиченъ разсказъ г. Алина: *Страна счастья*. Мальчикъ въ богатой семьѣ задумался надъ словами известной пѣсни: *Немудимо наше море*. Онъ спрашиваетъ дядю и мать: гдѣ же блаженная страна, гдѣ счастье для всѣхъ? И не получаетъ отвѣта. Володѣ приснился затѣмъ крылатый гость, который показалъ ему разнообразныя картины страданія людей, и мальчикъ хочетъ всѣхъ любить, чтобы жить въ „блаженной странѣ“. Не совсѣмъ удобны для дѣтей нѣкоторые подробности въ пересказѣ христіанской легенды *Жемчужина Востока*. Хорошъ разсказъ г. Цознакова: *Изъ оптскихъ воспоминаній*.

Глубоко гуманна мысль, которая развивается въ разсказѣ г. Засодимскаго: *Лотиза*. Жаль только, что идея въ немъ слишкомъ навязывается. Избалованная красавица-дѣвочка отправилась ночью за кладомъ, заблудилась въ лѣсу, встрѣтилась съ нищимъ, который подбѣдился съ ней кѣтвомъ и указалъ дорогу, потомъ пошла въ избу къ тяжело больной крестьянкѣ и, наконецъ, благополучно вернулась домой. Она нашла не тотъ кладъ, какой искала: „Теперь она любила людей, чувствовала состраданіе къ несчастнымъ и искренно ждала жить и трудиться для счастья ближнихъ“.

Недурны и остальные разсказы *Сборника*. *Съятель* можно смѣло рекомендовать какъ хорошую книгу для дѣтскаго чтенія.

Сказки Густафсона. Переводъ съ нѣмецкаго изданія, подъ редакціей Тетюшиновой. Спб., 1886 г. Изданіе Ф. Павленкова. Давно уже не появлялось у насъ такого хорошаго сборника сказокъ для дѣтей, какъ названное изданіе г. Павленкова. Всѣ сказки заключаютъ въ себѣ умную и добрую мысль, тепло и даже поэтично написаны. Переводъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно. Мы замѣтили очень мало погрѣшностей (такъ, пароходъ, тащившій баржу, идетъ *рядомъ, бокъ-о-бокъ* съ послѣдней). Авторъ сказокъ, Рихардъ Густафсонъ, родился въ 1840 году въ Стокгольмѣ. Отецъ его, какъ и отецъ Андерсена, былъ сапожникомъ. Густафсонъ не могъ по бѣдности получить систематическаго образованія. За то онъ много читалъ и путешествовалъ по Европѣ. Въ Швеции онъ пользуется значительною известностью какъ журналистъ и драматургъ. Г-жа Тетюшинова, указавши на успѣхъ произведеній Густафсона среди его соотчичей и въ Германіи, говоритъ, что, можетъ быть, сказки шведскаго поэта по-

нравятся также и русским дѣтямъ. Мы убѣждены, что понравятся и *Сборникъ*, изданный г. Павленковымъ, станетъ въ дѣтскихъ библиотекахъ на ряду съ сказками Андерсена. Книга напечатана хорошо, красивымъ и четкимъ шрифтомъ, украшена рисунками въ текстѣ и стоитъ недорого: 1 р. 25 коп. Сказки Густафсона не велики: тридцать, выбранныхъ для русскаго перевода, занимаютъ 266 страницъ.

Въ Крыму съ дѣтьми. С. И. Лаврентьевой. Спб., 1886
Интересная по заглавію книжка не оправдываетъ ожиданія. Изложена поѣздка въ Крымъ скучновато-неуклюжимъ и даже совсѣмъ неправильнымъ языкомъ со множествомъ грубыхъ опечатокъ. Напримѣръ: „Ихъ охватилъ жгучій жаръ, и просто ослѣпилъ блескъ солнца, *катившійся* по яркому небу и *отражавшiemуся* въ такомъ же яркомъ морѣ. Глаза невольно щурится и отъ этого блеска, и отъ бѣлыхъ зданій, построенныхъ изъ бѣлаго инкерманскаго камня, *такой же* бѣлой почвы города, *не имѣя возможности* отдохнуть и на зелени, которой кромѣ эйлантусовъ, очень мало въ городѣ (стр. 12). *Въ этой башнѣ*, когда наши уже сдались, семеро моряковъ, не зная объ этомъ, засѣли въ ней“ и т. д. Въ книжкѣ сообщаются полезныя свѣдѣнія о природѣ, исторіи и наиболѣе замѣчательныхъ мѣстахъ Крыма. Большая часть рисунковъ, помѣщенныхъ г-жею Лаврентьевой, исполнена довольно плохо. Нѣкоторые изъ нихъ къ Крыму совсѣмъ не относятся. Стоитъ книжка (174 страницы) 1 р. 50 к.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

„Какъ люди научились писать“. В. А. Висковатова.— „Максимъ самоучка“. И. Борскаго.— „Судъ людской и Божій“. А. Погоскаго и Г. Полисадова.— „Тонулъ, да выплылъ“.— „Камень-Кремневичъ“. А. Погоскаго.

Какъ люди научились писать. В. А. Висковатова. Изд. «Народной Библиотеки» (В. Н. Маракуева). Москва, 1886 г. Ц. 8 к.
Въ этой небольшой книжкѣ авторъ, прежде всего, рассказываетъ о томъ, какъ возникла потребность у первобытныхъ людей въ изображеніи своихъ мыслей посредствомъ *условныхъ знаковъ*, каковы, напр., посыла другъ другу сѣкиры, топора и другаго оружія, которые уже своимъ видомъ напоминали войну, или окрашиваніе предметовъ въ различныя краски, которыя выражали собою то или иное понятіе, и затѣмъ знакомить съ позднѣйшими письменами—*узловыми*, состоявшими изъ узловатыхъ веревочекъ, каждый узелокъ которыхъ имѣлъ свое опредѣленное значеніе. Далѣе авторъ переходитъ къ *картинному* или *образному* письму, состоявшему изъ рисунковъ, при помощи которыхъ люди старались передать свои мысли, событія и т. п., и, наконецъ, заканчиваетъ *геролифами*, которые и послужили основаніемъ для всѣхъ европейскихъ азбукъ, причѣмъ авторомъ показанъ и постепенный переходъ геролифическихъ знаковъ въ буквы. Книжка написана хорошимъ и удолонатнымъ языкомъ и снабжена рисунками, изображающими различнаго рода письмена въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Максимъ-самоучка, или дошелъ до дѣла. Разсказъ И. Борскаго. Изд. „Народной Библиотеки“. Москва, 1885 г. Разсказъ, очевидно, предназначенъ не для крестьянъ-читателей, а для образованнаго класса: помнится даже, что онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ крупныхъ

журналовъ, хотя мало былъ замѣченъ и читающею публикой, и критикой. Причина его малаго успѣха кроется въ отсутствіи таланта у автора.

Содержаніе разсказа заключается въ описаніи того, какъ Максимъ научился грамотѣ и какими препятствіями сопровождалось его самообразованіе. Въ концѣ-концовъ, терпѣніемъ и трудомъ онъ добился возможности служить „своему, брату- крестьянину въ качествѣ сельскаго учителя. Что разсказъ этотъ писанъ не для простаго народа, это видно, во-первыхъ, изъ нѣсколькихъ мѣстъ книги, напр., тамъ, гдѣ авторъ сообщаетъ (3 стр.) о томъ, что крестьяне рѣдко спятъ долгую зимнюю ночь напролетъ, и при этомъ объясняетъ прекрасно извѣстныя каждому крестьянину причины этого явленія, которое, впрочемъ, нельзя назвать повсемѣстнымъ и обобщать его такъ, какъ это сдѣлалъ авторъ. Интеллигентныхъ читателей, а не крестьянъ, имѣлъ г. Борскій въ виду, очевидно, и въ томъ мѣстѣ (11 стр.), гдѣ высказывается съ грустною ироніей о томъ, что „слово *скотина*, обращенное къ мужику, какъ извѣстно, никѣмъ не считается бранью“. Деликатность автора не допустила бы его сообщить такое, и, притомъ, преувеличенное, явленіе самому мужику, который и безъ того знакомъ съ грубымъ обращеніемъ господъ не хуже любого автора, а потому напоминать такія вещи ему, собственнымъ горбомъ познавшему эту тяжкую къ нему несправедливость, было бы нетактично.

Наконецъ, недоступность этого разсказа для народа обнаруживается присутствіемъ въ немъ массы иностранныхъ словъ, а также книжнымъ языкомъ повѣствованія. Авторъ употребляетъ такія слова, какъ: *каптенармусъ*, *парламентъ*, *систематично*, *міровоззрѣніе*, *классическій*, *инстинктивно* и др. Авторъ вскользь, безъ объясненія, упоминаетъ о такихъ мудреныхъ для мужика предметахъ, какъ: *Сынъ Отечества*, гдѣ, по словамъ автора, *речь шла о польскомъ возстаніи и внимательствѣ западныхъ державъ*. Въ примѣрѣ слога автора и его доступности для простаго народа, беремъ еще нѣсколько строкъ изъ страницы 25: „Марья Константиновна Шторфъ была вдова, подковница, воспитанница *Смоленнаго монастыря* („что за школа такая въ этомъ монастырѣ?“—подумаетъ крестьянинъ, но вопросъ его останется неразрѣшеннымъ). Она имѣла отъ природы доброе сердце и любила меньшую братію. Правда, *ей нравились только мужики, созданные ея воображеніемъ, на основаніи чувствительныхъ повѣстей и разсказовъ*“. Въ глазахъ крестьянина *чувствительная повѣсть* нѣчто совершенно противоположное тому, что разумѣемъ мы подъ этимъ словомъ: у насъ это сантиментальныя, нескрѣпленія, дѣланная произведенія; а у народа *чувствительная* значитъ трогательныя, прочувствованныя. Далѣе авторъ говоритъ, что „мысленно она готовила ему (Максиму) *карьеру* (понятное и подходящее слово, нечего сказать!) кучера или даже старосты“ и т. д. Въ разсказѣ упоминается вскользь и о *гимназій* (51 стр.), и о *реальномъ училищѣ* (26 стр.), безъ всякаго объясненія смысла этихъ словъ. Если разсматривать этотъ разсказъ съ точки зрѣнія не одной только доступности его для народа, а съ чисто-художественной стороны, то и въ этомъ отношеніи нельзя признать его удачнымъ. Разсказу недостаетъ живости дѣйствія. Авторъ скорѣе самъ отъ себя говоритъ о своихъ герояхъ, чѣмъ даетъ намъ живьемъ дѣйствующихъ лицъ—въ ихъ жизни, поступкахъ и словахъ.

Авторъ, говоря о томъ, какъ Максимъ занимался чтеніемъ, замѣ-

часть: „слова Максимъ понималъ хоть далеко не всь, но смыслъ оставался для него загадкой“... „Загадкой“ останется для крестьянъ-читателей, вѣроятно, и самый рассказъ г. Борскаго.

Судъ людской и Божій. А. Погосскаго и Г. Полисадова. Спб., 1886 г. Изданіе с.-петербургскаго комитета грамотности. Первая статейка книги, озаглавленная: *Слово восьмъ крещенимъ*, состоитъ изъ нравоченій на ту тему, что женщину бить не годится и что женщина есть человекъ. Далѣе слѣдуетъ сочиненіе г. Полисадова *Былая*, гдѣ разсказывается о женщинѣ, убѣжавшей отъ мужа, который тиранически съ ней обращался и котораго, тѣмъ не менѣе, судъ людской оправдалъ, осудивъ женщину за неповиновеніе волѣ ея властителя. Въ противовѣсъ суду людскому, неправедному и жестокому, выставленъ милостивый судъ Божій, которымъ была оправдана приведенная къ Христу блудница. Разсказамъ этимъ, написаннымъ тенденціозно, не достааетъ художественности изложенія, вслѣдствіе чего они не могутъ попасть въ число любимыхъ народомъ книгъ; несмотря на всю симпатичность идеи, лежащей въ ихъ основѣ.

Тонуль, да выплыль, или похождение мужичка въ Питерѣ. Съ 4 картинками. Спб., 1885 г. Книжка эта издана на средства издательскаго общества при постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Въ аудиторіяхъ комиссіи показываюцца составленныя для этого разсказа свѣтлыя картины. Содержаніе разсказа интересно и поучительно: деревенскій мужикъ рѣшилъ поѣхать для наживы въ Питеръ, но тамъ ему не повезло и онъ не только ничего не нажилъ, а даже въ конецъ разорился и дошелъ до нищенства; только счастливая случайность выручила его изъ бѣды и онъ получилъ мѣсто на своей родинѣ, разставшись навѣки съ злополучною столицей. Въ правдивыхъ чертахъ изображены здѣсь невзгоды городской жизни, ея соблазны, ея притоны, отчаянная конкуренція, которая давитъ всѣхъ столичныхъ работниковъ жестокою борьбою за существованіе; злобредность самаго климата столицы и т. п. недуги, отъ которыхъ гибнутъ въ столицѣ деревенскіе выходцы.

Камень-Кремневичъ. Изъ мелкихъ дѣлъ солдатскихъ. А. Погосскаго. Изданіе 2-е. Спб., 1885 г. Талантъ автора извѣстенъ тѣмъ, кто слѣдитъ за народною литературой. Идея этого разсказа — показать, что „подъ маской наружнаго холода“ у солдата нашего, — выражаясь словами Некрасова, — „безконечная скрыта любовь“, что суровость и вѣшняя грубость русскаго служиваго человека сопровождается несокрушимо-крѣпкою волей и выносливостью его, которыми вполне оправдывается названіе, данное ему отъ народа: „Камень-Кремневичъ“. Въ концѣ разсказа Погосскаго русскій солдатъ названъ даже „краеугольнымъ камнемъ силы русской“.

Только намъ кажется, что эта проповѣдь о силѣ и величіи духа русскаго солдата умѣстивъ была бы скорѣе въ рѣчи, обращенной къ барину, не понимающему и не цѣнящему мужика, чѣмъ къ простому народу, ибо русскій солдатъ есть плоть отъ плоти и кость отъ кости этого самаго народа, которому авторъ рекомендуетъ восхищаться, такимъ образомъ, *собственной своей доблестью*. Да и самый языкъ разсказа мѣстами недоступенъ для пониманія простолюдина по причинѣ попадающихся въ немъ иностранныхъ словъ, какъ: аккордъ, силуэтъ, энергія, Альбіонъ, ориенталистъ и т. д.

Впрочемъ, бойкость и живость многихъ мѣстъ, особенно разговор-

ныхъ сценонъ, дѣлаетъ этотъ рассказъ очень любопытнымъ, такъ что, при условіи объясненія иностранныхъ словъ, его можно рекомендовать въ народную бібліотеку.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, май.—„Русскій Вѣстникъ“, мартъ, апрѣль и май.

Вѣстникъ Европы, май. Мы закончили нашъ отзывъ о первой половинѣ романа г-жи Шапиръ, *Безъ любви*, словами: „Давая названіе роману, г-жа Ольга Шапиръ разумѣла не одно только супружество безъ любви, но и участь семьи, т.-е. супруговъ и ихъ дѣтей „безъ любви“, и бракъ, въ который готова вступить Надя Кубанская, „безъ любви“ (Р. Мысль, кн. III, „Библ. отд.“, стр. 228—235). Г-жа Шапиръ еще разъ поднимаетъ далеко не новый и много разъ со всѣхъ сторонъ разбиравшійся въ литературѣ вопросъ: какъ быть и что дѣлать супругамъ въ томъ случаѣ, когда они придутъ къ сознанію, что между ними не существуетъ любви, что она угасла, или что они ошибались, принимая за любовь нѣчто совсѣмъ иное? При безконечномъ разнообразіи человѣческихъ хараткеровъ и житейскихъ комбинацій нѣтъ возможности указать на какое-либо общепригодное рѣшеніе мудреннаго вопроса, въ которомъ дѣлои деть о счастья и нерѣдко о жизни и смерти человѣка. Вслѣдствіе этого рѣшеніе всегда можетъ быть только частнымъ; но для того, чтобы частное рѣшеніе вопроса имѣло какое-либо общечеловѣческое значеніе и представляло бы собою интересъ, необходима правильная постановка самаго вопроса. А именно этого-то мы и не находимъ въ романѣ г-жи Шапиръ. Героиня, Елизавета Игнатьевна Кубанская, какъ мы уже говорили, женщина „ненормальная“, экзальтированная, по просту же говоря, полумумная; ея мужъ, Анатолій Петровичъ, изображенъ авторомъ слишкомъ дурнымъ и дряннымъ человѣкомъ. Съ такою женой, какъ Елизавета Игнатьевна, нѣтъ никакой возможности никому ужиться, ни самодобродѣтельнѣйшему мужу, ни дѣтямъ. Анатолія Петровича не можетъ ни любить, ни уважать никакая женщина, съ нимъ „нельзя жить“. Все это мы выяснили въ нашемъ вышеуказанномъ отзывѣ, о которомъ позволяемъ себѣ еще разъ напомнить читателю, и затѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему разбору романа, къ той его половинѣ, которая посвящена „дѣтямъ“ Кубанскихъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ съ родителями.

Кубанская не любитъ старшихъ дѣтей и всю свою материнскую нѣжность сосредоточила на младшей дочери, Жени, уродливой, горбатой, еле живой дѣвчкѣ. Папаша знать не хочетъ дѣтей; онъ журуетъ. Это, конечно, прескверно, и отъ Кубанскаго странно было бы ждать чего-либо лучшаго, на то онъ и таковой негодяй, какимъ расписала его г-жа Шапиръ. Только если бы онъ и не былъ негодлемъ, а былъ бы самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, то едва ли бы смогъ принести существенную пользу старшимъ дѣтямъ, нелюбимымъ матерью. Мы убѣждены и большинство читателей согласится съ нами, вѣроятно, въ томъ, что будь Кубанскій такимъ мужемъ, каковой былъ желателенъ Елизаветѣ Игнатьевнѣ, супруга заставила бы его нянчиться съ больной Жени, запрятала бы его въ телѣжку и приказала бы возить маленькую вадѣку. Для мамыи только и свѣта въ очахъ, что ея несчастная любимица. Но изъ этого, все-таки, не слѣдуетъ, чтобы Ели-

завета Игнатъевна вполне предоставила самимъ себѣ старшую дочь Надю и сына Сашу. Она только бросила на произволъ судьбы ихъ воспитаніе, которое и вышло никуда негоднымъ, какъ того и слѣдовало ожидать. И опять-таки мы не можемъ имѣть увѣренности въ томъ, что подъ руководствомъ такой нелѣпой женщины, какова Кубанская, воспитаніе дѣтей не оказалось бы еще худшимъ, такъ что уже и не знаешь, радоваться или печаловаться тому, что Кубанская не вмѣшивалась въ судьбу старшихъ дѣтей. Такое недоумѣніе тѣмъ болѣе позволительно, что попытка вмѣшательства матери въ жизнь старшей дочери представляется намъ въ высшей степени неудачною. У Кубанскихъ въ домѣ часто бывалъ репетиторъ Саши, молодой еврей по фамиліи Штаркъ. Онъ влюбился въ красавицу Надю. По молодости лѣтъ и по неопытности, дѣвушка слегка увлеклась единственнымъ бывавшимъ у нихъ молодымъ человѣкомъ,—говоримъ „единственнымъ“ потому, что ни о какомъ другомъ молодомъ человѣкѣ въ романѣ не упоминается; стало быть, для просыпающагося въ извѣстномъ возрастѣ инстинкта женщины не имѣлось въ наличности никакого объекта, кромѣ Штарка, и Надя не имѣла выбора, какъ не имѣютъ такового институтки, силою замкнутости поставленныя въ неизбѣжную крайность „обожать“ учителей, священника, дьякона или швейцара. Юныя сердца институтокъ полегоньку пробавляются такимъ „суррогатомъ любви“ до болѣе благоприятныхъ условій, и это нисколько не мѣшаетъ имъ въ свое время всю силу первой чистой любви отдать настоящему избраннику сердца. То же самое могло бы быть и съ увлеченіемъ Нади учителемъ брата. Только домъ Кубанскихъ, какъ и всякій частный домъ, не имѣлъ ничего общаго съ институтомъ, особливо при такой мамашенькѣ, какова Елизавета Игнатъевна, всецѣло занятая недугами своей любимицы. Въ институтахъ, хорошо ли, дурно ли, но за дѣвочками смотрятъ зорко, и учителя крѣпко знаютъ свои нравственныя обязанности по отношенію къ „обожаящимъ“ ихъ ученицамъ. У Кубанскихъ дѣло приняло иной оборотъ, не „казенный“. Наивное „обожаніе“ перешло въ объясненія въ любви украдкой въ темныхъ углахъ и въ писанье записочекъ. Влюбленный еврейчикъ принялъ это очень серьезно и счелъ себя навѣки связаннымъ съ легкомысленною дѣвченкой, а ее безповоротно связанною съ собою. Онъ настолько твердо былъ увѣренъ въ этомъ, что перемѣнилъ даже религію, дабы устранить препятствіе къ браку съ Надей, съ которой, впрочемъ, о самомъ бракѣ не счелъ пока нужнымъ переговорить серьезно. Этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ между нимъ и полуумною Елизаветою Игнатъевною, которая увлеклась крещенымъ евреемъ, повидимому, больше, чѣмъ Надя, и не мечтала даже о лучшемъ женихѣ для дочери.

Нѣкоторые критики упрекали г-жу Шапиръ за выведенную ею личность Штарка. Съ своей точки зрѣнія критики правы, но не виновата и г-жа Шапиръ. По нашему мнѣнію, фигура этого еврея самая удачная во всемъ романѣ, цѣльная и характерная; это настоящій еврей, кровный семитъ, узкій до послѣдней крайности, способный страстно любить жену и черствый сердцемъ, „смотрящій на всякую женщину сверху внизъ“, — какъ поясняетъ авторъ. Фигура Штарка вышла у г-жи Шапиръ вполне вѣрною дѣйствительности и отвратительною. Мы думаемъ, но нельзя ставить въ вину автору выборъ въ герои лица несимпатичнаго и даже болѣе—возбуждающаго омерзѣніе. Другое дѣло, если самъ авторъ не сознаетъ всей гадости изобра-

жаемаго лица, въ чемъ можетъ быть до нѣкоторой степени заподозрѣна г-жа Шапиръ. Расписывая Штарка такимъ, какъ мы сказали выше, г-жа Шапиръ сама склоняется на сторону Елизаветы Игнатьевны Кубанской и считаетъ, что Надя дурно сдѣлала, отдавши предпочтеніе старому богатому жиру Ханайскому, когда тотъ сталъ за нее свататься. Г-жа Шапиръ впала въ крупную ошибку тѣмъ, что ставитъ читателя въ крайне затруднительное положеніе, подобно самой Нади, выбирать между сѣвернымъ богачемъ и мерзкимъ бѣднякомъ. За богача стоитъ папаша, Анатолій Петровичъ, рассчитывающій поправить свои разстроенныя дѣла на счетъ зятя; за бѣдняка—маменька, но почему она такъ крѣпко стоитъ за Штарка, мы объяснить не можемъ, сами не понимаемъ,—вѣроятно, потому, что полуумная. Если бы она не была полуумной, она бы употребила всѣ средства отклонить Надю отъ замужства въ обоихъ случаяхъ, а не навязывала бы ей въ мужа Штарка, которому нужна „жена кроткая, покорная и нѣжная“. Надю,—говоритъ авторъ,—онъ оттолкнулъ торжественностью своего настроенія, нагонялъ на нее и страхъ, и скуку своими требовательными, строгими сужденіями... И это не будучи даже женихомъ; жениась же, онъ хотѣлъ „царить безапелляціонно въ святилищѣ семейнаго очага, котораго никто не чтитъ такъ свято, никто не оскверняетъ такъ исключительно рѣдко, какъ еврей“. Что разумѣетъ г-жа Шапиръ подъ выраженіемъ: „чтитъ такъ свято“—мы не знаемъ; что же касается вопроса объ „исключительно рѣдкомъ оскверненіи“, то столь опредѣленно-утвердительный отвѣтъ мы оставляемъ на отвѣтственности г-жи Шапиръ. Но какъ бы ни была плѣнительна чистота нравовъ крещеныхъ евреевъ, мы, все-таки, думаемъ, что для русскихъ красавицъ не очень соблазнительными представляются такіе женихи, какъ грубый эгоистъ и самодовольный нахаль Штаркъ. Ханайскій, по крайней мѣрѣ, вѣжливо и приличенъ; а разозлившійся Штаркъ говоритъ всѣмъ непозволительныя грубости и чуть не бьетъ маменьку и дочку за то, что Надя осмѣливается имѣть свое сужденіе о замужствѣ. Такъ, напримѣръ, Кубанская „лежала въ креслѣ, больная, еле живая и обезсиленная“; „она металась и билась головой о спинку стула“. „Штаркъ не могъ понять, что съ ней дѣлается. Онъ ждалъ сначала терпѣливо, ломая голову, что могло огорчить ее до такой степени“. Елизавета Игнатьевна не отвѣчала на его вопросы и даже не слушала его. „Она все задавала свои вопросы одинъ другаго мучительнѣе и ужаснѣе. Слова лились неудержимо, бурно и краснорѣчиво...“ „Что съ ней дѣлается? Экальятая или изступленіе, бредъ или безуміе? Все равно, онъ не хотѣлъ больше ждать и оставляетъ себя на жертву смутному, безотчетному волненію, которое овладѣвало имъ все сильнѣе. Штаркъ схватилъ Елизавету Игнатьевну за руки *грубо, повелительно и прокричалъ* ей въ упоръ свой вопросъ, который уже три раза онъ предлагалъ напрасно: „Что случилось? Скажете ли вы мнѣ когда-нибудь, что случилось?“ Нѣтъ, что бы ни говорили критики, Штаркъ восхитителенъ, почти типиченъ: пока старая, больная женщина, называющая его „другомъ“, мечется и бьется головой о мебель, онъ остается невозмутимымъ; но какъ только ему почудилось, что дѣло можетъ интересовать и его, онъ „грубо“ хватаетъ „еле живую“ страдалицу, встряхиваетъ ее, оретъ на нее, требуетъ объясненія. И никто изъ насъ не сомнѣвается въ томъ, что Штаркъ именно такъ и долженъ былъ поступить, что иначе Штарки не поступаютъ, что будь передъ нимъ

Кубанскій или ненавистный ему Ханайскій, онъ сталъ бы говорить тихоохонько и не далъ бы воли рукамъ, зная, что за дерзость его самого взяли бы за шиворотъ и встряхнули бы. Въ объясненіи съ любимой дѣвушкой, съ Надей, почти готовый отказать Ханайскому, Штаркъ ведетъ себя такимъ же нахаломъ, какимъ мы только что его видѣли. „Въ одинъ прыжокъ,—пишетъ г-жа Шапиръ,—онъ очутился около Нади и схватилъ ея руки такъ, что она почувствовала боль“... „Вы говорите о любви? (кричитъ онъ на нее). Вы?... вы? Да какъ же вы смѣете это?... Малодушна... тщеславна... о, это все вздоръ! все можно простить... поправить... нѣтъ, у *тебя* пустое сердце... мелкая душа!... Тебѣ... тебя смѣшно даже ненавидѣть... Онъ безжалостно ломалъ ей руки“. Мы, не обинуясь, называемъ его „негодяемъ“, мы считаемъ Штарка подлымъ человѣкомъ съ „мелкою душенкой“ вотъ почему: онъ случайно пронюхалъ про какой-то секретъ Ханайскаго (Штарки, гдѣ бы они ни были, всегда все пронюхаютъ), узналъ какую-то тайну, при помощи чего онъ можетъ помѣшать браку Нади съ Ханайскимъ, „спасти“ Надю, какъ онъ говоритъ и какъ о томъ умоляетъ его несчастная мать дѣвушки. Штаркъ раздумываетъ, „спасти или не спасти“, раздумываетъ долго и, наконецъ, рѣшается... послать куда-то телеграмму. Въ романахъ такіе „секреты“ нужны для того, чтобы заинтересовывать читателей. Намъ это ни на что не нужно, и мы „секретъ“ выводимъ сразу: Штаркъ пронюхалъ, что Ханайскій женатъ. Всякій человѣкъ, будь онъ совсѣмъ чужой въ семьѣ, не задумался бы и не замедлилъ бы пойти къ Кубанскимъ и предупредить родителей и невѣсту о грозящей имъ бѣдѣ, сообщилъ бы имъ все, что знаетъ, и посоветовалъ бы какъ вести справи. Но такъ поступаютъ люди смѣлые и честные. Штарки—трусы; у нихъ такъ уже мозги сложились, что они не могутъ дѣйствовать открыто; имъ необходимо прятаться за анонимныя телеграммы, дѣйствовать изъ-за угла. Такъ и орудуетъ герой романа г-жи Шапиръ. А тѣмъ временемъ Ханайскій хлопоталъ ускорить свадьбу и повѣнчался съ Надей. На другой день свадьбы явилась „законная“ жена Ханайскаго, вывазанная Штаркомъ. Эта „законная“ жена приглашая къ себѣ „новую“ жену Ханайскаго и на одиннадцати страницахъ загадываетъ ей какія-то кельныя загадки, а въ концѣ-концовъ, предлагаетъ Надѣ развестись съ Ханайскимъ: „Вамъ разводъ вернетъ все, или почти все“,—говоритъ она Надѣ. Это „почти“ важется намъ неподражаемымъ. Самъ же „законная“ жена не желаетъ дѣлать никакого скандала; она уйдетъ опять въ деревню, никогда не заявитъ о своихъ правахъ, такъ что Надя можетъ всю жизнь прожить, „считаясь“ законною женой Ханайскаго. У первой жены нѣтъ дѣтей и она очень довольна тѣмъ, что избавилась отъ своего супруга; явилась же она единственно за тѣмъ, чтобы предложить Надѣ вернуть „почти все“. Надя предпочла удержать „все“, т. е. мужа и его богатство, общественное положеніе „законной“ жены миллионера и большую долю независимости отъ стараго супруга, находящагося въ ея неограниченной власти подъ страхомъ суда за двоеженство; но этого мало: за Надей всегда остается право потребовать разводъ и получить его съ известною частью состоянія Ханайскаго, какъ только Надя найдетъ человѣка по сердцу, котораго полюбитъ и съ которымъ пожелаетъ соединиться настоящимъ законнымъ бракомъ. Этого г-жа Шапиръ почему-то не колеблется, старается представить Надю какъ можно болѣе несимпатичной. Надя и дѣйствительно мало симпатична; но она была бы совершенною дурой, если бы,

по предложенію госпожи Ханайской номеръ первый, отказалась „отъ всего“ для того, чтобы „вернуть почти все“, на самомъ же дѣлѣ ровно ничего, кромя ужасной жизни съ старѣющими негодяемъ-отцомъ и съ окончательно сошедшею съ ума матерью. Смерть горбатой любимицы Жени такъ подѣйствовала на несчастную Елизавету Игнатьевну, что она лишилась послѣднихъ признаковъ разсудка. Ее помѣстили въ пріютъ для умалишенныхъ.

Вводнымъ эпизодомъ въ романъ является исторія сына Кубанскихъ, Саши. Лѣнивый и неспособный къ наукамъ, мальчикъ не захотѣлъ учиться въ гимназій, не захотѣлъ переходить въ корпусъ, какъ того желалъ отецъ, почувствовалъ склонность къ столярному мастерству и убѣжалъ изъ дома послѣ бурной сцены съ отцомъ. Г-жа Шапиръ находитъ это прекраснымъ и ставитъ въ большую вину Кубанскимъ и Ханайскому ихъ противодействие „склонности“ мальчика, — противодействие, обусловливаемое, по мнѣнію писательницы, „словными предразсудками“ и тому подобными непохвальными чувствами. Конечно, „предразсудки“ играли въ этомъ случаѣ первенствующую роль; но едва ли они уже такъ нелѣпы, чтобы должно было противъ нихъ ополчаться и именно въ такой формѣ, въ какой это дѣлаетъ г-жа Шапиръ. По ея роману выходитъ такъ, что не должно препятствовать 14—15-ти лѣтнимъ мальчикамъ слѣдовать ихъ влеченію въ выборѣ жизненнаго пути, что родители не въ правѣ противиться склонности малолѣтнихъ дѣтей къ занятіямъ ремеслами. Тутъ дѣло еще разъ усложняется тѣмъ, что отецъ юноши изображенъ мерзавцемъ, а мать — подупомѣшанною. Но самъ мальчикъ стремится вонъ изъ дома въ мастерскую совсѣмъ не потому, что нельзя жить съ такими родителями; онъ просто бѣжитъ подальше отъ гимназій и отъ книгъ и точно также бѣжалъ бы изъ дома наилучшихъ родителей, если бы они пожелали заставить его учиться. Отъ „преслѣдованій“ родителей, разыскивающихъ сына черезъ полицію, чтобы водворить его въ казѣлибо учебное заведеніе, Саша спасается за границу при содѣйствіи старшаго сына столяра Зондера, въ которому онъ ушелъ въ мастерскую. Весь этотъ эпизодъ мы находимъ очень неудачнымъ и безъ надобности только удлинняющимъ романъ многими скучными сценами. Вообще романъ г-жи Шапиръ слишкомъ растянутъ разными отступленіями декламаторскій-риторическаго характера. Мы уже говорили о нихъ и приводили образчики высокопарныхъ фразъ, повидимому, очень нравящихся писательницѣ, но далеко не служащихъ къ украшенію ея произведенія, не всегда грамматически правильно составленныхъ и потому не всегда понятныхъ. Очень жаль будетъ, если г-жа Шапиръ не пожелаетъ воздержаться отъ принятаго ею въ послѣднемъ произведеніи „возвышеннаго“ тона, напоминающаго романъ двадцатыхъ годовъ. Г-жа Шапиръ, несомнѣнно, одарена очень симпатичнымъ талантомъ, но стойтъ въ настоящее время на двойнѣ опасномъ пути, по которому незамѣтно можно дойти до того, что „направленіе“ замѣнитъ собою идею, а вычурно-дѣланная фраза займетъ мѣсто выраженія истиннаго чувства. Благодаря врожденному таланту, въ головѣ писательницы мелькали вѣрныя черты дѣйствующихъ лицъ; но онѣ не успѣли сложиться въ цѣльныя, ясно опредѣленные образы, не достаточно опредѣлились характеры и взаимныя отношенія этихъ лицъ, когда г-жа Шапиръ успѣшила воспроизвести ихъ въ романѣ. Отъ того и вѣрныя задуманныя лица вышли совсѣмъ не такими, какими, бытъ

можетъ, желала ихъ изобразить сама писательница: такъ, всё ея симпатіи въ настоящее время находятся, повидимому, на сторонѣ психически ненормальной женщины, Кубанской, и грубаго нахала, мелкаго себялюбца, узкаго и гаденькаго человѣчка, Штарка. Этого, вѣроятно, не случилось бы, если бы г-жа Шапиръ основательнѣе „продумала“, „выносила“ только носившіеся въ ея умѣ образы, и уже во всякомъ случаѣ она очень многое измѣнила бы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Много разъ намъ приходилось высказывать глубокое сожалѣніе о томъ, что хорошо задуманныя вещи въ исполненіи ихъ даже талантливыми людьми являются въ свѣтѣ въ видѣ уродливыхъ произведеній потому только, что авторы чрезмѣрно торопятся писать и печатать, точно боятся опоздать. И теперь опять мы вынуждены повторить то же сожалѣніе и еще разъ выразить пожеланіе, чтобы наши писатели не слишкомъ спѣшили. При такой торопливости они никогда не поймутъ славы, таланты свои растеряютъ и разбросаютъ непродуманно, да и въ матеріальныхъ расчетахъ могутъ сильно ошибиться. Эта торопливость есть, по нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ того литературнаго оскуднѣнія, на которыя отовсюду слышатся справедливыя жалобы.

Разсказъ П. Д. Боборыкина *Безвѣстная* въ майской книжкѣ не оконченъ и мы поговоримъ о немъ въ слѣдующій разъ. Выборъ переводнаго романа *Гелимеръ*, (историческій романъ изъ эпохи Юстиніана, соч. Ф. Дана) нельзя назвать удачнымъ; но и въ этомъ мы не рѣшаемся винить редакцію журнала, зная по личному горькому опыту, какъ трудно найти въ теперешней иностранной литературѣ что-либо дѣйствительно заслуживающее перевода; литературное „оскуднѣніе“ не есть только нашъ отечественный недугъ. Во всѣхъ европейскихъ литературахъ замѣчается то же явленіе, то же оскуднѣніе творческаго духа, то же „перепроизводство“ и послѣдствіемъ въ ущербъ качеству произведеній. Европейскій книжный рынокъ переполненъ массой романовъ и повѣстей ниже посредственныхъ. Тамъ, въ Европѣ, дѣло беллетристики стоитъ, кажется, еще хуже, чѣмъ у насъ.

Статья Д. А. Корсакова: *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ* (матеріалы для біографіи изъ семейной переписки и воспоминаній) занимаетъ въ книгѣ первое мѣсто, какъ то и подобаетъ по значенію статьи и по представляемому ею интересу. Въ напечатанной части разсказано про „дѣтство и отрочество“ Константина Дмитріевича. По семейнымъ преданіямъ, родъ Кавелиныхъ или Ковелиныхъ татарскаго происхожденія. Константинъ Дмитріевичъ былъ вторымъ сыномъ (род. 4 ноября 1818 г.) Дмитрія Александровича Кавелина и Шарлоты Ивановны, бѣдной сироты, дочери шотландца Джона Белли, воспитывавшейся въ семействѣ Василя Ивановича Левашова, отца графа Василя Васильевича Левашова. Изъ времени дѣтства Кавелина его біографъ особенно отмѣчаетъ все то, что являлось первымъ проблескомъ протеста ребенка противъ крѣпостнаго права, уничтоженіе котораго стало въ послѣдствіи любимой мечтой общественнаго дѣятеля. „Въ саду г. Иванова, гдѣ проходили дѣтскіе годы Кавелина, онъ сходился съ простыми людьми, — говоритъ г. Корсаковъ, — съ дворовыми, съ крестьянами, не какъ *барченокъ*, а какъ маленькій мальчикъ. У него заводятся здѣсь пріятельскія отношенія. Отсюда всматривался даровитый ребенокъ въ окружающее его. Здѣсь впервые понималъ онъ *неправду* крѣпостнаго права“. „Восьмилѣтній ребенокъ, онъ уже возмущался

всякимъ насиліемъ и неправдой и находилъ утѣшеніе въ деревенскомъ просторѣ и въ обществѣ простыхъ людей. Это типическія черты его послѣдующаго міровоззрѣнія“. Замѣтимъ здѣсь встать, что большинство помѣщичьихъ дѣтей расло въ деревнѣ, большинство „заходило пріятельскія отношенія“ съ дворовыми и крестьянами, видѣло и очень рано *понимало* „неправду крестьянскаго права“ и возмущалось насиліемъ и неправдой, подобно ребенку Кавелину; но мало-по-малу-переставало „понимать“, по мѣрѣ того, какъ начинало сознавать возможность воспользоваться этою „неправдой“, переставало „возмущаться“ и начинало само пользоваться правомъ учинять безнаказанныя насилія и узаконенную неправду. Для насъ важно не то, что Константинъ Дмитріевичъ въ восемь лѣтъ „понялъ неправду крѣпостнаго права“, повторяемъ, ее понимали многіе въ этомъ же возрастѣ, а неизмѣримо важнѣе, что Кавелинъ и юношею, и молодымъ человѣкомъ, и зрѣлымъ мужемъ не утратилъ этого драгоцѣннаго пониманія, которое въ его время казалось какъ бы открытымъ для малыхъ и простыхъ сердцемъ и недоступнымъ для вкусившихъ ядовитаго плода крѣпостной власти. Много ума и силы духа нужно было имѣть въ то время, чтобы сохранить ясность пониманія и чистоту сердца отъ опьяненія злыми отравками, точно дурманомъ омрачавшими одно за другимъ подраставшія поколѣнія дворянской молодежи. Немногимъ удалось вынести душу чистою и умъ не омраченными изъ старо-помѣщичьихъ усадебъ, гдѣ самыя стѣны и воздухъ были насыщены крѣпостною отравой, и въ числѣ этихъ немногихъ Константину Дмитріевичу Кавелину принадлежить одно изъ первыхъ мѣстъ. Какъ бы ни былъ даровитъ мальчикъ, ему, все-таки, едва ли бы по силамъ было одному, безъ посторонней помощи, выдти невредимымъ изъ почти всеобщаго „ума помраченія“; правдивая повѣсть о томъ, какъ это произошло съ Кавелинымъ, если такую дать г. Корсаковъ, представитъ огромный интересъ. По первой части „матеріаловъ для біографіи“ трудно судить, на эту ли именно сторону юношескаго развитія Кавелина обратитъ авторъ свое вниманіе, или ограничится сообщеніями кое-какихъ свѣдѣній анекдотическаго характера, какъ онъ это сдѣлалъ по отношенію къ дѣтскимъ годамъ Константина Дмитріевича въ лежащей передъ нами первой части матеріаловъ.

Статья *Кризисъ въ западныхъ конституціяхъ* М. М. Ковалевскаго во многихъ частностяхъ можетъ подать поводы къ серьезнымъ спорамъ и къ вѣскимъ, по нашему мнѣнію, возраженіямъ автору, которыхъ мы здѣсь не дѣлаемъ потому, что это увлекло бы насъ далеко за предѣлы біблиографическаго отчета, и, оставляя въ сторонѣ частности, укажемъ здѣсь лишь на окончательные выводы почтеннаго профессора, заканчивающаго свою статью такими положеніями: „съ демократіей замыкается эра политическихъ авантюристовъ, бросающихъ народъ въ грандіозныя и не всегда удачныя предпріятія, ставящихъ на кару его будущее въ интересахъ удовлетворенія подчасъ одного личнаго честолюбія“... „Демократія гораздо менѣе революціонна, чѣмъ предшествовавшія ей правительства, она болѣе послѣдовательна и разсудительна, она является гарантіей мира, одинаково внутренняго и внѣшняго“. Указавши на примѣръ Америки и Швейцаріи, авторъ говоритъ: „Столѣтній опытъ этихъ единственныхъ, извѣстныхъ доселѣ міру демократій можетъ служить рѣшительнымъ подтвержденіемъ нашей мысли. Изъ всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ междуна-

роднаго союза, ни одно не представило пока такихъ прочныхъ гарантій мира, не высказывалось такъ часто и такъ рѣшительно въ пользу третейскаго разбирательства возникающихъ столкновеній“... „Если такъ, если демократія, по природѣ своей, миролюбива, то не является ли она въ силу этого вполне благопріятною всякому прогрессу, какъ матеріальному, такъ и духовному? Что больше мира, въ самомъ дѣлѣ, необходимо для поступательнаго развитія человѣчества? La démocratie c'est la paix, — можно сказать, повторяя слова французскаго публициста, и прибавить затѣмъ: la démocratie c'est aussi le progrès“.

А. Н. Пыпинъ въ статьѣ, озаглавленной: *Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ*, разбираетъ недавно вышедшую въ свѣтъ книгу В. А. Гольцева: *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка*, и вторымъ изданіемъ отпечатанный II томъ соч. Н. И. Костомарова, посвященный жизнеописанію Петра Великаго. Въ той же майской книжкѣ журнала продолжается очень обширный и, на нашъ взглядъ, представляющій весьма мало интереса для большинства читателей трудъ барона А. Г. Жюмни: *Россія и Европа въ эпоху крымской войны*.

Русскій Вѣстникъ, мартъ, апрѣль и май. Романъ г. К. Ордовскаго: *Дядюшка Михаилъ Петровичъ* конченъ въ майской книжкѣ *Русск. Вѣст.* Мы попросимъ читателя заглянуть въ „Библиогр. отд.“ II и IV кн. нашего журнала, если читатель сочтетъ нужнымъ восстановить въ своей памяти начало романа въ нашемъ пересказѣ его содержанія, и затѣмъ приступаемъ къ изложенію и разбору его второй половины. „Дядюшкѣ“ не удалось увести Сергѣя Градищева, героя романа, изъ Венеціи. Молодой человѣкъ заболѣлъ тифомъ и около двухъ мѣсяцъ ничего не вписывалъ въ свой дневникъ. Красавица Ванда, въ которую влюбленъ Сергѣй и изъ-за которой онъ задержанъ въ Венеціи, уѣхала съ матерью въ Парижъ и стала любовницею, содержанкой венгерскаго графа Короньи. „Я продала себя, — говоритъ она въ письмѣ къ Градищеву. — Я даже не жена, а любовница графа Короньи. Видите, я вполне откровенна съ вами. Не руки моей онъ просилъ, какъ вы думаете. Онъ женатъ давно; я это знала и родная мать старалась всѣми силами уговорить меня на этотъ добровольный позоръ“. Дальше Ванда высказываетъ свое презрѣніе къ обществу и его мнѣнію о такихъ женщинахъ, какъ она, говоритъ, что „гордо поднимаетъ голову передъ свѣтомъ“, но признаетъ себя глубоко виноватою передъ Градищевымъ и не желаетъ оправдываться. „Зачѣмъ я пишу вамъ? — продолжаетъ она. — Затѣмъ, что вы, вы одни въ цѣлой моей жизни оставили во мнѣ вполне чистое воспоминаніе, что сближеніе съ вами было единственною минутой, на которой я могу теперь остановиться безъ горечи, единственною, повѣявшею на меня струей чистаго воздуха. Я любила васъ и люблю до сихъ поръ, несмотря на то, что недостойно вамъ измѣнила, предпочла честной жизни съ вами окружающую меня теперь позорную роскошь. Можетъ быть, я васъ люблю теперь еще больше потому, что вы такъ непохожи на людей, которыхъ я вижу каждый день“. Семейныя дѣла Градищевыхъ такъ сложились, что имъ необходимо было ѣхать въ Парижъ. Пока Сергѣй былъ боленъ, его отецъ умеръ въ Россіи, и теперь мать вызывала Сергѣя въ Парижъ. Мы не будемъ останавливаться на свиданіи Градищевыхъ съ Ириной Алексѣевной, легкомысленною сорокалѣтнею женщиною, мечтающею выдти замужъ за пятидесятилѣтняго графа Завойскаго, съ которымъ она уже двадцать лѣтъ въ связи; мы не остановимся и на

графъ Завойскомъ, шаблонномъ дипломатѣ-богатѣ, и на другихъ вводныхъ лицахъ; они изображены довольно вѣрно, только очень ужъ всё они извѣстны и безконечное число разъ описаны на всѣхъ европейскихъ языкахъ одинаково. Это все фотографіи, но фотографіи не съ натуры и даже не съ оригиналовъ, а съ третьихъ и десятыхъ копій. Сергѣй Градищевъ встрѣтился съ Вандой въ Будонскомъ лѣсу; они заговорили, потомъ юноша очутился въ роскошной квартирѣ красавицы, она пошла переодеваться, устлавши горничную. Сергѣй остался въ гостиной и слышалъ черезъ неплотно притворенную дверь, какъ въ уборной шуршали юбки; онъ пріотворилъ дверь, заглянулъ, пріотворилъ еще... „Вся она (т.-е. Ванда), полубогащенная и трепещущая, стояла передо мной во всей своей молодой прелести, — пишетъ Градищевъ въ своемъ дневникѣ. — Ноздри ея слегка вздрагивали, искры блеснули изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Я обнялъ ее, она уже не противилась... и т. д. до тѣхъ нѣсколькихъ точекъ, которыми всегда кончаются посѣщенія молодыми людьми будударовъ „полубогащенныхъ“ дамъ. И вотъ они очень довольны, счастливы, любить другъ друга, совершенно забывая объ отсутствующемъ изъ Парижа графѣ Короньи. Первый вспомнилъ о немъ Сергѣй, вспомнилъ и заволновался: а что же будетъ, когда венгерскій магнатъ вернется? Вѣдь, тогда Ванда... Но Ванда очень ловко успокоиваетъ влюбленнаго юношу и такъ его „обрабатываетъ“, что онъ довольно спокойно принимаетъ пріѣздъ графа и любовный раздѣлъ съ нимъ любимой женщины, хотя при этомъ Градищевъ и отмѣчаетъ неоднократно въ своемъ дневникѣ, что онъ „опускается“, „падаетъ въ собственномъ мѣшкѣ“. Въ немъ пробуждаются отъ времени до времени вспышки ревности то къ венгерцу, то къ поляку, нѣмцу и разнымъ французамъ, слегка ухаживающимъ „за восходящею звѣздой полусвѣта“. Ванда безъ особеннаго труда разгоняетъ мрачныя мысли своего возлюбленнаго, и когда разъ, въ припадкѣ особенно сильнаго нервнаго возбужденія, Сергѣй предлагаетъ ей сдѣлаться его законною женой, она весьма благо-разумно отклоняетъ его предложеніе. „Жениться на мнѣ, — говоритъ Ванда, — это значило бы идти на вѣрный бой и съ семьей твоей, и съ обществомъ. Теперь мы свободны, мы можемъ разойтись когда захотимъ; и вотъ почему намъ хорошо вмѣстѣ. Бѣдность не пугаетъ меня; вѣдь, я, ты знаешь, не пуглива, а понимаю я, конечно, что глупо обманывать себя и на этотъ счетъ. Я избалована, а ты... врядъ ли когда-нибудь та трудовая жизнь, про которую ты мнѣ такъ часто говоришь, перестанетъ быть для тебя красивою фразой. Нѣтъ, повѣрь мнѣ, пусть лучше все остается, какъ было“. И все осталось, какъ было, но очень не надолго. Не такая женщина была Ванда, чтобы долго любить юношу, котораго она не могла ни уважать, ни бояться; и она его разлюбила, предпочла ему пятидесятилѣтняго графа Завойскаго. Тотъ былъ, во-первыхъ, богатъ, — что въ глазахъ Ванды не имѣло, однако же, первенствующаго значенія, — и, во-вторыхъ, съ нимъ нельзя было шутить, — онъ былъ для Ванды „сила“. Сергѣй засталъ Завойскаго у Ванды; она не сочла нужнымъ прибѣгать до лжи и объявила молодому человѣку „чистую отставку“. Выходя изъ ея квартиры, Градищевъ увидалъ на углу карету съ закрытыми сторами, изъ-за которыхъ узналъ свою мать. Это она подкарауливала Завойскаго, подозрѣвая его измѣну. Въ послѣдовавшей затѣмъ сценѣ Ирина Алексѣевна

въ пылу негодованія, ревности и отчаянія высказала передъ сыномъ секретъ всей своей жизни.

Во все время рассказанныхъ нами событій „дядюшка“ Михайль Петровичъ терзается своею честною душею и выбивается изъ силъ, чтобы спасти племянника, вытащить его изъ сѣтей кокетки, спасти „честное родовое имя Градищевыхъ“ отъ позора, которымъ грозятъ ему съ двухъ сторонъ—молодой наслѣдникъ этого имени и его маменька, живущая, какъ оказывается, на счетъ своего любовника графа Завойскаго. Тутъ необходимо небольшое отступленіе. Михайль Петровичъ когда-то любилъ Ирину Алексѣвну; но обстоятельства такъ сложились, что она, тоже по любви, сдѣлалась женою его брата. Ни время, ни пережитыя несчастія, ни измѣна любимой женщины не уничтожили въ сердцѣ Градищева глубоко затаенной, беззавѣтной любви. Ради счастья, спокойствія и охраненія добраго имени любимой женщины Градищевъ принесъ много жертвъ и готовъ принести послѣднюю—помочь ей выйти замужъ за Завойскаго. Для этого онъ рѣшился обратиться прямо къ старому дипломату и на его отказъ отвѣтилъ вызовомъ на дуэль. Дуэль окончилась смертельною раной Михаила Петровича. Ванда пришла къ глубоко огорченному смертью дяди Сергѣю Градищеву, все еще надѣясь воскресить въ своей душѣ любовь, которою она искренно дорожила, какъ единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ своей жизни. Эта попытка только убѣдила ее, что любовь угадала безвозвратно и осталось лишь одно сладкое воспоминаніе о чемъ-то хорошемъ, чистомъ... да еще жалость къ юношѣ, которому она обязана этимъ вѣчно дорогимъ воспоминаніемъ. Они разстались навсегда. Дневникъ Сергѣя кончается нѣсколькими отчаянными фразами: „Нѣтъ, такъ жить нельзя!... Такъ жить не стоитъ!... Я умру сегодня, когда закатится солнце. Для меня завтрашняго дня уже нѣтъ. Ну, а что потомъ? Хоть бы на то достало увѣренности, чтобы рѣшительно и твердо сказать себѣ: „потомъ уже нѣтъ ничего!“...“ Здѣсь обрывается дневникъ Сергѣя Градищева“,—пишетъ г. Орловскій; но читатель остается въ неизвѣстности о томъ, убили себя герой этого романа или благополучно здравствуетъ и понынѣ. По произведеннымъ авторомъ розыскамъ въ Парижѣ, оказалось, что на слѣдующій день послѣ того, на которомъ оборвался дневникъ, 2 мая 1873 г. въ Булонскомъ лѣсу найденъ трупъ застрѣльшагося неизвѣстнаго молодого человѣка; „удостоверить личность убитаго не удалось: при немъ не оказалось даже визитной карточки“. „Такимъ образомъ,—пишетъ г. Орловскій,—полной достовѣрности, все-таки, не было, и мнѣ вдобавокъ страннымъ показалось, что никто не являлся въ полицію за справками о погибшемъ юношѣ. Въ Парижѣ была тогда его родная мать и, узнавъ объ исчезновеніи сына, она, конечно, подняла бы на ноги всѣ власти...“ А какой-то случайный знакомый, «помѣщикъ Усманскаго уѣзда, Тамбовской губ.», рассказывалъ г. Орловскому, „что въ его уѣздѣ благополучно проживаетъ и пользуется всеобщимъ уваженіемъ землевладѣлецъ Градищевъ. Онъ занимаетъ должность мирового судьи, женатъ и слыветъ отличнымъ хозяиномъ...“ „Подите-ка вотъ,—говорилъ усманскій помѣщикъ,—совсѣмъ пустой человѣкъ этотъ Градищевъ и вдобавокъ у жены подъ башмакомъ, а какъ ему везетъ...“ „Загадка такъ и осталась неразрѣшенной“,—заканчиваетъ авторъ. Очень жаль, скажемъ мы на это, а разрѣшить ее было не только легко, но и необходимо,—стоило только написать письмо „г. мировому судѣю Градищеву, въ гор. Усмань, Там-

бовской губерніи“, и спросить его, не родственникъ ли онъ Сергѣю Градищеву и не было ли у него дядюшка Михаила Петровича Градищева“, сосланнаго въ Сибирь, возвращеннаго и убитаго на дуэли въ Парижѣ. Письмо дошло бы по такому адресу и судья отвѣтилъ бы, онъ ли разыскиваемый Сергѣй Васильевичъ Градищевъ, или далъ бы такія указанія, которыя помогли бы разъяснить „загадку“. Необходимо же это было потому, что безъ согласія Сергѣя Васильевича, если онъ живъ, неудобно было опубликовывать его „записки“. Положимъ, мы и читатели отлично знаемъ, что авторъ этихъ „записокъ“, слава Богу, живъ и здоровъ, и, все-таки, мы находимъ конецъ романа не совсѣмъ ловкимъ и самую „загадку“ ни на что ненужною. Герой романа г. Орловскаго съ одинаковымъ правдоподобіемъ могъ застрѣлиться въ Булонскомъ лѣсу или жениться на богатой и мирно либеральничать въ Усманскомъ уѣздѣ. Сергѣй Градищевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „последышей“ „честныхъ дворянскихъ родовъ“, въ которыхъ „дядюшки-петрашевцы“ умираютъ бездѣтными на чужбинѣ, маменьки „последнихъ въ родѣ“ срамятъ себя и свое имя, какъ Ирина Алексѣевна, а сами „последыши“ не умѣютъ ни любить, ни ненавидѣть, ни жить по-человѣчески, ни даже умереть, хотя и глупо, но по настоящему, взаправду. Это довольно вѣрно очерченный типическій представитель старыхъ дворянскихъ родовъ, выродившихся до такихъ трюпичныхъ людей, что „рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши“, болтаютъ всякій вздоръ про служеніе челоуѣчеству, про „революцію“ и неспособны ровно ни на что, ни дома, ни въ людяхъ. Ванда искренно любила юношу Градищева, всѣми силами старалась удержать эту любовь, но не могла побѣдить глубокаго презрѣнія къ слишкомъ плохонькому любовнику, надъ которымъ потѣшаются венгерцы, поляки, нѣмцы, французы и всякій парижскій сбродъ, толкущійся вокругъ красавицы. Мы считаемъ довольно характернымъ то обстоятельство, что на страницахъ *Русскаго Вѣстника* за послѣдніе два года не встрѣчается ни одного дѣйствующаго лица изъ теперешней дворянской молодежи, къ которому можно было бы питать настоящее сочувствіе, безъ примѣси сожалѣнія или снисходительнаго презрѣнія. Всѣ они какіе-то дряблые, безхарактерные, плохонькіе въ любви, въ дружбѣ, въ семейныхъ отношеніяхъ, въ общественной жизни и въ денежныхъ дѣлахъ, неумѣлые во всемъ. Что это значитъ? Неужели правъ журналъ, когда во всей своей беллетристичѣ изображаетъ молодежь высшаго сословія ни къ чему неспособною, ни на что негодною, — такою, какою она не должна быть, т.-е. даетъ намъ только отрицательные образцы и не даетъ положительныхъ? Куда же дѣвались положительные типы или хотя бы такіе, которые *Русскій Вѣстникъ* могъ бы представить какъ положительные въ назиданіе подрастающему юношеству? „Дядюшка Михаилъ Петровичъ“, правда, изображенъ такимъ „назидательнымъ“ типомъ; но, вѣдь, онъ старикъ, да, къ тому же, не во всю свою жизнь могъ быть рекомендованъ въ видѣ примѣра, достойнаго подражанія для молодаго поколѣнія. Во дни своей молодости Михаилъ Петровичъ принадлежалъ къ преступному сообществу, былъ въ числѣ „грамольниковъ“ и за это сосланъ на каторгу. Въ примѣръ же молодежи онъ могъ быть поставленъ лишь тогда, когда уже прошелъ черезъ страшныя испытанія тюрьмы и ссылки. Такой примѣръ не годится. Гдѣ же честная, умная и сильная молодежь, на которую бы можно было указать юношамъ и дѣтямъ, и существуетъ ли такая молодежь? На это очень

любопытно было бы имѣть опредѣленное указаніе такого органа печати, какъ *Русскій Вѣстникъ*.

Съ мартовской книжки началось печатаніе романа В. П. Желиховской: *Болѣзни времени*. „Происшествія, съ которыхъ начинается этотъ разсказъ, относятся къ половинѣ шестидесятихъ годовъ“, — такова первая строчка первой главы, озаглавленной: „Дѣти вѣка сего“. Вѣдь, этакъ, пожалуй, придется не согласиться съ мнѣніемъ благоразумныхъ людей, будто бы старыя дѣвки, подобныя Твердиной, не могутъ повлечь на дѣла отечества. Спасли-то онѣ его не спасутъ, но многіе могутъ погубить въ немъ“, — такова послѣдняя фраза, которою кончается первая часть романа въ майской книжкѣ журнала. Вся же первая часть посвящена очень плохому, неталантливому и давнымъ давно всѣмъ прискучившему повторенію старыхъ тенденціозныхъ задовъ о томъ, какъ въ шестидесятихъ годахъ „старыя дѣвки, подобныя Твердиной“, дѣлали революціи въ провинціальныхъ гимназіяхъ. Перетрачиваніе этого стараго хлама, въ теченіе двадцати лѣтъ множество разъ и на всевозможные лады перевороченнаго съ лица на изнанку и обратно, не представляетъ уже теперь рѣшительно никакого интереса, — ни интереса дая, ни историческаго интереса. Все это сдано въ архивы и можетъ быть изъ нихъ извлечено съ пользою лишь тогда, когда для увлеченій, ошибокъ, подвиговъ и преступленій того времени наступитъ пора настоящей исторической оцѣнки. А пока слѣдовало бы прекратить беллетристическую травлю „старыхъ дѣвокъ“, молодыхъ гимназистовъ и гимназистокъ шестидесятихъ годовъ; можно найти что-нибудь поновѣе и, если на то есть охота, позаняться теперешними гимназистами и гимназистками,

Сестрица В. П. Желиховской, Рада-Бай (г-жа Блаватская), продолжаетъ въ мартовской кн. свое „сочиненіе“: *Изъ нещерь и дебрей Индостана*, о достоинствахъ котораго мы уже не разъ говорили, и считаемъ лишнимъ повторять уже сказанное. Читателямъ, дорожающимъ своимъ временемъ, мы можемъ только посоветовать не тратить его на чтеніе этихъ невообразимо скучныхъ пустяковъ. Въ той же мартовской книжкѣ напечатана статья И. В. Васьянова: *Земскіе эскизы изъ провинціальной глуши*, въ которой разсказывается нѣсколько крайне неблагоприятныхъ фактовъ изъ практики мировыхъ судей, присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, земскихъ управъ и собраній, — словомъ, всѣхъ выборныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Сами по себѣ, разсказанные событія, *если* только они справедливы, ничего не доказываютъ, кромѣ того развѣ, что „въ нѣкоторомъ“ уѣздѣ „нѣкоторой“ губерніи проживаютъ „нѣкоторые“ нехорошіе обыватели, преимущественно изъ дворянскаго сословія, и дѣлаютъ нехорошія дѣла, за которыя ихъ слѣдуетъ отдать подъ судъ; *если* же ихъ подъ судъ не отдали и не отдадутъ, то, стало быть, одно изъ двухъ: или разсказы г. Васьянова не вѣрны и передаваемые въ нихъ факты искажены и выдуманы, или высшія, „невыборныя“ власти въ губерніи не исполняютъ своихъ прямыхъ обязанностей, допускаютъ безнаказанно совершаться всякимъ безобразіямъ, обращая свое „недреманное око“ лишь въ ту сторону, гдѣ „все обстоитъ благополучно“.

А. К. Фонъ-Резонъ въ статьѣ *О нашемъ судѣ присяжныхъ* (мартовская книжка) и Н. В. Щербань въ статьѣ *Къ совершеннолѣтію нашего новаго суда* (майская книжка) продолжаютъ очень старыя нападки на суды, учрежденные по *Уставамъ Императора Александра II*.

Въ обѣихъ статьяхъ повторяется, что все, давно и много разъ говоренное въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, повторяется на старый ладъ, при старыхъ доводахъ, которыми ставятся въ вину учрежденію различные частные случаи. На статьѣ г. Фонъ-Резона мы не будемъ останавливаться,—по нашему мнѣнію, она не заслуживаетъ никакого вниманія; въ ряду далеко не блистательныхъ статей *Русскаго Вѣстника* противъ суда присяжныхъ эта статья занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Что же касается статьи г. Щербана, то въ ней мы отмѣтимъ кое-что, довольно курьезное: во-первыхъ, заглавіе, шутовое заглавіе: *Къ совершеннолѣтію нашего новаго суда, двадцать одинъ годъ...* Шутовость совсѣмъ неумѣстная; къ тому же, *Уставами Императора Александра II* возрастъ „въ двадцать одинъ годъ“ признанъ недостаточнымъ „совершеннолѣтіемъ“ для занятія какой-либо должности по судебному вѣдомству; срокъ „совершеннолѣтія“ удлинненъ на 4 года. Эта первая „шуточка“ неостроумна. Во-вторыхъ, г. Щербанъ говоритъ: „Разрушительныя дѣянія шестидесятихъ годовъ и старанія самой власти ступеваться не уничтожили еще у насъ обязанности *назначенія отъ правительства. Избранный* мировой не имѣетъ въ глазахъ населенія такого престижа“... и т. д. (курсивъ въ подлинникѣ). Если это опять „шуточка“, то она тоже неостроумна; если же г. Щербанъ говоритъ это серьезно, тогда это совсѣмъ... плохо. Должности *судей всѣхъ судовъ*, земскихъ, уѣздныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, „совѣтныхъ судей“, магистратовъ и т. д., со временъ императрицы Екатерины II замѣщались у насъ по выборамъ, и отъ этого никакого ущерба ни „самой власти“, ни „престижу“ не оказывалось. Стало быть, вся эта тирада о разрушительности, о „стараніи власти ступеваться“, о „престижѣ“ никуда не годится. Черезъ двѣ страницы г. Щербанъ ратуетъ противъ періодичности судейской службы, противъ ея срочности отъ выборовъ до выборовъ. „Но что же это за перемежающаяся юстиція?“ — восклицаетъ онъ, забывая, что она уже сто лѣтъ „перемежающаяся“... Еще черезъ четыре страницы: „Можно ли примириться съ зависимостью правосудія отъ выборовъ, то-есть отъ борьбы партій, отъ случая?“ Серьезно мы не желаемъ возражать на такіа „шуточные“ вопросы и отвѣтимъ тоже вопросомъ: а почему бы и не примириться, если сто лѣтъ мирились, да еще при много худшихъ условіяхъ, когда одно сословіе выбирало судъ и администрацію (полицію) для всѣхъ сословія? Немного ниже авторъ опять вопрошаетъ: „Но чѣмъ же выборный судья, угождающій тѣмъ или другимъ „страха ради іудейска“, лучше взяточника? За приношеніе ли изъ рукъ въ руки неправильно рѣшается дѣло или за бѣлый шаръ, не все ли равно?...“ На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что это, во-первыхъ, далеко не все равно, а, во-вторыхъ, самый вопросъ этотъ—сугубо вздорный. Вздорный онъ потому, что ни выборы, ни назначеніе отъ правительства не гарантируютъ отъ случайности занятія судейскаго мѣста взяточникомъ; только при выборахъ взяточникъ рѣже попадаетъ на должность, такъ какъ выборщики знаютъ, кого выбираютъ, и всего менѣе могутъ желать поставить судьей взяточника, какъ бы плохи ни были сами избиратели; затѣмъ, въ случаѣ ошибки и выбора взяточника, его безъ хлопотъ спустать черезъ три года; тогда какъ „назначеніе“ дѣлается всегда по рекомендаціи, по протекціи „влиятельнаго лица“. *Сугубо* вздорный этотъ вопросъ потому, что выборному судѣ одинаково опасно брать взятки и „угождать“ своими

рѣшеніями „страха ради“. Къ слѣдующимъ выборамъ легко можетъ измѣниться и въ дѣйствительности часто измѣняется составъ избирателей и ихъ группировка, и судья весьма рискуетъ быть забаллотированнымъ именно за то, что онъ дѣлалъ „страха ради“. При „назначеніи“ судья съ меньшимъ рискомъ можетъ брать взятки и рѣшать дѣла „страха ради іудейска“ передъ тѣми, кто стоитъ ближе къ власти, кто вліятеленъ въ губерніи и выше. Въ то время, когда выборы въ судебныя и полицейскія должности зависѣли отъ одного сословія, рѣшеній „страха ради“ передъ лицами этого сословія было неизмѣримо больше, чѣмъ теперь; больше было рѣшеній и „мзды ради неправильной“, при условіи, чтобы „мзда“ взималась съ лицъ, не принадлежащихъ къ сословію избирателей. Чѣмъ болѣе сталъ бы ограничиваться кругъ избирателей, тѣмъ болѣе сталъ бы открываться просторъ для рѣшеній „страха ради“ и „мзды ради“. При замѣнѣ же выборовъ назначеніемъ просторъ въ томъ и другомъ долженъ достигнуть своихъ крайнихъ предѣловъ. Вздорнымъ мы считаемъ вышеприведенный вопросъ г. Щербана еще и потому, что между мировыми судьями за истекшее двадцатилѣтіе взяточники составляютъ такое же рѣдкое исключеніе, какое составляютъ въ уѣздной администраціи „назначенные“ чиновники, вполне безукоризненные по части „благодарности“ и „приношеній“. Такихъ же чиновниковъ „по назначенію“, которые съ одинаковою суровостью производили высканіе податей съ вліятельныхъ и „сильныхъ“ обывателей и съ „мелкотравчатыхъ“, и совѣмнѣть, хоть „премію“ назначай—не сыщешь. Если такой заведется, то весьма не надолго. Кому могутъ быть желательны и нужны судьи „по назначенію“ и для чего они понадобились, кажется, достаточно понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій.

„Желалось бы, черезъ пять лѣтъ,—такъ заканчиваетъ свою статью г. Щербань,—встрѣчая двадцатипятилѣтіе нашего новаго суда, привѣтствовать не только совершеннолѣтіе его, но зрѣлость!“ Очень бы желательно, конечно, только для того, чтобы желаніе исполнилось, необходимо дать возможность суду достигнуть этой зрѣлости путемъ спокойнаго развитія, безъ ломки, которой такъ настойчиво добивается у насъ небольшая группа людей, съ явнымъ недоброжелательствомъ относящихся къ великимъ реформамъ прошеднаго царствованія.

Недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ поговорить подробно объ интересной статьѣ А. В. Елисѣева: *Въ долину Иордана* и о прекрасной по своей обстоятельности статьѣ М. А. Веневитинова: *Изъ исторіи Воронежскаго края*, написанной „по поводу 300-лѣтняго юбилея города Воронежа“. Къ нимъ мы надѣемся возвратиться, когда эти статьи выйдутъ отдѣльными книжками.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Дебольскій, (Н. Г.). О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе. 368 стр., 8 д., Спб. (Тип. товарищ. „Общ. Польза“). 2 р. 50 к. 300 экз.

Мартыновъ, А. Ученіе св. Григорія еп. Нисскаго о природѣ челоуѣка. (Опытъ изслѣд. въ области христіанс. философіи IV в.). М., 1886. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 886 экз.

Описаніе (историческое) Кіево-печерской лавры. Изд. книгопр. Е. Губанова. М., 1886 г. 8 д., 48 стр., 6,000 экз.

Проученіе на Богоявленіе Господне, современное житіямъ свв. славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія, приписываемое ученику ихъ св. Клименту славяно-русскаго извода. (Печат. съ рукописи начала XVI в.). Сообщилъ архим. Леонидъ. Спб., 1885 г. Тип. В. Балашева. 4 д., 38 стр., 620 экз.

Усовъ, С. Сирійское евангеліе Лаврентіанской бібліотеки. М., Синод. тип. 4 д., 51 стр., 100 экз.

Шопенгауэръ, А. Свобода воли и основн. морали. Двѣ основныя проблемы этики. Пер. съ нѣмец. Ф. Черниговца. Спб., 1886 г. Тип. и изд. А. Суворина. 8 д., 298 стр., 600 экз. Ц. 3 р.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Апуктинъ, А. Стихотворенія. Спб., 1886. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д., 222 стр., 3,000 экз. Ц. 3 р.

Баранцевичъ, К. Порванныя струны и другіе разсказы. Спб., 1886. Тип. и изд. т-ва М. Вольфа. 8 д., 360 стр., 2,400 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Вернъ, Ж. Пятьсотъ милліонъ. Ром. Спб., 1886. Тип. товар. „Обществ. Польза“. 8 д., 194 стр., 600 экз.

Всесвятскій. Посылки изъ деревни. Волог., 1885. Тип. В. Гудкова-Бѣлякова. 8 д., 13 стр., 900 экз.

Гоголь, Н. „Ревизоръ“. Ком. въ 5 дѣйс. и „Театральной развѣздъ“ (сцены). Приложение: 1) Письмо Гоголя послѣ 1-го представленія „Ревизора“.—II) О комедіи „Ревизоръ“ Бѣлинскаго.—III) „Ревизоръ“ С. Дудышкина. Редак. А. Сосницкаго. Изд. книж. маг. наслѣд. бр. Салаевыхъ. М., 1886 г. 8 д., 191 стр., 1,000 экз. Ц. 70 к.

Гоголь, Н. Ревизоръ. Ком. въ 5 дѣйс. (Первоначальн. сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. Тихомировыхъ). Съ прилож. 4-хъ снимковъ. Изд. книж. маг. наслѣд. бр. Салаевыхъ. М., 1886 г. 8 д., LXIV + 231 стр., 2,400 экз. Ц. 3 р.

Кобловъ, Н. Стихотворенія. Морж., 1886. Тип. М. Прокофьева. 8 д., 63 стр., 1,200 экз. Ц. 40 к.

Костылевъ, П. За четверть столѣтія назадъ. (Изъ дневника быв. судеб. слѣдователя). Елецъ, 1886 г. Тип. Тоголоцкаго. 8 д., 17 стр.

Крестовскій, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Спб., 1886 г. Товарищ. „Печатня С. П. Яковлева“. 8 д., 40 стр., 1,000 экз.

Лейкинъ, Н. Стручки и Хрустальниковъ. Банковск. эпопея. Спб., 1886 г. Тип. Р. Голике. 8 д., 342 стр., 2,500 экз. Ц. 2 р.

Литтонъ, Б. Послѣдніе дни Помпея. Историч. романъ. Спб., 1886. Тип. С. Доброхѣва. 8 д., 504 стр., 800 экз. Ц. 2 руб. 50 к.

Медвѣдевъ, Д. Стихотворенія (1881—1886). М., 1886. Тип. А. Левенсонъ. 8 д., 200 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Мордовцевъ, Д. Новые люди. По-

вѣсть изъ жизни шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1886 г. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 314 стр., 1,050 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Николаевъ, Б. Стихотворенія. К., 1886 г. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 12 д., 50 стр., 1,500 экз. Ц. 50 к.

Полонскій, Я. Полное собраніе сочиненій. Т. 5-й. Признанія Сергія Чаплигина. Романъ. Изд. Ж. Полонской. Спб., 1886 г. 8 д., 375 стр., 2,000 экз. Ц. 2 р.

Разсказы (провинціальныя). (Волобуховъ, кандидатъ въ городскіе головы. — Въ уѣздномъ городѣ. — Въ хуторѣ. — Никола и Варька. — Рыбаки на Дибрѣ. — Вексель). Соч. Б-ннй Г-онъ. К., 1886 г. Тип. губ. прав. 8 д., 172 стр., 500 экз. Ц. 50 к.

Риваль, В. На каторгу безъ срока. Ром. въ 4 час. Самара, 1886 г. Тип. губ. прав. 4 д., 67 стр., 600 экз.

Сахаровъ, П. Живо погребенный. Повѣсть. Изд. Е. Манухиной. М., 1886. 12 д., 143 стр., 6,000 экз.

Соколовъ, А. Три любовницы касира. Ром. изъ современ. жизни. Въ 3-хъ час. Спб., 1886 г. Тип. П. Шмидта. 8 д., 607 стр., 500 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Стружкинъ, Н. Стихотворенія. Час. 1-я и 2-я. М., 1886. Тип. Н. Пастухова. 8 д., 232 стр., 1,200 экз. Ц. 2 р.

Сисоевъ, В. Разсказы охотника. М., 1886 г. Тип. И. Кушнерова и К^о. 8 д., 155 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Тайны (Одесскія) изъ прошлыхъ лѣтъ. Одес., 1886 г. Тип. Л. Ниче. 16 д., 62 стр. 6,000 экз. Ц. 20 к.

Толстой, Л. (Гр.). Сочиненія. Часть 12-я. Произведенія послѣдн. годовъ. М., 1886 г. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 597 стр., 6,000 экз. Ц. за 12 томовъ 18 руб.

Шадринъ, А. (Сухонинъ, П.). На рубежѣ столѣтій. Историч. романъ въ 3 час. Спб., 1886 г. Тип. М. Румша. 8 д., 332 стр., 3,000 экз. Ц. 2 р.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФІЯ.—МЕМОАРЫ.

Гречъ, Н. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Спб., 1886 г. Тип. и изд. А. Суворина. 8 д., 583 стр., 1,500 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Зимевъ, Л. Русскіе врачи-писатели. Вып. 1-й (до 1863 г.). Спб., 1886 г. Тип. Ѳ. Елеонскаго, Н. Лебедева и В. Демакова. 8 д., 366 стр., 625 экз. Ц. 3 руб.

Иловайскій, Д. Дополнит. полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-русскому. М., 1886 г. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 140 стр., 1,200 экз. Ц. 50 коп.

Карновичъ, Е. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и славяне иноземцевъ

съ русскими. Спб., 1886 г. Тип. и изд. А. Суворина. 12 д., 248 стр., 1,500 экз. Ц. 1 р.

Матеріалы для исторіи рус. дворянства. Вып. 3-й. Изд. Н. Калачева. Спб., 1886 г. 8 д., 48 стр., 1,200 экз. Ц. 30 к.

Миловидовъ, И. Очеркъ исторіи Костромѣ съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича. Съ фотографич. снимками. Костр., 1886 г. Типо-лит. Ф. Фалькъ. 8 д., 170 стр., 1,200 экз.

Мусинъ-Пушкинъ, А. (гр.). Эразмъ Роттердамскій какъ сатирикъ и значеніе его сатиры для современнаго ему общества. Историч. очеркъ. Спб., 1886 г. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 56 стр., 600 экз. Ц. 50 к.

Письмо О. М. Бодянскаго къ графу Сергію Григорьевичу Строганову о древнихъ русскихъ и славян. монетахъ. Сообщилъ А. Титовъ. Изд. Импер. общ. истор. и древ. россійск. при московск. университетѣ. М., 1885 г. 8 д., 48 стр., 300 экз.

Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. Спб., 1886 г. Тип. штаба войскъ гвард. и петер. воен. округа. 8 д., IV+XIII+446+CCXVII стр., 450 экз.

Сениговъ, І. О древнѣйшемъ летописномъ сводѣ Великаго Новгорода. Спб., 1886 г. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 125 стр., 300 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Скребицкій, А. Создатель методовъ обученія слѣпыхъ. Валентинъ Гаинъ, въ Петербургѣ. Спб., 1886 г. Тип. А. Травнева. 8 д., 89 стр., 400 экз. Ц. 90 к.

Холмогоровъ, В. и Г. Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Вып. 4-й. Селецкая десятина (Москов. уѣзда). Изд. Импер. общ. исторіи и древн. россійскихъ при москов. универ. М., 1885 г. 8 д., 163 стр., 300 экз. Ц. 1 р.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Временникъ (Статистическій) Россійск. имперіи. Серія III, вып. 9. Европейская питейная торговля въ Россіи. Изд. центр. статист. комит. м-ва внутр. дѣлъ. Спб., 1886. 8 д., XXIV+581 стр., 980 экз.

Временникъ (Статистическій) Россійской Имперіи. Серія III, вып. 10-й. Поземельная собственность Европейской Россіи 1877—78 гг. Изд. центр. статист. к-та м-ва внут. дѣлъ. Спб., 8 д., 227 стр., 1,200 экз.

Безобразовъ, В. Очерки политической и обществен. жизни за 1885 г. Спб., 1886 г. Тип. изд. „т-ва М. О. Вольфъ“. 4 д., 139 стр., 300 экз. Ц. 2 р.

Бехтеревъ, В. Психопатія (психонервная раздражительная слабость) и ея отношенія къ вопросу о вѣнненіи. Каз., 1886 г. Тип. Имп. универ. 8 д., 31 стр., 200 экз.

Боровиковскій, А. Уставъ гражд. судопроизводства съ объяснен. по рѣшеніямъ гражд. кассацион. д-та правит. сената. Вып. 4-й. Изд. книж. маг. „Нов. Времени“. Спб., 1886. 8 д., съ 741 по 960 стр., 5,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Гавриленко, М. Матеріальное устройство Россіи и мѣры къ его устраненію. Спб., 1886 г. Тип. В. Комарова. 8 д., 172 стр., 150 экз.

Градовскій. Лекціи по государственному праву. (Окончаніе). Спб., тип. М. Стасюлевича. 8 д., съ 321 по 384 стр., 350 экз.

Губнеръ, В. Всеобщ. статистика. Географическо-статистическія табл. всѣхъ странъ земнаго шара. Дополн. Ф. фонъ-Юрашекомъ. Одес., 1886. Тип. „Одес. Вѣстн.“. 8 д., 48 стр., 1,500 экз.

Данилевскій, Н. О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источн. государств. доходовъ. Изд. М. Комарова. Спб., 1886 г. 8 д., 199 стр., 800 экз.

Джаншievъ, Г. Веденіе неправыхъ дѣлъ (этюдъ по адвокатской этикѣ). М., 1886 г. Тип. А. Мамонтова и К^о. 8 д., 62 стр., 500 экз.

Ковалевскій, М. Современ. обычай и древ. законъ. Т. 1-й. М., 1886 г. Тип. В. Гауцукъ. 8 д., 340 стр., 800 экз. Ц. 2 р.

Ланге, О. О правахъ собственности суруруговъ по древне-рус. праву. Спб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 165 стр., 1,000 экз. Ц. 2 р.

Лебедевъ, В. Мѣстные налоги. Опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія. Спб., 1886 г. Тип. А. Вольфа. 8 д., 602 стр., 600 экз. Ц. 3 р. 75 к.

Лихаревъ, Н. Политическая проблема. М., 1886. Унив. тип. 8 д., 38 стр., 600 экз. Ц. 40 к.

Маравихеръ, С. Очеркъ современ. научныхъ теорій по публичному праву. Критич. этюдъ. Одес., 1885 г. Тип. В. Кирхнера. 4 д., 423 стр., 100 экз.

Набоковъ, А. Сборникъ законовъ о печати. Руковод. для провинціал. содѣйателей типографій, литографій, металлографій, фотографій, заведеній, изготовляющихъ и продающихъ принадлежности тишенія, книжныхъ магазиновъ, библиотекъ и т. п., а также для чиновниковъ, наблюдающихъ за всѣми означен. заведеніями, для частныхъ лицъ и для полиціи. Съ прилож. толкованій статей закона, кассацион. рѣшеній, а также формъ прошеній, шнуровыхъ книгъ, свидѣтельствъ, росписокъ, билетовъ, протоколовъ и проч.

Тамбовъ, 1886 г. Тип. Д. Семенова. 8 д., 117 стр., 1,500 экз. Ц. 75 к.

Никотинъ, И. Столѣтній періодъ (1772—1872) русскаго законодательства въ воссоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и законодательство о евреяхъ (1649—1876). Т. П. Изд. И. Никотина. Вып., 1886 г. 8 д., 420 стр., 600 экз. Ц. 4 р.

Пазухинъ, А. Современное состояніе Россіи и словесный вопросъ. М., 1886. Универ. тип. 8 д., 63 стр., 1,200 экз.

Сборникъ узаконеній и распоряж. правительства относительно приобрѣтенія въ собственность, залога и арендованія въ девяти запад. губерніяхъ земл. имуществъ, вѣвъ городовъ и мѣстечекъ расположенныхъ. Изд. Н. Смирнова. Ковно, 1886. 12 д., 109 стр., 600 экз.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарной статистики. Т. III. Вып. XIV. Санитар. изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Богородскаго уѣзда. Час. П. А. Погожева. Съ 14 план. фабрич. заведеній. Изд. москов. губер. земства. М., 1886 г. 8 д., 471 стр., 650 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовскій, А. Законъ и правила для домовъ духов. завѣщаній и утвержденія въ правахъ наслѣдства. Спб., 1886. Тип. т-ва „Общ. польза“. 8 д., 346 стр., 3,000 экз. Ц. 1 р.

Холмогоровъ и Полозовъ. Новый и полный сводъ всѣхъ торговыхъ уставовъ со всѣми новѣйшими измѣненіями и приложеніями и многими кассацион. рѣшеніями правит. сената. Съ прилож. уставовъ: ремесленнаго, фабричнаго, весельнаго и новыхъ законовъ: питейнаго и о новомъ налогѣ съ подоходнаго и оборотнаго рубля. М., 1886. Тип. Ф. Югансонъ. 8 д., 1,112 стр., 1,900 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Чичинадзе, Д. Сборникъ узаконеній, правит. распоряженій и циркуляровъ, относящихся до сельс. населенія за 1885 г., со включеніемъ законоположеній по устройству быта крестьянъ и съ прилож.: а) „Воинская повинность“, б) „Сельскій банкъ“ и в) „Податная присутствія и инспектора“. Спб., 1886 г. Тип. Г. Циннесъ. 8 д., 268 стр., 2,000 экз.

Эргардтъ, Ф. Наука и ея примѣненіе на судѣ. К., 1886. Тип. И. Кушнерева и К^о. 4 д., 7 стр., 300 экз.

Янжулъ, Я. Финансовое право. Лекціи. Вып. 2. М., 1886. Тип. А. Мамонтова. 2 д. Съ 57 по 160 стр., 300 экз.

Янкевичъ, Я. О поднятій народ. благосостоянія. К., 1886 г. Тип. С. Кульженко. 8 д., 163 стр., 3,000 экз. Ц. 1 р.

Яроцкій, В. Финансовое право. Лекціи, читан. въ военно-юридич. академіи. Спб. 1886 г. Тип. морск. м-тва. 8 д., 374 стр., 150 экз.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГР.—ПУТЕШЕСТВИЯ.

Ассонзовъ, В. Путеводитель на „Иматру“. Съ рис. и планомъ. Спб., 1886. Типо-лит. Д. Шеметкина и К°. 16 д., 51 стр., 1,200 экз. Ц. 50 к.

Воронцовъ, В. Иллюстрир. учебная географическая хрестоматія. Въ 8 частяхъ. Ч. 1-я. Общій обзоръ земнаго шара. Изд. Д. Полубояринова. Спб., 1886 г. 8 д., 135 стр. съ рис. въ текстѣ. 2,100 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Горчакова, Е. (Кн.). Поездка въ новый Иерусалимъ, Саввант монастырь и городъ Дмитровъ. М., 1886 г. Тип. Л. Снегирева. 12 д. 70 стр. съ рис. въ текстѣ. 1,200 экз. Ц. 30 к.

Обозрѣніе (Краткое) губерній и областей Россійской Имперіи. М., 1886 г. Тип. М. Волчанникова. 16 д., 15 стр. 500 экз.

Скучевскій, Е. По Сѣверу Россіи. Путешестіе ихъ Императ. Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны въ 1884—1885 гг. Т. 1-й и 2-й. Спб., 1886. Тип. Э. Гоппе. 4 д., 270 стр. съ картою пути и 65 рис. и 248 стр. съ 67 рис., по 1,600 экз., Ц. 12 р.

МАТЕМАТИКА.—ФИЗИКА.—ХИМИЯ.—АСТРОНОМИЯ.

Бейльштейнъ, Ф. и Лвейнъ, Л. Ручов. къ качественному и количественному химич. анализу. Спб., 1886 г. Тип. В. Демакова. 8 д., 110 стр., 1,500 экз. Ц. 1 р.

Васильевъ, А. Теорія вѣроятностей. Лед. Каз., 1885. Тип. В. Ключникова. 4 д., 146 стр., 200 экз.

Давидовъ, А. Рѣшенія численныхъ геометрич. задачъ. (Съ 301 чертж.). Съ прибавленіемъ задачъ по планиметріи и приложеніемъ таблицъ формулъ многоугольниковъ. Составилъ А. Коронцевичъ. Съ чертжами. Одес., 1886 г. „Славянская типогр.“ 8 д., 123 стр., 2,000 экз. Ц. 90 к.

Надеждинъ, А. Этюды по сравнит. физикѣ. К., 1886. Унив. тип. 8 д., 164 стр. и 2 табл. фигуръ, 150 экз.

Преображенскій, П. Руковод. практической тригонометріи. (Съ прилож. таблицъ тригонометрич. величинъ). М., 1886 г. Тип. и изд. А. Карцева. 8 д., 93 стр., 2,400 экз.

Покровскій, П. Теорія эллиптическихъ функций. 1886 г. Унив. тип. 8 д., 154 стр. 500 экз. Ц. 2 р. 25 к.

Соколовъ, П. О рѣшеніи арифметич. задачъ. Спб. 1886. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 17 стр., 300 экз.

Тиме, И. Практич. курсъ паровыхъ машинъ. Т. 1-й. Паровые котлы. Съ отдѣл. атласомъ чертежей. Спб., 1886 г. Тип. и хромолит. А. Траншеля. 8 и 4 д., 384 стр. и 26 табл. 1,500 экз.

Фанъ-деръ-Флигъ, П. Введеніе въ механику. Ч. II-я. Основные законы силъ (динамика точки). Съ 6-ю табл. чертежей 1-й ч. и съ 5-ю табл. чертежей II-й ч., Спб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 331 стр., 2,000 экз.

МЕДИЦИНА.—ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Аблековъ, С. Къ вопросу о потогоняющихъ средствахъ у чахоточныхъ. Агаридианъ, пилоскарпинъ, гомотропинъ, добуазинъ и пироксинъ. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. А. Пожаровой. 8 д., 60 стр., 600 экз.

Варлаховскій, Н. Очеркъ истіологическ. фауны Кавказ. губерній. Съ картою. (Прилож. № 3-й къ ЛН-му т. Зап. Импер. ак. наукъ). Спб., 1886. Тип. Импер. ак. наукъ. 8 д., 70 стр., 300 экз. Ц. 45 к.

Видгальмъ, И. О гессенской мухѣ и о др. вредныхъ насѣкомыхъ Бессарабіи. Съ прилож. таблицъ рисунковъ. 107 стр.

Мамуровскій, М. О кроvinной тлѣ и садовыхъ насѣкомыхъ Крыма. 9 стр. Одес. 1886 г. Тип. А. Шульце. 8 д., 2,000 экз.

Войткевичъ, И. Матеріалы къ вопросу о примѣненіи выханий холода, воздуха и лихорадочныхъ. Диссерт. Спб., 1886. Тип. А. Пожаровой. 8 д., 26 стр., 600 экз.

Гофманъ, Я. Къ патологической анатоміи сердца при склерозѣ вѣнечныхъ артерій. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. Шредера. 8 д., 71 стр., 600 экз.

Дементьевъ, В. Зубная дуга и видоизмѣненія у человѣка. Диссерт. Спб., 1886. Типографія Степанова и К°. 8 д., 74 стр., 550 экз.

Зеленецкій, М. Матеріалы для изученія сравнительн. дѣйствія горячихъ ваннъ, пилоскарпина и горячихъ обертаваній у нефритиковъ. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. А. Пожаровой. 8 д., 56 стр. и 3 табл., 600 экз.

Кранцфельдъ, Д. Къ вопросу объ этиологіи острыхъ выносовъ. (Osteomyelitis acuta suppurans, Phlegmone и нѣкотор. друг.). Роль микроорганизмовъ при этихъ процессахъ. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. Шредера. 8 д., 140 стр., 650 экз.

Кручекъ-Голубовъ, В. Къ вопросу о дѣйствіи продолжительныхъ тепловатныхъ ваннъ на больныхъ брюшнымъ тифомъ. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. А. Траншеля. 8 д., 58 стр. и 4 табл. 500 экз.

Кузьминъ, В. Курсъ хирургии. М., 1886 г. Тип. А. Карцева. 8 д. Съ 113 по 128 стр., 300 экз. Ц. 10 к.

Лечебникъ (симптомический). Излечение болѣзней безъ помощи лекарствъ симпатич. средствами. М. 1886. Тип. И. Родзевича. 8 д., 46 стр., 1,200 экз. Ц. 40 к.

Николай, Р. Сборникъ практич. медицины за 1885 г. Каз., 1886 г. Тип. А. Родионова. 12 д., 94 стр., 600 экз. Ц. 75 к.

Опацкій, Ю. Эластическія волокна при легочной чахоткѣ. Диссертация. Спб., 1886 г. Тип. И. Скороходова. 8 д., 84 стр., 500 экз.

Признаки (о начальныхъ) заразныхъ болѣзней, появляющихся въ школахъ и пріютахъ среди дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. Спб., 1886 г. Тип. И. Скороходова. 16 д., 24 стр., 1,000 экз.

Сергѣевъ, П. Заболѣваемость и смертность домашн. животныхъ Спб-ской губерніи въ 1884 г. (Ветеринарно-статистическ. очеркъ). Прилож. къ отчету Спб. губ. земск. управл. за 1884 г. Спб., 1885. 8 д., 172 стр., 600 экз.

Снегиревъ, В. Ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ. Историко-критич. очеркъ. Каз. 1886. Унив. тип. 8 д., II+330 стр.

Тарновскій, В. Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. Общедоступн. изложеніе. Спб. 1886. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 238 стр., 5,000 экз. Ц. 2 р.

Тишковъ, И. О сопротивленіи человѣч. тѣла электр. току. Диссерт. Спб., 1886 г. Тип. морск. м-тва. 8 д., 69 стр., 550 экз.

Трихини и трихинная болѣзнь. Общедоступное распознаваніе и леченіе. Съ рис. Спб. 1886. Тип. деп-та уделовъ. 8 д., 16 стр., 960 экз. Ц. 20 к.

Франціусъ, Е. О вліяніи прѣсныхъ и старорусскихъ минеральныхъ ваннъ на азотный обменъ веществъ и усвоеніе азота изъ пищи. Диссертация. Спб. 1886 г. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 40 стр., 600 экз.

Холодковскій, Н. Мужской половой аппаратъ чешуекрылыхъ. Сравнительно-анатомическое изслѣдованіе. (Прилож. къ ЛП-му тому Залис. Импер. ак. наукъ, № 4). Спб. 1886 г. Тип. Импер. ак. наукъ. 8 д., 134 стр. и 5 табл. рис., 300 экз. Ц. 90 к.

Хрущовъ, И. Полный зубо-врачебн. курсъ. Въ 7 томахъ. Т. 2-й. Патологія и терапия зубовъ и полости рта. Съ 241 рис. въ текстѣ. Изд. И. Хрущова. Спб., 1886. 8 д., 704 стр., 1,000 экз. Ц. 8 р.

Чельцовъ, М. О знач. горькихъ средствъ въ пищевареніи и усвоеніи азотистыхъ веществъ. Диссертация. Спб., 1886. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 78 стр., 550 экз.

Чоловскій, В. Veriberi. Патолого-анатомич. и клинич. изслѣдованіе изъ лабораторіи проф. Н. Ивановаго. Диссертация. Съ рисункомъ. Спб. 1886 г. Тип. морск. м-тва. 8 д., 102 стр., 700 экз.

Штангеевъ, Ф. Лечение легочной чахотки въ Ялтѣ. Опытъ статистич. и клинич. обработки 1,000 исторій болѣзней. Съ 120 табл. Спб. 1886. Тип. дома привр. малолѣтн. бѣдн. 8 д., 106 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 75 к.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Боярскій, А. Очеркъ практич. руководства къ постройкѣ гребныхъ судовъ. Съ 3 табл. чертежей. Спб., 1886 г. Тип. морск. м-тва. 8 д., 114 стр., 1,000 экз.

Книжка (паматная) на 5 лѣтъ службы стрѣлка. Изд. Стегкевичъ, Спб., 1886. Тип. Ю. Штауфа. 16 д., 16 стр., 3,000 экз. Ц. 4.

Коссиинскій, В. Третье дополненіе къ систематич. сборнику приказовъ по воен. вѣдомству и циркуляровъ главн. штаба за 1885 г. Изд. В. Коссиинскаго. Спб., 1886. 8 д., 886 стр., 3,500 экз. Ц. 5 р.

Лачиновъ, В. Дополнит. записка къ брошюрѣ: „Сравнительныя свѣдѣнія о сигнальныхъ колоколахъ и автоматическомъ свисткѣ Лачинова“. Вильна, 1886 г. Тип. И. Яловцера. Fol. 2 стр., 400 экз.

Паруцкій. Обученіе баталіона. Отд. 3-й. Три проекта уставныхъ учений. Отд. 4-й. 14-ть проектовъ тактик. учений. Съ планомъ. Каз. 1886. Тип. Г. Вечеслава. 12 д., 92 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р.

Паруцкій. Тактическая игра. Вып. 1-й. Общія основанія, организація и правила веденія тактич. игры. Примѣръ веденія игры. Съ чертеж. и план. Каз. 1886 г. Тип. Г. Вечеслава. 8 д., 52 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 10 к.

Свѣдѣнія по уходу за лошадью и конскимъ снаряженіемъ, необходимы для офицерскаго вѣстоваго. Составл. офицерами инструкторск. отдѣла офицерск. навалерійск. школы. Съ чертежами. Спб., 1886 г. Т. А. Пожаровой, 8 д., 38 стр., 200 экз. Ц. 60 к.

Тулубовскій, Я. Таблицы, опредѣляющія результатъ стрѣльбы въ процентахъ. Для гг. генераловъ, полковныхъ, баталіон., ротныхъ и эскадрон. командировъ. К., 1886 г. Тип. А. Кульженко. 8 д., 50 стр., 1,200 экз. Ц. 50 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка. По паматникамъ народа. словесности и произведеніямъ новѣйшей печати.

Внп. 2-й. М., 1886 г. Универс. тип. 8 д., 24+с 273 по 512 стр., 300 экз.

Ланге, Г. Двѣнадцать стихотвореній Катулла, Тибулла и Проперція, избранныхъ и снабжен. примѣчаніями. М., 1886. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 52 стр., 400 экз. Ц. 50 к.

Логвиновъ, Е. Овидій Назонъ. Избранныя басни изъ метаморфозъ. Слова, комментарія и переводъ 6-й, 7-й и 13-й книги метаморфозъ. Изд. книжн. маг. Югансона. К., 1886 г. 12 д., 146 стр., 2,000 экз. Ц. 50 к.

Петрученъко, О. *Σοφοκλεως Οιδιποτος Τυραννος*. Текстъ съ примѣч. по Науку и словарь. по Эллинду. М., 1886 г. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 196 стр., 4,800 экз. Ц. 90 к.

Петрученъко, О. Словарь къ Эдипу—Царю, составленный по Эллинду. М., 1886 г. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 46 стр. въ 2 столб. 1,200 экз. Ц. 50 к.

Туркинъ, Н. Volaruk. Необыкновенно легкій новооткрытый методъ Шлейера, по системѣ котораго можно въ самое короткое время изучить всемірный языкъ. М., 1886 г. Тип. Ф. Югансона. 8 д., 226 стр., 1,200 экз.

Холинъ, И. Volaruk. Всемірный языкъ Шлейера. Изложеніе вопроса, грамматика, съ прилож. крат. словаря. Спб. Тип. и изд. А. Суворина. 12 д., 74 стр., 1,500 экз.

Шрадеръ, О. Сравнит. языковѣдѣніе и первобыт. исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія Индо-Германской древности. Перев. съ нѣмец. Спб., 1886 г. Тип. м-тва путей сообщ. 8 д., 490 стр., 1,500 экз. Ц. 3 р.

ТЕХНОЛОГИЯ.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Грюнхальдтъ, О. Искусственное птицеводство. Практич. руковод. къ искусственному разведенію всякаго рода домаш. птицы для цѣлей крупнаго и мелкаго хозяйства. Изд. А. Девриена. Спб., 1886 г. 8 д., 72 стр., 1,535 экз. Ц. 1 р.

Тарасовъ, И. Интензивное хозяйство и сельско-хозяйствен. политика. Изд. "Русск. экономич. журнала". Спб., 1886 г. 8 д., 49 стр., 350 экз. Ц. 75 к.

Хлудзинскій, В. Практич. руководство къ разведенію муловъ. Спб., 1886 г. Тип. Мѣсника и Римана. 8 д., 143 стр., 350 экз. Ц. 1 р.

Черняевъ, В. Плужная запряжка. (Объяснит. чтеніе). Съ 35 рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г. Тип. т-ва "Общ. Польза". 8 д., 42 стр., 1,500 экз. Ц. 75 к.

ИСКУССТВО.

Булгаковъ, Ф. Иллюстриров. обзоръ

выставкы академіи художествъ 1886 г. Съ 15 автолѣтн. снимками съ картинъ, 1 портретомъ и 3 видами. Изд. 1-е. Спб., 1886 г. Тип. и изд. т-ва М. Вольфъ. 8 д., 49 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Гвоздикова, Л. Руковод. къ производству искусств. цвѣтовъ. Спб., 1886 г. Тип. дома призр. малолѣт. бѣд. 8 д., 15 стр., 500 экз.

Равинскій, Д. Матеріалы для рус. иконографіи. Внп. IV—VI. Спб., 1886 г., Экспедиція заготовл. госуд. бумагъ. 2 д., 6+6+4 стр. и по 40 гравюръ въ выпускѣ, по 150 экз. Ц. 20 р. за выпускъ.

ПЕДАГОГИЯ.—КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Альбицкій, П. Вопросы о народн. образованіи. I. Библиотеки и читальни для простаго народа. II. Изъ области простонародной литературы. Каз., 1886 г. Тип. Импер. унив. 8 д., 91 стр.; 500 экз. Ц. 70 к.

Амасійскій, Ф. Рассказы изъ отечествен. исторіи. Начало Руси и крещеніе ея. Изд. ред. жур. "Рус. Начал. Учитель". Спб., 1886 г. 8 д., 26 стр., 300 экз. Ц. 8 к.

Андрей-ротозѣй или дашь себѣ волю, спустишь и отцовскую долю. Народ. рассказъ въ стихахъ, съ прибав. сказокъ: "Вотъ такъ Панфиль, молодчина!" "Про Сеню дурачка и про колдуна старичка". Изд. книгопр. В. Шатаева. Спб., 1886 г. 16 д., 64 стр., 6,000 экз. Ц. 20 к.

Атаманъ Кольцо. Повѣсть въ 2 час. М., 1886 г. Тип. В. Барбей. 12 д., 95 стр., 2,400 экз.

Быстровъ, А. Главнѣйшія правила рус. этимологіи съ уразженіями въ переводахъ съ рус. языка на нѣмец. и обратн. Митава, 1886 г. Тип. Н. Штеффенгагена. 8 д., 278 стр., 2,300 экз.

Бѣлковъ, Х. Руковод. къ обученію въ началн. народн. школахъ. Необходимая книга для учителей, учительницъ и законоучителей церковно-приходскихъ и друг. началн. школъ. Спб., 1886 г. Тип. Ф. Елеонскаго и К^о. 8 д., 110 стр., 600 экз. Ц. 60 к.

Ванька-ротозѣй. Народ. сказка. М., 1886 г. Изд. О. Лузиной. 12 д., 34 стр., 12,000 экз.

Весельчакъ - каламбуристъ или новая новинка изъ быта русскаго, нѣмец., француз., американ., еврейск. и военнаго. Изд. книгопрод. А. Абрамова. М., 1886 г. 8 д., 324 стр., 6,000 экз.

"Весною". Рассказъ для сельской школы. М., 1886 г., Тип. А. Мамонтова и К^о. 8 д., 8 стр., 5,000 экз.

Виноградовъ, И. Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеоб. исторія. По-

собіе для учителей и учениковъ стар. классовъ сред. учеб. заведеній. М., 1886 г. Тип. и изд. А. Карцева. 16 д., 96 стр., 2,400 экз. Ц. 30 к.

Виреніусъ, А. Школьные столы и скамьи, ихъ устройство и распределение въ учеб. заведеніяхъ. Спб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 54 стр., 2,000 экз. Ц. 60 к.

Висковатовъ, В. Какъ люди научились писать. (Народ. библиотека). М., 1886 г. Тип. т-ва М. Кувшинова. 8 д., 27 стр., 2,000 экз. Ц. 8 к.

Вогюэ, М. (Гр.). Рассказы француза про русскихъ. Пересказалъ по-русски Дядя Антонъ. М., 1886 г. Тип. и изд. А. Карцева. 12 д., 50 стр., 10,000 экз.

Волгинъ, В. Страшная ночь. Рассказъ. Изд. книгопрод. И. Сытина и К^о. М., 1886 г. 16 д., 35 стр., 12,000 экз.

Волгинъ, В. Роковая тайна или отецъ и сынъ. Историч. повѣсть. М. 1886 г. Тип. и изд. книгопр. И. Сытина и К^о. 16 д., 36 стр., 1,200 экз.

Волочковъ, З. Наглядн. таблица 2-го греч. спряженія. Мит. Тип. Штеффенгагенъ. Fol. 1 стр., 1,000 экз.

Воскресенскій, Н. Свѣтъ и тѣни рус. словесности. Спб., 1886 г. Тип. П. Шмидта. 8 д., 219 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Вѣдьма (Заднѣпровская) и страшный атаманъ разбойниковъ. Народ. преданіе. Изд. И. Сытина. М., 1886 г. 12 д., 86 стр., 6,000 экз.

Гаршинъ, В. Четыре дня на полѣ сраженія. Рассказъ солдата съ отрѣзанною ногой. Изд. книж. склада „Посредникъ“. М., 1886 г. 12 д., 35 стр., 24,000 экз.

„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Предѣлка съ французскаго Л. Толстаго. Съ рисунками. Изд. слб. к-та грамотности. Спб., 1886 г. 12 д., 24 стр., 20,000 экз. Ц. 5 к.

Громобой, русскій витязь, и прекрасная Елена Милловзора. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 16 д., 35 стр. 9,600 экз.

Гротъ, Я. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ русское правописание. Спб., 1886 г. Тип. Импер. ак. наукъ. 8 д., 55 стр., 1,010 экз. Ц. 25 к.

Дахновъ, И. Совѣтникъ народнаго учителя. Рук. для лицъ, служащихъ въ народ. училищахъ. Одес., 1886 г. Тип. „Трудъ“ В. Семенова. 8 д., 96 стр., 1,000 экз.

Дурь (бабья) до добра не доведетъ. Рассказъ. Изд. ред. жур. „Досугъ и Дѣло“. Спб., 1886 г. 8 д., 30 стр., 500 экз.

Ждановъ, А. Родная грамота. Посobie при совмѣстномъ обученіи чтенію и письму по звуковому методу. Харьков., 1886 г. Тип. губ. прав. 8 д., 20 стр., 3,000 экз.

Кладъ (Старо - Рязанскій). Истин. происшествіе. Изд. ред. жур. „Досугъ и Дѣло“. Спб., 1886 г. 8 д., 24 стр., 500 экз.

„Конецъ - Горбуновъ“. Русская народ. сказка (въ стихахъ съ картинками). Изд. В. Шатаева. Спб., 1886 г., 16 д., 64 стр., 6,000 экз.

Кругловъ, А. Въ гостяхъ. Очеркъ. (Дешев. дѣт. библиотека). Изд. книж. маг. Д. Федорова. Спб. 12 д., 68 стр., 3,000 экз. Ц. 20 к.

„Купецъ Иголкинъ“. Быль изъ временъ Петра Великаго. Изд. ред. жур. „Досугъ и Дѣло“. Спб., 1886 г. 8 д., 17 стр., 1,000 экз.

Левицкій, М. О научномъ и ремесленномъ образованіи слѣпыхъ. Спб., 1886 г. Тип. В. Безобразова и К^о. 8 д., 34 стр., 625 экз.

Не давши слова—вѣрнись, а давши—держись! Рассказъ. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 32 д., 15 стр., 12,000 экз. Ц. 1 к.

Неожиданное наслѣдство. Рассказъ. Изд. ред. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1886 г. 8 д., 12 стр., 2,000 экз. Ц. 4 к.

Никитинъ, Иванъ Савичъ, и его стихотворенія. Изд. ред. жур. „Досугъ и Дѣло“. Спб., 1886 г. 8 д., 56 стр., 1,500 экз.

Отольются сиротскія слезы. Рассказъ. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 32 д., 14 стр., 12,000 экз. Ц. 1 к.

Панъ Твардовскій (польскій колдунъ XVI вѣка). Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 16 д., 36 стр., 9,600 экз.

Повѣствованіе (Восточное) о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 16 д., 35 стр., 12,000 экз.

Покровский, Н. Рус. хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ средне-учеб. заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянс. текста. Час. П. Правописаніе академическое. Изд. книж. маг. М. Наумова. М., 1886 г. 8 д., 309 стр., 2,400 экз. Ц. 75 к.

Портной и чертъ. Народ. сказка. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 16 д., 36 стр., 12,000 экз.

Потеряешь терпѣніе, загубишь и счастье. Рассказъ. Изд. ред. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1886 г. 8 д., 44 стр., 2,000 экз. Ц. 15 к.

Правдинъ, П. Письма педагога и примѣрная свѣта расходовъ для учителя сред. учеб. заведеній. Полтава, 1886 г. Тип. Н. Пигуренко. 8 д., 73 стр., 1,500 экз. Ц. 50 к.

Приди ты, немощный! Приди ты, радостный! Рассказъ. Изд. О. Лузиной. М., 1886 г. 32 д., 16 стр., 12,000 экз. Ц. 1 к.

Проклятое село. (Бнль). Изд. О. Луиной. М., 1886 г. 32 д., 15 стр., 12,000 экз. Ц. 1 к.

Рассказы (малорусские, имористические). (Народ. библиотека). М., 1886 г. Тип. И. Малышева. 8 д., 23 стр., 6,000 экз. Ц. 3 к.

Ремезовъ, М. Зарокъ пчелница. Рассказъ. М., 1886 г. Тип. и изд. И. Ситкина и К^о. 15 д., 35 стр., 12,000 экз.

Сафоновъ, А. Дѣдушка и внучка. Сказка. Спб., 1886. Тип. Ю. Штауфа (И. Фишона). 12 д., 52 стр., 1,000 экз. Ц. 40 к.

Сборникъ народ. новѣстей. Изд. книгопр. Е. Губанова. М., 1886 г. 8 д., 178 стр., 1,200 экз.

„Святель“. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній для дѣтей. Подъ редак. П. Засодимскаго. Спб., 1886 г. Тип. Ю. Эрлихъ. 8 д., 147 стр., съ рисун. въ текстѣ, 2,000 экз. Ц. 1 р.

Тепловъ, В. Два яблока. Дѣтскій рассказъ. К., 1886 г. Тип. С. Кульженко. 8 д., 19 стр., 600 экз. Ц. 30 к.

Толстой, Л. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Изд. книж. склада „Посредникъ“. М., 1886 г. 16 д., 33 стр., 24,000 экз.

Толчкова, Т. Благовѣщеніе. Пѣвѣсть. М., 1886 г. Тип. М. Волчаннинова. 8 д., 43 стр., 3,600 экз. Ц. 15 к.

Туръ, Е. Черезъ край. Рассказъ. М., 1886. Универс. тип. 8 д., 64 стр., 1,200 экз. Ц. 40 к.

Ты несчастенъ, но есть много несчастіе тебя. Рассказъ. Изд. О. Луиной. М., 1886 г. 32 д., 14 стр., 12,000 экз. Ц. 1 к.

Фра-дьяволъ, страшный атаманъ-разбойникъ. Рассказъ. Изд. О. Луиной. М., 1886. 12 д., 36 стр., 9,600 экз.

Холмогоровъ, И. Таблица словъ съ буквою Ъ въ корняхъ, съ прилож. алфавит. списка тѣхъ же словъ. К., 1886 г. Тип. С. Кульженко. 8 д., 43 стр., 1,000 экз. Ц. 75 к.

Царь Крезъ и учитель Соломъ и др. рассказы. М., 1886. Тип. И. Ситкина и К^о. 12 д., 34 стр., 24,000 экз.

Шумахеръ, А. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II-го. Историч. рассказъ для народ. чтенія. (Удостоенъ почет. отзыва спб. к-та грамотности). Съ портретомъ. Спб., 1886 г. Тип. С. Добродѣва. 8 д., 164 стр., 3,000 экз. Ц. 50 к.

Экспедиція (Ахаль-текинская) 1879 г. Съ 9 рисунками. Изд. ред. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1886 г. 8 д., 68 стр., 2,000 экз. Ц. 25 к.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Amégo (Constant). Le Tour de France d'un petit parisien. Sans nom. Paris, 478 p. in 18. 1 p. 50 k.

Anglemont (A. Privat d'). Paris inconnu. Avec une étude sur la vie de l'auteur par Alfred Delvau. Paris, 1886. 355 p. in 8. 6 p.

Beautivel (E. G.). La Maitresse de Mazarin. Paris, 1885. 286 p. in 18.

Bourget (Paul). Un Crime d'amour. Paris, 1886. II et 299 p. in 18.

Buet (Charles). Madame la connétable. Le Curé de Marcellaz. Paris, 1886. 340 p. in 18. 1 p. 75 k.

Cadol (Edouard). Le Cheveu du diable. Voyage fantastique au Japon. Paris. 138 p. in 8.

Case (Jules). La Fille à Blanchard. Paris, 1886. II et 288 p. in 18. 1 p. 75 k.

Caze (Robert). Les Femmes. Grand' mère. Paris, 1886. 347 p. in 18.

Caze (Robert). Dans l'intimité. Paris, 1886. 290 p. in 18.

Champsaur (Félicien). Entrée de clowns. Paris, 1885. 282 p. in 18. 2 p. 50 k.

47, Chaussée-d'Antin. Récits, contes et nouvelles par MM. Jean d'Alession, Philibert Audebrand, Eugène d'Auriac, etc., etc. Paris, 1886. XV et 469 p. in 18. 1 p. 75 k.

Condillac (Jeanne de). Régénérée. Paris. 1 et 283 p. in 18.

Cordier (Auguste). La Baignoire. Origine, instruction judiciaire, péripéties d'un crime. Paris, 1886. 572 p. in 8.

Drack (Maurice). Les Buffians de Paris. La Revanche de Caillebotte. Paris, 1885. 338 p. in 18.

Dubarry (Armand). L'Amour au monastère. Paris, 1886. II et 364 p. in 18.

Etincelle. L'Impossible. Roman parisien. Paris, 1886. 334 p. in 18. 1 p. 75 k.

Féval (Paul). L'Oncle Louis. Paris, 1886. Tome I. L'Aventurier. 378 p. Tome II. Les Filles de Penhoel. 390 p. in 18.

Fourniels (Roger des). Floréal. Paris, 1886. 294 p. in 18.

Gastyne (Jules de). L'Abandonné. Paris, 1886. 389 p. in 18. 1 p. 75 k.

Gastyne (Jules de). Le Séquestré. Paris, 1886. 317 p. in 18. 1 p. 50 k.

Gaulot (Paul). L'Illustre Casanbon. Paris, 1886. 312 p. in 18. 1 p. 75 k.

Giroudon-Pralon (F. de). Une Femme. Paris, 1886. 418 p. in 18. 1 p. 75 k.

Gourmont (Remy de). Merlette. Paris. 287 p. in 18. 1 p. 75 k.

Grandfort (Manoël de). La Cousine d'André. Paris, 1886. 318 p. in 18.

Houssaye (Arsène). Les Grandes da-

mes. Edition définitive. Paris, 1886. VIII et 450 p. in 18.

Macé (G.). La police parisienne. Mon premier crime. Paris, 1885. 327 p. in 18.

Malot (Hector). Baccara. Paris, 1886. 394 p. in 18.

Mary (Jules). Les Vaincus de la vie. L'Ami du mari. Paris, 1886. 383 p. in 18. 1 p. 75 k.

Matthey, A. (Arthur Arnould). Thérèse Buisson. Paris, 1886. 398 p. in 18. 1 p. 50 k.

Matthey, A. (Arthur Arnould). Marcelle Mauduit. Paris, 1886. 427 p. in 18. 1 p. 75 k.

Mendés (Catulle). Les Trois chansons. La Chanson qui rit. La Chanson qui pleure. La Chanson qui rêve. Paris, 1886. 312 p. in 18.

Montégut (Maurice). La Faute des autres. Paris, 1886. 343 p. in 18.

Montépin (Xavier de). P. L. M. Les Yeux d'Emma-Rose. Paris, 1886. Tome I, 298 p. Tome II, 282 p. in 18.

Narrey (Charles). L'Education d'Achille. Paris, 1886. II et 267 p. in 18. 1 p. 75 k.

Pont-Jest (René de). Sang-Maudit. La Louve. Paris, 1886. 321 p. in 18. 1 p.

Renan (Ernest). 1802. Dialogue des morts. Paris, 1886. 12 p. in 8. 50 k.

Théo-Critt. Le Sénateur Ignace. Paris, 1886. 283 p. in 18. 1 p. 75 k.

Tolstoï (comte Léon). Les Cosaques. Souvenirs de Sébastopol. Traduits du russe. Paris, 1886. 310 p. in 18. 1 p. 50 k.

Ulbach (Louis). Amants et maris. Paris, 1886. 85 p. in 8. 2 p. 50 k.

Zola (Emile). L'Oeuvre. Paris, 1886. 491 p. in 18. 1 p. 75 k.

(Les Rougon-Macquart. Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second empire. Vol. 14).

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФИЯ. — МЕМУАРЫ.

Fabre (Eugène). Biographies et récits maritimes. Voyages et combats. 2-me série. Le Contre-Amiral Bouvet. Nos corsaires. Paris, 1886. 477 p. in 8.

Holynski (Alexandre). Nubar-Pacha devant l'histoire. Paris. VIII et 148 p. in 18.

Lecock (Georges). Notes et documents sur Fouquier-Tinville. Paris, 1885. 61 p. in 8. 4 p.

Précis de la campagne de 1805 en Allemagne et en Italie. Bruxelles, 1886. XVIII et 267 p. in 18.

Saint-Amand (Imbert de). Les Femmes de Tuileries. Marie-Louise, l'île d'Elbe et les cent-jours. Paris. 311 p. in 18.

Wallon (H.). La Révolution du 31 Mai et le fédéralisme en 1793 ou La France vaincue par la commune de Paris. Paris,

1886. Tome I, VII et 547 p. Tome II, 542 p. in 8. 7 p. 50 k.

Weiss (N.). La Sortie de France pour cause de religion de Daniel Brousson et de sa famille. 1685—1693. Publiée pour la 1-fois avec une introduction et des notes. Paris, 1885. XXXVIII et 116 p. in 18. 2 p.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Haussonville (comte d'). Etudes sociales. Misère et remèdes. Paris, 1886. 552 p. in 8. 4 p.

Molinari (G. de). Conversations sur le commerce des grains et la protection de l'agriculture. Nouvelle édition. Paris. XII et 314 p. in 18. 1 p. 75 k.

Raffalovich (Arthur). La Ligue pour la défense de la liberté et de la propriété en Angleterre et le socialisme agraire de M. Chamberlain. Préface de M. Léon Say. Paris, 1886. XVIII et 70 in 32. 75 k.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Brière (L. de la). L'Autre France. Voyage au Canada. Paris, 1886. III, II et 149 p. in 8.

Hübner (baron de). A travers l'Empire britannique (1883—1884). Paris, 1886. Tome I, 502 p. Tome II, 566 p. in 8. 7 p. 50 k.

Laveleye (Emile de). La Péninsule des Balkans. Viennne, Croatie, Bosnie, Serbie, Bulgarie, Roumélie, Turquie, Roumanie. Bruxelles, 1886. Tome I, 360 p. Tome II, 435 p. in 8.

Vaujany (H. de). Description de l'Egypte. 2-me partie. Alexandrie et la Basse-Egypte. Paris, 1885. 279 p. in 18.

МЕДИЦИНА.—ЕСТЕСТВЕН. НАУКИ.

Cochin (Denys). L'Evolution et la vie. Paris, 1886. 306 p. in 18.

МАТЕМАТИКА.—ФИЗИКА.—ХИМИЯ.—АСТРОНОМИЯ.

Guillemin (Amédée). Le Monde physique. Tome IV. La Chaleur. Paris, 1884. 772 p. in 4. 75 k.

ЛИНГВИСТИКА.

Kerckhoffs (Aug.). Langue commerciale internationale. Cours complet de volapük, contenant des thèmes et des versions avec corrigés et un vocabulaire de 2,500 mots. Paris, 1886. 144 p. in 18.

ПЕДАГОГИЯ.

Bigot (Charles). Questions d'enseignement secondaire. Paris, 1886. XV et 315 p. in 18. 1 p. 75 k.

Lenval (baron de). Quelques pensées sur l'éducation morale. Paris, 1886. 169 p. in 8. 2 p. 50 k.

Vanderkindere (Léon). Histoire contemporaine. Manuel à l'usage de l'enseignement moyen (classe de rhétorique) et de l'enseignement supérieur. Bruxelles, 1885. VI—419 p. in 18.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Becker (B.). Zinzendorf im Verhältniss zu Philosophie und Kirchenthum seiner Zeit. Lpz., 1886. VIII und 580 S. in 8.

Blanckmeister (Fr.). Justus Möser, der deutsche Patriot, als Apologet des Christenthums. Heidelberg.

Eucken (R.). Die Philosophie des Thomas von Aquino und die Kultur der Neuzeit. Halle. 54 S. in 8.

Falckenberg (R.). Geschichte der neueren Philosophie von Nikolaus von Kues bis zur Gegenwart. Lpz., 1886. VIII und 493 S. in 8.

Rocholl (R.). Rupert von Deutz. Beitrag zur Geschichte der Kirche im XII Jahrhundert. Gütersloh, 1886. X und 335 S. in 8.

Rudgier's geistliche Reden. Herausgegeben von Dr. Franz Doppelbauer. Wien. XVI und 454 S. in 8.

Sommer (H.). Die positive Philosophie August Comte's. Berlin, 1886. 48 S. in 8.

БЕЛЕТРИСТИКА.

Alexander (F.). Leo der Flüchtling, oder: Die Strassenbettlerin von New-York. Berlin. 1—10 Heft. (I Th.) 272 S. in 8.

Boeck Derboeck (C. v. der). Die Pflgetochter der Königin. Historische Erzählung. Berlin. 218 S. in 8.

Boehn (M. U. v.). Ave Marial Der Roman eines Protestanten. Mainz, 1885. 191 S. in 12.

Byr (R.). Dora. Roman. Jena, 1886. I Bd. 260 S.; II Bd. 315 S. in 8.

Damaskus (W.). Millionen-Diebstahl. Sensations Roman. Dresden. 1 und 2 Heft. 48 S. in 8.

Ebner-Eschenbach (M. v.). Neue Dorf- und Schlossgeschichten. Berlin, 1886. 208 S. in 8.

Eckstein (E.). Violanta. Lpz., 1886. 291 S. in 8.

Eschstruth (N. v.). Gänseliesel. Eine Hofgeschichte. Berlin, 1886. I Bd. 312 S.; II Bd. 295 S. in 8.

Fels (R. v.). Neidoscha. Roman. Breslau, 1886. 309 S. in 8.

Gensichen (O. F.). Vier Erzählungen: Frühlingsstürme; Lucretia; Finela; Weihnachtsglocken. Berlin, 1886. 159 S. in 8.

Goldschmidt (M.). Der Rabe. Erzählung. Berlin und Stuttgart. 215 S. in 8.

Heiberg (H.). Eine vornehme Frau. Lpz., 1886. 330 S. in 8.

Humor, Wiener. Sammlung von meist neuen humoristischen Vorträgen für Damen und Herren. Herausgegeben von C. A. Friese. Wien, 1886. 1 Heft. 48 S. in 8.

Kretzer (M.). Im Riesennest. Berliner Geschichten. Lpz., 1886. 155 S. in 8.

Lorm (H.). Die Schöne Wienerin. Roman. Jena, 1886. 404 S. in 8.

Mayerhofer (J.). Harmlose Humoresken. Kempten, 1886. VI und 55 S. in 8.

Michailoffski (B.). Ella, die Perle von Thüringen, oder: Das Kind des Geächteten. Dresden. 1—41 Heft: 984 S. in 8.

Musäus (F.). Comment und Cerevis! Humoristische Erzählungen aus dem Studentenleben. Lpz. 167 S. in 8.

Perfall (K. v.). Die Langsteiner. Süddeutscher Roman. Düsseldorf. I. Bd.: 168 S.; II Bd.: 202 S. in 8.

Ring (M.). Das Kind. Ein falscher Name. Zwei Stadtgeschichten. Berlin, 1886. 214 S. in 8.

Rothenburg (A. v.). Die Hochzeitsreise.—Das Käthchen von Riedbach.—Eine Geschichte aus der Hinkelsgasse. Herborn, 1886. 270 S. in 8.

Sacher-Masoch. Im Venusberg und andere Geschichten von den Messalinen Wiens. Berlin, 1885. 100 S. in 8.

Schmidt-Weissenfels. Die Meidigenen. Roman. Berlin, 1886. 280 S. in 8.

Schwarzkopf (G.). Die Bilanz der Ehe. Novellistische Studien. Dresden und Lpz., 1886. II Band: Dubiosa. 213 S. in 8.

Serao (M.). Die Märtyrer der Phantasie. Roman. Deutsche Uebersetzung von H. Meister. Jena, 1886. 471 S. in 8.

Welck (M. v.). Novellen. Lpz., 1886. 334 S. in 8.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМОАРЫ.

Bismarck in Versailles. Erinnerungen an Versailles 1870—1871. Von ***. Lpz., 1886. VI und 280 S. in 8.

Düntzer (H.). Goethes Verehrung der Kaiserin von Oesterreich Maria Ludovica Beatrix von Este. Köln und Lpz., 1885. XIV und 107 S. in 8.

Ecker (A.). Hundert Jahre einer freiburger Professoren-Familie. Biographische Aufzeichnungen. Freiburg. i./B., 1886. 156 S. in 8.

Hassencamp (R.). Geschichte Irlands von der Reformation bis zu seiner Union mit England. Lpz., 1886. VIII und 344 S. in 8.

Henne am Rhyn (O.). Kulturgeschichtedes deutschen Volkes. Berlin, 1886. I Abth. 192 S. in 4.

Kerner (J.). Das Bilderbuch aus meiner Knabenzeit. Erinnerungen aus den Jahren 1786 bis 1804. Stuttgart, 1886. VIII und 419 S. in 8.

Kohut (A.). Moderne Geistesheroen. Biographisch-kritische Charakterbilder und Porträt-Skizzen aus der Gegenwart. Berlin, 1886. VIII und 219 S. in 8.

Löher (Fr. v.). Beiträge zur Geschichte und Völkerkunde. Frankf. a./M. II Bd.: 1886. 492 S. in 8.

Meyer (R. M.). Jonathan Swift und G. Ch. Lichtenberg. Zwei Satiriker des XVIII Jahrhundert. Berlin. VIII und 84 S. in 8.

Proels (R.). Heinrich Heine. Sein Lebensgang und seine Schriften. Stuttgart, 1886. 393 S. in 8.

Räder (A.). 50 Jahre deutscher Bühnen-Geschichte (1836—1886). Berlin, 1886. VI und 234 S. in 8.

Reumont (A.). Charakterbilder aus der neueren Geschichte Italiens. Lpz., 1886. VIII und 295 S. in 8.

Sosnowski (M. E.). Lebensabriss des Grafen Eduard Kaczynski. Posen, 1885. 25 S. in 8.

Wobeser (H. v.). Henry M. Stanley und Dr. Pechuel-Loesche. Lpz., 1886. 53 S. in 8.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Haffner (P.). Die Bacillen des socialen Körpers. Ein historisch-politischer Versuch. Frankfurt a./M. und Luzern, 1885. I Heft. 80 S. in 8.

Jende (P.). Schule und Volkswirthschaft. Berlin, 1886. 40 S. in 8.

Jodl (Fr.). Volkswirthschaftslehre und Ethik. Berlin, 1886. 36 S. in 8.

Reile (E. v.). Die Zukunft der Polen und ihre Politik in Rücksicht auf eine einstige Wiederherstellung des Königreichs. Berlin, 1886. 24 S. in 8.

Weber (M.). Ueber die socialen Pflichten der Familie. Gesammelte populäre Aufsätze. Berlin, 1886. 166 S. in 8.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Bernhardi (Ch. v.). Reise-Erinnerungen aus Spanien. Blätter aus einem Tagebuche. Berlin, 1886. 482 S. in 8.

Chalmers (J.) und **W. W. Gill**. Neu-guinea. Reisen und Missionsthätigkeit während der Jahre 1877 bis 1885. Lpz., 1886. XXXIV und 304 S. in 8.

Christ (H.). Eine Frühlingsfahrt nach den Canarischen Inseln. Basel, Genf und Lyon, 1886. VIII und 249 S. in 8.

ИСКУССТВО.

Kienzl (W.). Miscellen. Gesammelte Feuilletons und Aufsätze über Musik, Musiker und musikalische Erlebnisse. Lpz., 1886. VIII und 335 S. in 8.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Bassett (Fletcher S.). Legends and Superstitions of the Sea and of Sailors in all Lands and at all Times. London, 1885. pp. 505 in 18.

Esterre-Keeling (Elsa d'). A Laughing Philosopher, being the Revelations of an Infant in arms. An Absurdity together with two comic Plays. Leipzig, 1886. pp. 270 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2391).

Green (Anna Katharine). The Mill Mystery. London, 1886. pp. 187 in 18.

Kingsley (Rose G.). The Children of Westminster Abbey. London: 1886. pp. 294 and III in 18.

Lord Lynne's Choice. Ingledew House. By the Author of „Dora Thorne“, etc. London. pp. 204 in 18.

Marshall (Emma). No XIII; or, The Story of the Lost Vestal. Leipzig, 1886. pp. 278 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2388).

Porter (Admiral). Incidents and Anecdotes of the Civil War. New-York, 1886. pp. 357 in 8.

Yonge (Charlotte M.). Nuttie's Father. Leipzig, 1886. Vol. I. pp. 296. Vol. II, pp. 264 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2389—2390).

ИСТОРИЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Allen (Joseph). Life of Nelson. With an introduction by the Rev. Hugh Reginald Haweis. London, 1886. pp. II—160 in 12.

Macpherson (R. B.). Under the Red Crescent: or, Ambulance Adventures in the Russo-Turkish War of 1877—78. London, 1865. pp. XV—213 in 18.

Swinburne (Algernon Charles). A Study of Victor Hugo. London, 1886. pp. VI and 148 in 18.

Smith (G. Barnett). The Prime Ministers of Queen Victoria. London, 1886. pp. 1 and 424 in 8.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУ-
ТЕШЕСТВІЯ.

Lowell (Percival). Chosön the Land of the Morning Calm. A sketch of Korea. London. pp. X and 412 in 4.

Pelleschi (Giovanni). Eight Months on the Gran Chaco of the Argentine Republic. London, 1886. pp. XV and 311 in 18.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Іюль. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Д. А. Корсакова.—Безвѣстная. Разсказъ. XI—XIX. (Оконч.) П. Д. Боборыкина.—Росія и Европа въ эпоху крымской войны. Бар. А. Г. Жомини.—Вѣщенный воликъ. Истинное происшествіе Т. А. Кузьминской.—Межевые обряды прежнихъ временъ. Очеркъ изъ сравнительной исторіи культуры. М. И. Кулишера.—Гелимеръ. Историч. ром. изъ врем. Юстиніана В. Соч. Ф. Дана. XIII—XXIV. А. Э.—Допетровское преданіе въ XVIII в. І. Старина въ нравахъ и бытовыхъ понятіяхъ. А. Н. Пыпина.—Поэзія и проза войны. Л. І. Сленинскаго.—Психологія творчества въ романѣ Э. Золя.—Emile Zola l'Ouvrre. К. К. Арсеньева.

РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ. Май. Вышнія сношенія Россіи въ эпоху крымской войны. Гл. VI. С. С. Татищева.—Въ долині Іордана. (Оконч.) А. В. Елисеева.—Сельское хозяйство въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ. Гл. I—V. К. Θ. Головина.—Болѣзнь времени. Конецъ первой части. В. П. Желиховскоѣ.—Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. XXI—XXII. В. В. Крестовскаго.—Дядюшка Михаилъ Петровичъ. (Оконч.) К. Орловскаго.—Къ совершеннѣйшю нашего новаго суда. Изъ личныхъ наблюденій. Н. В. Щербанинъ.—Графъ Мерси-Арженто при дворѣ Екатерины II. ***.—Изъ исторіи воронежскаго края. По поводу 300 лѣтняго юбилея города Воронежа. М. А. Веневитинова.

НАВЛЮДАТЕЛЬ. Май. Иривархъ Плутарховъ. Романъ. Максима Бѣлинскаго. (Продол.).—Трехмѣсячій миръ. Аббата Маро (бывшаго священ. Большой Ролетской тюрьмы).—Корейскій вопросъ. В. П. Попова.—Изъ странныхъ разсказовъ. Грентъ-Аллена.—Безправная. Пов. К. В. Назарьевой.—Прожителі жизни. Альберта Вольфа. (Оконч.).—Что такое „перепроизводство“? (Экономич. этюдъ). Я. Л. Папера.—Мать и дочь. Романъ. Ж. Онэ. (Перев. Лѣтнева.).—Нѣмецкія заботы о русскомъ балтійскомъ поморьѣ. Гр. П. А. Голицына.—Василій Николаевичъ Татищевъ. В. П. Безобразова.—Идеаль. Ром. Эмиля Золя. (Прод.).

СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ. Май. Изъ невозвратнаго прошлаго. (Оконч.). Г. Мачтега.—Буддійскій нравственный типъ. В. Лесевича.—Труженники (очерки народн. жизни). Н. Златовратскаго.—Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. (Продол.). А. Скябичевскаго.—Лондонскій оборванецъ. Разск. Меери Гулла.—Изъ двухъ міровъ. Ром. Карменъ Сильва.—Ученіе о нравственности Кавелина. В. В.—Дурмановци и балабановци. Пономарева.—Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи. П. С.—Каго.—Областній отдѣлъ: Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе? Ф. Щербанинъ.—Дореформенная народная школа. Е.—Еще о чиншевомъ вопросѣ.—Изъ провинціальной печати.

РУССКАЯ СТАРИНА. Июнь. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. I—II. Сообщ. Л. М. Чичагова.—Отечественная война въ разсказѣ и письмахъ генер. Чаплица, 1812 г. Сообщ. Л. М. Чичаговъ.—Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мердери, 1834 г.—Цесаревичъ Александръ Николаевичъ при вѣсти о кончинѣ К. К. Мердера, 1834 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти. Очеркъ, состав. Ад. П. Берже.—Кавказъ и его военачальники, 1854—64 г. Очеркъ. Сост. И. С. Крайцовъ.—Последніе дни въ русской Америкѣ. Изъ записокъ очевидца. М. И. Вавилова. Гл. V.—Походъ русской арміи въ Индію. Проектъ генер.-лейтенант. Евг. Егоровъ.—Николай Ивановичъ Костомаровъ, 1857—1876 г. Воспомин. Н. А. Бѣловерской. (Оконч.).—Записки Леонида Львовича Леонидова. Представ. трагед. „Смерть Іоанна Грознаго“, 1860 г.—Гавриилъ Якимовичъ Ломакинъ. Автоб. записки, съ примѣчан. В. В. Стасова.—Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830—40 г. Воспомин. А. Д. Галахова.—Алексѣй Алексѣевичъ Олинцовъ † 16 апр. 1886 г.—Волнский, Ерошкинъ и Хрущевъ. 1) Родословіе и 2) Памятникъ на могилѣ. Сообщ. Д. Николь и М. М. Городецкій.

РУССКІЙ АРХИВЪ. Июнь. Письма русскихъ людей къ Вольтеру: И. И. Беккаго, гр. А. П. Шувалова и гр. А. Р. Воронцова.—Самозванецъ Медоксъ (для истор. рус. театра). Ярославскаго старожила.—Изъ бумагъ князя Потемкина.—Письмо гр. П. В. Кочубея къ чернигов. губерн. Френдорфу съ толкованіемъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ.—Письмо сенатора Телова къ Государю послѣ Тильзитскаго мира.—Турецкій документъ изъ эпохи греческаго возстанія. Въ переводѣ съ подлинника, съ предис. М. А. Гамазова.—Воспоминанія А. С. Гангелова: „Какъ я попалъ въ декабристы“ и что затѣмъ послѣдовало.—О декабристѣ Г. С. Батенковѣ. А. И. Лучшева.—Письмо археолога В. М. Ундольскаго къ А. Н. Попову.‡

КІЕВСКАЯ СТАРИНА. Июнь. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. Арсенія Селедцкаго.—Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе юной Руси къ концу XVI в. А. Архангельскаго.—Малорусскія плянцкія пѣсни. Н. Э. Сумцова.—Кіево-печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. (Продолж.).—Неизданныя произведенія Т. Г. Шевченко. I. Слѣвая (поэма).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Июнь. Голода въ Россіи. Историч. очеркъ. В. Н. Щепкина.—Свадебный бунтъ. (Прод.) Гр. Е. А. Салиаса.—Воспоминанія. Гл. IV. (Прод.). Гр. В. А. Соллогуба.—Болгарія и восточная Румелия послѣ Берлинскаго конгресса. (Историч. очеркъ). Гл. III. П. А. Матвѣева.—Геральдическій туманъ. (Замѣтки о родовыхъ прозвищахъ). Н. С. Лѣскова.—Никитскій монастырь. А. А. Титова. (Съ иллюстрац.). Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шана. (Оконч.). Н. В. Сорокина. (Съ иллюстр.).—Область отроженной личности. (По поводу пятидесятилѣтія „Ревизора“). О. Э. Миллера.—Общность нѣкоторыхъ всемирныхъ обычаевъ. А. И. Савельева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИГИ.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: Сочиненія <i>гг. Л. Н. Толстаго</i>	275
Философія: „Философскій Трехмѣсячникъ“.—„О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“. <i>Н. Грота</i> . — „Изложеніе и критика современныхъ системъ морали“. <i>Альфреда Фулме</i>	386
Публицистика: „Die Landesverweisungen aus Preussen und die Erhaltung des Deutschtums an der Ostgrenze“. <i>A. von Randow</i>	389
Исторія: „Экскурсы въ сказочный міръ“. <i>М. Н. Комарова</i> .—„Исторія города Рима въ средніе вѣка“. <i>Ферд. Грегоровіуса</i>	391
Политическая экономія: „Интензивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика“. <i>И. Тарасова</i> .—„Общинное землевладѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльческій, экономическій и торговый кризисъ въ Россіи“. <i>Ф. Баръ</i>	394
Языковѣдѣніе: „Русскій Меццофантъ“. <i>А. В. Старчевскаго</i>	398
Естествознаніе: „Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ“. <i>М. А. Мензбира</i> .—„Пещеры-ледники“. <i>Ю. Листова</i> .—„Электричество въ домашнемъ быту“. <i>Э. Госпиталье</i> .—„Практическій курсъ физиологіи“. <i>Проф. Бурдона-Сандерсона, Форстера и Брунтон</i>	401
Медицина: „Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни“. <i>Проф. В. М. Тарновскаго</i> . — „О причинахъ заболѣваній нервной системы“. <i>Д-ра А. Штрюмпеля</i> .—„Болѣзни зубовъ“. <i>Е. Андриѣ</i> .—„Курсъ формациі“. <i>Проф. В. А. Тихомирова</i> .—„Домашніе аптечка и лечебникъ“.	405
Сельское хозяйство: „Исслѣдованіе современного состоянія скотоводства въ Россіи“. — „Плужная запряжка“. <i>В. В. Черняева</i> .—„Выборъ и содержаніе локомотива“. <i>Е. Г. Котельникова</i> .—„Саранча и способы ея истребленія“. <i>К. Э. Линдемана</i> . — „Работы статистическаго бюро при пермской губернской управѣ: Матеріалы къ борьбѣ съ вредными насѣкомыми“. <i>Е. Краснопорова</i> . — „Отчетъ объ осмотрѣ припуртскихъ виноградниковъ южной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о филлоксерѣ въ Румуніи“. <i>И. М. Красильщика</i> . — О грибахъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ“. <i>Ею же</i>	411
Педагогика, учебники и дѣтскія книги: „Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des Geographischen Unterrichts“. <i>R. Lehmann</i> .—„Историческое чтеніе“. <i>Д. Иловайскаго</i> .—„Первая пчелка“. <i>Л. Помиванова</i> .—„Слово о полку Игоревѣ“. <i>В. Зарубина</i> .—„Краткій синтаксисъ греческаго языка“. <i>И. Страхова</i> .—„Краткій учебникъ всеобщей географіи“. <i>А. Линберга</i> . — „Подробный атласъ	

Россійской имперіи съ планами главнѣйшихъ городовъ". А. Ильина. — „Глѣздишею". Изд. ред. „Воспитанія и Обученія". — „Зарница". Изд. той же редакціи. — „Святель". П. Засодимскаго. — „Сказы Густафсона". — „Въ Крыму съ дѣтьми". С. Е. Лаврентьевой.	416
Книги для народа: „Какъ люди научились писать". В. А. Висковатова. — „Максимъ-самоучка". И. Борскаго. — „Судъ людской и Божій". А. Поюсскаго и Г. Полисадова. — „Тонулъ, да выплылъ". — „Камень-Кремневичъ". А. Поюсскаго.	426

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", май. — „Русскій Вѣстникъ", мартъ, апрель и май . 429

III. Указатель новыхъ книгъ. 1

IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы". — „Русскій Вѣстникъ". — „Наблюдатель". — „Сѣверный Вѣстникъ". — „Русская Старина". — „Русскій Архивъ". — „Кіевская Старина". — „Историческій Вѣстникъ". 13

у н

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

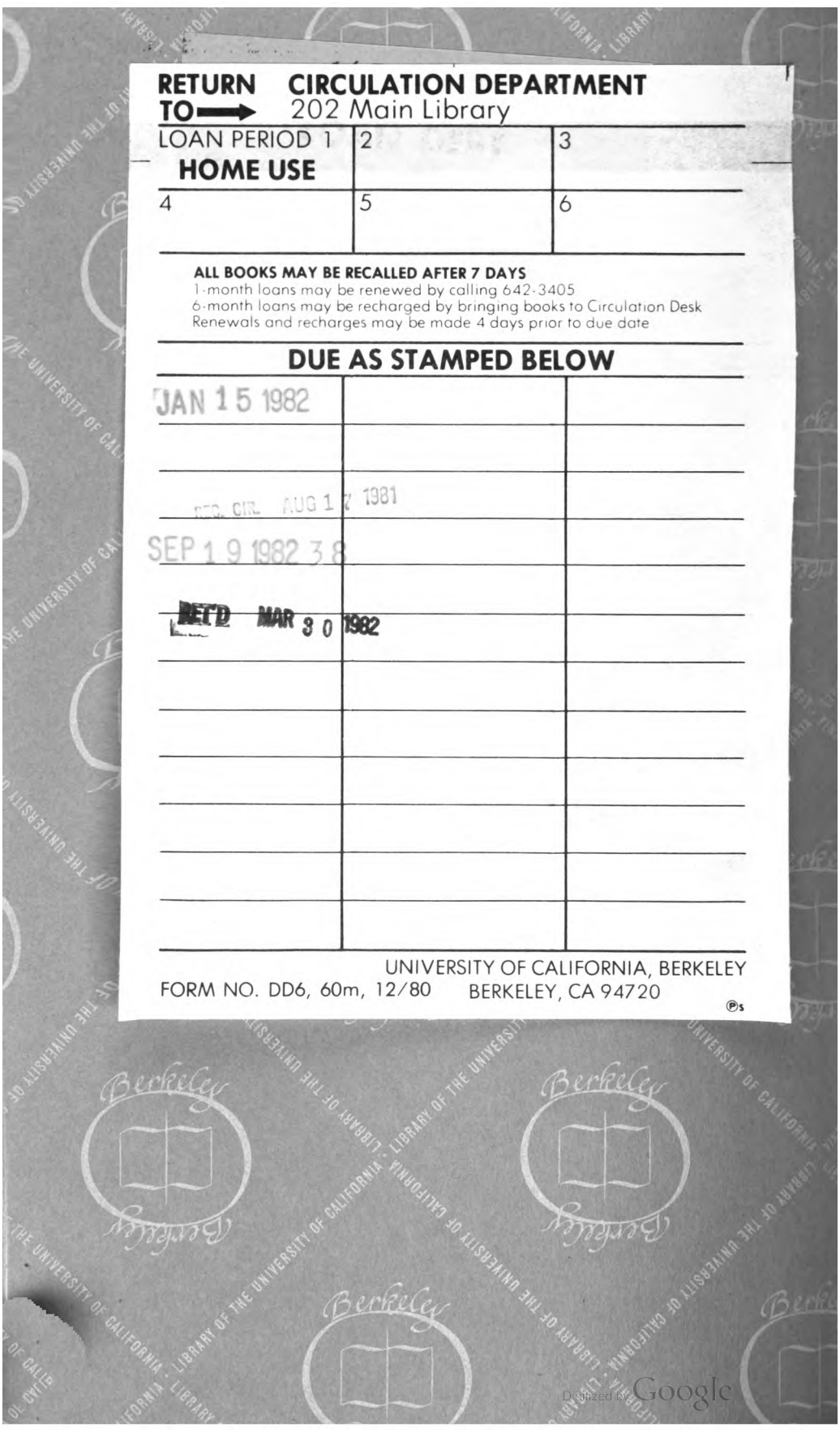
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 15 1982		
REC. CIR. AUG 17 1981		
SEP 19 1982 3 8		
~~REC'D~~ MAR 30 1982		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 12/80 BERKELEY, CA 94720

©s

C0081

